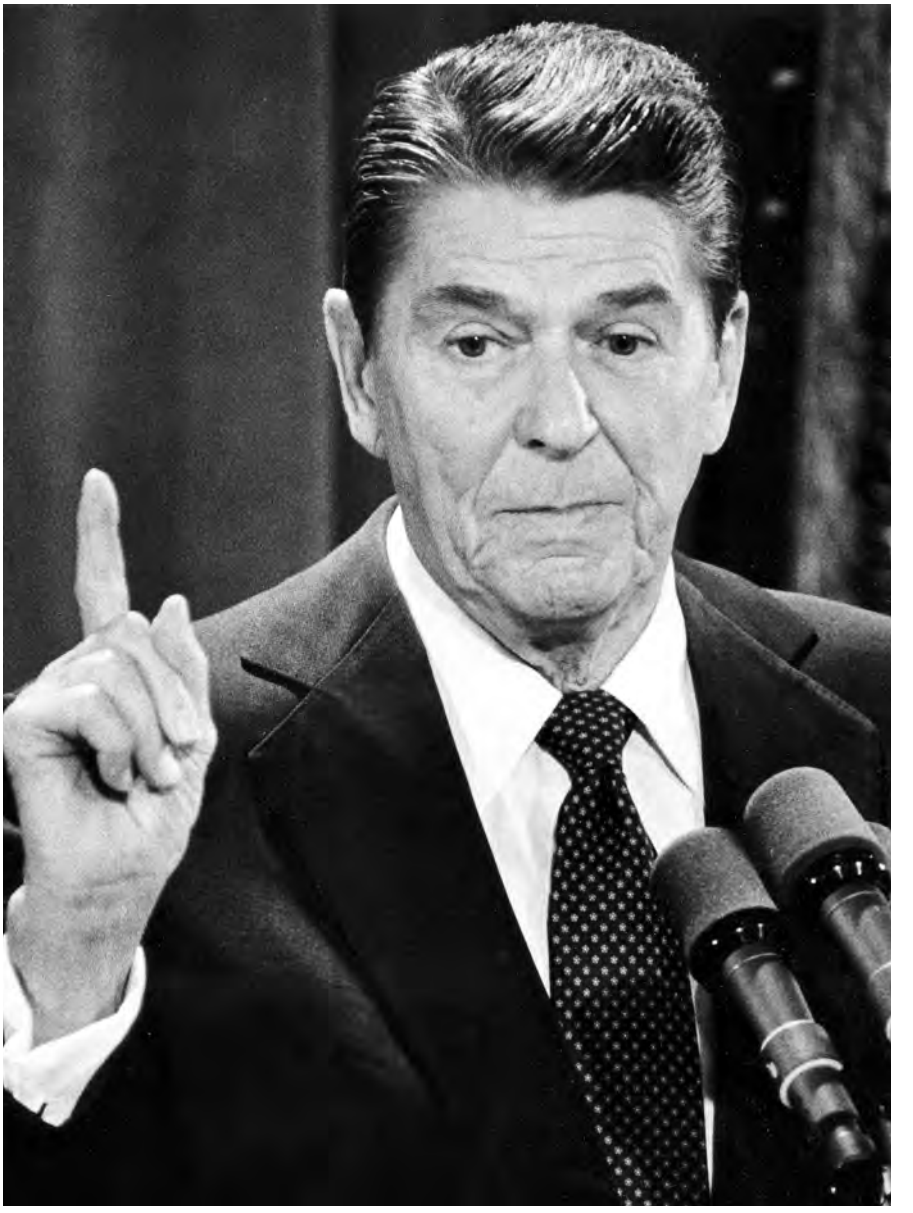
АМЕРИКА ПРОТИВ ВСЕХ

Геополитика, государственность и глобальная роль США: история и современность



Рональд Рейган,
40-й Президент США (1981–1989)

Америка сама по себе – это не причуда географии или политологии. Она – часть замысла Господа Бога по сохранению и распространению священного пламени человеческой свободы.

Рональд Рейган, 1991 год

Если фашизм когда-нибудь придет в Америку, то придет он под именем либерализма.

Он же, 1975 год.

АМЕРИКА ПРОТИВ ВСЕХ

Геополитика, государственность и глобальная роль США: история и современность

Москва
2023

УДК 001.51
ББК 99.1
А61

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ

Яковенко А. В., д-р юрид. наук, профессор, Чрезвычайный и Полномочный Посол (руководитель)
Манасенко К. А., канд. экон. наук (руководитель)
Карпович О. Г., д-р юрид. наук, д-р полит. наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
Крамаренко А. М., Чрезвычайный и Полномочный Посол
Егоров В. Н., канд. ист. наук, Чрезвычайный и Полномочный Посланник
Гришанов А. А., канд. полит. наук (ответственный секретарь)

А61 **Америка против всех.** Геополитика, государственность и глобальная роль США: история и современность. – М.: ООО «Содружество культур», 2023. – 588 с.

ISBN 978-5-6045984-0-5

Настоящее издание посвящено анализу и оценке исторической эволюции американской и в целом западной геополитической стратегии, рассмотренной через призму становления и развития США как государства.

Работа состоит из четырех частей, в которых прослеживается формирование в Америке экспансионистских и империалистических идей, исторические корни американской государственности (XVII–XIX вв.), распространение гегемонии США в различных регионах, а также в глобальном масштабе (с конца XIX в. до нашего времени). Книгу завершает анализ недемократической сущности США, а также глубоких противоречий, свойственных политическому и социально-экономическому устройству современной Америки. Отдельное внимание уделено российскому вкладу в сохранение государственности США и ряда других западных держав, в борьбу с германским нацизмом, японским милитаризмом и попытками их возрождения после 1945 г., а также роли нашей страны в сломе колониализма и противодействии неоколониальным практикам.

Представленный в книге анализ основывается на достижениях современной американистики и смежных дисциплин, широко используются документальные свидетельства, приведены обширные статистические данные и высказывания очевидцев и участников исторических событий. Отдельное внимание уделяется критическим оценкам общественно-политического строя и курса США, исходящим от видных западных интеллектуалов.

УДК 001.51
ББК 99.1

ISBN 978-5-6045984-0-5

© Коллектив авторов, 2023
© ООО «Содружество культур», оформление, 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 5

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
США в меняющемся мире: концепции, теории, доктрины 13

Глава 1. Американская геополитическая мысль: от истоков к современности 14
Глава 2. Американский подход к современному миропорядку 41
Глава 3. Доктринальные основы глобальной политики США 55
Глава 4. Глобализация, неолиберализм, «золотой миллиард» 73

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
Исторические корни американской государственности 106

Глава 5. Миф о «колыбели демократии» 109
Глава 6. Град на холме: духовные корни американского государства 122
Глава 7. Возникновение мифа о «Стране свободы»: прав ли был Алексис де Токвиль? 133
Глава 8. Агрессия на американской земле: Вашингтон учится завоевывать новые земли 148
Глава 9. «Суд Божий» над Америкой: Гражданская война 1861–1865 гг. 161
Глава 10. Геноцид на американской земле 181
Глава 11. Вклад России в сохранение американской государственности 207
Глава 12. Когда Америка была русской: геополитическое присутствие России на американском континенте в 1772–1867 годах 214

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
Становление «американской империи» 255

Глава 13. Доктрина Монро, «большая дубинка», панамериканизм и «дипломатия канонерок» 257
Глава 14. «Наконец-то мир узнает своего спасителя»: США в Первой мировой войне 279
Глава 15. «Не мир, а перемирие на двадцать лет»: США, Версаль и путь ко Второй мировой войне 297

Глава 16. США между мировыми войнами 315
Глава 17. США во Второй мировой войне: от Тихого океана до «внутреннего фронта» 336
Глава 18. Кто бомбил Хиросиму и Нагасаки? 367
Глава 19. Дорога к холодной войне 387
Глава 20. Холодная война и апофеоз «американской империи» 400
Глава 21. От холодной войны к многополярному миру: региональные аспекты американского стремления к гегемонии 433
Глава 22. Роль военных и невоенных инструментов в глобальной стратегии США 465

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
Власть народа, волей народа и для народа: являются ли США демократическим государством? 509

Глава 23. Понятие демократии и «геттисбергская формула» Линкольна 511
Глава 24. Власть народа? 518
Глава 25. Власть волей народа? 534
Глава 26. Власть для народа? 560
Глава 27. Как Америке стать подлинной демократией? 573
Глава 28. «Демократия по-американски» в глобальном масштабе 577

Введение

Америка, американцы, США, Вашингтон, Белый дом…

Все эти слова десятилетиями мелькают перед нами в СМИ и Интернете, звучат в политических дискуссиях, научных диспутах, в фильмах и сериалах, художественных книгах и научных трудах – и даже в застольных разговорах. В последние годы количество упоминаний Америки растет буквально взрывными темпами. Да и как может быть иначе в ситуации, когда США открыто объявляют Россию угрозой так называемому «свободному миру» и уже не пытаются скрыть, что фактически открыто воюют с нашей страной на поле боя на Украине (и в слабо завуалированной форме – на десятках других фронтах от Африки и Латинской Америки до космического и киберпространства).

Однако что же такое – Америка? Ответить на этот вопрос не так уж просто. В свое время У. Черчилль сказал, что Россия – это загадка, завернутая в тайну, помещенную внутрь головоломки. Вместе с тем современные США остаются такой же загадкой для миллионов россиян, а также жителей других государств и регионов. Как США смогли стать великой державой? Почему Америка претендует на роль мирового гегемона? Почему американцы и их лидеры искренне считают, что на США должно равняться остальное человечество? Почему в Америке так много говорят о свободе и демократии и при этом пытаются навязать свои устои остальному миру? Всегда ли США были враждебны России? Откуда берет свои корни американская русофобия? Все это, казалось бы, основополагающие вопросы, однако ответить на них зачастую непросто не только обывателю, но и специалисту.

Еще более парадоксальным выглядит то, что нередко еще меньше об Америке знают сами американцы! Многие граждане США не только не могут найти на карте свою страну, но и вообще не представляют, откуда взялись Соединенные Штаты, как они развивались и почему сегодня они такие, какие они есть. И это отнюдь не вина самих американцев, ставших жертвами идеологизированного подхода к образованию, десятилетиями внедряемого властями страны. Используемые в школах США учебники истории еще в середине XX века выродились в пропагандистские методички, местами напоминающие фантастические романы, тогда как попытки преподнести более взвешенную и правдивую трактовку американской истории воспринимаются в «Стране свободы» едва ли не как подрывная деятельность. Неслучайно выдающийся американский писатель Г. Видал в свое время назвал США «Соединенными Штатами Амнезии». Кстати говоря, борьба против откровенной фальсификации истории в школах и вузах США – важная часть работы критически настроенных американских интеллектуалов, среди которых можно назвать такие выдающиеся имена как Г. Зинн и Дж. Лёвен, чьи книги (например,

«Народная история США»[1] и «Ложь, которую рассказывал мне учитель»[2]) внесли огромный вклад в историческое просвещение американцев.

Америка – это не просто одно из современных государств на карте мира, но и сложное историческое явление, которое мало кто сегодня понимает. Отсюда проистекают многочисленные иллюзии, ошибки и заблуждения, которые мешают адекватно воспринимать США и выстраивать в их отношении эффективную политику. А ведь без глубокого осознания превратностей исторического пути Америки, без тщательного анализа того, в каком месте и по каким причинам она «свернула не туда», почему американские элиты возомнили себя избранными и развернули настоящий крестовый поход против всех несогласных, включая Россию, – без всего этого невозможно адекватно противодействовать все более агрессивным и непредсказуемым попыткам Вашингтона и его союзников сохранить свою глобальную гегемонию любой ценой.

Именно поэтому авторы настоящей работы искренне надеются на то, что читатели найдут ее актуальной и своевременной. В ней предпринята попытка нарисовать масштабную картину зарождения и развития американской гегемонии, начиная еще с тех времен, когда США не существовало на карте в качестве суверенного государства, и вплоть до момента обретения ими статуса единственной глобальной сверхдержавы в конце XX столетия.

Данная книга ни в коей мере не является учебником американской истории и не претендует на полное и всеобъемлющее изложение основных вех развития Америки за четыре столетия – такая работа вышла бы далеко за рамки одного тома[3]. Книга не претендует на то, чтобы произвести научные открытия в американистике. Мы также далеки от того, чтобы перечислять или тем более анализировать все существующие или когда-либо существовавшие трактовки исторического развития Соединенных Штатов. Желающих глубже погрузиться в данную и, бесспорно, захватывающую тему мы отсылаем к специальной литературе. Перед нами же стоит задача критически пересмотреть основные вехи в истории и политической мысли США, не ограничивая себя рамками одной-двух отдельно взятых историографических концепций. Наш подход заключается в том, чтобы сформировать аргументированный взгляд, который позволит переосмыслить значение США в мире.

Главная цель книги заключается в том, чтобы предложить читателю своего рода систему координат, познакомить его с основными категориями, проблемами и явлениями, связанными с развитием американского общества и государства как глобального явления. А это развитие, как аргументированно доказывается в данной книге, уже на ранних этапах существования США пошло по строго определенной траектории, которую можно описать в таких терми-

---

[1] *Зинн Г.* Народная история США. М.: Весь Мир, 2006.

[2] *Loewen J.W.* Lies My Teacher Told Me: Everything Your High School History Textbook Got Wrong. New York: The New Press, 1995.

[3] См., например, академический четырехтомник, по-прежнему не утративший актуальности: История США. Т. 1–4. М.: Наука, 1983–1987.

нах, как гегемонизм, империализм, колониальные устремления и, конечно, мессианство, то есть уверенность в моральной непогрешимости Америки и ее высшем праве определять, что́ хорошо для всего остального человечества, а что плохо. Внимательный читатель, несомненно, отметит, что ростки этих явлений начали пробиваться на американской почве задолго до того, как США во всеуслышание заявили свои претензии на статус великой державы.

Авторы убеждены, что сегодня для каждого образованного человека очень важно ознакомиться с представленной работой. Мы имеем в виду не только граждан России, но и жителей других стран и регионов мира – в том числе самих США. Это важно потому, что в настоящее время гегемонистская политика Вашингтона во многом достигла своего апогея, а американские элиты, как и правящие круги коллективного Запада в целом, уже больше не скрывают своих намерений в отношении России. Они говорят исключительно о нанесении нашей стране военного поражения, причем не тактического, а стратегического – или, как сейчас любят говорить на Западе, экзистенциального, то есть ставящего под вопрос само дальнейшее существование России. Именно поэтому так важно подвергнуть бесстрастному анализу исторический путь США, который в конечном итоге привел к созданию агрессивной и бескомпромиссной «Американской империи».

Исходя из сказанного, становится ясно, почему мы назвали свою книгу «Америка против всех». Это сделано неслучайно – ведь один из ключевых посылов, в справедливости которого, мы надеемся, читатель убедится после прочтения нашего труда, является то, что американское государство сегодня дошло до той фазы, при которой его политика начинает угрожать абсолютно всем без исключения странам и народам, в том числе самим американцам и тем, кто наивно полагает себя партнером или союзником Вашингтона.

Одна из важных задач настоящей работы заключается в том, чтобы помочь читателю избавиться от целого ряда непродуктивных, абсурдных и даже откровенно вредных мифов, которыми сегодня окружена Америка. Мифы эти создавались как ненамеренно, на фоне незнания реалий американской истории и современности, так и с совершенно конкретным умыслом, усилиями пропагандистской машины Вашингтона. Во власть этих мифов попадают не только обыватели, но и эксперты, аналитики, журналисты, публицисты, и даже политические деятели. Как следствие, в массовом сознании формируется не взвешенный и реалистичный взгляд на США, а масса вымышленных и порой совершенно фантастических образов Америки, тяготеющих к одному из двух полюсов, которые можно условно обозначить как «Абсолютный идеал» и «Абсолютное зло».

Некоторые исследователи идеализировали США, видя в них высшую точку исторического процесса и величайшее достижение человеческого духа. Еще в XIX в. многие европейские мыслители славили Америку едва ли не как землю обетованную, на которой торжествует свобода и прогресс, а социальные пороки хотя и присутствуют, но искореняются семимильными шагами.

Такой взгляд был присущ и многим в XX веке – например, после 1918 и 1945 годов в Европе было широко распространено мнение о том, что американцы положат конец многовековым войнам в Старом свете и в итоге на всей земле воцарится мир – а вместе с ним придет экономическое процветание. И в нашей стране, особенно после крушения Советского Союза, находилось немало тех, кто рассчитывал на благотворную роль Соединенных Штатов – и даже их помощь в радикальном социально-экономическом и политическом преобразовании российского государства. О том, в какой степени сбылись надежды этих мечтателей, хорошо известно, – однако и по сей день таковые встречаются среди граждан России (правда, все чаще из числа тех, кто покинул пределы нашей страны).

Конечно, идеализация США – это глубокое заблуждение. Безусловно, в истории Америки случались такие периоды, когда казалось, что еще немного – и эта страна войдет в золотой век. Однако это отнюдь не означает, что США следует рассматривать как светоч для всего человечества. Все больше появляется свидетельств того, что надежды на американский золотой век давно ушли в прошлое. Социальные проблемы Америки сегодня как никогда далеки от разрешения – и ведь многие из них власти и лучшие умы этой страны не могут разрешить десятилетиями, несмотря на прилагаемые огромные усилия! Наконец, если США – это идеал, то как быть с миллионами людей по всему миру, заживо сожженных сброшенными американцами ядерными и зажигательными бомбами, фосфором и напалмом, отравленных токсичными веществами, зверски убитых в результате спровоцированных Вашингтоном войн и конфликтов? Очевидно, все это не укладывается в картину мира тех, для кого США – это высшая точка истории.

На эти факты указывают те, кто придерживается другой позиции, ведущей к демонизации Америки. Для них США – это империя зла и каждый свободномыслящий человек на планете должен подобно древним римлянам повторять: «Vasingtonia delenda est»[4]. Сегодня ни для кого не является тайной та деструктивная роль, которую США сыграли и продолжают играть в новейшей истории. Ни одна другая страна не развязала столько войн и военных конфликтов, не спровоцировала столько разрушительных экономических кризисов. Тотальное насаждение примитивной потребительской культуры, нежелание считаться с политическим и духовным многообразием стран и народов, агрессивное менторство, поддержанное применением силового ресурса – все это давно стало отличительной чертой «американского стиля» в политике.

Однако нельзя ставить знак равенства между американцами с одной стороны и американским государством, Вашингтоном, Белым домом, американ-

[4] В переводе с латинского – «Вашингтон должен быть разрушен». Во время Второй пунической войны между Карфагеном и Римом непримиримый враг карфагенян Марк Порций Катон все свои речи в римском сенате заканчивал фразой «Ceterum censeo Carthaginem delendam esse» («И все же я думаю, что Карфаген должен быть разрушен»), краткая форма которой («Carthago delenda est») стала крылатой.

скими элитами – с другой. Народ Соединенных Штатов – такой же заложник необдуманной и кровожадной политики своих властей, как и жители арабских или африканских стран, на головы которых сыплются американские бомбы. Да, армия США научилась воевать малой кровью, задавливая (хотя и не всегда успешно – вспомним Афганистан) слаборазвитых противников подавляющей материальной мощью. Сегодня многим жителям Америки кажутся страшным сном десятки тысяч гробов, приходивших когда-то из Вьетнама. Однако американский народ несет чудовищные потери на других фронтах – например, во время опиоидной эпидемии, фактически спровоцированной властями США в угоду фармацевтическим кампаниям. А между тем от наркотиков каждый год жителей Америки погибает значительно больше, чем было убито их соотечественников в кровавой мясорубке Первой мировой войны или во вьетнамских джунглях. В «Стране свободы» миллионы граждан лишены элементарных гарантий безопасности, доступа к медицине, образованию, социальной защите, даже избирательных прав. Говорить о том, что эти люди стоят за имперскими амбициями Белого дома и всей душой поддерживают геополитические авантюры своих властей, просто нелепо.

Напротив, сегодня все больше жителей США осознают, что именно агрессивная глобальная политика Вашингтона уничтожила то, что принято называть американской мечтой. Американская культура и образование деградируют уже не одно десятилетие – сейчас их упадок очевиден любому. Социальные лифты, благодаря которым в свое время США и рассматривались как общество будущего, уже давно не работают – и диплом престижного университета вместо билета на высшие этажи американской иерархии превратился в свидетельство о наличии богатых и влиятельных родителей. Более того, образованные, умные и целеустремленные граждане не нужны сегодня прежде всего самой американской элите, которая настолько закостенела в своем умственном и духовном развитии, что вместо отбора и выдвижения лучших из своих рядов пытается отыскать хоть кого-то, кто еще способен связно владеть английским языком и зачитывать подготовленные помощниками памятки.

Однако нельзя мерить всю Америку единым стандартом. Несмотря на усилия власть предержащих «новаторов», вводящих на уроках математики песни и танцы вместо решения уравнений, в Соединенных Штатах остается еще достаточное число высококультурных интеллектуалов. И большинство из них с горечью смотрит на то, что творят американские элиты внутри США и за рубежом. Вопреки всем попыткам вашингтонских пропагандистов представить критиков режима как маргиналов или помешанных, число убежденных противников нынешней государственной системы в Америке и ее глобальной политики пополняется все новыми и новыми выдающимися людьми. Такие американцы, как Ноам Хомский, считающийся одним из величайших лингвистов современности, нобелевский лауреат по экономике Джозеф Стиглиц, обладатель трех «Оскаров» Оливер Стоун и многие другие не менее значимые фигуры не устают доводить до соотечественников неприятную мысль – Америка

свернула не туда и катится в пропасть, рискуя увлечь за собой весь остальной мир. Безусловно, к позициям этих мыслителей нужно отнестись весьма внимательно, ведь они изнутри наблюдают происходящее в США, а их выдающийся опыт и интеллектуальный уровень позволяют давать квалифицированные и обоснованные умозаключения относительно того, что происходит с этой страной – и как это влияет на все человечество.

Таким образом, трезвый взгляд на историю Америки и ее современность требует осознания того факта, что американский народ и американские элиты – это два разных мира, исторические пути которых окончательно разошлись как минимум столетие назад. Российская американистика (в отличие, кстати, от американской «советологии», тяжелое наследие которой по-прежнему живо в умах вашингтонских стратегов), несмотря на все пережитые ею перипетии, традиционно отличалась взвешенным и всеобъемлющим взглядом на США, признанием за американскими гражданами их глубокого культурного и цивилизационного своеобразия, права жить сообразно своим традициям и приоритетам – права, которое у американского народа сегодня фактически отобрали его же правящие круги.

В этой связи одной из задач книги стало помочь читателю глубже вникнуть в целый ряд непростых проблем. Каким образом американцы позволили завести себя в ту геополитическую, экономическую и социальную трясину, которая сегодня все глубже поглощает США? Как не дать американским элитам отсрочить свой крах за счет новых войн и кризисов? Как можно общими усилиями создать такой миропорядок, в котором Америка не будет пытаться диктовать всему человечеству свои правила – и в котором американцы наряду с остальными народами мира смогут пользоваться всеми преимуществами экономического процветания, а также культурного, политического и социального многообразия нашей планеты? Надеемся, что наша книга даст достаточно информации, необходимой для ответа на данные вопросы – хотя сам ответ, безусловно, остается за читателем.

Бесспорно, вдумчивые читатели нашей книги могут сделать собственные выводы, согласившись или не согласившись с представленной нами логикой и аргументацией. В этой связи авторы книги особо отмечают, что они открыты к любой конструктивной дискуссии и критике высказанных ими аргументов и прочтений американской и всемирной истории[5].

[5] Замечания и пожелания просим направлять на электронный адрес iamp@dipacademy.ru.

Благодарности

Авторы считают своим долгом выразить сердечную благодарность целому ряду коллег за помощь, оказанную в работе над настоящим изданием.

Большой вклад в подготовку его итогового текста внес коллектив ИМЭМО РАН во главе с его руководителем **Ф.Г.Войтоловским**. Отдельной благодарности достойны его коллеги – руководитель Центра североамериканских исследований института **В.Ю.Журавлева**, а также **С.В.Кислицын** и **А.А.Алешин**.

Не меньшей признательности заслуживают сотрудники факультета международных отношений МГИМО под руководством его декана **А.А.Сушенцова**, в первую очередь – заведующий кафедрой прикладного анализа международных отношений **И.А.Истомин**.

Кроме того, нельзя не отметить немалое число коллег, которые оказали большую помощь в работе над отдельными разделами и главами книги. Среди них – коллективы Института востоковедения РАН во главе с его научным руководителем **В.В.Наумкиным** и заведующим Центром научно-аналитической информации **Н.Д.Плотниковым**, Института Африки РАН, возглавляемого **И.О.Абрамовой** и **Л.Л.Фитуни**. Важный вклад внес Институт Латинской Америки РАН во главе с действующим директором **Д.М.Розенталем**, а также его предшественником **Д.В.Разумовским**, в особенности сотрудники Института **В.П.Сударев**, **В.А.Голиней** и **М.А.-М.Кодзоев**. Авторы также признательны коллегам из РУДН – **Д.А.Дегтереву** и **М.А.Никулину**.

Отдельную благодарность коллектив выражает доктору исторических наук **А.Ю.Петрову** за его неоценимый вклад в подготовку текста.

Часть первая

США в меняющемся мире: концепции, теории, доктрины

Изучение роли и места США в новом мире логично начать с анализа теорий и доктрин, из которых представители американской элиты черпают вдохновение при выстраивании своей глобальной стратегии. Подчеркнем: зачастую речь идет именно о вдохновении, а не о каких-то конкретных практических решениях. Не стоит искать стройной и единой концепции, которая определяла бы геополитическое мышление людей, правящих Америкой. Напротив, порой теоретический багаж архитекторов глобального курса Вашингтона представляет собой причудливую и противоречивую смесь полунаучных (а нередко и откровенно лженаучных) элементов, культурно-психологических стереотипов и даже религиозных доктрин, уходящих своими корнями на несколько столетий назад.

Британский экономист Дж. М. Кейнс еще в 1930-е гг. весьма тонко охарактеризовал англо-американскую и в целом западную политику: «Идеи экономистов и политических мыслителей – и когда они правы, и когда ошибаются – имеют гораздо большее значение, чем принято думать. В действительности только они и правят миром. Люди – практики, которые считают себя совершенно неподверженными интеллектуальным влияниям, обычно являются рабами какого-нибудь экономиста прошлого. Безумцы, стоящие у власти, которые слышат голоса с неба, извлекают свои сумасбродные идеи из творений какого-нибудь академического писаки, сочинявшего несколько лет назад»[1]. Эти слова в полной мере относятся к политической и деловой элите, на протяжении многих десятилетий определяющей курс США на мировой арене.

Замечания Кейнса удивительно точны, в том числе и его слова о «голосе с неба», который западные политики нередко якобы слышат (история знает немало признаний, например, президентов США, о том, как с ними напрямую общается сам Господь). Находится ли у власти демократ или республиканец, окружают ли его советники из Гарвардского или Йельского университета, так или иначе, геополитическое мировоззрение людей, правящих Америкой, определяют спорные и противоречивые идеи «академических писак», часто творивших с корыстным умыслом или выполнявших определенный политический заказ. Именно поэтому начать изучение роли США в современном мире следует с краткого анализа этих идей и концепций.

---

[1] *Кейнс Дж.* Общая теория занятости, процента и денег. – М.: АСТ, 2021.

Глава 1

Американская геополитическая мысль: от истоков к современности

В современном мире термин «геополитика» вошел не только в научный оборот, но и в повседневный лексикон политиков, государственных деятелей, журналистов и даже обывателей. Мы говорим о геополитической стратегии государства, современной геополитической обстановке, геополитических интересах. При этом зачастую отсутствует четкое понимание того, чтó именно представляет собой геополитика и какой комплекс идей стоит за этим понятием. Как следствие, отсутствует и ясное понимание того, какие цели преследуют творцы «новой геополитической картины мира», в первую очередь Соединенные Штаты. Таким образом, оценка современной ситуации невозможна без понимания того, чтó же на самом деле представляет собой геополитика и какие теории образуют ее фундамент.

Геополитика – это область мысли, возникшая на пересечении политической теории, географии, истории, демографии, социологии, военных и других научных и околонаучных дисциплин более ста лет назад. Исследуя политический потенциал территориально-пространственных характеристик государства, геополитика призвана раскрывать его возможности и мотивы действий на международной арене.

Общей чертой всех геополитических учений являются попытки установить связь между географией и возможностями государств на мировой арене. Понимание и различные трактовки подобной взаимосвязи характерны для геополитики как столетие назад, так и в наши дни. Это иллюстрируют рассуждения директора центра «Стратфор», известного как «неформальное ЦРУ», Джорджа Фридмана. В своем докладе «Методология геополитики» он пишет: «Важно лишь одно: нации и их сообщества действуют на основании страха в гораздо большей степени, нежели из любви или зависти. Страх перед лицом грядущей катастрофы определяет внешнюю политику кочевых племен и современных национальных государств. Этот страх, в свою очередь, обусловлен фактором местоположения. География задает возможности, в равной степени определяя также слабости и уязвимости. Страх зависимости и уничтожения движет народами – и страх этот укоренен в местоположении»[2].

Впервые термин «геополитика» был применен и развит шведским ученым Рудольфом Челленом (1864–1922) в капитальном труде «Государство как форма жизни», вышедшем в 1916 г. В его книге геополитика определялась в качестве «науки о государстве как географическом организме, воплощенном в

[2] *Friedman G.* The Methodology of Geopolitics. Love of One's Own and the Importance of Place – Stratfor, 2008. P. 8.

пространстве»[3]. В то же время первые геополитические учения зародились в последней четверти XIX в., еще до того как появился сам термин. Произошло это примерно одновременно в Германии, Англии и США. Соответственно, сформировались две школы геополитической мысли – германская и англосаксонская. Их условно называют континентальной и морской. По сути, всю геополитическую мысль можно, хотя и очень упрощенно, представить с позиций борьбы или, напротив, синтеза этих двух интеллектуальных течений. Противостояние морских и континентальных держав рассматривается как наиболее фундаментальный закон геополитики.

Зарождение геополитики неслучайно связано с Германией второй половины XIX в. В этот период начинается процесс объединения нескольких десятков раздробленных германских государств в единую империю под эгидой Пруссии[4]. Среди идей, которые внушались немцам, главенствовал тезис об исторической несправедливости в отношении Германии, искусственно раздробленной и зажатой среди враждебных государств, препятствовавших ее развитию. Воинственный реваншизм, соединенный с методичной пропагандой, стал катализатором зарождения геополитической мысли. Эти два начала во многом подпитывают и современную геополитику.

В этих условиях возникла необходимость в теоретическом обосновании проводимой Германией агрессивной политики. В конечном итоге доктрины, формировавшиеся на этой почве, привели к развитию концепции «жизненного пространства» *(Lebensraum)* Карла Хаусхофера (1869–1946), которая, в свою очередь, послужила одной из идеологических основ гитлеровского экспансионизма («нацист номер два» Рудольф Гесс был учеником Хаусхофера).

---

[3] *Kjellén R.* Der Staat als Lebensform. – Leipzig, 1917.

[4] Идеологической основой для этого движения стала теория пангерманизма, согласно которой германский народ является единым в политическом, экономическом, этническом, культурном, языковом отношениях и, следовательно, должен развиваться в рамках одного государства. Перенаселенность, неравномерное распределение ресурсов, невыгодное стратегическое положение сдерживали развитие германских княжеств и препятствовали процессу объединения. Это побудило немецких мыслителей вплотную заняться исследованием взаимосвязи между географическими факторами и политическим развитием государств. Выраженным пангерманистом был сам Челлен. В ходе франко-прусской войны 1870–1871 годов союз германских государств во главе с Пруссией нанес сокрушительное поражение Франции, считавшейся в то время наиболее мощной державой континентальной Европы. Военная победа была достигнута не только за счет организационно-технического превосходства армии, объединенной под началом пруссаков, но и вследствие невероятно высокого боевого духа немецких солдат, многие из которых едва покинули школьную скамью, где им годами методично внушались идеи, которые впоследствии станут лейтмотивом германской геополитики. Показательно, что творцу Второго рейха канцлеру Отто фон Бисмарку приписывается фраза о том, что битву при Седане выиграл прусский учитель (в действительности фраза взята из статьи немецкого учителя О. Пешеля о победоносной для пруссаков битве при Садове – решающем событии австро-прусской войны 1866 года, в ходе которой Австрия и Пруссия решали, под чьей эгидой объединятся германские государства).

У американцев в конце XIX века тоже появился свой вариант доктрины жизненного пространства. Пожалуй, ни одно государство мира в ту эпоху не претерпело такого стремительного территориального расширения, как Соединенные Штаты. Приобретение у наполеоновской Франции огромных территорий от Мексиканского залива до канадской границы в рамках Луизианской покупки 1803 года, присоединение Флориды и других испанских земель в 1819 г., включение в свой состав Техаса, Калифорнии и отторжение от Мексики более половины ее площади после Американо-мексиканской войны 1845 года – вот лишь неполный список действий Вашингтона, которые позволили зажатым на восточном побережье бывшим британским колониям за полвека разрастись до берегов Тихого океана[5].

Тогда в умах американского общества начали зарождаться далеко идущие идеи экспансионизма и гегемонизма, выходящие за пределы «скромных» задач завоевания североамериканских земель. Уже на рубеже XIX–XX вв. в США сложилась идеология, которая удивительным образом перекликается с проникнутыми великодержавным шовинизмом и расизмом идеями германской геополитики, позднее вдохновившими нацистов. Интересно, что исследователи такую связь подметили довольно давно. Как указывал Дж. Пратт в своей работе «Экспансионисты 1890-х годов»[6], вышедшей в 1936 г., многие идеи американского экспансионизма в дальнейшем были положены в основу идеологии нацистской Германии.

В 1900 г. в книге «Экономическое господство Америки» американский историк Б. Адамс выступил с пропагандой англосаксонского доминирования и призывами превратить Тихий океан во внутреннее американское море[7]. Группа историков при университете Дж. Хопкинса во главе с Адамсом стала обосновывать «исключительность» американского народа, провозглашая «право» и «обязанность» Соединенных Штатов распространять свою политическую систему во всем мире. С верой в «избранный народ» и предназначенную ему власть над миром они принялись вырабатывать идеологические установки грядущего мирового американского экспансионизма. Их современник, историк Дж. Берджес в своей книге «Политическая наука и сравнительное конституционное право», вышедшей в 1890 г., писал, что англосаксы имеют неоспоримое расовое превосходство над другими народами[8]. Поэтому перед США стоит задача распространить свою политическую систему на весь мир. Другие страны «следует заставить подчиниться, применив, если потребуется, любые средства». Этим авторам вторит Ч. Конант в своей работе «Экономические основы “империализма”»: «Создастся впечатление, что сегодня Соединенные Штаты вступают на путь, предназначенный им как отпрыскам англо-

---

[5] Подробнее см. *Гл. 2.*

[6] *Pratt J.W.* Expansionists of 1898: The Acquisition of Hawaii and the Spanish Islands. LLC, 2012.

[7] *Adams B.* America's Economic Supremacy. Origami, 2019.

[8] *Burgess J.W.* Political Science and Comparative Constitutional Law. HardPress, 2013.

саксонской расы, но еще не пройденный ими, поскольку у них было пока много дел дома… Неукротимое стремление к экспансии, которое заставляет растущее дерево преодолевать любые преграды, которое руководило готами, вандалами и, наконец, нашими саксонскими предками в последовательных и жестоких войнах, проносившихся над приходившими в упадок римскими провинциями, как будто вновь ожило и ищет новые возможности для приложения американского капитала и американской предприимчивости»[9].

Важный вклад в теоретическое и идеологическое обоснование масштабной территориальной экспансии США внес целый ряд концепций, которые носят явный геополитический характер (хотя научными теориями их едва ли можно назвать). Возможно, самая известная из них – «доктрина фронтира», разработчиком которой стал американский историк Фредерик Тёрнер (1861–1932)[10]. Согласно этой концепции, американская государственность не была привнесена извне с колонистами и эмигрантами, но развилась естественным образом в ходе освоения пограничных территорий и постепенного продвижения переселенцев на Запад. Продвигаясь за пределы обитаемых земель, утверждает Ф. Тёрнер, американцы оказывались предоставлены самим себе, поскольку на новых территориях государство фактически отсутствовало. Следовательно, для выживания переселенцам приходилось находить эффективные формы кооперации и самоорганизации, из которых и выросла американская демократия. Именно эти достижения позволили в короткое время продвинуть границы США вплоть до тихоокеанского побережья.

Хотя концепция Тёрнера была подвергнута критике академическими историками еще при жизни ее создателя, отдельные ее положения развиваются и по сей день. Тезис об особой роли «фронтира» стал одним из краеугольных камней американского национального самосознания. Идеи Тёрнера были с восторгом приняты и развиты другим историком, будущим президентом США Теодором Рузвельтом. Еще один американский лидер Вудро Вильсон также подчеркивал, что его взгляды на американский экспансионизм возникли под влиянием бесед с Тёрнером, и писал: «Американский континент уже завоеван Соединенным Штатами и служит целям нашей цивилизации. США должны теперь обратить свой взор на новые границы». Вспомним, что именно при Вильсоне Америка вступила в Первую мировую войну, а сам он стал первым президентом страны, побывавшим за рубежом в период нахождения в должности.

И в наши дни американцам всех поколений импонирует миф о героях-переселенцах, которые своими руками «создали Америку». Романтика Дикого Запада, покорения и освоения новых территорий, населенных «дикими племенами», прославленное певцом британского империализма Р. Киплингом

---

[9] Цит. по: *Галин В.* Политэкономия войны. Алгоритм, 2021.

[10] *Turner F.* The Frontier in American History. – New York: Holt, 1921. Рус. перевод: *Тернер Ф.* Фронтир в американской истории. – М.: Весь Мир, 2009.

«бремя белого человека»[11], заключающееся в «высокой цивилизаторской миссии» – все эти стереотипы по-прежнему живут в умах американцев и напрямую влияют на политику Вашингтона. Ярким свидетельством этому является книга американского журналиста и теоретика геополитики Р. Каплана «Пехотинцы империи: американские военные на земле», в которой автор описывает свой опыт командировок в разные уголки земного шара с бойцами спецназа[12]. Он утверждает, что пафос Дикого Запада – главное, что движет американскими солдатами, повсюду приветствовавшими его характерной фразой: «Добро пожаловать в страну краснокожих, парень!».

Обозначенные выше идеи во многом были синтезированы в концепции, которая сформировалась в Америке в середине XIX в. и стала известна как *Manifest Destiny*. Наиболее удачный перевод этого термина – «явное предназначение» или «предопределение судьбы». «Неизбежный удел американского народа – это покорение континента <…> пробиться через бескрайние просторы к Тихому океану, воодушевить миллионы людей <…> установить новый порядок в человеческих взаимоотношениях, оживить одряхлевшие народы, обратить тьму в свет, развеять сон сотен столетий, приучить старые народы к новой цивилизации, укрепить судьбу рода человеческого, вести путь человечества к его кульминационной точке, дать переродиться тем, кто пал духом <…> объединить мир в рамках одной семьи, одного общества <…> и излить благословение на весь мир!» – так в своей речи перед Сенатом США в 1846 г. описал концепцию «явного предназначения» один из ее авторов, путешественник и политический деятель Уильям Гилпин (1813–1894)[13]. Как видно, риторика американской избранности, звучащая в этой произнесенной более полтора столетия тому назад речи, практически не изменилась вплоть до наших дней. Вашингтон до сих пор стремится «изливать благословение» на весь мир.

Таким образом, псевдотеоретические концепции геополитического характера, оправдывавшие территориальную экспансию американского государства, появились в США даже несколько раньше, чем интеллектуалы и поли-

---

[11] Напомним знаменитые строки английского поэта:

Несите бремя белых, –
И лучших сыновей
На тяжкий труд пошлите
За тридевять морей;
На службу к покоренным
Угрюмым племенам,
На службу к полудетям,
А может быть – чертям!
(*Пер. М. Фромана*)

[12] *Kaplan R.* Imperial Grunts: On the Ground with the American Military, from Mongolia to the Philippines to Iraq and Beyond. Vintage, 2006.

[13] *Glaab Ch.* Visions of Metropolis: William Gilpin and Theories of City Growth in the American West. – Wisconsin, 1961.

тики в Европе начали формировать первые собственные геополитические доктрины. Сегодня ни один американский исследователь развития геополитической мысли не обойдет вниманием германских теоретиков геополитики, обосновывавших агрессивную политику Второго и Третьего рейха. Однако движение американцев на Запад, сопровождавшееся массовым уничтожением индейцев, являлось таким же расширением «жизненного пространства», как и франко-прусская война 1870–1871 гг. или авантюры Гитлера. Более того, масштабы истребления коренных народов Северной Америки не уступали Холокосту в Европе, однако растянутость этого процесса во времени, отсутствие широкого информационного освещения этих событий и пренебрежение европейцев внутренними делами Америки сделали свое дело.

Конечно, «доктрина фронтира» и концепция «явного предназначения» относятся, скорее, к области идеологии. Вместе с тем американцы и в целом англосаксы внесли свой весомый вклад в формирование теоретической геополитики как таковой. В отличие от германских геополитиков, английские и американские теоретики ставят во главу угла контроль не над сушей, а над морем. Источником вдохновения в этом случае стал опыт создания британцами своей всемирной и беспрецедентной по масштабу империи, которая была бы невозможна без получения Англией статуса «владычицы морей».

К концу XIX века США отказались от политики изоляционизма и приступили к активному вмешательству во внутренние дела других государств и территориальным приобретениям, в том числе силовым путем. В это же время появляются труды Альфреда Мэхэна (1840–1914), сформулировавшего теорию морской силы (морской мощи). Согласно этой теории, определяющим фактором мировой истории является достижение господства на море при помощи военно-морского флота, который позволяет развернуть глобальную морскую торговлю и проводить экономическую экспансию. В свое время именно с помощью морской силы добились процветания Нидерланды, которые затем были оттеснены Англией – новой «владычицей морей». Теперь, утверждал Мэхэн, время перенять эту эстафету настало для Америки.

Мэхэн не видел ничего предосудительного в том, чтобы в геополитической картине мира ставить во главу угла понятие военной силы. В своей работе «Заинтересованность Америки в морской силе» он недвусмысленно провозгласил, что «военная сила является одним из преобладающих факторов для оправдания политики», поскольку «конфликты на международной арене закаляют нации и способствуют их возмужанию»[14]. На основе своей теории Мэхэн обосновывал необходимость оказания Вашингтоном давления (вплоть до прямого применения силы) на государства в любом регионе мира в целях создания наиболее благоприятных условий как для деятельности американского бизнеса, так и для размещения вооруженных сил.

[14] *Mahan A.* The Interest of America in See Power. – Boston, 1897. P. 171.

В сущности, теория морской силы капитана Мэхэна вдохновлена знаменитой стратегией «Анаконда», разработанной генералом Скоттом на начальном этапе Гражданской войны в США. Напомним, что данная стратегия сводилась прежде всего к постепенному окружению территории противника и захвату стратегически важных пунктов, через которые тот мог вести морскую торговлю, а также вытеснению его с коммуникаций – иными словами, речь идет об экономическом удушении противоборствующей стороны[15]. По мнению Мэхэна, доминирование США на море позволит американцам навязывать свою волю любому противнику, атакуя и отступая в любой удобный момент, а также надежно изолировать оппонента от мировых рынков и тем самым истощать его экономически.

Господство на море, утверждает американский теоретик, покоится в первую очередь на мощном торговом флоте, тогда как военно-морские силы обеспечивают безопасность морской торговли, устраняя возможные угрозы со стороны противника, и ее беспрепятственность, принуждая силой оружия к соблюдению режима свободы мореплавания. Однако морская сила, учит Мэхэн, не тождественна обладанию сильным военно-морским флотом. В самом деле, в свое время и Испания, и Франция обладали грозным флотом, корабли которого превосходили английские аналоги, тем не менее именно Великобритания стала в итоге «владычицей морей».

Причина этого, по мнению Мэхэна, заключается в том, что испанцы и французы воспринимали море как дорогу, по которой товары доставляются на рынки, а войска – на заморские театры военных действий. Они использовали флот пассивно. Однако морское пространство – это не дорога, а потенциальное поле боя, а флот – это инструмент не оборонительный, а сугубо наступательный. Бесполезно использовать военный флот для защиты своего транспорта и гаваней, всегда найдется слабое место или скажется нехватка кораблей. В равной степени бесполезно пытаться нарушить морскую торговлю противника, атакуя его конвои. Вместо этого военный флот должен сконцентрироваться в единую атакующую силу и искать решающего сражения, чтобы уничтожить противника. Именно наступление и победа дают господство на море, учит Мэхэн, тогда как оборонительный образ действий неизменно связан с распылением собственных сил и неминуемым поражением. Когда военно-морские силы противника будут уничтожены и «вражеский флаг будет появляться над морем лишь в качестве беглеца», следует очередь торгового флота противника, исчезновение которого знаменует конец войны.

Исходя из этих рассуждений, американский мыслитель делает вывод о том, что эффективный военно-морской флот должен состоять из небольшого количества мощных кораблей – *capital ships*, которые легко сосредоточить в одном месте для нанесения решительного поражения противнику. Во времена

[15] Подробнее о стратегии «Анаконда» будет рассказано во второй части.

Мэхэна эту роль выполняли линкоры, защищенные броней и вооруженные крупнокалиберными орудиями. Пришествие авиации обесценило роль линкоров и заменило их авианосцами, которые прекрасно подходят под мэхэновское описание.

Важным элементом теории «морской силы» стали военные базы. Мэхэн приветствовал приобретение стратегически выгодных территорий и строительство на них баз, которые обеспечивали бы флоту полную свободу действий, увеличивали его шансы на встречу с противником и навязывание ему генерального сражения, которое решило бы исход войны.

Теория Мэхэна вызвала подлинный интеллектуальный подъем в англосаксонском обществе. Как и в случае с «доктриной фронтира», она нашла своего почитателя в лице Теодора Рузвельта, приложившего много усилий для воплощения в жизнь доктрины Мэхэна. Одним из наиболее нашумевших его предприятий был поход «Великий белый флот» – кругосветное путешествие 16-ти броненосцев (1907–1909), призванное продемонстрировать всему миру величие США как морской державы. Именно Т. Рузвельт заложил традиции использования военно-морского флота как главного инструмента американской геополитики.

Другим важным шагом в создании англосаксонской геополитики стала теория британского географа и политического деятеля Халфорда Макиндера (1861–1947), который обратился к понятию «сердцевинная земля» (или Хартленд), господство над которой, по его мнению, дает ключ к глобальному доминированию. В его понимании Евразия и Африка образуют единый континент, который Макиндер называл «мировым островом». Именно через Хартленд пролегает «географическая ось истории»[16], вдоль которой разворачивались события, определявшие судьбы мира. Британец выводит свою знаменитую формулу: «Кто контролирует Восточную Европу – тот господствует над “Хартлендом”; кто контролирует “Хартленд” – тот господствует над “мировым островом”; кто контролирует “мировой остров” – тот господствует над миром»[17].

Очевидно, что важнейшей частью Хартленда Х. Макиндер считал территорию России и приложил немало усилий для пропаганды идеи отторжения у нее жизненно важных пространств (в частности, во время Гражданской войны он выполнял ряд дипломатических поручений при белом движении на юге России). «В этом мире, – писал английский исследователь, – Россия занимает центральное стратегическое положение, которое в Европе принадлежит Германии. Она может по всем направлениям, за исключением севера, наносить, а одновременно и получать удары. Окончательное развитие ее мобильности, связанное с железными дорогами, является лишь вопросом времени. Да и ни-

[16] *Mackinder H.* The geographical pivot of history // The Geographical Journal. 1904. 23. P. 421–437.

[17] Классика геополитики XX века. – М.: АСТ, 2003. С. 7–33.

какая социальная революция не изменит ее отношения к великим географическим границам ее существования»[18].

Следовательно, в практической плоскости англосаксонская геополитика должна быть нацелена на ослабление российского контроля над Хартлендом. Это предполагает антироссийскую деятельность в Восточной Европе, дестабилизацию Центральной Азии, установление контроля над Ближним Востоком, Афганистаном и Пакистаном, сдерживание России на тихоокеанском направлении и попытки «вбить клин» между Москвой и Пекином. В западном политико-экспертном сообществе периодически озвучивались идеи объявления российских территорий и ресурсов чуть ли не общим достоянием человечества, иначе говоря, установления над этим обширным регионом американского контроля[19]. Удивительно, насколько выводы, проистекающие из учения столетней давности, соответствуют современным устремлениям западных стратегов.

На протяжении XX века геополитика прошла сложную эволюцию. В 1930-е годы благодаря деятельности немецкого теоретика К. Хаусхофера и основанного им Института геополитики за этой дисциплиной закрепился ярлык нацистской псевдонауки, помогавшей оправдывать агрессивные устремления Германии в Европе и Японии в Азии. Как мы помним, геополитические концепции немецких ученых стали одним из столпов военной и внешнеполитической доктрины нацизма.

Несмотря на это, уже во время войны геополитические учения претерпели второе рождение в Соединенных Штатах, а сразу вслед за победой над нацизмом Вашингтон приложил немало усилий для вывоза за океан не только ведущих немецких физиков, инженеров и конструкторов, но и экспертов в области геополитики. Неудивительно, что в США после окончания Второй мировой войны были проведены масштабная исследовательская работа по изучению германского геополитического наследия с целью его использования для формулирования собственной глобальной стратегии, а также кампания по очищению «доброго имени» геополитики от ярлыка нацистской псевдонауки. Одной из ведущих фигур этого движения стал Роберт Штрауш-Хюпе (1903–2002) – уроженец Австрии, в 1923 г. эмигрировавший в Соединенные Штаты и сделавший там как дипломатическую, так и академическую карьеру. В фундаментальной работе «Геополитика: борьба за пространство и власть»[20], созданной еще в 1942 г., он уделяет большое внимание как идеологическому обоснованию применения геополитического наследия К. Хаусхофера для нужд Вашингтона, так и чисто практическим аспектам современной ему военно-политической ситуации.

---

[18] Классика геополитики XX века. С. 7–33.

[19] «Лавров: в США и Европе есть люди, которые продвигают мысль, что Россия слишком большая. ТАСС, 2 февраля 2023.

[20] *Strausz-Hupé R.* Geopolitics: the Struggle for Space and Power. – New York: G.P. Putnam's Sons, 1942.

Вторая мировая война стала во многом моментом истины для англосаксонской геополитики. Для Вашингтона и Лондона стратегической целью их участия в глобальном конфликте явилось недопущение установления полного контроля над Хартлендом со стороны какой-либо континентальной силы, будь это Третий рейх или СССР. С другой стороны, война также ясно продемонстрировала решающую роль морской силы, во многом благодаря которой Англии удалось удержаться, а потом вместе с США подорвать экономический потенциал Германии и Японии, фактически попавших в плотную морскую блокаду.

После окончания Второй мировой войны в американской геополитике на первый план выдвинулась доктрина «Римленд», разработанная Николасом Спайкменом (1893–1943). Хотя преждевременная смерть не позволила этому теоретику провести анализ итогов войны, он удивительно точно предсказал направления геополитической активности американцев и англичан в послевоенный период. Книга Спайкмена «Американская стратегия в мировой политике», по мнению видного политолога Р. Каплана, «дает даже больше, чем работа Макиндера, теоретических оснований для понимания мира в период после "холодной войны"»[21].

В своих работах Спайкмен синтезировал идеи Х. Макиндера и А. Мэхэна[22], однако по-своему сместил акценты, обратив внимание на важность так называемых «окраинных территорий» (Римленда), которые опоясывают Хартленд. Их использование, по мысли теоретика, должно стать базисом для сдерживания геополитических противников США, в первую очередь России и Китая.

Спайкмен представлял Римленд в качестве дуги, проходящей от Балтики через Западную Европу, Средиземноморье, Ближний и Средний Восток до Юго-Восточной Азии. Он постулировал, что «тот, кто держит под своим контролем "евроазиатский обод", правит в Евразии, а тот, кто правит в Евразии, держит в своих руках судьбу мира».

В своих трудах Спайкмен неоднократно подчеркивал большое значение Евразии для Америки. Он предупреждал, что угроза США исходит со стороны стран-гегемонов или центров сосредоточения сил, находящихся в Евразии: «Безопасность и независимость нашей страны могут быть сохранены только в случае проведения внешней политики, которая исключит возможность появления на Евро-Азиатском континенте державы, занимающей господствующее положение в Европе и на Дальнем Востоке»[23] (вывод вполне созвучен макиндеровскому).

---

[21] Цит. по: *Kaplan R.* The Revenge of Geography. Random, 2012.

[22] Основные работы Спайкмена: *Spykman N.* The Geography of the Peace. – New York: Harcourt, Brace and Company, 1944; *Id.* America's Strategy in World Politics: The United States and the Balance of Power. – New York: Harcourt, Brace and Company, 1942.

[23] *Spykman N.* America's Strategy in World Politics: The United States and the Balance of Power. – New York: Harcourt, Brace and Company, 1942.

Важнейшей задачей Америки, утверждает Спайкмен, является недопущение политического сближения мощных континентальных держав. Россия и Китай могут образовать опаснейший тандем на Востоке, тогда как основную угрозу на Западе представляет российско-германский союз. «Величайшая трудность, – писал Спайкмен в 1942 г. на страницах книги "Американская стратегия в мировой политике", – будет заключаться в нахождении баланса между Германией и Россией. В случае победы союзников СССР выйдет из войны в качестве одной из величайших промышленных держав мира, имея при этом громадный военный потенциал. Германия, пока она не разгромлена, продолжит представлять внушительную военную мощь, какую она продемонстрировала в обеих мировых войнах… Политический союз между ними станет величайшей европейской федерацией на пространстве между Балтикой и Средиземным морем»[24].

Интересно отметить, что укрепление Европы и создание общеевропейской федерации (к чему в настоящее время стремится Евросоюз) мыслилось Спайкменом как крайне нежелательное явление: «Федеральная Европа <…> полностью изменила бы наше [США] значение как атлантической силы и в значительной степени ослабило бы наши позиции в Западном полушарии»[25]. Сходные идеи можно обнаружить в трудах Збигнева Бжезинского[26] или в вышедшей в 2015 г. книге «Горячие точки: зарождающийся кризис в Европе»[27] основателя центра «Стратфор» Джорджа Фридмана. Таким образом, круг основных геополитических проблем, которые волнуют американских стратегов в наши дни, – укрепление России, ее потенциальный альянс с Китаем и Германией, создание европейской федерации – был очерчен еще семьюдесятью годами ранее, на исходе Второй мировой войны.

В целом работы Мэхэна, Макиндера и Спайкмена образуют основу классической англосаксонской геополитики. Именно эти теоретики очертили наиболее фундаментальные понятия и категории геополитической мысли западного мира и задали тут систему координат, в которой по-прежнему живут и действуют американские и британские политики, военные, академические эксперты. Последующие поколения теоретиков геополитики занимались в основном конкретизацией этих доктрин и их корректировкой в условиях изменявшейся глобальной конъюнктуры.

Важное слово здесь сказали два видных представителя американского истеблишмента, которые одновременно завоевали большой авторитет в западном академическом мире и внесли существенный вклад в развитие американской геополитической мысли. Речь идет о З. Бжезинском и Г. Киссинджере.

---

[24] *Spykman N.* America's Strategy in World Politics…

[25] Ibid.

[26] *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. – М.: АСТ, 2015.

[27] *Friedman G.* Flashpoints: the Emerging Crisis in Europe. – New York: Doubleday, 2015.

З. Бжезинский является многосторонним мыслителем, автором глобальной стратегии антикоммунизма, теории технотронной эры, концепции американского лидерства. Особого внимания заслуживают его работы «Великая шахматная доска» и «Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство»[28]. Развивая идеи Макиндера в книге «Великая шахматная доска», Бжезинский настойчиво проводит идею о необходимости использования политического, экономического, военного и культурного превосходства США для удержания контроля над Евразией. Он пишет, что после окончания холодной войны «главный геополитический приз для Америки – Евразия»: «Половину тысячелетия преобладающее влияние в мировых делах имели евразийские государства и народы, которые боролись друг с другом за региональное господство и пытались добиться глобальной власти. Сегодня в Евразии руководящую роль играет неевразийское государство, и глобальное первенство Америки непосредственно зависит от того, насколько долго и эффективно будет сохраняться ее превосходство на Евразийском континенте»[29].

В книге «Вне контроля» Бжезинский заявил, что «если Америка желает контролировать мир – а она этого желает, тогда она должна установить главенство над Евразией, особенно над ее "западной периферией" – Европой и над ее сердцевиной – Россией, а также над Ближним Востоком и Центральной Азией, и имеющимися там запасами углеводородов»[30].

Такую позицию разделяет и бывший госсекретарь и советник президента по национальной безопасности США Г. Киссинджер. Он пишет, что «геополитически Америка представляет собой остров между берегами гигантской Евразии, чьи ресурсы и население в огромной степени превосходят имеющиеся в Соединенных Штатах. Господство какой-либо одной державы над любым из составляющих Евразию континентов: Европой или Азией – все еще остается критерием стратегической опасности для Америки». Он уточняет: «Такого рода перегруппировка стран смогла бы превзойти Америку в экономическом и в военном отношении. Недопущение такого поворота событий – одна из важнейших целей американской внешней политики»[31]. Как видим, эти идеи целиком укладываются в теории Макиндера и Спайкмена.

Явные параллели с идеями классиков геополитики видны в работе «Ядерное оружие и внешняя политика» – первой книге тогда еще молодого Киссинджера: «Ограниченные боевые действия являются единственным способом без больших потерь предотвратить захват периферийных территорий Евразии советским блоком. Особенно потому, что Советский Союз как континен-

---

[28] См.: *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. – М.: Международные отношения, 1999; *Бжезинский З.* Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство. – М.: Международные отношения, 2005.

[29] *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. С. 43.

[30] Там же.

[31] *Киссинджер Г.* Нужна ли Америке внешняя политика? К дипломатии для XXI века. – М.: «Ладомир», 2002. – 352 с.

тальная держава обладает "внутренними линиями коммуникаций", позволяющими ему собрать значительные силы в любой точке его периферии»[32]. Здесь очевидно созвучие с классическим предостережением британского теоретика: обладание Хартлендом позволяет наносить удары в любом направлении.

Таким образом, с геополитической точки зрения Россия неудобна для США не в силу сиюминутных соображений, основанных на существующей конъюнктуре и идеологической ситуации, а исходя из фундаментальных фактов ее истории и географии. Имперская, социалистическая или современная демократическая Россия в равной степени мыслится американской элитой как геополитическая мишень номер один. Этот тезис является одним из лейтмотивов работ классиков западной геополитики. По меткому замечанию Алена де Бенуа, одного из авторитетных критиков американской геополитической теории, «если отбросить в сторону риторику, превалировавшую в эпоху холодной войны <…> проклятия в адрес коммунизма часто маскировали враждебность по отношению к России, появившуюся задолго до большевистской революции и не исчезнувшую после краха советского блока».

Евразия представляется Вашингтону в виде шахматной доски, на которой ведется борьба за мировое господство. Контроль над Евразией автоматически влечет за собой подчинение Африки. Все это, в понимании американских политиков, предопределяет Евразию как сосредоточение геополитических интересов США. В самом деле, значение «мирового острова» сегодня очевидно как никогда.

По мнению Бжезинского, «роль Америки как единственной сверхдержавы мирового масштаба диктует сейчас необходимость выработать целостную и ясную стратегию в отношении Евразии»[33]. Сначала Соединенные Штаты должны закрепить в Евразии геополитический плюрализм. На первом этапе – посредством дипломатического маневрирования, исключающего образование враждебных США коалиций. На втором этапе установления контроля над Евразией у Вашингтона должны появиться стратегически приемлемые партнеры, с помощью которых можно создать трансъевразийскую систему безопасности, объединяющую как можно большее число стран и закрепляющую американское глобальное лидерство. При этом стратегической задачей Вашингтона является создание условий, при которых ни одно государство или группа государств Евразии не создали бы потенциал, необходимый для вытеснения Америки либо даже ослабления ее ведущих позиций на евразийском континенте.

Реализация американских геополитических подходов и идей глобального переформатирования мира хорошо прослеживается на примере создания в

---

[32] *Киссингер Г.А.* Ядерное оружие и внешняя политика: Сокр. пер. с англ. / Под ред. и с вступ. статьей [с. 5-32] д-ра воен. наук проф. ген.-лейт. С.Н. Красильникова. – М.: Изд-во иностр. лит., 1959.

[33] *Бжезинский З.* Великая шахматная доска.

период холодной войны так называемой петли анаконды – сети военных баз, опоясывавших СССР по периметру его границ и сохраняющихся в настоящее время.

Следует отметить, что Россия – не единственная важная континентальная держава. Особое внимание Макиндера привлекала Германия, которая контролировала своеобразный «малый Хартленд» – территории Центральной Европы. То же самое можно сказать и о Китае, перспективы усиления которого волновали и Мэхэна, посвятившего ряд работ этой проблеме, и Макиндера, и Спайкмена. Особенность Китая, по мнению классиков геополитической мысли, заключается в том, что эта страна может быть в равной степени ориентирована как на континентальную, так и на морскую модели развития.

Опасность, которая может исходить от Китая, с точки зрения классиков западной геополитики, состоит в том, что эта держава может использовать свои обширные континентальные ресурсы для того, чтобы обеспечить морское могущество. На протяжении столетий китайцы делали выбор в пользу сухопутной стратегии. Могущественной империи нечего было искать за морями, поскольку все необходимые ресурсы можно было найти у себя дома. Сегодня ситуация изменилась: не отказываясь от континентальных планов, Пекин возлагает большие надежды на освоение морских пространств, непрерывно наращивая морскую торговлю и развивая военно-морской флот. Эта тенденция вызывает значительные опасения со стороны США, так как в перспективе Желтое, Восточно-Китайское и Южно-Китайское моря могут превратиться фактически во внутренние акватории под контролем Пекина. Это тем более неприятно для Вашингтона, что данный район позволяет контролировать наиболее оживленные морские маршруты мира, которые по своей загруженности не уступают Атлантике, а с учетом роста азиатских экономик открывают все новые возможности.

Еще в 1900 г. Мэхэн в книге «Проблема Азии и ее влияние на международную политику» утверждал, что в обозримом будущем Китай сможет претендовать на роль лидера азиатского мира и начать активно использовать выгодное географическое положение, потеснив западные державы. Американского теоретика при этом волновало, сможет ли США распространить свое влияние на этот регион[34]. В свою очередь, Спайкмен был еще более откровенен. «Современный, возрожденный и милитаризованный Китай с его 400 миллионами населения будет представлять угрозу не только Японии, но и позициям западных держав в азиатском средиземноморье <…> Его географическое положение будет таким, как у США в отношении американского средиземноморья. Когда Китай окрепнет, его текущая экономическая вовлеченность в этот регион несомненно приобретет политический оттенок. Уже сейчас возможно представить тот день, когда прилегающее водное пространство будет контро-

[34] *Mahan A.* The Problem of Asia. Its Effect upon International Politics. Taylor and Francis, 2003.

лироваться не британскими, американскими или японскими военно-морскими силами, а военно-воздушными силами Китая»[35].

Другой важный игрок в глазах классиков геополитики – Германия. Потенциальный союз этой страны с Россией воспринимался ими как источник смертельной угрозы для евроатлантического сообщества: подобный сценарий неизбежно перечеркнет надежды Соединенных Штатов на доминирование в Евразии. Этот геополитический императив четко сформулировал Киссинджер: «Не в интересах ни одной из стран, чтобы Германия и Россия сконцентрировались друг на друге либо как на главном партнере, либо как на главном оппоненте. Если они чересчур сблизятся, то создадут страх перед кондоминиумом; если будут ссориться, то вовлекут Европу в эскалацию кризисов. У Америки и Европы существует взаимная заинтересованность не допустить, чтобы национальная германская и российская политика бесконтрольно сталкивались в самом центре континента. Без Америки Великобритания и Франция не смогут поддерживать политическое равновесие в Центральной Европе; Германию начнет искушать национализм; России будет не хватать собеседника глобального масштаба. А в отрыве от Европы Америка может превратиться не только психологически, но и географически в остров у берегов Евразии»[36].

Чтобы предотвратить сближение Москвы и Берлина, США выступили в качестве поборника идеи евроинтеграции, «локомотивом» которой должна была стать Германия. Казалось бы, подобная политика противоречит рекомендациям классиков. Достаточно вспомнить, что еще в разгар Второй мировой войны Н. Спайкмен предостерегал американское руководство от создания «Федеративных Штатов Европы», которые стали бы противовесом американскому влиянию в Старом Свете. Однако анализ того, каким образом создавался Европейский союз, а также единая валютная система, показывает, что результат оказался прямо противоположным. В рамках нового объединения Германия стала значительно более ослабленной и, что самое важное, лишилась своего основного конкурентного преимущества – немецкой марки, которая являлась самой стабильной и эффективно управляемой валютой в Европе. Неслучайно в канун создания еврозоны заголовки немецких газет пестрели фразами о «третьей за последние сто лет капитуляции Германии» и «предательстве национальных интересов».

После распада Советского Союза устремления США направлены уже на обеспечение своего влияния в новых независимых государствах. Акцент при этом делается на формировании вокруг России своего рода «санитарного кордона», состоящего из республик Балтии, Украины, Молдавии и государств Закавказья, а также на проникновении в Центральную Азию. Эта идея тоже была четко выражена в трудах Макиндера, особенно в его книге «Демократи-

---

[35] Spykman N. America's Strategy in World Politics: The United States and the Balance of Power. – New York: Harcourt, Brace and Company, 1942.

[36] *Киссинджер Г.* Дипломатия. М., 1994.

ческие идеалы и реальность», где он осмыслял итоги Первой мировой войны и революции в России. Один из идеологов неоконсерваторов 1990-х годов Пол Волфовиц писал: «Наша стратегия после распада СССР должна состоять в том, чтобы сосредоточиться на том, чтобы не допустить появления в будущем потенциальной глобальной силы или глобального конкурента. В первую очередь на территории Евразии»[37].

Именно необходимостью решения этих задач, а также контроля над Западной Европой («периферией Евразии») объясняется упорное стремление американцев к сохранению и расширению блока НАТО, а также стойкое неприятие предложений России по разработке Договора европейской безопасности, интеграционных инициатив на постсоветском пространстве, особенно в рамках Организации Договора о коллективной безопасности. Что касается продвигаемой в настоящее время Россией стратегии создания Большого евразийского партнерства, то она, согласно классической англосаксонской геополитике, вовсе является прямым вызовом господству США над «мировым островом» и, следовательно, всем миром.

Мэхэновская доктрина морской силы тоже никуда не исчезла из арсенала американских геополитиков. Другое дело, что она приобретает сегодня в большей степени антикитайский оттенок, по мере того как Пекин все более активно включается в международную экономику, по-прежнему опирающуюся на морскую торговлю, а также наращивает свое военно-морское могущество. Сочетание геополитических идей Мэхэна (контроль морских пространств и закрытие доступа враждебных США военно-морских сил в нужные районы Азиатско-Тихоокеанского региона) и Спайкмена (контроль «окраинных» государств Южной и Юго-Восточной Азии) нацелено в первую очередь на «опоясывание» Китая и сдерживание его растущего влияния в регионе.

Как отмечает известный британский специалист в области морской стратегии Дж. Тилль, глобализация в своей основе имеет морскую торговлю. Гигантским шагом в развитии международной торговли в современном мире стало изобретение контейнера, что позволило вывести морские перевозки на качественно новый уровень. В настоящий момент не менее 90 % товаров в мире так или иначе перевозится по водным артериям[38].

Таким образом, нет ничего удивительного в том, что контроль над морскими торговыми путями служит одним из столпов американской геополитической стратегии. Именно учения по осуществлению контроля над основными районами движения торговых судов являются истинной целью многочисленных «антипиратских» операций военно-морского флота США. Те же самые мотивы лежат в постоянно наращиваемой активности американского флота у спорных островов в Южно-Китайском море. Не меньший интерес для Пентагона представляют и другие ключевые транспортные артерии – Малаккский,

---

[37] Цит. по: *Сушенцов А.А.* Международные последствия распада СССР. – М.: МГИМО, 2012.

[38] *Till G.* Seapower: A Guide for the Twenty-First Century. London: Routledge, 2018.

Зондский, Баб-эль-Мандебский проливы, Персидский залив. Сегодня этот список пополняется также Северным морским путем.

Интересно отметить, что после распада СССР и окончания холодной войны на Западе активно высказывалось мнение о том, что эпоха геополитики безвозвратно ушла в прошлое. Наиболее радикальные теоретики, среди которых широко известен американский ученый японского происхождения Ф. Фукуяма (р. 1952), выдвинули идею о «конце истории», согласно которой после крушения СССР во всем мире естественным порядком, чуть ли не автоматически, установятся прозападные либеральные режимы, между которыми в принципе невозможно политическое соперничество[39]. Таким обществам геополитические доктрины будут просто не нужны. Всеобщая конвергенция моделей политического и экономического развития уничтожит любые противоречия между государствами, которые всегда составляли суть мировой истории. На смену конфликтам, порожденным глобальными и локальными проблемами, придет мирное сотрудничество. История «закончится», поскольку лишится самого своего содержания, а вместе с ней «закончится» и геополитика, которая новому миру будет просто не нужна. Ее место займет стратегия внешней политики, которая предполагает решение проблем дипломатическими методами, гибкий подход к межгосударственному взаимодействию, а также апеллирование к многосторонним диалоговым форматам и нормам международного права.

Эти и подобные идеи вызвали настоящую интеллектуальную эйфорию в западном мире. Многие ведущие университеты начали значительно сокращать или вовсе ликвидировать кафедры, занимавшиеся проблемами геополитики, международной безопасности, стратегии. Однако наряду с концепцией «конца истории» внимание общественности захватила разработанная С. Хантингтоном (1927–2008) теория «столкновения цивилизаций»[40]. В рамках этой концепции утверждалось, что основным фактором развития человечества становится не противостояние политических идеологий, а конфликты цивилизаций, имеющие в своей основе глубинные культурные, психологические, религиозные и этнические различия.

«В этом новом мире, – заявлял американский теоретик, – наиболее масштабные, важные и опасные конфликты произойдут не между социальными классами, бедными и богатыми, а между народами различной культурной идентификации <…> Наиболее опасные культурные конфликты – те, которые имеют место вдоль линий разлома между цивилизациями»[41]. Теория С. Хантингтона предполагала, что противоречия, которые вышли на первый план по окончании холодной войны, оказались значительно сильнее тех, что составляли ее сущность. Если политические и экономические системы можно с боль-

[39] *Фукуяма Ф.* Конец истории и последний человек. – М.: АСТ, 2007.

[40] *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. – М.: АСТ, 2003.

[41] Там же.

шим или меньшим успехом подвергать конвергенции и трансформации, то глубинные историко-культурные различия стереть практически невозможно. Следует добавить, что в эпоху холодной войны обе противоборствующие стороны использовали продукты европейской политической мысли, хотя и кардинально различные, а именно либерально-демократические и марксистские учения. Не будет преувеличением сказать, что это был конфликт в рамках одной европейской цивилизации и что прежняя биполярность была способом ее глобального доминирования.

Теория «столкновения цивилизаций» С. Хантингтона, несомненно, находится ближе к реальному положению дел в геополитической картине современного мира. Она была с пониманием воспринята стратегами в Белом доме, несмотря на то, что в академических кругах эта концепция подверглась яростной критике. Впрочем, знакомство с книгами американского исследователя не мешает творцам современной американской геополитики по желанию игнорировать (или же, напротив, намеренно углублять) цивилизационные различия при выработке стратегии укрепления гегемонии США.

Значение классических геополитических теорий для формирования концептуальных основ современной американской стратегии подчеркивается как теоретиками, так и практиками, имеющими отношение к ее разработке. Разумеется, эти доктрины дополняются и переосмысливаются, однако их содержание остается неизменным. В этом нет ничего удивительного, если учесть, что идеологическая направленность глобальной стратегии США, вопреки громким заявлениям официального Вашингтона, мало изменилась со времен холодной войны. В 1990-е годы стратеги в Белом доме радикально изменили геополитический лексикон. Между тем суть геополитической линии США не только осталась прежней, более того, в последние годы наблюдается возвращение к «испытанным» практикам времен противостояния сверхдержав. Все чаще высказывания представителей американского истеблишмента почти дословно повторяют штампы 1945–1990 гг. Такие понятия, как «сфера влияния», «сдерживание», «реалистическое устрашение», «гибкое реагирование», удивительно точно отражают линию, проводимую Вашингтоном в наши дни. Из забвения извлекаются и такие грозные доктрины, как «массированное возмездие» или даже «взаимное гарантированное уничтожение».

Николас Спайкмен утверждал, что «география есть наиболее фундаментальный фактор внешней политики, поскольку это наиболее постоянный фактор»[42]. Ему вторит современный автор, журналист, исследователь и в недавнем прошлом один из глашатаев американских неоконсерваторов Роберт Каплан. Утверждая, что «география не есть синоним фатализма», он тем не менее делает многозначительную оговорку: «Она является основным ограничителем и подстрекателем действий государства». В этом можно усмотреть одно из объяснений того, почему геополитические концепции, многим из ко-

[42] *Spykman N.* The Geography of Peace. Anchon, 1969.

торых уже более ста лет, до сих пор оказывают серьезное, а порой и решающее влияние на принятие решений американским руководством. В самом деле, фундаментальные факторы географии остаются неизменными. Например, тот факт, что США по сути являются островом, омываемым двумя океанами, а Европа представляет собой ни что иное, как большой мыс, выступающий из евразийского континента.

После окончания холодной войны возникло мнение о том, что геополитика исчерпала себя и к началу XXI века прекратит свое существование в эпоху стремительного распространения либеральных демократий по всему миру. Однако наряду с этой быстро дискредитировавшей себя идеей развивалась и другая точка зрения, согласно которой геополитика исчерпает себя в силу бурного технологического развития человечества. Речь шла, например, о распространении информационных технологий, транспорта и, конечно, революционных изменениях в области способов и методов ведения войны. Действительно, может показаться, что география уходит на второй план в нашу эпоху, когда авиация может подняться с баз на своей территории или в крайнем случае с палубы авианосца и, преодолев моря и горные хребты, нанести удар по противнику. Еще меньшее значение должен иметь географический фактор для таких активно разрабатываемых в наши дни технологий, как глобальный молниеносный неядерный удар, в рамках которого вооруженные силы США надеются получить возможность поразить высокоточными гиперзвуковыми ракетами любую цель в любой точке земного шара в течение часа после получения приказа об атаке.

В результате многих политиков и экспертов охватила эйфория от осознания того, что большинство проблем можно решить «нажатием кнопки». Эта точка зрения восходит еще ко временам Второй мировой войны, когда такие теоретики, как Александр де Северский и Джордж Реннер, а еще ранее итальянский генерал Джулио Дуэ, писали о том, что применение военно-воздушных сил не только в корне изменит характер ведения войны, но и поставит крест на прежнем геополитическом видении мира, которое основывалось на соотношении суши и моря. Сама концепция «кнопочной войны» зародилась в 1960-е – 1970-е гг. среди натовских военных теоретиков, которые развивали идею о том, что можно вести войну без реальных боестолкновений из защищенных командных центров (разумеется, речь шла о войне с применением ядерного оружия).

Череда неудач, постигшая Белый дом в Афганистане, Ираке, Ливии и теперь в Сирии, быстро развеяла заблуждения сторонников «воздушной теории» и прочих технократов. Уже упомянутый Р. Каплан назвал это «местью географии»[43]. Вступив в Афганистан, коалиционные силы во главе с США обнаружили, что, несмотря на господство в воздухе и техническое превосходство, они столкнулись с точно такими же проблемами, которые обусловили

[43] *Kaplan R.* The Revenge of Geography. Random, 2012.

поражение британцев в англо-афганской войне 1838–1842 гг. Американцы в Афганистане столкнулись с де-факто феодальными племенами, в течение столетий существующими в условиях жесткого климата, отсутствия природных ресурсов и в то же время в опасной близости от богатых торговых путей. Оказалось, что в XXI веке с присущими ему безграничными технологическими возможностями построить государство западного образца в азиатской стране, населенной воинственными горцами, просто невозможно. То же самое случилось в Ираке. Воздушная мощь Соединенных Штатов позволила в считанные дни разгромить армию Саддама Хусейна, однако геополитические особенности региона поставили крест на послевоенных планах Вашингтона по созданию «оазиса демократии» в Междуречье.

Превосходный пример «мести географии» представляет собой деятельность США на Украине. Приветствуя антиконституционный переворот в этой стране и обеспечивая ему мощную идеологическую и информационно-пропагандистскую поддержку Запада, Белый дом делал ставку на противопоставление Европы и России. При этом геополитическая судьба Украины, по мысли вашингтонских пропагандистов, состоит якобы в том, чтобы стать частью европейского сообщества. Глубокая ошибочность этой стратегии, которая в конечном итоге спровоцировала настоящую гражданскую войну на востоке страны, заключается в нежелании понимать тот факт, что государственная граница между Россией и Украиной не обозначает границы между обществами, культурами или цивилизациями. Граница между двумя государствами проходит по равнинному пространству, которое в течение столетий свободно пересекалось представителями различных народов, конфессий, языковых групп, в ходе чего происходил интенсивный экономический, духовный и культурный обмен. Иными словами, никакой границы в геополитическом (а не в административном) смысле этого слова между Россией и Украиной не существовало. Факт географической близости территории Украины и к Европе не означает ее безусловной принадлежности к европейской цивилизации. Именно поэтому планы Вашингтона по одномоментному созданию границы на пространстве, которое исторически отрицает создание какой-либо четкой границы, были обречены на неудачу. Упорство Запада в этом заведомо провальном проекте было оплачено кровью тысяч людей, погибших при проведении Киевом так называемой антитеррористической операции на востоке Украины.

Следует отметить, что у деструктивной американской стратегии создания искусственных границ имеются удивительно точные параллели и идейные предшественники в прошлом. В 1907 г. известный английский государственный деятель лорд Джордж Керзон прочел публичную лекцию, посвященную проблеме границ. Его выступление повествовало преимущественно о том, каким образом можно стереть естественные границы между народами и государствами и вместо них создать новые, искусственные границы для реализа-

ции собственных геополитических целей. По сути, этот подход повторяет известный императив «Разделяй и властвуй!»[44]. Интересно, что Керзон, с которым Х. Макиндер тесно общался и обменивался мнениями, после Первой мировой войны был одним из создателей новой карты Европы, которая произвольно делила единые народы, культурные и конфессиональные группы в целях создания «санитарного кордона» по границам России. Стратегию, которая удивительно точно повторяет план Керзона, сегодня реализует в Восточной Европе американское правительство.

Однако американские геополитические амбиции с годами возросли настолько, что в современных условиях даже у США не хватает экономических возможностей для их воплощения в жизнь. Отсюда стремление к созданию глобальной системы «разделения труда» в рамках НАТО, региональных зон свободной торговли и «коалиций желающих» под конкретные военные операции. Таким образом, провозглашаемый западными геополитиками акцент на сотрудничестве является тактическим ходом, призванным экономить ресурсы США.

Самое главное, что осталось неизменным, это сам статус геополитики как концептуальной основы глобальной американской стратегии. Этот феномен глубоко укоренен в психологии руководства Государственного департамента США, которое не признает ценности дипломатических методов. Для любого из руководителей американского внешнеполитического ведомства дипломатия воспринимается как синоним слабости. Расхожим в Госдепе является и мнение о том, что только слабые апеллируют к защите международного права. Большинство американских «дипломатов» вообще не обладают необходимыми профессиональными навыками. Это признают и сами американцы, как, например, ветеран Госдепа Ч. Фримен, отмечающий, что «внешней политикой по большей части занимаются тщеславные дилетанты – наивные идеологи, проводники интересов крупного капитала, силовики, ищущие легкой и хорошо оплачиваемой работы, политические пиарщики и случайные ученые»[45].

Вместе с тем для современной геополитики характерен ряд отличительных черт, привнесенных эпохой холодной войны и событиями последующих лет. В первую очередь значительно расширился арсенал геополитических методов. Классическая геополитика мыслилась с точки зрения возможности или, по крайней мере, угрозы применения военной силы. Напротив, в наши дни разработан гибкий инструментарий, который получил собирательное название теории «мягкой силы». Термин предложил в 1990 г. американский политолог Дж. Най (р. 1937), охарактеризовав его как совокупность способов влияния

---

[44] The Romanes Lecture, 1907. Frontiers by Lord Curzon of Kedleston.

[45] *Фримен Ч.* Когда бессильна дипломатия // Россия в глобальной политике. 2014. № 4 (июль – август). С. 14. Читатель, безусловно, обратит внимание, что перечень Ч. Фримена исчерпывающим образом характеризует абсолютное большинство творцов американской геополитической мысли, упомянутых выше.

при помощи вовлечения в сотрудничество. «"Мягкая сила", – пишет Най, – основывается на способности менять предпочтения других»[46]. Другими словами, речь идет о воздействии на то, каким образом партнер определяет свои национальные интересы и формулирует соответствующие задачи. Фактически ему задают систему координат на уровне ценностей, в том числе внешнеполитических, и иных факторов, что и гарантирует получение желаемого результата. Американский исследователь первоначально выделял три типа ресурсов «мягкой силы» – культуру, политические ценности и внешнюю политику[47]. В настоящее время этот список значительно расширился. Западные стратеги быстро осознали, что в роли инструмента «мягкой силы» могут выступать экономическое влияние, информационно-пропагандистские методики и даже конфессиональная политика.

При этом не стоит обманываться насчет самого термина «мягкая сила», так как последствия ее применения могут оказаться не менее катастрофическими, чем результаты задействования «жестких» инструментов вроде военной интервенции.

Одним из ключевых инструментов современной геополитики является экономическое влияние. В настоящее время роль экономической составляющей в геополитической стратегии возросла настолько, что дала жизнь новому термину «геоэкономика». Экономические средства геополитики примечательны тем, что сочетают в себе элементы «мягкой» и «жесткой» силы. Так, в качестве действенного геополитического инструмента Вашингтон использует экономическое закабаление слаборазвитых стран, навязывая им «помощь» по линии международных финансовых институтов – МВФ и Всемирного банка. В 1990-е гг. особенно агрессивно продвигалась практика «вашингтонского консенсуса» – стандартного набора требований к макроэкономической политике государства-реципиента, что приводило к тяжелейшим последствиям, во многих случаях заканчиваясь установлением неформального протектората со стороны МВФ. В настоящее время эта практика переживает свое второе рождение на Украине.

Если в случае «вашингтонского консенсуса» очевидно грубое навязывание условий слабой стороне, то для развитых стран Белый дом избрал стратегию установления «всеобъемлющих» форм экономического сотрудничества, наиболее амбициозными из которых являются Трансатлантическое торгово-инвестиционное (ТТИП) и Транстихоокеанское партнерство (ТТП). Теоретически эти соглашения способны принести значительные экономические дивиденды как США, так и их заокеанским партнерам. Однако в реальности речь идет не о безобидных зонах свободной торговли, а о полноценном подчинении центров экономической силы в Европе и Азии интересам Соединенных Штатов, по сути создании инструментов по сдерживанию России и Китая, ко-

[46] *Nye J.* Soft Power: The Means to Success in World Politics. – New-York: Public Affairs, 2004. P. 5.
[47] Ibid. P. 11.

торые оставались бы «за бортом». Администрация Д. Трампа в русле своей философии «Америка прежде всего» отказалась от участия в обоих проектах, что создало «окно возможности» для Китая, который в ноябре 2019 г. добился заключения соглашения о Всестороннем региональном экономическом партнерстве (ВРЭП) со своим участием и опорой на АСЕАН, а также парафировал Инвестиционное соглашение с Евросоюзом. Смена администрации в результате выборов 2020 года создала условия для возобновления трансатлантического партнерства, включая подключение ЕС к линии Вашингтона на торгово-экономическое и технологическое сдерживание Китая.

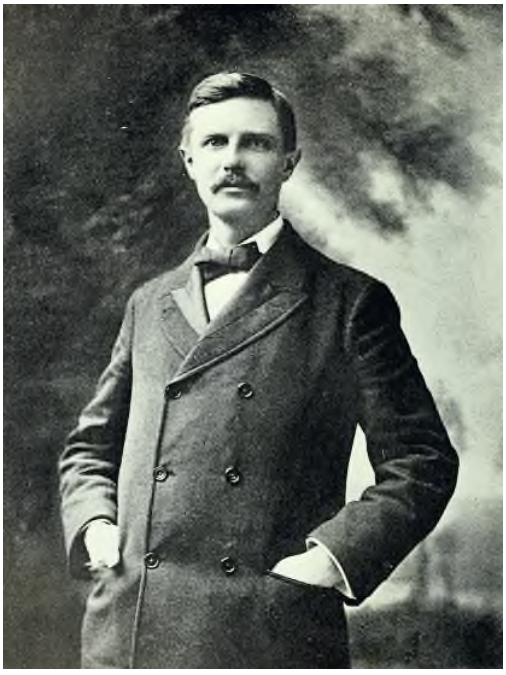
В наши дни становится очевидным, что Вашингтон никогда не отказывался от доктрин, выработанных во времена холодной войны. Классические геополитические теории и подходы не только не устарели в наши дни, но даже приобрели новое звучание и дополнительную актуальность. Созданные еще 50–100 лет назад доктрины прекрасно укладываются в канву современной американской картины мира. Благодаря этому теории, которые были рассмотрены выше, представляют не только исторический, но и вполне практический интерес и до сих пор активно используются стратегами в Соединенных Штатах.

Сегодня американское геополитическое мышление эволюционировало, проделав масштабный и долгий путь. На первый план вышли экономические инструменты, которые вполне могут являться образцом геополитической «жесткой силы». В пользу этого говорит и открытая экономическая война, развязанная Западом против России под предлогом проведения СВО на Украине. Она является заменой войне «горячей», к которой Запад, по его собственному признанию, не готов. Отсюда и появление такого понятия, как гибридная война, в которой главная роль отводится экономическому и иному санкционному давлению, а также информационному противоборству. Легко заметить, что потери, которые сам коллективный Запад несет в санкционном противостоянии с Россией, по своей тяжести приближаются к полноценной войне.

В целом попытка Вашингтона воспользоваться временным ослаблением государственных институтов (в том числе и в России) и под прикрытием «экономической помощи» по линии МВФ и Всемирного банка построить на развалинах прежних режимов марионеточные государства провалилась. Уже к началу XXI столетия стало очевидно, что предсказанного «конца истории» со всеобщей конвергенцией социальных и экономических систем, их сведением к общему знаменателю неолиберальной экономической политики не предвидится. Решительные действия российского руководства в 2022 г. подвели окончательную черту под этими авантюристическими планами.

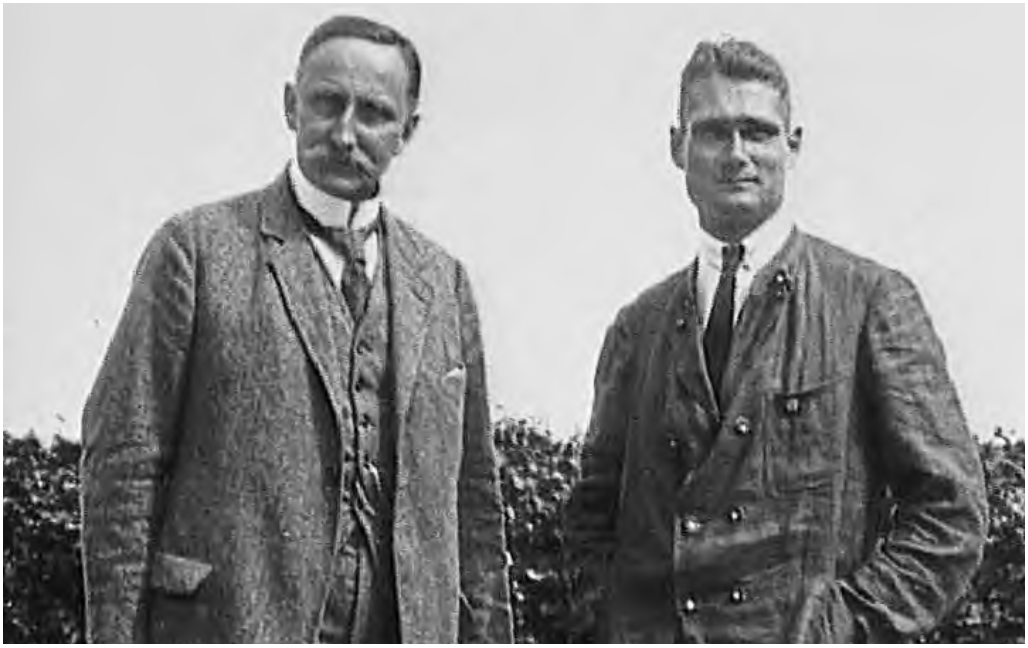
Иллюстрации к главе 1

Карл Риттер (слева), Фридрих Ратцель (в центре) и Рудольф Челлен (справа) считаются основоположниками современной геополитики. Все они были академическими учеными, которые пытались найти общую взаимосвязь между политическим развитием государств и географическими характеристиками территорий, которые занимали эти государства.

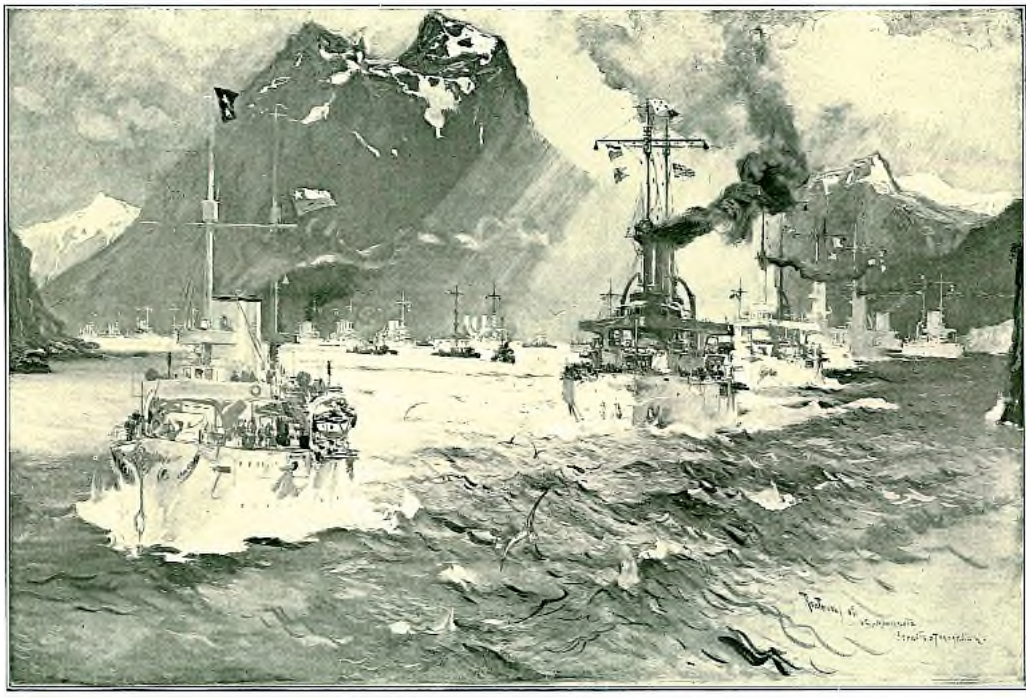


Фредерик Джексон Тёрнер был одним из наиболее уважаемых академических историков своего времени. Его «теория фронтира» явилась одной из первых американских геополитических доктрин.

Альфред Тайер Мэхэн – автор доктрины «морской силы».

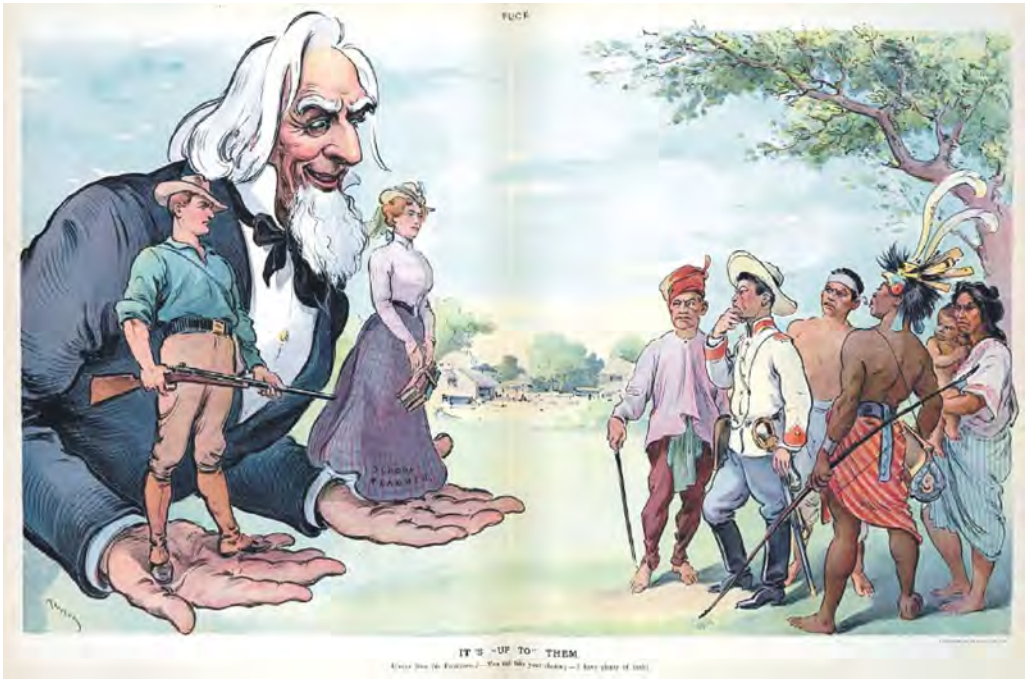


Карл Хаусхофер и Рудольф Гесс в начале 1920-х гг.



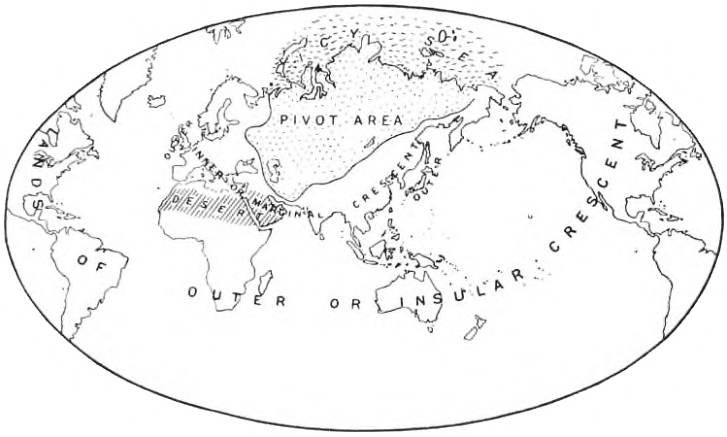
The Fleet Passing Through Magellan Straits
HENRY REUTERDAHL

«Великий белый флот» в Магеллановом проливе.



«Мягкая сила» США. Дядя Сэм предлагает выбор между солдатом и школьным учителем. Журнал Puck, 1901.

Знаменитая картина Джона Гаста «Американский прогресс» (или «Шествие Америки»; 1872 год) стала воплощением метафоры «манифеста судьбы», который и сегодня оказывает серьезнейшее влияние на умы американцев. На картине аллегорическая Америка в виде женщины в белом ведет поселенцев на Запад. В одной руке она держит учебник, в другой – телеграфный провод.



Карта Х. Маккиндера.

Римленд – карта Н. Спайкмена.

Г. Киссинджер и З. Бжезинский.

Глава 2

Американский подход к современному миропорядку

Распад биполярной структуры международных отношений, произошедший на рубеже 1980–1990-х гг., привел к кардинальному нарушению силового равновесия в пользу США, единолично оказавшихся на вершине мировой иерархии. Этот сдвиг в сторону однополярности означал не просто наступление эпохи доминирования одной сверхдержавы. В состоянии кризиса оказались механизмы поддержания межгосударственного равновесия, ранее ограничивавшие гегемонистские устремления великих держав.

В течение десяти лет с момента распада СССР американское господство в глобальном масштабе казалось непоколебимым. Однако 11 сентября 2001 г. произошли беспрецедентные теракты, воспринятые руководством США как вызов американскому лидерству. Эти события способствовали росту уверенности американцев в том, что мировой порядок нуждается в регулировании и управлении, в том числе с использованием военной силы, невзирая на существующие правовые нормы и правила международного поведения. В результате переоценка угроз национальной безопасности США, включая не только терроризм, но и риски распространения оружия массового уничтожения и его попадания в руки «неблагонадежных» режимов, обусловила принципиальные изменения в восприятии внешнего мира не только политической элитой США, но и американским обществом в целом. Новая угрожающая международная среда побудила администрацию Дж. Буша-младшего выработать подход к обеспечению национальной безопасности, утверждающий необходимость роста военной мощи и распространения «универсальных ценностей» в глобальном масштабе (разумеется, сами США объявлялись их высшим воплощением). Как следствие, резко повысилось внимание американского руководства к внутренней динамике развития других государств, природе их политических режимов, отношению к международному терроризму и демократии. Огромное влияние на американские элиты, прежде всего республиканцев (в первую очередь саму команду Дж. Буша-мл.), оказала доктрина «Нового американского века», которая начала разрабатываться в 1997 г. группой неоконсерваторов во главе с У. Кристолом и Р. Каганом. Они исходили из того, что «американское лидерство одинаково хорошо как для Америки, так и для всего мира», и выступали в поддержку «политики военной силы и моральной чистоты», якобы заложенной Р. Рейганом на позднем этапе холодной войны[1].

Новое видение окружающего мира было основано на светском и религиозном мессианизме, предполагающем установление «имперского правления во имя универсальных ценностей», а также убеждении, что «США имеют исто-

[1] Rise and Demise of the New American Century. Barry T. IRC, 2006.

рически и теологически обоснованное право и обязанность спасти или преобразовать мир в соответствии с их собственными универсально применимыми принципами[2]». Закономерным последствием принятия подобных установок стал односторонний пересмотр американским руководством основополагающих норм международного порядка, касающихся прежде всего суверенитета и невмешательства во внутренние дела национальных государств. Пренебрежение нормами международного права, а также мнением союзников и мирового сообщества оправдывалось соображениями безопасности, причем не только и не столько американской, сколько региональной (на Ближнем Востоке) и глобальной. Решимость США нарушать суверенитет национальных государств, активно вмешиваться в их внутренние дела, а также готовность содействовать смене нелояльных режимов побудили многих западных экспертов говорить о формировании «благотворной империи», стремящейся установить порядок в мире путем сокращения избыточных (с точки зрения США) суверенных прав отдельно взятых государств и режимов. З. Бжезинский назвал Америку «последним сувереном»[3], подразумевая, что именно ей принадлежит решающее право подтверждать или отказывать другим государствам в их суверенном статусе.

Таким образом, новый подход США к проблеме управления мировым порядком в условиях усиления транснациональных угроз получил воплощение в двух взаимосвязанных направлениях имперской внешней политики администрации Дж. Буша-младшего. Первое предполагало реализацию политики силового давления и смены режимов в отношении так называемых государств-изгоев. Второе направление ориентировалось на повсеместное распространение демократии и либеральных ценностей, допуская при этом использование военных мер с целью отстранения от власти враждебных по отношению к США авторитарных режимов.

Как следствие, в начале 2000-х годов новая мировая структура начинает оцениваться американским руководством уже не как традиционный баланс сил (как это было во времена холодной войны), но как противостояние «центра», воплощающего высшие цивилизационные стандарты, и отсталой авторитарной «периферии». Ирак, Иран, Ливия, Сирия, Северная Корея стали рассматриваться в качестве наиболее опасных нарушителей норм международного порядка. Суверенитет таких государств имел для США условный характер.

Второе направление имперской внешней политики республиканской администрации Дж. Буша-мл. апеллировало к необходимости защиты демократии не только внутри США, но и за пределами «свободного мира». Как пока-

---

[2] *Богданов А.Н.* «Американская империя» и мировой порядок в XXI веке // Геополитика и безопасность. 2014. № 4. С. 79–86.

[3] *Бжезинский З.* Последний суверен на распутье. 2006. URL: https://globalaffairs.ru/articles/poslednij-suveren-na-raspute/

зал опыт Афганистана и Ирака, реализация имперской стратегии распространения демократии на недружественные режимы стран мировой периферии предполагала приход к власти зависимых от США местных политических элит, сохраняющих власть в стране главным образом благодаря своей лояльности могущественному патрону. В странах, подвергшихся демократизации, нередко создавалась парадоксальная ситуация, когда проамериканские «легитимные» режимы держались лишь на штыках американских солдат. Показателен пример Афганистана, где местные администрации считались «дневными», тогда как с заходом солнца и прекращением активных действий западных войск власть в свои руки брали противостоявшие им подпольные формирования талибов и других воюющих группировок.

Издержки, связанные с необходимостью поддерживать такие клонированные режимы, оказались тяжелым бременем для США. Формирование под эгидой США глобальной антитеррористической коалиции после терактов 11 сентября, совместные операции коалиционных сил в Афганистане, Ираке, Ливии и Сирии выявили стремление Америки придерживаться стратегии разделения бремени расходов на «демократизаторские миссии» со своими союзниками и партнерами.

Провозгласив себя победительницей в холодной войне в 1991 году, «американская империя» к началу XXI века несколько сменила свое амплуа, сделав акцент на борьбе с угрозами цивилизации и несении «общечеловеческих ценностей» по всему миру. Впрочем, такой маневр (во многом имиджевый) лишь отчасти помог Вашингтону упрочить свою гегемонию. Стало ясно, что Америка начала терять свои позиции. Мощным импульсом к этому послужил разразившийся в 2008 году мировой финансовый кризис, который заставил задуматься о необходимости оптимизировать нарастающие издержки военного присутствия США на Ближнем Востоке и в Центральной Азии. Все более явным становилось и недовольство международного сообщества, желающего видеть в лице США защитника норм международного порядка, а не их агрессивного нарушителя, а также появление государств, заявляющих о своем праве на лидерство.

В итоге имперская система правления оказалась слишком дорогостоящей как для США, так и для всего остального мира, что побудило пришедшую на смену республиканцам демократическую администрацию Б. Обамы обратиться к более мягким формам господства, включая «лидерство из-за спины» (*leading from behind*)[4]. Встал вопрос об альтернативном видении глобальной стратегии США с упором на воссоздание внутренних основ американской мощи и конкурентоспособности страны, подорванных глобализацией и инерционной политикой элит, и демилитаризации самого понятия национальной безопасности, которое все больше расходилось с реальными интересами и ну-

[4] The Obama Doctrine. The Washington Post, 2011. https://www.washingtonpost.com/opinions/the-obama-doctrine-leading-from-behind/2011/04/28/AFBCy18E_story.html

ждами рядовых американцев. Дань подобной риторике отдал сам З. Бжезинский, который пишет о «глобальном политическом пробуждении», ключевая характеристика которого заключается во «всеобщей устремленности к обретению человеческого достоинства»[5]. В свою очередь, геополитика «глобального пробуждения» должна с пониманием относиться к тому, что мировое развитие в наши дни стало «антиимперским, политически антизападным и эмоционально все более антиамериканским»[6].

С точки зрения развития американской стратегии период администрации Б. Обамы носил характер «передышки» после сокрушительного провала неоконсервативного проекта «Нового американского столетия» при Дж. Буше-мл. В экспертной среде Америки заговорили о «постамериканском мире», «имперском перенапряжении сил» и даже «провале американской миссии».

Поэтому при Б. Обаме элиты, пытаясь оправиться от осознания ограниченности ресурсов США, сформулировали видение американской миссии, адаптированное к новой глобальной среде и при этом укладывавшееся в русло традиционной послевоенной внешнеполитической философии и позиции о незаменимости лидерства Америки. Правда, отстаивать все эти постулаты становилось все труднее. Уже в последние годы администрации Обамы Китай догнал США по размеру ВВП по паритету покупательной способности (ППС). Если взять ту же методику подсчета и различия в структурах военных бюджетов двух стран, то Китай сравнялся и по закупкам вооружений. И это не говоря о том, что украинский кризис 2014 года и операция в Сирии показали, что Россия вполне достигает своих целей эффективной модернизации вооруженных сил при размерах военного бюджета в одну десятую от совокупного показателя всех стран – членов НАТО.

Администрация Обамы попыталась (впрочем, не очень удачно) дать свой концептуальный ответ на все эти вызовы. Единоличное лидерство США новый американский президент попытался заменить на так называемые многостороннее партнерство и цивилизационный плюрализм. Американское и в целом западное экспертные сообщества рукоплескали этим «смелым» идеям, которые казались глотком свежего воздуха после грубых силовых доктрин эпохи Буша-младшего, не говоря уже о временах холодной войны. Зримым свидетельством энтузиазма, охватившего Запад после избрания Обамы, стала Нобелевская премия мира, которой новоиспеченный американский лидер был удостоен менее чем через девять месяцев после своей инаугурации, фактически за свои громкие и исполненные благих намерений речи («за экстраординарные усилия в укреплении международной дипломатии и сотрудничества между людьми» в формулировке нобелевского комитета). К сожалению, на практике глобальная политика США при первом чернокожем президенте

[5] *Бжезинский З.* Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы. – М.: Международные отношения, 2010. С.174-175.

[6] Там же. С. 177.

сохранила претензии на американскую исключительность и статус США как образца для подражания для всех других государств и регионов.

Не менее показательным для понимания эволюции американской стратегии является четырехлетнее президентство Д. Трампа, которое многие аналитики называют «аномальным». Несмотря на громкие заявления, сделанные им еще в статусе кандидата в президенты, которые некоторые эксперты истолковали едва ли не как стремление вернуться к изоляционистскому курсу образца 1920–1930-х годов, международный курс Вашингтона стал еще жестче. Этому во многом способствовало стремление команды Трампа сделать американскую стратегию более прагматичной, избавившись от риторической «шелухи» времен Обамы. В определенном смысле это было попыткой возвращения к стратегии реальной политики, принимающей в расчет прежде всего конкретные возможности партнеров и соперников, а не отвлеченные лозунги и доктрины. Поскольку к тому моменту стало очевидно, что основными соперниками США реально могут быть лишь две державы – сильная в военном отношении Россия и теснящий американцев в экономике Китай, – то основной акцент был сделан именно на попытке ослабить эти державы, попутно переложив значительную часть ресурсного бремени на союзников.

Трамп и его стратеги, в особенности длинная череда его помощников по национальной безопасности (среди них особенно выделялся авторитетный «ястреб» Дж. Болтон) не стеснялись заявлять о том, что их основная цель – максимально упростить и удешевить реализацию стратегических приоритетов США. С этой целью они запустили беспрецедентную по своему масштабу кампанию, направленную на развал широкого комплекса договоренностей в сфере стратегической стабильности, похоронив Договор о ракетах средней и меньшей дальности, Договор по открытому небу и едва не подведя черту под Договором о стратегических наступательных вооружениях. В свою очередь, тактика «оптимизации расходов» вылилась прежде всего в жесткий финансовый шантаж союзников по НАТО и за ее пределами.

Таким образом, объективно в трамповской глобальной стратегии гегемонистская составляющая серьезных изменений не претерпела. Если Обама пытался вести мир «из-за спины», то Трамп пытался делать это, сидя в своей бухгалтерии, где он сводил доходы и расходы, связанные с внешней политикой. И хотя многие трамписты превозносили своего лидера как первого за длительное время американского президента, во время правления которого не было развязано ни одной войны, прагматизм Трампа в итоге привел к глубокому моральному кризису в мировой политике, прежде всего связанному с продемонстрированным Вашингтоном пренебрежением международно-правовыми инструментами и самим духом международного права. Последствия этого кризиса особенно остро ощущаются сегодня, когда военно-политическая эскалация в Евро-Атлантике достигла небывалого уровня.

Администрация Байдена (бывшего вице-президентом при Обаме), продолжившая курс Обамы (и американского истеблишмента в целом) после четырехлетнего «перерыва» на президентство Трампа, взяла курс на восстановление идеологической связанности внутренней и внешней политики. Выдвинувшая Байдена ультралиберальная часть американской элиты стремилась взять реванш, в том числе выведя на новый уровень навязывание мировому сообществу своих идеологических установок, продвижение которых прагматичного консерватора Трампа заботило в последнюю очередь. Новая администрация также взяла курс на разрешение проблемы «войны на два фронта», вновь определив в качестве главных противников Россию и Китай. Говоря простым языком, американская внешняя политика сделала очередной круг и вновь замкнула петлю, которая вот уже многие десятилетия вьется вокруг главного приоритета – всемирной гегемонии США, альтернативы которой в Вашингтоне попросту не усматривают. Все «теоретические» дискуссии по этому вопросу, как мы видели, в итоге свелись лишь к тому, чтобы выжимать из этой гегемонии как можно больше, тратить на это меньше ресурсов и продавать мировому сообществу разнообразные мифы о вовлеченности в управление глобальными процессами всех «свободных и демократических государств».

За последние тридцать лет Вашингтон так и не смог кардинально переоценить мир после окончания холодной войны и столкнулся с неизбежной дилеммой, которую бывший глава штаба внешнеполитического планирования Госдепартамента, политолог-международник А.-М. Слотер сформулировала еще в 2011 году: либо США осуществляют контроль в закрытой системе, либо пользуются основанным на доверии влиянием в открытой системе, при этом проведя общую демилитаризацию внешней политики и самого понятия национальной безопасности[7]. Ее коллега, нынешний президент влиятельного нью-йоркского Совета по международным отношениям Ричард Хаас говорил о необходимости создания подобия европейского «концерта держав», учрежденного по итогам разгрома Наполеона на Венском конгрессе 1815 года (при ведущей роли России), только уже на глобальном уровне[8]. О провале в период после окончания холодной войны «американской миссии в мире, созданном самими США»[9], и необходимости пересмотра внешнеполитической философии страны писали многие американские политологи-международники, например Майкл Мандельбаум и Питер Бейнарт.

Иными словами, в экспертном сообществе самой Америки, начиная с провального президентства Дж. Буша-мл., все чаще раздаются голоса о необходимости считаться с качественно новой глобальной средой, прежде всего попытавшись реально интегрировать Пекин и Москву в институты сложившегося

[7] Adapting U.S. Policy in a Changing International System. The Atlantic, 2011.

[8] *Haass R.*, *Kupchan Ch.* The New Concert of Powers. Foreign Affairs, 2021.

[9] Mission Failure: America and the World in the Post-Cold War Era. Oxford, 2016.

геополитического порядка, то есть отнестись к ним как к равным. В противном случае вряд ли будет возможно обеспечить устойчивость миропорядка даже в краткосрочной перспективе. Однако, как можно судить по делам Вашингтона, выбор был сделан в пользу сдерживания обоих конкурентов. Цель – упредить их до того, как они смогут бросить вызов безусловному глобальному лидерству Америки (в политологии эта ситуация известна под названием «ловушка Фукидида»). Причем под сдерживанием может пониматься любое воздействие вплоть до демонтажа политического строя.

Как отмечал в своей статье в августе 2021 года Уэсс Митчелл, ушедший двумя годами ранее с поста заместителя госсекретаря по делам Евразии, США не имеют достаточно ресурсов, чтобы одновременно противостоять России и Китаю[10] (примером может служить Германия, которая дважды ввязывалась в войну на два фронта). К 2030 году ВВП Китая в 1,5–2 раза превысит ВВП Америки, причем уже в номинальном исчислении, а не по паритету покупательной способности, как в данный момент. Поэтому надо начать с более слабого звена, каким в американской элите считается Россия. Ее надо «остановить» на Украине и развернуть ее «экспансию» в сторону Евразии.

Существуют и другие заслуживающие внимания подходы, которые так или иначе проявляются во внешнеполитическом планировании Вашингтона.

Так, американская политика сдерживания вписывается в попытки выстроить широкое сотрудничество центров силы при ведущей роли США и на американских условиях. В зарубежной литературе такая стратегия определяется как «сверхбалансирование» (overbalancing)[11]. Она предполагает размывание растущей роли наиболее вероятных конкурентов Вашингтона, в первую очередь Китая, но также и России, за счет поощрения амбиций восходящих государств «второго эшелона». Неслучайно американским экспертным сообществом несколько лет назад была вброшена идея «бесполюсного мира»[12]. Вместо перераспределения силы между ограниченным числом держав, характерного для полицентричного порядка, во главу угла ставится ее распределение среди разнотипных игроков. Для этого Вашингтону рекомендовалось использовать разного рода многосторонние форматы вроде «Группы двадцати», которая включает не только США, их традиционных союзников из числа развитых государств, страны БРИКС, но и Аргентину, Индонезию, Мексику, Саудовскую Аравию, Турцию, Южную Корею.

В системе с множеством влиятельных участников растет потребность в координирующей силе, предотвращающей ее хаотизацию. Соединенные Штаты будут претендовать именно на такую регулирующую роль, добиваясь отноше-

---

[10] *Mitchell W.A.* A Strategy for Avoiding Two-Front War. The National Interest, 2021.

[11] *Rosencrance R.N.* Allies, Overbalance and War // The Next Great War? The Roots of World War I and the Risk of U.S.-China Conflict / Ed. by R. Rosencrance, St. Miller. Cambridge MA: MIT Press, 2014. P. 45–56.

[12] *Haass R.* The Age of Nonpolarity // Foreign Affairs. May/June 2008. № 3.

ний привилегированного партнерства со всеми основными игроками и поддерживая конкуренцию между ними. Формирующийся таким образом международный порядок, уверяют американские эксперты, будет характеризоваться снижением военно-политической напряженности между странами при сохранении активного экономического соперничества. Номинальные позиции США в институтах управления мировым хозяйством (МВФ, Всемирный банк, ВТО, ОЭСР), а также в ООН якобы ослабнут, но они, как отмечают эксперты, обретут большую свободу маневра между множеством конкурирующих коалиций.

Однако исторический опыт свидетельствует о том, что построение и тем более поддержание такой системы требуют большого дипломатического искусства и политической мудрости (примером может служить Византия, просуществовавшая тысячу лет после падения Западной Римской империи). Как правило, оно связано с деятельностью выдающихся государственных деятелей и редко переживает своих создателей. Последовательная реализация стратегии «сверхбалансирования» потребует от американской элиты выработки долгосрочного стратегического видения, причем такого, которое разделялось бы другими ведущими международными игроками. Однако, как показывают события последних десятилетий, ничего подобного у американцев попросту нет и вряд ли появится в обозримом будущем. Во многом это является следствием отсутствия у американских элит достаточной интеллектуальной гибкости.

Попытки избежать «имперского перенапряжения» заставляют американских политиков и экспертов изобретать новые, более «экономные» подходы сохранения гегемонии США. Тенденция к усилению сдержанности в американской внешнеполитической стратегии в рамках «удаленного балансирования» (off-shore balancing)[13] преобладала в годы администраций Обамы и Трампа как естественная реакция на эксцессы времен Дж. Буша-мл. В данном случае речь, конечно, не идет о возвращении к практике изоляционизма первой половины XX века. Такой курс предполагает мягкое сдерживание потенциальных конкурентов, прежде всего Китая, с опорой на широкую сеть формальных и неформальных союзов и партнерств. В связи с этим показательны американские усилия последних лет по увеличению числа разноуровневых партнерств в Азии, включая AUKUS, Индо-Тихоокеанских инициатив, а также возрождению евроатлантической солидарности в рамках НАТО и упорному продвижению блока в другие регионы мира[14]. Эта стратегия восходит к «блестящей изоляции» Лондона в XIX веке по отношению к континентальной

---

[13] *Layne Ch.* The Unipolar Illusion Revisited // International Security. 2006. Vol. 31. №. 2.

[14] *Campbell K., Andrews B.* Explaining the U.S. «Pivot» to Asia. Chatham House. August 2013. URL: http://www.chathamhouse.org/sites/files/chathamhouse/public/Research/Americas/0813pp_pivottoasia.pdf; *Nuland V.* The Transatlantic Trends 2014. Remarks at German Marshall Fund. Washington D.C., 10.09.2014. URL: http://london.usembassy.gov/europe441.html

Европе и характерна для островных государств (Северная Америка, напомним, с точки зрения классической геополитики представляет собой остров, находящийся в стороне от другого, «мирового евразийского острова»). Такая политика привела к Крымской войне и затем Первой мировой, поскольку отрицала необходимость создания общерегиональной, инклюзивной и действенной системы коллективной безопасности на европейском континенте.

При осуществлении «удаленного балансирования», которое вписывается в логику Римленда (как и вся политика сдерживания России и Китая), основная роль в формирующейся гибкой архитектуре будет отводиться региональным игрокам, в то время как США будут оказывать политическую и экономическую поддержку, допуская более активное вмешательство только в случае крупных кризисных ситуаций, создающих угрозу резкой смены соотношения сил в мире[15].

В рамках политики «удаленного балансирования» уменьшится непосредственное влияние США на текущую международную повестку дня, по крайней мере в теории. Одновременно они смогут сократить расходы на оборону и сосредоточиться на укреплении своего экономического потенциала. Развитие данных тенденций может происходить даже на фоне обострения гонки вооружений в Азии, на Ближнем и Среднем Востоке. Осуществление Вашингтоном этой стратегии будет способствовать расширению роли региональных экономических группировок и военных альянсов. Вместе с этим стоит ожидать обострения конкуренции между региональными проектами. Мир вряд ли станет более стабильным.

«Удаленное балансирование» предполагает наименее ресурсозатратный способ обеспечения интересов США. Отказ от таких дорогостоящих компонентов внешней политики, как проведение военных операций по всему миру, призван укрепить позиции Вашингтона в мировой экономике. В то же время такая политика подтолкнет даже традиционных союзников США к более активному экономическому сотрудничеству с Пекином.

Еще одним вариантом политики Вашингтона может стать попытка образования альянса с наиболее вероятным претендентом или претендентами на преобладание в международной системе. Такая альтернатива уже обсуждалась на раннем этапе работы администрации Б. Обамы, когда выдвигалась идея создания «Группы двух» в составе США и КНР, за что выступали Г. Киссинджер и З. Бжезинский. Этот проект в прессе иронично называли «Кимерикой».

Такое сближение, по мысли американских стратегов, позволило бы США укрепить военно-политическую стабильность в мире и действующие международные институты путем включения в их управление потенциальных «ревизионистов», главным из которых считался и продолжает считаться Китай (Россия тоже ранее расценивалась как ревизионист, но сейчас формулировки

[15] См.: *Kissinger H.* World Order. N.Y.: Penguin, 2014. P. 68–81.

явно ужесточились). В то же время им придется в большей степени делиться влиянием в этих институтах с новыми партнерами. Пока же США не проявили готовности к обеспечению реальной инклюзивности контролируемых ими институтов и переходу к подлинно равноправному сотрудничеству в кругу ведущих государств мира.

Осуществление подобного сближения возможно за счет интересов ряда западных стран и Японии, а также других крупных игроков. Примером такого размена в ограниченном масштабе может служить очередной этап реформирования Всемирного банка в 2010 году, в ходе которого произошло частичное перераспределение доли в его капитале от развитых стран, прежде всего ЕС и Японии, к развивающимся[16].

Перспективы реализации рассматриваемого сценария обусловлены готовностью возможных конкурентов США к сближению с ними на условиях подчиненного партнерства. До сих пор они ее не проявляли. Их отношение может измениться только в случае, если они почувствуют достижение потолка самостоятельного укрепления собственных возможностей, что маловероятно хотя бы в силу очевидного относительного упадка США. Китай также дал четко понять, что ни в какой «двойке» участвовать не намерен. Поэтому наиболее реалистичный вариант для Вашингтона сегодня – переход США к реальному и равноправному сотрудничеству в рамках складывающейся полицентричной системы с психологически переходным, частичным уходом в изоляционизм для восстановления основ своей конкурентоспособности. Впрочем, рассчитывать на то, что американские элиты по доброй воле прислушаются к голосу разума и пойдут по этому наиболее безопасному для Америки и всего мира пути, не приходится.

Нынешний вариант эволюции американской международной стратегии представляет собой агрессивную реакцию Белого дома на постепенную утрату им привилегированных позиций. Если она носит ускоряющийся и необратимый характер, что наиболее вероятно, то мы имеем дело с последней и решительной попыткой превентивного ослабления России и Китая. Она может заключаться в переносе военно-технологического соперничества на новый уровень, новые геополитические провокации, переходе к большему протекционизму в международной торговле (развернутая Западом беспрецедентная антироссийская кампания вполне может быть названа агрессивной формой протекционизма). Результатами такой политики станут расшатывание основ глобальной стабильности, формирование новой блоковой архитектуры, углубление недоверия в мире. Одновременно последовательное осуществление агрессивной стратегии может привести к перенапряжению сил самих США и подрыву долгосрочных основ их безопасности. Однако обстановка не остав-

[16] *Vestergaard J., Wade R.H.* Protecting Power: How Western States Retain the Dominant Voice in The World Bank's Governance // World Development. 2013. Vol. 46. Issue C. P. 153–164.

ляет Вашингтону много времени на реализацию этого подхода. Развитие событий в любой момент может пойти по обвальному сценарию.

Можно заключить, что нынешний радикальный вираж во внешней политике Вашингтона связан с приходом к власти нового более агрессивного поколения управленцев, которые сегодня входят в команды всех без исключения ведущих политических деятелей США. Яркий пример – администрация Дж. Байдена, который сам является ветераном американской политики и в свое время был известен трезвым и взвешенным взглядом на стратегию Вашингтона, в том числе в отношении России. Однако сегодня его команду составляет «молодежь» (разумеется, в сравнении с самим лидером), которая обвиняет предшествующее поколение в том, что те «дали слабину» и проигрывают Кремлю и Пекину со своей реалистичной политикой, предлагая альтернативу в виде агрессивного разогрева возросших противоречий. Такой курс отражает не столько интересы страны, сколько мироощущение либеральных элит, которые не могут перешагнуть через себя и пускаются во все тяжкие, не стесняясь пугать союзников и рядовых американцев, в том числе ядерной войной.

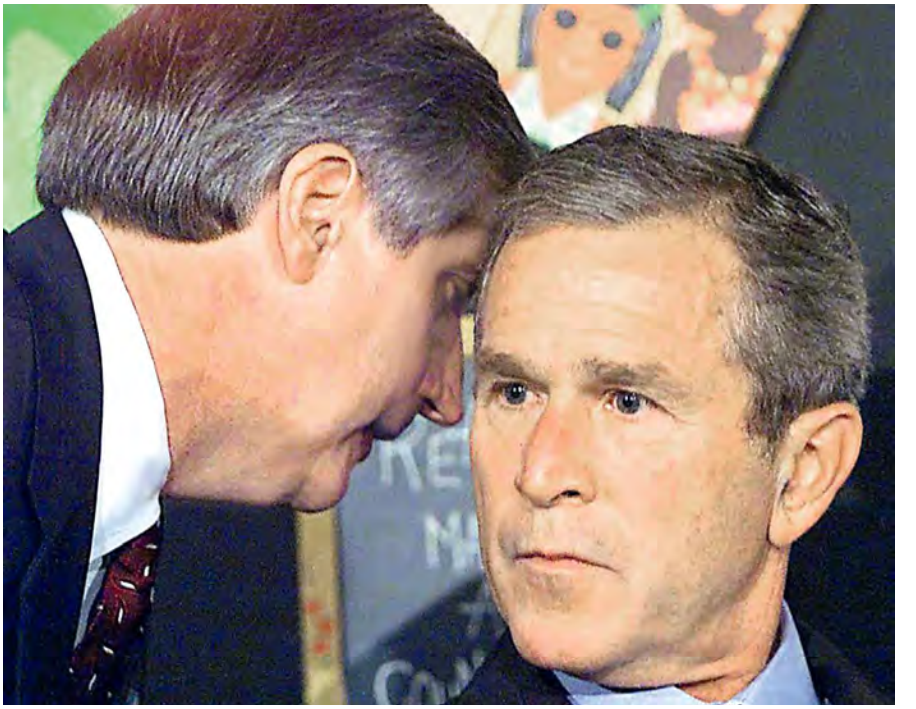
Как будет развиваться ситуация дальше и к каким реальным последствиям приведет деятельность этого нового поколения вашингтонских доктринеров? Многое будет решать исход российской СВО на Украине. Ее сроки, по сути, не ограничены ничем, кроме достижения Москвой поставленных перед собой целей. В какой степени США и Запад в целом способны выдерживать затяжной конфликт на Украине (при показной готовности к нему) – серьезный вопрос, однако уже сейчас ясно, что запас прочности западных обществ на словах оказался куда больше, чем на деле. Уже никто не отрицает катастрофического воздействия антироссийских санкций на положение дел в самих западных странах, оказавшихся на грани глубокого экономического кризиса. Москва смогла своей ответной политикой активно воздействовать на Запад через широко открытые санкционные «ворота». Упорное стремление Байдена и его европейских партнеров возложить на Кремль ответственность за рост инфляции в стране говорят о многом. Такое положение дел американским «ястребам» неприятно, однако вряд ли они задумаются о работоспособности своих теорий, скорее, возьмутся за их воплощение с удвоенной силой.

Не менее важно и то, что часть консервативного (республиканского) истеблишмента, в том числе сам Д. Трамп, разделяет мнение Киссинджера о необходимости вести диалог с Москвой и выходить на определенные договоренности, без чего у США не остается никакой надежды на эффективное сдерживание Китая.

При таком раскладе нельзя исключать нормализации отношений с Россией, форсированной Евросоюзом и продиктованной также интересами бизнеса (взять хотя бы ныне утраченный европейцами доступ на российский рынок) и разочарованием в американском лидерстве, которое заставило Старый

Свет поверить в абсолютно абсурдную иллюзию «победы Украины на поле боя» и «смены режима» в России. Дальнейшее ослабление Европы американцы воспримут позитивно, ведь это приведет к превращению ЕС в придаток США с перспективой нового плана Маршалла – на этот раз энергетического. Более того, именно ЕС придется в сотрудничестве с Россией пожинать плоды американской политики на Украине, что может составить содержание европейской политики на ее новом «постукраинском» этапе. Не исключено, что уже в ближайшие годы начнется масштабный процесс смены элит в западных странах, предпосылки для которого уже сформированы в силу нарастающих там внутренних противоречий. Все это создает дополнительные возможности для незападных держав продвигать свои интересы, укрепив перспективы построения многополярного миропорядка и демократизации международных отношений.

Иллюстрации к главе 2



11 сентября 2001 г. Глава аппарата Белого дома
сообщает Дж.Бушу-мл. – Америка атакована.

Выступление Дж.Буша-мл в Конгрессе с речью об Оси зла.

Б. Обама выдвинул концепцию лидерства из-за спины.

Телефонный разговор Д. Трампа с В.В. Путиным.

Глава 3

Доктринальные основы глобальной политики США

До сих пор речь шла об идеях и концепциях, которые составляют интеллектуальный багаж современных американских элит. Вместе с тем для анализа глобальной политики США не меньший интерес представляет и то, какие приоритеты, цели, задачи официально провозглашает Вашингтон. Иными словами, необходимо рассмотреть уровень доктрин, к которым относятся не только собственно стратегические документы, но и программные заявления американского руководства, которые зачастую играют не менее важную роль для определения курса страны, чем официальные тексты вроде Стратегии национальной безопасности.

В предыдущих разделах мы неоднократно обращали внимание на то, каким удивительным образом основополагающие геополитические идеи сохраняются в умах американских руководителей. Поколения политиков и стратегов в США сменяются, а их интеллектуальные стереотипы во многом остаются прежними. Это неизбежно находит отражение и на уровне концептуальных документов[1].

В целостном виде доктринальные основы глобальной политики США начали формироваться на завершающем этапе Второй мировой войны. В условиях развернувшегося противостояния СССР и США потребовался единый комплексный взгляд на выстраивание среднесрочной и долгосрочной линий Вашингтона в мире в целом и в ключевых регионах. Американской элите стало очевидно, что пришло время во всеуслышание заявить о своих гегемонистских амбициях, которые до этого зачастую подразумевались, но четко не обозначались в официальной риторике. Вернее, требовалась выработка определенной концепции. Значительный вклад в решение этой задачи внесли дипломат Дж. Кеннан и выходец с Уолл-стрит П. Нитце, выступавшие за радикальный пересмотр изоляционистской парадигмы внешней политики, которой Вашингтон старался придерживаться между двумя мировыми войнами.

Советник-посланник посольства США в Москве Дж. Кеннан в феврале 1946 года направил в Государственный департамент так называемую длинную телеграмму, в которой впервые изложил и тщательно обосновал принципы стратегии сдерживания в отношении Советского Союза, выражавшиеся в необходимости долгосрочной политики сопротивления советской экспансии. До широкой общественности этот текст был доведен в качестве статьи «Истоки советского поведения» в авторитетном журнале Foreign Affairs[2], опубликованной автором под псевдонимом «Икс». Ее автор сделал следующие выводы:

---

[1] Представлена общественности в 2022 г. администрацией Дж. Байдена.

[2] *Kennan G.* The Sources of Soviet Conduct. Foreign Affairs, 1947.

«Иметь дело с советской дипломатией одновременно и легче, и труднее, чем с дипломатией таких агрессивных лидеров, как Наполеон или Гитлер. С одной стороны, она более чувствительна к сопротивлению, готова отступить на отдельных участках дипломатического фронта, если противостоящая ей сила оценивается как превосходящая и, следовательно, более рациональная с точки зрения логики и риторики власти. С другой стороны, ее непросто одолеть или остановить, одержав над ней одну единственную победу. А настойчивое упорство, которое движет ею, говорит о том, что успешно противостоять ей можно не с помощью спорадических действий, зависящих от мимолетных капризов демократического общественного мнения, но только с помощью продуманной долговременной политики противников России, которая была бы не менее последовательной в своих целях и не менее разнообразной и изобретательной в средствах, чем политика самого Советского Союза. В данных обстоятельствах краеугольным камнем политики Соединенных Штатов по отношению к Советскому Союзу, несомненно, должно быть длительное, терпеливое, но твердое и бдительное сдерживание экспансионистских тенденций России… В свете сказанного становится ясно, что советское давление на свободные институты западного мира можно сдержать лишь с помощью искусного и бдительного противодействия в различных географических и политических точках…»[3].

Статья Кеннана проникнута идеями, не просто созвучными, а во многом почти дословно повторяющими основные теоретические положения «Американской стратегии в мировой политике» Спайкмена. Достаточно вчитаться в описание Советского Союза: «Мы имеем политическую силу, которая фанатично верит в то, что с Соединенными Штатами невозможно неизменное сосуществование, что разрушение внутренней гармонии нашего общества является желательным и обязательным, что наш традиционный образ жизни должен быть уничтожен, международный авторитет нашего государства должен быть подорван, и все это ради безопасности советской власти. Эта политическая сила, полностью подчинившая себе энергию одного из величайших народов мира и ресурсы самой богатой национальной территории, берет свое начало в глубоких и мощных течениях русского национализма». Американский дипломат утверждает, что у США есть одно важное преимущество: Россия противостоит всему миру, который в принципе сильнее ее, – вопрос лишь в степени сплоченности. Однако, предупреждает он, советское влияние уже распространяется на территории, граничащие с СССР, и только Соединенные Штаты способны в настоящий момент стать лидером, который сплотит мир против «русской угрозы». Для этого необходимо решительно пресекать любые попытки Москвы установить добрососедские отношения с другими государствами, ибо, как утверждает Кеннан, это есть прямой путь к подчинению

[3] Цит. по: *Румельт Р.* Хорошая стратегия, плохая стратегия. В чем отличие и почему это важно. Манн, 2014.

суверенных государств воле СССР. Вместо этого Россия должна быть окружена кольцом врагов, в конфликтах (необязательно военных) с которыми будут растрачиваться советские ресурсы. Эти выводы более чем созвучны идеям классиков геополитики.

По сути, в «Длинной телеграмме» и «Истоках» была сформулирована первая современная глобальная доктрина США – доктрина сдерживания. Опираясь на доводы Кеннана, вскоре назначенного первым в истории руководителем отдела политического планирования Госдепартамента, президент США Г. Трумэн инициировал в 1947 году принятие так называемой доктрины Трумэна, в рамках которой объявил о поддержке правительств Греции и Турции в качестве меры сдерживания СССР. В следующем году в развитие данных мер был запущен разработанный при активном участии Кеннана план Маршалла, названный в честь госсекретаря Дж. Маршалла и предусматривавший выделение 13 млрд долларов на послевоенное восстановление стран Западной Европы с условием невключения в правительства последних представителей компартий.

Параллельно с подачи США был подготовлен Североатлантический договор и создана НАТО. Главным принципом, консолидировавшим ее участников, стала статья 5 договора, согласно которой нападение на одну из стран альянса считалось и нападением на всех его членов. Таким образом, «ядерный зонтик» США был распростерт над европейскими союзниками США, круг которых продолжил расширяться с годами.

Чуть позже идеология сдерживания была развита в доктрине Эйзенхауэра, гласившей, что любое государство, суверенитету которого угрожал «международный коммунизм», могло запросить военную помощь у Вашингтона (интересно отметить, что, Эйзенхауэр, выдвигая свою доктрину, заявил: «Широко известно…, что Соединенные Штаты не стремятся к политическому или экономическому господству над другими людьми»[4]).

Концепция сдерживания, достаточно умеренная в своем изначальном виде, на этапе практической реализации быстро переросла в граничащую с истерикой антисоветскую и антикоммунистическую кампанию. С помощью средств массовой информации формировался стереотип, суть которого сводилась к простой формуле: все неамериканское – это коммунизм, то есть зло. Соответственно, Вашингтон стремился поставить все государства в мире перед выбором: либо с Америкой, либо против Америки. Один из видных современных критиков имперской политики США Роберт Блум отметил: «Политика независимости проявлялась в деятельности многочисленных лидеров и революционеров третьего мира, при этом на нее нельзя навешивать ярлык "посткоммунистической" или "антиамериканской", их позиция была простым проявлением нейтралитета или неприсоединения к той или иной сверхдержаве. Однако <…> США не были готовы мириться с таким положением вещей

[4] «Доктрина Эйзенхауэра». Послание к Конгрессу США 15 января 1957 г.

<…>. Все они [неприсоединившиеся страны], настаивал Дядя Сэм, должны однозначно занять сторону "свободного мира" или ответить за последствия отказа»[5].

Для того чтобы призывать такие государства к ответу более эффективно и в то же время экономить собственные силы и средства, США обратились к блоковой стратегии. Уже в первые послевоенные годы во внешней политике США наметилось стремление создавать в дополнение к НАТО локальные военно-политические блоки, призванные решать региональные задачи, основной из которых являлась «борьба с коммунистической угрозой», а на деле – подавление национально-освободительных движений.

В качестве проводника интересов Вашингтона на Ближнем Востоке в 1955 году был образован блок СЕНТО, известный как Организация центрального договора, или Багдадский пакт. В эту организацию входили Ирак, Иран, Пакистан, Турция, а также бывший колониальный «хозяин» региона – Великобритания. Примечательно, что сами США формально не входили в СЕНТО, хотя являлись «ассоциированным членом», принимали самое активное участие в работе руководящих органов блока, его основных комитетов.

Для усиления американского влияния в Юго-Восточной Азии был образован блок СЕАТО, оформленный Манильским договором в 1954 году. Помимо США, участниками блока стали Австралия, Великобритания, Новая Зеландия, Пакистан, Таиланд, Филиппины и Франция. Кроме того, статус партнеров по диалогу имели Южная Корея и Южный Вьетнам.

Наконец, для координации деятельности в Азиатско-Тихоокеанском регионе в 1952 году был создан блок АНЗЮС, куда вошли США, Австралия и Новая Зеландия.

Создание этих блоков преследовало цель подчинить региональные державы американским интересам и использовать их ресурсы для поддержания выгодной Вашингтону военно-политической и экономической ситуации. Под прикрытием этих альянсов проводились также открытые интервенции, как в случае с Ираном, где в 1953 году был организован государственный переворот[6]. Члены блоков не без влияния США занимались подавлением неугодных освободительных движений, например в Малайзии, Вьетнаме и Камбодже.

Однако альянсам СЕНТО и СЕАТО, в отличие от НАТО, не суждено было стать долговечными военно-политическими объединениями. Подъем национально-освободительных движений, а также ряд эпизодов, показавших Вашингтону ненадежность большинства партнеров, вынудили распустить СЕАТО в 1977 г. и СЕНТО в 1979 г. На сегодняшний день существует лишь АНЗЮС.

---

[5] *Блум У.* Убийство демократии. М.: Кучково поле, 2021.

[6] Спецслужбами США и Великобритании свергнуто правительство М. Мосаддыка. После этого США предоставили стране помощь в размере 69 миллионов долларов, их нефтяные компании получили 40% акций национальной нефтяной компании. Другие 40% получила Англо-иранская нефтяная компания, впоследствии переименованная в «Бритиш Петролеум».

Таким образом, концепция сдерживания уже на первом этапе холодной войны начала приобретать отчетливый глобальный характер. Ответственность за это несет следующее поколение американских стратегов, сменивших Дж. Кеннана, прежде всего П. Нитце, который разработал новый доктринальный документ, вошедший в историю как директива СНБ-68. Она предусматривала существенную милитаризацию внешней политики США на советском направлении, что обуславливало кратное повышение риска ядерного столкновения. На основе этого документа в 1950-е годы разрабатывались концепции «сдерживания посредством устрашения», «отбрасывания коммунизма» и «обороны на передовых рубежах».

В эпоху противостояния двух сверхдержав прямой военный конфликт между ними неизбежно вел к глобальной ядерной войне и потенциальному уничтожению человечества. Однако в первые послевоенные десятилетия подобный сценарий не казался американцам фатальным, что нашло отражение в ядерной доктрине «массированного возмездия», суть которой выразил председатель объединенного комитета начальников штабов (1953–1957) адмирал А. Рэдфорд: «Если хотя бы один коммунистический солдат переступит границу с Западом, США немедленно объявят всеобщую ядерную войну»[7].

Таким образом, стратегические и доктринальные установки Вашингтона на ранних этапах холодной войны носили откровенно рискованный характер. Подобный подход привел к втягиванию США в конфликты в Корее и Вьетнаме, а также возникновению кризисов вокруг Берлина и Кубы, грозивших перерасти в ядерное столкновение с Москвой. Отдельные инициативы по сворачиванию с данного курса, в том числе озвученные Дж. Кеннеди незадолго до его убийства, так и не были воплощены в жизнь.

Вместе с тем в дальнейшем расчеты, проведенные в ведущих американских «мозговых центрах», продемонстрировали абсурдность надежд Белого дома на победу в тотальном ядерном конфликте. В этих условиях Вашингтон обратился к опосредованным методам борьбы. В рамках принятой в 1967 году доктрины «гибкого реагирования» предлагалось перенести акцент на периферию, сделав ставку на локальные войны, не угрожавшие ядерной эскалацией. Одним из главных козырей Штатов в рамках этой доктрины являлись региональные «борцы с большевизмом», нередко действовавшие откровенно незаконными и даже террористическими методами. Убежденным сторонником этой идеи стал З. Бжезинский, чьими стараниями была начата кампания, в результате которой малоизвестный в то время исламист (в будущем полевой командир) О. бин Ладен регулярно получал военную помощь, которая, как предполагалось, должна была быть использована в американских интересах.

Политика США на концептуальном уровне оставалась глубоко милитаристской. Наступившая в начале 1970-х годов разрядка в отношениях с СССР была в большей степени продиктована внутриполитическими соображения-

[7] Цит. по: *Schlesinger A., Jr.* Thousand Days. New-York, 1965. P. 289.

ми и необходимостью передышки перед новым раундом конфронтации, идеологической базой которого стали экспансионистские доктрина Картера и доктрина Рейгана. Первая фактически объявляла Ближний Восток зоной исключительных интересов США: «Попытки каких-либо внешних сил получить контроль над регионом Персидского залива будут рассматриваться как посягательство на жизненно важные интересы Соединенных Штатов Америки, и такое нападение будет отражено любыми необходимыми средствами, в том числе военной силой». Вторая из названных доктрин делала ставку на так называемых борцов с коммунизмом: «Мы не должны потерять веру тех, кто рискует жизнью на всех континентах от Афганистана до Никарагуа, бросая вызов советской агрессии и обеспечивая сохранение свобод, принадлежащих нам с рождения. Поддержка борцов за свободу является самообороной»[8].

Распад СССР не привел к уходу в прошлое американских устремлений к мировому господству, несмотря на провозглашение Дж. Бушем-ст. «нового мирового порядка» с опорой на институты ООН. Продвижение демократии при Б. Клинтоне было официально закреплено в его стратегиях национальной безопасности, тогда как при Дж. Буше-мл. был взят курс на навязывание американского миропорядка еще более агрессивным силовым путем, в том числе через военные интервенции и организацию цветных революций. В концептуальном плане установки всех этих американских лидеров представляли собой, по сути, декларации единоличного американского доминирования, основанные на якобы одержанной США победе в холодной войне.

Как уже отмечалось в предыдущем разделе, уже в начале XXI столетия эйфория от «триумфа» Америки над Советским Союзом сменилась в Вашингтоне нарастающей растерянностью. Стратегия национальной безопасности США, а также другие доктринальные документы приобретают все менее конкретный характер, вместо точных и выверенных формулировок заполняясь пафосными заявлениями о «незаменимости» США в современном мире, «непоколебимой решимости» Вашингтона отстаивать «ценности демократии», «твердом намерении» Америки играть лидирующую роль в решении глобальных проблем современности. Все это свидетельствует об определенной растерянности, которая по-прежнему царит в умах американских элит и отражается в лихорадочном и довольно хаотичном идейном поиске, о котором было подробно рассказано ранее. Говоря коротко, американцы стремительно утрачивают понимание того, кто они, каково их место в мире, каким образом США следует поддерживать свою глобальную гегемонию и нужна ли она Америке и ее народу.

Такая растерянность становится очевидной при анализе текста Стратегии национальной безопасности США 2015 года, утвержденной Б. Обамой.

В Стратегии-2015 основными внешнеполитическими приоритетами определены комплексное обеспечение безопасности США и их союзников, стрем-

[8] Доктрина Картера, 23 января 1980 г.

ление к полной ликвидации ядерного оружия, поддержание беспрепятственного доступа американских товаров на мировые рынки, продвижение в мире американских ценностей, формирование «более эффективного и справедливого» миропорядка при ведущей роли США[9].

К угрозам национальной безопасности в стратегии были отнесены: нападение на территорию США и объекты критической инфраструктуры, американских граждан и представителей стран-союзниц; глобальный экономический кризис; применение и распространение оружия массового поражения; эпидемии инфекционных заболеваний; негативные последствия изменений климата; нарушение функционирования мирового энергетического рынка; распространение насилия и преступности с территорий нестабильных стран.

Вооруженные силы США, как подчеркивалось в документе, продолжат помимо штатных оборонительных функций «проведение глобальных антитеррористических операций, оказание поддержки союзникам и проецирование силы». Был декларирован отказ от проведения затратных масштабных операций за рубежом (по типу Ирака и Афганистана). Если интересы США не будут затрагиваться напрямую, Вашингтон будет добиваться привлечения сил союзников и региональных партнеров и, как следует из текста, возглавлять их действия для достижения так называемых приемлемых решений в пользу «адресных» военных акций во взаимодействии с союзниками.

В стратегии также делался акцент на поддержании высокой боевой готовности Вооруженных сил США и инвестициях в комплексное развитие их возможностей. Вооруженные силы рассматривались как основа национальной безопасности США, а военное превосходство характеризовалось как главный фактор обеспечения американского мирового лидерства. При этом в Стратегии-2015 была сохранена преемственность в установках на применение военной силы в одностороннем порядке и в любой точке мира, а также на сохранение военного присутствия за рубежом.

Экономика США в документе рассматривается как самая открытая и инновационная в мире. Американцы, как утверждается в стратегии, намерены лидировать в мире, чтобы перейти за счет этого лидерства в эру глобального процветания. В целях обеспечения своего экономического роста США фактически объявили весь мир зоной своих жизненных интересов: в документе ставится задача формирования глобального экономического порядка, отражающего американские приоритеты и ценности. В стратегии отмечалось, что торговая и инвестиционная политика США будет реализовываться таким образом, чтобы процессы глобализации осуществлялись в интересах американцев.

В целях обеспечения глобального первенства США ставилась задача сохранения и преумножения лидирующих позиций в области науки, технологий и образования. Кроме того, согласно Стратегии-2015 США должны были обе-

[9] NSS-2015.

регать свои идеалы внутри страны, одновременно продвигая американские ценности за рубежом. Признано, что на всех фронтах Соединенные Штаты «должны лидировать с позиции силы», используя все инструменты американской мощи.

США намеревались отстаивать свое лидерство, полагаясь на надежных партнеров. Признавалось, что нет ни одной глобальной проблемы, которая могла бы быть решена США самостоятельно. В связи с этим Вашингтон продвигал тезис о том, что американская вовлеченность в мировые дела строится на партнерской политике при американской руководящей роли. США были намерены расширять рамки взаимодействия с другими странами, негосударственными организациями, международными институтами, чтобы те проводили необходимые Вашингтону реформы.

Важнейший постулат Стратегии-2015 заключается в том, что обязательства США не заканчиваются на границах государства. Администрация оставляет за собой право и обязанность совершенствовать, а если надо, и создавать правила, нормы и институты для укрепления глобального мира и безопасности. Кстати говоря, этой идее охотно вторили и продолжают вторить преданные партнеры американцев в других странах, такие как британский премьер-министр Э. Блэр, заявлявший: «Границы нашей безопасности больше не заканчиваются Ла-Маншем <…> Новые границы безопасности глобальны. Наши вооруженные силы будут размещаться на территориях других государств вдали от дома – там, где нет непосредственной угрозы нашей стране».

В Стратегии-2015 Россия была переведена из категории ключевых центров влияния, с которыми следует развивать партнерство, в разряд «правонарушителя», «агрессора» и «угрозы» в одном ряду с ИГИЛ (террористическая организация, запрещена в РФ) и лихорадкой Эбола. Отмечалось, что США будут «сохранять бдительность» относительно стратегических возможностей России. Вашингтон в своей стратегии угрожал усилением давления и заявлял о готовности помогать союзникам и партнерам (особый акцент был сделан на Европе) в деле сдерживания России, ее политической и экономической изоляции «за вмешательство в дела Украины», в том числе путем снижения зависимости от российских энергоносителей. Возможность возобновления американо-российского сотрудничества ставилась в зависимость от изменения Россией внешнеполитического курса в направлении «уважения суверенитета и демократических процессов» в соседних государствах.

США декларировали в Стратегии-2015, что американское лидерство необходимо для поддержания в Азиатско-Тихоокеанском регионе стабильности и безопасности, развития торговли и деловой активности, соблюдения прав и свобод граждан (пресловутый «поворот к Азии»). В связи с этим Вашингтон взял курс на расширение контактов с азиатскими странами в области безопасности, реконфигурировал присутствие своих войск и усиливал военную группировку в регионе с опорой на давних союзников – Японию, Республику Ко-

рея, Австралию, Новую Зеландию. Особое внимание планировалось уделять усилению американских позиций в АТЭС и АСЕАН.

Авторы Стратегии-2015 видели в Китае сильного соперника в этом регионе. С учетом того, что КНР является самым серьезным торговым партнером США, Вашингтон заявлял, что отвергает конфронтационный путь и будет добиваться конструктивных и взаимовыгодных отношений с Пекином. В то же время американцы предупреждали, что будут разговаривать с позиции силы, если Китай не станет соблюдать нормы международного права. Чтобы противостоять Китаю по экономическим вопросам, США предложили создать зону свободной торговли – Транстихоокеанское партнерство, где планировали занимать лидирующее положение. США также намеревались упрочить отношения с теми государствами, у которых с КНР существуют противоречия (например, Японией, Вьетнамом, Филиппинами, Малайзией).

Отдельно Вашингтон заявлял о намерении углублять сотрудничество по линии НАТО–ЕС как в военно-политическом плане, так и в экономическом. США планировали поддерживать своих европейских союзников, демонстрируя приверженность взятым обязательствам в сфере безопасности, реагируя путем активизации соответствующих мероприятий учебно-боевой подготовки войск и наращивая свое военное присутствие в Центральной и Восточной Европе для «сдерживания российской агрессии». Кроме того, стремясь поддержать трансатлантические торговые связи, сохранить за счет этого миллионы рабочих мест в США, поддержать американский экспорт, Вашингтон выступил за подписание соглашения о Трансатлантическом торгово-инвестиционном партнерстве.

Таким образом, американское военно-политическое руководство в Стратегии национальной безопасности 2015 года продемонстрировало амбициозное стремление утвердить свое глобальное лидерство, заявив о намерении и впредь вмешиваться во внутренние дела суверенных государств, а также использовать военную силу далеко за пределами США в любое время и по своему усмотрению.

Новую попытку «нащупать» место Америки в мире сделал Д. Трамп в своей Стратегии национальной безопасности 2017 года. Этот документ основывается на излюбленном трамповском девизе «Америка прежде всего». В стратегии США рассматривают весь земной шар как зону своих интересов под предлогом того, что Америка стремится принести мир и процветание другим государствам. В качестве мер «продвижения процветания» выделены «защита мира посредством силы» и распространение американского влияния с упором на совершенствование союзнической и партнерской политики США[10].

В разделе «Защита мира посредством силы» определены угрозы для США. Приоритетными из них названы «ревизионистские государства – Россия и Китай», которые стремятся создать мир, противоречащий интересам США,

[10] NSS-2017.

развивают вооруженные силы, подавляют демократию, а также расширяют сферу своего влияния за счет лишения суверенитета других государств. При этом отмечалось, что Вашингтон не будет исключать сотрудничества со странами, которые они считают своими главными соперниками.

Ко второй группе угроз отнесены «страны-изгои» (КНДР и Иран), диктаторские режимы которых нацелены на создание оружия массового поражения, дестабилизацию обстановки в регионах, а также истребляют свой народ и угрожают США и их союзникам.

Третьей группой угроз названы транснациональные террористические организации и преступные синдикаты, причиняющие вред Америке.

Военный потенциал США охарактеризован в Стратегии-2017 как жизненно важный элемент международной конкуренции крупных держав, нуждающийся в совершенствовании. Согласно документу Вашингтону надлежало вывести на должный уровень оборонно-промышленный комплекс; развивать противоракетную оборону; обновлять стратегические наступательные силы, расположенные как на континентальной части США, так и за рубежом; быть готовым противостоять любому воздействию на космическую инфраструктуру США; распознавать и своевременно реагировать на кибератаки со стороны противника; развивать возможности и повышать эффективность работы разведывательного сообщества; совершенствовать мастерство американской дипломатии с опорой на военную мощь.

Идеи трамповской стратегии нашли свое развитие в других доктринальных документах, прежде всего в новой военной доктрине – Стратегии национальной обороны США, принятой в 2018 г. В ней получило развитие основное внешнеполитическое положение Стратегии национальной безопасности: «Поддерживая традиционные инструменты дипломатии, Министерство обороны США обеспечит необходимые военные приготовления, чтобы создать условия Президенту США и дипломатическому корпусу для ведения переговоров с позиции силы»[11].

В своей стратегии Пентагон определил, что «долгосрочное соперничество со стороны других государств, а не терроризм является для США главным вызовом». В отношении России было заявлено, что она создает вызов для США, поскольку расширяет и модернизирует ядерный потенциал, пытается разрушить НАТО, изменяет в своих интересах систему безопасности в Европе и на Ближнем Востоке, применила новые технологии для подрыва демократических процессов в Грузии, Крыму и на востоке Украины.

Увеличение расходов на оборону в военной доктрине оправдывалось тем, что США должны были выйти из периода «стратегического застоя» и учесть усложнившуюся обстановку в области международной безопасности: «Если ранее США могли сконцентрировать свои вооруженные силы в любом месте Земли и действовать по своему усмотрению, то в настоящее время такие воз-

[11] NDS-2018

можности США оспариваются, причем как в воздухе, на земле и на море, так и в киберпространстве».

Обеспечить военное превосходство предполагалось путем создания мощного боевого потенциала вооруженных сил, укрепления отношений с союзниками, проведения оптимальной партнерской политики, а также совершенствования работы Министерства обороны США.

В области обороны документ определил следующие основные задачи, стоявшие перед военным ведомством: защита от нападения на страну, сдерживание государств от агрессии в отношении жизненно важных интересов США; обеспечение военного превосходства США как в глобальном масштабе, так и в ключевых регионах; поддержание оптимального баланса сил в Индо-Тихоокеанском регионе, Европе, на Ближнем Востоке, в Западном полушарии и Африке; противодействие распространению оружия массового поражения; предотвращение террористических атак против США, их граждан, союзников и партнеров; развитие инновационных технологий в интересах обороны.

Другим важным доктринальным документом эпохи Трампа стал Обзор ядерной политики США (2018 г.) – по сути, ядерная доктрина страны. В нем указывается, что ядерный потенциал США имеет решающее значение для сдерживания агрессии как с применением, так и без применения ядерного оружия: «Присущие ему [ядерному оружию] факторы устрашения уникальны и совершенно необходимы для предотвращения ядерных ударов со стороны противников, что является для Соединенных Штатов первоочередной задачей»[12].

В Обзоре ядерной политики была подчеркнута способность США «распознать и привлечь к ответственности за агрессивные действия» любое государство, а также отразить любую атаку с применением неядерного стратегического оружия. Особо отмечено, что всякая ядерная эскалация не позволит противникам достичь своих целей, но обернется для них неприемлемыми последствиями.

При этом в документе заявлялось, что «не существует какого-то универсального, применимого во всех ситуациях подхода к сдерживанию». Из этого следовало, что «Соединенные Штаты будут применять оптимизированный с учетом конкретных задач и гибкий подход к эффективному сдерживанию, в зависимости от вида противника, характера угроз и конкретной ситуации».

Несмотря на то, что в Обзоре отмечается готовность Вашингтона рассматривать возможность использования ядерного оружия только в исключительных обстоятельствах для защиты жизненно важных интересов США, их союзников и партнеров, в нем содержится важная оговорка: «Если сдерживание не принесет желаемых результатов, Соединенные Штаты постараются положить конец любому конфликту с минимально возможными потерями и на максимально выгодных условиях для США, наших союзников и партнеров».

[12] 2018 Nuclear Posture Review Final Report

Еще более расплывчатое определение условий применения американского ядерного оружия содержится в дальнейшем тексте: «В целях эффективного сдерживания Соединенные Штаты намерены возлагать всю ответственность на любое государство, террористическую группу или других негосударственных субъектов, поддерживающих террористов или способствующих получению или использованию ими ядерных устройств. Хотя роль ядерного оружия США в противодействии ядерному терроризму ограничена, наши противники должны понимать, что террористическая атака с применением ядерного оружия против Соединенных Штатов, наших союзников и партнеров будет считаться "чрезвычайной ситуацией", в которой Соединенные Штаты не исключают возможности принятия крайних мер в качестве ответного удара».

Принятые администрацией Д. Трампа доктринальные документы вызвали множество вопросов. Особенно это касалось положений, определявших порядок применения ядерного оружия Вашингтоном. Вместо четкого разъяснения (как это сделано, например, в принятых в 2020 году Основах государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания) американцы пошли по пути туманных намеков и запутывания читателя (видимо, умышленного).

Таким образом, США оставили за собой право единолично определять виновного, в частности как они указали на Россию, якобы вмешавшуюся в президентские выборы в этой стране в 2016 году. При таком подходе цена ошибки – развязывание ядерной войны со всеми вытекающими последствиями для человечества.

После поражения Д. Трампа на выборах 2020 года администрация Дж. Байдена была вынуждена считаться с качественно новой ситуацией в мире и в самой Америке, однако делала это в духе отжившей политики с позиции силы. В Стратегии национальной безопасности, обнародованной в октябре 2022 года, была заявлена демагогическая цель по созданию «открытого, свободного, процветающего и безопасного мира», хотя в реальности речь шла о сохранении американского лидерства путем «победы в соревновании с Китаем» и «сдерживания России», которая была признана более опасным актором для американоцентричного миропорядка, нежели КНР. При этом особый акцент команда Байдена сделала на стремлении адаптировать заявленные в стратегии цели к нуждам американского народа. Фактически было прямо сказано о необходимости подстроить глобальную систему международных отношений под потребности американских избирателей, подчинив внешнюю политику США внутриполитической повестке[13].

Для новой Стратегии, как и для всей линии администрации Байдена, характерен значительно более лицемерный стиль, особенно в сравнении с подходом команды Трампа. Если в стратегии предыдущей администрации прямо обозначалась важность так называемой экономической дипломатии, под ко-

[13] NSS-2022.

торой также подразумевалась санкционная политика как инстру-мент решения внешнеполитических задач, то Дж. Байден ограничивается исключительно общими заверениями о приверженности Вашингтона глобалистским идеалам, а о санкциях упоминает лишь в контексте уже принятых против России мер.

Он продолжает говорить о необходимости диалога по укреплению контроля над вооружениями с Россией (скептического отношения к которому не скрывал его предшественник), тем не менее не конкретизирует, как он может быть воплощен в жизнь в условиях объявленной Москве гибридной войны, которой администрация открыто гордится.

Интересно, что 46-й президент также уделяет куда большее, нежели Д. Трамп, внимание «продвижению демократии», признавая при этом наличие проблем в самих США, однако лишь через призму существования неких антидемократических сил, упоминая о которых, он, по сути, сводит счеты с бывшим конкурентом на выборах и его сторонниками. Несмотря на балансирование ситуации в стране на грани вооруженного гражданского противостояния, администрация Байдена твердо привержена идее сохранять активное американское присутствие (с претензией на лидерство) во всех регионах мира, видя в этом залог поддержания выгодного Вашингтону миропорядка.

Стратегия 2022 года стала свидетельством отказа амери-канского истеблишмента от рефлексии и его стремления и дальше пребывать в вымышленной реальности, в которой во главу угла поставлены мечты ветеранов холодной войны о возвращении к де-факто однополярности. Если документ Д. Трампа, подготовленный за пять лет до этого, предлагал не лишенный традиционного высокомерия, но несколько более взвешенный и рациональный взгляд на международную ситуацию, с куда меньшим фокусом на мессианстве США, его преемник предпочел повторить изжившие себя мантры минувших десятилетий, игнорируя произошедшие в мире изменения, включая провал попытки Вашингтона мобилизовать против России и Китая страны Глобального Юга. Подход Байдена резко контрастирует с реалиями, в которых пытается оперировать его администрация, и наглядно свидетельствует о растущем идеологическом и интеллектуальном кризисе в США.

Другие опубликованные осенью 2022 года стратегические документы администрации Байдена – Стратегия национальной обороны и Обзор ядерной политики – также продемонстрировали сохранение курса США на глобальное доминирование с ярко выраженным антироссийским и антикитайским оттенком. Вашингтон, вновь определив в этих документах КНР как долгосрочного противника, а Россию – как объект новой политики сдерживания, по сути, констатировал начало новой фазы «второй холодной войны», в рамках которой США отводится прежняя роль лидера «демократического лагеря». Противоречие этого постулата реальному положению дел и тенденции к снижению мирового влияния Соединенных Штатов не были приняты во внимание. Ради

сохранения (фактически возвращения) глобального доминирования США выразили готовность интенсифицировать милитаризацию космоса и киберпространства, значительно снизив порог риска в рамках противодействия Москве. В том, что касается возможности использования ядерного оружия, США по-прежнему руководствуются крайне расплывчатыми формулировками, развязывающими руки Белому дому и Пентагону в кризисной ситуации[14].

По прогнозам аналитиков, основанным на анализе американских доктринальных документов, в ближайшие годы политика Соединенных Штатов будет определяться тремя фундаментальными характеристиками.

Во-первых, это стремление во что бы то ни стало сохранить видимость «однополярного момента» в качестве базового наследия «победы в холодной войне», преобразовав его, если того потребуют обстоятельства, в «лидерство в Западном мире» или, еще шире, в кругу «демократических государств», противостоящих «автократиям», прежде всего России и Китаю. Раскол мирового сообщества на два противостоящих друг другу лагеря – привычная для американских элит парадигма, унаследованная от эпохи холодной войны. Она во многом обесценивает послевоенный международный правопорядок с его общими для всех, универсальными нормами и принципами, закрепленными в коллективно принятых международно-правовых инструментах. В результате появляются разговоры о некоем «порядке, основанном на правилах», которые не раскрываются.

Такая линия предполагает «двойное сдерживание» и балансирование на грани «войны на два фронта»: ведение «войны по доверенности» (by proxy) против России в связи с СВО на Украине, в том числе по линии НАТО и в рамках более широкой коалиции государств, готовых в той или иной форме участвовать в неприкрытой экономической войне против России; обострение вокруг Китая, являющегося стратегическим партнером России, ввиду того что он может воспользоваться ситуацией противостояния Запада с Россией для установления контроля над Тайванем, что лишило бы США главного козыря на восточном направлении политики сдерживания.

Во-вторых, США будут вынуждены иметь дело с серьезными социальными и экономическими вызовами – увеличением государственного долга, деиндустриализацией, старением населения и другими проблемами. Предсказуемо продолжится имущественное и этническое расслоение среди американцев. Подобное положение может привести к использованию политическими силами фактора «внешней угрозы» для отвлечения общественного внимания от внутренних проблем, как это уже не раз бывало в истории США.

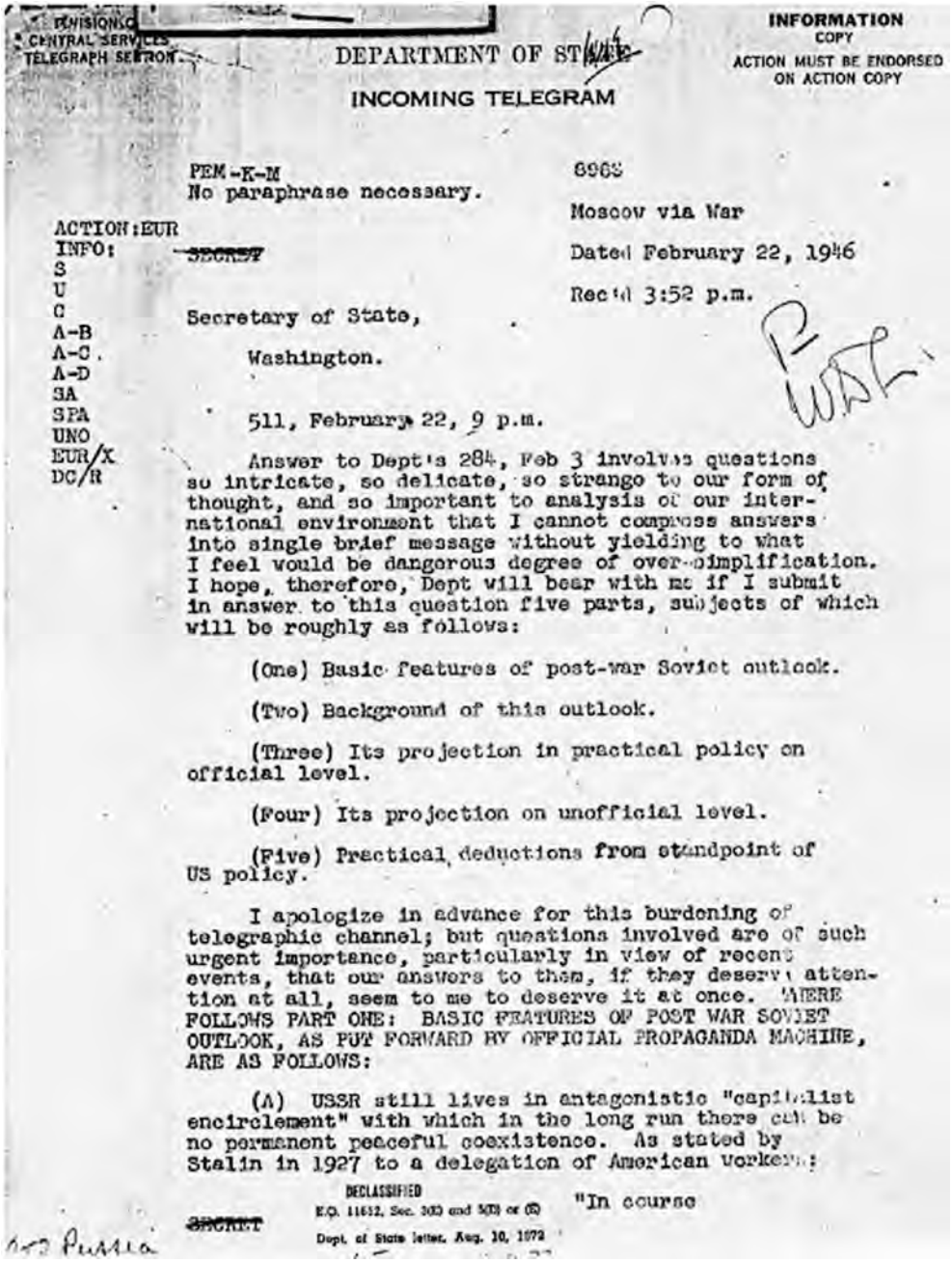
В-третьих, продолжающееся перераспределение потенциала в мировом хозяйстве постепенно подтачивает основы американской экономики, в которой реальный сектор сегодня представлен незначительно. Наблюдается сокращение отрыва США от потенциальных конкурентов. Соответственно, гло-

[14] NDS-2022, NPR-2022.

бальный курс Вашингтона будет все больше ориентироваться на борьбу с соперниками и попытки повернуть вспять процессы реконфигурации международной экономики, разумеется, в свою пользу.

Изучение эволюции американских доктринальных установок, начиная с «Длинной телеграммы» Кеннана, позволяет сделать вывод о том, что за последние 70 с лишним лет многое в глобальной стратегии США остается неизменным. Более того, целый ряд подходов, выработанных еще на раннем этапе холодной войны, сегодня вновь активно возрождается Вашингтоном. Достаточно вспомнить энергично продвигаемые Белым домом Индо-Тихоокеанские инициативы, которые во многом напоминают давно канувший в небытие блок СЕАТО.

В целом после некоторого ослабления традиционного агрессивного внешнеполитического курса либеральный истеблишмент США с удвоенной силой взялся за устранение препятствий для их (и западной) глобальной гегемонии в рамках политики «двойного сдерживания», которую можно было бы определить как финальный этап 30-летнего периода мировой истории, начавшегося после окончания холодной войны. Обострение между Западом и Россией, вызванное этим стратегическим выбором Америки, все чаще характеризуется как «новая холодная война» или «холодная война 2.0», сопряженная с угрозой перехода в ядерный конфликт.



DIVISION OF
CENTRAL SERVICES
TELEGRAPH SECTION

DEPARTMENT OF STATE

INCOMING TELEGRAM

INFORMATION
COPY
ACTION MUST BE ENDORSED
ON ACTION COPY

PEM-K-M
No paraphrase necessary.

6963

Moscow via War

Dated February 22, 1946

Rec'd 3:52 p.m.

ACTION: EUR
INFO:
S
U
C
A-B
A-C
A-D
SA
SPA
UNO
EUR/X
DC/R

~~SECRET~~

Secretary of State,

Washington.

511, February 22, 9 p.m.

Answer to Dept's 284, Feb 3 involves questions so intricate, so delicate, so strange to our form of thought, and so important to analysis of our international environment that I cannot compress answers into single brief message without yielding to what I feel would be dangerous degree of over-simplification. I hope, therefore, Dept will bear with me if I submit in answer to this question five parts, subjects of which will be roughly as follows:

(One) Basic features of post-war Soviet outlook.

(Two) Background of this outlook.

(Three) Its projection in practical policy on official level.

(Four) Its projection on unofficial level.

(Five) Practical deductions from standpoint of US policy.

I apologize in advance for this burdening of telegraphic channel; but questions involved are of such urgent importance, particularly in view of recent events, that our answers to them, if they deserve attention at all, seem to me to deserve it at once. WHERE FOLLOWS PART ONE: BASIC FEATURES OF POST WAR SOVIET OUTLOOK, AS PUT FORWARD BY OFFICIAL PROPAGANDA MACHINE, ARE AS FOLLOWS:

(A) USSR still lives in antagonistic "capitalist encirclement" with which in the long run there can be no permanent peaceful coexistence. As stated by Stalin in 1927 to a delegation of American workers: "In course

DECLASSIFIED
E.O. 11652, Sec. 3(E) and 5(D) or (E)
Dept. of State letter, Aug. 10, 1972

~~SECRET~~

861.00/Russia

Первая страница «Длинной телеграммы» Дж. Кеннана.

Дж. Кеннан – автор «длинной телеграммы», считается идейным отцом доктрины сдерживания

Конференция СЕАТО в Маниле

Б. Обама и С. Райс, советник президента по нацбезопасности, отвечавшая за подготовку Стратегии 2015 года.

Юбилейный саммит НАТО в Вашингтоне (1999).

Д. Трамп пытался трансформировать подходы США к мировой политике, в том числе выступая с критикой блока НАТО.

Одним из практических воплощений установок Дж. Байдена в сфере национальной безопасности стало решение о продаже ядерных подлодок Австралии в рамках инициативы AUKUS.

Глава 4

Глобализация, неолиберализм, «золотой миллиард»

Один из наиболее любимых американскими идеологами приемов аргументации заключается в ссылке на некие «объективные» глобальные проблемы, с которыми борются «прогрессивные» и «демократические» государства во главе с США. Логика американских стратегов проста: если внушить общественности, что терроризм, наркоторговля или тотальная утечка персональных данных – это данность, то сопротивляться попыткам Вашингтона «побороть» эти вызовы не просто неразумно, но и опасно. На этом фоне захватнические войны объявляются борьбой с терроризмом, инспирированные Белым домом антиконституционные перевороты именуются проявлением воли свободолюбивых граждан, а экономическое закабаление отдельных государств и целых регионов – стиранием границ на пути свободного движения товаров.

Подобный стереотип тщательно культивируется не только в средствах массовой информации, но и в стенах университетов, где спонсируемые Белым домом «исследователи» (зачастую отставные политики) публикуют все новые работы, открывая очередные «исторически неизбежные явления», с которыми будет бороться «страна свободы». Одним из наиболее ярких примеров такого рода является изменение климата, с которым в последние годы ожесточенно борется весь коллективный Запад во главе с США, при том, что само это явление мировое научное сообщество до сих пор не смогло убедительно доказать.

США эффективно используют непрерывно нарастающую сложность глобальных процессов в целях сокрытия истинных мотивов своей геополитической стратегии. Уже не первое десятилетие Вашингтоном проводится политика, которая преподносится как благородная борьба с «глобальными проблемами современности» и характеризуется близкими к Белому дому теоретиками едва ли не как поворотная точка в мировой истории.

Поэтому анализ концептуальных основ американской глобальной политики будет неполным без понимания той интеллектуальной (или псевдоинтеллектуальной) среды, в которую погружены творцы американской политики. Речь идет не только о руководстве США, но и о деловых кругах, интеллектуалах и деятелях культуры, общественных активистах – короче говоря, разнообразных группах влияния, которые воздействуют на сердца и умы Америки, а во многом и всего остального западного мира. Многие из этих «борцов» активно работают публично, завоевывая имидж «пророков» и «спасителей человечества» (вспомним известную Грету Тунберг), оказывая на политику такое влияние, какое порой неспособны оказать сотни тысяч простых избирателей. Разумеется, подобные персонажи возникают не на пустом месте, за ними стоят элитарные группы, лоббисты крупнейших корпораций и другие влия-

тельные структуры. Именно поэтому так важно понимать, какого рода «интеллектуальный товар» они продают американской власти, которая впоследствии навязывает его всему остальному миру, зарабатывая на этом огромные геополитические, экономические и иные дивиденды.

Начать следует, безусловно, с понятия глобализации. Представители американского истеблишмента в наши дни любят говорить об этом феномене, посвящая ему публичные выступления, статьи, популярные книги и научные монографии.

Общепринятого определения глобализации не существует. Данный термин может описывать множество разнородных процессов и явлений, имеющих место в современном мире. В сущности, речь идет о нарастающем взаимодействии национальных экономик в рамках общемировой системы, основанной на усилении интеграции и мирового разделения труда, свободном перемещении капитала и информации, активном использовании достижений научной и технологической революций, размывании барьеров и границ между государствами, социальными группами и индивидами, а также повсеместном распространении определенных систем ценностей и массовой культуры. По сути дела, это определение можно расширять, добавляя в него все новые и новые характеристики.

Шесть волн глобализации (по Й. Терборну[1])

Первая волна	IV–VIII вв.	Распространение основных мировых религий (христианство, ислам, буддизм, индуизм) и закат прежних конфессий (греко-римский политеизм, зороастризм), установление границ между крупнейшими цивилизациями.
Вторая волна	XVI–XVII вв.	Завершение эпохи географических открытий и создание европейских континентальных империй, основанных на заморской торговле.
Третья волна	1750–1815 гг.	Формирование типа «европейской сверхдержавы», на роль которой претендуют Англия и Франция, сопровождающееся борьбой за передел колоний.
Четвертая волна	1830–1918 гг.	Оформление империалистического миропорядка, промышленная революция и разделение мира на развитые и развивающиеся страны.
Пятая волна	1919–1989 гг.	Эра «глобализированной политики», в рамках которой сформировался биполярный миропорядок, при котором сверхдержавы стремились объединить вокруг себя союзников на идеологической основе.
Шестая волна	1990–н.в.	Создание современной неолиберальной экономической модели, основанной на достижениях информационной революции и функционировании глобальной финансово-экономической системы.

[1] См.: *Терборн Й.* Мир. Руководство для начинающих. М.: ВШЭ, 2015.

Глобализация характеризуется в первую очередь так называемым международным разделением труда. В результате формируется своего рода всемирная фабрика, в которой различные страны и регионы отвечают за те или иные производственные участки. В основе этого явления лежит то, что в современной теории мировой экономики обозначается как специализация за счет использования относительных преимуществ. В силу определенных причин (например, выгодное географическое положение или доступность природных ресурсов) производство некоторых видов товаров оказывается менее затратным для одних экономик и более затратным для других. У современных западных экономистов этот вывод уже не одно десятилетие вызывает эйфорию. Они утверждают, что в результате международного разделения труда возникает беспроигрышная ситуация: любая страна может найти свою нишу и начать специализироваться на определенном виде товаров, которые она производит наиболее эффективно. Таким образом, даже те государства, которые наиболее успешны в выращивании бобов, могут повышать свое благосостояние, не отставая от производителей микрочипов или промышленного оборудования.

Из этих рассуждений, которые особенно усердно развивают американские академические экономисты, следует практический вывод: успешная экономика должна быть открытой, что предполагает полную ликвидацию препятствий на пути движения товаров, услуг, капитала, технологий и рабочей силы. Если правительство следует стратегии протекционизма, пытается защитить отечественного производителя с помощью различных искусственных барьеров на пути импортных товаров, то тем самым оно будет оказывать поддержку неэффективным отраслям.

Исходя из этой логики, США при посредничестве международных институтов (ведущим среди которых, безусловно, является ВТО) беззастенчиво навязывают развивающимся странам модель открытой экономики. Следует только убрать все барьеры, а глобализация, как утверждали экономисты из Гарварда и Принстона, сделает свое дело. К сожалению, практика показала, что подобные научные теории являются не чем иным, как оружием массового поражения, благодаря которому Вашингтону удалось последовательно уничтожить зарождавшуюся промышленность десятков государств, попавших в итоге в полуколониальную зависимость от Соединенных Штатов. Подавляющее большинство жертв этой стратегии отчаянно нуждались в финансовой помощи от международных институтов развития и потому предпочитали безропотно следовать рекомендациям «экспертов» из МВФ и Всемирного банка, а в итоге оказывались на обочине глобальной конкуренции. В 1990-е годы такую же стратегию Запад реализовывал и в отношении России.

Экономисты, державшиеся в стороне от модных веяний американской экономической науки и сосредоточивавшие свои усилия на изучении исторического и фактического материала, давно пришли к выводу об абсурдности

рецептов «беспроигрышного» встраивания в мировое разделение труда, предлагаемых заокеанскими теоретиками. Один из критиков западоцентричных подходов в экономике норвежский ученый Эрик Райнерт отмечает, что стратегии специализации равносильны тому, как если бы самим американским гражданам предлагали сразу после окончания школы специализироваться на мытье посуды на основании того, что среднестатистический старшеклассник хорошо справляется с грязными тарелками, тогда как для профессий инженера или врача у него явно не хватает навыков[2]. Норвежский исследователь добавляет, что в результате применения таких абстрактных теорий к реальным проблемам развивающихся стран последние начинают специализироваться на бедности.

При этом сами США в эпоху становления своей национальной экономики не только не отказывались от защиты отечественного производителя, но и агрессивно применяли весь арсенал протекционизма, отстаивая привилегии для своего бизнеса политическими и военными методами. Не будет преувеличением сказать, что весь XIX век прошел для экономики Соединенных Штатов под знаком протекционизма. Подобных методов Вашингтон не чуждался и перед Первой мировой войной, и даже в период правления такого сторонника экономического прогресса, как Ф. Рузвельт. И в наше время, несмотря на либеральную риторику американских властей, Вашингтон регулярно идет на ограничение доступа зарубежных поставщиков на внутренний рынок. Достаточно вспомнить развязанную Д. Трампом торговую войну с Китаем. Стоит отметить, что антироссийские санкции также всецело укладываются в определение протекционизма. Характерно, что ВТО в этой ситуации предпочитает отмалчиваться.

Другим следствием экономической глобализации является формирование глобальных цепочек стоимости. Разделение труда достигает такой глубины, что любой более или менее сложный продукт в наше время является совокупностью стоимостей, произведенных в различных точках земного шара. К примеру, хотя смартфоны многих известных марок собираются на Тайване, на долю экономики этой страны приходится не более 4 % вклада в добавленную стоимость. Остальное приходится на работу американских дизайнеров, японских инженеров, электронику из Германии, редкоземельные металлы из Китая и других стран. В результате в каждый из смартфонов закладываются результаты труда более 60 000 человек по всему миру, не считая еще порядка 750 000 человек, результаты работы которых используются опосредованно.

Перспективы, которые открывают глобальные цепочки стоимости, очевидны. Однако в то же время нельзя не заметить, что подобные цепочки создают критическую зависимость одних экономик от других, что чревато не только рисками для национальной безопасности отдельно взятых стран, но и

[2] *Райнерт Э.* Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. М.: ВШЭ, 2015.

угрозой дестабилизации глобальной торгово-экономической системы в целом. Важной характеристикой современных глобальных цепочек является практика «точно в срок», когда для минимизации логистических издержек поставки комплектующих осуществляются ровно тогда, когда это необходимо. Очевидно, что малейшие перебои в выверенной последовательности операций чреваты огромными потерями. Об этом свидетельствует опыт пандемии коронавирусной инфекции, в считанные месяцы погрузившей мировую экономику в глубокий кризис.

Какую политику избирают при этом сами Соединенные Штаты? В ее основе лежит контроль над глобальными цепочками добавленной стоимости с помощью широкого спектра инструментов, среди которых выделяются информационные технологии и военное присутствие на морских торговых путях (хотя эти средства далеко не исчерпывают перечень). Принуждая потенциально успешных игроков следовать заведомо разорительной стратегии, американские политики создают необоснованные конкурентные преимущества для собственной экономики. По сути дела, позиции США в мировой хозяйственной системе – это позиции монополиста, который силой воздействует на потенциальных конкурентов, вынуждая тех отказываться от вхождения в рынок. В итоге несостоявшиеся конкуренты оказываются в положении поставщиков сырья по ценам, удобным монополисту, и одновременно потребителей конечного продукта, произведенного из этого сырья.

В целом политика создания необоснованных конкурентных преимуществ широко применяется корпорациями и внутри США, вызывая огромные дисбалансы в самой американской экономике. При этом в эпоху глобализации внутренние проблемы и противоречия, от которых страдает большая часть граждан Соединенных Штатов, проецируются на весь мир. Разумеется, в развивающихся странах / странах Глобального Юга, где экономический «запас прочности» далеко не так велик, как в самих США, эта тенденция имеет куда более серьезные последствия, включая голод и эпидемии. Известный современный экономист Майкл Тодаро сказал: «Когда в Нью-Йорке чихают, остальной мир подхватывает воспаление легких».

Несмотря на то что современный этап глобализации отмечен формированием специфической модели мировой экономики, было бы ошибкой сводить данный феномен исключительно к экономической составляющей. Радикальные перемены наблюдаются также в политической сфере, что связано с целым рядом глубинных трансформаций. Основной среди них является изменение сущности и роли современного государства.

С одной стороны, наблюдаются тенденции размывания функций государства, постепенная передача полномочий другим действующим лицам, таким как корпорации, политические движения или религиозные объединения. С другой стороны, государство было и остается наиболее эффективным инструментом мобилизации ресурсов, а в условиях глобализации его эффектив-

ность уже возросла до беспрецедентных масштабов. В связи с этим популярные в 1990-х годах теории, предрекавшие грядущий упадок государства, постепенно ушли со сцены, а их место заняли пугающие предостережения о наступлении эры всесильного государства, способного установить абсолютный контроль над всеми аспектами жизни своих граждан. Авторы этих прогнозов, которые в изобилии появляются как в научной, так и в популярной литературе, а также в искусстве, во многом черпают вдохновение из наблюдений за современными Соединенными Штатами, которые сегодня наиболее ярко демонстрируют обе разнонаправленные тенденции – размывание функций государства и стремительный рост его могущества.

Первое, что следует отметить при анализе роли государства в геополитике эпохи глобализации, это роль его границ. Западные средства массовой информации в течение последних десятилетий активно насаждают в общественном сознании стереотип об устарелости понятия государственной границы. Страны, открывающие друг для друга границы посредством отмены визового и таможенного режима, преподносятся как образец прогресса в международной сфере. Между тем в реальности дело обстоит совершенно иначе. Нынешний мир является в гораздо большей степени закрытым и разделенным, чем, к примеру, в 1900 году. В то время практика выдачи виз и строгого паспортного контроля была исключительным явлением, вызывавшим изумление у граждан большинства развитых стран. Однако в наши дни удивляет скорее обратное. Даже отсутствие визового режима, как, например, в странах Шенгенской зоны, не говорит о полной прозрачности границы. Современные информационные технологии позволяют контролировать трансграничное перемещение людей и товаров гораздо более пристально, нежели традиционные пункты пограничного контроля. Когда обладатель шенгенской визы на автомобиле пересекает, к примеру, границу между Германией и Нидерландами, он может восхищаться прогрессивностью европейцев, обозначивших границу простой информационной вывеской. Однако мало кто догадывается, что установленные под этой вывеской видеокамеры фиксируют не только номера автомобилей, но и характерные черты лиц пересекающих границу путешественников. Эти данные далее направляются для сортировки и анализа в центры обработки информации, находящиеся в ведении европейских спецслужб. Оперативность, с которой ЦРУ и ФБР удается производить аресты на территории Европы, во многом объясняется именно внедрением подобных технологий.

Проблема государственных границ в современном мире демонстрирует одно из основополагающих идеологических и политических противоречий глобализации, которое заключается в декларировании максимальной свободы личности при наличии негласных механизмов контроля, пронизывающих общество. Это противоречие издавна преследует идеологию неолиберализма, которая сегодня фактически возведена в ранг высшего интеллектуального достижения Запада и почитается почти с религиозным пиететом.

Хотя современные либералы, подобно своим предшественникам в XIX столетии, провозглашают свободу в качестве высшей ценности, однако признают, что свобода как таковая имеет тенденцию ограничивать саму себя. Так, из свободной рыночной конкуренции вырастают монополии, а на почве гражданского общества часто создаются авторитарные режимы. Поэтому государство, которое классические либералы мыслили как «ночного сторожа», крайне осторожно обеспечивающего неприкосновенность права собственности, в понимании неолибералов должно взять на себя функции по охране свободы. Например, атаковать профсоюзы, которые под видом защиты прав рабочих создают преграды для функционирования рыночного механизма.

Проблема неолиберализма заключается в неспособности увидеть тонкую грань, за которой функции охраны свободы превращаются в государственный произвол. Большинство американцев и европейцев, искренне считая себя либералами, приветствуют антитеррористическую деятельность Вашингтона, запугивающего граждан скорым пришествием исламистов. Однако те же самые граждане с удивлением обнаруживают, что разведывательная деятельность, направленная на сбор данных о потенциальных террористах, превратилась в тотальную слежку за гражданами.

Западный неолиберализм на протяжении всей своей истории сталкивается с подобным противоречием, впрочем, не пытаясь преодолеть его. Еще в эпоху холодной войны перед проводниками либеральной стратегии вставала дилемма, касающаяся поддержки диктаторских режимов в развивающихся государствах. Их лидеры, которые зачастую представляли собой откровенно фашистские типажи, были преисполнены решимостью бороться с социалистическими силами в своих странах и регионах. Их готовность защищать частную собственность и свободный рынок подкупали либералов в Вашингтоне, которые содействовали в организации переворотов и ведении войн в пользу авторитарных сил.

Предполагалось, что социализм (который во многих случаях обеспечивал несравненно более высокий уровень свободы граждан) является абсолютным злом, тогда как жестокие диктатуры, поддерживающие рынок, со временем переродятся в демократические режимы. Показателен пример Чили, где США оказали мощную поддержку А. Пиночету, который покорил вашингтонских либералов обещаниями в корне уничтожить социалистическую модель, выстраиваемую С. Альенде. Тот факт, что одновременно с проведением либеральных реформ (проходивших под непосредственным надзором американцев) по стране рыскали «эскадроны смерти», тысячами истреблявшие противников режима, не смущал США, лицемерно заявлявших о том, что спасли чилийский народ.

Сегодня ситуация повторяется. Неолиберальная мания использования государства для охраны свободы вырвалась за пределы национальных границ и отныне обрушивается на страны, придерживающиеся альтернативных моде-

лей. Глобализация играет ведущую роль в этом процессе, поскольку, в условиях непрерывно растущей интенсивности информационных потоков и торгово-экономических связей в общемировом масштабе, идеологии становятся одним из продуктов, которые можно покупать и продавать, эффективно встраивая их в общество массового потребления. По сути, сама модель общества, которая имеет в своей основе потребление, как никакая другая близка неолиберальной идеологии. В основе экономической модели неолиберализма лежит идея поддержания спроса, который считается залогом развития.

Собственно говоря, именно проблемы с готовностью частных лиц тратить деньги на товары и услуги считаются современными либералами главной причиной экономических кризисов. В этом случае на помощь приходит государство, которое на сей раз выполняет свою функцию по охране свободы посредством скорейшего преодоления негативного влияния экономического спада. Основной инструмент здесь – государственные расходы, с помощью которых правительство может восполнить недостаток спроса и тем самым вернуть экономику на рельсы нормального функционирования.

Этот вывод экономического характера имеет самое непосредственное отношение к сфере геополитики, поскольку наибольшие возможности для наращивания государственных расходов предоставляет война. В свою очередь, война в эпоху глобализации также радикально меняет свой облик, что не может не сказаться и на облике современного неолиберального государства.

Вплоть до Первой мировой войны подавляющее большинство вооруженных конфликтов имело выраженный формат, который М. ван Кревельд назвал тринитарной (тройственной) войной, или войной по Клаузевицу, в честь великого военного теоретика, описавшего войны классической эпохи. В основе этой модели лежало взаимодействие элементов триады «народ – правительство – армия». Народ, в понимании Клаузевица и его последователей, предоставлял правительству полномочия ведения военных действий, а правительство, в свою очередь, делегировало эти полномочия армии, то есть специально сформированной организации, набранной из народа, но не тождественной ему. Из этого следовал вывод о том, что ведение войны является функцией армии, которая рассматривает в качестве своего противника другую армию, но не другой народ. Война армии против народа (например, военные преступления), а равно война народа против армии (партизанские действия) объявлялись недопустимыми[3].

Эта модель, которая успешно объясняла вооруженные конфликты на протяжении XVIII и XIX столетий, совершенно обесценилась в эпоху глобализации. После удара, нанесенного по ней концепцией тотального конфликта (воплощенного во Второй мировой войне), на сцену вышли войны нового поколения. Национально-освободительные движения, террористические груп-

[3] См. об этом: *Купряшкин И.В.* Современные вооруженные конфликты в трактовке М. Кревельда и М. Калдор // Вестник ДГУ, 2017.

пировки, преступные кланы – все они сформировали качественно новую модель военного конфликта. В ней нет места прежней триаде, поскольку во многих случаях речь даже не идет о государстве. Отсюда возникает феномен современной войны, в которой воюющие группировки могут свободно действовать против мирных жителей и наоборот.

Не менее радикальные изменения происходят и на Западе. Там также армия все больше отчуждается от народа, что связано с ее возрастающей профессионализацией. Развитие военных технологий, как совсем недавно полагали западные теоретики, делает массовые армии ненужными, по крайней мере на текущем этапе. Вместо этого создаются относительно небольшие контингенты профессионалов, которые все меньше ассоциируют себя с народом. Расцветают частные военные компании, которые рекрутируют профессионалов, прошедших военную подготовку, для выполнения задач не по приказам правительства, а в соответствии с рыночной конъюнктурой.

Ситуацию усугубляет обезличенность войны. Еще во время Второй мировой войны бой предполагал возможность, а во многих случаях и необходимость столкновения лицом к лицу с противником. В эпоху беспилотных летательных аппаратов и высокоточного оружия цель на другом конце света можно поразить, не вставая с кресла. Постоянный риск и физические тяготы, которые тысячелетиями были связаны с войной, здесь не играют никакой роли. Для оператора беспилотного летательного аппарата война не отличается от компьютерной игры, в которой бессмысленность насилия и страдания остаются за скобками. Тем самым формируется еще одна характерная черта войн глобальной эпохи – моральный нигилизм, открывающий широкий простор для совершения военных преступлений.

Обе тенденции сегодня хорошо видны на примере Украины, куда коллективный Запад во главе с США отправил сражаться тысячи своих военных специалистов и наемников. Преступления, которые они совершают против простых украинцев, ясно свидетельствуют о том, что оборотной стороной «прогрессивных» войн эпохи глобализации, которые десятилетиями Вашингтон развязывает по всему миру, являются ничем не оправданные страдания невинных людей.

Таким образом, обзор основных тенденций глобализации позволяет сделать вывод о том, что современные глобальные процессы опосредованы как объективными процессами, так и субъективной, целенаправленной стратегией, проводимой развитыми странами Запада. Безусловным «лидером глобализации», а на самом деле центром ее управления, являются Соединенные Штаты. Возникает вопрос: неужели мировая общественность не в силах обнаружить это, казалось бы, очевидное явление, которое заключает в себе такой разрушительный потенциал, и поддержать разрозненные очаги сопротивления «глобализации с американским лицом»? В мире существует немало движений, которые пытаются противостоять подобным тенденциям. Так, анти-

глобалисты критикуют глобализацию как таковую, считая ее однозначно негативным, разрушительным явлением. Другие движения (альтерглобалисты) не отрицают созидательного потенциала современных глобальных процессов, однако выступают за качественно иную модель мирового развития, в рамках которой США не выступали бы в качестве «локомотива глобализации».

Современная эпоха дает много свидетельств тому, как навязываемая западными транснациональными корпорациями культура потребления поставила на грань гибели целые самобытные уклады, существовавшие в течение тысячелетий. Формирование глобальных рынков ведет к появлению универсальных стандартов потребления. Одновременно искусственно создаваемое потребительское общество требует внедрения ценностных моделей, которые ставят во главу угла максимизацию объема потребляемых благ и услуг. В свою очередь, в среде, где господствуют подобные ценности, претерпевают значительные изменения и экономические институты. Например, наблюдается энергичный рост финансового сектора, направленного на обслуживание массового потребления, зачастую ценой отказа от инвестиций в реальный сектор экономики. Наконец, в обществе массового потребления, где основу экономики составляет финансовый сектор, зарождаются своеобразные политические институты, которые обычно обозначают себя как демократические, но в реальности представляют собой агрессивный популизм, основанный на манипуляции общественным мнением, завоевываемой обещаниями роста потребления.

Десятки стран, едва добившись независимости и освободившись от колониальных режимов, незамедлительно получали от Вашингтона заманчивое предложение вступить в «глобальную семью успешных наций». В этих целях оказывалась щедрая финансовая помощь по линии международных институтов, разворачивались масштабные образовательные, социальные, гуманитарные программы, снимались таможенные барьеры, проводилась модернизация государственного аппарата. К сожалению, ни одно из подобных благих начинаний не заканчивалось благополучно для молодых государств. Как результат, их первоначальная отсталость не просто усугублялась, а консервировалась, и вместо триумфального вступления в «глобальную семью» эти государства становились источниками дешевого сырья и рынком сбыта для низкокачественной массовой продукции.

Во многом именно эта стратегия обусловила успех американской экспансии после 1945 года. То, что вначале преподносилось американцами как взаимовыгодное торгово-экономическое сотрудничество, на деле оказывалось подлинной агрессией, сопровождавшейся подавлением традиционных политических и культурных институтов во всемирном масштабе. Для стран третьего мира это обернулось настоящей трагедией, в результате которой целый ряд перспективных государств погружался в нищету и фактически попадал под негласный американский протекторат.

Логическим следствием ведомой американцами глобализации является возрождение колониальной системы, которая принимает новые, более изощренные формы, известные как неоколониализм. Еще несколько десятилетий тому назад понятия империализма и колониализма казались устаревшими. Они воскрешали в памяти картины захватнических экспедиций, истребления туземцев, потогонных сахарных и кофейных плантаций, всевластия белой администрации и бесправия «цветных». Волна национально-освободительных движений, прокатившаяся по всем континентам после окончания Второй мировой войны, как считалось, поставила крест на этих явлениях.

Примечательно, что на рубеже XX–XXI столетий интерес к колониальной тематике начал возрождаться, причем в самих западных государствах. Внешне это выглядело вполне безобидно и даже прогрессивно. В США и Европе при щедром финансировании из бюджетных и частных фондов начали развиваться так называемые постколониальные исследования, якобы направленные на восстановление исторической справедливости и возвращение достоинства народам, ранее находившимся под колониальным гнетом[4]. Апофеозом этого стало известное движение Black lives matter («Жизни черных имеют значение»), сопровождавшееся бесчисленными эпизодами стояния потомков «белых угнетателей» на коленях перед чернокожими, варварским сносом памятников и разорением музеев с «колониальными» экспонатами, а также «перераспределением благ» в пользу «угнетенных», которое в основном принимало формы уличного грабежа. По сути, колониальная повестка для западных элит стала мощным способом формирования комплекса исторической вины, посредством которого западные власти стремятся восстановить контроль над обществом.

Подобные действия направлены главным образом на отвлечение внимания от геополитических действий Запада, на которые стояние белых на коленях никак не повлияет. В реальности колониализм и империализм, который в законченном виде сформировался к концу XIX века, на современном этапе мирового развития фактически восстановлены, хотя и в менее явной форме. Более того, методы остаются все те же. Излюбленный прием «классических» колонизаторов, позволявший захватывать с минимальными потерями обширные территории, заключался в стравливании между собой местных правителей, которым поставлялось оружие и боеприпасы. После серии междоусобных войн ослабленные народы можно было легко завоевать ограниченным военным контингентом. Обратимся теперь к современным картам Африки, Азии или Ближнего Востока. Первое, что бросается в глаза, – это обилие строгих границ, словно проведенных по линейке. Ничего подобного нельзя найти в Старом Свете, где границы сложились естественным путем. Объяснение простое: когда после Второй мировой войны колонизаторы покидали бывшие колонии, они «любезно» соглашались выступить в роли арбитра между ново-

[4] Postcolonial Studies and Beyond. Duke, 2005.

образованными странами и провести совместную демаркацию границ. В итоге государственные границы разрезали народы, транспортные коммуникации, месторождения полезных ископаемых, места религиозного поклонения. Таким образом, уже во времена слома классической колониальной системы закладывались основы для обновленной версии колониализма. Примечательно, что в качестве арбитра в большинстве случаев наряду со старыми империями выступали американцы, к которым местные правительства испытывали больше доверия. Как известно, США формально не имели крупных колоний.

Основной «ударной силой» западного империализма, как и столетия назад, продолжают служить частные корпорации. Так, гигантская британская колониальная империя, включавшая Индию, была построена преимущественно силами частной Ост-Индской компанией, которая имела в своем распоряжении собственный военный флот и армию. Использование корпораций отвечало интересам западных держав по многим причинам. Прежде всего, эта деятельность практически не требовала государственных расходов, так как их брали на себя компании, однако сулила огромные финансовые, политические и территориальные дивиденды, которые частный капитал обеспечивал в обмен на покровительство со стороны правительств. Эта стратегия имела и другое важное преимущество: в случае, если ситуация выходила из-под контроля (например, происходили военные столкновения с другими колониальными державами), правительство легко могло уйти от ответственности, приписав все частной инициативе, которую можно было формально наказать в рамках национальной юрисдикции.

Эти преимущества не потеряли своей силы и в наши дни. Западные транснациональные корпорации организовали новый виток колониальной экспансии. Зачастую интересы сталкиваются, что выливается в классические колониальные войны, как это случилось, например, в свое время в Анголе. Современные «Ост-Индские» компании располагают внушительным военным потенциалом в виде частных военных компаний, которым под силу вести полноценные боевые действия и организовывать свержение тех правительств, которые не желают отдавать свои страны на очередное колониальное разграбление. На пике военного присутствия США в Ираке численность персонала частных военных компаний равнялась численности американских военных – 125 тыс. человек.

Тем не менее не одни только внешние атрибуты империализма остались неизменными. Его глубинные причины также не подверглись значительной трансформации. Экономическая и политическая теория этого явления была разработана еще на рубеже XIX–XX столетий английским ученым Дж. Гобсоном[5] (1858–1940) и обобщена в одноименной книге, вышедшей в 1902 г.[6]

---

[5] *Hobson J.* Imperialism. A Study. New York, 1902.

6 В России больше известна работа В. И. Ленина «Империализм как высшая стадия капитализма», однако Ленин во многом заимствовал логику работы английского исследователя.

Современные капиталистические экономики, писал Гобсон на рубеже XIX–XX вв., достигли такой стадии развития, на которой промышленность производит столько товаров, что само общество уже не в состоянии их потребить. Капиталисты исправно получают прибыль, однако даже наиболее богатые индивиды не могут разумно направить свои средства ни в потребление, ни в инвестиции, поскольку рынки практически затоварены. Ситуация проецируется на социальную сферу: бедные по-прежнему бедны, а богатые в буквальном смысле захлебываются деньгами, которые некуда девать. Это угрожает обществу взрывом. Выход один – вывозить капитал за рубеж и там же находить рынки сбыта для производимой продукции, а в случае необходимости вывозить туда и «излишки населения», которые не смогли найти себя на родине. Английский магнат Сесил Родс (1853–1902), один из архитекторов Британской империи, выразил это следующим образом: «Я уже давно лелею решение всех проблем нашего общества. Чтобы избавить 40 миллионов британских подданных от неизбежной гражданской войны, мы, политики колоний, должны получить новые земли, на которых разместится избыточное население и где возникнут новые рынки для продукции, которые эти люди производят в шахтах и на заводах». Примерно за столетие имперского строительства с Британских островов выехало свыше 20 миллионов человек.

Разумеется, в современных условиях открытое завоевание слаборазвитых государств для Запада неприемлемо по политическим и экономическим соображениям. Поэтому Вашингтон, Лондон и их союзники прибегают к военной силе лишь там, где «мирная» экспансия невозможна. В основе западной стратегии лежит модель «вашингтонского консенсуса». Пришло время остановиться на ней более подробно.

Эта модель была разработана в 1990 г., то есть в канун крушения социалистической системы. Ее разработчик, англо-американский экономист Джон Уильямсон[7] (р. 1937) сделал карьеру, типичную для представителей западного академического истеблишмента: несколько ведущих университетов в США, экспертные позиции в ООН, директорское кресло в МВФ. Его модель сводилась к десяти простым правилам, которые, как утверждалось, были призваны помочь развивающимся экономикам (в первую очередь из бывшего социалистического лагеря) встать на «путь истинный». Вот эти рецепты:

– оптимизация государственных расходов (следует отказаться от практики субсидирования фирм и граждан за счет бюджета, перенаправив расходы туда, где они действительно нужны, в первую очередь в инфраструктуру);

– либерализация торговли (максимальное снятие тарифных и нетарифных барьеров, включая квоты, лицензирование, субсидии);

– привлечение в экономику прямых иностранных инвестиций (также предполагает максимальную либерализацию законодательства для создания привлекательного инвестиционного климата);

[7] *Williamson J.* The Strange History of the Washington Consensus. Journal of Post Keynesian Economics. 2004.

– приватизация (максимально возможное число компаний, находящихся в государственной собственности, следует отдать в частные руки, поскольку в условиях рынка государство в большинстве случаев неэффективно управляет своими активами);

– дерегулирование (возможно, более полный отказ от любых практик воздействия на рыночный механизм, исключая лишь те инструменты, которые обеспечивают приемлемый уровень безопасности потребителя и окружающей среды);

– права собственности (требуется обеспечить их максимально полную защиту, что, в принципе, и является первоочередной задачей государства в рамках «вашингтонского консенсуса»);

– либерализация рынков капитала (процентная ставка должна определяться взаимодействием спроса и предложения, что обеспечит ее оптимальность);

– обменный курс (также должен устанавливаться за счет рыночного механизма, при этом следует избегать любых методов воздействия на него, например валютных интервенций);

– налоговая дисциплина (необходимо более тщательно и эффективно собирать налоги, избегая значительного налогового дефицита);

– налоговая реформа (требуется расширять налоговую базу, устанавливать умеренные ставки налога).

Эти правила опираются на богатую традицию западной либеральной экономической мысли, в первую очередь чикагской школы, созданной нобелевским лауреатом М. Фридманом (1912–2006)[8]. Воплощение этих постулатов на практике выливается в стратегию, которая хороша известна в том числе и россиянам, под названием «шоковая терапия». Ее суть можно выразить в одной фразе: следует как можно скорее перейти к рынку, невзирая на негативные эффекты. Чем быстрее в экономике снимаются все преграды, которые могут мешать работе рыночного механизма, тем лучше. Возникающие при этом многочисленные дисбалансы – инфляция, безработица, падение уровня жизни, ухудшение качества государственных услуг, дефицит бюджета, рост преступности – будут со временем преодолены автоматически. «Шок» будет неприятным, но пройдет как только произойдет максимально полный переход к рынку, что якобы с избытком окупит любые потери.

В чем состоит геополитическая сущность концепции «вашингтонского консенсуса»? Сложность в данном случае заключается в том, что в теории все составляющие этой модели не заслуживают порицания. В самом деле, никто не возразит, что налоги требуется собирать эффективно, государственный бюджет расходовать экономно, охранять права собственности, привлекать в экономику зарубежные инвестиции. Поэтому нет ничего удивительного в том, что десятки обществ не просто добровольно, но с энтузиазмом препору-

[8] См.: *Miller L.H.* On the "Chicago School of Economics" // Journal of Political Economy, 1962.

чали себя «чикагским мальчикам», как в свое время назвали учеников Фридмана, консультировавших А. Пиночета.

В реальности внешне безобидные положения доктрины несут в себе разрушительный потенциал. Приватизация в большинстве случаев приобретает стихийный характер, выражаясь в неприкрытом переделе собственности. Излишне говорить, что в процессе приватизации западные компании, которые через команды правительственных советников получают последнюю инсайдерскую информацию, приобретают наиболее выгодные активы, в том числе концессии на разработку месторождений полезных ископаемых и крупнейшие инфраструктурные предприятия.

В этих условиях налоговая реформа сводится к тому, что капитал, в особенности крупный, освобождается от налогов, тяжесть которых ложится на плечи наемных работников и малого бизнеса. Неудивительно, что в подобной ситуации все больше предприятий предпочитают уходить в тень, чтобы избежать банкротства под гнетом неподъемного налогового бремени. Связанное с этим снижение поступлений в бюджет компенсируется «улучшением налоговой дисциплины», что в реальности оборачивается еще более агрессивным выбиванием налогов с тех, кто не успел или не смог уйти в теневой сектор. Одновременно происходит «оптимизация» государственных расходов – урезаются пенсии, расходы на здравоохранение, правоохранительную деятельность, образование, что приводит к росту социальной напряженности, ухудшению качества жизни, а также к тому, что фактически на улицу выбрасываются целые группы населения. При этом попытки отчаявшихся граждан защищать свои права, к примеру создавая профсоюзы, беспощадно подавляются, ведь профсоюзы, согласно выводам западных экономистов, подавляют рыночный механизм и препятствуют установлению «оптимальной» ставки заработной платы.

Затем в дело вступает фактор открытой экономики. На рынок, который остро нуждается в самом широком спектре товаров, приходят зарубежные производители, окончательно подрывая позиции местных игроков. Складывается парадоксальная ситуация: в стране, обеспеченной ресурсами, технологиями и во многих случаях промышленными мощностями, выгоднее реализовывать продукцию, произведенную за тысячи километров от нее. Отмена лицензирования, фитосанитарных и прочих норм приводит к тому, что на местный рынок импортируется откровенно низкокачественный и опасный товар. Впрочем, поскольку политика дерегулирования приводит в первую очередь к отмене стандартов качества, безопасности, экологических норм, то эти проблемы остаются вне поля зрения правительств, которые не могут помешать зарубежным корпорациям. Государство теряет экономический суверенитет, население нищает, рабочая сила теряет квалификацию, а экономика лишается индустриального и научного-технического потенциала. В результате формируется современная версия колониальной системы, которую

отличает не менее безжалостная эксплуатация, маскируемая под оказание помощи. По удачному выражению антрополога Р. Пейна, формируется «благотворительный колониализм», при котором коренное население «интегрируется» в современный мир таким образом, что уничтожаются его прежние источники существования, а сами местные жители получают своего рода «пособия по безработице», которые мало отличаются от подачек туземцам со стороны колониальной администрации.

К сожалению, подобные трансформации, которые в большинстве случаев заканчиваются трагедиями, легко найти и в наше время. Наиболее свежий пример – Украина, которая из перспективного государства с солидной индустриальной базой советского периода стремительно превратилась в экономическом отношении в страну третьего мира.

В 1990-е годы описанный выше вариант развития событий был уготован вашингтонскими стратегами и России, однако последующий ход истории перечеркнул их замыслы. Решительный отход нашей страны от навязанной извне неолиберальной стратегии является одним из редких примеров в новейшей мировой истории и, безусловно, должен быть расценен как крупнейшая геополитическая победа России.

Итак, развивающиеся страны служат одной из важнейших мишеней для американской геополитической стратегии. Подрывая их экономику, искусственно ограничивая возможности стабильного роста, США преследуют несколько ключевых целей.

Во-первых, таким образом консервируется однополярный миропорядок.

Во-вторых, с помощью подобной политики Вашингтон удерживает на плаву собственную экономику, которая способна существовать лишь за счет внешней экспансии. Отказ от политики принудительного разорения развивающихся государств для последующей «помощи» означал бы в перспективе крах американской экономики. Стратеги в Белом доме прекрасно понимают правоту приведенных слов С. Родса: либо вы захватываете колонии, либо готовитесь к гражданской войне у себя дома. Иных вариантов американская парадигма не предусматривает.

В-третьих, посредством построения неоколониальной системы формируются и поддерживаются глобальные дисбалансы и разделительные линии, которые США эффективно используют в своей внешней политике. Слаборазвитые государства объявляются основным рассадником терроризма, трансграничной преступности, наркоторговли, нелегальной миграции, инфекционных заболеваний. Это оправдывает бесцеремонное вмешательство американцев во внутренние дела суверенных государств якобы для нейтрализации угрозы всему миру.

Для оправдания агрессивных акций, осуществляемых под видом миссий мира, находящиеся на службе Вашингтона неолиберальные интеллектуалы разработали изощренный понятийный аппарат. Широко известен термин

«государство-изгой», который используется американской элитой для обоснования агрессивных устремлений США.

Другое важное понятие – «государство-банкрот», или «несостоятельное государство» (*failed state*), – которое характеризует ситуацию безвластия при наличии номинального правительства и государственного аппарата. Государства-банкроты, такие как Афганистан или Сомали, являются излюбленным объектом американской опеки. При этом пропагандистская машина максимально уводит внимание общественности внутри США и за рубежом от истинных причин «банкротства», которые, как мы уже отметили, напрямую связаны с деструктивной империалистической политикой Вашингтона. Да и сами США, как мы увидим в следующих главах, все больше демонстрируют признаки банкротства собственного общественно-политического устройства.

Для оправдания вмешательства во внутренние дела государств, которые показали полную или частичную «несостоятельность», американцы изобрели еще один термин – «гуманитарная интервенция».

Современные теоретики определяют это явление как использование военной силы одним государством против другого в том случае, когда последнее серьезно нарушает права человека. Данное определение несостоятельно как с логической, так и с фактической точки зрения. В течение всей истории человечества политики, ученые, философы спорили о том, может ли война быть «хорошей», оправдано ли ведение боевых действий во имя благих целей. Американские теоретики дают однозначный ответ на этот вопрос: да, война во имя высоких, общечеловеческих целей оправдана. Никаких весомых доказательств в защиту этой точки зрения не приводится, однако при этом счет гуманитарным интервенциям Вашингтона идет на десятки. По сути, все войны, которые США вели за последние десятилетия, так или иначе причисляются к разряду подобных операций.

Таким образом, использование развивающихся стран для наращивания собственного военно-политического и экономического доминирования в глобальном масштабе – одна из ключевых характеристик геополитической стратегии США. Архитектура международных финансово-экономических отношений, которая выстраивается МВФ, Всемирным банком и ВТО еще со времен холодной войны, создает условия для размывания государственного суверенитета развивающихся стран и укрепления позиций западных корпораций. Неолиберальная парадигма развития, которая искусственно навязывается развивающимся нациям, ведет к реставрации колониальной системы в ее современном варианте, а то, что преподносится как равноправное партнерство во имя развития третьего мира, является не чем иным, как империализмом XXI века.

Однако американские стратеги идут дальше и строят еще более смелые планы, касающиеся регулирования численности населения земного шара. В публицистике часто говорят о теории «золотого миллиарда», согласно ко-

торой ресурсов на планете хватит для благополучной жизни лишь одного миллиарда человек. Нищета, голод, преждевременная смерть – удел остальных.

Такие воззрения родились отнюдь не вчера. Еще с XX столетия тематика перенаселенности планеты стоит в верхних строчках рейтинга приоритетов не только Белого дома, но и влиятельных кланов, которые формально остаются вне его стен, но при этом вносят решающий вклад в формирование глобальной стратегии США. Именно они приняли решение взять на себя роль Бога и решить, кто на этой планете достоин продолжать человеческий род, а кто должен сойти со сцены.

Для этого в арсенале Вашингтона есть широкий спектр инструментов. Здесь мы видим и «мягкие» методы искусственной депопуляции отдельных стран и регионов, которые скрываются под вывеской «гуманитарных кампаний» и «программ планирования семьи», и несравненно более агрессивные средства вроде массовой стерилизации населения с помощью якобы безобидных вакцин. Не остается в стороне и эпидемиологический фактор, который всегда являлся одним из главных регуляторов численности мирового населения. Прекрасно зная об этом, США не перестают совершенствоваться в области ведения биологической войны. Убедительные свидетельства тому дают материалы биологических лабораторий, функционировавших под контролем Пентагона на территории Украины, доступ к которым российские специалисты получили в результате специальной военной операции в 2022 г. О скрытой военно-биологической деятельности США, прежде всего по периметру российских границ, говорит и упорное нежелание Вашингтона согласиться на разработку верификационного протокола к Конвенции о запрещении бактериологического оружия (КБТО). Вопросы вызывает и затягивание американской стороной под надуманным предлогом (нехватка средств!) уничтожения своего химоружия в соответствии с КЗХО. На этом фоне есть все основания сомневаться в естественном происхождении COVID-19, особенно ввиду того, что администрация Д. Трампа сразу же попыталась использовать пандемию для изоляции КНР, заявив о «китайской заразе».

Еще в конце XVIII века в среде западных интеллектуалов начали зарождаться первые теории, которые пытались связать численность населения и экономическое развитие. Одной из наиболее влиятельных концепций является учение английского экономиста Т. Мальтуса (1766–1834). В своей книге «Опыт о законе народонаселения»[9] он разработал теорию, которая оказывает огромное влияние вплоть до нашего времени. Наблюдая за демографической динамикой в Англии и других современных ему государствах, Мальтус пришел к выводу, что численность населения растет в геометрической прогрессии, тогда как ресурсы, необходимые для производства средств существования, увеличиваются лишь в арифметической прогрессии. Из этих наблюдений английский мыслитель сделал вывод о том, что уже в обозримом будущем на-

[9] *Мальтус Т.* Опыт о законе народонаселения. Наше завтра, 2022.

селение в западных странах возрастет настолько, что ему уже не будет хватать имеющихся ресурсов, и это спровоцирует голод и социальную нестабильность. Идеи Мальтуса произвели огромный резонанс в западном обществе. Многие из современников сделали вывод о необходимости для правящих классов задуматься об искусственном ограничении рождаемости у низших слоев общества. Кроме того, из теории английского исследователя вытекала идея о благотворной роли войн, эпидемий и природных катастроф, помогающих снизить численность населения и отсрочить наступление демографического кризиса. В упрощенном и популяризованном виде идеи Мальтуса породили интеллектуальное движение мальтузианства, приверженцы которого выступали за необходимость всеми доступными средствами ограничивать рождаемость, особенно среди рабочего класса, и введение жесткого контроля над распределением ресурсов в обществе. Именно идеи Мальтуса стали отправной точкой для Чарльза Дарвина в формулировании им теории естественного отбора. В свою очередь, идеи естественного отбора и выживания наиболее приспособленных особей были перенесены в политическую мысль и стали известны как социал-дарвинизм.

Вскоре после окончания Второй мировой войны и обретения колониями независимости идеи Мальтуса вновь обрели былую популярность в рамках так называемого неомальтузианства. Сторонники этого движения обратили внимание на то, что основным источником демографического давления на ресурсы в общемировом масштабе стали развивающиеся и слаборазвитые страны. Современные технологии (например, антибиотики) подняли среднюю продолжительность жизни в этих странах, одновременно уменьшив показатели смертности. Как следствие, там начался взрывной рост населения.

Всплеск интереса к неомальтузианским идеям произошел в США в 1970-х годах. Видной фигурой движения стал американский биолог Пол Эрлих[10] (р. 1932), опубликовавший в 1968 г. работу «Популяционная бомба», в которой он доказывал, что в условиях наблюдающегося роста населения и нехватки продовольствия в мире США и прочие развитые государства (не говоря уже о развивающихся странах) могут столкнуться с перспективой голода уже в ближайшее десятилетие. Книга ученого открывается грозным предупреждением: «Битва за то, чтобы накормить все человечество, проиграна. В 1970-х годах мир будет охвачен голодом, который убьет сотни миллионов людей». Практически одновременно с работами Эрлиха в США появилась целая череда популярных книг, в которых делались еще более мрачные предсказания.

Чтобы избежать катастрофы, единомышленники Эрлиха предлагали рецепты, которые мало чем отличались от рекомендаций нацистской «расовой науки». Так, Марта Уиллинг пишет: «Право иметь детей является элементом сети других наших прав и обязанностей и должно сочетаться с соблюдением

[10] *Эрлих П.* Крах цивилизации не за горами. 2018. – URL: https://inosmi.ru/20180324/241798721.html

прав других людей. Когда всем приходится урезать суммарное производство детей, никто не имеет преимущественного права на это. Чем больше нас на Земле и чем скученнее мы живем, тем больше приходится ограничивать гражданские права, чтобы те не нарушали интересы других». Ее коллега Кингсли Дэвис идет дальше: «Можно доказать, что чрезмерное число детей в семье, то есть больше четырех, хуже большинства других преступлений и должно преследоваться по закону»[11]. Эти лозунги сегодня активно возрождаются на Западе в рамках разного рода «зеленых» движений, вдохновленных персонажами наподобие Греты Тунберг. Хорошо известны, например, распространенные в Европе призывы отказаться от рождения детей во имя борьбы с изменением климата, чтобы не создавать излишний «углеродный след».

Интересно отметить, что расцвет неомальтузианства в 1970-х гг. произошел при активной поддержке американского истеблишмента. По сути дела, современное экологическое движение, которое активно поддерживается в глобальном масштабе американской элитой, берет свое начало именно в неомальтузианстве 1970-х гг. Достаточно сказать, что влиятельный и поныне Фонд окружающей среды изначально назывался «Равновесие природы и людей». Примечательно, что к этой организации имели непосредственное отношение такие видные фигуры, как З. Бжезинский или нефтяной магнат П. Гетти (первый в истории долларовый миллиардер), а также многие другие выходцы из политической элиты и финансово-промышленных кланов. При их активной поддержке в американском обществе продвигались идеи о неизбежности глобального демографического кризиса.

К примеру, в октябре 1975 г. «Уолл-стрит джорнэл» опубликовал тревожный манифест, подписанный не только вышеупомянутыми лицами, но и целой плеядой видных политиков, общественных деятелей и ученых, включая нескольких нобелевских лауреатов. В этом воззвании напрямую заявлялось: «Весьма вероятно, что привычный нам мир будет разрушен еще до 2000 г. и причиной станет неспособность его обитателей осознать два факта. Эти факты таковы: (1) мировое производство продовольствия не поспевает за галопирующим ростом населения; (2) в обозримом будущем планирование семьи не сможет обуздать этот бесконтрольный рост». Одновременно схожие идеи стали появляться в школьных учебниках, со страниц которых детям внушалось: миру угрожает перенаселение и голод, лишь Соединенные Штаты способны предотвратить или по меньшей мере смягчить надвигающуюся катастрофу, но для этого потребуются жесткие и, возможно, даже жестокие меры в масштабе всей планеты. Удивительным образом эти алармистские заявления перекликаются с речами современных экологических активистов[12]! По сути, история вновь повторяется.

---

[11] См. об этом: *Ритцер Дж.* Современные социологические теории. 5-е изд. СПб.: Питер, 2002 (Серия «Мастера психологии»).

[12] Приведем выдержку из нашумевшего выступления Г. Тунберг на климатическом саммите ООН в 2019 г.: «Вы отняли мои мечты и мое детство своим пустословием. А мне еще повезло.

В отличие от правящей элиты и широких масс населения, с восторгом принявших достаточно поверхностные выводы новых мальтузианцев, целый ряд выдающихся ученых подверг жесткой критике подобные алармистские умозаключения.

На протяжении холодной войны руководству США представлялись многочисленные доклады о перспективах роста населения в мире и угрозах, которые это несет для США. Д. Эйзенхауэр, Дж. Кеннеди, Р. Никсон и другие американские лидеры с интересом знакомились с соответствующими докладами. Хотя отдельные предложения отвергались ими как чрезмерно радикальные, в целом демографическая составляющая геополитической стратегии США приобрела первостепенную значимость именно в эти годы. Американские стратеги еще в 1960–1970 гг. пришли к мысли о том, что на этом направлении нужно смещать акценты в сторону работы неправительственных организаций и, что особенно важно, структур ООН, это поможет придать соответствующим проектам статус «инициатив мирового сообщества».

На доктринальном уровне неомальтузианство нашло свое отражение в секретном меморандуме № 200 «Последствия глобального роста населения для безопасности США и их заморских интересов», известном также как доклад Киссинджера. Этот объемный документ, разработанный при участии широкого круга государственных структур (Совет национальной безопасности, ЦРУ, Государственный департамент, министерство обороны, министерство сельского хозяйства, Агентство по международному развитию), был представлен в конце 1974 г. президенту Дж. Форду. Хотя с момента публикации доклада Киссинджера прошло почти 50 лет, в наши дни он практически не утратил своей актуальности. Знакомство с текстом меморандума позволяет получить представление о подлинных приоритетах и замыслах Вашингтона в отношении глобального демографического развития[13].

Доклад открывается кратким аналитическим обзором основных тенденций глобального развития. Взрывной рост населения в развивающихся странах, по мнению авторов доклада, приведет к тому, что через сто лет население Земли достигнет отметки порядка 12 млрд человек (современные оценки предполагают, что к этой цифре человечество приблизится лишь к 2100 г.). Этот рост, как утверждают авторы меморандума, не может быть бесконечным, в противном случае весь человеческий род окажется на грани катастрофы.

С точки зрения Киссинджера и его соавторов, существует предел численности населения Земли в 8 млрд человек, которые могут быть обеспечены продовольствием с учетом текущих возможностей мировой экономики. Чтобы сохранить такой показатель, в последней части меморандума предлагается

Люди страдают. Люди умирают. Погибают целые экосистемы. Мы стоим на пороге массового вымирания, а вы только и можете обсуждать деньги и рассказывать сказки о бесконечном экономическом росте. Как вы смеете!».

[13] National Security Study Memorandum 200: Implications of Worldwide Population Growth for U.S. Security and Overseas Interests.

глобальная демографическая стратегия США. Формально основной акцент в тексте делается на распространении современных средств и методик планирования семьи, однако за техническими выкладками стоит легко различимый подтекст, который и реализовывался на практике. Он заключается в ведении активной пропаганды в пользу малочисленных семей и даже бездетности, поощрении абортов, развале институтов социального обеспечения, лишении многодетных семей государственного обслуживания в сфере медицины и образования. Все эти идеи должны были проводиться в первую очередь через Агентство по международному развитию и «гуманитарные» организации. В качестве приоритетных целей стратегии были названы такие страны, как Индия, Бангладеш, Пакистан, Нигерия, Мексика, Бразилия, Филиппины, Таиланд, Турция, Эфиопия, Колумбия. В сущности, описанная программа представляет собой не что иное, как план демографической войны Вашингтона, опасающегося ослабления своих возможностей по контролю над «многолюдным миром».

Еще на рубеже 1960-х – 1970-х гг. сторонники неомальтузианства разработали комплексную программу, направленную на ограничение рождаемости. Несмотря на то что со временем официальные власти предпочли дистанцироваться от подобных проектов, которые слишком напоминали инициативы нацистских ученых, есть свидетельства того, что большинство пунктов этой программы активно продвигается в глобальном масштабе при содействии американских неправительственных организаций и спецслужб. В самих США она также используется, но избирательно, применительно к определенным районам и общинам, где требуется, к примеру, ограничить прирост афроамериканцев или выходцев из Латинской Америки. Впрочем, отдельные ее пункты, такие как активная пропаганда гомосексуализма и иных форм нетрадиционной сексуальной ориентации, реализуются сегодня в глобальном масштабе под аккомпанемент требований ЛГБТ-сообщества о соблюдении их прав.

Современная наука дает в руки Запада еще более утонченные способы воплощения западной «неомальтузианской мечты». Речь идет о так называемых контрацептивных вакцинах. Еще на рубеже XIX–XX вв. ученые пришли к выводу, что введение в организм человека определенных химических веществ может снизить репродуктивную функцию вплоть до полного бесплодия. Особый интерес данное открытие вызвало в США, где в период между мировыми войнами огромную популярность приобрела евгеника – учение о способах «научного улучшения» человеческой расы. Американские евгенисты, среди которых встречались как именитые врачи, так и откровенные шарлатаны, рассчитывали создать человеческую особь, которая являлась бы совершенной как с физической, так и психологической точек зрения. При этом, разумеется, они имели собственные специфические взгляды на совершенство. Очевидно, что наиболее дружеские отношения сложились у евгенистов из США с их нацистскими коллегами, которые с удовольствием выступали на симпозиумах

Неомальтузианская программа снижения над рождаемостью, предложенная в США на заключительном этапе холодной войны

Универсальные методы снижения рождаемости	Изменение норм семейной жизни: пропаганда идеала позднего брака, безбрачия, малой семьи, семьи без детей (движение «чайлдфри»). Информационная обработка детей на всех этапах обязательного образования. Поощрение гомосексуализма. Распространение веществ, подавляющих способность к деторождению, посредством их добавления в питьевую воду и продукты питания. Активное вовлечение женщин в трудовую жизнь.
Экономические методы снижения рождаемости	Изменение налогообложения физических лиц: введение налога на вступление в брак, налога на детей, дифференцированных налогов для семейных и холостых граждан, дополнительных налогов на каждого нового ребенка. Отмена или сокращение отпусков и выплат по рождению и уходу за ребенком. Отмена или сокращение пособий на детей, отмена социальных пособий в случае превышения лимита на количество детей в семье. Государственные субсидии за поздний брак или отказ от деторождения. Ограничение количества мест в детских садах и прочих дошкольных учреждениях. Введение обязательной занятости для женщин. Сокращение государственных программ здравоохранения, обеспечения жильем, социальной защиты, льготного кредитования для многодетных семей.
Административные методы снижения рождаемости	Принудительное прерывание внебрачной беременности. Принудительная стерилизация женщин после рождения определенного количества детей. Введение системы сертификатов на право рождения ребенка. Ограничение многодетных семей в праве на жилищную площадь.
Медицинские методы снижения рождаемости	Государственные дотации за прохождение стерилизации. Государственные дотации за использование противозачаточных средств. Государственные дотации за совершение аборта. Распространение контрацептивов и пропаганда их использования негосударственными организациями. Снижение стоимости контрацептивов и увеличение объемов их производства. Ориентирование женских консультаций на работу по снижению рождаемости в качестве главного направления деятельности.

в «Стране свободы», охотно приглашая американских единомышленников на свои семинары, посвященные «расовой науке». Однако проблема создания сверхчеловека влекла за собой другой вопрос: что делать с «неполноценными» индивидами? Как известно, нацисты в конечном итоге отдали предпочтение физическому уничтожению таких лиц, однако они вели также работы по более «гуманным» методам, включавшим стерилизацию при помощи химических веществ или рентгеновского излучения. Этими экспериментами занимался также главный нацистский врач-убийца Йозеф Менгеле.

Американские исследователи также взялись за разработку контрацептивных вакцин. Первый патент был получен уже в 1937 г. Однако настоящий всплеск интереса к подобным разработкам пришелся на послевоенное время. Американская политическая элита быстро осознала, что решение острых демографических проблем в глобальном масштабе требует наличия более надежных средств, чем раздача бесплатных контрацептивов или развал систем соцобеспечения в странах третьего мира. Провоцирование войн и вооруженных конфликтов, которые влекут за собой массовое истребление мирного населения, представлялось более надежным средством. Тем не менее это также не вполне устраивало американских стратегов в силу высокой стоимости подобных предприятий, непредсказуемости их последствий и, конечно, постоянного риска разоблачения роли США. Поэтому Вашингтон заинтересовала перспектива разработки препарата, который вызывал бы долговременное или необратимое бесплодие и который при этом можно было бы смешивать с обыкновенной вакциной против столбняка или кори.

Основным заказчиком и спонсором исследований в области контрацептивных вакцин выступил Фонд Рокфеллера. Как мы помним, именно Рокфеллеры стали одной из ведущих фигур неомальтузианского движения, развернувшегося в США. Неслучайно влиятельнейший Нельсон Рокфеллер в администрации Эйзенхауэра занимал пост заместителя министра здравоохранения и социальных служб. Он же организовал снабжение исследователей «подопытными кроликами» из числа пуэрториканцев: их вывозили в США для работы на фабриках Рокфеллеров. Научную базу для изысканий предоставлял Центр медицинских исследований Рокфеллера в штате Нью-Йорк (ныне – Университет Рокфеллера). Примечательно, что в этом центре в предвоенное время работали нобелевский лауреат из Германии, доктор Карл Ландштайнер (1868–1943), который первым начал разрабатывать теоретические основы иммунной контрацепции, а также французский доктор, также лауреат Алексис Каррель (1873–1944), всемирно известный евгенист, активно сотрудничавший с нацистами.

Программу «ограничения численности населения» курировал брат Нельсона – Джон Рокфеллер Третий, который подолгу беседовал с Генри Киссинджером. Напомним, что в это время последний занимался изысканиями, приведшими к разработке меморандума № 200.

Сегодня американская политическая элита не только не отказалась от своих демографических теорий эпохи холодной войны, но и продолжает воплощать в жизнь вытекающие из них практические императивы. В основе этой теории лежит упрощенная, если не сказать примитивная, доктрина неомальтузианства. В сущности, перед нами теория из того же ряда, что и идеи «расовых ученых», оправдывавших массовое уничтожение «недочеловеков» в нацистских лагерях смерти.

В настоящее время неомальтузианская доктрина не только не исчезла из идеологического арсенала Вашингтона, но, напротив, переживает свое новое рождение. Официально США пересмотрели подходы к демографическим проблемам развивающихся стран еще при Б. Клинтоне, который объявил о «перегибах» в данной сфере и взял курс на их исправление. Однако о каких-либо позитивных переменах в государствах третьего мира, произошедших после столь громких заявлений, сказать трудно. Любопытно отметить, что борьба против неомальтузианской идеологии и ее проявлений в американской глобальной политике стала одним из лозунгов развернувшегося в 1970-е гг. Движения неприсоединения. США и их западные союзники пытались дискредитировать эту борьбу, ассигнуя значительные средства на проведение научных исследований, через которые красной нитью проходила ключевая мысль: рост населения, в целом, крайне нежелателен, а позитивный эффект может проявиться лишь в тех странах, которые уже достигли некоторого уровня экономического развития.

Другой излюбленной концепцией американских стратегов на протяжении последних десятилетий является борьба с глобальным голодом. Для этого было поднято знамя Зеленой революции. В 1970 г. Нобелевская премия мира была присуждена Норману Борлаугу (1914–2009) – американскому агроному, которого считают идейным вдохновителем этого движения и непосредственным автором целого ряда методик, позволивших резко повысить эффективность сельского хозяйства. Однако Зеленая революция была инициирована США еще в годы войны. В 1943 г. первым полигоном для апробации разработок вашингтонских ученых стала Мексика. Основным лоббистом и спонсором мексиканской программы выступил Фонд Рокфеллера. В последующем активным проводником этой кампании по всему миру стало Агентство США по международному развитию.

Сам Н. Борлауг был убежденным неомальтузианцем. Читая свою нобелевскую лекцию, он заявил: «Большинство людей все еще не в состоянии оценить размах и угрозу “популяционного чудовища” <…>. Сейчас, с каждым движением стрелки часов население Земли увеличивается примерно на 2,2 человека <…> Эти часы тикают все громче и все более угрожающе с каждым десятилетием. Когда же наступит конец?»[14].

[14] *Borlaug N.* Nobel Lecture. – URL: https://www.nobelprize.org/prizes/peace/1970/borlaug/lecture/

Н. Борлауг дает своего рода квинтэссенцию взглядов современных мальтузианцев на природу человека: «Неестественный стресс и напряжение имеют тенденцию пробуждать в человеке животные инстинкты и провоцировать иррациональное и разрушительное для общества поведение наименее устойчивых индивидов, присутствующих в обезумевших толпах»[15]. Таким образом, концепция Зеленой революции в корне неотделима от неомальтузианской идеологии.

Что включает в себя доктрина Зеленой революции? Прежде всего это активное применение новейших технологий, ведущее место среди которых занимают достижения генетики и химии. Новые, более стойкие и плодовитые сорта сельскохозяйственных культур, а также более мощные и эффективные удобрения и пестициды составляют основу Зеленой революции. Они дополняются также новыми методами обработки почвы, ирригации, применением более эффективных технических средств.

Развернутая США кампания была восторженно принята по всему миру, в особенности в Тропической Африке и Азии. Ее первоначальные успехи были настолько многообещающими, что в 1974 г. на международной продовольственной конференции в Риме была провозглашена амбициозная цель – покончить с голодом в течение ближайшего десятилетия. К сожалению, именно в 1984 г. по Африке прокатился голод, число жертв которого до сих пор не поддается точной оценке (несколько миллионов человек).

Что же пошло не так? С одной стороны, имелись объективные предпосылки, которые были связаны с биологическими свойствами культур, выведенных при помощи селекции. В частности, оказалось, что для достижения требуемой продуктивности им необходимо, как правило, значительно большее количество воды. Кроме того, для надлежащего ухода за модифицированными культурами необходимы были специальные знания и навыки, которые совершенно отсутствовали у крестьян третьего мира. Высокие результаты демонстрировались лишь до тех пор, пока весь процесс контролировали западные специалисты. Наконец, оказалось, что в долгосрочной перспективе предлагаемые методы несут значительные угрозы для окружающей среды. Многообещающие удобрения и пестициды обнаружили свойство накапливаться в человеческом организме, вызывая тяжелые заболевания и уродства, а также уничтожая местную флору и фауну. Помимо этого, многие из них оседали в почве и со временем значительно снижали ее плодородные свойства, в частности уничтожали микроорганизмы, за счет которых растения подпитываются необходимыми для роста веществами. Ситуация стала еще более сложной, когда оказалось, что именно за счет внесения огромных доз этих химикатов и достигалась высокая урожайность. Таким образом, технологии Зеленой революции имели в лучшем случае лишь среднесрочный эффект, нане-

[15] *Borlaug N.* Nobel Lecture.

ся в итоге непоправимый урон экологической системе и фактически оставляя местных жителей в еще более тяжелом положении, чем прежде.

Однако даже там, где аграрная кампания добивалась результатов и обеспечивала относительно высокие урожаи, продовольственная проблема еще не была решена до конца. Дело в том, что модифицированные сорта сельскохозяйственных культур имели совершенно иные показатели пищевой ценности. В результате потребление такого продовольствия несет угрозу здоровью.

Главными мишенями Зеленой революции стали государства, на которые Вашингтон имел особые виды. В попытках «закормить» население этих стран с помощью пестицидов и удобрений с высоким содержанием металлов заокеанские благотворители обращали мало внимания на то, какой именно политический режим контролирует территории, засевавшиеся новыми сортами пшеницы и риса. Тот факт, что сельское хозяйство в слаборазвитых странах страдало не только от засухи, но и от набегов полубандитских формирований, представлявших государственную власть и реквизировавших запасы зерна для последующей выгодной перепродажи, оставался за пределами внимания вашингтонских «агрономов». В итоге вместо того, чтобы накормить местное население, творцы Зеленой революции кормили диктаторские режимы Африки и Азии, которые выразили готовность признать американский протекторат над своей территорией.

Нельзя забывать и об активной роли американских корпораций, которые приняли участие в глобальной кампании Вашингтона. Это предприятие, с одной стороны, предоставило им уникальные возможности протестировать свои разработки в полевых условиях, зачастую ценой тысяч жизней жителей третьего мира, умерших от применения неопробованных пестицидов. Это позволило сделать соответствующие выводы и в дальнейшем выводить эти вещества на рынки развитых стран. С другой стороны, Зеленая революция предоставила возможность этим корпорациям легко проникнуть на обширные рынки развивающихся стран. Убедившись в неспособности местных жителей строго выдерживать технологию ухода за новыми типами культур, местные правительства охотно позволяли западным сельскохозяйственным дельцам разбивать у себя огромные плантации, на которых в качестве батраков трудились вчерашние фермеры и крестьяне. Тем самым был получен фактически неограниченный доступ к источникам дешевой рабочей силы. Стоит ли говорить, что подобная борьба за конкурентные преимущества также была оплачена тысячами жизней.

В конечном итоге Зеленая революция не только не решила, но в значительной степени усугубила продовольственную проблему в глобальном масштабе. Лишившись каких бы то ни было источников к существованию, бывшие земледельцы массово мигрировали в города, которые стремительно обрастали трущобами.

Однако проект Зеленой революции не ушел в прошлое. Сегодня западные «гуманисты» говорят о Второй зеленой революции, основанной на применении генно-модифицированных культур и новейших, ранее неизвестных пестицидов. Не приходится сомневаться в том, что за внешне благородными целями, которые провозглашают политические лидеры и представители деловых кругов на Западе, скрывается хорошо продуманный план действий по подрыву продовольственной безопасности государств по всему миру.

Многие выдающиеся мыслители еще в прошлом столетии отметили, что мы живем в эпоху биополитики, в основе которой лежит идея осуществляемого государством контроля над человеческой биологией. Наблюдаемые сегодня на Западе эксперименты с гендерной принадлежностью, попытки дать детям право определять свой пол и при необходимости менять его, пресловутые «родитель номер один и номер два» – все это логическое развитие идей, которые берут свои истоки в созданных западными интеллектуалами и так энергично подхваченных американскими элитами доктринах неомальтузианства.

На фоне трансформации медицинской сферы в бизнес-индустрию с неограниченными перспективами развития, ключевыми проводниками биополитической идеологии стали транснациональные фармацевтические корпорации. Рост их влияния сопровождается усилением внимания властей западных стран к разработкам в данной области, в том числе в рамках создания новых систем вооружения, включая гипотетически существующее генетическое оружие. Пандемия COVID-19 продемонстрировала, насколько существенным инструментом влияния на мировые политические процессы может быть наличие военно-биологических разработок. В связи с активными шагами США по расширению сети биолабораторий представляется очевидной необходимость обеспечения готовности к противодействию использованию биополитических механизмов в рамках «новой холодной войны».

Подводя итоги данного раздела, можно сказать, что геополитика, родившаяся вместе с современным западным обществом и изначально созданная как инструмент оправдания империализма, претерпела существенные изменения за последнее столетие. Это произошло, в том числе, вследствие развития неолиберальных и глобализационных концепций, определяющих характер американской внешней политики на современном этапе. Вместе с тем многое в современных геополитических подходах США остается нетронутым. Это их ярко очерченная идеологическая направленность, ориентация на экспансионизм и расширение сфер влияния и контроля за счет более слабых игроков, зачастую неприкрыто апологетический характер теорий (иными словами, они используются в качестве способа оправдать те или иные политические акции). Можно с уверенностью сказать, что, вопреки прогнозам либеральных теоретиков, предсказывавших в канун крушения Советского Союза скорое наступление «конца истории», а с ним и конца геополитики, современная эпоха знаменует собой расцвет геополитической мысли по всему миру.

Самое главное, что требуется от современных стратегов, – это осознать, что продолжать бездумно эксплуатировать прежние геополитические конструкции не просто глупо, но и опасно. За последние два десятилетия геополитическая картина мира изменилась во многих отношениях сильнее, чем за полвека, прошедшие с окончания Второй мировой войны. Однобокость, неполнота, а зачастую и откровенная наивность теорий, которыми пользуются заокеанские политики, их нежелание или неумение корректировать собственные доктрины на основе полученного опыта – все это дорого обходится не только США, но и всему миру. «Краткий мир на нашей планете заканчивается, – отмечает видный британо-американский консервативный историк Н. Фергюссон. – Запад получил свои мирные дивиденды после 1991 года. Но мы промотали их за 20 лет безудержного потребления, кредитных пузырей и спекуляций. Сначала наступило финансовое похмелье, а теперь пришло время расплачиваться по геополитическим счетам»[16].

К сожалению, опыт американской истории демонстрирует склонность Вашингтона «расплачиваться по геополитическим счетам» за счет всего остального мира, что доказывает бесконечная череда развязанных Белым домом войн и спровоцированных им кризисов. В этих условиях государства, которые не готовы в очередной раз платить за имперские амбиции заокеанской державы, жертвуя благополучием своих народов, должны не просто тщательно изучить американскую геополитическую стратегию, но и выработать эффективные средства противодействия. Без этого невозможно построение многополярной, подлинно демократической системы международных отношений.

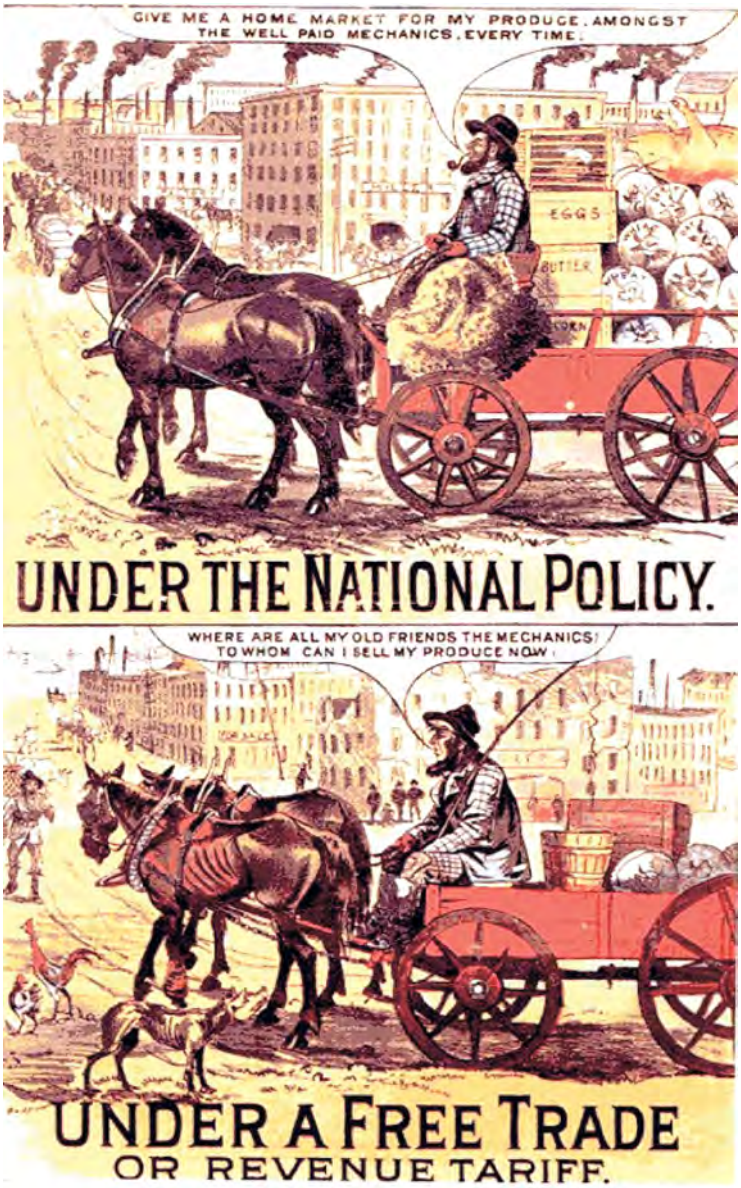
[16] *Ferguson N.* We need to relearn the arts of war and grand strategy // The Financial Times. September 25, 2015.

Иллюстрации к главе 4

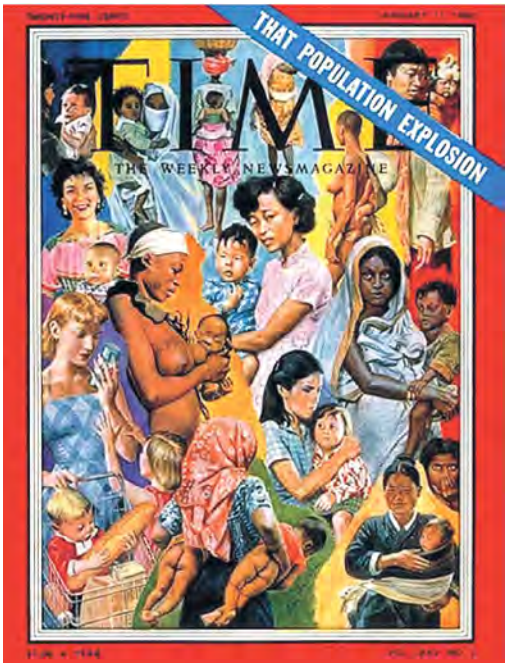
Вклад Томаса Мальтуса в общественные науки весьма обширен, однако широкой публике он известен прежде всего как отец «мальтузианства», которое имеет весьма опосредованное отношение к разработанной им теории народонаселения.

Норман Борлоуг – «отец» концепции «зеленой эволюции»…

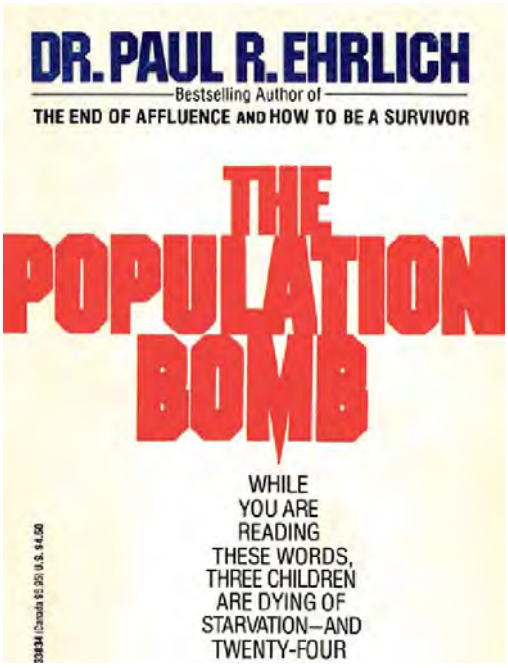
Грета Тунберг – «дитя» движения по борьбе с изменением климата.



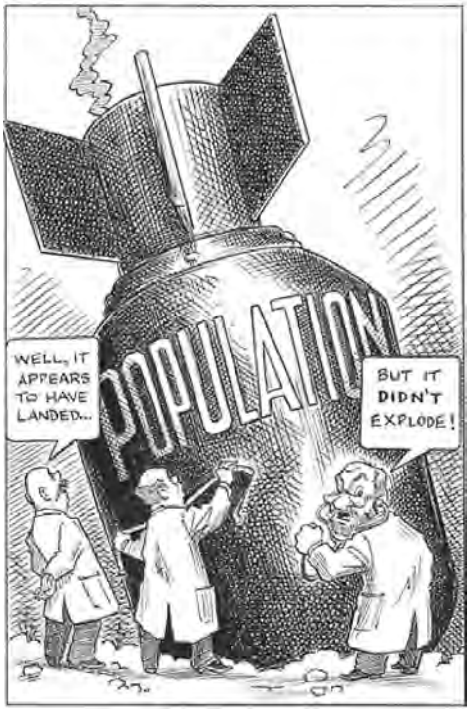
Несмотря на яростное продвижение политики открытой торговли по всему миру, в самих США политики и представители бизнеса давно осознали необходимость защищать отечественного производителя. На иллюстрации из американского журнала конца XIX столетия изображен фермер, приехавший в город продавать произведенные им продукты. Картинка сверху изображает ситуацию защиты внутреннего рынка. Фермер, чью забитую доверху телегу тянут холеные лошади, произносит: «Дайте мне внутренний рынок и пусть хорошо оплачиваемые инженеры покупают мои продукты». Картинка внизу изображает ситуацию свободной торговли: на этот раз фермер приезжает в почти пустой повозке, запряженной тощими лошадьми, восклицая: «Где все мои друзья-инженеры, которым я бы мог продавать мои продукты!»



Номер журнала «Тайм», посвященный проблемы перенаселенности (1960).



Обложка одного из ранних изданий «Популяционной бомбы» П. Эрлиха. Текст под заголовком гласит: Пока вы читаете эти слова, три ребенка умирают от голода, и еще двадцать четыре ребенка появляются на свет».



Одна из карикатур, высмеивающих идеи П. Эрлиха. Ученые стоят вокруг бомбы с надписью «Население». «Что ж, – говорит один из них, – бомба, кажется, упала». Другой возражает: «Но она так и не взорвалась».

Корнелиус Роадс (1898–1959) считается одним из основоположников современной онкологии. Влиятельный журнал «Тайм» в 1949 г. присудил ему почетный титул «Борец с раком». Лишь в нашу эпоху начали выясняться подробности деятельности доктора Роадса. Как и его коллеги в более поздний период, доктор предпочел работать с «живым материалом» в виде жителей Пуэрто-Рико, которым вводились различные канцерогенные вещества. Развивавшиеся у пациентов злокачественные опухоли изучались затем на предмет воздействия различных лекарственных препаратов. Сохранился отзыв К. Роадса о народе Пуэрто-Рико: «Пуэрториканцы несомненно самые грязные, ленивые, дегенеративные и воровские отродья когда-либо населявшие земной шар. Что нужно этому острову, так это не общественное здравоохранение, а какое-нибудь наводнение. Или что-нибудь, что полностью уничтожит население. Я тоже внес посильный вклад в их истребление, прикончив восемь человек». Любопытно, что копию письма с этим шокирующим признанием, которое удалось достать пуэрториканским патриотам, еще в 1932 г. опубликовал уже упомянутый журнал «Тайм».

Часть вторая

Исторические корни американской государственности

Начиная с обретения независимости в 1776 г. Соединенные Штаты Америки не только неизменно позиционируют себя в качестве эталона демократии, но и открыто заявляют о себе как о единственном подлинно демократическом государстве в мире. За два с половиной столетия, прошедших с момента появления США на карте мира, это государство и его руководители настолько далеко зашли в создании этой легенды, что сегодня в одностороннем порядке взяли на себя прерогативу определять, какое из суверенных государств идет по пути демократического развития, а какое – ушло в сторону. Альтернативные подходы, которые представляются Белому дому не соответствующими «американскому идеалу», объявляются ложными и даже опасными, что подразумевает принятие определенных мер, включая политическое давление, экономические санкции, пропагандистские атаки и все чаще – применение военной силы.

Риторика избранности американской демократии является обязательной и неизменной для любого лидера этой страны независимо от его убеждений и партийной принадлежности. Говоря словами Р. Никсона, «если это делает Президент [США. – *Авт.*], значит это не может быть незаконным». В этих словах заключено кредо американской геополитики.

При этом всячески подчеркивается миролюбивый и бескорыстный характер поведения США – страны, которая всегда готова «делиться демократией» со всеми желающими. Вступая в должность президента США в январе 2001 года, Дж. Буш-младший охарактеризовал Америку как «державу, которая пришла в мир для того, чтобы защищать, а не обладать, оберегать, а не завоевывать»[1]. Он заявил: «На протяжении большей части минувшего столетия вера Америки в свободу и демократию была утесом в бушующем море. Теперь же она представляет собой семя, летящее по ветру и пускающее корни во многих странах»[2]. Это «летящее по ветру семя» за два президентских срока самого Дж. Буша обернулось вторжением ведомой американцами коалиции в Афганистан, агрессией против Ирака, погрузившей эту страну в хаос и кровопролитие, официально санкционированными пытками под надуманными обвинениями в терроризме тысяч людей по всему миру, репрессивной и

[1] Из инаугурационной речи, 2001 год.

[2] Там же.

противоречащей мировому праву политикой в отношении стран, объявленных Вашингтоном «осью зла».

Все эти события, однако, не помешали американскому лидеру, покинувшему свой пост в 2009 году, заявить в прощальном обращении к нации следующее: «Америка защищает свободу и права человека, человеческое достоинство во всем мире. Наша великая республика, родившаяся свободной, ведет мир к новой эре, когда свобода станет достоянием всех наций. Если Америка не возглавит борьбу за свободу, эту борьбу не возглавит никто. Голос нашей страны должен по-прежнему громко звучать в защиту справедливости и свободы. Мы должны всегда стремиться к борьбе за эти цели – и отстаивать дело мира».

Эти слова иллюстрируют еще одну характерную черту так называемой демократии по-американски – веру в абсолютную непогрешимость США. И если внутри страны, перед избирателями национальная элита время от времени вынуждена признавать свои ошибки, чтобы не потерять рейтинги, то за ее пределами об этом не может быть и речи. «Я никогда не буду извиняться за Соединенные Штаты Америки, несмотря ни на какие факты»[3], – провозгласил в 1988 г. еще один представитель клана Бушей, годом спустя занявший высший государственный пост. Эти слова сказаны им после того, как было официально установлено, что именно американский крейсер «Винсеннес» уничтожил иранский пассажирский лайнер в небе над Персидским заливом. При этом Белый дом пошел еще дальше: отказавшись признать трагическую ошибку, он цинично объявил 290 человек, погибших при крушении лайнера (в том числе 65 детей), «необходимой жертвой», которая должна продемонстрировать иранскому руководству всю ошибочность его курса. Показательно, что инцидент произошел во время войны Ирана и Ирака, в ходе которой Вашингтон поддерживал (в том числе поставками оружия) С. Хусейна, в то время объявленного едва ли не другом «американской демократии»[4].

Итак, образцовость, исключительность, непогрешимость и, само собой, недостижимое моральное превосходство над остальным миром – таковы отличительные черты демократии по-американски. И нет ничего удивительного в том, что с подобной идеологической базой за два с половиной века своего существования США отметились чередой «достижений», которые, применяя современную терминологию, можно квалифицировать как преступления против человечности.

Интересно отметить, что многие здравомыслящие американские интеллектуалы с тревогой относятся к комплексу исключительности, присущему политической культуре их страны, и даже видят в нем угрозу ее существованию. «Если нам предстоит погибнуть, то жестокость противника будет лишь вторичной причиной нашего бедствия. Основной же причиной будет то, что

[3] August 2, 1988. Bush Ethnic Coalition Speech.

[4] Exclusive: CIA Files Prove America Helped Saddam as He Gassed Iran. Foreign Policy, 2013.

могучая сила великой нации ослеплена тщеславием былых побед, ненавистью и пренебрежительным отношением к грядущим опасностям»[5], – писал в свое время видный американский философ Р. Нибур (1892–1971).

Возникает закономерный вопрос: что обеспечивает США подобную исключительность, чем обусловлено право Вашингтона диктовать свою волю государствам и народам во всех уголках земного шара? В чем заключается величие самих США в их собственном понимании и благодаря чему за четыре с небольшим столетия со дня высадки первых европейских переселенцев и чуть более двух веков после своего появления как единого государства они оказались во главе глобальной империи исторического Запада?

В предыдущей главе был сделан акцент на интеллектуальных истоках американской гегемонистской стратегии. Мы неоднократно убеждались в том, что многие ее элементы уходят своими корнями глубоко в историю. Подчеркнутое Нибуром «тщеславие былых побед» по-прежнему оказывает огромное влияние на умы американцев. Поэтому теперь настало время обратиться к исторической ретроспективе и рассмотреть истоки американской государственности, чтобы ответить на вопрос, в самом ли деле зарождение и историческое развитие американской государственности была настолько уникальным и не имеющим прецедентов в мировой истории.

[5] Цит. по: Стратегия глобального лидерства: смена парадигмы образа. М.: МГИМО, 2010 .

Глава 5

Миф о «колыбели демократии»

Формирование американской государственности началось задолго до того, как в 1776 году была провозглашена независимость Соединенных Штатов Америки. Фактически самобытные институты, регулирующие отношения общества и власти, стали создаваться на американской земле в тот период, когда первые колонии Новой Англии начали свое развитие.

Воспевание колониального периода как колыбели американской демократии типично для американской историографии. Еще в XIX веке в ней сформировалась так называемая романтическая школа, представители которой утверждали, что в то время, когда западные страны шли путем преодоления феодальных отношений и медленного перехода к капитализму и однобокой и неуклюжей демократии, на американской земле вопреки всем законам истории расцветала демократия иного типа, которая и сегодня смотрится прогрессивнее всех остальных. Иными словами, уже двести лет назад был создан миф об Америке как «колыбели демократии», которая призвана научить ей остальное человечество.

Однако общество первых поселенцев вряд ли вообще можно назвать демократическим. Новый Свет осваивали несколько типов колонистов: предприниматели, которые действовали на свой страх и риск или по поручению крупных акционерных компаний; аристократы, которые были лишены возможности наследовать в Англии большие участки земли, а потому искали их за океаном; религиозные беженцы, которые хотели на новой территории построить общество сообразно своим принципам.

Сами особенности жизни в Америке накладывали жесткие ограничения на возможность демократии. Многие колонии изначально возникали как большие поместья. Не имея желания или возможности вознаградить аристократа за службу землей на родине, корона щедро одаривала их заморскими владениями. Именно таким образом возникли Мэриленд, Нью-Йорк, Нью-Джерси, Каролина, Джорджия – колонии, давшие начало современным штатам. Это происхождение отражено в самих названиях. Так, Нью-Йорк был владением брата Карла II герцога Йоркского, а Каролина названа по имени самого монарха, который подарил ее сразу восьми своим любимцам.

В XVIII столетии британская монархия принялась энергично «наводить порядок» в колониях, которые начали выходить из-под контроля. Были усилены функции губернаторов, большинство из которых назначались из Англии непосредственно монархом или собственником колонии с ведома короля и имели широкие полномочия. При губернаторе создавались советы из наиболее влиятельных колонистов, которые отчасти имели исполнительные и

законодательные функции. В целом система правления была выраженно недемократической.

Американские историки указывают на колониальные ассамблеи, члены которых избирались и имели статус законодательных органов[1]. Поскольку они обладали значительной экономической властью, то в их силах было предоставлять губернатору ресурсы или отказывать в них в обмен на утверждение или отклонение тех или иных инициатив. Известны многочисленные случаи, когда губернаторы были вынуждены принимать неудобные законы после угрозы остаться без поддержки местных магнатов.

Утверждение о доминировании «демократических» ассамблей вряд ли можно назвать справедливым. Губернаторы одерживали победу над ассамблеями не реже, чем ассамблеи – над губернаторами. Более того, к началу Войны за независимость власть ассамблей значительно ослабла. Сами ассамблеи, в которые избирались представители верхушки быстро расслоившегося колониального общества, трудно назвать выразителями воли широких слоев населения. Контингент избирателей был ограничен прежде всего имущественным цензом, вследствие чего правом голоса наделялись в среднем 25–50 % белых мужчин (белым в колониях был лишь каждый пятый мужчина), а к имущественному цензу нередко добавлялся также религиозный. Во многих колониях к участию в политической жизни допускалось менее 10 % населения.

Нельзя не отметить, что светлая кожа в колониальном обществе не была гарантией от бесправия и рабства. «Белое рабство» в колониях было местами распространено не меньше, чем «черное рабство». Многие поселенцы ступали на американскую землю априори несвободными. Например, они были обременены долгом перед колониальными компаниями, которые доставляли их за океан и обеспечивали предметами первой необходимости – все это нужно было отрабатывать. По сути, колонисты жили и трудились фактически на положении рабов. Именно в таком положении на американскую землю попали многие ирландцы. Американские землевладельцы и фабриканты оценили открывающиеся перед ними возможности, когда в Америку хлынул поток мигрантов из Ирландии, спасавшихся от англичан, политика которых в отношении населения острова зачастую напоминала геноцид. Участь среднестатистического ирландца в колониях была такова, что он мог завидовать судьбе чернокожего раба.

В среднем такие поселенцы находились в кабале от трех до семи лет, а их число доходило до 60–70 % белого населения колоний. Со временем были отлажены эффективные механизмы закабаления вновь прибывших, которые действовали в полную силу еще в XIX веке.

В целом в политической жизни колоний участвовало ничтожно малое число жителей. Однако каким было это участие? Уже в ту эпоху американская политика имела выраженно клановый характер. Небольшая группа местных

[1] См., например, работу: *Бурстин Д.* Американцы: Колониальный опыт. М.: Литера, 1993.

олигархов поколениями держала бразды правления в той или иной колонии, а идея о том, что кандидат во власть должен иметь избирательную программу, казалась смехотворной. В XVIII веке 90 % членов органов власти составляли выходцы из семей, прибывших на американскую землю в числе первых. Главным козырем любого кандидата была его фамилия, за которую и голосовал избиратель.

Сами выборы часто являлись торжеством произвола и коррупции. На площади кандидаты устраивали банкеты, выкатывали бочки с вином для своего электората, а строптивые избиратели могли быть пойманы по пути на выборы. Покупка и продажа голосов были распространены повсеместно, особенно в «гнилых местечках», то есть захолустных селениях с небогатым и малообразованным населением, которое охотно отдавало голоса любому демагогу с деньгами.

Идеологи, занятые написанием школьных учебников и выпуском фильмов, часто вкладывают в уста исторических героев тирады о том, насколько истинным американцам ненавистна сама идея аристократии, при которой люди уже по факту рождения могут занимать высокое положение или, напротив, обречены всю жизнь провести в низах общества. Между тем сознательно умалчивается о том, что аристократия существовала в США с момента их основания как государства, а ее истоки можно проследить с колониальных времен.

Мощной базой американского аристократизма явилось плантационное хозяйство, которое было распространено во всех тринадцати колониях, ставших первыми штатами. Относительно малочисленное население колоний быстро расслаивалось на богатых и бедных, собственников и наемных рабочих, а постоянный приток рабской силы позволял удерживать эффективность плантационного хозяйства на высоком уровне. В отсутствие развитой финансовой системы богатые колонисты ссужали деньги, выполняли функции судей, брали на себя контроль над местными законодательными инициативами, а также руководили военными операциями против индейцев и колонистов других государств. До сих пор власти большинства штатов в знак особой признательности перед тем или иным гражданином могут присвоить ему звание полковника, не имеющее никакой связи с военной службой. Эта традиция восходит к временам колоний, когда жители избирали руководивших ополчением полковников из числа богатых плантаторов.

В официальной американской историографии часто подчеркивается, что одной из причин войны за независимость США стали свободолюбие жителей колоний и их неприятие устаревшего и несправедливого монархического строя, навязывавшегося со стороны Британской империи[2]. Этому типу общественного устройства восставшие жители колоний якобы противопоста-

[2] The American Revolution, 1763–1783. Library of Congress. U.S. History Primary Source Timeline.

вили «первую в мире подлинную демократию», основанную на принципах равноправия и верховенства закона. Однако неприятным для официальной истории фактом является то, что к Войне за независимость привели попытки этой богатой колониальной верхушки сохранить стабильный приток доходов, получаемых за счет торговли.

Если обратиться к биографии семи отцов – основателей США, которые имеют в американской истории статус едва ли не священных фигур, можно увидеть, что они были представителями наиболее влиятельных семей, которые составляли основу общества при старом режиме. Все они заняли высокие государственные посты после обретения страной независимости. Среди отцов-основателей четыре президента, министр финансов, председатель верховного суда и главный почтмейстер Соединенных Штатов. Таким образом, к моменту провозглашения Соединенных Штатов Америки как независимого государства ни о какой демократии в них не могло идти и речи.

Драматичное описание Войны за независимость Соединенных Штатов традиционно занимает самое почетное место на уроках истории в американских школах. Бостонское чаепитие, скачка Пола Ревира, переход Джорджа Вашингтона через реку Делавер, подвиги капитана Джона Пола Джонса и, наконец, капитуляция британцев при Саратоге – все эти события известны любому более или менее образованному американцу, а многочисленные памятники событиям 1775–1783 годов украшают любой город в каждом из тринадцати первых американских штатов. Американцы часто называют эту войну Первой американской революцией, подчеркивая тем самым, что это событие открыло новую страницу в истории не только всего континента, но и человечества в целом (Второй американской революцией называют Гражданскую войну 1861–1865 годов). Более того, на событиях, связанных с обретением Америкой независимости, в настоящее время построен подлинный культ.

Войну за независимость в историографии часто представляют как один из образцов справедливой войны, в которой американский народ боролся за право распоряжаться своей судьбой и избавиться от жестких и порой абсурдных ограничений, навязанных английской короной[3]. Исследование этого вопроса заслуживает отдельной работы, однако стоит заметить, что война была начата колониальной элитой – плантаторами, промышленниками, финансистами и коммерсантами, которых не устраивал контроль со стороны Лондона. По сути дела, сам термин «революция» неприменим к событиям 1775–1783 годов, поскольку речь идет об элитарном заговоре или перевороте.

Что касается других жителей американского континента, включая не только широкие слои населения колоний, но также индейцев и чернокожих, то тезис о справедливом характере войны вызывает большое сомнение. Примечательно, что некоторые свободомыслящие американцы готовы открыто

[3] The American Revolution, 1763–1783. Library of Congress. U.S. History Primary Source Timeline.

признать это, как, например, журналист Дилан Мэтьюс, выступивший со статьей «Три причины, почему американская революция была ошибкой». По мнению Мэтьюса, если бы колонии остались под властью Британской империи, они бы неизбежно получили независимость мирным путем, как это сделала Канада. Однако при этом гораздо быстрее было бы отменено рабство, удалось бы избежать жесточайшего геноцида индейцев, и, что немаловажно, политическая система государства выстраивалась бы по принципиально иной модели, в то время как американская модель изначально задумана для того, чтобы под вывеской демократии маскировать откровенно деспотические практики. Вывод Мэтьюса однозначен: «Нам следует оплакивать тот факт, что мы отделились от Соединенного Королевства, а не превращать его в повод для национального праздника»[4].

История рассудила по-иному. Те плантаторы и коммерсанты, которые составили заговор, стали первыми вождями нового государства – Соединенных Штатов Америки. Признанным лидером в этой борьбе стал Джордж Вашингтон – выходец из богатой и влиятельной плантаторской семьи, посвятивший молодые годы истреблению индейцев и войне с французами, за что получил звание полковника. Конечно, легенда о Вашингтоне как об отце нации, глубоко чтимая каждым американцем, не выдерживает никакой критики. Еще незадолго до начала восстания будущий первый президент во всеуслышание заявлял, что идея независимости колоний – бессмыслица, которую не поддержит ни один американец.

Деловой интерес к военным вопросам был присущ многим полководцам новой армии. Примером тому является биография Бенедикта Арнольда – ближайшего соратника Вашингтона. Арнольд был торговцем, промышлявшим контрабандой. Напомним, что именно высокие таможенные тарифы стали одной из главных претензий восставших к англичанам. Когда его перестали удовлетворять уровень почестей и личного благосостояния, который предоставлялся ему в новообразованном государстве, генерал Арнольд без смущения перешел на сторону англичан, причем по весьма приемлемой для Лондона цене.

Другой пример – Александр Гамильтон, также близкий друг и соратник Вашингтона, служивший его адъютантом. Хотя в 1798–1800 гг. Гамильтон формально являлся главнокомандующим американской армией, в историю США он вошел как первый министр финансов, выстроивший экономическую архитектуру молодого государства. Между тем уже в XX веке изучение британских архивов показало, что он годами получал от Лондона вознаграждение за шпионские услуги.

В событиях 1775–1783 гг. участвовали «верхи» и «низы». К первым относились все те, кто уже имел власть при колониальных порядках, но стремился ее

[4] *Мэттьюз Д.* Почему Американская революция была ошибкой. 4 июля 2015. Цит. по: ИноСМИ. – URL: https://inosmi.ru/20150704/228932922.html

упрочить и расширить, забыв о необходимости отчитываться перед эмиссарами британской короны. Ко второй группе относились те, кто власти был лишен, но полагал, что имеет реальные шансы получить к ней доступ. Это те колонисты, которые не смогли преодолеть имущественный ценз, то есть бедные фермеры, ремесленники, мелкие купцы. Разумеется, за бортом при этом оставались огромные массы населения, которые ни при каком разумном сценарии не могли даже мечтать о власти, – женщины, чернокожие, городской пролетариат, индейцы и многие другие.

Об уровне сознательности низов американского общества того времени говорят слова американского лейтенанта, попавшего в плен при Банкер-Хилле[5]: «Я был сапожником и зарабатывал на жизнь своим трудом. Когда началось это восстание, обнаружилось, что некоторые из моих соседей, которые были ничуть не лучше меня, получили первое офицерское звание. Я был очень честолюбив и не хотел, чтобы эти люди превосходили меня. Мне предложили завербоваться рядовым <…> я просил произвести меня в лейтенанты, и они согласились. Я представил себе путь продвижения по службе: если меня убьют в битве, то это конец, но если погибнет мой капитан, то меня повысят в звании и будут шансы подняться еще выше. Такова, сэр, была единственная причина, из-за чего я пошел в армию, а что касается разногласий между Англией и колониями, то я в этом ничего не понимаю…»[6].

Утверждать, что движущей силой борьбы за американскую независимость были широкие слои населения, можно лишь с очень серьезной оговоркой. К началу противостояния с Британией в самих колониях уже формировалось полноценное по меркам второй половины XVIII столетия капиталистическое общество со всеми атрибутами капитализма того времени – имущественным расслоением, агрессивной защитой класса собственников от любых посягательств, стремлением капиталистов получить доступ к дешевым деньгам и возникновением финансового капитала ростовщического типа. Недовольство бедных слоев населения американских колоний политикой зажиточных владельцев частной собственности в этих условиях также нарастало, что снова было вполне в духе эпохи. На этой почве развернули энергичную деятельность демагоги-популисты.

Таким образом, социальная обстановка была напряженной, и колониальную верхушку не могла не беспокоить перспектива новых выступлений народа, протестовавшего против олигархического правления узкой группы лиц, резавших «пирог» в своих интересах. В этих условиях представители олигархии изобрели блестящее решение – продемонстрировать согражданам, что все их беды на самом деле происходят от английских колониальных властей, с которыми вступили в сговор некоторые предатели из числа самих колонистов.

---

[5] Одно из первых крупных сражений Войны за независимость, окончившееся победой британцев.

[6] Цит. по: *Зинн Г.* Американская империя // Родина. 2019.

Тем самым можно было не только спровоцировать войну за освобождение от контроля британской короны, но и свести старые счеты с недругами. Англичан и их пособников обвиняли во всех возможных грехах: они якобы уничтожают честную конкуренцию, облагают колонии налогами, ограничивают в своих интересах торговлю, принудительно вербуют солдат и моряков, подстрекают индейцев к нападению. Нужно сказать, что в некоторых аспектах данные обвинения действительно имели под собой основание, однако это вовсе не значит, что будущие лидеры «революции» сами не подрывали в свою пользу конкуренцию и не облагали сограждан непомерными налогами. Каким бы шокирующим для современного американца ни было заявление о том, что борьба колоний за независимость имела в своей основе мотив передела финансовых потоков, оно вполне правдиво отражает суть вещей.

Война за независимость мало что изменила в реальном балансе политических сил на американской земле. Единственным различием было то, что теперь над кланами богатых землевладельцев, а также появившихся к тому времени финансистов и промышленников, уже не стояло никакой заокеанской власти. Конечно, эта мысль не всегда очевидно прослеживается в учебниках, по которым учатся в школах современных США. На их страницах представлены картины конституционного конвента 1787 года, на котором группа достойных американцев в интересах всего американского народа разработала и утвердила Конституцию Соединенных Штатов, в своей безграничной мудрости вложив в нее настолько глубокий смысл, что она не устарела и по сей день, да и вообще вряд ли когда устареет. Такое невероятное событие, как часто утверждают, обязано своим появлением прогрессивной идеологии Просвещения, которая прочно утвердилась в умах отцов – основателей США. Намного опережая свое время, они буквально дышали идеей общественного договора, когда подотчетное и подчиненное гражданам государство является гарантом равноправия и индивидуальных свобод, защиты частной собственности и предпринимательства, независимой судебной системы, минимального вмешательства власти в дела общества.

В то же время американские историки альтернативного направления сравнивали американскую конституцию с уставом акционерного общества, который был принят определенной группой единомышленников с определенными целями. Так, классик американской историографии Ч. Бирд в своей работе «Экономическое истолкование Конституции Соединенных Штатов»[7] доказывал, что она отражала интересы четырех основных групп: финансового капитала, владельцев государственного долга, промышленников и торговых кругов.

Само слово «демократия» пугало отцов-основателей. В своих письмах и публицистике они неоднократно повторяли, что демократия едва ли достижи-

[7] См. обзор в статье: *Согрин В.В.* Принятие конституции США: мифы и реальность // Новая и новейшая история. 1987. № 2.

ма и губительна для общества. При этом саму демократию они, будучи внимательными читателями Аристотеля, также понимали вполне в духе древнегреческого мыслителя – как попытку уравнять всех граждан в доступе к власти. Такую попытку они считали вредной и опасной.

Огромное значение для последующего развития американской государственности имело то, что американцы эпохи Войны за независимость мыслили категорией своего штата, а не Соединенных Штатов Америки как единого государства. По сути, государством каждый считал свою колонию, а само слово *state* в английском языке означает «государство» и «штат». Сами США мыслились не как федеративное государство, а как конфедерация. Как известно, первый конституционный документ в истории независимого американского государства назывался «Статьи конфедерации и вечного союза»[8].

Любопытно заметить, что основные дискуссии уже тогда развернулись вокруг бумажных денег. Подобно тому, как сегодняшние политики ломают копья вокруг споров о необходимости печатать все новые и новые доллары, тогдашние американцы также сражались в ожесточенных баталиях по этому поводу. Все, кому приходилось расплачиваться за что-либо, то есть фермеры и предприниматели, яростно требовали «дешевых» денег, а именно бумаг, которые ходили бы по своей номинальной стоимости. Сторонники этой идеи рассчитывали, что напечатанные властями деньги именно они в первую очередь будут получать в свое распоряжение и расплачиваться ими, а потом уже те, кто приобретет бумажные доллары в качестве оплаты, будут разбираться с обесценившимися банкнотами.

Сам факт того, что американское государство выросло снизу из отдельных колоний, которые стали впоследствии первыми тринадцатью штатами, сформировал характерную для США институциональную архитектуру. Основным ее принципом является идея о том, что исполнять властные полномочия должны прежде всего правительства штатов, а федеральному центру следует брать на себя лишь отдельные функции. В начальный период истории Соединенных Штатов таких было весьма немного – внешняя политика, оборона, почтовая служба, торговля между штатами.

Однако даже такая сфера, как оборона, не выходила за рамки формирования запасов оружия и амуниции в арсеналах, а также содержания военной академии в Вест-Пойнте и весьма небольшой армии, которая насчитывала в первой половине XIX века не более 10–15 тыс. человек. В военное время основная функция Белого дома ограничивалась выплатой жалованья волонтерам, поступавшим на службу. Вербовка волонтеров в большинстве своем лежала на штатах, которые охотно пользовались этим полномочием, доставшимся им с колониальных времен, когда каждая колония формировала свое ополчение, а ее губернатор брал на себя функции командующего. Набор местного ополчения (милиции) мог проводиться сообразно необходимости. Губернатор имел

[8] Articles of Confederation (1777).

право набрать батальоны и полки, снабдить их оружием, назначить своих офицеров и отправить их в бой по своему усмотрению, без разрешения федерального центра.

Впрочем, если операции выходили за рамки локальных, то тогда штаты могли потребовать от федерального правительства помощи, прежде всего оружия и денег. Направление на территорию того или иного штата федеральной армии всегда рассматривалось как последняя мера, ибо, с одной стороны, это вызывало ревность местной милиции, которая воспринимала этот шаг как признание своей неспособности, а с другой – возбуждало в обществе волну негодования по поводу «тирании» Белого дома.

Стоит отметить, что многие из этих институтов дожили до наших дней. К примеру, губернатор имеет право мобилизовать национальную гвардию штата – милиционные отряды, которые состоят из граждан, имеющих постоянную занятость, но в свободное время проходящих военную подготовку. Это не просто отряды самообороны или иные полувоенные формирования, а фактически настоящая армия, имеющая свои танки и боевые самолеты, под руководством опытных офицеров, которые соответствующим образом организуют подготовку «солдат выходного дня». Национальная гвардия может быть задействована для подавления городских бунтов или ликвидации последствий стихийных бедствий.

Сказанное относится не только к военным вопросам, но и другим аспектам общественной жизни, начиная с полиции и заканчивая школами. Даже сегодня в США нет единой системы органов внутренних дел. Вместо этого каждый штат имеет свою полицию, которая решает широкий круг вопросов охраны порядка. Лишь в тех случаях, когда налицо преступление, отнесенное к числу федеральных, формально требуется вызвать представителей федеральных силовых структур, например ФБР. Однако такая система часто порождает местническую идеологию и ненависть к «федералам», которые якобы стараются поручить «грязную работу» местной полиции, а славу от раскрытого преступления присвоить себе. Зачастую полиция штата преднамеренно медлит с заявлением о совершении федерального преступления, стараясь раскрыть его своими силами, чтобы доказать превосходство над федеральными силовиками. Поскольку соответствующего опыта и ресурсов у них обычно нет, это открывает большие возможности для организованной преступности, наркоторговцев, террористов.

Одной из ключевых проблем борьбы с гангстерами в годы Великой депрессии были именно крайне слабое взаимодействие между штатами, местничество и беспомощность федерального центра. Доходило до того, что бандиты, преследуемые агентами ФБР, перемещались из одного штата в другой, где спокойно сдавались агентам, зная, что у них нет полномочий производить аресты на данной территории и что первый же судья освободит их, предварительно

прочитав сотрудникам спецслужбы нотацию о недопустимости преследования добропорядочных граждан.

Сегодня в числе главных причин, по которым штаты имеют крайне широкие полномочия, является свойственное американцам недоверие к федеральному правительству. Оно глубоко укоренено в сознании многих современных американцев, несмотря на их восторженный патриотизм и привычку горячо выражать преданность государству и его символическим атрибутам – флагу, гербу, гимну. При этом граждане США четко разделяют правительство и нацию. Сама страна и американская нация в сознании граждан США стоят на высшей ступени духовной иерархии – непосредственно рядом с Богом – и не могут подвергаться критике или сомнению. Но это не относится к правительству, к которому трудно применить знаменитую геттисбергскую формулу Линкольна: «Из народа, для народа и ради народа»[9].

Это очень важный момент, поскольку многие из критиков политики Соединенных Штатов за рубежом склонны обрушиваться одновременно на американское правительство и американский народ, который, по их логике, одобряет действия правительства, позволяет ввести себя в заблуждение и безропотно спонсирует своими налогами самые невероятные авантюры Белого дома. Действительно, несмотря на то что социальные противоречия в отдельные моменты истории достигали предела, американцам удалось избежать насильственной смены режима. Однако это свидетельствует не о наивности американского народа, а о его почти религиозной вере в американскую нацию и ее особую судьбу. Результаты воплощения этой веры в практической политике будут рассмотрены в следующих главах.

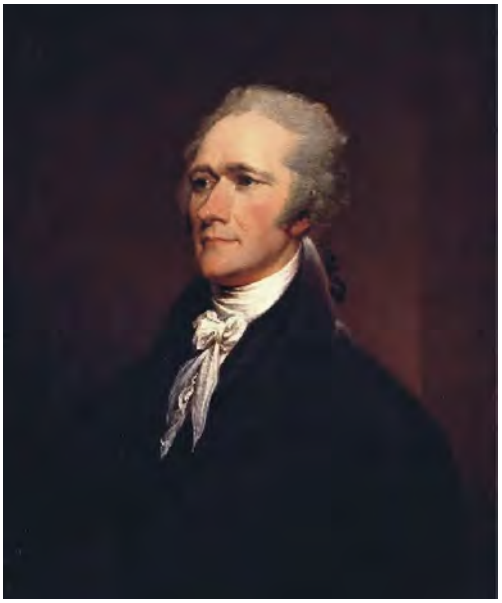
[9] The Gettysburg Address, 1863.

Иллюстрации к главе 5

Прибытие отцов-пилигримов. Художник А. Гисберт.

Отцы-основатели США.

Б. Арнольд, контрабандист и соратник Дж. Вашингтона, перешедший на сторону англичан.



Один из создателей США – А. Гамильтон. По некоторым данным, он параллельно сотрудничал и с Лондоном.

Гибель генерала Уоррена при Банкер-Хилле. Картина Джона Трамбулла (1786).

Бостонское чаепитие. Гравюра У. Купера (1789).

Дж. Вашингтон и его рабы на ферме в Маунт-Вернон. Художник Дж. Стирнс.

Глава 6

Град на холме: духовные корни американского государства

Прибытие в Новый Свет из Англии первых переселенцев (пилигримов) в начале XVII века – это знаменитый пролог к истории американского государства, который занимает важнейшее место в историческом самосознании граждан «Страны свободы». В любом школьном учебнике непременно содержится красочное описание плавания корабля «Мэйфлауэр», на котором пилигримы совершили свое путешествие, первой зимы на американской земле, когда колонисты едва не вымерли из-за жестокого голода, варварских набегов полчищ индейцев, с которыми горстка предков современных американцев вела смертельную борьбу. Историкам особенно нравится подчеркивать, какие возвышенные мотивы вели первых переселенцев на запад. Если Южную Америку, как пишут они, покоряли конкистадоры – банды маргиналов, искавших легкой добычи, то американское государство основали глубоко религиозные люди, не искавшие в Новом Свете ничего, кроме возможности воплотить в жизнь Божий замысел – создать государство, свободное от порока и греха, граждане которого будут посвящать себя служению Господу и ближнему своему, живя строго по заветам Священного Писания.

Каждый образованный американец знаком с речью Джона Уинтропа, одного из лидеров переселенцев, который еще на борту корабля произнес: «Будем мы подобны Граду на холме, взоры всех народов будут устремлены на нас; и если мы обманем ожидания нашего Господа в деле, за которое взялись, и заставим Его отказать нам в помощи, которую он оказывает нам ныне, мы станем притчей во языцех всему миру»[1]. Знаменитая метафора о Граде на холме, заимствованная Уинтропом из Библии[2], стала одним из наиболее знаменитых символов американской истории.

Конечно, яркие картины, с которыми каждый американец знакомится с первых лет жизни, представляют собой пеструю смесь правды и вымысла. Однако именно это сочетание заложило духовные основы американской государственности, которые сформировали облик современных Соединенных Штатов в не меньшей степени, чем Билль о правах и Прокламация об освобождении рабов Линкольна. Именно поэтому, изучая становление государственности в США, так важно понять, каковы ее духовные основы.

Американское общество было основано не просто переселенцами из Англии, а подлинными религиозными фундаменталистами – пуританами (в свою

[1] The American Yawp Reader. John Winthrop Dreams of a City on a Hill, 1630.

[2] Ис. 2: 2–3: «И будет в последние дни, гора дома Господня будет поставлена во главу гор и возвысится над холмами, и потекут к ней все народы. И пойдут многие народы и скажут: придите, и взойдем на гору Господню, в дом Бога Иаковлева, и научит Он нас Своим путям и будем ходить по стезям Его; ибо от Сиона выйдет закон, и слово Господне – из Иерусалима».

очередь делились на пресвитериан и индепендентов). Они не позиционировали себя в качестве духовной аристократии, которая обладает бóльшими правами как перед представителями других социальных групп, так и перед коренным населением американского континента.

Само слово «пуританин» происходит от латинского слова *puritas*, то есть «чистота». Нетрудно понять, что пуританство представляло собой фундаменталистское течение, сторонники которого полагали, что другие христиане в недостаточной степени следуют учению, заложенному в Священном Писании, извращая истинную веру и используя ее для прикрытия собственных греховных деяний. В XVI веке благодаря королю Генриху VIII в Англии появилась собственная, англиканская церковь во главе с действующим монархом. Многие англичане сочли этот шаг достаточным в деле избавления от «религиозной тирании», исходившей от католической церковной бюрократии. Однако для религиозных фундаменталистов это было лишь началом пути, который в самой Англии привел к революции, гражданской войне и публичной казни главы англиканской церкви – короля Карла I.

К тому времени, как в 1649 г. голова короля скатилась с плахи, отдельные американские колонии развивались под властью пуритан. Нельзя сказать, что они были первыми или единственными колонистами, основавшими поселения на американской земле. Еще до начала переселения пуритан в Америке существовали английские колонии, в которых обитал контингент, мало отличающийся от испанских конкистадоров, – авантюристы, маргиналы, бежавшие от правосудия преступники, искатели легкой наживы. Английские власти предпринимали усилия по заселению колоний более достойными поселенцами, однако удача им не сопутствовала: хозяйство развивалось плохо, а голод, эпидемии или внутренние беспорядки время от времени уничтожали то одну, то другую колонию. Многие колонисты, не выдерживая тягот, возвращались обратно в Англию.

Преимущество пуритан, однако, заключалось в другом – в их твердом убеждении в отсутствии пути назад. Свою прежнюю родину они рассматривали как обреченную на гибель из-за многочисленных извращений веры. События первой половины XVII в. продемонстрировали американским пуританам всю тщетность попыток перестроить общество, в котором, по их мнению, порок укоренился слишком глубоко. В самом деле, революционные силы, в которых пуритане играли ведущую роль, одержали победу в гражданской войне и свергли короля. Однако в 1660 г. произошла реставрация монархии и на трон сел Карл II, сын Карла I. Установленные им порядки для богобоязненных пуритан показались едва ли не адом на земле. Так, монарх не просто разрешил открыть театры, но и одобрял комедии, где высмеивались сами пуритане. Конечно, всей Англии были известны и другие слабости верховной власти – вроде разнузданных оргий в окружении разного рода сомнительных личностей, которые имел обыкновение регулярно устраивать король в своем дворце.

Для пуритан в Новом Свете эти события, с одной стороны, носили радостный, а с другой – обязывающий характер. Дело в том, что в пуританском учении ключевую роль играла доктрина миллениаризма (в русской литературе часто употребляется греческий синоним «хилиазм»[3]). Согласно этой доктрине второе пришествие Иисуса Христа, Страшный суд и последующее установление на земле Тысячелетнего царства Божия – это не метафоры и не предсказания, относящиеся к отдаленному будущему, а вполне реальные события в ближайшей исторической перспективе. При этом в силах самого человека приблизить эти события. Для этого грешники должны своими грехами переполнить чашу терпения Господа, а праведники в достаточной степени доказать свою преданность вере и любовь к Богу. В понимании пуритан, с ужасом получавших вести об окончательно погрязших в разврате соотечественниках, успехи грешников были несомненны и означали приближение конца света. Однако к этому радостному для пуритан событию нужно было подготовиться соответствующим образом. Идеальным вариантом было построение прообраза Царства Божия в отдельно взятом государстве.

Это обусловило важную характеристику ментальности пуританских колонистов в Новой Англии – их ориентацию на практическую деятельность. Несмотря на глубокую духовность, которая по современным меркам имела порой не вполне понятное выражение (к примеру, самым светским развлечением считалась хорошая проповедь или пение церковных гимнов), «люди Бога» имели практический склад ума. В то время как в Европе кипели теологические диспуты, которые нередко разрешались силой оружия, в Новом Свете сочли неразумным тратить время на богословские искания перед лицом грядущего Второго пришествия. Теоретические споры были оставлены до лучших времен в пользу мирских задач хозяйственного характера. Пуритане не имели никаких серьезных возражений против самого вероучения в том виде, в каком оно преподносилось в англиканстве. Они были недовольны тем, как это вероучение претворяется в жизнь – на уровне экономики и политики, культуры и повседневного быта. Конкретность пуритан доходила до того, что некоторые из них доказывали, что из текста Священного Писания следует, будто под Землей обетованной имеется в виду именно Северная Америка.

В целом духовных лидеров пуритан едва ли можно назвать людьми «не от мира сего». Едва добравшись до рычагов влияния, такие люди, как Джон Уинтроп, начали энергично сосредотачивать в своих руках военную, законодательную и экономическую власть. Новоявленный лидер по своему усмотрению вводил налоги и даровал земли. Некоторые переселенцы пытались протестовать и были изгнаны на необжитые земли (так, например, возник штат Род-Айленд).

Религиозный фанатизм, перенесенный в практическую плоскость, был во многом защитной реакцией на враждебные условия, с которыми пришлось

[3] Хилиазм // Православная энциклопедия. Азбука веры. – URL: https://azbyka.ru/hiliazm.

столкнуться первым поселенцам, испытывавшим порой жесточайшие лишения. В этих условиях глубокая вера в свою избранность и высшее предначертание помогали мобилизовать общество. Заметим, что уже в описываемую эпоху пуритане не считали себя англичанами по вышеописанным причинам, предпочитая идентифицировать себя как «людей Бога», отдельный народ, избранный свыше для главной миссии в истории человечества. «Особый статус» колонистов, обусловленный их высшей миссией, в их понимании предписывал им исходить в первую очередь не из английских законов, а из законов Божьих, как они их понимали. Так была заложена одна из характерных черт американского политического менталитета, согласно которой Соединенные Штаты Америки могут диктовать законы другим государствам, но сами в силу «особой миссии» при необходимости могут стать выше этих законов.

Особенно популярно в среде пуритан было сравнение с библейскими евреями[4], которые, как и новоявленные американцы, скитались по пустыне и претерпевали многочисленные лишения. Поэтому многие модели поведения и институты американского общества были скопированы с древнееврейских. Яркий пример – церкви, напоминавшие синагоги.

Соответственным образом понимались и функции посещения церкви, важнейшей из которых было ознакомление прихожан с их обязанностями в рамках общины. Проповедник мог с одинаковой легкостью говорить с прихожанами о сельском хозяйстве или торговле, причем вес его словам придавали многочисленные и весьма меткие ссылки на текст Священного Писания. Будучи, вероятно, самым осведомленным членом общины, священнослужитель выполнял также роль посредника в мирских делах, например свести заказчика с хорошим работником, купца – с выгодным поставщиком, подыскать прихожанину супругу исходя из его предпочтений и уровня материального достатка. Проповедник был для прихожан авторитетом не только в духовных и этических, но и в экономических, политических, семейных и даже военных вопросах. Нередко в молельных домах Новой Англии можно было услышать и проповеди, в которых доступно объяснялось, почему индейцы заслуживают смерти, как нужно с ними расправляться и каким образом уничтожение коренных американцев поможет построить богоугодное общество. Сравнение с ветхозаветными евреями было бы неполным, если бы «люди Бога» не были вынуждены вести вооруженную борьбу с племенами, отвергавшими их веру и не признававшими их богоизбранность.

Проповедь была не только центральным событием повседневной жизни колонистов Новой Англии, но также сопровождала любые, хоть сколько-нибудь значимые события. С учетом достаточно высокого уровня грамотности колонистов и внимательного изучения ими Библии сочинение проповедей было непростым делом, однако именно проповедник был центром внимания

[4] *Glaser E.* Judaism Without Jews Philosemitism and Christian Polemic in Early Modern England. 2007.

в любой ситуации. Огромное значение имели проповеди, приуроченные к политическим событиям, в первую очередь к выборам, в которых поддержка проповедника могла оказать решающее значение. Отметим, что стиль и риторика колониальных проповедников не утратили актуальности и в наши дни. К ним активно прибегают спичрайтеры американских президентов, сенаторов, губернаторов и иных крупных политических фигур.

Проповедники выступали во время сбора колониального ополчения, стоя у пушки, – так называемые артиллерийские проповеди. Исполнение смертного приговора предварялось сразу несколькими проповедями, произносившимися заблаговременно и непосредственно у виселицы, причем нередко слово брал сам приговоренный, что производило сильное впечатление на зрителей. Произнесенные у виселицы речи преступников, в которых те раскаивались в совершенных преступлениях и увещевали сограждан идти по пути добродетели и служения Богу, собирались и публиковались вместе с предварявшими казнь проповедями. Эти книги пользовались большой популярностью у жителей колоний.

В целом страсть к театральным эффектам и стремление срежиссировать любое событие таким образом, чтобы у наблюдателей не могло быть и тени сомнения в присутствии длани Господа, современные американские политики исторически унаследовали от пуританских лидеров.

Таким образом, усилиями проповедников у колонистов Новой Англии создавалось впечатление, что они находятся под неусыпной опекой высших сил, которые оберегают их и посылают им испытания сообразно Божьему замыслу. Неудивительно, что духовенство стало центром общественно-политической жизни колоний. В первые десятилетия существования колоний на восточном побережье в них поддерживалась своего рода теократия, в которой верховной властью обладали духовные лидеры переселенцев. Режим, который установился в поселениях, вряд ли можно назвать толерантным. Так, в 1637 г. было принято постановление, согласно которому всякий вновь прибывший должен изложить местным властям свои религиозные воззрения, после чего будет принято решение о его дальнейшей судьбе[5]. Посещение проповедей также контролировалось под угрозой крупного денежного штрафа. Жители колоний верили, что собратьев нужно не только увещевать, но и в случае необходимости принуждать вступать на путь истинной веры.

Конечно, граничащая с фанатизмом религиозность первых колонистов имела неприятные стороны. Достаточно сказать, что особо фанатичные пуритане в погоне за труднодостижимым идеалом праведной жизни нередко доводили себя до нервных срывов и психических расстройств.

Беспредельная вера в могущество Бога и Его руководство каждым шагом пуританина давала некоторым из них недюжинные интеллектуальные силы: в

[5] *Nelson W.* The Common Law of Colonial America. Vol. I: The Chesapeake and New England 1607–1660. 2008.

эпоху научной революции пуританские ученые сделали немало замечательных открытий. И все же распространенными явлениями среди пуритан были невежество и нетерпимость, нередко принимавшие весьма агрессивным формы. Эти печальные веяния, пришедшие на землю Северной Америки вместе с пуританами, на протяжении всей американской истории время от времени переживают очередное рождение. Развернутое сенатором Маккарти преследование всех, кто был заподозрен в абстрактной нелояльности в США в 1950-е гг., травля «непатриотично настроенных лиц» в эпоху Буша-мл., а также ведущиеся сегодня по всей Америке поиски «проводников российского влияния» – это явления того же порядка, что и печально известные «салемские процессы», которые стали первым из многочисленных эпизодов охоты на ведьм в американской истории. Тогда, в 1692 г., в городе Салеме (штат Массачусетс) несколько колонистов, руководствуясь мотивами личной мести, инициировали процесс по обвинению в колдовстве. В результате было казнено 20 человек, еще до 200 человек было заключено в тюрьму, многие из них умерли в заключении.

Подобные черты, характерные для пуритан, стали причиной многих печальных событий в американской истории. Так, пуританство фактически дало идеальную идеологическую основу для истребления коренных американцев, которые виделись большинству колонистов приспешниками Сатаны, созданными последним для того, чтобы те попытались уничтожить «людей Бога» и не дать им осуществить свою миссию. Агрессия в отношении индейцев подкреплялась теоретическими обоснованиями, которые сегодня кажутся абсурдными, однако в те времена производили сильное впечатление на жителей колоний. К примеру, проповедники с кафедры выражали сомнение в том, что индейцы – это вообще люди, так как не понимали, как могли потомки Ноя оказаться в далекой Америке, отделенной океаном, когда он со своим семейством вышел с ковчега и дал начало новому роду людскому, как известно, в Старом Свете.

Однако индейцы были далеко не единственными и в большинстве своем не главными противниками пуритан в Новой Англии. Огромную угрозу для себя и своей власти их лидеры видели в возникновении на соседних территориях поселений, в которых исповедовались альтернативные взгляды. Пока инакомыслие принимало спорадические формы и исходило от отдельных лиц или групп граждан, его не приходилось сильно опасаться, так как в конечном итоге таких индивидов можно было изгнать или повесить, в очередной раз разыграв торжество высших сил. Однако институциональное оформление инакомыслия в непосредственной близости от пуританских колоний не могло не обеспокоить их руководство.

Участие в основании колоний также принимали квакеры – так назывались члены Религиозного общества друзей, основанного английским проповедником Джорджем Фоксом около 1652 г. Фокс учил, что для общения с Богом

человеку не нужно ходить в церковь, общаться со священнослужителями и даже читать Библию, достаточно прислушиваться к внутреннему голосу, через который высшие силы донесут до него все, что необходимо. Эта возможность есть у каждого человека на Земле, даже у представителей других религий и атеистов. «Друзья» полагали, что доброта заложена в самой природе человека, а потому нет необходимости пытаться воспитать ее внешними средствами.

Из этих взглядов проистекал мирный характер квакерства и их стремление к терпимости и равенству. Существует версия, согласно которой название течения, произошедшее от английского слова *quake* («дрожать, трепетать»), было изобретено противниками квакеров, которые называли их «трепетунами» за миролюбивые убеждения. По другой версии это слово обозначало священный трепет, снисходивший на квакеров в минуты божественного озарения. Наконец, есть мнение, что слово произошло от искаженного *co-worker*, то есть товарищ по труду.

Разумеется, английские светские и духовные власти «друзьям» были не рады: сам Джордж Фокс сидел в тюрьме восемь раз. Выходом стала эмиграция в Новый Свет. Королю Карлу II не хватало денег на пышные увеселения, и он брал существенные займы у аристократов, одним из которых был адмирал Пенн. В 1682 г. король, не желая отдавать долг деньгами, даровал грамоту на заселение свободных земель в североамериканских колониях его сыну Уильяму Пенну, который стал к тому времени ведущим последователем Фокса и одним из лидеров движения. Квакеры, прибывшие в Новый Свет во главе с Пенном, избрали для проживания лесистую территорию, которую они назвали Пенсильванией (от лат. *silvus* – «лес»), то есть лесной землей Пенна.

Узнав о прибытии «друзей» и об основании ими собственной колонии, пуритане пришли в ярость. Причин тому несколько. Прежде всего, в понимании квакеров общение человека с Богом – это процесс, который не требует посредников в лице священнослужителей. Конечно, у квакеров были свои духовные лидеры, подобные тому же Уильяму Пенну, однако они выполняли, скорее, роль наставников и были первыми среди равных. С точки зрения квакерского вероучения проповедником и проводником слова Божьего как для самого себя, так и для окружающих мог служить любой человек, который приложил достаточно усилий для того, чтобы прислушаться к высшему голосу внутри себя. Основным религиозным обрядом «друзей» были молчаливые собрания, в ходе которых члены общины читали Писание, пытаясь услышать голос свыше. Когда кого-то из них озаряло нечто подобное, он просто вставал и начинал рассказывать товарищам все, что ему подсказывал этот голос. Соответственно, не существует ни одной признанной книги, в которой сами квакеры последовательно бы излагали суть своего учения.

По этой логике последователи Фокса и Пенна не рассматривали Библию как необходимый и достаточный источник божественной мудрости. Они по-

лагали, что Священное Писание, бесспорно, является замечательной книгой, чтение которой полезно, но сам факт того, что человек не знаком с Библией и даже не слышал о ней, не закрывает для него дорогу к Богу. У всякого живущего на Земле разумного существа есть возможность услышать Его голос в самом себе. Следовательно, любой человек в любом месте земного шара может быть не менее добрым христианином, чем самый яростный пуританин. Квакеры учили, что даже индейцы, которых пуритане клеймили как человекоподобных существ, не способных воспринимать христианство и служащих игрушкой дьявола, могут вести жизнь, не менее соответствующую христианским канонам, нежели колонисты Новой Англии, причем для этого им не потребуется храмов или проповедников[6].

Квакеры последовательно исповедовали идеалы равенства и естественности. Они считали, что обращать в рабство и завоевывать кого бы то ни было, прикрываясь лозунгом о распространении «истинной веры», неприемлемо и в корне подрывает христианство. Точно так же «друзья» отвергали запутанный этикет и условности современного им общества, ибо это отчуждало людей друг от друга, нарушало их возможности наслаждаться божественным прозрением сообща. По какому праву аристократ или зажиточный буржуа считается достойнее бедного рабочего, если последний может слышать и понимать голос Бога?

Очевидно, что такие взгляды не только встречали отторжение пуританских лидеров, но и неизбежно должны были привести к кровавой атаке последних на квакерское инакомыслие. В отличие от квакеров, пуритане считали еретиками всех, кто исповедовал христианское учение в иной форме, не говоря уже о представителях других религий или верованиях коренных американцев. Пуритан раздражало и то, что квакеры бесстрашно отправлялись в самое сердце Новой Англии в попытке донести свое учение до ее обитателей. Еще больше духовные власти колоний Восточного побережья злило то, что пришельцы из Пенсильвании с радостью принимали наказания, с улыбкой перенося пытки и идя к виселице, словно на праздник. Конечно, пуритане не могли по своему обыкновению превратить казнь очередного из «друзей» в душеполезное и приятное зрелище, кульминацией которого стала бы прочувствованная речь с эшафота самого осужденного. Напротив, последователи Пенна, уже стоя с петлей на шее, продолжали излагать собравшимся вокруг зрителям свое учение, из-за чего казни приходилось проводить поспешно, сопровождая их оглушительным грохотом барабанов, дабы не дать свидетелям услышать слова осужденного. Все это, разумеется, приводило к тому, что подобные события сильно проигрывали в зрелищности и наводили на мысль о том, что пуритане попросту устраняют конкурентов.

---

[6] The Puritans: A Captivating Guide to the English Protestants Who Grew Discontent in the Church of England and Established the Massachusetts Bay Colony. 2021.

Объемистая «Книга мучеников» Джорджа Бишопа[7] известна также как «Новая Англия под судом Духа Божьего» и представляет собой огромный каталог бесконечных пыток и казней, которым подвергались «друзья» на американской земле. Достаточно прочесть несколько страниц этого сочинения, чтобы понять всю тщетность попыток официальных историков доказать, будто американское государство основано на идеалах равенства, терпимости и взаимопонимания. Жестокость и бескомпромиссность, с которой последователей Фокса и Пенна преследовали пуританские власти, в некоторых деталях даже напоминают казни в Третьем рейхе протестантских пасторов, не согласных с нацистской идеологией.

Квакеры остались относительно малочисленной группой американского населения, вследствие изложенной выше специфики их учения, и в отличие от пуритан не смогли (да и не стремились) создать собственную модель государственности. Конечно, со временем ослабевало и пуританское влияние в американском обществе[8]. Приток переселенцев, нараставший с каждым годом, привел к тому, что даже строгий контроль со стороны властей не смог предотвратить размывание пуританской идеологии и постепенный отход все новых и новых групп населения от следования букве того учения, которое развивали первые поколения колонистов. Однако это вовсе не означает, что идеи о богоизбранности американской нации, ее исключительной исторической роли и особом предназначении стать спасительницей всего рода человеческого исчезли. Они лишь переместились из сферы теологии в область национальной мифологии, которая до сих пор властвует над умами многих американцев и правящих элит.

---

[7] *Bishop G.* New England Judged By the Spirit of the Lord. 2010.

[8] Свидетельством этому стали две волны так называемого Великого пробуждения, захватившие восточные штаты в 1734 и 1739 гг. Первая из них зародилась в Коннектикуте, где проповедовал священник Джонатан Эдвардс (1703–1758). Колонисты бросали работу, забывали о пище и любых обязанностях, посвящая дни и недели чтению Библии. Многие начинали биться в экстазе, одни безудержно рыдали, другие столь же неистово заливались смехом, кто-то вдохновенно рассказывал о снизошедшей на него Господней благодати, а кто-то в ужасе причитал, что осужден на вечные муки в аду. Подобные явления одинаково распространились среди фермеров и городских жителей, богачей и бедняков, даже профессоров и студентов колледжей в Йеле и Гарварде. Вместе с тем, когда очередная волна Пробуждения начала ослабевать, у «пробудившихся» вновь стали проявляться все те же тревожные симптомы, похожие на нервное или психическое расстройство. Некоторые впадали в глубочайшую депрессию, иные признавались, что постоянно слышат голоса, приказывающие им покончить с собой.

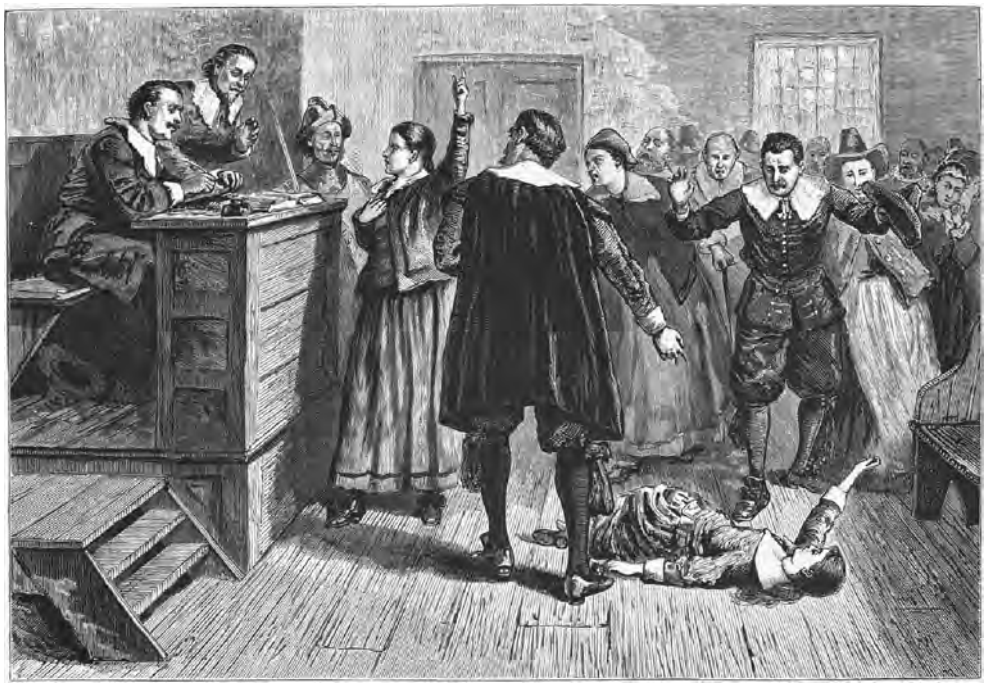
Иллюстрации к главе 6

Казнь квакерши М. Дайер пуританами. Неизвестный художник.

Сожжение запрещенных книг пуританами в Массачусетсе.

Джордж Фокс, создатель
Религиозного общества друзей.

Лидер квакеров
и заклятый враг пуритан У. Пенн.



Суд над М. Уолкотт и «салемскими ведьмами»,
одно из самых трагических проявлений религиозного фанатизма в Америке.

Глава 7

Возникновение мифа о «Стране свободы»: прав ли был Алексис де Токвиль?

Итак, становление американской государственности началось задолго до провозглашения в 1776 г. Соединенных Штатов Америки. Американское государство было основано выходцами из Англии, в большинстве своем принадлежавшими к пуританам, по сути религиозными фанатиками, которые привыкли видеть во всем промысел высших сил и чье поклонение Богу нередко принимало экстремистские, даже бесчеловечные формы. Несмотря на то что пуритане покинули свое прежнее отечество в первую очередь потому, что считали современное английское общество глубоко греховным, они принесли на американскую землю многие социальные и экономические институты, которые совершенствовались в течение столетий. Прецедентное право, развитое для своего времени гражданское общество, относительно высокая социальная мобильность, преобладание частной инициативы, высокоорганизованные торговые институты – эти и многие другие сильные стороны английского общества, которые помогли Англии со временем стать мировой империей, были успешно перенесены на американскую почву.

Тем не менее общество, которое удалось построить английским колонистам, не стало улучшенной копией английского. Напротив, уже в XIX столетии стало очевидно, что Соединенные Штаты Америки обладают особыми признаками государственности, которые не только отличают их от Англии, но делают непохожими вообще на какое бы то ни было из современных обществ.

Одним из первых европейских наблюдателей, отметивших это, стал Алексис де Токвиль (1805–1859). Будучи еще совсем молодым человеком, Токвиль был отправлен в рабочую поездку по США с целью изучения местной пенитенциарной системы. Путешествие молодого француза затянулось, и его исследование со временем вышло за рамки первоначальной задачи, превратившись в анализ американского общества, прежде всего его политического устройства. Результатом стала знаменитая книга «Демократия в Америке»[1], вышедшая в 1835 г. Некоторые называют ее лучшей книгой о демократии, другие – лучшей книгой об Америке. И хотя труд Токвиля действительно является значимым произведением общественной мысли своего времени, вряд ли его можно считать непредвзятым. Книга «Демократия в Америке» от начала до конца проникнута восторженно-апологетическим духом. При ее чтении может сложиться впечатление, будто США представляют собой венец политической истории человечества, общество будущего, которому непостижимым образом за считанные десятилетия удалось достичь того, чего другие го-

[1] *Токвиль А. де.* О демократии в Америке. М., 2018.

сударства не могут добиться столетиями. Разумеется, труд французского исследователя не теряет своей популярности и в современной Америке.

В работе Алексиса де Токвиля многое из того, что в той или иной степени можно было встретить в современном ему американском обществе, было гипертрофировано воображением автора. Француза удивляет, каким образом американцы способны самостоятельно выстраивать общественную жизнь, не прибегая к помощи государства, которое к тому же само не желает вмешиваться больше, чем требуется. Американцы склонны к самоорганизации: они объединяются в общества и клубы по любому поводу, что нередко доходит до абсурда, однако часто помогает решать социальные проблемы своими силами. При этом американское правительство и государственный аппарат, как отмечает Токвиль, немногочисленны и имеют относительно небольшие полномочия, не стремясь приумножить свою власть над народом. В Соединенных Штатах, с удивлением восклицает автор «Демократии в Америке», даже нет прослойки чиновников как таковой. Продолжая перечисление того, чем его удивили Америка и американцы, француз отмечает, что американцы – хорошие солдаты, однако сами по себе миролюбивы и не стремятся воевать с другими государствами. Они изобретательны, дружелюбны, гостеприимны, открыты, ответственны и вместе с тем в нужный момент готовы взять на себя разумный риск.

Несложно понять, что книга Токвиля является исчерпывающим каталогом мифов о США и американцах, большинство из которых не только существуют в наши дни, но и активно используются официальной пропагандой. Впрочем, в этом нет вины автора. Нужно понимать, что француз описал то, что увидел и смог понять, а в самих США он был только несколько месяцев. При этом он преимущественно посещал наиболее крупные города и поселки. Далеко в стороне от маршрута Токвиля остался знаменитый фронтир, где, как мы помним, властвовали совсем иные порядки, чем на Восточном побережье.

Поэтому многое осталось скрытым от глаз французского путешественника: чудовищный геноцид индейцев, которых Белый дом упорно отказывался признавать американскими гражданами; двуличие в вопросах рабства; жестокая расовая и этническая сегрегация, от которой страдали не только чернокожие; нечеловеческие условия фабричного труда; рассеянные по стране очаги анархии и преступности; повальная коррупция среди политиков; торговля должностями; бесконтрольность в вопросах государственных финансов, которые фактически обслуживали узкокорпоративные интересы элиты. Самоорганизация американцев, так восхищавшая автора «Демократии в Америке», приводила к местничеству, сепаратизму и необузданному лоббизму самых абсурдных идей во властных кругах. Отсутствие профессиональных чиновников создавало основу для вопиющей некомпетентности в принятии государственных решений. Хваленая «сдержанность» государства и его невмешательство в дела гражданского общества в реальности были обусловлены тем,

что Вашингтон был занят обслуживанием интересов торгово-экономических элит, наделявших президентов властью и лишавших ее.

На объективности анализа, проведенного в книге Токвиля, сказалось и то, что других достоверных источников информации о заокеанском государстве в те времена было немного. В глазах европейцев Соединенные Штаты были полулегендарной страной, а самих американцев считали едва ли не дикарями. Достаточно сказать, что А. С. Грибоедов принял роковое решение ехать в Персию после того, как узнал, что альтернативой этому является работа в российской дипмиссии в США[2]. Даже в середине XIX столетия, отправляя академика Иосифа Гамеля в поездку в Америку для ознакомления с состоянием науки, царское правительство взяло с него письменное обещание не употреблять там человеческого мяса.

В связи с этим увиденное Алексисом де Токвилем в Америке и описанное им в книге стало откровением как для автора, так и для читателей. Нужно понимать, что в тот момент, когда книга «Демократия в Америке» вышла в свет, политическая ситуация во Франции была крайне неспокойной. Реставрация монархии после наполеоновских войн привела к застою и регрессу в экономической и политической жизни, что в конечном итоге вызвало волнения в стране. В результате Июльской революции 1830 года к власти во Франции пришла финансовая аристократия, за которой прослеживалась тень всемогущего семейства Ротшильдов. В низах общества шло брожение: их в одинаковой степени не устраивал старый порядок и новая власть. Многие из тех, кто помнил ужасы Великой французской революции, ее террор, голод, кровопролитие, опасались, что нечто подобное возникнет вновь.

Именно поэтому после путешествия в США убежденному консерватору Алексису де Токвилю показалось, будто он нашел противоядие от «революционной заразы», которая в его понимании угрожала Франции и всей Европе. Он призвал как можно более тщательно изучить опыт «Страны свободы» и последовать по ее пути. Интересно отметить, что через несколько лет после выхода книги Токвиля другой французский консерватор, маркиз Астольф де Кюстин (1790–1857) выпустил свой труд «Россия в 1839 году»[3], где описал свои впечатления от поездки на восток. Если работа Токвиля написана в восторженном ключе, то Кюстин, напротив, изобразил Россию в мрачных тонах, как деспотическое государство, чьи успехи завоеваны лишь рабским трудом и полным пренебрежением к человеческой жизни. Поскольку французский язык в те времена являлся общеевропейским языком культуры, то обе книги – Алексиса де Токвиля и Астольфа де Кюстина – стали почти мгновенно известны всем образованным читателям Старого Света. Эти два автора внесли немалый вклад в то, чтобы научить Европу взирать с надеждой в сторону США и с тревогой и опасением – в сторону России.

---

[2] *Кириллова Г.* «Дом Грибоедова» не по Булгакову // Коммерсант. 2007.

[3] *Кюстин А. де.* Россия в 1839 году. КоЛибри.

Итак, в какой степени был прав Токвиль, когда утверждал, что американское государство и общество первой половины XIX столетия представляли собой едва ли не высшую точку прогресса?

К началу XIX столетия, через четверть века после формального обретения независимости, Соединенные Штаты Америки оставались довольно неприметельным государством. Их территория лишь незначительно расширилась за пределы первых тринадцати штатов. С экономической или военной точки зрения они также ничем не могли удивить европейцев. Европа оставалась для образованных американцев предметом преклонения в культурном плане, о чем свидетельствует тот факт, что большинство американских интеллектуалов XIX столетия получили образование в германских университетах. Европа задавала тон американцам и в хорошем вкусе. Удивительно, но даже во время Гражданской войны 1861–1865 гг., когда флот северян блокировал морскую торговлю Юга, многие корабли южан, с риском прорывавшие блокаду, везли из Европы не только оружие и боеприпасы, но и платья, алкоголь и дорогую мебель – настолько американцы привыкли ко всему европейскому. К 1863 г. Конфедерация была вынуждена принять закон, по которому все корабли обязывались освобождать 50 % грузового пространства для военных поставок.

Однако уже первые десятилетия XIX века принесли серьезные перемены. В эту эпоху Америка испытала беспрецедентно бурный рост на всех направлениях. Прежде всего, расширилась территория. Штаты, некогда зажатые между неосвоенными землями Запада и Атлантическим океаном, приросли сперва за счет Луизианской покупки Томаса Джефферсона, потом у испанцев была куплена «по ошибке» оккупированная американцами Флорида, а в 1806 г. снаряженная правительством экспедиция Мэриуэзера Льюиса (1774–1809) и Уильяма Кларка (1770–1838) вышла к Тихому океану, провозгласив открытые земли частью Соединенных Штатов. Территориальное расширение США в эти десятилетия по своим масштабам, видимо, уступает лишь освоению Сибири в XVII–XVIII столетиях. Других подобных прецедентов история Нового времени просто не знает.

На новые американские земли практически мгновенно хлынул поток переселенцев. Изобилие ресурсов и свободной земли стимулировали рождаемость, которая превышала европейские показатели, а также привлекала потоки мигрантов из густонаселенной Европы, где земли катастрофически не хватало. Благодаря огромным пространствам плотность населения была крайне невысокой, вследствие чего локальные вспышки инфекционных заболеваний не приводили к повальным эпидемиям. Все эти факторы привели к бурному росту населения в США: число американцев в XIX веке удваивалось каждые 23 года.

Америка быстро урбанизировалась. Уже в первой половине XIX в. городское население уравновесило сельское, чему способствовала широкая по своим масштабам индустриализация. К началу Гражданской войны чуть ме-

нее половины всех американцев работали вне сельского хозяйства, прежде всего в промышленности, на транспорте и в сфере услуг. Благодаря этому, по-видимому, примерно с 1820-х гг. темп роста валового продукта начал обгонять увеличение населения. Американский ВВП удваивался в среднем за 15 лет.

В чем заключается секрет стремительного роста американской экономики? Первые два фактора – это население и земля. Нельзя не упомянуть и в высшей степени благоприятную географию новых земель. С одной стороны, это равномерное чередование ландшафтов, отсутствие труднопроходимых горных хребтов, разветвленная речная сеть, с другой – мягкий климат даже в северных штатах.

Еще одним важнейшим фактором является дешевый капитал, который американские финансовые власти стремились предоставить предпринимателям. Безусловно, Вашингтон рассматривал банковскую систему в первую очередь через призму собственных интересов, однако нельзя отрицать, что политика правительства США на протяжении начального периода истории государства во многих аспектах отвечала потребностям растущей экономики.

Другой ключевой фактор, связанный с политикой правительства, состоит в защите отечественного производителя. Классическая точка зрения, приводимая в учебниках по истории, заключается в том, что руководство страны с момента обретения независимости вело в целом либеральную внешнеэкономическую политику, содействуя снятию таможенных барьеров и снижению пошлин и тарифов. Однако это заблуждение. Александр Гамильтон, первый министр финансов США и близкий друг Вашингтона, еще в канун Войны за независимость сформулировал свою программу экономического развития американского государства, глубоко протекционистскую по своей сути. Американцы понимали, что защита национальной промышленности позволяет форсированными темпами провести индустриализацию, что в реальности и произошло[4]. Вместе с тем протекционизм, который проводил в жизнь президент, имел гибкий и избирательный характер, так как был направлен в основном на те отрасли (с учетом специфики регионов), которые имели потенциал с точки зрения внутреннего и мирового рынка. Программа Гамильтона, в итоге принятая с учетом концепции Т. Джефферсона, служила источником вдохновения для американских государственных деятелей едва ли не на протяжении всего XIX столетия. В то же время сегодня ее роль всячески замалчивается исследователями, которые вместо этого превозносят теоретиков свободной торговли, хотя большинство таких авторов в свое время поднималось на смех самими американцами.

В целом на протяжении XIX века американские власти не просто помогали национальной экономике, но и сами активно выступали в качестве хозяйственного субъекта. Власти штатов учреждали банки, выпускали облигации

[4] *Meardon S.* "A Reciprocity of Advantages": Carey, Hamilton, and the American Protective Doctrine. Early American Studies, 2013.

муниципального займа, входили в число учредителей предприятий, меняли местное законодательство, экспериментировали с налогообложением и таможенным режимом, то есть вели себя как настоящие предприниматели, не полагаясь на решения федерального правительства, которое они справедливо считали малокомпетентным в вопросах экономики. И эту особенность можно уверенно отнести к сильным сторонам американской государственности, обеспечившим значительные показатели роста промышленности и торговли.

Большое значение для экономического роста в США в описываемый период имеет развитие транспортной инфраструктуры. К тому моменту, когда США начали стремительно прирастать новыми территориями, состояние путей сообщения даже на Восточном побережье оставалось плачевным. Разумеется, на вновь присоединенных территориях путей сообщения не было вовсе. Имеющиеся дороги были настолько непригодны для передвижений, что доставка груза морским путем от Лондона до Нью-Йорка занимала меньше времени и обходилась дешевле, чем перемещение того же груза из Нью-Йорка до городов в глубине материка. В этих условиях основной акцент был сделан на развитии внутренних водных сообщений. По примеру англичан американцы взялись за расчистку рек и устройство каналов, наиболее известным из которых стал прорытый до Нью-Йорка канал Эри, который обеспечил главный город государства надежным сообщением с районом Великих озер, где уже начал свой подъем новый финансово-промышленный центр страны – Чикаго. Параллельно много усилий было сделано по обустройству дорог. Американцы быстро поняли выгоды, которые открывает метод дорожного строительства, разработанный шотландским инженером Джоном Мак-Адамом, и переняли эту технологию.

Однако настоящим символом Америки того времени стали железные дороги. Один из американских публицистов писал в 1853 г.: «Строительство железных дорог – это поистине промысел Божий. До сих пор было два промысла – древнегреческая и христианская цивилизация, и вот сейчас пришла железная дорога». Железные дороги действительно сыграли фундаментальную роль в американской истории. Долгое время считалось, что они стали основным двигателем экономического роста в США в описываемый период. Исследования середины XX века, прежде всего работы нобелевского лауреата Роберта Фогеля, показали, что значение железных дорог больше: хотя непосредственный вклад железнодорожного транспорта в рост американского ВВП в XIX столетии не превышает 5 %, строительство и эксплуатация железных дорог стимулировали рост посредством создания большого количества рабочих мест, возможностей для выгодных инвестиций, рынка сбыта промышленных товаров и, конечно, спроса на технологические новшества.

Однако строительство железных дорог наложило неизгладимый отпечаток на социальные и политические институты. Не будет преувеличением сказать, что они стали одним из ключевых факторов формирования амери-

канской государственности. Одна из главных инноваций, привнесенная ими, заключается в невероятном усилении политической власти частного сектора. Уникальность американского опыта строительства железных дорог заключалась прежде всего в том, что именно частные корпорации играли ведущую роль в этом процессе. При этом федеральная и муниципальная власть была не просто оттеснена, она была низведена до уровня придатка частного капитала, обслуживавшего за соответствующее вознаграждение его интересы. В этом состоит радикальное отличие американского опыта, к примеру, от Англии или Франции, где сама идея отдать строительство дорог всецело в руки коммерсантов вызывала резкое отторжение общества. Конечно, частный капитал широко использовался и в этих странах, однако государство в этом процессе всегда занимало сильную позицию.

США изначально пошли по другому пути. На заре эры строительства железных дорог, главную роль по традиции пытались играть власти штатов. Тем не менее вскоре выяснилось, что ни в финансовом, ни в организационно-техническом плане они не могут задавать тон в реализации больших проектов хотя бы потому, что любая дорога проходила по территории многих штатов. Федеральное правительство также потерпело фиаско. Оказалось, что влиятельные финансово-промышленные группы не только желают видеть Вашингтон в роли своего помощника, а не наставника, но и имеют для этого все ресурсы. Железнодорожные магнаты прокладывали дороги, как хотели и куда хотели. При этом федеральная власть и власти штатов старательно разыгрывали роль контролеров и выразителей интересов общества. На самом деле за этим спектаклем скрывалась жестокая коррупционная борьба. Так, мэры городов соперничали в подкупе руководителей частных компаний, стремясь к тому, чтобы очередная ветка прошла именно через их город. В Америке XIX века это было поистине вопросом жизни и смерти. Известно немало случаев, когда обойденный дорогой город приходил в упадок за несколько лет.

Государственные и муниципальные власти нередко сами становились предпринимателями и использовали бюджетные деньги для осуществления проектов по сооружению железных дорог. Часто эти проекты в силу неумелого руководства заканчивались крахом, который ставил местные правительства на грань банкротства. В таких случаях на помощь приходил частный капитал, для которого эта ситуация всегда означала прекрасную возможность «купить» правительство штата. Подсчитано, что к 1870-м годам общая площадь земель, переданных государством частным компаниям для прокладки железных дорог, превысила территорию Франции и Германии вместе взятых. При этом зачастую дороги строили, говоря современным языком, гастарбайтеры (в основном ирландские и китайские рабочие).

Однако железнодорожные магнаты увлекались строительством реальных путей сообщения лишь до тех пор, пока видели в этом источник сверхприбылей. Когда банковская система и финансовый рынок развились настолько, что

позволили до мелочей отработать сделки с акционерным капиталом, американские олигархи поняли, что железная дорога является замечательным прикрытием для их проектов, причем в отличие от прежних времен даже не требовалось заботиться о качестве исполнения. Замечательным примером этой тенденции стало строительство первой трансконтинентальной железной дороги, широко разрекламированной на всю страну как проект столетия, поистине общенациональное предприятие, беспримерный подвиг американского народа. На волне всеобщего возбуждения была открыта подписка: огромное количество простых американцев горело желанием внести посильный вклад в великий проект, а заодно прилично подзаработать. Для строительства были привлечены также значительные суммы из государственного бюджета. Однако, когда в 1883 г. «Юнион Пасифик» и «Вестерн Пасифик» – две крупнейшие железнодорожные корпорации – закончили строительство дороги, когда утихло ликование и закончились роскошные банкеты по поводу окончания проекта, выяснилось, что железную дорогу фактически придется отстраивать заново. Качество работ было не просто низким, казалось, речь шла о намеренном саботаже: даже рельсы были уложены настолько неровно, что паровоз не был в состоянии двигаться по ним. В ходе последовавшего грандиозного скандала обнаружилось, что аферу лично прикрывали высшие должностные лица государства вплоть до вице-президента Ш. Колфакса и конгрессмена Дж. Гарфилда, занявшего президентское кресло в 1881 г. Именно президент Гарфилд сыграл главную роль в «прикрытии» всего проекта[5].

Таким образом, фундаментальное значение железнодорожного бума XIX столетия для становления американской государственности заключается в том, что в эти десятилетия сложились основы американской корпоратократии – политического и экономического доминирования частных корпораций. Именно корпоративная элита становилась центром принятия политических решений. Государственная власть оказывалась при этом в довольно незавидной роли, выполняя в лучшем случае роль компаньона, в худшем – слуги корпоративной олигархии. Тогда же берет свое начало практика использования государства в качестве спасателя, готового в кризисной ситуации прийти на помощь частному капиталу, снабдив его деньгами налогоплательщиков.

Описанная система взаимоотношений бизнеса и государства, если опустить детали, мало отличается от того, что можно наблюдать в современной Америке. При этом откровенный цинизм, с которым Вашингтон принуждает налогоплательщиков оплачивать авантюры корпораций остается фактически неизменным. Спасение за государственный счет группы нечистоплотных маг-

[5] Уже через полгода на Гарфилда напал террорист-одиночка. По иронии судьбы это случилось на вокзале. Анархист лишь нанес ранение средней тяжести, и Гарфилд имел все шансы на выздоровление, если бы не главный хирург военно-морского флота, который почему-то забыл элементарные правила медицины и принялся искать пулю в открытой ране, даже не обработав руки. Неудивительно, что вскоре развилось тяжелое заражение, от которого глава государства скончался.

натов, которые решили сделать «легкие деньги» из наспех проложенной железной дороги, мало чем отличается от «заливания деньгами» Уолл-Стрит после того, как современные финансисты спровоцировали крах 2008 года.

Тем не менее история становления железнодорожной отрасли в США примечательна не только с точки зрения формирования корпоратократии. Она интересна еще и тем, что характеризует саму систему государственного управления в США, которая сделала возможным доминирование частных интересов над структурами, стремившимися к выражению интересов всей американской нации.

Дело в том, что в Америке XIX века таких структур в их классическом понимании не было. Как уже было отмечено, класс профессиональных государственных служащих в то время не существовал. Считалось, что «Стране свободы» не нужна профессиональная бюрократия, которая якобы может быстро взять в свои руки бразды правления и разрушить демократию. Подобно тому, как в представлении американцев того времени вести войну должны были солдаты-любители, которые берут в руки оружие лишь на время боевых действий, обеспечивать функционирование государства должны были чиновники-любители, которые не посвящали профессиональную жизнь совершенствованию своих навыков, а занимали и оставляли посты исходя из личных склонностей и пристрастий.

Эта модель пронизывала все уровни государственной службы, начиная с правительства и заканчивая самыми скромными должностями муниципальной службы. В правительстве распределение министерских кресел было результатом сложной системы договоренностей, которая существовала внутри партий и между ними. Определенная фракция внутри партии могла поддержать кандидатуру на пост президента из другой фракции при условии предоставления ей тех или иных министерских портфелей. Губернаторы раздавали должности друзьям и родственникам тех, кто оказывал им поддержку во время избирательной кампании. Ответственные посты, связанные с необходимостью иметь специальные знания и навыки, часто занимали популисты, которые умели очаровать толпу своим красноречием. Эта практика не предусматривала поэтапное построение карьеры на государственной службе: нахождение в должности обычно ограничивалось избирательным сроком или пребыванием у власти патрона. Разумеется, в этих условиях главным мотивом обладателя заветной должности было извлечение максимальной выгоды для себя. Понятия репутации государственного служащего или деловой этики просто не существовало, а потери при уходе с поста были минимальными. Все это приводило к разгулу коррупции и откровенному лоббизму интересов тех, на кого работал временный чиновник.

Еще одной стороной этой практики была вопиющая некомпетентность. Большинство управленцев-любителей не имели представления о той сфере деятельности, где им предстояло работать. Свою задачу они видели в том, что-

бы на максимально выгодных для себя условиях найти частного подрядчика, который выполнит требуемую работу. Разумеется, качество результата они практически не могли проконтролировать и полагались на советников и консультантов – также из частной сферы. Неудивительно, что в итоге возводились железные дороги или каналы, полностью непригодные для езды или плавания по ним[6].

Итак, история США в XIX столетии дает, с одной стороны, пример блестящего роста национальной экономики, а с другой – доходящих до крайности противоречий в области политики и государственного управления. Каким образом этот период отразился на развитии американской государственности, ведь сама по себе политическая жизнь и государственный аппарат еще не формируют государственности? Коррумпированность американских управленцев XIX века и их лояльность в отношении корпораций мало характеризуют государственность в США как таковую. Поэтому важно проследить, каким образом и под воздействием каких сил формировались и эволюционировали важнейшие институты американского государства после того, как начался его бурный рост.

Пожалуй, наибольшее влияние на характер «Страны свободы» в первой половине XIX века оказала эпоха президента Эндрю Джексона. «Джексоновская демократия», сформировавшаяся в 1820–1840 гг., определила лицо Америки, которая со временем изберет такого колоритного президента, как Авраам Линкольн, президента немыслимого, скажем, для начала столетия, и придет к междоусобной войне.

Алексис де Токвиль посвятил не одну страницу анализу «джексоновской демократии». Его вердикт был таков: этот режим олицетворял собой пример экстремального демократического правления, когда малейшее изменение настроений народных масс побуждало руководство страны принимать поспешные и далеко не всегда удачные политические решения. В качестве примера Токвиль приводил судьбу Второго банка Соединенных Штатов, предшественника современных государственных регуляторов кредитно-денежной политики, который был упразднен Джексоном якобы в ответ на требования широ-

[6] Некоторую помощь в сложившейся ситуации оказывали представители вооруженных сил. Военная академия в Вест-Пойнте являлась единственным в стране учебным заведением, где можно было не только изучить военное дело и приобрести навыки командования и управления, но также овладеть разносторонними знаниями из инженерно-технической области. Именно поэтому Вест-Пойнт был так популярен среди зажиточных слоев общества. Даже если молодой человек не был настроен на военную карьеру, его зачастую посылали в Вест-Пойнт с тем расчетом, что после прохождения службы в положенный срок он сможет занять выгодную гражданскую должность. Особенно это касалось наиболее способных кадетов, которые по окончании службы распределялись в инженерные войска и артиллерию – армейскую элиту, где можно было усовершенствовать свои познания в технической сфере. Философия воинской чести, достаточно активно исповедовавшаяся в стенах академии, также в некоторой степени помогала ее выпускникам если не сохранять безупречный моральный облик, то, по крайней мере, не собирать взятки со всех, кто их мог предложить.

ких масс населения. Безусловно, этот шаг побудил вернуться на федеральном уровне к золотому стандарту, что на время отсрочило наступление эпохи глобальных денежных махинаций олигархических кланов. Однако ликвидация банка, который хотя бы в некоторой степени мог сдерживать разгул бесконтрольной эмиссии бумажных денег в интересах этих кланов, также породила возникновение огромного количества частных кредитных учреждений, которые со временем образовали фундамент сомнительной финансовой архитектуры, обслуживавшей корпоративные интересы ценой общественного благосостояния.

Этот пример демонстрирует противоречивость изменений в американской государственности, которые наблюдались в первой половине XIX века. С одной стороны, в эту эпоху произошло становление модели массовой политики. Действительно, политический ландшафт при Джексоне изменился весьма заметно: политика перестала быть заповедником выходцев из богатых и знатных семей, которые в буквальном смысле монополизировали право решать судьбу государства, избирательно прислушиваясь к гласу народа. Теперь как на уровне штатов, так и на федеральном уровне появились политики, которые, если и не были непосредственными выразителями воли широких слоев общества, по крайней мере, были с ними как-то связаны.

Сам Эндрю Джексон имел биографию, которая сильно отличалась от биографий, к примеру, Вашингтона или Джефферсона. Его родители не были плантаторами, они не принадлежали к колониальной аристократии и даже не могли похвастаться принадлежностью к первым поколениям переселенцев. Они были бедны и имели ирландские корни, что само по себе было большим минусом с точки зрения положения в обществе. Молодой Джексон самостоятельно пробивался, занимаясь адвокатской практикой, фермерством, а потом делал карьеру в ополчении, где он «прославился» истреблением индейцев. По меркам своего времени это был настоящий американский *self-made man* – «человек, сделавший себя сам».

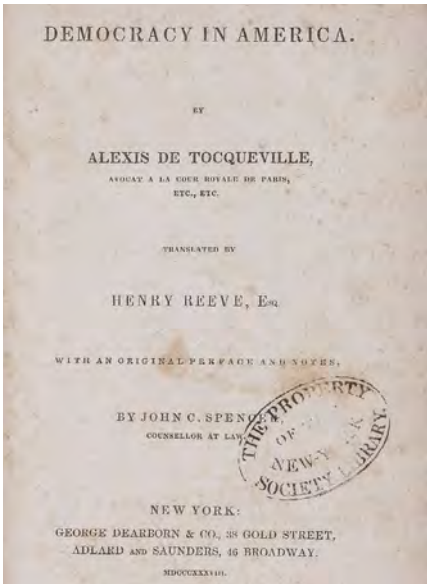
Соответствующим образом Джексон выстраивал свою политическую риторику. Он жестко критиковал имущественный ценз для избирателей, аристократизм современных ему политиков, требовал равенства возможностей для всех граждан страны. Казалось бы, налицо истинный демократ, который в роли президента будет отстаивать интересы незащищенных и бедных слоев американского общества. Не стоит впадать в подобную иллюзию: «джексоновский демократизм» заканчивался тогда, когда он переставал быть удобен элите, и бывший «победитель» индейцев с такой же легкостью отправлял солдат расстреливать бастующих рабочих, как некогда – краснокожих.

Демократические тенденции в политической жизни Америки той эпохи на деле носили глубоко прагматический подтекст. Как мы помним, страну буквально захлестнула волна эмигрантов, которые искали лучшей жизни на американской земле. Очень многие из них такой жизни либо не находили, либо

были вынуждены работать в призрачной попытке стать очередным «человеком, который сделал себя сам». Испытания, которые выпали на долю рядовых американцев в эпоху становления промышленного капитализма, легко могли до крайности обострить напряженность в обществе. Поэтому стала насущной необходимость снизойти до тех этажей социальной иерархии, которые политики более ранних эпох посещали лишь время от времени.

Яркая примета джексоновской эпохи – публичность политики. Если на рубеже XVIII–XIX вв. перед простыми гражданами выступали преимущественно отъявленные демагоги, то в 1820-х гг. речи перед самыми разнообразными группами избирателей не просто стали считаться хорошим тоном, но и стали обязательным атрибутом политика. Конечно, это не означает, что популизм и откровенно лживая демагогия ушли из политической жизни. Напротив, как отмечает в упомянутой книге Токвиль, «парады, пикники и клеветнические кампании характеризовали политиканство времен Джексона». Приемы и инструменты манипуляции общественным мнением, которые широко применяются современными американскими политиками, могут использовать риторику и образы времен пуритан, однако в техническом отношении они восходят к эпохе «джексоновской демократии». Следующими шагами в развитии американской государственности станут Гражданская война 1861–1865 гг. и эпоха «баронов-разбойников» конца XIX в., когда корпорации и кланы открыто заявят о своем доминировании над государством.

Иллюстрации к главе 7



DEMOCRACY IN AMERICA.

BY

ALEXIS DE TOCQUEVILLE,

AVOCAT A LA COUR ROYALE DE PARIS,
ETC., ETC.

TRANSLATED BY

HENRY REEVE, Esq.

WITH AN ORIGINAL PREFACE AND NOTES,

BY JOHN C. SPENCER,
COUNSELLOR AT LAW.

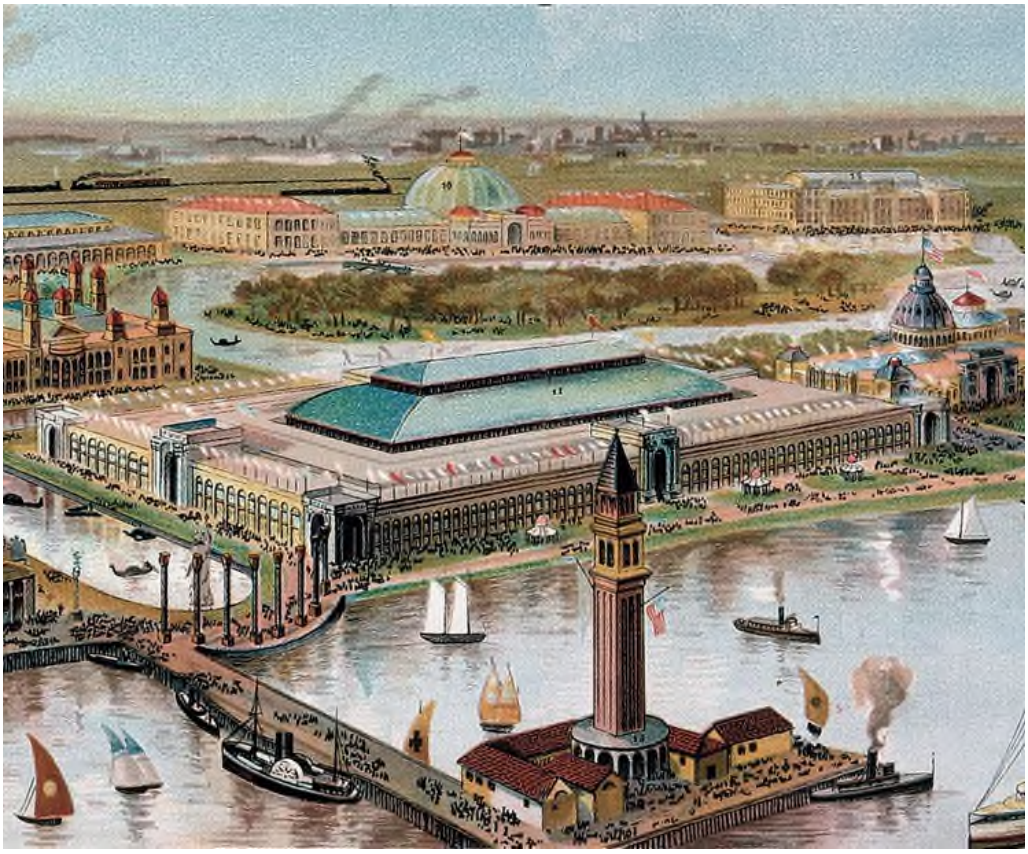
THE PROPERTY OF NEW-YORK SOCIETY LIBRARY

NEW YORK:
GEORGE DEARBORN & CO., 38 GOLD STREET,
ADLARD AND SAUNDERS, 46 BROADWAY.
MDCCCXXXVIII.

Обложка одного из первых изданий книги «Демократия в Америке».

Алексис де Токвиль.

Один из первых пассажирских поездов в Америке.



Чикаго в XIX веке.

Э. Джексон, один из самых неординарных и радикальных президентов США, приносит присягу на Библии.

Истребление индейцев.

Убийство президента Дж. Гарфилда.

Глава 8

Агрессия на американской земле: Вашингтон учится завоевывать новые земли

Бурное экономическое развитие США в XIX столетии заставляет многих авторов говорить об этой эпохе как о золотом веке Америки и американского общества, когда идеалы свободы и демократии действительно претворялись в жизнь. Однако эта же эпоха ознаменовалась целым рядом масштабных войн, развязанных США.

Американская государственность неотделима от традиции агрессивных, завоевательных войн. Они начались задолго до того, как Вашингтон вышел на мировую арену в эпоху Первой мировой войны. Уже первые шаги Америки как самостоятельного государства были неразрывно связаны с военной экспансией, поводы для которой американская элита не уставала искать на всем протяжении XIX века. Даже Гражданская война 1861–1865 гг. по многим признакам может рассматриваться как завоевательная.

Захватнический замысел лежал в основе второго крупного вооруженного конфликта в истории США – Англо-американской войны 1812–1815 г., которую сами американцы иногда (совершенно неправомерно, как мы увидим далее) называют Второй войной за независимость.

Как известно, в 1812 г. к своему апофеозу подошли наполеоновские войны. Французский император готовился к вторжению в Россию. Увлеченный идеей установления гегемонии в Старом Свете, он до такой степени потерял интерес к заморским колониям, что продал Вашингтону в 1803 г. французскую Луизиану – огромную территорию в 2,1 млн кв. километров, простиравшуюся от Канады до Мексиканского залива, – за смехотворную сумму, в пересчете по текущей покупательной способности за 230 млн долларов. Сегодня на этой территории, занимающей 22 % общей площади страны, частично или полностью располагаются пятнадцать штатов.

К северу от американских владений находились обширные земли Канады, принадлежавшей англичанам. Южные провинции этой колонии представляли несомненный интерес в сельскохозяйственном отношении, а также с точки зрения рыболовства, добычи пушнины, деревозаготовки. Наконец, огромное значение имел контроль над Великими озерами – транспортной артерией стратегической важности.

К 1812 г. Англия оказалась далеко не в лучшем положении. Лишившаяся союзников в Европе, она находилась в объявленной Наполеоном континентальной блокаде, которая нарушалась преимущественно с помощью американских торговых кораблей. Британская армия, и без того традиционно немногочисленная, была разбросана по огромным колониям, а ее лучшие ча-

сти находились на Пиренейском полуострове, где велась изнурительная борьба с французами. Это прекрасно понимали в Вашингтоне, рассчитывая совершить легкую «военную прогулку», результатом которой станет падение Канады и окончательное изгнание британцев с континента. Третий президент США Томас Джефферсон (в его правление была совершена Луизианская покупка) писал: «Приобретение Канады <…> будет всего лишь вопросом перехода войск и даст нам опыт для последующей атаки Галифакса и окончательного выдворения Англии с американского континента»[1]. В еще более хвастливом тоне говорил военный министр Уильям Юстис: «Мы можем взять Канаду без помощи солдат – достаточно послать в провинции офицеров, и люди сами соберутся вокруг наших знамен»[2]. В США была выпущена популярная гравюра «Боксерский поединок, или Еще один разбитый нос Джона Булла» (Джон Булл – традиционное олицетворение Британии), на которой президент Джеймс Мэдисон, преемник Джефферсона, без лишних усилий справляется с английским королем.

В этих условиях США оценили представившуюся им возможность захватить земли соседа. Эксплуатируя незначительные поводы, вроде досмотра американских торговых судов на предмет скрывавшихся дезертиров, развернула свою деятельность «партия войны», которую поддерживал как Джефферсон, так и Мэдисон, который и объявил 18 июня 1812 г. войну Англии. Однако американские стратеги не учли, что во время Войны за независимость на стороне США действовал мощный французский флот, который мешал британцам перебрасывать подкрепления и снабжение по морю. В 1812 г., после поражения в Трафальгарской битве, французы не решались оспаривать господство Англии на море даже в собственных интересах.

Наскоро собрав войска, американцы попытались вторгнуться в Канаду, однако были остановлены на первых пограничных фортах. В 1812–1813 гг. армия США безуспешно пыталась продвинуться вглубь канадской территории, но ее успехи ограничились захватом слабозащищенного Йорка (нынешний Торонто), который «армия свободы» разграбила и сожгла дотла. На остальных направлениях американцы не только не имели успеха, но и потерпели ряд существенных поражений, после которых уже самим Соединенным Штатам угрожало вторжение. Это, конечно, сразу использовала официальная пропаганда, которая изобрела тезис о Второй войне за независимость, изобразив конфликт как попытку Лондона вернуть потерянные колонии и лишить американцев свободы. Эта уловка помогла привлечь значительное число добровольцев и сделать выгодные займы внутри страны.

Вскоре пришлось расплачиваться за Йорк. Англичане выступили в сторону Вашингтона. Преградившая им путь американская милиция, которая по

---

[1] *Алексеев А.* Вашингтон, спаленный пожаром // Коммерсант. 2021.

[2] [Jeff_Wallenfeldt] The American Revolutionary War and the War of 1812. People, Politics, and Power (America at War).

численности превосходила противника в два с половиной раза, разбежалась в первом же бою под Бланденбургом. Примеру бойцов последовал и президент Мэдисон, бежавший из столицы вместе с командованием вооруженных сил и своим кабинетом. 24 августа 1814 г. английские войска вступили в столицу США, обнаружив в столовой Белого дома не съеденный президентом ужин. В отличие от американцев, которые сожгли и разграбили будущую канадскую столицу, британское командование строго запретило уничтожать дома гражданского населения, приказав поджигать лишь государственные постройки. Белый дом и Капитолий были преданы огню. Хорошо зная беспринципность и лживость американской пропаганды, английский адмирал Коберн намеревался сжечь и редакцию главной столичной газеты «Национальный осведомитель» (*National Intelligencer*). Однако после того, как живущие рядом со зданием женщины попросили не делать этого, опасаясь за свои дома, адмирал приказал солдатам аккуратно разобрать здание по кирпичу и уничтожить все типографские литеры с буквой *С*, поскольку газета регулярно публиковала заявления, порочившие имя адмирала.

Ситуация приблизилась к катастрофической. Еще в апреле 1814 г. силы VI антифранцузской коалиции во главе с русской армией взяли Париж, закончив войну с Наполеоном. Тем самым у англичан освободились дополнительные ресурсы для боевых действий за океаном, в то время как американский бюджет истощился полностью, а государство оказалось на грани финансового краха. Единственным значимым успехом были победы американской флотилии на Великих озерах, которые позволили затруднить перевозку британцами грузов по этой важной водной артерии. Однако в то же время эффективная морская блокада, установленная английским флотом, фактически парализовала американскую торговлю, угрожая коллапсом экономики. Вскоре англичане действовали уже не только на севере, но и на юге – у Нового Орлеана, который отошел к США вместе с Луизианой. Несколько недель шли бои, хотя не слишком ожесточенные, в результате которых к 18 января 1815 г. американцам под руководством Эндрю Джексона удалось заставить противника покинуть район Нового Орлеана. Лишь после этого пришли новости о том, что еще 24 декабря предыдущего года в Европе был подписан мирный договор, который восстанавливал довоенный статус-кво.

Неожиданное прекращение боевых действий и готовность Англии отказаться от плодов своих многочисленных побед остаются одной из больших загадок американской истории. Исследователи обычно отмечают, что война и связанное с ней прекращение торговли наносили серьезный удар по самой Англии, и без того ослабленной наполеоновскими войнами. Вместе с тем нельзя упускать из виду и тот факт, что определенным влиятельным группам в Великобритании разгром США выгоден не был. В первую очередь речь идет о финансовых магнатах, среди которых к тому времени несомненное лидерство принадлежало клану Ротшильдов.

Ротшильды, имевшие внушительные ресурсы еще до войны с Наполеоном, в ходе нее добились поистине невероятного могущества. Финальным актом стала серия спекуляций и финансовых афер вокруг битвы при Ватерлоо в 1815 г., в результате чего под контроль Ротшильдов фактически перешел Банк Англии. Еще раньше представители клана выражали свое недовольство по поводу того, что Мэдисон отказался продлевать лицензию Первому банку Соединенных Штатов, который выполнял функции центрального банка. Сейчас, когда США оказались фактическим банкротом, их поражение или вообще потеря суверенитета были крайне нежелательны.

Однако тяжелое финансовое положение располагало к открытию Второго банка Соединенных Штатов, который запустил активное печатание денег в целях восстановления экономики. Тем самым заокеанские финансисты не просто восстановили надежный инструмент экономического влияния, но и вывели его деятельность на новый уровень.

Разумеется, официальная историография США приписала «победоносное» окончание войны мужеству американских солдат и решимости народа отстаивать свою свободу до конца. После заключения мира американское общество охватила эйфория: создалось впечатление, что США во второй раз разгромили мощнейшую Британскую империю. На этой почве в стране наблюдался небывалый духовный подъем, известный как «эра доброго согласия», плодом которой стала доктрина Монро. Эта доктрина вложила в умы американцев сознание того, что только их страна властна «наводить порядок» в Новом Свете, что дало моральное оправдание следующему крупному военному конфликту первой половины XIX века – войне с Мексикой 1846–1848 гг.

Мексиканская война стала первым эпизодом в истории Соединенных Штатов, когда американские геополитические интересы были успешно реализованы силой оружия в крупном военном конфликте. Ключевую роль при этом сыграли не столько амбиции Белого дома и стремление американцев реализовать «явное предначертание», сколько политические и экономические дисбалансы внутри страны, вызвавшие стремление определенных влиятельных группировок решить эти проблемы за счет завоевательной войны. Тот факт, что война с южным соседом имела характер насильственной аннексии территорий и была развязана при помощи провокаций, не укрылся от взгляда современников. Улисс Грант, будущий прославленный генерал и президент США, а во время Мексиканской войны скромный лейтенант, писал в своих мемуарах: «Оккупация, отторжение и аннексия [мексиканских территорий] были с самого начала этого предприятия вплоть до их окончательного поглощения заговором с целью приобретения территорий <…> И если аннексия сама по себе могла быть оправдана, то способ, которым Мексика была принуждена к последующей войне, оправдан быть не мог»[3].

[3] *Grant U.S.* Memoir on the Mexican War (1885) - W.W. Norton.

В первой половине XIX столетия Мексика, получившая независимость от Испании в 1810 г., была крупным государством, обладавшим обширными малозаселенными землями, которые предоставляли широкие возможности для ведения сельского хозяйства. Граница между США и Мексикой, проходившая значительно севернее и восточнее нынешней, была лишь номинально проложена на карте. По сути, никто в обоих государствах не имел ясного представления о том, как она должна проходить. С севера на территорию Мексики двигались американские переселенцы, которые оседали на землях южного соседа и организовывали процветающие хозяйства, что вполне устраивало мексиканские власти, во многом поощрявшие колонизацию. Большинство американских колонистов были рабовладельцами, которые стремились на юг и запад, в том числе и в силу Миссурийского компромисса – внутриполитического соглашения, заключенного в 1820 г. и объявлявшего все новые земли к западу от реки Миссури свободными от рабства.

Однако демографическая ситуация в северных мексиканских провинциях быстро менялась в пользу американских колонистов, которые к тому же не желали признавать местные власти, вступая с ними в открытые конфликты. В 1835 г. американцы объявили о том, что отныне Техас – в то время штат в составе Мексики – становится независимой республикой. После ряда поражений «техасцы» разгромили мексиканские войска в битве у Сан-Хосинто, причем в плен попал сам генерал Антонио де Санта-Анна – президент Мексики. Находясь в плену, он подписал договор, признающий независимый Техас. Вскоре после этого в Мехико произошел переворот, и новые власти объявили Санта-Анну низложенным, а договор с Техасом недействительным. На протяжении последующих лет мексиканцы пытались вновь вернуть штат в состав государства силой оружия, однако терпели поражения от техасцев, за которыми стоял мощный северный сосед. Таким образом, прологом к большой войне стали мятеж на территории соседнего государства, создание квазигосударственного образования, а вместе с ним и постоянного очага напряженности у границ южного соседа.

В 1845 г. к власти в США пришел Джеймс Полк. Территориальные захваты были поставлены в центр его предвыборной программы: уже в речах перед избирателями политик открыто обещал захватить земли южного соседа.

Характерно, что Вашингтон даже не попытался найти удобного повода для войны. В 1845 г. президент Полк отдал приказ кораблям в Тихом океане готовиться к захвату мексиканских портов, а американскому консулу в Монтерее активно подстрекать американских колонистов к вооруженному выступлению против властей. В Калифорнии, принадлежавшей тогда, как и Техас, Мексике, события развивались еще более прямолинейно: знаменитый первопроходец Джон Фримонт просто объявил ее независимой республикой, находящейся в состоянии войны с Мехико. И хотя официально война была объявлена 13 мая 1846 г., американская армия еще в марте начала боевые действия.

Действуя совместно со своевременно подошедшим американским флотом, Фримонт захватил крупнейшие города западного побережья – Сан-Франциско и Лос-Анджелес. Однако вскоре американцы оказались изгнаны из Лос-Анджелеса, охваченного восстанием. Почти четыре месяца американские отряды не могли вернуть этот город, поскольку мексиканские крестьяне развернули на калифорнийской земле партизанскую войну. Лишь к концу зимы 1847 г. США удалось подавить все очаги сопротивления.

Основные события войны развернулись на севере. Американская армия генерала Захари Тейлора успешно продвигалась в самое сердце мексиканских земель, захватывая один за другим провинциальные города[4]. Вскоре у американских солдат вошло в привычку разорять каждый взятый город, обирая и без того полунищих жителей. Многие американские солдаты, которым заманивавшая их на службу пропаганда обещала горы золота в захваченной стране, были взбешены тем, что в реальности Мексика оказалась отсталым государством, населенным преимущественно бедными крестьянами.

Пополнив силы, Тейлор двинулся к горному проходу Буэна-Виста, куда уже спешила мексиканская армия. К тому времени ее вновь возглавил президент Санта-Анна, некогда сдавшийся в Техасе. На момент начала американской агрессии бывший мексиканский президент находился на Кубе, где он вел жизнь как частное лицо, наслаждаясь вывезенными из Мексики миллионами песо. Однако вскоре после начала войны в Мехико произошел государственный переворот, руководители которого обратились к Санта-Анне с просьбой взять бразды правления в свои руки.

На первых порах Санта-Анна проявил себя неплохо. Собрав серьезные силы – до 20 тыс. человек, – он поспешил навстречу Тейлору, окопавшемуся у Буэна-Виста, и в феврале 1847 г. атаковал его. Американские историки заявляют, что на одного американца приходилось четыре–пять мексиканцев. Солдаты Санта-Анны сражались превосходно, да и сам генерал неплохо управлял войсками: Тейлор едва не оказался полностью окруженным, а его войска в спешке отошли на последнюю линию обороны, где укрепилась пехота Джефферсона Дэвиса – будущего президента Конфедерации. Казалось, американцев ждет если не полный разгром, то наверняка позорное бегство.

Однако в этот момент произошло то, что рядовым солдатам Тейлора показалось чудом: вместо решительной атаки войска Санта-Анны устремились назад. Некоторые историки объясняют это тем, что мексиканцы израсходовали все боеприпасы. Другие полагают, что генерал поспешил обратно в Мехико, получив известия о начавшихся там волнениях. Впрочем, уже тогда ходили слухи о том, что «чудо» объяснялось внушительным вознаграждением, кото-

[4] Нужно отметить, что само понятие «армия» к контингенту Тейлора можно применить лишь условно, поскольку ее численность составляла едва ли 7 тыс. солдат. Однако для американцев того времени такое войско действительно являлось большой силой, особенно если учесть, что Калифорнию захватывали отряды в 300–400 человек.

рые американцы, не очень уповавшие на военную удачу, передали генералитету противника под обещания будущих территориальных уступок.

Мятеж, разгоревшийся в Мехико, был успешно подавлен, благодаря чему мексиканский президент получил поистине диктаторские полномочия. Тем не менее для того, чтобы сохранить честь нации, требовалось продолжать разыгрывать вооруженную борьбу.

После Буэна-Виста президент Полк утратил веру в генерала Тейлора. Помимо прочего, тот был неудобной политической фигурой, ибо к тому моменту стало известно о его президентских амбициях. Новым фаворитом президента стал генерал-майор Уинфилд Скотт – старый солдат, который сражался еще в войне 1812–1815 гг. С помощью кораблей он перебросил 13 тыс. солдат и 50 орудий морем, высадившись у города Веракрус. Такой план был значительно выгоднее марша по пустыне: из Веракруса американцам открывался короткий путь через достаточно обжитые земли, которые могли бы обеспечивать армию Скотта. На пути американской армии снова встал генерал Санта-Анна, но и в сражении в ущелье Серро-Гордо «неудачный» приказ мексиканского генерала вновь решил исход сражения в пользу американцев.

Основной проблемой для войск Скотта оказались партизаны. Действуя в тылу американцев, они перехватывали большие обозы, двигавшиеся на запад. Партизаны не боялись нападать даже на большие – в тысячу или полторы тысячи человек – отряды, которые сопровождала артиллерия. Размах партизанской войны оказался таким, что, несмотря на скромную численность полевых армий, Вашингтону пришлось довести общую численность войск на театре военных действий до 100 тыс. человек.

Однако армия Скотта продолжала неуклонно двигаться к мексиканской столице. В августе 1847 г. Скотт разбил войска генерала Валенсии у городка Чурубуско, после чего американское правительство посчитало возможным начать мирные переговоры.

К моменту боя у Чурубуско взаимодействие генерала Санта-Анны и эмиссаров президента Полка проходило в рабочем режиме на постоянной основе. Мексиканский президент лично разрабатывал условия мира, которые, по его мнению, американцам было бы выгодно навязать его стране. Кроме того, Санта-Анна не стремился как можно скорее закончить войну, настаивая на дальнейшем продвижении войск Скотта к столице. Это помогло бы запугать мексиканцев и еще больше упрочить власть президента.

Но условия, выдвинутые Вашингтоном после поражения генерала Валенсии, по-видимому, поразили даже Санта-Анну. Одни только территориальные уступки предусматривали отторжение более 60 % мексиканской территории. Мир не состоялся, и Скотт продолжил победоносный марш. Самым драматичным его эпизодом стало сражение за старый замок Чапультепек. Номинально его гарнизон насчитывал несколько тысяч человек, которые могли бы более или менее успешно противостоять американцам, однако в реальности

большинство мексиканских подразделений поспешно покинули позиции, оставив лицом к лицу с американцами несколько сотен кадетов местной академии, верных своему долгу. Несмотря на то что большая часть из них даже не вышла из детского возраста, они оказали настолько яростное сопротивление, что на подступах к замку полегло более девятисот солдат и офицеров Скотта. Когда же американцы наконец ворвались в Чапультепек, шесть кадетов, не желавших сдаваться противнику, спрыгнули с крепостных стен.

В то время, пока дети отчаянно пытались защитить честь народа, генерал Санта-Анна готовил отход своей армии, которая к тому моменту уже превосходила силы Скотта и вполне могла рассчитывать на успех. Тем не менее вместо сражений с американцами эти силы спешно покинули Мехико, куда 14 сентября 1847 г. триумфально вошел Скотт во главе своей армии, поредевшей не столько из-за боевых потерь, сколько вследствие вспышек холеры и желтой лихорадки. Ограбив горожан на значительную сумму под видом контрибуции, Скотт смог, наконец, бросить основные силы на борьбу с партизанами.

В октябре того же года Санта-Анна потерпел еще одно поражение, после чего счел свою миссию выполненной. Генерал без сожалений сложил полномочия, которые перешли к партии «умеренных», выступавших за мир с США. Любопытно, что после всех странных поражений и маневров Санта-Анны в Мексике его продолжали считать «ястребом», готовым сражаться до победы.

2 февраля 1848 г. в городке Гвадалупе-Идальго делегации США и Мексики подписали мирный договор. По его условиям мексиканцы теряли более половины своей территории – сегодня на этих землях находятся семь американских штатов. Слабым утешением служило то, что Вашингтон согласился выплатить Мексике 15 млн долларов, а также оплатил мексиканским гражданам ущерб, нанесенный действиями американцев[5].

Таким образом, кампания против Мексики развивалась быстротечно: вся война длилась двадцать один месяц, что по меркам Америки первой половины XIX столетия было почти блицкригом. Из стотысячной американской армии в битвах пало немногим более 1,7 тыс. солдат, остальные 13 тыс. умерли от эпидемий. «Славные победы» американской армии, именуемые в учебниках громким словом «битва» – у Монтерея, Буэно-Виста, Чурубуско, Чапультепека, – являлись довольно мелкими стычками, которые по европейским меркам вообще не заслуживали внимания.

---

[5] Генерал де Санта-Анна спокойно отправился в очередное изгнание, на Ямайку, где вернулся к своим любимым увлечениям – петушиным боям и коллекционированию раритетов, связанных с Наполеоном (себя он именовал «Наполеоном Запада»). В 1853 г. его вновь призвали в Мехико. Генерал, по старой памяти провозгласив себя диктатором, по удобной цене продал американцам еще 77 тыс. кв. километров вдоль границы. После этого он жил на Кубе и в США, проводя время между петушиными боями, коммерцией и сбором средств для новой армии, которая бы помогла ему вернуться в Мексику. В конечном итоге он действительно вернулся на родину, однако уже как частное лицо. На празднования по поводу тридцатилетней годовщины событий войны он не был приглашен и в 1876 г. незаметно ушел из жизни в Мехико.

Впрочем, это трудно понять по рисункам и литографиям, которые тиражировались многими тысячами экземпляров и распространялись среди американцев, в глазах которых эти бои ничуть не уступали Аустерлицу или Ватерлоо. Триумфальное вступление генерала Уинфилда Скотта в Мехико-сити в сентябре 1846 г. преподносилось как одно из величайших событий американской истории. Так работала пропагандистская машина Вашингтона, которая играла на зарождавшемся национальном самосознании во имя оправдания завоевательной кампании, выгодной немногим. В результате из исторической памяти американцев исчез тот факт, что война с Мексикой была развязана без всякого повода, в буквальном смысле росчерком пера президента США.

Главное значение американо-мексиканской войны заключается в том, что она явилась прологом к центральному событию военной истории США – Гражданской войне 1861–1865 гг. Тот факт, что завоевание огромных территорий приведет к возникновению труднопреодолимого разлома между северными и южными штатами, в конце 1840-х гг. осознавали лишь немногие. Великий интеллектуал Ральф Уолдо Эмерсон уподоблял мексиканские земли мышьяку, который отравит проглотившую его Америку. Еще более резко выражался Томас Корвин – известный политик, который в то время был сенатором от Огайо. В своей блестящей речи о войне с Мексикой, адресованной президенту Полку, он говорил: «Вы можете отторгнуть провинции Мексики путем войны, вы можете удерживать их правом сильного, вы можете ограбить ее, но мирного договора в подтверждение этого от народа Мексики, договора легитимного и подписанного по своей воле, вы никогда не получите! И я благодарю Бога за то, что Он устроил так – для блага мексиканского народа, а равно и нашего собственного, ибо [в отличие от других американских политиков] я не ценю жизни граждан Соединенных Штатов превыше жизней сотен тысяч мексиканских женщин и детей – по моему мнению, это довольно мерзкий вид филантропии…»[6].

В своей речи, которая сегодня незаслуженно забыта, Корвин сравнивал американских лидеров с Наполеоном, который провозгласил себя посланцем свободы, развязав под предлогом освобождения угнетенных череду кровопролитных войн. Сегодня, как утверждал сенатор, сами США уподобляются имперской Франции и пытаются силой оружия отнимать территории, насаждая собственные порядки. Дальновидный политик предупреждал, что если позволить этой привычке укорениться в американском государстве, то Соединенные Штаты погибнут. Эти слова остаются актуальными и по сей день. Однако в те дни, когда Томас Корвин произнес их, всеобщее ликование по поводу великой победы над южным соседом затмевало доводы разума. Отрезвление пришло лишь тринадцать лет спустя, когда разразилась самая кровопролитная в американской истории война – гражданская.

---

[6] *Graebner N.* Thomas Corwin and the Election of 1848: A Study in Conservative Politics. 1951.

Иллюстрации к главе 8

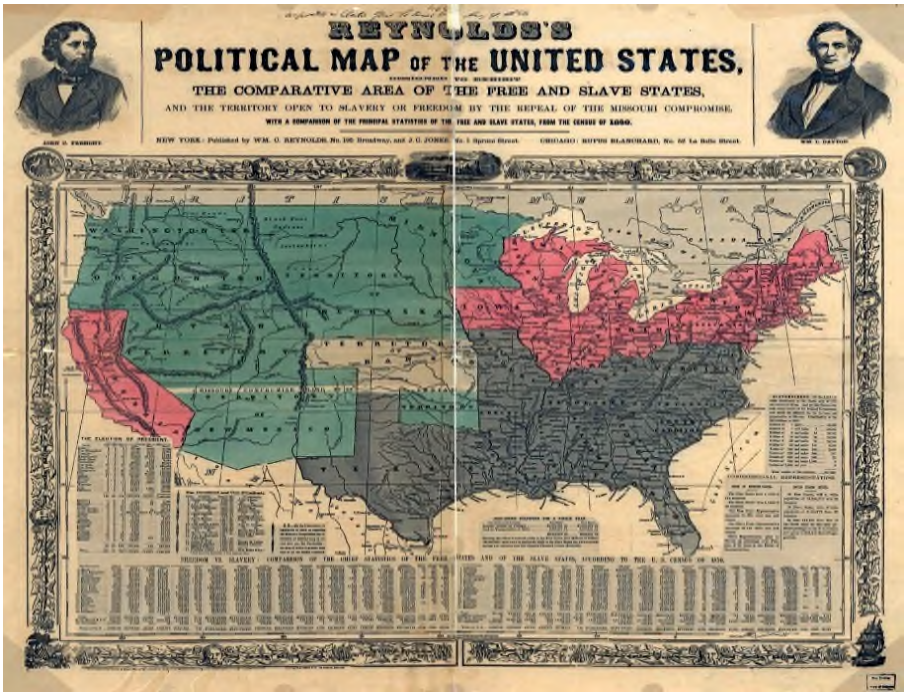
Раскрашенные гравюры демонстрируют образцы американской пропаганды начального периода войны с Англией. Гравюра слева называется «Сценка из пограничной жизни, согласно обыкновениям человечных британцев и их достойных союзников». Индейцы преподносят английскому королю Георгу III скальпы, снятые с убитых американских офицеров, в уста монарху вложены слова: «Приноси мне скальпы, и твой владыка король Георг вознаградит тебя» – надпись на ружье, висящем за спиной индейца, поясняет, что оно и послужило наградой, и именно из этого ружья убиты несчастные американцы. Гравюра справа озаглавлена «Боксерский поединок, или Еще один разбитый нос Джона Булла» (Джон Булл – традиционное олицетворение Британии), на ней президент Мэдисон без лишних усилий справляется с английским королем.

Воспроизведенные здесь акварели изображают сожженный Белый дом (слева) и Капитолий (справа), первая из картин сегодня украшает одну из галерей здания, которое она изображает.

Оккупация Мехико американской армией.

Сожжение Белого дома англичанами.

Вождь Пушматаха (его имя, по разным версиям, означает «посланец смерти» или «удостоенный всех почестей своего рода») был искренним патриотом индейского народа, который, осознавая неизбежность дальнейшего истребления коренных американцев, пытался избежать или, по крайней мере, отстрочить подобное развитие событий, идя на сотрудничество с американским правительством. После войны 1812–1815 гг. индейский лидер пытался отстаивать права соплеменников, идя на постепенные и достаточно разумные уступки Вашингтону. В конечном итоге, он выехал в столицу для проведения очередных переговоров, где и нашел свою смерть – как утверждается, от респираторного заболевания. За день до смерти его посетил президент Эндрю Джексон, до этого прославившийся, в частности, уничтожением семинолов (из числа «цивилизованных племен»), а также разгромом Текумсе – противника Пушматахи в период англо-американской войны. Умирающий вождь выразил президенту свое удовлетворение тем, что ему довелось окончить жизнь в американской столице. Покойный вождь был удостоен невероятной для коренного американца чести – единственным из индейских лидеров он был погребен на кладбище Конгресса с почестями, полагавшимися ему как бригадному генералу американской армии. Когда семь лет спустя благодарный Эндрю Джексон решил изгнать «цивилизованные племена» в пустынную местность, попутно уничтожив значительную их часть, чокто – родное племя Пушматахи – первыми отправились по печальной известной «Дороге слез».



«Миссурийский компромисс», карта 1856 года.

Генерал Тэйлор на войне с Мексикой.

Великобритания признала Орегон американским владением в 1846 году

Французская Луизиана куплена у Наполеона в 1803 году

Территория США в 1783 году

По итогам американо-мексиканской войны 1846-1848 годов США отторгли от Мексики более половины ее территории

Техас объявил о своей независимости и выходе из состава Мексики в 1835 году, вошел в состав США в 1845 году

Приобретение у Испании Флориды в 1819 году (договор Адамса-Ониса)

Территориальная экспансия США.

Глава 9

«Суд Божий» над Америкой: Гражданская война

Гражданская война 1861–1865 годов оставила неизгладимый след в американской истории, не только военной, но и политической, экономической, демографической, культурной и духовной. Без изучения ее событий невозможно понять мышление американцев.

Жители Севера испытали на себе преимущественно финансовое бремя войны и лишь отчасти последствия призыва: в многолюдных северных штатах он был достаточно ограничен и, кроме того, предусматривал возможность выставить замену или откупиться законным способом. Однако южане на собственном опыте пережили страшный опыт войны на своей территории. До сих пор в памяти жителей Джорджии и соседних штатов живы истории о страшном марше к морю армии генерала Шермана, сжигавшей все на своем пути, – это было одно из первых применений в современной истории «тактики выжженной земли». Для многих жителей США эта война до сих пор является центральным событием в американской истории, память о которой хранят с не меньшим почтением, чем память о Великой Отечественной войне в России.

Гражданская война остается самым кровавым из всех вооруженных конфликтов, в которых когда-либо участвовали Соединенные Штаты. Даже Вторая мировая война, несмотря на свои масштабы, стоила Америке меньшего числа жизней. Если учесть при этом, что численность населения страны на момент начала этих войн различается более чем четырехкратно, становится понятен масштаб опустошения. Хотя в литературе обычно встречаются оценки человеческих потерь с 1861 по 1865 год на уровне 500–550 тыс. человек, по некоторым достаточно достоверным подсчетам, которые корректируют неточную демографическую статистику тех лет, совокупные американские потери (включая боевые потери и гибель гражданского населения) составляют до 750 тыс. человек, или около 2,3 % довоенного населения. Это сопоставимо с германскими или французскими потерями в Первой мировой войне.

Гражданская война во многом подвела черту под длительным процессом становления американской государственности. На протяжении первого столетия истории США американцы слабо идентифицировали себя как граждане единого государства. Для большинства из них понятие отечества ограничивалось пределами собственного штата. Когда американского путешественника за рубежом спрашивали о его национальной принадлежности, он в первую очередь представлялся как вирджинец, мэрилендец или техасец. Лишь во времена Гражданской войны американцы впервые в полном смысле почувствовали себя единым народом. На полях сражений уроженцы разных штатов проливали кровь сообща, во имя общего дела, хотя и понимаемого каждым

по-своему. Несмотря на то что каждый полк американский армии в 1861–1865 годах шел в бой под двумя знаменами – США и своим собственным, обычно отражавшим символику родного штата, – на поле боя полки одних штатов приходили на помощь другим и стояли плечом к плечу под жестоким огнем противника. Кроме того, не стоит забывать, что события 1861–1865 гг. перемешали жителей разных штатов и чисто физически, вызвав перемещения миллионов солдат, пленных, беженцев, переселенцев, многие из которых потеряли свою малую родину.

Однако процесс «переплавки» в единую нацию имеет и другую сторону, значительно менее импонирующую официальным историкам, – недоверие к федеральному правительству. Для жителей южных штатов ненависть к Вашингтону была аргументом, который заставлял их браться за оружие. В их понимании президент Линкольн и его правительство были сборищем тиранов, которые силой оружия намеревались раз и навсегда уничтожить демократический строй южных штатов. До сих пор есть диссиденты, которые не признают легитимность властей США, считая их оккупационным режимом.

Однако и у жителей Севера было мало оснований восторженно поддерживать решения федерального правительства. Интересы, за которые американские солдаты проливали кровь на полях сражений, мало волновали граждан. Им было непонятно, почему казавшиеся ошибочными решения Линкольна должны были оплачиваться жизнями американцев.

Едва заняв президентское кресло, Авраам Линкольн осознал, что страна находится на грани раскола. Промышленный Север не желал мириться с сохранением экономически сильного (хотя и с однобоким, плантационным хозяйством) и независимого Юга, который, в свою очередь, не хотел становиться поставщиком дешевых ресурсов. Южные штаты набирали и политическую силу, что окончательно вывело из себя промышленников и финансистов, отчаянно пытавшихся воздействовать на правительство в целях подавления «зреющего мятежа». Наиболее популярным был план как можно скорее собрать многочисленную армию, а затем раз и навсегда расправиться с неугодными штатами.

Южная элита понимала, что Линкольн является удобной фигурой, за которой стоят мощные финансово-промышленные группировки, заинтересованные в развитии событий по наихудшему сценарию. Стремясь упредить неизбежное, южане решили покинуть состав Союза, то есть Соединенных Штатов. 20 декабря 1860 г. такое решение приняло законодательное собрание Южной Каролины, за ней последовали Миссисипи, Флорида, Алабама, Луизиана, Джорджия и Техас, которые провозгласили новое государство – Конфедеративные Штаты Америки (КША). Несколько позже к Конфедерации присоединились Арканзас, Северная Каролина и Вирджиния.

Выход из состава федерации явился фактически результатом демократического волеизъявления. Сам процесс проходил мирно. Южане позволили

лояльным Вашингтону солдатам и офицерам, расквартированным в отколовшихся штатах, отправиться на север.

Вашингтонская «партия войны» с радостью ухватилась за прекрасный повод начать конфликт. Тем более что пока Линкольна склоняли к решительным действиям, южане сделали первые выстрелы: 12 апреля 1861 г. их береговая артиллерия начала обстреливать небольшой форт Самтер в гавани Чарльстона (Южная Каролина). После длительной бомбардировки форт сдался, а гарнизону позволили беспрепятственно эвакуироваться на север. В этом первом сражении самой кровавой войны в американской истории погиб лишь один солдат, который был убит, когда разорвалась пушка, салютовавшая спускаемому американскому флагу.

Формально с точки зрения права конфедераты не совершили ничего противозаконного: американские войска для КША являлись иностранными вооруженными формированиями, которые подлежали выдворению с их территории. К тому же форт Самтер контролировал вход в стратегически важный морской порт. Поэтому когда гарнизон форта отказался эвакуироваться добровольно, заговорила артиллерия.

Линкольн наконец начал действовать. Прежде всего требовалась многочисленная армия, и президент объявил о наборе 75 тыс. волонтеров. Контракт подписывался всего на три месяца, так как именно за этот срок Вашингтон рассчитывал уничтожить Конфедерацию.

Одновременно Линкольн озаботился проблемами стратегии. План ведения разгоравшейся войны ему предложил Уинфилд Скотт – тот самый, кто привел американцев к Мехико. Этот план стал известен как «Анаконда». Генерал рассчитывал окружить Конфедерацию на суше и заблокировать флотом ее побережье, атаковать и захватить стратегически важные с точки зрения экономики пункты, после чего южане задохнутся без ресурсов. Однако вашингтонская клика и поддержавшая ее общественность этот план отвергли, насмехаясь над генералом, казавшимся большинству слабоумным стариком, ведь его стратегия предусматривала месяцы, если не годы ведения войны. Вместо того чтобы последовать совету опытного военачальника, Вашингтон решил закончить войну одним ударом, послав армию на Ричмонд – этот вирджинский город к тому времени был объявлен столицей Конфедерации.

Решение оказалось неразумным и популистским. Взятие Ричмонда никак бы не смогло сокрушить противника. Это был небольшой город, который не имел стратегического значения. Однако общественность требовала как можно скорее расправиться с «гидрой мятежа». Вероятно, президент Линкольн принял судьбоносное политическое решение после чтения газет, которые пестрели заголовками «Вперед на Ричмонд».

В целом Линкольн, которого современные историки славят как искусного стратега, на начальном этапе войны демонстрировал примитивные взгляды на ведение боевых действий. В его понимании у каждой из сторон ключевой

задачей был захват столицы противника. В то же время подрыв экономического потенциала Конфедерации президент фактически оставил без внимания. Итогом его популистской стратегии явилось то, что четыре года войны федеральная армия перемещалась на пространстве между Вашингтоном и столицей Конфедерации, пытаясь сокрушить армию южан и преодолеть заветные 170 километров до столицы противника[1].

Летом 1861 г. это казалось простой задачей. 75 тыс. «трехмесячных солдат» были набраны с невероятной быстротой. Американцев привлекали хорошее вознаграждение, красивая форма и новые впечатления. Однако огромное количество волонтеров обеспечили не только деньги и синие мундиры привлекательного покроя. Еще задолго до начала войны велась информационно-идеологическая работа с рядовыми гражданами северных штатов. Основной акцент делался на рабстве.

В любом американском школьном учебнике истории можно прочитать, что основной причиной начала Гражданской войны было желание северян освободить рабов из-под гнета южных рабовладельцев. Газеты тиражировали шокирующие истории о жестоких рабовладельцах, которые истязают и насилуют невольников, поодиночке распродают семьи и за малейшую провинность до смерти забивают африканцев. Раздувались истории о фантастической коррупции и имущественном расслоении в южном обществе. Огромный вклад в создание нужных настроений внесли литераторы, такие как Гарриет Бичер-Стоу. Ее книга «Хижина дяди Тома» (1852), в которой южные плантаторы предстают настоящими чудовищами, пользовалась огромной популярностью среди жителей Севера, несмотря на посредственное литературное качество. Однако мало кто из читателей знал, что автор «Хижины дяди Тома» ни разу не видела своими глазами рабовладельческие плантации и написала ее на основе газетных заметок и историй из вторых и третьих уст.

Журналисты, писатели, священнослужители рассказывали северянам об ужасах рабства и о миссии американского народа – скинуть оковы с угнетенных. Грядущая война приобретала едва ли не религиозный характер. Одним из ее символов стала песня «Тело Джона Брауна», воспевавшая лидера восстания 1856–1858 гг. в Канзасе, который боролся с рабством, убивая всех, кого он подозревал в симпатии к рабовладельческому строю. В конечном итоге армия разгромила его сопротивление, а сам Браун, которого южане считали маньяком, был повешен. Однако на Севере он стал героем-мучеником, перед которым меркли заслуги святых прежних столетий. «Джон Браун лежит в сырой могиле, но дух его шествует по земле, – пелось в песне. – Он ушел, чтобы стать солдатом в армии Господа»[2].

Уже после начала Гражданской войны на мотив «Тела Джона Брауна» возникла еще более популярная песня – «Боевой гимн Республики». В ней армию

---

[1] См.: *McPherson J.* Battle Cry for Freedom. A Civil War Era. 2003.

[2] PBS. History of John Brown's Body.

освободителей вел уже сам Иисус Христос, который заносил свой «ужасный быстрый меч» над головами противников. «Если Он умер за то, чтобы сделать людей святыми, – пелось в "Боевом гимне", – давай же умрем за то, чтобы сделать их свободными». Припев гласил: «Слава, слава, аллилуйя! Наш Господь шествует вперед».

Между тем в самих южных штатах противников рабства становилось все больше. Многие лидеры Конфедерации, включая легендарного главнокомандующего Роберта Ли, ненавидели этот институт, вынашивали планы его ликвидации и нередко отпускали своих рабов на волю. В то же время в армии северян можно было встретить генералов, владевших рабами. Что же касается мифа о том, что армия южан была «рабовладельческой», то он не выдерживает никакой критики. Конфедераты шутили, что у большинства из них есть лишь по два раба – левая и правая руки.

Однако для федерального правительства вопрос рабства все-таки стоял на втором месте. В одном из интервью в 1862 г. Авраам Линкольн заметил: «Моей высшей целью в этой борьбе является сохранение союза, не сохранение или уничтожение рабства. Если бы я смог спасти союз, не освободив ни одного раба, я бы сделал это, и если бы я мог спасти его, освободив всех рабов, я бы сделал это, и если бы мог спасти его, освободив одних рабов, а других не освободив, я бы сделал это. Что я предпринимаю в вопросе рабства и для цветной расы, я делаю потому, что верю, это поможет сохранить союз»[3].

В середине июня 1861 г. 30-тысячная армия северян выступила на Ричмонд под командованием Ирвинга Мак-Дауэлла – посредственного военного, спешно произведенного из майоров в бригадные генералы по протекции влиятельных друзей в Вашингтоне. Он осознавал, насколько безнадежное задание ему поручено, с горечью наблюдая, как вверенная ему армия разваливается прямо на марше, а солдаты разбредаются вдоль дороги для сбора ягод. За армией из Вашингтона спешили экипажи с представителями высшего света и множество журналистов. Всем им не терпелось увидеть, как доблестная армия расправится с мятежниками.

Нужно отдать должное Мак-Дауэллу: не будучи выдающимся полководцем, он приложил много усилий, чтобы убедить правительство дать ему время хотя бы обучить солдат слаженно двигаться в боевом порядке и правильно вести огонь. Однако Линкольн не дал отсрочки, так как на него давили «ястребы», общество и, самое главное, трехмесячные контракты уже истекали. Даже опытный Скотт не стал возражать.

21 июля состоялось сражение у ручья Булл-Ран. Федеральная армия потерпела сокрушительное поражение, не выдержав даже минимальных потерь, и в беспорядочном бегстве устремилась обратно к Вашингтону, сминая на своем пути многочисленных свидетелей неудавшегося триумфа. Вскоре сам Линкольн мог наблюдать, как все столичные трактиры заполонили беглецы из

[3] Интервью газете «Нью-Йорк Трибюн», 1862.

«трехмесячной армии», сеявшие панику и смятение. Теперь уже в самом Вашингтоне с тревогой ожидали мятежников. Военный министр Эдвин Стэнтон (1814–1869) писал: «Захват Вашингтона выглядит неизбежным <…> поражение, бегство и деморализация кажутся полными»[4]. Впрочем, конфедераты даже при желании не могли решиться на штурм хорошо защищенной фортами федеральной столицы. Они и сами были недостаточно подготовлены и организованы для решительных действий.

Потери в первой крупной стычке кажутся достаточно незначительными для сражения такого масштаба – 460 убитых у северян (а также около 1300 пленных) и 387 убитых у южан. Однако для скромной военной истории американского государства это была кровопролитная битва, которая вскоре померкла на фоне новых сражений.

Военному руководству в Вашингтоне стало ясно, что нужно готовиться к долгой войне, для чего требовалась соответствующая армия. Этой задачей занялся Джордж Мак-Клеллан. На протяжении десятилетий историки спорят о качествах Мак-Клеллана как военачальника, упрекая его в излишней осторожности и нерешительности на поле боя, вследствие чего он так и не смог прославить себя решительной победой. Однако бесспорно, что он был в высшей степени талантливым организатором, который преподнес Линкольну лучшую армию из всех, какие можно было ожидать в непростых условиях второй половины 1861 г.

В начавшейся войне американцы в очередной раз с радостью ухватились за миф о героях-волонтерах, которые одержат победу одним энтузиазмом. Формированием войск занимались на уровне штатов. Формально руководить этим должны были губернаторы, но они с радостью перекладывали эту обязанность на друзей, родственников и просто авантюристов, которые имели определенные связи, средства и ораторские навыки. В результате армию создавали в основном политики, коммерсанты или просто лица с неудовлетворенными амбициями, которые набирали в свои полки кого угодно, а сами с готовностью получали от губернаторов звания вплоть до полковника и всю полноту власти командиров.

Новые полковники назначали своих офицеров. Часть офицеров солдаты избирали сами. Если учесть, что довоенная армия США насчитывала около 13 тыс. человек, то становится очевидным, что кадровых офицеров катастрофически не хватало. Те из них, кто смог обратить на себя внимание власти и сформировать собственные части, быстро становились из майоров, капитанов и лейтенантов генералами. Другие же слишком пугали своим опытом и компетентностью, вследствие чего провели всю войну в невысоких званиях.

Огромную популярность военный мундир приобрел среди вашингтонских политиков. Генералами становились сенаторы, конгрессмены, редакторы газет, представители бизнеса и просто знаменитости. Раздача генеральских

[4] *Маль К.М.* Гражданская война в США 1861–1865. — М.: АСТ; Минск: Харвест, 2002.

эполетов была для Линкольна дешевым способом заручиться лояльностью тех или иных политических сил. Дороже эта практика обходилась солдатам, которые тысячами гибли вследствие некомпетентности и коррумпированности новоявленных генералов. Большинство из них имели смутные представления даже об основах военного дела. Разумеется, никто из «генералов-политиканов», как их называли в армии, не пользовался авторитетом среди подчиненных. Высокие чины получали и дети влиятельных граждан. В рядах федеральных войск было немало 20-летних полковников и 25-летних генералов.

Качество рядового состава также далеко не всегда было на высоте. После начала призыва волонтеров в армию хлынуло огромное количество мошенников – «премиальных прыгунов». Получив премию за поступление на службу, они дезертировали и направлялись к новому пункту вербовки. Многие проделывали это по нескольку десятков раз.

Значительную часть новобранцев составляли подростки, которые записывались в армию в поисках романтики, зачастую сбегая из дома. Нужно сказать, что недостатка в театральных эффектах в новой армии не было: стремясь завлечь как можно больше любопытных, творцы новых рот и полков наперебой заказывали новую яркую форму и придумывали самые невероятные названия, подобно «Превосходной бригаде» или сформированному из нью-йоркских пожарных полку «Огненных зуавов», разбежавшемуся при Булл-Ране.

Наконец, огромную роль в формировании новой армии сыграли наиболее обездоленные слои общества, для которых набор в войска представлял собой единственную возможность избежать голода и нищеты. В ряды новобранцев попадало много эмигрантов, которые приехали в США в поисках лучшей жизни и, не найдя ее, были вынуждены записаться в армию. Ирландцы, которых на Севере считали людьми второго сорта и притесняли всеми возможными способами, стали лучшими солдатами федеральной армии во многом потому, что кроме денежных мотивов они руководствовались идейными соображениями. Бежав из Ирландии, находившейся под властью англичан, они хотели воевать за свободу. Впрочем, по тем же причинам другие ирландцы шли и в армию Конфедерации.

Южное общество, которое северные газеты и книги изображали как аморальное и развращенное, продемонстрировало значительно больше патриотизма и национального единства. Там сразу серьезно подошли к вопросу формирования армии, хотя сперва также вербовались волонтеры. Приток добровольцев оказался таким, что вербовка фактически стала массовым призывом. Оставаться в стороне было затруднительно хотя бы потому, что южанки развернули целую кампанию, клеймя позором тех, кто не пожелал поступить на службу. Для патриархального южного общества это был очень сильный довод.

Влиятельные и богатые уроженцы того или иного штата, как правило, брали на себя руководящую роль при вербовке, однако большинство из них отказывалось от высоких постов в армии, ссылаясь на свою некомпетентность в

военном деле. В то же время немало аристократов и их детей служили в качестве рядовых солдат и воевали плечом к плечу с теми, кто работал на их ферме батраками и чернорабочими.

Таким образом, «аморальное общество рабовладельцев» продемонстрировало большую приверженность демократическим принципам, чем «свободные» северные штаты. Хотя по-иному вряд ли удалось бы набрать серьезную армию. В отличие от 22-миллионного севера на юге проживало лишь 9 миллионов человек, причем около трети составляли рабы. Многие невольники добровольно отправлялись в армию вслед за хозяевами, не только выполняя функции денщиков, но и зачастую сражаясь вместе с ними и демонстрируя настоящие чудеса самопожертвования.

Мак-Клеллан смог в достаточно короткое время из массы пестрых полков, навербованных разного рода «предпринимателями», создать более или менее боеспособную и организованную армию численностью около 100 тыс. человек. Он придал войскам известное единообразие, обучил их выполнять сложные маневры, а также заменил многих некомпетентных офицеров и генералов. Чего не смог сделать генерал, так это организовать эффективную штабную службу. Но это было едва ли решаемой задачей, поскольку американские военные не имели опыта управления многотысячными армиями.

Еще одним недостатком, который был в равной степени присущ обеим сторонам, являлось устаревшее тактическое мышление. Несмотря на качественное образование в Вест-Пойнте, основой преподавания военного искусства оставались наполеоновские войны с их культом плотных и глубоких построений, призванных подвести бой к кульминации в виде решительной, нередко штыковой атаки. И хотя к 1861 г. не было изобретено пулеметов, а многозарядные винтовки оставались дорогими и сложными в производстве, ряд инноваций, таких как пуля Минье, позволявшая кратно ускорить процесс заряжания с дула нарезного оружия, резко усилил огневую мощь пехоты, дав обороняющимся огромное преимущество. В этих условиях слепое потакание наполеоновской тактике могло привести лишь к колоссальным потерям.

На первых порах указанные недостатки компенсировались небывало высоким духом федеральных войск. Во многом это стало возможным благодаря самой фигуре Мак-Клеллана, перед которым солдаты испытывали едва ли не священный трепет. Его назначение на пост главнокомандующего вызвало всенародное ликование. Параллельно генерал командовал главной военной силой США – Потомакской армией, названной в честь реки, на которой стоит Вашингтон. Именно она должна была взять Ричмонд.

Однако на поле боя Мак-Клеллан проявил себя не столь блестяще. Как и многие из американских профессиональных военных той эпохи, он разрабатывал превосходные планы, но осуществить их был не в силах. Его главным недостатком была запредельная переоценка сил противника, чему способствовала разведка северян. Ее возглавил не военный, а частный детектив Алан

Пинкертон – бывший бочар, который незадолго до этого якобы спас Линкольна от покушения. Пинкертон сослужил плохую службу Потомакской армии, постоянно преувеличивая численность войск противника в полтора-два раза.

Во главе армии Конфедерации, действовавшей против Потомакской армии, стоял талантливый военачальник Роберт Эдвард Ли. Незадолго до начала войны тогда еще полковника Ли вызывали в Вашингтон, предлагая именно ему возглавить 75-тысячную армию Линкольна. Будучи истинным патриотом своего родного штата Вирджинии, полковник отказал президенту, который через считанные дни станет в его глазах главой иностранного государства-агрессора. Роберту Ли суждено было стать величайшим полководцем Гражданской войны и настоящим кумиром Конфедерации и ее солдат.

Президент Линкольн, чей военный опыт ограничивался номинальным участием в милиции штата Иллинойс, считал себя стратегом, имевшим право вмешиваться в непосредственное руководство армией. В отличие от него президент КША Джефферсон Дэвис сознательно дистанцировался от непосредственного руководства вооруженными силами, несмотря на то, что Дэвис был кадровым военным, который четыре года занимал пост военного министра США (вспомним его роль в Мексиканской войне). Вместо грубого вмешательства в дела армии он предпочел назначить лидера, который мог повести за собой солдат. Такой фигурой и стал Роберт Ли. Этот генерал, получивший в начале войны пост командующего Вирджинской армией, верно служил Конфедерации до последнего выстрела. В это же время Линкольн лихорадочно менял командующих, внимательно следя не столько за их военными успехами, сколько за политическими амбициями. Президент не раз высказывал опасение, что удачливый генерал легко сможет стать диктатором[5].

Дэвис же нашел в себе силы довериться одному командующему, дав ему свободу подбирать для себя тех генералов, которые действительно представляли ценность. В подчинении у Ли находилась целая плеяда блестящих военачальников, стоявших на голову выше противников с Севера. Этот подход дал свои плоды – победы не заставили себя ждать.

Часть армии северян, переправленная Мак-Клелланом морем, высадилась в непосредственной близости у Ричмонда. В течение нескольких дней столица Конфедерации была в опасности, однако генералу Ли удалось в серии боев, известных как Семидневная битва (25 июня – 1 июля 1862), остановить федеральные войска и заставить их погрузиться обратно на суда.

Одновременно к Ричмонду двинулась еще одна федеральная армия во главе с Джоном Поупом. Если Мак-Клеллана лишь удалось остановить, то Поупа генерал Ли смог полностью разбить, причем это произошло у того же ручья Булл-Ран (28–30 августа 1862).

Эта кампания демонстрирует огромный недостаток военного руководства США – неумение скоординировать действия и нанести согласованные по вре-

[5] Lincoln as Commander in Chief. Smithsonian, 2009.

мени и месту удары. В то время как Ли даже в самом благоприятном варианте мог стянуть к месту битвы не более 100 тыс. (а фактически около 75 тыс.) человек, то северяне могли с легкостью сосредоточить против него армию в 150–200 тыс. солдат. Однако Линкольн не мог противиться нажиму многочисленных политических партнеров, которые предлагали конкурирующие планы действий и генералов на ключевые командные посты, вследствие чего президент предпочитал «диверсифицировать риск», поручая различным генералам разные задания. В результате Ли и другие командующие-конфедераты, не имея даже возможности собрать сопоставимые по численности силы, могли бить противников поодиночке.

Вскоре после второго Булл-Рана Роберт Ли решил сам нанести удар и вторгнуться в Мэриленд, в сердце которого находятся федеральный округ Колумбия и Вашингтон. Однако одну из копий его приказа № 191, содержащего детали плана, потерял штабной офицер. Таким образом, Мак-Клеллану стал известен замысел противника. Противоборствующие армии встретились у небольшого города Шарпсберг в Мэриленде. Но федеральная армия действовала нерешительно и хаотично, не добившись большого успеха. Эта битва, более известная как сражение на Энтитеме, по названию протекавшего рядом ручья, стала самым кровопролитным днем в американской истории. Федеральная армия потеряла более 2 тыс. человек, конфедераты – более 1,5 тыс.

Несмотря на потери, Север торжествовал. Мак-Клеллану удалось остановить «вторжение» южан. В реальности это было явное поражение, поскольку федеральные силы упустили блестящую возможность наголову разбить противника. Понимал это и Линкольн, который 5 ноября освободил генерала от руководства Потомакской армией. Еще ранее Мак-Клеллан был лишен поста главнокомандующего, так как президент начал осознавать невозможность совместить в одной фигуре сразу несколько ключевых военных ролей.

Если самые громкие события Гражданской войны происходили на востоке, то судьба всего конфликта решалась на западе, где текла Миссисипи – ключевая транспортная артерия США, находившаяся под контролем Конфедерации. Река разреза́ла территорию надвое и могла бы стать для северян идеальной дорогой в сердце территорий противника. Подобный образ действий вполне укладывался в логику «Анаконды». Первым шагом на пути к осуществлению этого замысла стало взятие северянами в конце 1861 г. Нового Орлеана, что позволило заблокировать Миссисипи в ее устье. Однако основное течение реки защищала сеть мощных фортов и крепостей, без уничтожения которых невозможно было выиграть войну. За решение этой задачи взялся генерал Улисс Грант[6], который не только смог захватить ряд стратегически

[6] Грант часто считается вторым после Линкольна героем Гражданской войны (со стороны Союза). Однако его довоенную карьеру вряд ли можно назвать выдающейся. Участник войны с Мексикой, вышедший в отставку в капитанском чине, он успел поторговать конской упряжью, разориться и к началу войны медленно спивался. Приняв деятельное участие в формировании

важных укреплений конфедератов, но и выиграл весной 1862 г. крупное сражении при Шайло (фактически впервые с начала войны конфедератов удалось разгромить в поле).

Пока на западе восходила звезда Гранта, на восточном театре Вашингтон продолжал менять командующих Потомакской армией, которые терпели всё новые поражения. В декабре 1862 г. под началом Эмброуза Бернсайда армия была втянута в бессмысленное, кровавое и заведомо безнадежное сражение при Фредериксберге[7], после которого боевой дух северян упал до низшей точки (более 40 тыс. солдат и офицеров числились в «незаконных отпусках», то есть дезертировали). В такой тяжелой обстановке близился к завершению третий год президентского срока Линкольна, который успел убедиться в своей беспомощности в качестве верховного главнокомандующего. Впервые с начала войны на Севере обозначились трудности с набором волонтеров. Кроме того, осложнилась международная ситуация: появились признаки того, что Лондон начинает склоняться в пользу Конфедерации, с которой его связывали тесные торговые отношения.

Генерал Дж. Хукер, сменивший Бернсайда в начале 1863 г. и отличившийся в предыдущих операциях, также не смог переломить ситуацию в пользу Вашингтона. Он потерпел неудачу в местности под названием Глушь (так называется густо поросшая лесом, труднопроходимая территория на севере штата Вирджиния). Длившееся с 30 апреля по 5 мая сражение в Глуши (известно также как битва у Чанселорсвилля) стало подлинным триумфом Роберта Ли. Уступая противнику более чем в два раза, командующий Вирджинской армией, вопреки любым разумным соображениям, не только отказался от обороны, но и разделил армию, нанеся удары с разных направлений.

Эта блестящая победа возродила планы по вторжению на территорию северных штатов. Материальные и человеческие ресурсы Конфедерации были

войск в родном для Линкольна штате Иллинойс (он набрал более двух десятков полков), Грант получил генеральское звание и отправился со своими солдатами на запад, где взял штурмом несколько укрепленных пунктов конфедератов и смог привлечь к себе внимание президента.

[7] Несмотря на численное превосходство, федеральным солдатам не удалось даже дойти до первой линии обороны южан. Вскоре поле боя было усеяно таким количеством убитых и раненых, что новым федеральным частям, выдвигавшимся в атаку, было трудно идти вперед, сохраняя строй. Большинство из убитых северян не успевали сделать ни единого выстрела. Исключительную храбрость показала Ирландская бригада генерала Мигера. Ирландцы, которых «настоящие американцы» считали людьми второго сорта, немногим лучше чернокожих, продвинулись дальше других подразделений, но и они были остановлены и откатились с ужасающими потерями. По жестокому совпадению, свойственному Гражданской войне, с другой стороны фронта огонь по ним вели их соотечественники – уроженцы Ирландии, воевавшие на стороне Конфедерации. Очевидцы вспоминали, как последние не могли сдержать слез при виде идущих на верную смерть земляков, продолжая, однако, вести по ним убийственный огонь. За несколько часов северяне понесли чудовищные потери и были деморализованы. Осознав масштабы поражения, генерал Бернсайд пришел в оцепенение, но не нашел в себе сил отменить своих приказов идти в атаку. Пока командующий пытался прийти в себя, новые дивизии продолжали самоубийственные атаки. Большинство генералов просто проигнорировали приказы Бернсайда.

на грани истощения. Если Север, несмотря на череду поражений, мог обеспечивать солдатам комфортные условия, включая теплое обмундирование и превосходный паек, то рядовые конфедераты еще с начала войны представляли собой печальное зрелище – оборванные голодные солдаты, многие из которых маршировали босиком. Одна из жительниц Севера, увидев армию южан на марше, удивилась, что эти люди вообще могут совершать пешие переходы, не говоря о самих боях. Поэтому командующий Вирджинской армией был заинтересован в том, чтобы решительным ударом поставить точку, принудив Вашингтон заключить мир и тем самым признать КША в качестве суверенного государства. Генерал прекрасно понимал, что Соединенным Штатам для победы нужно победить, а Конфедерации – не проиграть. Удачный момент для решающего усилия настал после Глуши.

В то время, когда Ли начал вторжение в северные штаты, в Потомакской армии снова сменился командующий. На этот раз им стал генерал Дж. Мид, который мало чем себя проявил ранее. Многие восприняли его назначение как акт отчаяния со стороны президента. Однако именно Миду выпала честь одержать самую громкую из побед федеральной армии – победу в сражении у Геттисберга. Этот небольшой город в Пенсильвании имел важное значение, поскольку в нем сходятся несколько дорог, ведущих вглубь северных штатов[8]. В битве у Геттисберга фактически в первый раз за войну обе стороны поменялись ролями: южане под началом Ли атаковали, а северяне Мида оборонялись, причем держались на редкость стойко (возможно, из-за того, что они в первый раз оказались в роли защитников своих штатов от вторжения). После особенно больших потерь, понесенных на третий день битвы, потрясенный генерал Ли приказал отступать обратно в южные штаты.

4 июня 1863 г., ознаменованное победой при Геттисберге, стало одной из наиболее прославленных дат в истории США. Дело не только в том, что победа совпала с Днем независимости – главным праздником американцев. Одновременно с новостью о триумфе Потомакской армии на востоке радостные вести пришли и с запада: генерал Грант принудил к капитуляции Виксберг, который являлся последней и наиболее мощной цитаделью южан на Миссисипи. И если Геттисберг имел скорее политическое значение, развеяв ореол непобедимости Ли, то взятие Виксберга имело стратегический смысл, поскольку теперь территория Конфедерации была разрезана надвое: на берегах Миссисипи укрепились федеральные войска, а саму реку патрулировали мощные речные флотилии северян.

Одновременно давала знать о себе и морская блокада Конфедерации. С самого начала войны руководство военно-морского флота США отнеслось к плану «Анаконда» с большим пониманием, приняв решение закупорить основные порты конфедератов, тем самым уничтожив их морские перевозки.

[8] 1 июля 1863 г. в Геттисберг подошла передовая дивизия конфедератов, причем в городок их привел не стратегический замысел, а поиск обуви – обычное занятие для армии южан.

Торговля с заморскими государствами имела решающее значение для южных штатов. Собственная промышленность была в них развита слабее, поэтому промышленное оборудование и оружие следовало закупать в обмен на хлопок в Англии. Однако федеральная блокада ставила под угрозу трансатлантическое сообщение. И если на суше конфедеративная армия, хотя не столь многочисленная, как противник, представляла мощную силу, то на море южане практически ничего не могли противопоставить федеральному флоту, который перехватывал и уничтожал торговые корабли, следовавшие в Англию с хлопком, а обратно – с оружием, боеприпасами, медикаментами и другими важными товарами. Однако северяне не только пассивно блокировали побережье, они также атаковали стратегически важные форты и гавани. В качестве ответной меры конфедераты высылали на коммуникации рейдеров – быстроходные крейсера, которые атаковали торговый флот северян. В учебники истории вошли героические рейды крейсеров «Алабама», уничтожившего 53 корабля противника, и «Шенандоа», чьей жертвой стали 38 торговых судов северян[9]. Однако даже эти успехи не могли переломить ход войны на море.

Следует отметить, что южане в известном смысле сами помогли федеральной блокаде. На протяжении всей войны морское сообщение с Англией и другими важными партнерами так и не было поставлено в рамки централизованного государственного контроля, будучи отдано преимущественно частной инициативе. Как следствие, в то время, когда южане остро нуждались в винтовках или палатках, в гавани КША заходили корабли, которые героически прорывали блокаду лишь для того, чтобы доставить шампанское и корсеты. На суше хозяйственная машина Юга также работала не без сбоев. Хотя масштабы успехов военной экономики при изначальной промышленной слабости южных штатов впечатляют, многие проблемы оказались трудноразрешимыми. К примеру, в то время, когда солдаты-конфедераты в буквальном смысле умирали от голода и побирались по деревням в поисках обуви, на армейских складах гнили миллионы рационов и лежали тонны сапог.

Тем временем на фронте после Геттисберга чаша весов также понемногу склонялась в сторону северян. Летом 1863 г. казалось, что удача улыбнулась южанам на западе: в сентябре в битве у Чикамуги (штат Теннеси) федеральная армия Уильяма Роузкранса была полностью разгромлена южанами генерала Брэкстона Брэгга, загнана в город Чаттануга и блокирована там. За всю войну конфедераты больше не смогут добиться такого успеха. Однако и здесь Грант смог исправить положение. Вовремя придя на помощь осажденным товарищам, его армия к концу ноября разгромила Брэгга, деблокировав осажденных солдат Роузкранса. После этих побед Линкольн, наконец, понял, что нашел человека, который завершит войну. В начале следующего года Грант торжественно получил звание генерал-лейтенанта – высший чин в американской армии

[9] The CSS Alabama and CSS Shenandoah: The History and Legacy of the Confederacy's Legendary Raiding Ships during the Civil War. 2018.

того времени (до него лишь Вашингтон и Скотт носили это звание, причем последний был повышен лишь временно). Оставив войска на западе под командованием своего старого товарища и соратника генерала Уильяма Шермана, Грант отбыл на восток, чтобы руководить Потомакской армией.

Именно на востоке особенно ярко проявился основной полководческий «талант» Улисса Гранта – умение посылать солдат в лобовые атаки, не считаясь с потерями. Однако в отличие от Бернсайда, нервы которого сдали к концу первого же сражения, Грант был методичен и неумолим. Пытаясь маневрировать и занимать выгодные позиции, он терпел неудачи. Его подводила излишняя уверенность в своих возможностях, отвратительная работа штабов, отправлявших корпуса и дивизии в диаметрально противоположные направления, и умелое противодействие Ли. Потеряв надежду переиграть командующего южан, Грант перешел к тактике грубой силы, развязав целую серию сражений, перед которыми померкли ужасы Фредериксберга. Стратагема фаворита Линкольна была проста: не давать южанам опомниться, беспрерывно атаковать их и утопить в крови – неважно, в их собственной или своих же федеральных солдат. В череде непрерывных сражений буквально за месяц армия под руководством Гранта потеряла почти 50 тыс. человек[10], около половины своей первоначальной численности. Однако федерального командующего эти потери не волновали. Он был обеспечен стабильным притоком живой силы, который не мог позволить себе малонаселенный Юг.

Конечно, на тот момент эйфория первых месяцев войны, доставившая Вашингтону сотни тысяч волонтеров, сошла на нет. Уже к 1863 г. желающих идти на смертельный риск во имя малопонятных идеалов становилось все меньше, тем более что по ходу войны регулярно вскрывались шокирующие факты коррупции, некомпетентности и откровенного цинизма военного руководства страны, которое на завершающем этапе войны стало напоминать заложников промышленных корпораций и банков.

В этих условиях Линкольн пошел на беспрецедентный для американской истории шаг. Он объявил принудительный призыв на военную службу, который в следующий раз проводился лишь во время Первой мировой войны. Конечно, правительство не могло позволить себе поставить под удар зажиточных граждан, поэтому для них была предусмотрена возможность совершенно легально избежать призыва, внеся в казну 300 долларов, что примерно соответствовало жалованию солдата за два года. Впрочем, закон позволял даже сэкономить, если человек выставлял вместо себя заместителя.

Разумеется, лицемерие властей не могло не вызвать взрыв протеста. По восточному побережью прокатилась волна бунтов, самые ожесточенные и кровавые из которых захлестнули Вашингтон. Их масштаб был таков, что к подавлению беспорядков пришлось подключить армию. Победоносные полки, вернувшиеся с полей Геттисберга, расстреливали толпу, а прибывшие в

[10] *Маль К.М.* Гражданская война в США 1861–1865.

нью-йоркскую гавань канонерки сокрушали вышедшие из-под контроля городские кварталы.

Еще одним источником человеческих ресурсов стали чернокожие граждане Севера. «Цветные» и «негритянские» полки, как они официально назывались в федеральной армии, начали формироваться уже на второй год войны, но долгое время их рассматривали лишь как дешевую рабочую силу. Чернокожие солдаты получали меньшее жалование, а оружие и амуниция им направлялись по остаточному принципу. Большинство федеральных генералов и офицеров проявляли в отношении этих подразделений гораздо больший расизм, чем могли бы продемонстрировать убежденные рабовладельцы. В «цветных» войсках офицерские звания, которые были недоступны для африканцев, получали либо убежденные сторонники идеи равенства белых и черных солдат, либо те, кого командование сочло нужным наказать «позорной службой среди негров». Тем не менее незатейливая стратегия генерала Гранта вскоре привела к тому, что военному руководству США пришлось быть менее щепетильным в расовых вопросах. К 1864 г. «негритянские» полки выполняли роль «пушечного мяса» в армии северян[11].

Однако, даже имея обширные человеческие ресурсы, Грант в итоге не смог нанести решительное поражение генералу Ли. В конечном итоге конфедераты отступили к Питерсбергу – городу, который находится в непосредственной близости от Ричмонда. Вокруг Питерсберга завязались долгие и кровопролитные бои в стиле Гранта – непрерывные лобовые атаки, сопровождавшиеся бессмысленными потерями, – в ходе которых северяне пытались взять город в плотное кольцо, отрезать его от снабжения и принудить противника сложить оружие. Во время длившейся девять месяцев осады федеральные силы потеряли более 42 тыс. солдат и офицеров.

Тем временем на западе события приближались к финалу. Уильям Шерман, оставленный Грантом на посту командующего, был талантливым генералом, однако во многих отношениях он был не менее бесчеловечен, чем прежний начальник. Пользуясь начавшимся упадком южной экономики и истощением человеческих ресурсов, Шерман начал знаменитый «марш к морю», сметая слабые группировки конфедератов, пытавшихся преградить ему путь. Желая раз и навсегда лишить противника ресурсов для сопротивления, он отдал приказ уничтожать любое имущество. Солдаты, которые некогда распевали «Боевой гимн Республики», призывавший отдать жизнь за свободу, теперь жгли поместья и деревни, уничтожали фабрики и плантации, оставляя гражданское население без средств к существованию. Насилие, мародерство и убийства мирных жителей стали нормой. Даже рабы, чьих хозяев сокрушали солдаты Шермана, в ужасе бежали от освободителей.

В сентябре федералы захватили Атланту – крупнейший город Джорджии, а в конце декабря вышли к морю, взяв важный порт Саванна. Оба города по-

[11] Там же.

стигла та же самая участь, что и десятки других более мелких населенных пунктов. Теперь южные штаты были окончательно расчленены, что предрешило исход всей войны.

Капитуляция состоялась 9 апреля 1865 г. в доме судьи в деревушке Аппоматокс, штат Вирджиния. Генерал Роберт Эдвард Ли, как и подобает южному джентльмену, явился на подписание акта о капитуляции своей армии в парадном мундире и при шпаге. Грант, напротив, пришел в грязной форме и пьяным. Оба командующих поставили свои подписи, после чего конфедераты прошли маршем вдоль строя федеральных войск, салютовавших их непревзойденной доблести.

Однако далеко не каждый американец согласится с тем, что война закончилась в Аппоматоксе. Многие жители южных штатов до сих пор считают, что они находятся в оккупации[12]. В пользу этой, на первый взгляд, парадоксальной точки зрения есть немало доводов. Сразу же после захвата южных штатов на их территории был установлен режим, который трудно отличить от оккупационного. Всю полноту власти на местах получило военное командование. Лежавшей в руинах экономикой южных штатов управляли генералы, многие из которых во время боевых действий не могли справиться даже с собственными полками и бригадами. Президент Эндрю Джонсон – преемник убитого после окончания войны Линкольна – пытался назначать гражданских губернаторов, однако олигархи быстро пресекли эти попытки, которые могли бы помешать переделу собственности. Американский бизнес больше устраивала власть военных, с большинством из которых еще со времен войны имелись прочные связи. К примеру, многие генералы за вознаграждение позволяли вести торговлю с противником прямо через линию фронта.

Вскоре Вашингтон объявил так называемую Реконструкцию Юга, которая должна была помочь заново интегрировать мятежные штаты в состав США. На деле Реконструкция была направлена на подрыв традиционного экономического уклада и институтов южного общества. Она свелась к намеренному разорению богатых плантаторов и фермеров, изгнанию их с наиболее выгодных территорий, банкротству немногих уцелевших предприятий для их последующей передачи за бесценок в руки промышленников с Севера. Характерным явлением той эпохи был наплыв «саквояжников» (*carpetbaggers*) – так называли предприимчивых дельцов с Севера, которые отправлялись в южные штаты, имея при себе лишь один саквояж, чтобы дешево скупать собственность разоренных плантаторов, а также сотрудничавших с ними южан-«прохвостов» (*scalawags*)[13].

В попытке хотя бы минимальным образом защитить свои права южане, большинство из которых имели военный опыт и уже не могли ничего потерять, организовывали отряды самообороны, противостоявшие откровенным

[12] *Pierce J.* The Reasons for Secession: A Documentary Study.

[13] Carpetbaggers & Scalawags. History.com, 2010.

рейдерским захватам со стороны северных коммерсантов, пользовавшихся поддержкой подкупленных генералов.

Другим выходом было бегство. Многие уроженцы южных штатов предпочли покинуть родную землю, будучи не в силах мириться с новыми порядками. В Бразилии до сих пор существует этническая группа «конфедерадос» (*confederados*) – это никто иные, как потомки плантаторов, покинувших свою родину после поражения Юга. Бразильский император Педру II, зная об искусстве южан в выращивании хлопка, лично предложил им помощь с переездом и обустройством на новом месте. Что характерно, вместе с хозяевами в Бразилию, где рабство сохранялось до 1888 г., добровольно последовали многие рабы, которых пресловутая Реконструкция и перспектива нищенствовать свободными гражданами ужасали не меньше хозяев. Более того, на новую родину отправились и те афроамериканцы, которые получили свободу еще до начала Гражданской войны и успели обзавестись своим бизнесом на Юге («расистские» южные законы это вполне позволяли).

Формально Реконструкция была отменена в 1877 г. Пятью годами ранее военным и политическим лидерам Конфедеративных Штатов Америки были в полном объеме возвращены их гражданские права, которых они лишились как государственные изменники. Впрочем, руководство КША и генералитет конфедератов не понесли никакого наказания, если не считать кратковременное заключение в тюрьме Джефферсона Дэвиса и некоторых его сподвижников. Однако, если в экономическом плане южные штаты более или менее оправились от постигшей их катастрофы, то в исторической памяти их жителей воспоминания о ней продолжают жить до сих пор.

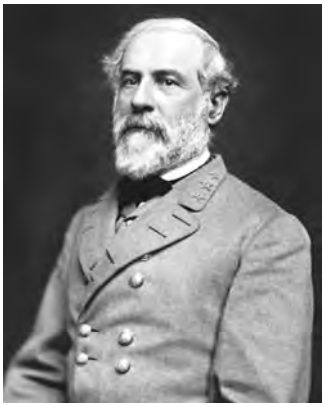
Значение Гражданской войны заключается прежде всего в том, что она была единственным полномасштабным вооруженным конфликтом, который прошел по американской земле. В 1861–1865 гг. американцы единственный раз в своей истории испытали на себе настоящие тяготы войны, включая жертвы среди гражданского населения и оккупацию армией противника (несмотря на то, что эту армию составляли их сограждане). Впервые в американской истории правительство начало принудительно призывать солдат на военную службу. Это само по себе является редким событием для США, но для середины XIX века оно вызвало настоящий шок: граждане «Страны свободы» даже не могли себе представить, каким образом люди из Вашингтона, о которых в мирное время мало кто слышал, могли получить такую власть, чтобы посылать своих сограждан погибать на полях сражений. Беспрецедентный рост полномочий федерального центра, произошедший во время войны, стал еще одной революционной переменой, которую принесла Гражданская война.

Иллюстрации к главе 9

А. Линкольн в роли верховного главнокомандующего.

Памятник Дж. Дэвису в Ричмонде,
снесенный в 2020 г.

Джордж Мак-Клеллан.



Роберт Эдвард Ли.

Осада Виксберга, штат Миссисипи.

Атланта после сожжения войсками генерала Шермана.

Генерал Улисс Грант на Гражданской войне.

«Это правительство белых». Карикатура времен Реконструкции Юга.

Глава 10

Геноцид на американской земле

Бесконечные войны с коренным населением американского континента, вылившиеся в итоге в жесточайшее истребление индейцев, являются неотъемлемой, хотя и весьма нелицеприятной, составляющей становления американской государственности. Как мы помним из первой главы, распространившиеся в XIX столетии в США экспансионистские теории утверждали, что на американцев возложена высокая цивилизационная миссия. Пафос индейских войн настолько сильно впитался в культуру и национальную традицию США, что и сегодня вдохновляет американских солдат по всему миру (вспомним фразу «Добро пожаловать в страну краснокожих, парень!»[1]).

Однако, если сбросить с этой темы покров романтики, старательно создававшийся многими поколениями американских историков, индейские войны предстают как геноцид, который можно по праву считать одним из наиболее жестоких в истории. Это дает основание ряду исследователей говорить об американском Холокосте. Количество уничтоженных коренных жителей не поддается окончательной оценке. По мнению современных ученых, непосредственными жертвами истребления индейцев, проводившегося властями США с 1600 по 1900 г., стало около 3 млн человек. Если принимать в расчет многочисленные «косвенные» жертвы (например, умерших в результате эпидемий и голода), то число погибших может возрасти до 10 миллионов.

Войны с коренными американцами на Восточном побережье часто не требовали большого напряжения сил и не были связаны с опасностью значительных жертв со стороны жителей Новой Англии. Индейцы в этом регионе не были настолько воинственными, как их изображают мемуаристы из числа жителей колоний. Рассказы об их изуверстве и природной жестокости являются вымыслом, поскольку те же самые племена, которые американцы называли бандами убийц, мирно сосуществовали с французскими колонистами. Сами природные условия восточного региона отодвигали войну на второй план. Густые леса и полноводные реки, богатые дичью и рыбой, давали больше стимулов для мирной жизни, нежели для столкновений с соседями.

Однако именно леса и реки сыграли роковую роль в истории индейцев Восточного побережья. Экономика коренных американцев была чрезвычайно эффективна в том смысле, что она основывалась на сложной системе обычаев, благодаря которым дары природы использовались в высшей степени рационально. Обожествление практически всего, что древние жители Америки видели вокруг себя, заставляло их относиться к окружающему миру с глубоким почтением. Безудержное истребление дичи ради ее сбыта соседям или убий-

[1] *Kaplan R.* Imperial Grunts: The American Military on the Ground. Random House, 2005.

ство животных исключительно ради меха считалось кощунственным. Добыв на охоте зверя, индейцы не только совершали ритуалы, призванные выказать уважение его духу, но и разделывали тушу таким образом, чтобы все части были использованы в хозяйстве. Поэтому племена могли существовать столетиями, не нарушая баланса в экологической системе.

Все изменилось с приходом «новых» американцев. Колонисты Новой Англии были не в силах понять глубокий смысл верований коренных жителей континента, считая их в лучшем случае свидетельством примитивности их мышления, а в худшем – поклонением дьяволу. Эта идеология послужила моральным оправданием захвата земель, на которых жили индейцы. Заметим, что утверждать, будто индейцы владели природными ресурсами, за исключением отдельных эпизодов, неправильно, поскольку, с их точки зрения, все эти блага не могли принадлежать никому. У колонистов же была своя позиция на этот счет, а потому поселенцы на Среднем Западе начали варварское истребление ресурсов, без которых местные племена просто не смогли бы выжить. Когда коренные народы попытались остановить надвигавшуюся катастрофу, уничтожению подверглись уже они сами. К концу первого столетия истории современной Америки индейцы Восточного побережья были фактически уничтожены.

Показательна история алгонкинских племен, населявших этот регион. Они имели богатые военные традиции и хороший боевой опыт, однако все же предпочли установить добрососедские отношения с жителями Новой Англии, чему в немалой степени способствовала позиция Поухатана – выдающегося вождя одноименного племени, которому удалось создать конфедерацию индейских племен. В качестве жеста доброй воли он выдал свою дочь Матоаку (более известную в истории под именем Покахонтас) замуж за одного из поселенцев.

Ситуация изменилась к началу 1620-х годов. Этому способствовала смерть Поухатана, который мог вести диалог с поселенцами и в случае необходимости сдерживать соплеменников, а также поведение самих колонистов. Уже в 1622 г. вспыхнула первая крупная война с индейцами, продлившаяся до 1637 г. В ходе этой войны индейцам во главе с вождем Опеканканофом удалось захватить укрепленное поселение Джеймстаун и пленить капитана Джона Смита – одного из основателей Новой Англии[2]. Великодушный вождь отпустил англичан нетронутыми, о чем пожалел через двадцать четыре года, когда сам, уже будучи в возрасте девяноста лет, был захвачен в плен.

[2] Джон Смит (1580–1631) служил в качестве наемника сперва в голландской, а потом в австрийской армии. В конечном итоге он попал в плен к туркам, откуда бежал на Дон, проведя несколько лет среди русских казаков. Именно там он увидел укрепленные поселения, приспособленные для круговой обороны. Впечатленный фортификационными техниками казаков, он перенес этот опыт на американскую землю, куда прибыл в 1607 г. Знаменитые бревенчатые домики первых американских поселенцев – не что иное, как копия казацких изб, какими они в свое время запомнились англичанину.

Колонисты к тому времени позабыли о благородном поступке вождя. Он был убит в тюремной камере одним из своих надзирателей. Индейская конфедерация к тому времени потеряла более 75 % своих жителей, как из-за военных операций колонистов, так и вследствие завезенных ими инфекционных заболеваний, и фактически прекратила существование. Некоторые индейские племена уничтожались буквально одним ударом, например племя пекота, поселение которых было атаковано в 1637 г. колонистами и союзными индейцами под командованием капитана Джона Мэйсона. Это событие стало известно как бойня на реке Мистик, ее результатом стало почти поголовное истребление пекота. Примечательно, что один из офицеров ополчения, описывая уничтожение индейцев, апеллирует к тексту Библии, в котором поселенцы якобы усмотрели указание Господа убивать без разбора женщин и детей. Кстати, именно последние стали объектом атаки: немногочисленные мужчины покинули поселение за несколько дней до этого, уйдя на поиски пищи.

Борьба с индейцами велась и на уровне пропаганды. Огромной популярностью среди жителей Восточного побережья пользовались сочинения в жанре «повести об индейском плене», которые представляли собой в разной степени приукрашенные вымыслом свидетельства тех, кто якобы был захвачен в плен индейцами и лишь чудом смог бежать. Такие рассказы изобиловали свидетельствами нечеловеческой жестокости и изуверских пыток, которым коренные жители подвергали ни в чем не повинных жертв из числа жителей поселений. К пропагандистской работе подключилось и духовенство. Во многом благодаря усилиям представителей Церкви поселенцы не считали индейцев за людей и уж тем более равными себе. Теологи Новой Англии развивали теорию о том, что индейцам по природе чуждо христианство, поскольку они от рождения настолько тупы и бесчувственны, что не в состоянии воспринять его вероучение[3].

В часовнях Новой Англии колониальной эпохи нередко можно было слышать, как святой отец с кафедры призывает добрых прихожан убивать индейцев и снимать с них скальпы, дабы вся община могла убедиться в совершении богоугодного дела. По мнению колонистов, Господь Бог лично руководил истреблением коренного населения. В 1677 г. один из проповедников Джон Элиот писал английскому ученому Роберту Бойлю: «Во время нашей первой войны с индейцами Господь открыл нам всю тщетность нашего военного искусства на европейский манер. Теперь, к нашему счастью, мы научились тайной войне. А какова цель Господа, открывшего нам эту науку, мне неведомо». Позже, в 1703 г., преподобный Соломон Стоддард из Нортхемптона выступал с идеей обучать собак для охоты на индейцев, так как те «ведут себя словно волки и поступать с ними надо, как с волками»[4]. Несколько лет спустя колонии Массачусетс и Коннектикут действительно начали разведение соответ-

[3] *Newell M.* Race Frontiers: Indian Slavery in Colonial New England. OSU.EDU

[4] *Miller P.* Solomon Stoddard, 1643–1729. Cambridge, 1941.

ствующих пород собак и приняли положения о выплате поселенцам, практикующим подобную «охоту». До нашего времени дошла популярная песня тех лет, воспевающая героя-священника, который собственноручно убивал индейцев и срезал с них скальпы. Разумеется, скальпы можно было обменять на хорошее вознаграждение, которое выплачивалось из колониальной казны. Его размер регламентировался специальными законами в зависимости от того, был ли скальп снят с мужчины, женщины или ребенка (при этом разница между премией за убитого взрослого воина и за ребенка была достаточно незначительной).

Таким образом, с первых лет своего пребывания на новой земле предки современных американцев искусственно создали образ врага, который использовался для оправдания убийств местного населения. Геноцид проводился настолько эффективно, что к середине XVII столетия стало очевидно, что никакие военные усилия индейцев уже не смогут остановить захватчиков. Наряду с индейцами кровавому и беспощадному избиению подвергались и европейские конкуренты – голландские и шведские колонисты.

Постепенно расширяя свои территории, американские колонисты вплотную приблизились к землям французских поселенцев, которые пролегали полумесяцем от современных канадских городов Квебек и Галифакс вдоль Великих озер и шли к югу вдоль реки Миссисипи до Нового Орлеана, основанного на месте впадения реки в Мексиканский залив. Особенностью французской колонизации было доброжелательное отношение к индейцам, с которыми французы зачастую вели совместное хозяйство и создавали семьи. Освоение Америки выходцами из Франции имело по разным причинам значительно более мирный характер и не сопровождалось актами геноцида. В свою очередь, нападения индейских племен на поселенцев также представляли собой редкие исключения. Это еще раз опровергает тезис о враждебных дикарях, которые с первого знакомства с европейцами якобы воспылали к ним ненавистью. Этот миф, который и сегодня с большим удовольствием эксплуатируется не только в школьных учебниках, но и нередко во вполне серьезных научных исследованиях, не заслуживает доверия, поскольку изначально основывается на предвзятых свидетельствах тех, кто был заинтересован в уничтожении индейцев и захвате их земель.

Наиболее верными союзниками французов были ирокезы, чье племя образовывало ядро союза, куда входили пять других индейских племен. Интересно, что ирокезы отнюдь не славились миролюбием и считались превосходными воинами, но при этом в конфронтацию с французами не вступали. В то же время напряженными были их отношения с алгонкинскими племенам, что вскоре использовали в Новой Англии, власти которой, чтобы избежать прямого столкновения с Францией, взялись за стравливание между собой враждующих индейских племен. К тому времени, когда Англия и Франция начали боевые действия в Европе, эта стратегия была уже отлажена и использовалась

в ходе франко-индейской войны, которая рассматривается как часть Семилетней войны 1754–1763 гг. Результатом ее стало завоевание колонистами Новой Франции – обширных земель к северу от Восточного побережья.

Это противостояние также сопровождалось активной информационной войной, развернутой американскими колонистами. Как среди сограждан, так и среди других индейцев распространялись описания ужасов, которые якобы творили ирокезы. Для многих поколений американцев само слово «ирокез» стало синонимом злобы, коварства, бессмысленной жестокости. Свою лепту в очернение ирокезов внес известный писатель Джеймс Фенимор Купер (1789–1851), творивший уже в то время, когда племя было в значительной степени истреблено. В его романах ирокезы всегда предстают главными врагами, которым нельзя доверять и которые наслаждаются совершенными злодеяниями, тогда как союзники колонистов – делавары – изображены в самом лучшем свете. Впрочем, верная служба американцам не помогла и им. Вплоть до начала XX века племя балансировало на грани гибели.

Фактически индейцы при любом развитии событий оказывались в безвыходном положении, чью бы сторону они не занимали. Это отмечает, например, современный историк Гарри Уорд: «Коренные американцы оказались во время войны в безвыходной ситуации: выиграли бы британцы или американцы, мало что могло быть сделано для того, чтобы остановить экспансию белых на запад…»[5].

Сознавая, что индейские племена используются колонистами для решения собственных военных задач, лидер алгонкинского племени оттава Понтиак созвал весной 1763 г. совет вождей, на котором произнес речь, изложив свое понимание стратегии колонистов и мрачного будущего, которое ожидает индейский народ. Восстание, которое поднялось под его руководством, продолжалось до 1766 г. и считается самым крупным выступлением индейцев в колониальную эпоху. Понтиак и его отряды успешно действовали против британских королевских войск, но не имели опыта штурма укрепленных пунктов. Осадив Детройт, воины Понтиака утратили инициативу и понесли большие потери. Кроме того, мирное индейское население, включая нейтральные племена, получили от британского генерала Дж. Амхерста «подарок» – большое количество одеял, зараженных оспой, что спровоцировало жестокую эпидемию. Все это вынудило вождя заключить мир с британцами, после которого он стал регулярно вызываться колониальными властями на допросы по поводу отдельных эпизодов восстания. В ходе одной из таких поездок Понтиак был убит индейцем из другого племени.

Однако избиение индейских племен в XVII–XVIII вв. стало лишь прологом к подлинной катастрофе, постигшей коренных американцев в следующем столетии, когда планомерное уничтожение краснокожих стало фактически официальной политикой Вашингтона.

[5] Слова Г. Уорда относятся к Войне за независимость.

Это прекрасно иллюстрируют уже известные нам события 1812–1815 гг.[6] Чтобы настроить общественное мнение в пользу войны с англичанами, Вашингтоном в очередной раз была разыграна «индейская карта». Американцам внушали, что Лондон хочет защититься от растущих Соединенных Штатов, создав между ними и Канадой индейское государство. В США выпускались многочисленные гравюры вроде «Сценки из пограничной жизни, согласно обыкновениям человечных британцев и их достойных союзников». На ней индеец преподносит скальпы, снятые с убитых американских офицеров, английскому королю Георгу III, который говорит: «Приноси мне скальпы, и твой владыка король Георг вознаградит тебя». Надпись на ружье, висящем за спиной индейца, поясняет, что оно и послужило наградой и именно из него убиты несчастные американцы.

Антииндейская идеология, однако, не помешала руководству США отправить воевать за свою страну силы из числа пяти цивилизованных племен. Так назывались индейские сообщества, которые долгое время взаимодействовали с белыми и успели в той или иной степени перенять западную культуру. Их перечень был определен еще во времена Дж. Вашингтона и включал племена чероки, чикасоу, чокто, криков и семинолов.

Командующим индейскими силами стал вождь чокто Пушматаха (около 1764–1824), которому Конгресс позже присвоил звание генерала. Вождь в синем американском мундире с эполетами смотрелся весьма курьезно среди своих соплеменников в традиционной боевой раскраске и так и не смог собрать значительные силы, ибо коренные американцы не желали сражаться за интересы, которые они не в состоянии были понять. Из весьма скромного отряда в 500 человек к концу войны у Пушматахи оставались считанные десятки воинов, да и самого вождя на поле боя никто так и не видел.

В свою очередь, против США боролись индейские племена во главе с Текумсе (1768–1813) – вождем племени шауни, талантливым стратегом и политиком. В отличие от Пушматахи, Текумсе не строил иллюзий относительно сотрудничества с американцами. Последней каплей стал кабальный договор, который генерал У. Гаррисон (будущий президент США) навязал индейцам, которые должны были за номинальное вознаграждение уступить американцам 12 тысяч квадратных километров своих территорий. Текумсе вступил в переговоры с Гаррисоном, доказывая незаконность подобной сделки и требуя ее пересмотра. Когда тот отказал, вождь призвал к оружию соплеменников и союзные племена из созданной им конфедерации пятнадцати племен. Он пробовал привлечь на свою сторону и индейцев Пушматахи, однако последний воздержался от сотрудничества. Таким образом, в начавшейся войне между США и Англией Текумсе занял английскую сторону. В отличие от Пушматахи, ему удалось собрать внушительные силы и нанести ощутимые удары по американцам.

[6] Подробнее о войне см. Раздел 3.

Большинство влиятельных племен на северо-западе США решились на открытое выступление против Вашингтона, примкнув к созданной Текумсе конфедерации. Однако восстание было подавлено, вождь погиб, а многие мятежные племена были попросту вырезаны американскими войсками или другими племенами, которые полагали, будто после подобных «услуг» американцам те позволят им мирно существовать на родной земле.

Печальной была судьба воинственного племени криков, которые являлись южным союзником Текумсе. Индейцы-крики издревле обитали на территории современных Джорджии и Алабамы, куда в 1813 г. вторглись американцы. Вашингтон умело воспользовался междоусобной войной, которая разразилась между верхними криками, пытавшимися отразить набеги американских поселенцев, и нижними криками, выступавшими за сотрудничество с захватчиками. Нижние крики присоединились к армии генерала Э. Джексона, который питал почти иррациональную ненависть к индейцам, с легкой душой отдавая приказы уничтожать женщин и детей.

В марте 1814 г. верхние крики потерпели поражение, потеряв больше семисот воинов – чудовищные жертвы по индейским меркам, – после чего вынуждены были подписать кабальный договор. По его условиям крики обязались уступить американцам 92 тыс. кв. километров своей земли – территория, которая превышала размеры Южной Каролины, родного штата Джексона. При этом изгнанию подлежали не только воевавшие против США верхние крики, но и их союзники – нижние крики, которые сражались вместе с американцами. Логика генерала была проста: если нижние крики один раз подняли оружие против своих соплеменников, то они являются предателями, которые не заслуживают доверия со стороны Америки. Таким образом, власти «Страны свободы» в очередной раз воспользовались излюбленной стратегией «разделяй и властвуй».

Уцелевшие индейцы частично были оттеснены на непригодные для проживания земли, другая часть примкнула к племени семинолов во Флориде, находившейся тогда под властью Испании. Когда остатки племени в 1836 г. взялись за оружие в последней отчаянной попытке отстоять свои права, их выступление было буквально утоплено в крови по приказу того же Джексона, который к тому времени занял президентское кресло. Немногочисленные представители когда-то могущественного племени криков, оставшиеся в живых после рейдов американской армии, были депортированы на запад. Примечательно, что в пути к ним присоединились некогда заклятые враги криков, пытавшиеся служить американцам, – чероки, чикасоу и чокто, которых не спасла даже слава знаменитого Пушматахи. Так Вашингтон вознаградил коренных жителей, которые согласились сражаться за чуждые им интересы.

Шони, которых некогда возглавлял Текумсе, вместе с союзными племенами делаваров, кикапу, потаватоми к тому времени были изгнаны на юг. Близкие к ним племена сауков и фокс, понимая, что приходит их черед, попыта-

лись сопротивляться под руководством знаменитого вождя Черного Ястреба, который начал боевые действия против американцев в штате Иллинойс в 1832 г. Однако война Черного Ястреба закончилась трагически: отступая с боями, племена переместились в Висконсин, а потом вынуждены были бежать за Миссисипи, понеся невосполнимые потери. Некоторые племена со временем ушли в Мексику, в которой, как и в Канаде, отношение к коренным жителям традиционно было гораздо более терпимым, чем в США.

В 1828 г. Э. Джексону наконец удалось стать хозяином Белого дома. Многие американские историки и политики дают позитивные оценки его правлению. Однако одно из главных «достижений» генерала вряд ли заслуживает восхищения: именно он стал одним из архитекторов индейского Холокоста.

Идея отправить индейцев на необитаемые, плохо приспособленные для жизни территории давно будоражила умы в Вашингтоне. Целый ряд американских президентов последовательно вырабатывал стратегию изгнания коренных американцев из родных мест. Еще после Луизианской покупки президент Джефферсон предложил начать массовую депортацию индейцев с новых территорий, разработав характерную для американского менталитета «гуманитарную» аргументацию. По мнению Джефферсона, американцы не могли позволить индейцам соседствовать рядом с собой ради их же блага. Коренные жители якобы были не в состоянии интегрироваться в американское общество и воспринять американскую культуру. Поэтому индейцам нужно было дать время, необходимое для развития, где-нибудь подальше от цивилизованных людей[7]. Каким образом коренные народы будут постигать институты и культуру Соединенных Штатов, находясь в необитаемой глуши, осталось за рамками дискуссии.

Президент Дж. Монро и его военный министр Дж. Калхун уже не утруждали себя столь изощренной риторикой. Сохранилась их переписка, в которой с маниакальным упорством проводится одна и та же мысль: изгонять, депортировать, переселять. И если Дж. Адамс, преемник Монро в президентском кресле, еще не решался начать переселение, предлагая разработать юридические процедуры уступки земли коренными американцами, то Джексон отмел любые возражения и просто предложил Конгрессу соответствующий закон, который и был принят 28 мая 1830 г.

Этот закон представлял собой абсурдное с юридической точки зрения явление, ведь согласно ему США принимали решение о судьбе людей, которые не имели гражданства, то есть юридически оформленной связи с американским государством. В соседних государствах – Канаде и Мексике – индейцам изначально было предоставлено гражданство, благодаря чему они рассматривались как полноправные члены общества, вследствие чего судьба коренных народностей сложилась гораздо менее трагично. В то же время коренным американцам в США гражданство было окончательно предоставлено лишь в

[7] *Onuf Peter S.* We Shall All Be Americans. Indiana Magazine of History, 1999.

1924 г., через 100 лет после создания Бюро по делам индейцев. Это федеральное ведомство в течение целого столетия осуществляло полномочия в отношении лиц, формально не имевших правовых отношений с США.

Эти детали не помешали начать массовую депортацию коренных американцев на запад, за Миссисипи, где из южной части штата Арканзас была выделена специальная «Индейская территория», ныне являющаяся частью Оклахомы. Эти земли сами по себе являются малопригодными для жизни, а с учетом особенностей уклада коренных американцев они и вовсе давали немного шансов на выживание. Кроме того, предложенные индейцам земли находились рядом с территориями других племен, которых не радовал приход многочисленных чужаков.

Тем не менее к 1838 г. более 70 тыс. индейцев были насильно перемещены на запад. В авангарде депортации должны были встать «пять цивилизованных племен». Первыми в 1831 г. в изгнание отправились чокто, в 1834 г. пришла очередь криков, а в 1837–1838 гг. – чикасо и чероки.

Путь, который пришлось проделать этим племенам под конвоем подразделений американской армии, остался в истории индейского народа как «дорога слез». Вместо того чтобы должным образом организовать переселение, власти решили устроить нечто похожее на перегон скота. Лишь в нескольких случаях индейцам оказали содействие военные моряки, перевезшие по морю отдельные группы. В остальном это был путь лишений и смерти. Сегодня уже не представляется возможным установить общее количество жертв, однако имеющиеся данные позволяют говорить, что смертность в дороге составляла около 25–30 %.

Уже известный нам Алексис де Токвиль наблюдал в городе Мемфис (штат Теннеси) одну из групп индейцев и так описал увиденное: «Никогда это мрачное зрелище не увянет в памяти моей. Ни плача, ни рыданий не было слышно в этой скученной толпе – все молчали. Бедствия их были стародавнего времени, и они знали, что эти бедствия неотвратимы». Проницательный француз отметил, что не верит, будто столь жестокое изгнание коренных американцев способно решить их проблемы, как утверждали власти. Токвиль отмечал, что наибольшую угрозу для индейцев представляет не голод или непогода, а риск утраты ими культурного и духовного единства, распад социальных связей, разрушение политического и экономического уклада коренных жителей континента: «У них уже нет страны, а скоро не станет и народа»[8].

Нужно отметить, что руководившие операциями против индейцев генералы и офицеры нередко выражали неприятие того, что армию заставляют фактически обрекать тысячи мирных людей на смерть. Один из таких офицеров, молодой Уильям Текумсе Шерман (его второе имя было дано именно в честь мятежного вождя), будущий герой Гражданской войны, писал: «Если когда-либо на народ или часть его падет проклятие за явное и неприкрытое злодей-

[8] *Токвиль А. де.* О демократии в Америке. М., 2018.

ство, совершенное в отношении тварей Божьих, то именно мы заслужили его за то, что не защитили чероки, до последнего времени живших и охотившихся в мире и довольстве в долинах западной Джорджии».

Сопротивление индейских племен иногда все же приводило к победе. Замечательный пример демонстрирует история племени семинолов – последнего из «цивилизованной пятерки», проживавшего во Флориде. Многочисленные и сильные в военном отношении семинолы, с которыми испанским колонистам удавалось жить в мире, сразу после присоединения земли к США стали преследоваться американскими властями. Президент Джексон, чьи войска в свое время захватили Флориду, относился к этому племени ненамного лучше, чем к крикам. Семинолы должны были последовать под дулами мушкетов по «дороге слез» вслед другими племенами. Зная об этом, коренные жители Флориды предпочли взяться за оружие. В 1835 г. началась Вторая семинольская война (первой считается конфликт 1816–1819 гг., приведший к захвату испанских земель). Будучи искусными воинами и имея во главе выдающегося лидера Оцеолу, семинолы не стали вступать в открытые схватки, отступив в непроходимые болота Эверглейдс, откуда наносили чувствительные удары по американским войскам. В свою очередь, американцам приходилось предпринимать опасные экспедиции в самое сердце болот.

Длившаяся до августа 1842 г. война стала самой продолжительной и дорогостоящей за всю историю конфликтов с коренными жителями американского континента: для борьбы с индейцами было привлечено 10 тыс. солдат регулярной армии и 30 тыс. ополченцев, что сопоставимо с силами, задействованными в войне с Мексикой. Боевые действия не принесли желаемого результата. Хотя часть семинолов все же была выдворена на запад, многие из них остались в родных местах и, вопреки американской практике, эта индейская война не закончилась подписанием договоров, в которых коренные жители «добровольно» уступали свои земли. Еще перед началом войны, когда переговорщики положили перед Оцеолой текст одного из таких договоров, вождь выхватил нож и пронзил им бумаги, продемонстрировав свое отношение к сомнительным предложениям американского правительства. Сам вождь не дожил до окончания войны. В сентябре 1837 г. под предлогом мирных переговоров он был предательски захвачен в плен и вскоре умер в тюрьме.

Однако его борьба не была бессмысленной. В 1855–1858 гг. американцы в третий раз попытались решить «семинольский вопрос», однако снова потерпели неудачу. После трех лет борьбы власти поняли, что настало время оставить семинолов в покое. Во многом этому способствовала сама география: семинолы так и остались хозяевами болот, куда решались отправиться лишь немногие отчаянные солдаты. Со временем семинолы успешно интегрировались в американское общество. Сегодня многие представители племени владеют процветающим бизнесом во Флориде, что сильно контрастирует с судьбой менее удачливых племен, загнанных в резервации и постепенно деградиро-

ровавших там. История семинольского народа – один из редких примеров поражения Соединенных Штатов в борьбе с коренными американцами.

К сожалению, несмотря на упорную борьбу многих других племен, почти никто из них не смог достичь такого же успеха, тем более что ближе к середине XIX столетия основные события индейских войн переместились в другой регион, где географические условия предоставляли американцам намного больше шансов на успех.

В первой четверти XIX века массы переселенцев с востока двинулись на запад в поисках плодородной земли и новых ресурсов через Великие Равнины – обширные пространства прерий, которые тянутся более чем на 3600 километров от южной части Канады почти до берегов Мексиканского залива. На этой огромной территории обитали более двадцати многочисленных и весьма развитых индейских племен, многие из которых были воинственными и имели огромный боевой опыт. Сиу, шайены, команчи, черноногие и кайовы считались лучшими воинами среди индейцев Великих Равнин. Большинство вело кочевой или оседло-кочевой образ жизни, добывая пропитание охотой или несложным сельским хозяйством. Одним из основных источников существования равнинных племен была охота на бизонов, занимавших важнейшее место в жизни индейцев, в том числе в религиозном пантеоне. Каждого добытого бизона они разделывали с большой тщательностью, получая не только мясо, но и одежду, оружие, инструменты, предметы быта, амуницию для лошадей и многое другое. Благодаря этому к моменту появления на равнинах американцев по ним бродили стада общей численностью более 60 млн голов.

Присутствие на равнинах коренных жителей, которые оберегали не только огромное поголовье чрезвычайно ценных животных, но и представляли собой препятствие для использования плодородных почв региона, казалось переселенцам исторической несправедливостью. Вознамерившись исправить ее силой оружия, они быстро убедились в том, что истребление жителей Великих Равнин вряд ли по силам отрядам вооруженных любителей.

На помощь пришла американская армия, однако и ей пришлось изрядно потрудиться. Военное искусство индейцев определялось их уникальной общественной организацией и психологией. Многие из коренных американцев были прирожденными воинами, война для них была смыслом жизни. Так, в некоторых племенах считалось большим позором дожить до старости, избежав смерти в схватке. Большое значение придавалось личному мужеству, которое воспитывалось не только в бою, но и на чрезвычайно опасной охоте на бизонов и медведей. Вместе с тем индейским воинам была чужда показная храбрость и бравада перед лицом опасности. Жизнь каждого члена племени ценилась необычайно высоко, а потому индейские вожди старались использовать любую возможность, чтобы минимизировать риск в сражении. Коренные американцы считали глупостью атаки превосходящих сил противника в поле в укреплениях. Индейские вожди, которые наблюдали за маневрами аме-

риканской армии, не могли понять, зачем полки отрабатывают атаки на открытой местности или штурмовые действия, так как с точки зрения индейского военного искусства наиболее разумным были бы действия из засады или ночью. Красочные рассказы о том, как полчища индейцев с луками и томагавками бросаются на штурм фортов и крепостей, являются в большей степени вымыслом историков. В случае если намечался неблагоприятный исход боя, индейцы легко отрывались от преследования, сохраняя силы для новых столкновений. Гибель полутора-двух десятков воинов в бою считалась тяжелыми потерями для племени. Понятия победы любой ценой у коренных американцев просто не существовало: жизнь воина была главным приоритетом, поскольку человеческие ресурсы в индейских племенах восстанавливались медленно, а на обученного воина они привыкли смотреть как на своего рода произведение искусства. Напротив, солдат американской армии XIX века был, как правило, откровенно асоциальным элементом или выходцем из низов общества, которому некуда было податься, так как слишком большие возможности предоставляла та Америка, чтобы военная служба пользовалась популярностью.

Таким образом, индейцы были мастерами такого типа войны, которая была мало знакома американским офицерам, обучавшимся в военной академии в Вест-Пойнте, где профессора заставляли их разбирать сражения наполеоновских войн. Неудивительно, что индейцы оказались грозным противником, полной победы над которым американская армия не могла одержать более пятидесяти лет. Не приходится удивляться и тому, что индейскую тактику американцы считали недостойной. Умение действовать из засады, ошеломлять противника внезапностью и совершать искусные диверсии – все это давало обширную пищу для фантазий писателей, газетчиков и пропагандистов, которые развивали теории о том, что краснокожие от природы вероломны и трусливы, что они, скорее, воры и убийцы, чем доблестные воины.

Война на уничтожение противника была чужда коренным народам Великих Равнин, как и другим американским племенам. Если храбрость в бою была высшей добродетелью в глазах индейца, то следующими в иерархии стояли великодушие и щедрость. Основной целью сражения было продемонстрировать свою доблесть и доказать врагу собственное моральное превосходство. Противник, если таковым выступало другое племя, мог в определенный момент признать, что в этом бою он не проявлял равное мужество, поэтому преклонялся перед своим соперником. Такой исход сражения считался наиболее желательным. Конечно, индейцы воевали и за материальные блага, в первую очередь лошадей, однако захватнические походы никогда не являлись самоцелью. Престиж или месть – вот два ключевых мотива любой войны в понимании коренного жителя Великих Равнин[9]. Однако американцы, появившие-

[9] При этом культура жителей Великих Равнин не знала принципа эквивалентности наказания: месть необязательно сводилась к убийству того, кто убил вашего соплеменника. За престу-

ся на Великих Равнинах, не считали нужным знакомиться с культурой и обычаями местных жителей, заведомо считая тех дикарями и преградой на пути цивилизации. Любое непонятное действие со стороны индейцев воспринималось как агрессия и вызывало соответствующую реакцию[10].

Конечно, не стоит идеализировать индейцев, приписывая им исключительное миролюбие. Агрессивность была свойственна многим индейским племенам от Восточного побережья до Тихого океана. Культурные и языковые различия, неспособность европейцев понять тонкости хозяйственного уклада коренных жителей Америки часто провоцировали кровопролитные конфликты. Даже русские колонисты на Аляске в 1802–1805 гг. оказались вовлечены в жестокое противостояние с тлинкитами, хотя русские, в отличие от американцев, не были заинтересованы в насильственном переселении коренных жителей, а использовали их как рабочую силу. Тем не менее подобные конфликты обычно заканчивались достижением договоренностей, устанавливавших мир. В США же на государственном уровне была принята идеология геноцида коренных народов. Известная концепция «явного предначертания»[11] как нельзя лучше служила идеологическим оправданием избиению коренных жителей американского континента. Как мы помним, согласно этой идеологии самой судьбой предопределено, чтобы белые американцы безраздельно владели землей «от моря до сияющего моря». Все, что стоит на пути, должно быть уничтожено.

Попытки найти экономическое обоснование истреблению индейцев лишены смысла. Племена равнин, безусловно, мешали переселенцам использовать природные ресурсы. Однако войны с краснокожими, которые велись на деньги налогоплательщиков, приводили к таким расходам, на фоне которых меркли любые материальные потери. Многие американские интеллектуалы и военные понимали это. Узнав о том, какие огромные деньги были потрачены на истребление нескольких сотен мирных индейцев, Марк Твен с горечью воскликнул, что на эти же деньги можно было отправить всех их учиться в самый престижный университет. В 1864 г. генерал Р. Митчелл писал: «Хорошо известно, что содержание одного кавалерийского полка в полевых условиях обходится ежегодно в миллион долларов. В моем округе <…> расквартировано три полка, то есть на них тратится три миллиона в год <…>. Я бы увел этих

пление несло ответственность все племя в целом. Именно этого не могли понять американские переселенцы, которые с легкостью убивали индейцев в бытовых ссорах по самому незначительному поводу. Когда затем племя убитого начинало мстить совсем другим людям, это принималось за свидетельство невероятной жестокости коренных народов.

[10] К примеру, у жителей равнин существовал следующий обычай: заметив незнакомцев, они пускали лошадей галопом прямо к ним, что ни в коей мере не являлось свидетельством враждебных намерений. Более того, даже в случае наличия таковых обычай требовал от всадников заранее подавать противнику сигнал о том, что он подвергается нападению. Американцы же при виде несущихся на них краснокожих предпочитали сразу же открывать огонь.

[11] *Сиротинская М.М.* Идея «Предопределения судьбы» в восприятии американских современников: середина XIX в. М.: РГГУ, 2017.

индейцев в резервации, разодел их в шелка, кормил жареными устрицами и снабжал карманными деньгами на игру в покер, а также давал им столько табака и виски, сколько бы они захотели. Благодаря этому у меня бы каждый год оставался лишний миллион долларов».

В течение XIX столетия Соединенные Штаты провели несколько десятков более или менее масштабных войн с индейским населением. Большинство экспедиций американской армии в рамках этих конфликтов представляло собой многомесячный изнурительный поиск противника, сопровождавшийся бесконечными мелкими стычками и засадами. Приемлемым результатом похода являлся захват брошенного лагеря или деревни племени, который сопровождался сожжением и уничтожением всего найденного имущества. Более благоприятным исходом, сулившим награды и почести руководителям экспедиции, было истребление самого индейского населения. Врываясь в индейское поселение, солдаты обычно беспощадно убивали женщин и детей, часто пользуясь тем, что мужчины ушли на охоту.

Иногда американские власти стремились «соблюсти закон», принуждая вождей побежденных племен подписывать с ними формальные договоры, по которым те соглашались уступить свои земли бесплатно или за номинальное вознаграждение и переместиться в резервации. Эти договоры, безусловно, ничтожны с правовой точки зрения, поскольку подписаны под дулом винтовок. Их юридическая абсурдность также обусловлена тем, что они подписывались формально с коренными американцами, не имевшими гражданства США. Отметим, что современные американские корпорации, заинтересовавшись теми или иными землями индейцев, не стесняются идти по тому же пути, устраивая подписание фиктивных договоров. В послевоенное время американские компании, к примеру, устроили массовое переселение индейцев из резерваций в Нью-Мексико и Аризоне, где были открыты месторождения урана. Те, кто избежал насильственной депортации, вынуждены были за скромную плату работать на урановых рудниках.

Тем не менее решающим фактором, который стал причиной поражения индейцев и успеха организованного американцами геноцида, были не действия армии, а подрыв экономической базы коренных жителей континента. Самый страшный удар был нанесен уничтожением бизонов, вдохновителем которого стал генерал Ф. Шеридан. Во время Гражданской войны Шеридан был командующим федеральной кавалерией и прославил себя многочисленными победами. Однако в последующем бравый кавалерист запятнал свое имя, став одним из палачей индейского народа. Один из захваченных вождей команчей заявил ему на ломанном английском: «Мой есть хороший индеец». Генерал же мгновенно парировал: «Все хорошие индейцы, которых я видел, были мертвыми»[12]. Впоследствии это фраза стала печально знаменитым изречением «Хороший индеец – мертвый индеец».

[12] *Величанский А.Л.* Схороните мое сердце у Вундед-Ни. Хабаровск, 1988.

Истребление бизонов было любимой идеей Шеридана. Он выступил с речью перед Конгрессом, убеждая его не только ассигновать бюджетные деньги в качестве субсидий охотникам, но даже отчеканить медаль, аверс которой изображал бы убитого бизона, а реверс – мертвого индейца. Менее трети уничтоженных животных было хоть как-то использовано в хозяйственных целях, остальные были застрелены в качестве «спорта». Воспоминания «спортсменов» поражают воображение: один из них хвастался тем, что смог за двадцать минут убить сорок животных, а за лето – более пяти тысяч. Вносили свою лепту и железнодорожные компании. Именно строительство трансконтинентальной линии стало одним из мощнейших аргументов в пользу «решения индейского вопроса». Пассажирам поездов, замедлявших движение на равнинах, предлагалось позабавиться отстрелом бизонов прямо из окон вагонов. Выдающийся канадский натуралист Ф. Моуэт подытожил: «Неприглядная истина, похоже, такова: великолепное, сильное животное стало жертвой необузданного стремления к убийству, безнаказанного истребления всех и вся на бескрайних просторах Северной Америки». Немногочисленные общественные деятели пытались вынести на рассмотрение Конгресса законопроект о запрещении подобного варварства, однако эти инициативы неизменно блокировались главой государства, которым в те годы был не кто иной, как Улисс Грант – бывший командир Шеридана.

Большими «достижениями» Шеридана были две бойни мирного населения – в Уошите в 1868 г. и на реке Мариас в 1870 г. В первом случае солдаты другого героя-кавалериста времен Гражданской войны Джорджа Кастера вырезали большую деревню шайенов, скальпировав их вождя по имени Черный Котел, который уже давно раздражал Шеридана. После этой «героической победы» довольный генерал даже принял парад, в ходе которого мимо него прошествовали солдаты, размахивавшие скальпами женщин и детей. Стоит отметить, что в разгар бойни индейские воины из соседних селений поспешили на помощь погибавшей деревне. Когда об этом доложили полковнику Кастеру, руководившему операцией, тот приказал отступить, причем сделал это настолько поспешно, что «забыл» небольшое подразделение майора Дж. Эллиота, которое вскоре было вырезано подошедшими индейцами.

На реке Мариас произошло еще более трагическое событие. Отряд майора Ю. Бейкера вышел якобы на поиски конокрадов, досаждавших местным властям. В реальности Бейкер лишь воспользовался пропажей нескольких мулов, чтобы устроить резню племени пигеанов (черноногих), чья деревня стояла у реки. Воинов в деревне не было: пигеаны уже давно не воевали и угрозы не представляли, к тому же в деревне бушевала оспа. Почти все жители были истреблены с особой жестокостью, некоторые из них сожжены заживо.

Бойня на реке Мариас имеет особое значение для истории уничтожения американских индейцев. И дело не только в том, что она показывает, какие события в реальности стояли за громким словом «война», которое использо-

вало американское правительство. Очевидно, что большинство известных истории экспедиций против коренного населения было такой же «войной», как отстрел бизонов скучающими пассажирами поездов. После уничтожения деревни черноногих, которое местные власти пытались скрыть, слухи дошли до Вашингтона. На этот раз Бюро по делам индейцев, обычно закрывавшее глаза на проблемы своих подопечных, взялось за расследование, которое возглавил руководитель агентства Эли Паркер.

За английской фамилией Паркера скрывалось настоящее имя Донехогава (Хранитель западных дверей длинного дома) – индеец из племени ирокезов, прошедший длинный путь, полный унижений и разочарований, связанных с презрительным отношением к краснокожим. Сменив имя, он попробовал себя в юриспруденции, но подняться выше клерка не смог, так как к экзаменам на лицензию адвоката его не допустили. Однако Паркер получил высшее образование и диплом инженера. Именно в этот период он познакомился с У. Грантом, в то время разорившимся и спивающимся отставным капитаном-неудачником. С началом Гражданской войны Паркер сперва попытался сформировать полк из ирокезов, потом подал прошение о приеме его на службу в качестве военного инженера, но в обоих случаях военные власти заявили ему, что не нуждаются в услугах дикарей, какие бы дипломы те не имели. Однако вскоре старый знакомый, который к тому времени стал генералом, вспомнив о Паркере и его красивом почерке, сделал индейца своим адъютантом. Именно рукой Паркера были написаны условия капитуляции при Виксберге и итоговый документ в Апоматоксе. Некоторые историки даже полагают, что именно он и стал их автором. Грант, ценивший своего талантливого помощника, выбил ему звание бригадного генерала – неслыханное событие со времен Пушматахи. Став президентом, бывший главнокомандующий не забыл о своем соратнике, поручив ему управление Бюро по делам индейцев.

Э. Паркер прекрасно понимал, что вверенное ему Бюро организовано вовсе не в гуманитарных целях. Он с горечью писал: «Несмотря на то, что эта страна была когда-то целиком заселена индейцами, племена, многие из которых были могущественными и жили на землях, составляющих ныне штаты к востоку от Миссисипи, одно за другим были уничтожены при неудавшихся попытках противостоять наступлению западной цивилизации <…>. Если какое-либо племя протестовало против нарушения своих естественных и договорных прав, членов этого племени бесчеловечно убивали, и в целом с индейцами обращались попросту как с собаками…»[13]. Осознавая шаткость своего положения, Паркер сперва действовал осторожно. Бойня на Мариасе побудила его отбросить всякую предусмотрительность и перейти к решительным действиям.

Глава Бюро пригласил в Вашингтон для переговоров влиятельного лидера племени сиу Красное Облако. В 1866–1868 гг. этот знаменитый вождь возглав-

[13] *Kleiman A.* We are all Americans. Johns Hopkins, 2014.

лял борьбу племен лакота, уроженцем которого он являлся, а также северных шайенов и северных арапахо против американских колонистов, стремившихся изгнать его соплеменников на необжитые территории. В конце 1861 г. Красное Облако уничтожил американский отряд капитана У. Феттермана. Хотя война Красного Облака не была масштабной, ее можно считать одной из немногочисленных побед индейского народа, поскольку по ее итогам американские власти пошли на беспрецедентные уступки и знаки внимания к представителям коренных американцев. Главным среди них стала поездка Красного Облака в Вашингтон.

Вождю организовали путешествие по железной дороге, поселив его и сопровождающих в роскошных апартаментах первоклассной гостиницы. Гостей любезно приняли, развлекали экскурсиями по столице и пригласили на прием в Белый дом, где их встретил сам Улисс Грант – Великий Отец, как индейцы называли президента. Отведав изысканного обеда, один из вождей многозначительно заметил: «Несомненно, у белых гораздо больше вкусной еды, чем они присылают индейцам».

Переговоры в министерстве внутренних дел проходили трудно. Красное Облако в своих выступлениях обрушился на эмиссаров американского правительства, которые навязывали кабальные сделки индейским племенам, оказавшимся в безвыходном положении. Вождь сетовал, что «у людей, которых Великий Отец присылает к нам, нет разума и вовсе нет сердца». Индейский лидер подчеркивал, что его народ имеет лишь мирные намерения и не желает воевать против американского правительства. Однако, как подчеркивал Красное Облако, его соплеменники силой загоняются в резервации, которые устраиваются в совершенно непригодных для жизни местах, ведь их организацией занимаются те, кто вообще не имеет представления об образе жизни индейцев.

Не придя к решению на переговорах с министром, индейцы обратились к президенту Гранту. Вождь снова изложил просьбу своего племени: индейцы хотят жить в благоприятных условиях и иметь возможность торговать с поселенцами. При этом Красное Облако ссылался на договор, подписанный им два года назад. В ходе беседы выяснилось, что о таком договоре глава государства не слышал. Когда, наконец, на следующий день документ был найден, то оказалось, что в государственных архивах хранится совсем иной текст, нежели тот, который подписывал вождь. Иными словами, коренных американцев обманули самым циничным образом. Взбешенный вождь уже собирался покинуть Вашингтон, когда в дело вмешался Паркер. Ему удалось убедить Гранта пересмотреть договор в несколько более выгодном для коренных народов ключе.

Хотя это достижение нельзя считать полной победой, Красное Облако имел основания торжествовать, по крайней мере, его народ теперь не обрекался на медленное вымирание. Однако когда вождь вернулся обратно, оказа-

лось, что местные власти не спешат выполнять указания Вашингтона. Точнее сказать, эти указания выполнялись, но нарочито медленно и не до конца. Как следствие, другие индейские племена, которые начали группироваться вокруг Красного Облака, признавая его своим лидером, стали подозревать вождя в сговоре с белыми. Встревоженный вождь вновь обратился к Паркеру, однако его звезда к тому времени уже клонилась к закату. Против руководителя Бюро по делам индейцев была развернута ожесточенная кампания. Не выдержав давления, Паркер оставил государственную службу и занялся бизнесом, где сумел достичь значительных успехов. Но с его уходом индейцы потеряли последний шанс быть услышанными в Вашингтоне.

Пережив других вождей эпохи индейских войн, Красное Облако скончался в 1909 г. в возрасте восьмидесяти восьми лет в резервации – доме, построенном за счет американского правительства. Незадолго до смерти он сказал: «Много белые люди давали нам обещаний – столько, сколько мне уже не упомнить. Лишь одно они сдержали: они пообещали отнять нашу землю – и они ее отняли».

Американское правительство между тем решило покончить с жителями северной части Великих Равнин. В 1876 г. началась Великая война сиу, также известная как Война за черные холмы – последний масштабный военный конфликт с индейцами. Той зимой индейцы сиу[14], а также шайенны получили от властей распоряжение немедленно покинуть места проживания и явиться в места сбора, откуда их должны были отправить в новые резервации. Индейцев поразили не только сжатые сроки, но и то, что переход они должны были совершить в самый разгар зимы. Даже кочевые племена коренных американцев оставались на зимовье на одном месте, поскольку на Великих Равнинах такие предприятия были равносильны смерти. Неудивительно, что сиу и шайенны оставили без внимания указание властей. Интересно, что абсурдное распоряжение, которое демонстрировало полное нежелание понимать уклад жизни коренных американцев, было разработано чиновниками, отвечавшими за индейские вопросы, и поддержано прежде всего генералом Шериданом. Некоторые правительственные агенты на местах выражали сомнения в реалистичности правительственного плана и докладывали в Вашингтон, что индейцы просто не снимутся с места посреди зимы, однако все эти донесения были оставлены без внимания.

По всей видимости, речь шла о намеренной провокации. «Неповиновение» племен было воспринято как повод для начала масштабной карательной операции. Старый кавалерист Шеридан без долгих раздумий отправил своих солдат на запад с приказом уничтожать индейские деревни. Началась настоящая резня, первыми жертвами которой стали женщины и дети. Командование американской армии не предвидело долгой борьбы, поскольку коренные на-

[14] Это собирательное название группы индейских племен, куда, в частности, входили соплеменники Красного Облака – индейцы лакота.

роды равнин уже были ослаблены многолетней борьбой, а также не имели достаточно оружия и боеприпасов, поставки которых строго ограничивались. Многие из индейских воинов были вооружены ружьями времен Текумсе или самого Понтиака.

Однако американских генералов А. Терри и Дж. Крука, возглавлявших экспедицию, ждало разочарование. В первых столкновениях – у реки Паудер и Роузбада – американцы не только не смогли одержать решительной победы, но были вынуждены отступить, столкнувшись с упорным сопротивлением. За действия у реки Паудер полковник Рейнольдс, командовавший американскими подразделениями, предстал перед военным трибуналом и был сурово наказан. Ему не помогла даже дружба с Улиссом Грантом.

Тем не менее главным действующим лицом войны стал другой офицер – полковник Кастер – «герой» бойни в Уошите[15]. Летом 1876 г. генерал Терри выслал 7-й кавалерийский полк под командованием Кастера для преследования индейских племен, по традиции уклонявшихся от решительного столкновения. Наткнувшись на свежие следы огромного лагеря у реки Литтл-Бигхорн, Кастер вскоре обнаружил противника и принял решение разделить свои силы на три части, полагая, что так увеличивается вероятность навязать индейцам бой в открытом поле, где преимущество американских солдат в огнестрельном оружии сыграло бы решающую роль.

Два других отряда, ведомые майором Рино и капитаном Бентином, столкнулись с решительным сопротивлением многочисленных индейцев. Видимо, уже не питая иллюзий в отношении диверсионной тактики, отчаявшиеся жители равнин во главе с вождем Сидящим Быком решили вступить в бой на открытой местности. Мощь, с которой они обрушились на американцев, была такова, что Рино и Бентин, соединившись, поспешили отступить. Однако они не смогли обнаружить третий отряд, возглавляемый Кастером. Как известно, при Уошите «забывчивость» последнего привела к тому, что он бросил отряд майора Эллиота, который погиб в полном составе. На сей раз офицеры решили, что их командир поступил так же, уйдя без них, и поспешили в расположение главных сил.

---

[15] Кастер, выпускник Вест-Пойнта, в 22 года попал в самый центр событий Гражданской войны. Его отвага, граничившая с безрассудством и пренебрежением как своей, так и солдатскими жизнями, принесла ему громкую славу. В 23 года он стал бригадным генералом волонтеров, одним из самых молодых генералов в армии Союза. Его смелые тактические ходы, невероятные по своему замыслу атаки и маневры – все это было продиктовано не только его качествами как командира, но и запредельными амбициями 23-летнего генерала. После войны, когда части волонтеров были расформированы, Кастер был возвращен в чин капитана регулярной армии (обычное явление для того времени). Такая перемена, несомненно, сказалась на его личных качествах, сделав и без того агрессивного офицера настоящим фанатиком, горящим желанием отличиться на поле боя и скорее вернуть высокие звания. Джордж Кастер демонстрировал не только беспримерную храбрость в бою с противником, но и чудовищную жестокость в отношении мирного населения.

Между тем Кастер и его роты попали в плотное кольцо и были загнаны на вершину холма. Шайенны бросили в бой несколько тысяч воинов-смертников, которые были призваны принять на себя винтовочный огонь американцев. Напор был такой, что солдаты Кастера просто не успевали перезаряжать оружие, и вскоре воины сиу и шайеннов смогли вступить в рукопашную схватку. Имевшиеся у американцев картечницы Гатлинга (прообраз пулемета, приводившегося в движение ручной силой) самоуверенный полковник оставил в лагере. В завязавшейся рукопашной схватке преимущество было на стороне коренных американцев. Вскоре больше двух с половиной сотен солдат Кастера вместе с их командиром были уничтожены.

После этого индейцы попытались атаковать остатки 7-го полка, однако те уже успели окопаться, а отсутствие смертников, которые почти все погибли при штурме позиций Кастера, не позволило повторить успех. Появление генерала Терри со своими солдатами заставило индейцев отступить.

Поражение у Литтл-Бигхорна повергло американское общество в шок. Примитивные дикари, как их представляли себе жители США, смогли заманить в ловушку и уничтожить одного из самых опытных и бесстрашных командиров в американской армии. Сторонники Кастера требовали судить Рино и Бентина, которые якобы бросили своего командира. Другие утверждали, что поражение стало логическим итогом бесшабашного стиля ведения войны, избранного покойным полковником и так полюбившегося обывателям, которые с восторгом читали в газетах о подвигах мужественной кавалерии на Диком Западе.

Так или иначе, но победа у Литтл-Бигхорна не смогла в корне изменить ход Войны за черные холмы. Многие нейтральные племена, воодушевленные победой, стали под знамена Сидящего Быка, но силы, которые собрал Вашингтон, не оставляли шансов на победу. В 1877 г. равнинные индейцы были окончательно разгромлены. Американские скауты из числа искателей приключений и уголовников время от времени предавали смерти того или иного краснокожего, объявляя его убийцей Кастера. Сам Сидящий Бык некоторое время провел в заключении, после чего вынужден был осваивать роль циркового артиста в шоу знаменитого Баффало Билла, который также в свое время «отомстил» за Кастера. Со временем вождь вернулся в племя, которое переживало появление нового духовного учения мессианского толка. Встревоженные американские власти решили устранить наиболее авторитетных лидеров, и в 1890 г. Сидящий Бык был застрелен при аресте. Символично, что одну из пуль выпустил американский офицер, а другую – индеец из числа туземной полиции, которую власти сформировали для поддержания порядка в резервациях.

Великая война сиу стала последним крупным конфликтом в длинной череде индейских войн на американском континенте. Одновременно с ней закончилась достаточно трудная война с племенем не-персе, которую генерал Шерман назвал одной из наиболее выдающихся среди индейских войн. Однако

последние выстрелы были еще впереди: их спровоцировали те же самые события, которые стоили жизни Сидящему Быку.

В начале 1890-х гг. среди коренных американцев появился некий Вовока, называвший себя пророком, которому явился Иисус, сообщивший о своем Втором пришествии в образе индейца и пообещавший привести всех коренных американцев на благодатные земли, где будет изобилие бизонов. Американские поселенцы, которые давно мечтали избавиться от соседства последних индейских деревень и кочевий, с удовольствием принялись доносить властям о готовящемся восстании. В итоге всю зиму отдельные группы индейцев были вынуждены скитаться по равнинам, спасаясь от карателей. Даже если среди них и были воины, их физические силы были на исходе, и никто уже даже подумать не мог о вооруженном сопротивлении.

В начале зимы 1890 г. солдаты 7-го кавалерийского полка, который некогда возглавлял Кастер, по приказу военного министра выдвинулись с целью захватить вождя по имени Большая Нога, также известного как Пятнистый Лось. Памятуя о судьбе Сидящего Быка, вождь вместе с соплеменниками пытался бежать к Красному Облаку, надеясь на его защиту. Однако дорога через зимнюю прерию изматывала индейцев, среди которых было много женщин, детей и стариков, и сам вождь в итоге получил тяжелое воспаление легких. К тому моменту, когда беженцы наткнулись на кавалеристов, он уже не мог идти. Узнав о встрече, он велел выбросить белый флаг и, несмотря на легочное кровотечение, нашел в себе силы поговорить с майором С. Уайтсайдом, который сообщил вождю о приказе арестовать его и задержать его соплеменников. Вскоре солдаты препроводили индейцев в лагерь у ручья Вундед-Ни, где их уже ожидал командир полка полковник Д. Форсайт. Этот ручей, который сами индейцы именовали Чанкпе-Опи-Вакпала, имел особое значение. По одной из версий, на его берегах было похоронено сердце знаменитого Бешеного Коня – одного из вождей, разбивших отряд Кастера. В лагере индейцев пересчитали и разместили по вигвамам, выставив часовых и установив на холме четыре скорострельные пушки, нацеленные на лагерь. Весь вечер офицеры во главе с Форсайтом и Уайтсайдом распивали виски, отмечая «блестящую» поимку вождя.

На следующее утро, 29 декабря, индейцев собрали в центре лагеря и приказали сдать оружие. Этот приказ выполнили все, за исключением одного из них, который, как показалось американцам, не хотел расставаться с винчестером, стоившим немалую сумму (потом выяснилось, что владелец винтовки был глухим). Случайный выстрел, прозвучавший в ходе завязавшейся потасовки, стал сигналом к началу бойни. Кавалеристы открыли беспорядочную стрельбу по всему, что движется. Услышав выстрелы, артиллеристы запаниковали и открыли по лагерю огонь шрапнелью, забыв, что там находятся их же товарищи.

Итогом бойни стала гибель в общей сложности трех сотен человек, из которых две трети составляли женщины и дети. Полсотни выживших индейцев были ранены, многие из них вскоре скончались. Погиб и 31 солдат: их настигли пули и шрапнель своих же сослуживцев, ведших беспорядочный огонь по мечущимся в ужасе безоружным людям. Так закончились индейские войны – самая длинная и, возможно, самая бесславная череда конфликтов из всех, что когда-либо вели Соединенные Штаты.

Одним из выживших у Вундед-Ни был Черный Лось – известный целитель и родственник Бешеного Коня. Много лет спустя, вспоминая резню, он сказал: «Тогда я еще не знал, сколь многому пришел конец. Когда я оглядываюсь назад с высокого холма моей старости, я все еще могу видеть зверски убитых женщин и детей, лежащих грудами вдоль узкого извилистого ущелья, я вижу их так же ясно, как видел молодыми глазами. И я могу видеть нечто иное, что умерло там, в кровавой грязи, и похоронено в метели. Там умерла мечта народа». Не менее тягостные впечатления Вундед-Ни оставил и у самих солдат, учинивших бойню. В 1964 г. последний из живых участников этих событий, тогда 21-летний рядовой кавалерии Х. Мак-Гиннис написал: «И вот мне девяносто четыре, и я последний из живых солдат роты "К" седьмого кавалерийского… Семьдесят четыре года не смогли полностью стереть из моей памяти смертельный ужас тех событий и я все еще просыпаюсь среди ночи от кошмарных снов о той бойне…».

Бойня у Вундед-Ни стала зловещим предвестником будущих военных преступлений американцев уже на землях других стран и континентов. Однако американское общество восприняло эти страшные события как блестящую победу американской армии, подавившей последний очаг сопротивления краснокожих. Газеты и журналы публиковали красочные описания подвигов «горстки солдат», доблестно отбивавшихся от полчищ индейцев. Никто из простых американцев даже не мог себе представить, что почти все погибшие солдаты пали от своих же пуль и снарядов.

Трудно поверить, но за уничтожение женщин и детей у Вундед-Ни власти удостоили Медали почета – высшей военной награды США – 20 человек. Для сравнения: за подвиги в битве при Геттисберге в 1863 г., в которой более 160 тысяч человек с обеих сторон сражались три дня, эту награду получили 63 человека[16].

Уничтожение безоружных индейцев у ручья Вундед-Ни стало последним аккордом индейских войн, однако не поставило точку на угнетении коренных американцев. Время от времени армия, полиция и позднее спецслужбы производили «зачистки» резерваций, открывая огонь по мирным жителям. К примеру, в 1973 г. в деревне у того же самого ручья агенты ФБР убили двоих и ранили тринадцать индейцев. Однако событий, подобных резне при Уошите или Вундед-Ни, уже не повторялось, поскольку необходимость в них отпала.

[16] *Величанский А.Л.* Схороните мое сердце у Вундед-Ни. Хабаровск, 1988.

К концу XIX века индейские племена были окончательно загнаны в резервации, а на место армии пришли корпорации, которые продолжали вытеснять коренных американцев с их земель. Преступность, нищета, деградация, алкоголизм и наркомания стали повсеместными явлениями в индейских резервациях. В отношении коренных народностей был фактически установлен оккупационный режим, который сохраняется и по сей день.

Индейские войны составили целую эпоху в американской истории. Они создавали солдат и командиров, которые теряли связь с реальностью, переставали ценить человеческую жизнь, будь то их собственная, их солдат или противника. Такие люди быстро становились подлинными маньяками, живущими одним насилием, убивающими ради того, чтобы убивать. Этот тип людей особенно ярко проявляется в локальных войнах прошлого века – от Вьетнама до Ирака.

В этих конфликтах можно найти много схожего с индейскими войнами. Непрерывное напряжение, длительное пребывание вдали от дома, постоянная угроза нападения из засады, скрытность и осторожность противника, его умение растворяться среди мирных жителей – все это во многом напоминает войны эпохи Кастера. Бессмысленность применения военной силы, массовые убийства мирного населения и быстрое перерождение солдат и офицеров в бездушных исполнителей любых, даже наиболее бесчеловечных, приказов – все это также роднит современные войны Соединенных Штатов с трагическими событиями, некогда разворачивавшимися на Великих Равнинах.

Многие граждане США гордятся тем, что основополагающие законы их страны, такие как Конституция или Билль о правах, были созданы еще в XVIII веке и при этом содержат концепции, актуальные и сегодня: равенство граждан перед законом, беспристрастность правосудия, невмешательство государства в частную жизнь. При этом мало кто вспоминает, что упомянутые в этих документах «американский народ», «граждане» и даже «люди» как таковые в понимании их авторов представляли собой узкую группу лиц со строго определенными параметрами – расовой принадлежностью, цветом кожи, полом, вероисповеданием, материальным положением. Тем самым «нация свободных людей» сводилась до узкой группы «белых джентльменов», которые одни наслаждались «демократией». На остальных (женщины, малоимущие, иммигранты) «демократические блага» распространялись частично или вовсе не распространялись. Речь идет также и о коренных американцах.

Истребление индейских племен, обитавших в районе Восточного побережья, стало первым военным опытом молодой американской нации. Стратегия, избранная американскими колонистами в отношении коренного населения, может быть названа стратегией тотальной войны, поскольку предполагала полное физическое уничтожение индейцев и зачастую велась единственно с этой целью.

Иллюстрации к главе 10

Торговля Дж. Смита с индейцами.

Уничтожение индейцев пуританами.

Резня индейцев при Форт-Мимс.

Сражение времен первой войны США с семинолами.

Облагороженный воображением художника один из последних эпизодов расширения американского «жизненного пространства» – бойня у ручья Вундед-Ни 29 декабря 1890 года, когда более четырехсот солдат 7-го кавалерийского полка армии США одержали «героическую победу» над 350 индейцами, три четверти из которых составляли женщины и дети.

Вождь племени чероки сдается генералу, будущему президенту Э.Джексону.

Глава 11

Вклад России в сохранение американской государственности

Рассматривая вопрос об исторических корнях американской государственности, нельзя обойти стороной в высшей степени интересную, но достаточно мало освещенную тему помощи, неоднократно оказанной России молодым Соединенным Штатам. Российская империя внесла существенный вклад в становление и сохранение американской государственности еще до того, как было провозглашено создание США как суверенной державы.

В июне 1775 г., то есть в самом начале Войны за независимость США (1775–1783), английский король Георг III обратился к Екатерине II с просьбой о содействии в подавлении восстания в американских колониях. Речь шла о направлении в Америку 20 тыс. русских солдат, которых предполагалось «взять в аренду» (для того времени это была обычная практика, на которой неплохо зарабатывали многие государства).

Тогда, в эпоху А. В. Суворова и Г. А. Потемкина, русская армия заслуженно пользовалась авторитетом лучшей в Европе. Несомненно, в случае удовлетворения российской императрицей просьбы британского монарха, который предлагал привлекательные финансовые условия сделки, американцы могли бы потерпеть сокрушительное поражение, ведь армия Дж. Вашингтона насчитывала не более 27 тыс. слабо подготовленных солдат, которые едва выдерживали напор английских войск.

Вместе с тем в ответном письме Екатерина II сообщила британскому монарху о невозможности для России оказать такую помощь. Причиной отказа явилось ее желание преподать урок Великобритании, чья морская и коммерческая экспансия наносила ущерб российским интересам. В своих частных письмах императрица высказывала убеждение в правоте дела американских колоний и предсказывала им победу.

Позднее, в 1777 г., Георг III вновь обратился к Екатерине II, запросив на этот раз 10 тысяч солдат, понимая, что даже такой контингент вполне смог бы переломить ход войны в пользу Великобритании. Однако российская самодержица отказала и на этот раз. Примечательно, что американское руководство было осведомлено о данных просьбах Лондона и «немало обрадовано» отказом российской стороны[1].

Как следствие, британскому монарху пришлось прибегнуть к помощи мелких германских княжеств, в первую очередь Гессена, которые фактически продавали своих подданных (многие из них были схвачены на улицах и насильно завербованы на военную службу). Очевидно, что такие солдаты не отличались высокими качествами. В самом деле, в американской историографии тех лет

[1] Как и почему Россия помогла США 150 лет назад // История РФ – портал.

гессенские наемники описываются по большей части как грабители и мародеры, а не как высокопрофессиональные солдаты, на которых рассчитывал король Георг III, отправляя послание Екатерине II. Более того, 10 марта 1780 г. Екатерина II провозгласила политику вооруженного нейтралитета, имевшую целью защиту морской торговли с воюющими сторонами. В данной политике были заинтересованы Великобритания, Франция и Испания. На ее основе впоследствии была создана Лига вооруженного нейтралитета, в которую со временем вошли практически все европейские страны. Лига распалась с окончанием Войны за независимость. Американские лидеры того времени высоко оценивали эту поддержку со стороны России, по сути предотвратившей морскую блокаду Лондоном их восставших колоний в Северной Америке.

Еще более существенную помощь Россия оказала США в ходе Гражданской войны 1861–1865 гг. После начала конфликта Россия выступила за сохранение единства американского государства, признав в качестве официального правительства Авраама Линкольна в Вашингтоне. Дело Севера вызвало в России широкую общественную поддержку и сочувствие, особенно с учетом лозунга отмены рабства (вспомним, что 1861 год стал годом упразднения крепостного права в России).

В то же время Англия и Франция придерживались иных позиций, поддерживая КША, которые они рассчитывали использовать в собственных геополитических интересах. Так, англичан пугала промышленная мощь США, тогда как роль КША как слаборазвитого поставщика хлопка Лондон вполне устраивала. Французы, в свою очередь, боялись претензий США на Мексику, которую они считали сферой своих интересов (в Мексике даже находился французский военный контингент), и добивались от КША отказа от каких-либо притязаний на эту страну.

С учетом этих планов Лондон и Париж оказывали КША поддержку как дипломатическими средствами, так и путем поставок конфедератам широкого спектра стратегически важных товаров, включая оружие и боеприпасы. Причем южанам поставлялось не только стрелковое оружие, но и артиллерия, а на британских верфях для южных штатов даже была построена серия броненосцев.

Параллельно британцы и французы прорабатывали планы оказания прямой военной помощи Конфедерации, в том числе путем проведения экспедиционной операции с высадкой в Мексике и последующих совместных действий англо-французских сил вместе с южанами. Опыт таких действий уже был: в 1855 г. закончилась Крымская война, в ходе которой обе державы воевали против России.

В качестве основного предлога для возможной агрессии Лондон рассматривал установленную США морскую блокаду Конфедерации. Понимая, что основную часть вооружений и стратегических ресурсов Юг получает по морю из-за рубежа, северяне воспользовались своим подавляющим преимуществом

в военно-морском флоте и попытались парализовать коммерческое судоходство, задерживая также следовавшие в порты Конфедерации британские торговые суда, груз которых подлежал конфискации и уничтожению.

Вынашивая планы агрессии против США, французы и британцы планировали привлечь к ней и Россию. В октябре 1862 г. Париж и Лондон предложили Санкт-Петербургу начать совместные военные действия против Вашингтона, на что император Александр II ответил отказом. Понимая, что совместная военная операция Великобритании и Франции фактически может превратить США в англо-французский протекторат или даже колонию, в Санкт-Петербурге приступили к подготовке превентивных мер, которые могли бы удержать англо-французов от агрессивных действий.

К 1863 году, ознаменовавшему высшую точку в войне, ситуация вокруг возможного вмешательства Англии и Франции в конфликт, который вполне мог привести к полному распаду американской государственности, накалилась до предела. Именно в этот момент Россия приняла решение направить в Нью-Йорк и Сан-Франциско две эскадры под командованием контр-адмирала С. С. Лесовского и контр-адмирала А. А. Попова. В общей сложности в их составе насчитывалось 12 крейсеров[2].

Оба командующих русскими эскадрами имели прямое указание оказывать содействие США, охраняя побережье от возможных атак противника и высадки десанта, а также защищая американское коммерческое судоходство. Все русские командиры получили приказ открывать огонь по любым кораблям, атакующим суда под американским флагом. Особенно важно это было на тихоокеанском побережье США, где у Вашингтона вообще не было военно-морских сил.

Прибытие русских эскадр не только стало важным политико-дипломатическим шагом, но и имело большое стратегическое значение. Как мы помним, Конфедерация прибегла к тактике крейсерских действий на морских коммуникациях, нанося огромный ущерб экономике северных штатов. Однако появление в американских портах сразу 12 российских крейсеров, каждый из которых по скорости не уступал, а по вооружению и выучке экипажа уверенно превосходил любой из рейдеров южан, помогло значительно разрядить обстановку, в том числе резко снизить взлетевшие страховые ставки, грозившие привести к упадку коммерческого судоходства.

Следует отметить, что российские корабли не просто «демонстрировали флаг», но активно действовали, крейсируя в основных районах активности конфедеративных рейдеров, включая Карибское море, Мексиканский залив, районы Кубы, Ямайки, Бермудских островов, Гавайев, Алеутских островов и Аляски.

Этим шагом в условиях угрозы военного вмешательства Англии и Франции на стороне южан Россия объективно оказала Северу серьезную поддерж-

[2] *Комоедов В.* Как Россия спасла США. РГ, 2016.

ку и существенно подняла престиж правительства А. Линкольна на международной арене.

После появления двух эскадр в американских водах Лондон быстро сменил воинственный тон на более миролюбивый. Это было связано с тем, что британские торговые и финансовые круги осознали, что в случае начала боевых действий русские крейсеры смогут нанести огромный ущерб британскому судоходству. Британский бизнес хорошо понимал, что если одна «Алабама», переделанная из гражданского судна и укомплектованная экипажем из полупрофессиональных наемных иностранцев, смогла нанести огромный ущерб морской торговле США, то 12 русских «алабам» с прекрасно обученными экипажами и мощным вооружением в случае войны на месяцы парализуют английское коммерческое судоходство. В этих условиях Лондон отказался от поддержки Парижа, который также был вынужден отступить.

Американская общественность и власти США по достоинству оценили помощь России. Российским морякам был оказан самый радушный прием. А. Линкольн принял командиров российских кораблей в Белом доме. Американский лидер отметил, что хотел бы, чтобы русские моряки оценили «сердечность и дружелюбие, которое Америка испытывает к России».

Ответный прием состоялся на флагманском корабле российской эскадры «Ослябя». Контр-адмирал С. С. Лесовский дал завтрак, на который были приглашены государственный секретарь США Уильям Сьюард, супруга президента (сам Линкольн был болен) и все члены правительства и Конгресса США. На приеме присутствовало 500 гостей.

Кроме того, российские корабли посещали с визитами сотни высокопоставленных американцев, включая членов правительства, сенаторов и конгрессменов. Не менее восторженно русских моряков принимало и население, которое устраивало в их честь торжественные банкеты и демонстрации. Не обошла вниманием визит русских эскадр и американская пресса, писавшая: «Русский флаг сплетается со звездами и полосами».

Во время своего пребывания в США русские моряки также запомнились помощью гражданскому населению. В частности, во время ужасного пожара в Сан-Франциско (23 октября 1863 г.) для спасения людей в город было направлено 400 офицеров и матросов из эскадры А. А. Попова. Шестеро россиян погибло в ходе этой операции, в память о них американцы создали мемориал. Ежегодно на одном из кладбищ, где погребены русские моряки, проходят поминальные церемонии.

В июле 1864 г., когда стало очевидно, что угроза США миновала в связи с неудачей англо-французских планов агрессии, а в Гражданской войне наметились явные перспективы ее завершения в победоносном для северян ключе, русские эскадры вернулись в места постоянной дислокации. На обратном пути один из кораблей эскадры А. А. Попова (корвет «Новик») наскочил в ту-

мане на камни севернее Сан-Франциско и был оставлен командой, потерявшей одного из матросов.

Остается отметить, что сегодня американские русофобы прилагают значительные усилия, чтобы предать забвению все описанные события. Поводы для этого нередко выбираются совершенно абсурдные. Так, в 2013 г. власти Сан-Франциско планировали отметить 150-летие визита русской эскадры, предусмотрев и участие гостей из Москвы и российских дипломатов. Было даже направлено приглашение в адрес Президента Российской Федерации В. В. Путина. Однако незадолго до намеченной даты власти отменили церемонию. Согласно официальному заявлению это было сделано из-за протеста местного ЛГБТ-сообщества, возмущенного якобы имевшим место в России притеснением сексуальных меньшинств. Вряд ли принимавший русских моряков в Белом доме А. Линкольн мог предвидеть такое развитие событий.

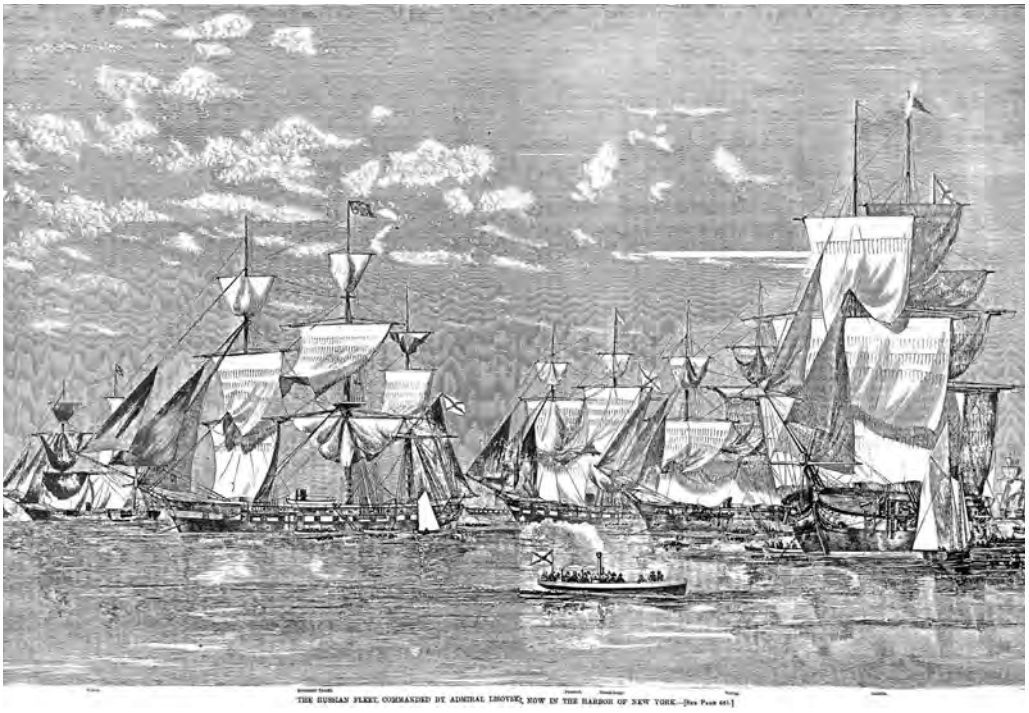
Иллюстрации к главе 11

Екатерина II отказала английскому королю
и де-факто поддержала американских колонистов.

Контр-адмиралы Лесовский и Попов.

Прием адмирала Лисовского на борту флагманского судна «Александр Невский «комитетом муниципального совета (Нью-Йорк октябрь 1863 г.).

Большая процессия русских моряков на Бродвее с эскортом из ополчения и полиции (Нью-Йорк, октябрь 1863 г.).



Русский флот, под командованием адмирала Лесовского находится в гавани Нью-Йорка (октябрь 1863 г.).

Глава 12

Когда Америка была русской: геополитическое присутствие России на американском континенте в 1772–1867 годах

Рассмотрение темы участия России в развитии американской государственности едва ли будет полным без анализа такой интересной, но по-прежнему мало известной широкой общественности темы, как Русская Америка. Длившееся почти три четверти века присутствие России на американском континенте заслуживает отдельного внимания, причем не только с исторической, но и политической точки зрения, поскольку позволяет лучше понять многие проблемные моменты российско-американских отношений, в том числе современных.

Тема Русской Америки в публицистике обычно рассматривается через призму столь непростого эпизода, как продажа Аляски в 1867 г. Этот шаг традиционно считается одним из самых противоречивых решений в истории Российской империи. В публицистике и среди широкой общественности многие десятилетия распространено мнение о том, что передача США огромных владений на американском континенте стала стратегической ошибкой Петербурга, значительно ослабившей геополитические позиции нашей страны в последующие столетия. В числе прочего указывается на то, что вместе с Аляской Россия утратила важный плацдарм проецирования своей мощи на Северную Америку, а также огромные запасы золота и других полезных ископаемых, обнаруженных на полуострове в скором времени после его перехода под власть США.

Помимо этих оценок в информационном пространстве регулярно всплывает целый ряд «сенсационных фактов», касающихся продажи Аляски. Утверждается, например, что финансовые средства от сделки так и не поступили в распоряжение российских властей из-за злого умысла Вашингтона или что судно, которое везло уплаченное американцами золото, затонуло. Популярна гипотеза о «предательстве» со стороны ближайшего окружения императора Александра II, введшего монарха в заблуждение и обманом склонившего его к сделке. Не меньшее распространение получила и легенда, согласно которой полуостров якобы был не продан США, а сдан в аренду на 99 лет, однако не истребован обратно руководством СССР в 1966 г. по сиюминутным соображениям. Циркулируют версии о том, что В. И. Ленин предлагал американцам отказ Советской России от претензий на Аляску в обмен на нормализацию отношений, а И. В. Сталин якобы вообще угрожал силой вернуть полуостров в состав СССР[1].

[1] Страницы истории: готовил ли Сталин десант на Аляску. ТАСС, 2016.

Помимо мифов и легенд, которые и сегодня осложняют адекватное понимание истории Русской Америки в XVIII–XIX столетиях, до сих пор не выработано единой позиции по целому ряду вопросов. Была ли продажа Аляски выгодна России с геополитической и экономической точки зрения? Имелись ли у российских властей в 1867 году другие варианты решения судьбы полуострова помимо его продажи? Могла ли Аляска остаться российской и просуществовать в этом качестве вплоть до наших дней?

Наконец, нельзя не упомянуть о том, что сегодня в США, наряду с растущим интересом к истории российских владений на американском континенте, наблюдается тенденция к искаженной подаче или даже открытой фальсификации фактов. Звучат заявления о якобы варварском и грабительском характере российской колонизации полуострова, о жестоком, на грани геноцида, отношении к местному населению, о бесчеловечной эксплуатации природных ресурсов, спровоцировавшей в регионе экологическую катастрофу. К сожалению, эти поверхностные и опирающиеся на слабую доказательную базу тезисы далеко не всегда получают должное опровержение в научной литературе и публицистике. Вместо этого многие российские журналисты и исследователи, занятые этой темой, предпочитают по-прежнему предаваться размышлениям о том, что было бы, если бы Александр II не отдал Аляску.

В этой связи уместно вновь вернуться к данному историческому сюжету, опираясь на документально подтвержденные свидетельства, и проанализировать его на предмет того, какие именно выводы на его основе можно сделать для сегодняшнего дня.

Рассматривая продажу Аляски в 1867 году, следует прежде всего понять общий исторический контекст, в первую очередь характер и направления российской экспансии на Тихом океане в XVIII–XIX веках. Русские появились на его дальневосточном побережье уже в XVII столетии (сегодня считается, что это была экспедиция И. Ю. Москвитина, которая вышла к Охотскому морю в 1639 г.). Ранее в исторической литературе фигурировали версии о том, что русские могли посещать Аляску уже в XVI веке, однако ни одна из них не выдержала серьезной научной проверки[2].

Впрочем, можно с достоверностью утверждать, что уже во времена Петра I в России было хорошо известно о том, что в относительной близости от дальневосточных российских земель за океаном лежит северная оконечность американского континента. Живо интересовался этим регионом и сам русский царь, повелевший собирать о нем сведения на предмет организации туда экспедиций. Петр хорошо знал о богатых испанских колониях, которые в те времена охватывали не только Мексику, но и весь юг нынешних США. Безусловно, его интересовала и возможность найти короткий путь в Китай, а также в

[2] Например, ранее писали о том, что на Аляске имелась новгородская колония, основанная в XVI веке. Подобные гипотезы основываются на неправильном истолковании фактов и некорректном прочтении дошедших до нашего времени документов.

Юго-Восточную Азию, борьба за доминирование в которой среди европейских держав была в самом разгаре.

Петр I успел ознакомиться с первыми результатами начатых по его повелению исследований. На карте, изданной в 1722 г. в Нюрнберге по заказу российского императора, уже было обозначено американское побережье, расположенное вблизи российского Дальнего Востока. Организация планомерного проникновения в северную часть Тихого океана стала одним из последних дел Петра. В 1724 г. он избрал будущего руководителя экспедиций в этот регион – датчанина Витуса Беринга, а за несколько дней до своей смерти в 1725 г. составил инструкцию, предписывавшую искать, «сошлась ли Америка с Азией». В ней отдельно оговаривалась необходимость документального подтверждения будущих открытий: «…чтоб доехать до какого города европейских владений или, ежели увидят какой корабль европейский, проведать от него, как оной куст [берег] называют, и взять на письме и самим побывать на берегу и взять подлинную ведомость и поставя на карту, приезжать сюды…»[3]. Царь прекрасно понимал, что владение «подлинной ведомостью» и составление карт вновь открытых мест в эпоху колониальных завоеваний были важнейшим аргументом для отстаивания приоритета и присоединения вновь открытых земель в качестве колоний.

В итоге именно русские стали первыми европейцами, достигшими Аляски. В 1732 г. у ее берегов появился бот «Святой Гавриил» из экспедиции А. Ф. Шестакова и Д. И. Павлуцкого, снаряженной в перерыве между Первой и Второй камчатскими экспедициями В. Беринга.

Таким образом, приоритет России в открытии Аляски вполне очевиден. Попытки других европейских государств достичь ее были предприняты значительно позже. Так, испанцы направили свою первую экспедицию к полуострову лишь в 1774 г., но она закончилась неудачей, и к аляскинским берегам их корабли смогли дойти лишь год спустя. До конца столетия Испания снарядила еще десять походов на север Тихого океана, но без особого результата. Напротив, разгорелся спор с Великобританией, едва не приведший к конфликту. К концу XVIII в. Мадрид втянулся в изнурительные войны с Францией, потеряв интерес к этой части мира, а в 1819 г. и вовсе отказался в пользу США от территориальных претензий севернее 42-й параллели (договор Ониса – Адамса).

В 1780–1790 гг. в северной части Тихого океана стали бывать и представители других европейских государств, например британцы и французы, в том числе знаменитые экспедиции Дж. Кука и Ф. Лаперуза, который обнаружил, что местные аборигены активно пользуются вещами европейского, а точнее русского, происхождения.

---

[3] Цит. по: *Болховитинов Н.Н.* Русско-американские отношения и продажа Аляски, 1834–1867. Наука, 1990.

К этому времени россияне уже активно осуществляли не только исследовательскую деятельность, но и хозяйственное освоение региона, получившего в истории название Русской Америки. Он включал в себя не только Аляску, но территорию, тянувшуюся вдоль побережья Тихого океана вплоть до нынешней Калифорнии. В восьмидесяти километрах к северу от Сан-Франциско располагался последний значимый российский форпост – крепость Росс (Форт-Росс), сохранившаяся и поныне. Кроме того, в состав Русской Америки входили Алеутские острова, некоторые другие небольшие островные владения, а с 1816 по 1817 г. – даже Елизаветинская крепость на Гавайских островах[4].

Алеутские острова осваивались русскими уже в 1770–1780 гг., а в 1791 г. было основано первое поселение на материке (форт Святого Николая). В 1794 г. на Аляску прибыла православная миссия, сыгравшая огромную роль в истории Русской Америки.

Осваивать американские земли, как и пространства Сибири и Дальнего Востока, русских побуждали прежде всего коммерческие соображения, в том числе возможность наладить торговлю пушниной. В ту эпоху мех морского пушного зверя, особенно калана (морской выдры), являлся без преувеличения стратегическим товаром, обеспечивавшим сверхприбыли – в среднем 300–500 %. К концу XVIII в. образовалась устойчивая схема международной торговли, в рамках которой пушнина сбывалась в Китае, где вместо нее приобретались чай, шелк, фарфор и другие товары, отправлявшиеся в Европу, где они пользовались высоким спросом и также приносили большие прибыли. Фактически промысловые экспедиции, уходившие к берегам Северной Америки, могли получить прибыль сразу три раза: в ходе торговли с местным населением, активно участвовавшим в добыче морского зверя, затем при обмене пушнины на китайские товары и, наконец, при продаже последних в Европе.

Разумеется, столь прибыльная отрасль не могла не стать ареной ожесточенной конкуренции. В конце XVIII века основная борьба шла между русскими, англичанами и американцами. Последним на какое-то время удалось потеснить британских предпринимателей, однако потом в игру вступила подконтрольная англичанам Компания Гудзонова залива – огромная по тем временам корпорация, которая поставила своей целью полное изгнание американских промышленников из региона. Имея в своем распоряжении огромные ресурсы, она годами скупала мех по заниженным ценам, терпела гигантские убытки, но своего добилась. К 1830-м годам американцы свернули свою активность в северной части Тихого океана, где господство теперь делили британцы и русские, пока что без острого соперничества.

Борьба за прибыльный бизнес разворачивалась и в самой России. Ведущую роль в ней играл клан Шелиховых – чрезвычайно влиятельных предпри-

[4] Впрочем, она просуществовала всего год и была оставлена в условиях растущей враждебности со стороны местного населения. США аннексировали Гавайи лишь в 1898 г.

нимателей из Иркутска, шедших в авангарде освоения Русской Америки[5]. Глава этого семейства Григорий Шелихов встал во главе экспедиции на Алеутские острова и в 1784 г. основал там поселение Кадьяк. Он пытался заручиться поддержкой императрицы Екатерины II, однако получил лишь ограниченные права на пользование открытыми им землями: самодержица заметила, что на повестке дня Петербурга стояли «полуденные земли» (Крым, Украина, Причерноморье), а дикая и далекая Америка в приоритеты явно не входила.

Григорий Шелихов умер в 1795 г., оставив после себя одно из крупнейших коммерческих предприятий своего времени – Северо-Восточную компанию, которая фактически имела статус монополиста в северной части Тихого океана, куда к концу века уже не решались самовольно наведываться другие российские коммерсанты. И хотя Шелихову не удалось заручиться высочайшим покровительством своего дела, эта задача была решена уже через несколько лет. Основная заслуга в этом принадлежит зятю покойного коммерсанта Н. П. Резанову, который вместе с его сыном Василием с удвоенной силой принялся добиваться от российских властей предоставления привилегий по добыче пушного зверя, а фактически по хозяйственной эксплуатации Аляски и Русской Америки. Результатом стало основание в 1799 г. Российско-американской компании (РАК), уставные документы которой были одобрены лично императором Павлом I, объявившем о намерении взять новую структуру под свое личное покровительство.

Сделка оказалась взаимовыгодной: с одной стороны, коммерсанты заручились полной поддержкой властей, в том числе для подавления конкурентов; с другой стороны, государственная власть без лишних затрат ресурсов со своей стороны обрела доступ к сверхприбыльному бизнесу, который к тому же был теперь приведен в упорядоченную, централизованную форму. За скобками этого уравнения оставалась лишь геополитика. Нет никаких свидетельств того, что Петербург видел в РАК инструмент расширения влияния в отдаленном регионе. «Центр тяжести» нового предприятия лежал исключительно в коммерческой сфере.

Важно понимать, что государство не создало новую организацию, а лишь заявило о своей поддержке уже фактически реализованной инициативы. Такая схема была типичной для колониальной экспансии XVIII–XIX столетий: частный капитал на несколько шагов опережает государство и ставит власть перед фактом свершившихся колониальных приобретений. Индия, завоевание которое заканчивалось как раз к моменту создания РАК, была покорена отнюдь не британской армией, а британской Ост-Индской компанией, кото-

[5] Покорение и освоение Аляски, как и ранее Восточной Сибири и Дальнего Востока, во многом осуществлялось в формате коммерческих предприятий, силами частного капитала, которому государство лишь оказывало поддержку. Это в значительной степени соответствует тем стратегиям, которые были применены в западных колониальных империях – Великобритании, Франции, Нидерландах, а также на Диком Западе США.

рая получала от колониальной торговли ресурсы, достаточные для содержания своих собственных армии и флота. Несомненно, пример этой компании был перед глазами у отцов – основателей РАК, которые не могли не мечтать о повторении британских успехов.

В то же время нельзя забывать об опыте Ост-Индских компаний, созданных в свое время в других государствах, прежде всего Франции и Нидерландах[6]. Французы и в особенности голландцы во многом шли впереди Англии в деле колониальной экспансии. К тому моменту, как британцы начали делать первые робкие шаги на этом поприще, Ост-Индская компания из Амстердама уже управляла гигантской империей. Сегодня она считается самой дорогой корпорацией в истории – ее стоимость составила бы более 7,4 триллиона современных долларов. Весомой силой была и французская компания, которая на протяжении XVIII века активно оспаривала притязания англичан на Индию, нанося им порой весьма чувствительные поражения. Однако ни французская, ни голландская Ост-Индская компании не пережили этого столетия, не выдержали конкуренции с британским колониальным бизнесом. Причины их поражения многообразны: жесткая и малоэффективная структура управления, коррупция, засилье некомпетентных менеджеров, пренебрежение инновациями. Отдельно выделяются два фактора. Первый – чрезмерное сращивание с государством, в результате чего голландская и французская компании оказались в финансовой зависимости от центральной власти, требуя постоянных вливаний в виде займов и кредитов. Британская Ост-Индская компания, напротив, сама выступала для Лондона одним из ведущих кредиторов. Вторая причина – неудачный стратегический менеджмент. Ни голландцы, ни французы не принимали в расчет ничего, кроме торговли, в которую вкладывали все ресурсы. Британцы же активно проводили диверсификацию бизнеса, инвестируя в промышленность, транспорт, новые технологии.

Понимать причины, приведшие в итоге к упадку и французской и голландской Ост-Индской компании, важно именно потому, что во многом они повторились и в истории РАК.

Итак, в 1799 г. в Российской империи была создана, по сути, государственная корпорация, обеспеченная всесторонней поддержкой властей и наделенная монопольным правом не только на ведение коммерческой деятельности на Аляске и сопредельных землях, но и на управление этим регионом, а также на присоединение к России новых территорий в северной части Тихого океана. Не будет преувеличением сказать, что вплоть до продажи Аляски в 1867 г. ее история являлась историей РАК, которая осуществляла не только административно-хозяйственные, но нередко также военные и внешнеполитические полномочия в данном регионе. Невозможно понять истинные мотивы прода-

[6] Ост-Индские компании также были учреждены в Португалии, Дании, Австрии и Швеции, однако они не смогли повторить успех французов и голландцев, не говоря уже о британцах, и достаточно быстро сошли со сцены.

жи Аляски в 1867 г., не имея представления о том, как была устроена осуществлявшая управление РАК.

Деятельность компании в первые два десятилетия XIX века можно без преувеличения назвать блестящей. Во многом это являлось личной заслугой А. Баранова – первого главного правителя Русской Америки[7]. Основывая новые поселения, форпосты, крепости, налаживая отношения с американцами и британцам, противостоя конкурентам, умиротворяя и подчиняя нередко воинственно настроенные местные племена, он сумел добиться выдающихся результатов – не только в финансовом, но и социальном, а во многом даже и в политическом отношении.

Цифры говорят сами за себя. При основании компании в 1799 г. ее совокупный капитал составлял примерно 2,5 млн рублей, однако уже к 1816 г. он составил 4,8 млн рублей, а с учетом оборотных средств – почти 7 млн. При Баранове РАК смогла рассчитаться с долгами и выплатила акционерам около 2,4 млн рублей дивидендов. С 1808 по 1819 г. из колоний поступило пушнины более чем на 15 млн рублей. Сюда же нужно добавить еще 1,5 млн рублей товара, хранившегося на складах Ново-Архангельска на момент ухода Баранова со своего поста[8].

Конечно, русские на Аляске действовали в условиях тотального дефицита всего необходимого. В первые десятилетия существования РАК ее американские форпосты существовали практически полностью за счет внешних поставок. Однако, вопреки распространенному мнению, такая практика не была разорительной. При Баранове Аляска получила от главного правления РАК товаров всего на 2,8 млн рублей, еще на 1,2 млн рублей было приобретено у иностранцев (например, у испанских колоний в Америке, поставлявших продовольствие). Следует вспомнить и о непредвиденных потерях: кораблекрушения, набеги индейцев и просто халатность привели к потере не менее 2,5 млн рублей.

Несмотря на все это, компания оказалась чрезвычайно выгодным предприятием. Общая сумма прибыли, о которой смог отчитаться к 1816 г. Баранов, была огромной и составила 12,8 млн рублей. За этот же период РАК уплатила в казну в виде налогов и пошлин более 1,5 млн рублей. Для сравнения: доходная часть российского бюджета в 1819 г. составляла 138 млн рублей.

В рассматриваемый период акции компании стали, пожалуй, наиболее желанным финансовым активом во всей Российской империи, а владели ими лишь представители элиты, в том числе сам император.

Однако у внешне блестящей деятельности РАК была и обратная сторона. Дела компании даже по меркам того времени велись в высшей степени непро-

---

[7] Главным правителем назывался представитель компании, осуществлявший руководство деятельностью владений непосредственно на месте. Фактически он являлся губернатором Русской Америки.

[8] *Муравьева Л.А.* Русская Америка в XIX веке // Финансы и кредит. 2011.

зрачным и запутанным образом. Многочисленные злоупотребления, коррупционные схемы, растраты и нерациональное расходование огромных ресурсов были в порядке вещей. Отчетность и контроль были условны, а временами вообще не осуществлялись (так, с 1809 по 1816 г. Петербург не получал с Аляски никаких отчетов о финансовых результатах деятельности). Оставляла желать лучшего и громоздкая структура управления. Достаточно сказать, что из указанной выше суммы прибыли в 12,8 млн рублей не менее трети ушло на содержание бюрократического аппарата.

Эти проблемы во многом была унаследованы РАК у шелиховской Северо-Восточной компании. В целом крайне непрозрачный характер ее деятельности и был одним из побудительных мотивов Шелихова, просившегося «под крыло» Петербурга. Покровительство императоров Павла I и Александра I позволяло долгое время скрывать внутренние проблемы компании, избегать неудобных вопросов со стороны властей и создавать, как сейчас сказали бы, положительный имидж. Это, в свою очередь, благотворно отражалось на финансовых делах, позволяя держать высокую (и явно завышенную!) цену акций.

Однако такая ситуация не могла продолжаться вечно. К концу 1810-х гг. слухи о творящемся в РАК дошли до самого Александра I, повелевшего начать разбирательство. «Назначить» виновником предполагалось самого Баранова, который, как поговаривали, сколотил в Америке поистине фантастическое состояние. Но посланный на Аляску ревизор разочаровал Петербург: серьезных злоупотреблений со стороны Баранова так и не было выявлено, сам он за 28 лет своей службы в колониях не разбогател, а полученные доходы предпочитал жертвовать в пользу церкви. Тем не менее главный правитель Русской Америки, составивший целую эпоху в ее истории – «эру Баранова», – был смещен со своего поста и отправился назад в Россию, но скончался по пути недалеко от Индонезии. В ходе переезда таинственным образом исчез и его огромный архив, что дало пищу для новых слухов, приписывавших смерть главного правителя по не вполне естественным причинам (пока явных доказательств этому не найдено).

Конечно, финансовые проблемы компании были вызваны прежде всего общими для управленческой структуры России того времени бедами. Бесхозяйственность, хаос и коррупция вели к огромным потерям ресурсов еще до того, как они попадали на землю Русской Америки, если они вообще добирались до нее. Яркий пример: из отправленных Петербургом в Америку 2,8 млн рублей в виде предметов снабжения, в Ново-Архангельске было получено товаров лишь на 800 тыс. рублей.

Не все гладко обстояло и «на земле». Проблемным аспектом деятельности компании были ее отношения с местным населением, которое обычно фигурирует под собирательным наименованием каюров, однако с этнической точки зрения относилось к различным народностям (в основном алеуты и эскимосы). Каюры, изначально привлекаемые к работе на русских промысловиков

на добровольных началах, вскоре стали использоваться принудительно, нередко под угрозой насилия, выполняя тяжелые и малооплачиваемые задачи. Напряжение между ними и представителями РАК нередко доходило до вспышек насилия и даже кровопролитных восстаний.

С другой стороны, нужно понимать, что речь идет не о целенаправленной политике угнетения, а об общих тяжелых условиях жизни и хозяйственной деятельности в регионе. В то же время общественное мнение Российской империи активно интересовалось положением коренного населения и оказывало давление на компанию и государственную власть с целью улучшения положения коренных жителей. Большой вклад в это дело вносили русские морские офицеры и православные священнослужители, оказывавшие большую помощь каюрам и забрасывавшие Петербург рапортами об их бедственном положении. В дальнейшем сама компания, а также сотрудничавшие с ней представители российских властей и Русской православной церкви немало сделали для улучшения качества жизни местного населения, благосостояние которого при всей тяжести быта и работы на Аляске за годы российского владычества значительно увеличилось. Следствием этого стало распространение православия среди каюров, а также участившиеся браки с русскими колонистами. По сохранившимся свидетельствам, уход России с Аляски в 1867 г. местные жители воспринимали с глубокой печалью, а в начале XX века старики нередко с ностальгией вспоминали русских.

Однако наиболее сложные отношения на Аляске складывались с коренным индейским населением – племенем тлинкитов, агрессивным и воинственным самим по себе, крайне замкнутым, враждебным к любым чужакам и вдобавок к этому подстрекаемым англичанами в стремлении ослабить русских конкурентов. Это племя многие годы являлось одной из наиболее серьезных угроз для русских на Аляске. Кульминацией этого противостояния стала война 1802–1805 гг., в ходе которой индейцы вырезали целые поселения, жестоко расправляясь с пленными. Ответом РАК стала серия операций, в ходе которых поселения индейцев приходилось штурмовать с применением артиллерии. Хотя боевые действия завершились заключением мира[9], реального взаимопонимания между русскими и тлинкитами достигнуто так и не было, и индейцы неизменно противодействовали попыткам РАК развернуть деятельность на своих землях.

Огромные проблемы на всем протяжении деятельности компании доставляла географическая удаленность и суровый климат Аляски, вследствие чего не удавалось преодолеть зависимость от дорогостоящих и трудоемких внешних поставок. Попытки развивать земледелие и скотоводство, начатые еще при Баранове, окончились неудачей. По этой причине продовольствие прихо-

[9] Стоит отметить, что тлинкиты между собой не признали этого мира, посчитав, что церемония его заключения была проведена без надлежащих ритуалов. В 2004 г. потомки аляскинских индейцев провели «правильную» церемонию примирения.

дилось закупать в США и Мексике. Не лучше обстояли дела и с материальным снабжением, которое нередко шло из европейской части империи: российский Дальний Восток в те времена сам снабжался крайне слабо. Таким образом, по объективным причинам американские владения России не могли достичь сколько-нибудь существенной хозяйственной автономии, как это случилось в расположенных в гораздо более благоприятных географических условиях колониях западных государств.

Тем не менее в первой половине XIX в. Русская Америка продолжала развиваться и в 1840-х годах достигла своего зенита. Под руководством А. К. Этолина, морского офицера, назначенного главным правителем в 1840 г. (он занимал эту должность до 1845 г.), и его преемника М. Д. Тебенькова (1845–1850) были проведены значительные социально-экономические реформы, благодаря которым улучшилось качество жизни коренного населения Аляски и персонала РАК. Были не только построены школы и больницы, но даже введены пенсии, причем как для пожелавших остаться в Америке русских, так и для креолов, работавших на компанию. Этолину даже удалось несколько нормализовать отношения с тлинкитами, которых он пытался отучить от практики человеческих жертвоприношений.

Отдельно стоит отметить, что два упомянутых администратора проделали большую работу по диверсификации экономики Русской Америки. Когда Тебеньков сдавал пост новому главному правителю, на Аляске, помимо традиционного пушного промысла, уже существовали верфи, на которых строились пароходы (для того времени это следует признать выдающимся достижением), было налажено производство пиломатериалов и разборных домов, которые продавались также американцам, развивались другие отрасли.

Наряду с этими преобразованиями, существенным образом были упорядочены дела внутри самой РАК: введены более совершенные нормативные документы, оптимизированы бюрократические процессы, усилен контроль. В целом примерно в это же время завершился процесс оттеснения от управления РАК коммерсантов, на место которых пришли государственные служащие. Таким образом, компания превратилась фактически в государственное агентство.

Этот процесс имел двоякое значение для дальнейшей судьбы РАК. С одной стороны, ее политика приобрела долгосрочный характер, в большей степени стала ориентироваться на социально-экономическое развитие региона, а не использование его как «сырьевого придатка», из которого нужно любой ценой и как можно скорее добыть все ценное. Следует отдать должное кадровой политике властей (кандидатуры главных правителей утверждал лично император), благодаря которой Русской Америкой управляли в основном такие компетентные и добросовестные лица, как Этолин и Тебеньков.

С другой стороны, огосударствление РАК постепенно привело к тому, что в высших эшелонах власти начало расти непонимание ее значения для госу-

дарства. В Морском министерстве, ведавшем делами компании, на нее смотрели как на непрофильный актив, на который необходимо было тратить значительные ресурсы, в том числе защищая Аляску в случае возможного вооруженного столкновения с другими державами. Успешный опыт обороны Петропавловска в 1854 г., когда во время Крымской войны столкнувшаяся с упорной обороной англо-французская эскадра вынуждена была ретироваться, не убедил руководство русского флота в возможности удерживать американские владения, тем более использовать их в стратегических целях. Что касается экономической стороны вопроса, то флотское командование не только не желало в ней разбираться, но и вообще относилось с изрядным презрением к работе морских офицеров, командированных на Аляску, считая недостойным для них руководить добычей каланов и налаживать быт каюров. Такое отношение, безусловно, стало важным фактором, повлиявшим в 1867 г. на решение о продаже полуострова.

Вместе с тем нельзя забывать и об объективных обстоятельствах, существенным образом затруднявших деятельность РАК в Америке в середине XIX столетия. Прежде всего пушной промысел (основная статья ее деятельности) к этому времени становился все более трудоемким и все менее прибыльным занятием. Это было связано главным образом с бесконтрольностью добычи морского зверя, которая еще в XVIII в. приобрела огромный размах. Темпы истребления каланов, сивучей и других представлявших ценность животных были крайне высоки. Известны случаи, когда на вновь открытых островах колонии этих животных все до единого уничтожались за пятнадцать-двадцать лет. Полностью исчезали целые биологические виды, вроде стеллеровой коровы – крупного морского млекопитающего, которое не представляло коммерческой ценности и забивалось для обеспечения текущих нужд (мясо, жир для освещения)[10]. Излишне говорить, что на ранних этапах промыслового освоения региона никто не задумывался о каком-либо систематическом научном исследовании биологии морского зверя, его численности, темпов размножения, ареала расселения, что помогло бы более рационально подходить к организации добычи. Необходимость такого подхода стала очевидной уже ближе к середине XIX в., когда огромные колонии морского зверя исчезли с лица земли, вследствие чего для их добычи приходилось отправляться во все более и более отдаленные, малоисследованные и труднодоступные районы, преимущественно на север, поскольку промысел на юге был невозможен – там лежали земли враждебных тлинкитов и владения британской Компании Гудзонова залива, с которой у РАК были четко разграничены промысловые районы.

Нельзя сбрасывать со счетов и недобросовестную конкуренцию, которую вели британцы. Компания Гудзонова залива по завышенным ценам скупала

[10] Разумеется, бесконтрольный промысел морского зверя на севере Тихого океана вели не только русские, но британцы и американцы. Хищническое отношение к биологическим ресурсам океана было присуще последним даже в большей степени, чем русским промысловикам.

пушнину у коренного населения, причем предлагала настолько выгодные условия, что на Аляску для торговли приплывали даже чукчи[11]. Более того, угрожая аборигенам прекращением торговли, британцы подталкивали их к враждебным действиям против русских: порче имущества, препятствованию промысловой деятельности и даже вооруженным нападениям. В этом контексте было бы ошибкой считать, как утверждают некоторые современные американские историки, будто агрессивность индейского населения Аляски в отношении русских была вызвана «хищническим» отношением РАК и ее служащих к местному населению. Напротив, как было сказано выше, политика компании со временем становилась все более мягкой и гуманной к аборигенам и по многим показателям была значительно прогрессивнее тех откровенно бесчеловечных практик, которые применяли к индейцам сами англичане и американцы.

Однако на судьбу Русской Америки повлияли не одни только внутренние проблемы РАК, кардинальным и достаточно негативным образом изменилась обстановка в мире в целом и на Дальнем Востоке.

В первую очередь для России в этом регионе резко ухудшилась внешнеэкономическая ситуация. К середине столетия Китай, бывший главным потребителем меха и поставщиком востребованных в Европе товаров, оказался в кризисе на фоне агрессивного колониального курса Великобритании. Лондон, недовольный политикой меркантилизма Пекина (китайские власти следили за тем, чтобы драгоценные металлы в ходе торговли не утекали из страны), решил исправить торговый баланс в свою пользу массовым контрабандным ввозом в Китай опиума, за который быстро пристрастившиеся к нему китайцы готовы были платить серебром. Попытки китайских властей помешать этому привели к двум войнам, которые получили наименование Опиумных (в 1840–1842 и 1856–1860 гг.)[12] и в которых Пекин потерпел унизительное поражение и оказался вынужден безропотно выполнять волю британцев, в том числе передать им контроль над внешней торговлей.

Наряду с этим Китай переживал и катастрофические внутренние потрясения, крупнейшим из которых стало восстание тайпинов[13], продолжавшееся с 1850 по 1864 г. и захлестнувшее весь юго-восток страны. Оно унесло жизни от 20 до 30 млн человек.

Очевидно, что в таких условиях крупнейший в мире рынок, какой представлял из себя Китай еще в начале столетия, становился все менее заинтере-

---

[11] Следует понимать, что вплоть до начала XX в. чукчи так и не признали в полной мере власть Российской империи и нередко весьма активно сопротивлялись попыткам проникновения на свои земли.

[12] Вторая война состоялась при участии Франции. США формально не участвовали в боевых действиях, но дипломатическими средствами смогли воспользоваться плодами победы едва ли не на равных с британцами.

[13] Тайпины – приверженцы мистического учения, которое соединяло в себе черты христианства, даосизма и буддизма.

сован в пушнине из Русской Америки, а еще меньше она привлекала Великобританию, установившую контроль над китайской торговлей.

К началу 1860-х годов стало ясно, что именно Великобритания является главным геополитическим соперником Российской империи на десятилетия вперед. Британцы выступили главными застрельщиками в эскалации военного конфликта России и Турции в 1853 г. до масштаба общеевропейской войны, получившей название Крымской и крайне неудачно закончившейся для Петербурга. Угроза новой войны с Великобританией главенствовала в стратегических расчетах российских властей вплоть до конца столетия. Градус взаимной враждебности двух империй в ту эпоху можно сравнить лишь с противостоянием СССР и США. По сути, все внешнеполитические комбинации Петербурга во второй половине XIX века строились с тем расчетом, чтобы нанести ущерб британским интересам или же защитить собственные позиции от атак Лондона. Не стало исключением и дальневосточное направление. Агрессивная британская экспансия в Китай, открывшаяся Опиумными войнами, остро стояла на повестке дня. Получить у своих восточных границ «вторую Индию» в виде подконтрольного Лондону государства с огромным населением Петербург хотел менее всего.

В этих условиях тема возможной продажи Аляски американцам впервые всерьез обозначилась на повестке дня[14]. Открыто о подобной возможности заговорили в 1859–1861 гг., вскоре после Крымской войны, во время которой США предложили заключить фиктивный договор аренды находящегося на Аляске российского имущества, дабы избежать его захвата противником. Интересно отметить, что этот прецедент был использован руководством РАК для защиты тезиса о том, что формально частное владение Русской Америкой является лучшей защитой от ее возможного военного захвата.

Однако еще раньше, в 1853 г., то есть в начале Крымской войны, Николаю I был представлен доклад графа Н. Н. Муравьева-Амурского[15], где содержались следующие выводы:

«Российско-американская компания обращалась к правительству с просьбой о занятии Калифорнии[16], тогда свободной и почти никем не владеемой, сообщая при том свои опасения, что скоро область эта сделается добычей Американских Соединенных Штатов… Нельзя было и тогда же не предусматривать, что штаты эти, утвердившись однажды на Восточном океане, скоро будут там первенствовать перед всеми морскими державами и будут иметь

[14] Сомнения в целесообразности владения Россией американскими землями высказывались достаточно давно. Впервые идея о продаже Аляски была озвучена на политическом уровне еще в 1818 г.

[15] Выдающийся государственный деятель, сыгравший огромную роль в расширении и освоении российских владений на Дальнем Востоке. Свой титул получил за возвращение под власть Российской империи реки Амур, принадлежавшей Китаю с 1689 г.

[16] Имеется в виду крепость Росс, которая находилась на землях, арендованных у испанцев уступленных индейцами русским.

надобность во всем северо-западном берегу Америки. Владычество Северо-Американских Штатов во всей Северной Америке так натурально, что нам очень и жалеть не должно, что двадцать пять лет тому назад мы не утвердились в Калифорнии, – пришлось бы рано или поздно уступить ее, но, уступая мирно, мы бы могли взамен получить другие выгоды от американцев. Впрочем, теперь, с изобретением и развитием железных дорог, более еще, чем прежде, должно убедиться в мысли, что Северо-Американские Штаты неминуемо распространятся по всей Северной Америке, и нам нельзя не иметь в виду, что рано или поздно придется им уступить североамериканские владения наши. Нельзя было, однако ж, при этом соображении не иметь в виду и другого: что весьма натурально и России если не владеть всей Восточной Азией; то господствовать на всем азиатском прибрежье Восточного океана. По обстоятельствам мы допустили вторгнуться в эту часть Азии англичанам… но дело это еще может поправиться тесной связью нашей с Северо-Американскими Штатами»[17].

Муравьев-Амурский отметил в своем докладе важный аспект, который вскоре станет одним из определяющих при принятии решения о дальнейшей участи Русской Америки. Речь идет о взаимоотношениях России и США, или, как тогда их называли, Северо-Американскими Соединенными Штатами.

Соперничество с Лондоном парадоксальным образом толкало Петербург к сближению с Вашингтоном. Как мы помним из предыдущих глав, отношения американцев с британцами оставались сложными: у Англии еще была свежа обида за отделение колоний, а американцы хорошо помнили сожженный английскими войсками в 1814 г. Вашингтон. Отношения между двумя странами стали еще более напряженными во время Гражданской войны 1861–1865 гг., в которой Англия активно поддерживала Конфедеративные штаты Америки (южан), стремившиеся выйти из состава США. Петербург, напротив, оказал поддержку центральной власти во главе с президентом Линкольном, направив к атлантическому и тихоокеанскому побережью США две мощные эскадры, имевшие приказ защищать судоходство северян от атак со стороны крейсеров южан.

Эти настроения прекрасно почувствовали и в самом Вашингтоне. Нельзя сказать, что американцы даже в те годы питали к России теплые чувства. Напротив, в «Стране свободы» уже к середине XIX века начинала распространяться враждебность по отношению к нашей стране, которую было модно изображать оплотом варварства, тирании и отсталости. Однако американские политики не могли не воспользоваться сближением двух держав для того, чтобы организовать выгодные сделки. Аляска стала одной из них.

Наиболее убежденным сторонником продажи Аляски еще с конца 1850-х годов выступал великий князь Константин Николаевич – младший брат царя,

17 Цит. по: *Болховитинов Н.Н.* Русско-американские отношения и продажа Аляски, 1834–1867. Наука, 1990.

имевший имидж «либерала номер один» в правящей элите империи. К началу 1860-х годов он не только возглавлял Морское министерство[18], которое курировало Русскую Америку, но и руководил комитетом по крестьянской реформе, готовившим судьбоносное решение – отмену крепостного права.

По-видимому, позиция великого князя в отношении Аляски была одновременно точкой зрения либерала и, как сейчас бы сказали, технократа. С одной стороны, у Константина сложилось глубокое убеждение в том, что местное население Аляски подвергается безжалостной эксплуатации со стороны РАК – и логично было бы освободить их от этого гнета, раз уж в самой России готовилось освобождение крестьян. Великий князь писал: «Самовластное управление монополии имело еще последствием, что туземцы не получили ни малейшего убеждения в том, что над ними и над самой компанией есть высший и праведный судья в лице русского государя, к которому последний из подданных может обращаться в крайних случаях с просьбой о защите и покровительстве… Трудно представить себе положение более зависимое того, в каком находятся туземцы к компании, и неудивительно, что ненависть их к русским не уменьшается. Компания имеет право запрещать им переезжать с острова на остров, может не выпускать креол из колоний и назначать произвольно цену, по которой туземцы, не имея других покупщиков, вынуждены отдавать ей свою добычу. Такое положение не может быть более допущено, особенно в то время, когда упраздняется крепостное право в самой России»[19].

С другой стороны, он полагал, что монопольные права компании сделали ее крайне неэффективной в экономическом смысле, превратив некогда весьма успешное коммерческое предприятие в убыточное для государственного бюджета: «Интересы торговли не всегда совпадают с видами правительственными, и потому уже права администратора, судьи и деятельность купца не должны никогда соединяться в одном лице или учреждении. [Монополия РАК] убила частный флот наш, который начинал появляться в Восточном океане, и нисколько не помешала иностранцам наполнять наши воды своими судами и торговать с туземцами. В настоящее время русских купеческих судов не существует при наших берегах, а ежегодно являются туда сотни американских и английских судов с несколькими тысячами матросов, которые занимаются там теми же самыми промыслами, от участия в коих исключены одни русские подданные».

Кроме того, как руководитель военно-морского флота великий князь указывал и на то, что в случае новой крупномасштабной войны нет никаких шансов удерживать американские владения. Причем, несмотря на хорошие отношения с США, присутствовало трезвое понимание того, что именно американцы в конечном итоге могут аннексировать Аляску. Константин в 1853 г.

---

[18] С 1865 по 1881 г. (до гибели Александра II) он являлся председателем Государственного совета.

[19] История Русской Америки (1732-1867). Т.1-3. Международные отношения, 1997-1999. Т3.

внимательно прочел доклад Н. Н. Муравьева-Амурского и весьма высоко оценил его выводы.

Аргументация великого князя произвела впечатление на целый ряд высших чинов Российской империи, которые критически оценили идею о продлении привилегий РАК: государство должно было переподтверждать их раз в двадцать лет, и в 1860 г. подошел очередной срок. С учетом хорошо известной позиции Константина все понимали, что фактическое изгнание компании с Аляски предрешает отказ от нее Петербурга, который не желал заниматься делами Русской Америки. Казалось, что судьба полуострова уже решена.

Однако в самом разгаре была эпоха либеральных реформ, и впервые решения государственной власти начали обсуждаться не кулуарно, а открыто, в том числе в печати. Против приведенных Константином аргументов выступил целый ряд лиц, которые могли считаться настоящими экспертами по Русской Америке. Наиболее пристальное внимание общественности привлекло появившееся в прессе мнение Ф. П. Врангеля – бывшего морского министра, то есть подчиненного великого князя, который долгие годы пользовался расположением Константина. Еще десять лет назад в России такое было попросту невозможно, чтобы заслуженный адмирал выступал против своего шефа из августейшей фамилии. Однако либерализация общественной жизни сделала свое дело, и Врангель развернуто раскритиковал аргументацию великого князя, недвусмысленно намекнув на ее явную предвзятость. Опираясь на конкретные цифры и факты, он опроверг доводы об эксплуатации местного населения, заметив, что благодаря политике РАК его положение существенно улучшилось и продолжает улучшаться. Не согласился он и с утверждением об экономической несостоятельности компании, приведя внушительные суммы отчислений в казну, и с тезисом о ее неспособности бороться с иностранными конкурентами. С этими оценками согласились и другие авторитеты, в том числе морские офицеры, участвовавшие в управлении компанией.

Более того, данная Константином критическая оценка деятельности РАК и его скепсис по поводу целесообразности владения Аляской не подтвердились и в ходе ревизионной работы, специально организованной для изучения вопроса о необходимости продления привилегий компании. Направленные Петербургом ревизоры пришли к выводу о том, что на Аляске много делается и для улучшения положения коренных жителей, и для развития коммерческой деятельности. Само собой, подтвердились и многочисленные проблемы, связанные со слабой освоенностью территории, нерациональным расходованием ресурсов, недостаточной защитой российских владений от посягательств со стороны иностранцев. Однако вывод был сделан вполне определенный: все проблемы решаемы и нет оснований полагать, что на РАК и Русской Америке нужно ставить крест и как можно скорее избавляться от нее. Напротив, ревизоры указывали, что при проведении более глубоких и всеобъемлющих преобразований американские владения могут стать подлинной жемчужиной

Российской империи – как в экономическом, так и в военно-стратегическом плане. С большинством приведенных ими соображений согласился и созданный для рассмотрения итогов ревизии специальный межведомственный комитет. В финальном его докладе отмечалось, что РАК нужно позволить дальше работать на Аляске: «надлежит только направить деятельность компании так, чтобы она не препятствовала самостоятельному промышленному и торговому развитию края»[20].

Таким образом, даже чиновники, служебным интересам которых, казалось бы, соответствовало изображение ситуации «на земле» в максимально нелестном свете, решительно опровергли доводы многих высокопоставленных противников Русской Америки во главе с великим князем Константином. Удивительно, но последний воспринял все это на редкость спокойно: своего личного мнения не изменил, но решению о продлении монополии РАК противиться не стал, представив в 1865 г. документ на утверждение царя, причем не в компромиссном варианте, а на двадцать лет, как запрашивалось изначально. Казалось бы, для РАК и Русской Америки открывается новая глава. Мало кто в России в 1865 г. мог предположить, что уже через два года Аляска будет продана США.

Спокойствие, с каким Константин в 1865 г. смирился с решением, диаметрально противоположным его позиции, поддается объяснению с двух сторон. Можно предположить, что великий князь превосходно владел собой, что, однако, не соответствует описаниям современников, характеризовавшим его как вспыльчивого и грубого человека. Другая версия состоит в том, что он понимал, что финальное решение о судьбе Аляски уже принято и что его реализация – лишь дело времени. Анализ документов позволяет склоняться в пользу второй гипотезы. Появляется все больше свидетельств того, что для целого ряда высших сановников решения Александра II о продлении деятельности РАК на Аляске на два десятилетия не существовало. Часть государственного аппарата его просто проигнорировала. Речь идет и о МИД, который в ту эпоху возглавлял А. М. Горчаков, и о Министерстве финансов под руководством М. Х. Рейтерна[21]. Эти два ведомства во главе со своими руководителями не желали мириться с тем, что Россия продолжит владеть Аляской и развивать ее земли, они не посчитались с решением монарха и приступили к подготовке плана по уступке Русской Америке американцам. Решения царя не принял и сам великий князь, который начал предпринимать новые усилия, используя Морское министерство для препятствования деятельности РАК.

Однако для любой сделки требуется не только продавец, но и покупатель. Очевидно, что покупка Аляски была продиктована отнюдь не одним стремлением петербургского руководства избавиться от заокеанских владений. На-

[20] История Русской Америки (1732–1867). М.: Международные отношения, 1997.

[21] Рейтерн также являлся протеже великого князя Константина, до назначения на пост министра финансов он служил в Морском министерстве.

против, Вашингтон сыграл самую активную роль на всех этапах подготовки этого решения.

Именно в 1865 г. политическая элита США почувствовала, что время Аляски наступило. Момент был самый благоприятный. Нация переживала духовный подъем, ведь она только что смогла преодолеть самый тяжелый и кровопролитный момент во всей своей истории – гражданскую войну, сохранив целостность государства. Вряд ли можно было придумать лучшее время для приобретения обширных новых земель.

Напомним, что огромной популярностью в США в то время пользовались лозунги доктрины Монро, провозглашавшей необходимость безоговорочного утверждения США как властителя западного полушария. Не меньшее распространение получила доктрина «явного предначертания», согласно которой американцам самой судьбой предопределено властвовать «от моря до сияющего моря», то есть от Атлантического до Тихого океана.

Все эти концепции были не просто словами – они находили отражение в реальной политике. На протяжении всего XIX века американское государство активно расширялось. Приобретение у наполеоновской Франции огромных территорий от Мексиканского залива до канадской границы в рамках Луизианской покупки 1803 года, присоединение Флориды и других испанских земель в 1819 г., включение в свой состав Техаса и отторжение от Мексики более половины ее площади после американо-мексиканской войны 1845 года – вот неполный список шагов Вашингтона, которые позволили зажатым на Восточном побережье британским колониям за полвека разрастись на весь континент.

Аляска привлекала внимание американских политиков еще до Гражданской войны. Уже в 1850-е годы в американских газетах писали: «Теперь уже нет сомнения, что Россия желает продать Русскую Америку. Ее мотивы коротко состоят в понимании своей морской неполноценности и в желании сконцентрировать свои силы вокруг жизненно важных частей империи, что слишком очевидно, чтобы требовать комментарий или объяснение. Выбирая между захватом Ситки англичанами или продажей Соединенным Штатам, Николай, естественно, предпочел последних, и никто не может поставить под вопрос правильность его решения».

Однако и в России проницательные наблюдатели понимали, что полуостров необходим Америке и что Вашингтон будет добиваться его приобретения у Российской империи любыми возможными средствами, в том числе разыгрывая карту российско-американской дружбы. Об этом свидетельствует интересный документ, хранящийся в Российском государственном архиве ВМФ в Санкт-Петербурге. Его автор, офицер русского флота, капитан-лейтенант П.Н. Головин пишет о впечатлениях от встреч с сенатором США У. Гуином при участии российского посланника в Вашингтоне Э. Стекля:

«[По мнению американцев] для Соединенных Штатов и для русского правительства было бы очень выгодно, если бы Россия уступила американцам ко-

лонии ее в Северной Америке. Гвин доказывал, что естественная граница между Россией и Америкой есть Берингов пролив, что уступкой своих колоний Соединенным Штатам Россия еще прочнее укрепит дружеские отношения между двумя государствами, уже так сильно симпатизирующими друг другу. Стекль, в свою очередь, находил, что подобная уступка даст русскому правительству возможность сосредоточить на Амуре все средства, растрачиваемые столько лет на колонии, не доставляющие государству существенной выгоды; что сумма, полученная за колонии, покроет частично недостаток у нас звонкой монеты, что и в будущем отстранится всякая возможность столкновения между Россией и Соединенными Штатами»[22].

Вывод, сделанный Головиным, поражает не только ясным пониманием роли американских колоний для России, но и удивительно точной оценкой политики Вашингтона в отношении нашей страны, справедливой, кажется, на все времена:

«Общественное мнение России до сих пор негодует за уступку нашей бывшей фактории в Калифорнии, особенно с тех пор, как рядом с селением Росс открылись золотые прииски, а при преобразованиях, которые предполагаются для наших колоний, легко может случиться, что люди предприимчивые, принявшись за дело толково и с энергией, откроют и в колониях наших богатства, о существовании которых теперь и не подозревают. Что же касается до упрочения дружественных отношений России и Соединенных Штатов, то можно сказать положительно, что сочувствие к нам американцев будет проявляться до тех пор, пока оно их ни к чему не обязывает или пока это им выгодно. Жертвовать же своими интересами для простых убеждений американцы никогда не будут»[23].

Эти глубокие оценки принадлежат не просто проницательному наблюдателю. Капитан-лейтенант Головин был одним из ревизоров, посланных на Аляску для оценки деятельности РАК, и приведенные строки содержатся в его отчете, направленном лично великому князю Константину. Впрочем, в итоговые документы эти выводы не вошли, Как полагают современные историки, их вычеркнул сам великий князь.

Нельзя не отметить, что явные свидетельства того, что американцы «для простых убеждений» дружбы Вашингтона и Петербурга не будут жертвовать своими интересами, были получены непосредственно накануне продажи Аляски. Тогда США без объяснения причин сорвали реализовывавшийся с 1863 г. проект по строительству телеграфной линии, которая соединила бы не только две страны, но и два континента – без преувеличения стратегическая инициатива, реализация которой могла бы значительно поднять статус России в зарождавшейся тогда мировой коммуникационной инфраструктуре. Однако

[22] *Головин П.Н.* Секретная часть доклада капитан-лейтенанта П. Н. Головина вел. кн. Константину Николаевичу, 20 октября 1861 г.

[23] Там же.

американцы фактически саботировали проект на той стадии, когда были достигнуты все договоренности и проведены подготовительные работы, объявив, что посчитали коммерчески более привлекательным проложить кабель через Атлантику – ничего личного, просто бизнес.

В отчете Головина упомянуто еще одно важное действующее лицо, сыгравшее огромную роль в продаже Аляски – российский посланник в Вашингтоне Стекль. Сын австрийского дипломата, поступивший на русскую службу (для XIX в. прием иностранцев, особенно на дипломатические должности, был нормальной практикой), он находился в Вашингтоне с 1850 г. Его визит в Петербург в 1866–1867 гг. с удивительной быстротой вернул на повестку дня вопрос об Аляске, закрытый, казалось бы, на ближайшие десятилетия. Список высшего руководства, на приеме у которых побывал Стекль, вполне предсказуем: Горчаков, Рейтерн и, конечно, великий князь Константин. Ими сообща была выработана, а на деле просто возобновлена старая аргументация, большая часть которой уже была опровергнута несколько лет назад. Вновь фигурировали тезисы о полной несостоятельности РАК, о ее неспособности цивилизовать коренное население и обеспечить ему нормальные условия для жизни, о трудности обороны Аляски в случае войны. Отдельно указывалось на то, что для Российской империи разумнее всего сосредоточить свои усилия на Приамурье, «где предстоит России будущность». Очевидно, что этот аргумент был в очередной раз продиктован боязнью Великобритании, которая может поставить Китай в колониальную зависимость и выйти к границам России на Дальнем Востоке.

Дальнейшие события развивались с поразительной скоростью. Рассмотрев вновь представленные доводы, Александр II распорядился организовать совещание, которое состоялось в МИД в декабре 1866 г. Помимо самого самодержца в нем участвовали хорошо знакомые фигуры – Константин, Горчаков, Рейтерн, Стекль и вице-адмирал Н. К. Краббе – куратор РАК от Морского ведомства. Более никого в кабинете МИД в тот день не присутствовало.

Насколько Александр II был осведомлен в вопросах, касающихся Русской Америки? Исследователи этой темы в большинстве своем убеждены, что глубоко в тему он погружен не был и ориентировался на мнение приближенных, которые уже в течение длительного периода «обрабатывали» императора, убеждая его в бесполезности Аляски для Петербурга. Министр финансов Рейтерн забрасывал российского монарха докладами о плачевном состоянии государственной казны, которую требовалось срочно пополнять, о выявленной им чудовищной неэффективности РАК, об убыточности и бесперспективности Аляски. В свою очередь, глава внешнеполитического ведомства Горчаков и великий князь Константин то акцентировали заведомую бесполезность владения американскими землями и предрешенность их аннексии американцами, то напирали на необходимость заполучить США в качестве верного союзника России посредством продажи полуострова.

Что касается Стекля, которого в исторической литературе часто изображают чуть ли не как «злого гения» продажи Аляски, то его мнение, скорее всего, не было определяющим, а лишь сыграло роль последнего довода, перевесившего чашу весов. Стекль не относился к числу доверенных лиц, допущенных к монаршей особе, однако же он сумел завоевать расположение Александра II, умело поддерживая образ главного эксперта по США в Российской империи. В какой степени этот дипломат, рожденный в Стамбуле, сын австрийца и итальянки, попавший в русскую дипломатию по случайности, желал отстаивать национальные интересы России, остается вопросом. Известно, что за долгие годы своего пребывания в Вашингтоне он обзавелся не только женой-американкой, но и дружескими связями со многими влиятельными политиками, в том числе с государственным секретарем США в 1861–1869 гг. У. Сьюардом – главным сторонником покупки Аляски. Русского посланника в Вашингтоне годами обхаживали на предмет сделки: бесконечные рауты, обеды, прогулки, пикники, доверительное общение с высшими кругами американской элиты. Учитывая крайнюю нечистоплотность американской политики тех лет, можно практически точно предполагать, что дорогие подношения от американских «друзей» также делались на регулярной основе. Неудивительно, что со временем продажа Аляски стала для Стекля идеей фикс[24].

Показательно, что в ходе подготовки к решающему совещанию у императора его участники пытались вновь подкрепить свои доводы фактами и цифрами, которые доказали бы несостоятельность всего проекта Русской Америки. Однако статистика вновь свидетельствовала об обратном. Так, Рейтерн запросил мнение Государственного банка Российской империи, но получил недвусмысленный ответ: да, РАК находится не в идеальном состоянии, но вредной для казны считаться никак не может, приносит определенную прибыль и вполне может успешно развиваться. Излишне говорить, что подобные оценки до императора просто не были доведены.

Протокола декабрьского совещания в МИД до нас не дошло (или он вообще не был составлен), однако, по всей видимости, ничего нового в плане аргументации на нем не прозвучало. Принципиальным было то, что ни одного человека из тех, кто мог бы обоснованно возразить этим доводам, в кабинете не присутствовало. По сути, именно так – кулуарно, поспешно, без экспертной оценки, на основе неполной, а во многом и вовсе недостоверной информации – за считанные часы в декабре 1866 г. была решена судьба всей Русской Америки. По итогам совещания Стекль получил краткую инструкцию – ехать обратно в Вашингтон и предложить американцам Аляску, имея в виду выручить за нее не менее 5 миллионов долларов.

Сегодня трудно сказать, чем именно руководствовались участники совещания, назначая подобную сумму. По современным меркам, она довольно скромная – около 90 млн долларов в пересчете по курсу 2020 года (впрочем,

[24] *Иванян Э.А.* История с A.S. и P.S // США. Канада: экономика, политика, культура. 2011

следует понимать, что при уровне цен 1867 года это были значительно более существенные деньги, особенно если учесть, что они должны были выплачиваться золотом). За эту сумму Петербург предполагал уступить территорию площадью более чем 1,5 млн кв. километров. Вполне вероятно, что цену назначали исходя из опыта других подобных приобретений Вашингтона. Например, в 1803 г. Луизианская покупка[25], в общей сложности около 2,1 млн кв. километров, стоила американцам в пересчете на текущий курс около 345 млн долларов. Таким образом, Франция в 1803 г. получила за один кв. километр около 160 нынешних долларов, Россия же в 1866 г. рассчитывала на 60 долларов. Конечно, на землях Луизианы проживали многочисленные индейские племена, которым также позднее пришлось платить за их земли (если дело нельзя было решить силой оружия), но при этом луизианская территория была гораздо более обжитой и обладала значительно более развитой инфраструктурой, чем Аляска, – взять хотя бы крупный морской порт Новый Орлеан. В то же время к 1866 г. Аляска так и не стала многолюдным краем: численность населявших ее русских не превышала 800 человек, к этой цифре нужно добавить около 10 тыс. местного населения, жившего под властью России, и около 20–30 тыс. «неподвластных» индейцев. Видимо, именно подобного рода факты и формировали общую картину у Александра II, посчитавшего Русскую Америку пустыней, за которую можно предложить сумму меньше, чем в свое время запросили наполеоновские власти за Луизиану.

	Луизиана (1803)	Аляска (1867)	
		План	Факт
Площадь (кв. километров)	2 100 000	1 500 000	
Сумма (доллары, на момент продажи)	15 000 000	5 000 000	7 200 000
Сумма (в пересчете на доллары 2020 г.)	345 000 000	90 000 000	130 000 000
Цена за 1 кв. километр (в долларах 2020 г.)	164	60	87

В столбце «План» приведены данные для продажи Аляски по изначально запланированной Петербургом цене в 5 млн долл., в столбце «Факт» – для итоговой цены в 7,2 млн долл.

Что можно с полной уверенностью сказать по поводу запрошенной Петербургом суммы, так это то, что она не могла сыграть никакой существенной роли в улучшении финансового положения государства. Между тем именно на этот аргумент особенно напирал Рейтерн: продажа Аляски якобы должна была значительно поправить дела казны. Достаточно сказать, что итоговая сумма поступивших средств – порядка 11,3 млн рублей – составляла ничтожную часть общих расходов государства, исчислявшихся тогда в размере около

[25] Напомним, что речь идет не о покупке территории современного штата Луизиана, а о несравненно более обширных землях французской Луизианы, на которых сегодня располагаются полностью шесть и частично – девять штатов США.

400 млн рублей ежегодно. Очевидно, что опытный финансист Рейтерн не мог этого не понимать.

Возникает вопрос: знали ли российские власти о том, что Аляска – не пустыня, а богатейшая кладовая природных ресурсов – золота, серебра, меди, железа, олова, цинка[26]? Ответ на этот вопрос однозначен: об этом было известно. Например, о том, что на Аляске можно успешно и в больших масштабах добывать золото, знал еще в начале XIX века главный правитель Баранов. Более того, в 1850-е – 1860-е годы золотоискатели уже постепенно проникали на российские территории и составляли крупную проблему для местных властей. О золоте Русской Америки писал и посланный с ревизией капитан-лейтенант Головнин, указывавший на то, что продажа крепости Росс в Калифорнии в 1841 г. уже была сопряжена с потерей больших потенциальных доходов от золотых приисков, которые обнаружились на ее территории. В целом ресурсный потенциал Аляски на момент ее продажи был известен уже достаточно хорошо. Присутствовало и понимание того, что США желают заполучить все эти богатства и будут всячески подталкивать Петербург к сделке. Уже упоминавшийся выше адмирал Врангель, проведя в 1850-е годы по распоряжению великого князя Константина оценку возможной стоимости полуострова, докладывал: «Богатые угольные запасы, лед, строительный лес, рыба… и превосходные морские порты представляют гражданам Соединенных Штатов такие огромные выгоды, что правительство Штатов не должно бы затрудняться в приобретении этих выгод сравнительно незначительной суммой»[27].

События, последовавшие за решением Александра II в декабре 1866 г., полностью подтвердили эти слова. Американцы не просто были готовы к покупке Аляски, складывается впечатление, что они уже заранее были уверены в том, что сделка осуществится. Об этом может свидетельствовать хотя бы та быстрота, с которой была совершена эта грандиозная покупка. В середине февраля Стекль прибыл в Нью-Йорк, текст «Конвенции об уступке Северо-Американским Соединенным Штатам Российских Северо-Американских Колоний» был подготовлен в считанные недели, а его подписание состоялось 18 (30) марта 1867 г. Представляется маловероятным, чтобы власти США смогли оформить подобное соглашение за два месяца, если бы не были готовы к нему заранее и не провели внутреннее согласование всех его параметров.

Любопытно, что сам У. Сьюард настолько торопился с заключением соглашения, что настоял на его подписании среди ночи, для чего пришлось собирать разошедшихся по домам клерков, а затем уговорил президента США Э. Джонсона созвать уже ушедший на каникулы Сенат для ратификации договора. Энтузиазм американской стороны выразился и в более выгодных для России условиях продажи: Вашингтон не только не подумал торговаться,

[26] Не говоря уже о нефти, однако о ее существовании на Аляске, да и вообще о ее будущем значении для экономики тогда никто еще не догадывался.

[27] *Гриншейн Б.В.* Земля за океаном. 2014.

Сьюард сам без раздумий предложил сумму в 7,2 млн долларов. В Петербурге новость встретили восторженно, записав это достижение в актив Стекля и его искусной дипломатии. В реальности же, как представляется, американцы прекрасно понимали, что даже значительно большее вознаграждение не будет чрезмерным для той территории, на которую они нацелились. Можно было предложить и более заманчивую цену, тем более что для американской казны сумма отнюдь не была неподъемной. Через несколько лет после продажи полуострова властям штата Нью-Йорк пришлось уплатить почти вдвое больше за единственное здание окружного суда высотой в три этажа, построенное под руководством известной в те времена группы мошенников.

Известно, что вся процедура происходила в характерной для США того времени коррупционной атмосфере. Об этом свидетельствует тот факт, что Петербург недосчитался из итоговой суммы выплат 165 тыс. долларов. Вопрос этот урегулировал лично Александр II, давший внешнеполитическому ведомству распоряжение: «Израсходованные на известное мне употребление чрезвычайным посланником и полномочным министром в Вашингтоне тайным советником Стеклем 165 т[ыс]. долларов повелеваю зачислить действительным расходом»28. Иными словами, речь идет о том, что российский дипломат раздал в качестве взяток американским должностным лицам больше 2 % от общей суммы сделки. То, сколько именно денежных средств ушло в карман вашингтонским политикам, установить сегодня уже не представляется возможным. Известно лишь, что слухи о подкупе Стекля столь активно циркулировали в высшем свете Петербурга после продажи Аляски, что дипломат предпочел сразу же выйти в отставку и уехать за границу.

Продажа Аляски стала полной неожиданностью для широкой общественности Российской империи. Не только руководства РАК[29] было поставлено перед свершившимся фактом, но и целый ряд представителей верховной власти, имевших полное основание принять участие в вынесении столь судьбоносного решения, узнали об уступке Русской Америки из газет. Та легкость, с которой Россия рассталась с Аляской, произвела глубоко негативное впечатление на председателя комитета министров П. П. Гагарина, военного министра Д. А. Милютина, министра внутренних дел П. А. Валуева – влиятельнейших в империи фигур[30]. Однако расчет великого князя Константина и других сторонников сделки на то, что кулуарный формат принятия решения снимет все проблемы, полностью оправдался. Широкого обсуждения и тем более критики принятого решения в публичном пространстве не было, ибо из разряда инициатив оно уже стало словом государя.

Противники передачи Аляски до последнего не оставляли надежды убедить императора и его окружение в целесообразности сохранения владений в

---

[28] *Болховитинов Н.Н.* Аляскинский скандал (1867–1868 гг.) // Вопросы истории. 1989.

[29] Сама компания фактически существовала до 1881 г. и выплачивала дивиденды до 1888 г.

[30] История Русской Америки (1732-1867). Т.1-3. Международные отношения, 1997-1999. Т3.

Америке как по экономическим, так и по геополитическим соображениям. Вечером 16 (28) декабря, когда участники исторического совещания под руководством императора уже расходились, молодой служащий Азиатского департамента МИД, в будущем известный ученый-географ Ф.Р. Остен-Сакен работал над меморандумом, где были не только в концентрированном виде представлены доводы в пользу дальнейшего пребывания Русской Америки в составе империи, но и сделан ряд важных, а в некоторых отношениях пророческих выводов, касающихся стратегических последствий потери Россией плацдарма на американском континенте:

«В состоянии ли мы в настоящее время составить себе определенное понятие о том, могут ли эти колонии быть полезны России или нет?» – спрашивал Остен-Сакен. Не имея достаточно надежных сведений о реальных заслугах РАК в освоении Аляски и ее текущем состоянии, он соглашался с тем, что она является «безжизненной компанией», однако задавался вопросом: «Из бесполезности Компании можно ли выводить заключение о бесполезности самой земли, которою она заведовала и о которой мы положительно ничего не знаем, за исключением отрывочных сведений, дошедших до нас большей частью через руки той же самой несостоятельной Компании?»[31].

Доводы о том, что Русская Америка в ближайшем будущем станет жертвой американской аннексии или британского вторжения, он признает несостоятельными («Пока существует нынешний порядок вещей в Северной Америке, едва ли основательно опасаться захвата наших Колоний другой державой»), считая, что «положение наших американских колоний в мире политических отношений может быть названо особенно выгодным».

Продажу Аляски, как полагает Остен-Сакен, нельзя оправдать соображениями финансовой выгоды: «Если бы сумма, которую мы получим за наши колонии была так значительна, что могла бы покрыть известную часть нашего государственного долга, то конечно приманка была бы сильная. Но несколько миллионов и даже десятков миллионов рублей едва ли имеют государственное значение в империи, имеющей около полумиллиарда ежегодного дохода и расхода, и более чем полтора миллиарда долгу»[32].

При этом автор меморандума обращает внимание на то, что геополитические последствия от уступки полуострова будут огромны: «Сложившееся исторически распределение североамериканского материка между тремя великими державами будет нарушено… В настоящее время для дальнейшего движения американцев все дальше на Запад, вдоль берега Тихого океана существует важная преграда: владения сильной морской державы Англии. Купив наши колонии, американцы разом перешагнут через эту преграду. В состоянии ли мы оказать им какое-либо противостояние на восточных, Сибирских

[31] Цит. по: *Бушков А.* Русская Америка. Нева, 2006.

[32] История Русской Америки (1732-1867). Т.1-3. Международные отношения, 1997-1999. Т3.

пределах?.. Ныне существующее благотворное для нас равновесие в северо-западном углу Америки тогда уже будет разрушено безвозвратно»[33].

Таким образом, молодой дипломат прекрасно понимал, что США нужно рассматривать в качестве такого же серьезного соперника на Тихом океане, как и Великобританию, противостояние которой в то время захватывало все помыслы Петербурга.

Вывод, который Остен-Сакен делает из своих рассуждений, таков: нельзя рассматривать Аляску исключительно как бремя, от которого нужно избавиться по возможности более выгодно. Напротив, земли Русской Америки могут стать важнейшим форпостом империи на Тихом океане, если подойти к их развитию и освоению ответственным образом. Вот как он заканчивает свою записку: «Нельзя не заметить, что во всем вышеизложенном представляются только как бы отрицательные достоинства наших Американских колоний. Что касается до положительных выгод, то действительно они принадлежат только будущему, но казалось бы, что нынешнее поколение имеет святую обязанность сохранить для будущих поколений каждый клочок земли, лежащей на берегу Океана, имеющего всемирное значение».

Остается только жалеть о том, что записка Остен-Сакена, как и многие другие документы, составленные видными государственными деятелями, учеными, путешественниками и подтверждающие важность сохранения Русской Америки в составе империи, так и не попала к Александру II. Безусловно, нет никакой гарантии, что после ознакомления с ними самодержец не принял бы решение о продаже Аляски. Однако несомненно то, что эти мнения помогли бы прийти к более взвешенному, возможно, компромиссному выходу, который, кто знает, мог бы и не привести к потере российских владений в Америке.

Однако история пошла своим чередом. Официальная передача Аляски состоялась 18 октября 1867 г. В присутствии представителей российского флота и американской армии в столице Русской Америки, Ново-Архангельске, который вскоре станет Ситкой, со всеми воинскими почестями был спущен флаг Российской империи, развевавшийся над американскими землями многие десятилетия, – его место заняло звездно-полосатое полотнище. Один из наблюдавших за этим американских солдат вспоминал: «Русские в Ситхе все до одного ведут себя так, как будто присутствуют на похоронах царя. Те немногие из них, кто не занят упаковкой своего имущества… бродят по улицам в подавленном настроении». Отмечалось, что новые хозяева Аляски не очень ласково обходились с покидавшими обжитые места российскими подданными – один из американских чиновников писал, что «американские солдаты вели себя весьма бесцеремонно, самовольно занимая дома русских жителей и оскорбляя русских женщин». Впрочем, серьезных инцидентов удалось избежать.

Большая часть русского населения навсегда покинула полуостров. Принимавший Аляску американский генерал Руссо слал в Вашингтон торжествен-

[33] История Русской Америки (1732–1867). Т.1-3. М.: Международные отношения, 1997-1999. Т.3.

ные и совершенно лживые донесения о том, что русские чуть ли не поголовно хотят остаться в США. На самом деле желание дальше жить на американской земле и стать гражданами «Страны свободы» изъявили лишь единицы. В большинстве своем оставались на месте коренные жители, которые уже успели воспринять русскую культуру, язык и православную веру. Русские священнослужители также не покидали свою паству, тем более что, согласно договоренности о продаже Аляски, имущество церкви не подлежало передаче новым властям. Влияние русской культуры явственно ощущалось на этих землях еще многие десятилетия, по крайней мере до 1910-х – 1920-х гг. русская речь была в ходу у местных жителей. Тем не менее на сегодняшний день эти следы в значительной мере изгладились, и многие из проживающих на Аляске американцев уже не вспоминают о том, что она была когда-то российской и что русские первыми из европейцев ступили на эту землю – нынешний полуостров Сьюард. Это открывает широкие возможности для спекуляций со стороны современных американских историков, которые все более активно пытаются переписать историю Аляски, изобразив русских в качестве безжалостных колонизаторов, живших одной лишь мыслью о наживе, угнетателей коренного населения, нанесших непоправимый ущерб его культуре и подорвавших в погоне за прибылью экологию региона. Уже в наше время, в 2020 г., захлестнувшее США движение «Жизни черных имеют значение» добралось и до Аляски. На роль угнетателя чернокожих по каким-то причинам избрали А. Баранова, заодно навесив на него ярлык «убийцы индейцев», а памятник ему в Ситке пытались демонтировать. Но среди местного населения нашлось немало и тех, кто встал на защиту доброго имени первого главного правителя Русской Америки.

И все же память о многолетнем российском присутствии порой обнаруживается не только в русских названиях улиц или фамилиях обывателей, но и на глубинных уровнях культуры. Удивительно, что ее сохраняют именно коренные народы Аляски, которые якобы были угнетаемы русскими и, казалось бы, должны постараться забыть об «исторической травме». Среди аборигенов полуострова по-прежнему можно встретить носящих русские имена и отправляющихся по воскресеньям в православные храмы, чтобы послушать службу на русском языке. Однако, быть может, наиболее яркое свидетельство русского влияния можно найти в языке местных эскимосов Кускоквима, которые называют американцев «гуссук», то есть «белый человек». И лишь русские остаются для них «гуссук-пиак», то есть «по-настоящему белыми людьми».

Отдельного внимания заслуживают наиболее популярные легенды и гипотезы, касающиеся продажи Аляски в 1867 г., многие из которых начали активно циркулировать в 1990-е гг. и до сих пор регулярно всплывают в информационном пространстве. Несмотря на то что ни один из этих домыслов не в состоянии выдержать даже элементарной исторической критики, они продолжают звучать и имеют множество убежденных сторонников.

Наиболее популярная из легенд гласит, что в 1867 году Аляска якобы была не продана, а сдана в аренду сроком на 99 лет. Этот тезис легко опровергается ознакомлением с Конвенцией 1867 года, в тексте которой значится (статья I): «Его величество император Всероссийский сим обязуется уступить Северо-Американским Соединенным Штатам, немедленно по обмене ратификаций, всю территорию с верховным на оную правом, владеемым ныне его величеством на Американском материке, а также прилегающие к ней острова»[34].

Кроме того, далее (статья V) уточняется: «Вышепостановленная уступка территории и верховного на оную права сим признается свободной и изъятой от всяких ограничений, привилегий, льгот или владельческих прав Российских или иных компаний, законным порядком или иным образом учрежденных, или таковых же прав товариществ, за исключением только прав собственности, принадлежащих частным лицам, и уступка эта, сим установленная, заключает в себе все права, льготы и привилегии, ныне принадлежащие России в сказанной территории, ея владениях и принадлежностях».

Более того, тщательное исследование документов, которые касаются дискуссий о судьбе Аляски в высших кругах Российской империи, показывает, что иные формы передачи полуострова, кроме его продажи, не рассматривались. В то же время существует мнение, что фигурирующее в этих документах слово «уступка» означает что-то помимо продажи, например сдачу в аренду. Однако это не так. Уступкой в деловой русской речи XIX века называлась полная передача прав собственности. Об этом свидетельствует и оригинальный текст соглашения 1867 года, которое в своем изначальном варианте было составлено на английском и французском языках: «His Majesty the Emperor of all the Russias, agrees to cede to the United States, by this convention, immediately upon the exchange of the ratifications thereof, all the territory and dominion now possessed by his said Majesty on the continent of America and in adjacent islands».

Таким образом, вопрос о том, была ли Аляска действительно продана или сдана в аренду, никаких исторических оснований под собой не имеет.

Еще одна легенда касается передачи Вашингтоном Петербургу денежных средств. Ряд публицистов пишет о том, что американцы вообще отказались платить, а российские власти просто закрыли на это глаза, опасаясь войны. Другие утверждают, что золото было погружено на судно (дают даже его название – «Оркни»), но оно затонуло. Кто-то добавляет, что документы о гибели судна были фальсифицированы, а осведомленный об этом факте Стекль хранил молчание за солидное вознаграждение. Здесь мы тоже имеем дело с ничем не подкрепленным мифом. Не одно поколение российских историков работало с хранящимися и по сей день в центральных архивах документами, подтверждающими получение от Вашингтона суммы, причитавшейся за продажу Аляски. Все они доступны для интересующихся этим вопросом. Более того, никакой погрузки ящиков с золотом на торговое судно не было и быть не

[34] Цит. по тексту Конвенции.

могло: все переводы денежных средств осуществлялись безналичным образом. Думается, что если бы Петербург вознамерился получить слитки с золотом, то великий князь Константин распорядился бы выслать крейсер для их перевозки, а не нанимать посредников.

Другое дело, что большая часть средств была потрачена там же, в Америке. В основном они пошли на закупку оборудования для железных дорог, которые тогда в России переживали период бурного развития. С учетом того, что курировал эту сферу тот же Рейтерн, в этом нет ничего удивительного. Однако факт неопровержим: деньги были получены и употреблены на благо страны.

Домыслы о том, что американцы не выплатили сумму в полном объеме, могут быть объяснены непониманием некоторых фактов. Один из них уже упоминался ранее: из 7 200 000 долларов Петербург получил только 7 035 000. Нужно сказать, что судьба этих денег историками до конца не выяснена. Предполагается, что Стекль раздавал их в виде вознаграждений коррумпированным вашингтонским политиканам. В то же время найденное в архивах повеление царя о списании этой суммы и весьма благосклонное отношение монарха к посланнику, получившему щедрые награды (орден Белого орла, единовременную выплату 25 000 рублей и ежегодную пожизненную пенсию в 6000 рублей), позволяют говорить о том, что Александр II не стал подозревать Стекля в присвоении столь значительных средств. Сам же бывший посланник после продажи Аляски удалился на покой, выехал за пределы России и скончался в Париже в 1892 году, ровно на один день пережив великого князя Константина.

В этой связи нельзя не упомянуть еще об одной популярной теории, якобы имевшем место «предательстве» представителей верховной власти Российской империи, обманом склонившей царя к продаже Аляски. Конечно, представить какие-либо бесспорные доказательства отсутствия или наличия злого умысла у лиц, собравшихся на совещание в МИД декабрьским днем 1866 года, значительно труднее, чем отыскать расписки в получении американских денег. Следует рассмотреть более широкий исторический контекст.

Из всех участников декабрьского совещания у императора больше всего оснований подозревать в измене Стекля. По всей видимости, если он и не был напрямую заинтересован в продаже Аляски, то за годы дружбы с американскими политиками вполне мог забыть, чьи интересы представляет, и поверить в то, что уступка полуострова Америке станет благотворной прежде всего для самой России. Эту точки зрения упрямо навязывали ему и Сьюард, и другие члены вашингтонского бомонда. Однако, как мы уже видели раньше, ошибочно изображать Стекля как главного архитектора сделки. Он сыграл важную, но не решающую роль, оказавшись удобным в той ситуации, когда великий князь Константин уже утвердился в намерении избавиться от Аляски и смог заручиться поддержкой влиятельнейших Горчакова и Рейтерна. В этом отношении списывать все на Стекля нельзя. Не будь он столь рьяным поборником идеи продажи, наверняка, нашелся бы другой «эксперт», которого бы доверительно представили императору.

Что касается великого князя Константина и его союзников в деле ухода России из Америки, то никаких причин заподозрить их в отсутствии патриотизма нет. Все они остались в истории страны как противоречивые, однако безусловно достойные глубокого уважения государственные деятели, чьи дела во благо России трудно оспорить. И нет оснований сомневаться в том, что, убеждая Александра II продать Аляску и оттесняя от этой темы всякого, кто мог бы возразить, все они – и Константин, и Горчаков, и Рейтерн – были убеждены в том, что совершают важный и благотворный для страны шаг.

Сторонники «теории предательства» забывают или игнорируют реалии той эпохи, которые довлели над умами самого императора и его сановников. Совсем свежа была в их памяти Крымская война, ставшая бесславным итогом многолетнего и внешне благополучного правления Николая I. Будучи военным моряком, Константин прекрасно помнил, как всего десятилетие назад мощная англо-французская эскадра на Балтике безнаказанно расстреливала русские форты и грозила прорваться к Кронштадту. Он помнил и позор затопления флота в бухте Севастополя, и шокирующие поражения в Крыму. Повторения этих событий из-за далекой и малоинтересной земли он никак не хотел, тем более что как шеф русского флота хорошо понимал всю его слабость в сравнении с британским.

Вероятно, события Крымской войны приходили на ум и Рейтерну, которому пришлось много работать для преодоления катастрофических финансовых последствий конфликта. Это локальное по масштабу столкновение страна в экономическом плане перенесла едва ли не тяжелее, чем 1812 год, тем более что в самом разгаре была эпоха либеральных реформ, когда в освоении и переустройстве нуждалась вся огромная российская территория, а не только отдаленные американские земли.

Горчаков, один из величайших дипломатов своего времени, также не мог не смотреть на Русскую Америку как на досадную помеху, лишь отвлекающую от действительно важных дел. Воспитанный в старых традициях русской дипломатии, он не мог представить себе иного магистрального направления для внешней политики Петербурга, кроме Европы. Обеспечить «европейский статус» России, хотя бы немного сопоставимый с тем, какой она имела после наполеоновских войн, было главной целью русской дипломатии, особенно после Севастополя. Политика в других регионах строилась с оглядкой на Европу. И Дальний Восток виделся в такой же системе координат. Не пустить Британию, не спровоцировать Британию, не дать британцам и французам выступить единым фронтом, заручиться поддержкой третьих стран (например, американской) в соперничестве с Лондоном – таковы, пускай и в крайне упрощенном виде, были доминанты политики России на Тихом океане.

Конечно, в этих условиях Аляска не могла быть интересна ни Константину, ни Горчакову, ни Рейтерну. Укреплять позиции России на собственном Дальнем Востоке, который по степени освоенности тогда мало чем отличался от

просторов Русской Америки, казалось намного более целесообразным. Кроме того, рядом был огромный Китай, который, казалось, в скором времени падет под натиском англичан, после чего легко может выступить против России.

В этом отношении трудно заподозрить кого-либо из причастных к решению о продаже Аляски в злом умысле и желании нанести ущерб интересам Российской империи. Если упрекать их, то лишь в тактике, избранной ими для продавливания этого решения, которая, по сути, заведомо отсекала возможности для любой альтернативы.

Однако были ли такие альтернативы? Историки до сих пор не дали убедительного ответа. Один из виднейших исследователей истории Русской Америки, академик Н. Н. Болховитинов признает, что в 1866 г. Александру II были представлены половинчатые и далеко не всегда достоверные факты и сведения, касающиеся продажи Аляски, но при этом полагает, что в долгосрочной перспективе удержать эту землю не удалось бы: «Царская Россия проиграла войну с Японией, а Октябрьская революция и Гражданская война вообще поставили страну на грань развала. Здесь уже было бы не до Аляски. Но все это только предположения, которые к реальной истории отношения не имеют».

О сложности вопроса с продажей Аляски свидетельствует и восприятие сделки в самих США. Безусловно, с исторической точки зрения Сьюард сыграл очень удачно, приобретя для своей страны такие ценные территории по сходной цене. Однако многие соотечественники весьма сурово критиковали эту покупку, награждая приобретенные земли такими нелестными прозвищами, как «холодильник Сьюарда» или «Моржляндия»[35], а некоторые газеты открыто называли госсекретаря дураком. Тем не менее уже следующие поколения оценили этот шаг по достоинству, и сегодня мало кто из американцев ставит под сомнение огромное положительное значение, которое покупка Аляски сыграла в истории страны.

Дискуссия вокруг якобы имевшей место сдачи Аляски в аренду неразрывно связана с темой ее возвращения нашей стране. Однако едва ли возможно представить себе достаточно весомый аргумент, тем более базирующийся на нормах международного права, который мог бы сегодня подкрепить притязания России на бывшие территории Русской Америки. На этом сходятся все серьезные исследователи этого вопроса. Впрочем, сами американские политики время от времени используют тему возврата полуострова в борьбе с оппонентами. Так, в начале 2020 г. из рядов Демократической партии США в адрес Д. Трампа звучали обвинения в том, что он якобы может передать штат России, а один из главных оппонентов президента в Конгрессе А. Шифф и вовсе считал эту гипотетическую возможность поводом для импичмента[36].

В 2016 г. в прессе циркулировали слухи о том, будто бы власти России тайно наняли команду юристов, которая занялась поиском путей для истребова-

[35] Труднопереводимая игра слов: Walrussia – от Walrus (морж) и Russia (Россия).

[36] Schiff warns that Trump could sell Alaska to Russia if unchecked. Fox, 2020.

ния Аляски назад. Упоминалось, в частности, о том, что сделку можно признать незаконной якобы из-за нарушения процедурных аспектов, например нелегитимном созыве в 1867 г. экстренной сессии Конгресса для ратификации соглашения.

Впрочем, в самих США и обвинения А. Шиффа, и слухи о «нанятых Кремлем юристах» восприняли как абсурдные, тем более что процесс выхода штатов из состава государства (особенно с их передачей другому государству) в явном виде в национальном законодательстве не предусмотрен. Единолично решать подобные вопросы президент США, разумеется, не может. Имеются ли на это полномочия у Конгресса США, также неясно. Американцы прекрасно помнят, к чему привели попытки южных штатов отделиться в 1861 г. Поэтому к шестой статье Конституции США, в которой говорится о праве штатов на свободу и независимость, а также запрещается вмешательство Конгресса в территориальное устройство штатов без их согласия, отношение в Америке более чем осторожное. Кроме того, прецедентный характер американского права заставляет обратиться к решениям, вынесенным судами. Одно из важнейших было принято Верховным судом США в 1869 году, всего через четыре года после окончания Гражданской войны (дело «штат Техас против Уайта»), и отношения между всеми штатами в нем были охарактеризованы как «нерасторжимые» и «окончательные»[37]. В то же время Верховный суд признал, что отделение возможно в результате революции или с согласия штатов.

Может ли произойти такая революция на Аляске? Подобную возможность, безусловно, нельзя считать полностью нереалистичной. В штате с 1984 г. действует Партия независимости Аляски, которая, впрочем, крупной политической силой до сих пор так и не стала. Ее руководители полагают, что вхождение полуострова в состав США имело неконституционный характер, имея в виду не его продажу в 1867 г., а обретение Аляской статуса штата в 1959 г. (до этого числилась «территорией»). Тогда в ходе референдума не были учтены голоса многочисленных коренных жителей, многие из которых либо были неграмотны, либо вообще не контактировали с властями, и по этой причине не были внесены в списки избирателей. При этом в голосовании приняли участие расквартированные на Аляске военнослужащие. На этом основании партия на протяжении многих лет требует проведение повторного референдума, который решит вопрос о дальнейшем нахождении штата в составе США. Однако значительных успехов ей пока так и не удалось добиться. Впрочем, сепаратистские движения в США – обычное дело, особенно в тех штатах, которые ранее были фактически независимыми государствами (Техас, Калифорния, Гавайи), и большинство ратующих за их отделение политиков не поднимаются достаточно высоко даже на местном уровне.

Даже если предположить сценарий передачи Аляски обратно России, возникает закономерный вопрос о ее условиях. Выше было рассмотрено, насколь-

[37] Решение суда по делу Texas v. White et al. 74 U.S. 700 (1869).

ко обоснованной являлась цена, запрошенная Петербургом в 1867 г. Очевидно, что и возврат этой территории не может быть безвозмездным, ведь за полтора столетия там успела вырасти серьезная экономика, да и население ее составляет не считанные тысячи человек, а более 700 тыс. жителей. Сегодняшняя Аляска располагает валовым региональным продуктом в размере более чем 54 млрд долларов – около 1,3 % ВВП России. Эти ресурсы, конечно, не идут ни в какое сравнение с тем, что получили американцы в 1867 г. от Российской империи вместе с территорией. Поэтому, даже если предположить совершенно невероятное развитие событий, вряд ли получится прийти к взаимовыгодной цене. Разумеется, если брать в расчет мирную сделку.

Покорение и освоение земель Русской Америки на протяжении XVIII–XIX веков – один из наиболее интересных эпизодов геополитической истории России. Достаточно сказать, что перед нами – единственный значимый эпизод заморской экспансии во всей истории России. В течение всего существования Московского царства, а потом и Российской империи геополитические амбиции государства всегда имели выраженно континентальный характер. В то время как зажатые географическими барьерами и могущественными соседями европейские страны были вынуждены устремлять свои взоры за моря и основывать колонии в Африке, Азии и Америке, у России такой необходимости попросту не было: к востоку от нее лежали гигантские территории, манившие не менее сказочными богатствами, чем Индия или Южная Америка.

Вследствие этого Россия так и не освоила методы колониальной экспансии, которые применяли Великобритания, Нидерланды, Испания, Португалия, Франция при построении своих заморских империй. Земли, которые лежали за морем, которые нужно было круглогодично снабжать с помощью океанского флота и защищать от мощных европейских конкурентов, никогда не были приоритетом для России, тем более что страна смогла получить надежный выход к теплым морям лишь к концу XVIII века, при Екатерине II. В этом смысле то, что Аляска так и не смогла стать для России приоритетом номер один, не вызывает удивления. Можно вспомнить другой прецедент – Гавайские острова, на которых русские могли закрепиться еще в 1810-е годы. Однако Александр I не дал своего согласия и повелел покинуть острова. Между тем Россия была тогда в зените своей мировой славы – победительница Наполеона, гарант европейской безопасности. Надо думать, что враждебность гавайцев или протесты американцев не могли напугать русского царя. Нет, просто он не понимал необходимости подобных приобретений.

Нельзя забывать и об экономическом факторе. Даже сейчас, в век высокоскоростных железнодорожных магистралей и грузовой авиации, морские перевозки значительно дешевле всех других видов транспорта. Что же тогда говорить о XIX столетии, когда на Дальний Восток России не было проложено даже удовлетворительных дорог и путешествие в те края занимало месяцы, иногда больше года. А затем груз надо было еще доставить по морю до Амери-

ки. Неудивительно, что наладить коммуникации с Индией или Индонезией для англичан и голландцев было значительно проще и дешевле, чем русским – с Аляской. Можно привести и более удивительное сравнение: когда англичане и французы осаждали Севастополь во время Крымской войны, то снабжать их армии по морю из метрополии было гораздо удобнее, чем русским – доставлять припасы для своих сил в Крыму.

Конечно, в таких условиях у российских государственников могло выработаться лишь континентальное мышление. Его проявление мы уже видели из документов, ложившихся на стол Николаю I и Александру I. Бросить все силы на Сибирь, на Дальний Восток, развивать Приамурье – вот, где будущее России. Впрочем, аргументы в пользу выбора именно этих направлений расходились. Далеко не все считали сибирские и дальневосточные земли самоценными для страны. Для многих они были плацдармом для противостояния Западу, в первую очередь Великобритании. В этом смысле заложенная еще Петром I ориентация России в сторону Запада и главный догмат нашей внешней политики – рубить и расширять окно в Европу, добиваясь полноправного членства Петербурга в сообществе европейских держав, – все это сбивало геополитический прицел, мешало трезво оценить реальные перспективы страны в том или ином регионе. В итоге Дальний Восток готовился как плацдарм для будущих битв с англичанами или их союзниками и сателлитами (в их роли империя сперва видела Китай, но в итоге ими оказались японцы) и в то же время демонстрировал крайне низкие темпы экономического и социального развития.

Приращение континентальных земель, которые могли в той или иной степени прикрыть европейскую часть России, всегда оставалось в приоритете. Вспомнить хотя бы то, что удивительно легко расставшийся с Аляской Александр II в те же годы вел упорную и жестокую борьбу за присоединение к империи Центральной Азии, пространства которой во много раз превосходили Аляску, были ненамного лучше освоены и при этом отнюдь не в меньшей степени подвержены опасности вторжения. Однако роль Азии была очевидной – создать огромный геополитический барьер с южного фланга России, не дав обосноваться там британцам, а заодно приблизиться к Индии и западным границам Китая. Подобная логика была понятна и близка Петербургу.

Конечно, с такого, сугубо континентального, ракурса значимость Аляски для России оказывается далеко не очевидной. В стратегическом плане эта земля виделась обузой. Вспомним, что даже во время Русско-японской войны, когда через Сибирь потянулись железные дороги, целые дивизии и корпуса русской армии просто не успели прибыть вовремя на театр военных действий.

С экономической ценностью Русской Америки ясности тоже не было. Пока эти земли приносили осязаемую прибыль в виде пушнины, они еще были полезны, но когда источник дохода постепенно иссяк, то и интерес к нему пропал. Даже то, что в 1840-е гг. на Аляске уже можно было найти промышленные предприятия, мало кого в Петербурге могло впечатлить. В конце концов, та-

кие же предприятия можно было строить и в Сибири, и на Амуре. Другое дело, что строили их далеко не всегда.

Иными словами, основная проблема Русской Америки состояла в том, что ни у кого из высшего руководства империи не было четкого ответа на вопрос, зачем России она была нужна. Говоря современным языком, отсутствовало геостратегическое видение. И вряд ли можно было ожидать иного, если учесть, что контроль над американскими землями, по сути, переходил из рук в руки. Сперва были коммерсанты, которые хорошо умели делать деньги, но не обладали долгосрочным, государственным видением насчет тех или иных земель. Сменившие их затем государственники под конец существования Русской Америки пришли к достаточно глубокому пониманию ее ценности для империи, однако не смогли подкрепить свои доводы привлекательными для Петербурга финансовыми показателями.

Знакомство с основными вехами становления США как государства неизбежно приводит к вопросу о феномене американской исключительности. Это поднимает вопрос о соотношении общественно-политического строя Америки и ее государственного устройства с так называемыми демократическими идеалами. Мы уже видели, что на протяжении почти всей истории США, начиная еще едва ли не с колониальных времен, американские элиты были склонны обосновывать «уникальность» своей страны тем, что эти идеалы якобы нашли в ней свое наивысшее воплощение. Миф об «американской демократии» образует сердцевину мифа об «американской исключительности».

Сегодня США претендуют на моральный авторитет в мире, заявляя во всеуслышание о своем праве выносить суждения о демократичности других государств, давать им оценку с позиции соблюдения прав человека, определения политических правил игры и этических норм в международных делах на глобальном уровне. Именно для того, чтобы корректно судить о степени обоснованности этих притязаний, следует рассмотреть вопрос о том, могут ли современные Соединенные Штаты считаться эталоном демократического устройства.

Реальность состоит в том, что США на сегодняшний день девальвировали свои замашки на лидерство в вопросах демократии политикой двойных стандартов и несоответствием декларируемых ценностей реальным действиям, тем самым морально обанкротив собственные идеалы. Моральный авторитет и сила убеждения давно перестали быть источником американского могущества. США делают ставку на силу, все более грубую и неприкрытую, что само по себе в корне противоречит любым демократическим идеалам. Причем речь идет не только о военной силе, но и о расширяющейся практике использования экономических инструментов в качестве силовых, скрытом вмешательстве в дела суверенных государств, информационно-пропагандистском давлении. Об этой вполне естественной эволюции речь пойдет в следующих главах.

Иллюстрации к главе 12

Г.И.Шелихов, основатель первых постоянных русских поселений в Америке.

Основатель РАК Н. П. Резанов.

Флаг РАК.

Валюта РАК.

Православный священник и индейцы Аляски.
Современная реконструкция.

Руководитель РАК, Главный правитель Русской Америки А.А.Баранов.

В ходе опиумных войн англичане и французы легко разгромили технически отсталую китайскую армию. На литографии: французы штурмуют резиденцию китайского императора, которая после взятия будет ими варварски разрушены и сожжена.

Подписание конвенции об уступке Аляски Российской Империей 3 (15) мая 1867 года (картина Э.Лойце, 1868 год). Э.Стекль стоит у глобуса, протягивая правую руку к Аляске. У.Стьюард сидит с картой на коленях, положив руку на стол.

Музейный комплекс на территории Форт-Росс в Калифорнии.

Судьбу Русской Америки фактически решили четыре человека:

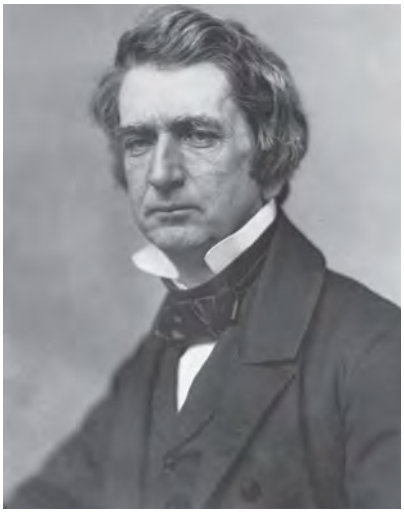
Великий князь Константин Николаевич – брат императора Александра II, генерал-адмирал, шеф русского флота и один из главных архитекторов либеральных реформ 1860-х годов.

Александр Михайлович Горчаков, руководитель внешнеполитического ведомства, один из величайших русских дипломатов, получивший известность как «железный канцлер».

Михаил Христофорович Рейтерн – министр финансов, один из наиболее выдающихся российских финансистов XIX века.

Эдуард Андреевич фон Стекль – российский посланник в Вашингтоне.

Уильям Генри Сьюард – государственный секретарь США в 1861 – 1869 годах, соратник президента Линкольна, соперником которого он являлся в ходе выборов 1860 года. Эффективно руководил внешней политикой Вашингтона в тяжелейший период Гражданской войны 1861 – 1865 годов. Убежденный сторонник господства США на американском континенте, занимал антибританские позиции.



Чек на 7.2 миллиона долларов золотом, выписанный властями США Э. фон Стеклю.

Среди современных американцев, в том числе жителей Аляски, все больше преобладает искаженный образ Русской Америки. Русских все называют захватчиками и колонизаторами, а публичное осквернение памятника руководителю РАК А.А.Баранову в Ситке становится традиционной формой выражения протеста. Забывая об огромных заслугах А.А.Баранова для улучшения жизни местного населения, его называют убийцей и поработителем индейцев.

Часть третья

Становление «американской империи»

Итак, история становления американского государства отнюдь не свидетельствует о глубоко укорененной в нем демократической традиции. Многие ее элементы изначально носили выраженный антидемократический характер. Сходным образом американская геополитическая стратегия имела экспансионистский и агрессивный характер уже на ранних этапах существования государства. Более того, неизбежность экспансии во многом предполагает сама американская государственность. Этот экспансионизм уже в XIX веке начал приобретать глобальный характер, по крайней мере, на уровне риторики и теории. И хотя на практике США заявили о себе как о мировой державе лишь чуть более ста лет назад, это отнюдь не означает, что до того времени гегемонистская стратегия Америки не воплощалась в реальности.

Выход Америки на мировую арену обычно связывают с ее вступлением в Первую мировую войну в 1917 году и участием в Версальской мирной конференции 1919 года, в которой американцы не просто впервые сели за один стол с великими державами Европы, но и активно теснили их, навязывая свое видение миропорядка. Тем не менее США к тому времени уже «обкатали» в более скромных масштабах, в частности на своем собственном континенте, многие тактические приемы установления собственной гегемонии. Эти подходы бесчисленное количество раз повторялись затем в рамках целых регионов и, наконец, всего мира. Достаточно вспомнить, что знаменитая стратегия «Анаконды», которая реализовывалась Вашингтоном против СССР в годы холодной войны, а в наши дни проводится в отношении России, уходит своими корнями во времена Гражданской войны 1861–1865 годов[1]. В этом смысле исторический анализ может оказаться в высшей степени полезным для понимания того, что сегодня из себя представляет Америка и по какой траектории она движется.

В настоящей главе представлена попытка проследить процесс становления американской гегемонии с конца XIX столетия до последствий завершившейся в 1991 году холодной войны. В предыдущем разделе книги повествование было прервано на окончании Гражданской войны и послевоенной Реконструкции, то есть на том моменте американской истории, когда США в целом остановили свое территориальное оформление и сформировали основы национальной политической системы, которые в общих чертах сохранились до

[1] *Symonds Craig.* Lincoln and the Strategy of Union. Naval War College Review, 1975.

наших дней. Именно в указанный период американские элиты осознали, что «покорение» собственной территории успешно завершено и перешли к формированию планов распространения своего влияния далеко за пределы национальных границ.

Становление «американской империи» произошло в удивительно короткие сроки. Конечно, можно спорить о том, какой момент брать за точку отсчета. В настоящей книге, как помнит читатель, проводится мысль о том, что американское общество в духовном отношении изначально нацеливалось на глобальное доминирование. Если же подходить к вопросу с практической стороны, то анализ целесообразно начать с 1898 года, когда США успешно провели свою первую захватническую войну за пределами континентальной Америки. Накануне начала этого конфликта, в котором была наголову разгромлена Испания, газета «Вашингтон пост» опубликовала пророческие слова: «У нас, похоже, появилось новое сознание — осознание силы, а вместе с ним и новые аппетиты, стремление показать нашу мощь… Амбиции, интересы, жажда новых земель, гордость, упоение битвой, какой бы она ни была, — мы ожили этим новым чувством. Мы столкнулись лицом к лицу со странной судьбой. Привкус Империи ощущается у людей на губах, и он такой же, как вкус крови в джунглях…»[2].

Это сознание стало идеологической основой стремительного процесса установления американской гегемонии. Его апофеозом можно считать 1991 год, когда с мировой сцены сошел Советский Союз – единственная сила на земном шаре, которая могла бросить вызов американцам. Таким образом, на создание своей «империи» США затратили всего лишь около одного столетия. С исторической точки зрения это случилось практически мгновенно.

Вместе с тем, как мы уже неоднократно отмечали, эйфория от «победы», которую США сами себе приписали по итогам холодной войны, стала разрушительным фактором, подтачивающим основы американского могущества. Многие века и тысячелетия мировой истории учат нас тому, что чем стремительнее разворачивается имперская экспансия, тем более глубокие дисбалансы и противоречия возникают внутри самого гегемона — в дальнейшем это может привести к его краху. Известно немало примеров империй, которые стремительно врывались на мировую арену, без труда сокрушая своих соперников, однако не переживали даже своих создателей. Наполеоновская Франция или Третий рейх – наиболее свежие, однако далеко не единственные подобные случаи. Последует ли современная Америка по пути этих исполинов? Для ответа на этот вопрос следует изучить историю возникновения «американской империи».

[2] Цит. по: *Зинн Г.* Американская империя. С 1492 года до наших дней. Родина, 2019.

Глава 13

Доктрина Монро, «большая дубинка», панамериканизм и «дипломатия канонерок»

Доктрина Монро является исторически первой из «больших стратегий» американского господства, провозглашенных Вашингтоном. В литературе часто подчеркивается, что эта доктрина представляет собой исторический интерес, отражавший стремление молодого американского государства обезопасить себя от появления у своих рубежей сильных европейских держав[1]. С этим утверждением можно согласиться лишь отчасти. Доктрина Монро является не просто исторически первой, но и наиболее фундаментальной и долговечной из всех геополитических концепций, разработанных в США. Вплоть до вступления Америки в Первую мировую войну, то есть почти целое столетие, ее идеи последовательно проводились в жизнь Белым домом. Однако неверно считать, что со временем Вашингтон отказался от нее. Если не буква, то определенно самый дух этой доктрины до сих пор оказывает существенное влияние на мышление творцов американской геополитической стратегии. В этом смысле ее изучение представляет отнюдь не только теоретический интерес.

Хотя основные положения доктрины Монро были сформулированы еще Дж. Вашингтоном, свое название она получила по имени пятого президента США, который официально озвучил ее 2 декабря 1823 года в ежегодном послании к Конгрессу. Монро беспокоили текущие политические события. К тому моменту владения России в Северной Америке простирались вплоть до современной Калифорнии, а испанская корона намеревалась заявить притязания на свои бывшие владения в Центральной и Южной Америке (в 1820–1830 гг. независимость получили более десятка испанских колоний в Южной и Центральной Америке). В стратегически важных районах также сохранялось колониальное присутствие Англии, Франции, Нидерландов. Великие державы Старого Света, взявшие курс на реставрацию старого порядка в Европе после революции во Франции и наполеоновских войн, восстановили на престоле в Мадриде прежних правителей и раздумывали над возвращением им утерянных колоний. Кроме того, новые южноамериканские государства были политически нестабильны, ожесточенно боролись между собой, становились жертвами переворотов и гражданских войн. Все это создавало возможности если не повторной колонизации, то политического и экономического закрепления европейцев на этих землях.

Еще до официального провозглашения доктрины Монро американцы начали проводить политику «выдавливания» европейских держав из Нового Света. В 1817 году президент Монро послал генерала Э. Джексона усмирить

[1] *Sexton J.* The Monroe Doctrine: Empire and Nation in Nineteenth-Century America, 2012.

индейское племя семинолов, нападавших на американцев с территории Флориды, в то время принадлежавшей испанцам. Преследуя семинолов, Джексон «случайно» захватил Флориду. Монро официально сделал выговор Джексону, однако испанцам ничего не оставалось, как уступить территорию за денежную компенсацию.

С оглядкой на эти обстоятельства Монро провозгласил, что США отказываются от всякого вмешательства в европейские дела, ожидая от держав Старого Света, что те, в свою очередь, также воздержатся от вмешательства в дела государств американского континента, в том числе от приобретения колоний. Позднее понятие американского континента в доктрине Монро заменило все западное полушарие, которое упоминал в своей речи ее автор.

В Европе это заявление было расценено как желание Соединенных Штатов дистанцироваться от проблем Старого Света и международной политики вообще[2]. В те времена европейцы считали США глухим захолустьем, которое неспособно оказывать влияние на дела великих держав. Победы, которые американцы в конечном счете одержали в войнах с Великобританией, объясняли отдаленностью театра военных действий, помощью со стороны Франции или отвлечением английских сил на борьбу с Наполеоном. Более того, европейские наблюдатели не восприняли американскую декларацию в качестве объявления Латинской Америки зоной интересов Вашингтона.

Американцы же понимали доктрину Монро как декларацию о неприкосновенности всего американского континента. В 1845 году президент США Дж. Полк в послании к Конгрессу заявил, что США отвергают не только внешнее вмешательство Европы в дела американского континента, но и любую уступку государствами континента прав или территорий в пользу европейских держав («Поправка Полка»)[3]. Еще ранее со схожими идеями в отношении испанских колоний и Кубы соответственно выступали в 1824 году сенатор Г. Клей и в 1826 году – президент США Дж. К. Адамс. В окончательном же виде доктрину Монро выразил президент У. Грант, который в 1870 году объявил абсолютное неприятие любой формы европейского вмешательства в американские дела[4].

США гибко подходили к реализации доктрины. В 1861–1867 гг. Англия, Франция и Испания проводили вооруженную интервенцию в Мексику, которую Вашингтон счел отвечающей своим задачам по ослаблению южного соседа. Американцы предоставляли материальную поддержку интервентам, одновременно оказывая давление на легитимное мексиканское правительство. Однако в определенный момент стало очевидно, что Мексиканская империя, провозглашенная интервентами под прикрытием французских штыков, может представлять реальную угрозу американским интересам и стать плацдармом для проникновения держав Старого Света на американскую землю. Более

[2] Там же.

[3] Inaugural Address of James Knox Polk, 1845.

[4] Ulysses Simpson Grant, State of the Union 1870.

того, ее правитель – император Максимилиан (представитель австрийской династии Габсбургов) принялся налаживать дружественные отношения с Конфедеративными Штатами Америки – противником Белого дома в Гражданской войне 1861–1865 гг. Это предопределило радикальный поворот обратно к доктрине Монро: пользуясь победоносным окончанием междоусобной войны в 1865 г. и обладанием огромной армией, Вашингтон даже вынашивал планы военного вторжения на юг. Впрочем, к 1867 году Максимилиан из-за противоречий в Старом Свете остался без поддержки, его империя пала, а сам император был расстрелян.

К концу XIX столетия доктрина Монро окончательно приобрела экспансионистский, империалистический характер. Соединенные Штаты почувствовали, что «являются практически сувереном над [американским] континентом и их указы имеют силу закона»[5], как выразился госсекретарь США Р. Олни в разгар пограничного спора между Великобританией и Венесуэлой по отношению к территориям, которые Великобритания назвала частью Британской Гвианы. Еще более прямо высказывался Теодор Рузвельт, ставший в 1901 г. президентом США, однако еще задолго до этого ставший известным поборником доктрины Монро. Он утверждал, что к концу XIX столетия США обрели статус «международного полицейского» во всем полушарии. Рузвельт отмечал: «Приверженность Соединенных Штатов доктрине Монро может вынудить нас в случае наиболее вопиющих нарушений, пускай неохотно, но все же брать на себя международные полицейские полномочия»[6]. По сути дела, тем самым США возлагали на себя не столько полицейскую, сколько цивилизаторскую миссию: раз Вашингтон ощущал свою ответственность за судьбы государств западного полушария и готов был вмешаться в «вопиющих случаях», то почему бы не вмешаться во внутренние дела государств и помимо подобных ситуаций – в превентивных целях? Логическим развитием этих идей стала выдвинутая Рузвельтом концепция «большой дубинки»: если в Латинской Америке возникнут конфликты, то Вашингтон будет в них вмешиваться, в том числе с помощью военной силы. Выступая с ее обоснованием перед публикой, американский политик апеллировал к «африканской» пословице[7], которая во многом выразила кредо политики США вплоть до наших дней: «Говори мягко, но держи в руках большую дубинку, и ты далеко пойдешь». К тому моменту, как Рузвельт выдвинул эту идею, США уже вовсю орудовали «большой дубинкой» в Латинской Америке. Возможно, наиболее ярким примером стала испано-американская война – фактически первая «проба сил» набиравшего обороты американского империализма.

---

[5] Mr. Olney to Mr. Bayard . Department of State, Washington, July 20, 1895

[6] Roosevelt Corollary to the Monroe Doctrine, 1904

[7] Видимо, эту пословицу придумал сам Т. Рузвельт, поскольку нигде больше она не встречается.

Параллельно набирал силу панамериканизм –интеллектуальное и политическое течение, которое провозглашает необходимость достижения единства государств и народов американского континента, декларирует их культурное и духовное родство, общность исторических судеб. Доктрина Монро, следует отметить, также укладывается в рамки панамериканизма, однако предлагает его весьма жесткий и неравноправный вариант – при единоличном господстве США и подчиненном положении всех прочих региональных государств.

Разумеется, латиноамериканские политики и теоретики выдвигали собственные многочисленные панамериканские проекты. Первые попытки объединения испаноговорящих стран в западном полушарии были высказаны легендарным Симоном Боливаром еще в 1815 г., а уже позже были частично воплощены в жизнь, когда к 1826 г. он стал главой трех стран одновременно: Великой Колумбии, Перу и Боливии. Будучи сторонником республиканской формы правления, Боливар стремился дать странам возможность повторить путь 13 североамериканских колоний – объединиться и создать единую конфедерацию нескольких испаноговорящих государств. Данная инициатива была представлена в виде «Великого плана Американской конфедерации», принятие которого должно было произойти на конгрессе в Панаме в 1824–1826 гг. после подписания и ратификации двусторонних договоров о союзе, лиге и конфедерации. Такие договоры были подготовлены до начала Панамского конгресса между «Колумбией и Чили, Колумбией и Перу, Колумбией и Аргентиной, Колумбией и Мексикой, Колумбией и Центральной Америкой» (Соединёнными Провинциями Центральной Америки). По итогам переговоров и заключения договоров конфедерацию должна была возглавить Колумбия, однако страны столкнулись с противоречиями и противостоянием местных элит, что не позволило довести данную инициативу до логического конца.

После смерти Боливара инициатива по созыву очередных встреч глав на полях ряда конгрессов перешла к Мексике. Её министр иностранных дел Лукас Аламан старался снять противоречия между странами и взывал к их солидаризации, выдвинув предложение «Семейного пакта» – заключение необходимых экономических договоров на дипломатической основе. Затем инициатива перешла к Перу и Чили (конгрессы в Лиме 1847–1848 гг. и 1864–1865 гг., а также в 1856–1857 гг. в Сантьяго), при посредничестве которых страны региона пытались выработать солидарную позицию против внешних интервенций, а также достигнуть цель, провозглашённую Боливаром – подписать экономические договоры и объединиться в конфедерацию. Там не менее ни один из конгрессов так и не закончился созданием единой «американской семьи» для испаноговорящих республик, хотя, казалось, что им для этого оставался буквально один шаг (тема общей безопасности позволила значительно сплотиться, что привело к возникновению понятий Латинская Америка и латиноамериканцы в середине XIX в.). При этом выстраивающаяся межамериканская система дополнилась новыми инструментами, например, Доктриной

Кальво, аргентинского дипломата и юриста-международника, который сформулировал тезис о том, что «иностранцы должны прибегать к местным средствам правовой защиты или урегулированию споров, возникающих в соответствии с контрактом, и в дальнейшем должны отказаться от дипломатического вмешательства своего собственного правительства», то есть государства не должны оказывать дипломатическое или военное давление на суверенные правительства, с тем чтобы взыскать долги физических лиц.

Несмотря на то, что ни один из конгрессов, проводимых испаноговорящими республиками, не привёл к единению, имевшийся опыт значительно облегчил реализацию инициатив США по созданию новой «американской семьи», но уже не под стягом Боливара, а под знаменем США в виде политики панамериканизма. К 1889 г. данная политика позволила сформулировать некоторую общую повестку: достижение мира среди его государств-членов, способствование солидарности; укрепление сотрудничества; защита суверенитета, территориальной целостности и независимости. Иными словами, США попытались отойти от экономической повестки, сосредоточившись на теме безопасности – ее главным «поставщиком» в регионе должен был стать именно Вашингтон. Именно в это время настал звездный час доктрины Монро.

«Проамериканский панамериканизм», послуживший среди прочего основой для создания Международного союза американских республик в 1889–1890 гг., продолжал оставаться господствующей в регионе политической идеологией вплоть до Второй мировой войны. С 1889 по 1948 гг. проводились панамериканские конференции, в которых почти всегда присутствовали все страны западного полушария, обсуждавшие вопросы сотрудничества в военно-политической и социальной сферах. Эти мероприятия не всегда завершались положительно для США, так как в некоторой степени США сами стали причиной актуализации тематики безопасности. Например, внешнеполитический курс Т. Рузвельта в начале XX в., задачей которого было «наведение порядка» в регионе (вспомним знаменитую «политику большой дубинки»), явился ярким примером американского империализма и приводил, в том числе к прямым военным вторжениям (оккупация Гондураса, Никарагуа, Кубы). Одной из главных мишеней Вашингтона стала Колумбия и ее бывшая территория на перешейке Панамы, в дела которой с 1856 г. по 1903 гг. США вмешивались 14 раз, добившись создания Панамы в качестве самостоятельного государства, попавшего в зависимость от США на многие десятилетия (во многом это было необходимо для сооружения стратегически важного Панамского канала, которое началось в 1904 году).

Между тем к исходу XIX в. от былого колониального величия Испании не осталось и следа. «Империя, над которой никогда не заходит солнце» (как она некогда была названа одним из ее королей) стала одним из наиболее отсталых европейских государств, которое увязло в феодальных порядках. Однако Мадрид продолжал управлять обширными колониями, важнейшими из которых

являлись Куба и Филиппины. Бесхозяйственность и коррумпированность испанской колониальной администрации быстро довели обе колонии до плачевного состояния. Местное население было низведено до положения фактически рабов, балансирующих на грани выживания. Все это приводило к локальным бунтам и восстаниям, на подавление которых снаряжались военные экспедиции, дорого обходившиеся и без того опустошенной испанской казне.

Куба и Филиппины обратили на себя внимание американцев еще задолго до 1898 года. Привлекательность этих колоний была обусловлена как с политической и военно-стратегической, так и с экономической точки зрения. Их приобретение не только выводило США в разряд крупных колониальных держав, но и предоставляло им возможность значительно упрочить свои позиции на обоих океанах. Владение Кубой позволяло контролировать регион Карибского бассейна, который имел все шансы стать «американским морем». Тем самым Вашингтон гарантировал безопасность вод вокруг будущего Панамского канала, сооружение которого под контролем США уже тогда рассматривалось как задача национального значения[8].

Не меньшим было и стратегическое значение Филиппин. Если Гавайи, которые к тому моменту уже находились под американским протекторатом, образовывали своего рода ближний плацдарм для американского могущества на Тихом океане, то Филиппины могли бы стать его форпостом. От них одинаково удобно было действовать в направлении российского Дальнего Востока, Японии, Китая, французского Индокитая, британской Индии, нидерландской Ост-Индии. В этом регионе активно развивались огромные по своему объему рынки, а также постоянно обнаруживались все новые источники сырья, начиная с нефти и заканчивая каучуком.

Все эти факторы привлекали к испанским колониям внимание не только Белого дома, но и ведущих американских корпораций, среди которых были такие игроки, как «Стандард Ойл» Рокфеллера и «Юнайтед Фрутс», контролировавшая поставки фруктов в США. Как ни парадоксально, но фруктовая корпорация являлась мощной силой, которая спонсировала повстанческие движения и провоцировала полномасштабные войны в целях свержения правительств, не желавших уступать по выгодным ценам плодородные плантации.

Именно союз частной и государственной инициативы стал локомотивом дестабилизации в обеих колониях. С 1895 года на Кубе разворачивалось антииспанское восстание под руководством Х. Марти. Мадрид противодействовал восстанию с переменным успехом, выставив 150 тысяч солдат, из рук вон плохо вооруженных и снабжаемых, страдавших от эпидемий и отсутствия боевого духа. Им противостояли еще хуже экипированные кубинские повстанцы (их основным оружием являлись мачете), на стороне которых, однако, все

[8] В конце 1880-х гг. канал пытались построить французы, однако проект окончился грандиозным крахом, и последующие попытки реабилитировать его также ни к чему не привели.

чаще стали появляться американские «добровольцы» – наемники, снаряженные на корпоративные средства. За несколько лет на Кубу были переброшены до 60 отрядов таких «добровольцев».

Взрывоопасная ситуация была налицо, необходим был лишь повод к войне. Этот повод был найден 15 февраля 1898 г., когда на рейде Гаваны взорвался американский броненосец «Мэн», посланный на Кубу для «защиты американских интересов». Спешно собранная американцами комиссия молниеносно вынесла вердикт – корабль уничтожили испанцы[9]. Впрочем, независимое расследование показывало, что «Мэн» уничтожен взрывом в пороховом погребе, причем оснований предполагать диверсию со стороны самих американцев было более чем достаточно. Однако это уже никого не интересовало. Американское общество бурлило, требуя мести. На улицах проходили демонстрации под лозунгом «Помни о Мэне».

Средства массовой информации стали фитилем, через который искра от гибели американского броненосца воспламенила пороховую бочку войны. Дж. Пулитцер, основатель известной премии, и У. Херст, являвшиеся крупнейшими газетными магнатами своего времени, вели между собой жестокую борьбу за внимание публики. «Нью-Йорк Уорлд» Пулитцера и «Нью-Йорк Джорнал» Херста публиковали пропагандистские материалы, пестрящие вымышленными фактами, именами и событиями. Именно тогда появилось само понятие «желтой прессы». Их газеты печатались на наиболее дешевой, быстро желтеющей бумаге, и заполнялись бесчисленным количеством низкопробного материала, в котором ведущее место занимала графическая составляющая – откровенные и шокирующие рисунки, скетчи, карикатуры, политические шаржи. На издания Пулитцера и Херста работал Р. Ауткольт, именно в те годы создавший ставшие неотъемлемой частью американской культуры комиксы. Ауткольт издал серию выпусков о похождениях «желтого малыша» Микки Дугана – дегенеративного вида асоциального ребенка, обитавшего в трущобах и общавшегося на забавном сленге низов общества, на котором он выдавал совсем недетские комментарии на злобу дня. Приемы желтой прессы, разработанные в конце XIX столетия, стали для Вашингтона не менее мощным оружием, чем броненосцы и крейсера, а независимые обозреватели в самих США назвали Пулитцера и Херста «двумя желтыми малышами, развязавшими войну с Испанией»[10].

Впервые в истории в пропагандистскую войну включился также делавший свои первые шаги кинематограф. Студия знаменитого изобретателя Т. Эдисона выпустила короткий (22 секунды) фильм «Расстрел кубинских повстан-

---

[9] Далеко идущие выводы делались, например, из свидетельств командира броненосца, который утверждал, будто место якорной стоянки, которое указал испанский лоцман, показалось ему необычным. На основании этого американцы посчитали, что испанские власти умышленно отвели кораблю место, где была заранее установлена мина.

[10] The big type war of the yellow kids / Leon Barritt.

цев», призванный продемонстрировать жестокость испанских захватчиков. Немного позже операторы с громоздкими киноаппаратами последуют за американскими войсками – война 1898 года станет первой запечатленной на кинопленке.

В такой ситуации президент Мак-Кинли, изначально заявлявший о нежелании доводить дело до войны, начал опасаться потери доверия общества. Среди ведущих политических деятелей, окружавших президента, также оказалось множество подстрекателей конфликта. Т. Рузвельту, большому поклоннику идей экспансионизма и морской мощи, не терпелось опробовать обе концепции в реальной жизни, тем более что теперь как заместитель морского министра он имел в своем распоряжении новый мощный флот.

Наиболее ярко о своем решении объявить войну Испании Мак-Кинли поведал в речи, произнесенной в 1899 году:

«Правда заключается в том, что я не хотел Филиппин, и когда они попали нам в виде дара Божьего, я не знал, что делать с ними… Я искал совета со всех сторон – у демократов и у республиканцев, но помощи было мало. Я сначала думал, что нам следует взять только Манилу; потом Лусон; потом, возможно, и другие острова. Ночь за ночью я ходил по комнатам Белого дома; и я не стыжусь сказать… что я неоднократно опускался на колени и молил Всемогущего Господа ниспослать мне свет и руководство. И вот однажды ночью оно снизошло на меня – не знаю как, но снизошло: что мы не можем вернуть их обратно Испании – это было бы трусливо и бесчестно; что мы не можем передать их Франции или Германии – нашим торговым соперникам на Востоке – это было бы плохим бизнесом; что мы не можем предоставить их самим себе – они не готовы к самоуправлению, и там вскоре воцарится анархия и беспорядок худший, чем при испанцах; что для нас не остается ничего иного, как взять их все и воспитать филиппинцев, цивилизовать их и обратить в христиан, и с Божьей милостью сделать для них все возможное, как для братьев во Христе».

Получив геополитические наставления непосредственно от высших сил, 11 апреля 1898 года Мак-Кинли обратился к Конгрессу с просьбой разрешить США вторгнуться на Кубу для «защиты мирных кубинцев». Конгресс одобрил обращение и 25 апреля Испании была объявлена война. Любопытно, что формально она велась именно в целях помощи жителям Кубы, что не помешало американцам в ходе боевых действий захватить не только Пуэрто-Рико, но и лежащие на другом конце света Филиппины.

К моменту объявления войны в распоряжении Вашингтона уже имелся действенный инструментарий ведения захватнической войны, прежде всего флот, который в силу самой географии театра боевых действий, должен был сыграть решающую роль. К тому времени пришедшие в упадок после Гражданской войны военно-морские силы США быстро развивались и стали способны действовать далеко в океане. Во многом это произошло благодаря группе энтузиастов, подобно капитану Мэхэну веривших, что «будущее Аме-

рики – в морской мощи»[11]. Единственной проблемой оказалось полное отсутствие у американцев опыта реальных боевых действий.

Слабая Испания практически ничего не могла противопоставить американской мощи. Ее армия и флот безнадежно отставали в техническом отношении, страдали от хронического недофинансирования и практически полного отсутствия оружейной промышленности, а также архаичных взглядов генералов и офицеров на природу современной войны.

В военном отношении события 1898 года заслуживают мало внимания. Слабые испанские эскадры были наголову разгромлены американским флотом в сражениях у берегов Филиппин и Кубы. Отвратительное качество стрельбы неопытных американцев (у Манилы они добились лишь 2,4% попаданий, у Сантьяго-де-Куба – 1,5%) было компенсировано ужасным состоянием испанских кораблей, на которых многие пушки заклинивало при первом же выстреле. В итоге уничтожив в обоих сражениях практически все испанские корабли, американцы потеряли всего несколько человек (один из них и вовсе угорел в машинном отделении). Разумеется, в США эти победы были раздуты самым невероятным образом. Когда командир победившей у Филиппин американской эскадры Дж. Дьюи прибыл в Вашингтон, то на фейерверки в его честь ушло больше пороха, чем было израсходовано у филиппинских берегов[12].

На кубинской и филиппинской земле основные проблемы для армии США лежали в плоскости логистики и борьбы с эпидемиями. Впрочем, это не помешало американской пропаганде вновь раздуть небольшие бои с испанцами до масштабных сражений. Особо ярко освещались подвиги полка «Мужественных всадников», одним из инициаторов создания которого стал сам Т. Рузвельт – несмотря на близорукость, он оставил пост в морском министерстве и поступил на службу, став в скором времени командиром «Всадников». И хотя быстротечность войны и слабое сопротивление испанцев не дало кавалеристам возможности проявить себя в полной мере, однако красочные изображения Рузвельта в непременном пенсне и с саблей в руках, ведущего в атаку американцев, стали обязательными в школьных учебниках истории. Данный образ активно эксплуатировался официальной пропагандой для создания

[11] К концу XIX века в США была развернута активная кораблестроительная программа, в которой основной акцент делался уже не на корабли береговой обороны, а на мореходные броненосцы и крейсера, способные к эскадренному бою. В итоге к 1898 г. в строю числилось уже 6 эскадренных броненосцев (еще 6 – в стадии постройки), 2 броненосных и 11 бронепалубных крейсеров, а также несколько десятков меньших кораблей. Сам А. Мэхэн, к тому моменту уже вышедший в отставку, во время войны консультировал Вашингтон.

[12] Дж.Дьюи стал национальным героем. Конгресс поспешно присваивал ему все новые адмиральские звания, пока в 1903 г. он не был удостоен уникального титула адмирала военно-морского флота Соединенных Штатов (Admiral of the Navy of the United States) – это звание было специально изобретено для Дьюи. Этот случай остался единственным в американском флоте – даже адмиралы, разгромившие японцев в ходе Второй мировой войны, не были удостоены подобного звания.

идеализированного образа уже Рузвельта-президента. Этот пост он занял после убийства Мак-Кинли в 1901 году[13].

Параллельно с захватом Кубы и Филиппин американцам удалось сделать еще несколько приобретений, важнейшим из которых стала оккупация Пуэрто-Рико. Еще ранее эскадра Дьюи захватила Гуам, который до сих пор является важнейшей военной базой на Тихом океане. Наконец, в разгар боевых действий США формально аннексировали Гавайские острова. Таким образом, быстротечная война доставила Вашингтону на обоих океанах контроль над стратегическими пунктами, которые серьезно упрочили позиции США.

10 декабря 1898 года в Париже был подписан мирный договор между США и Испанией – хотя сами боевые действия были остановлены еще 12 августа. Еще задолго до подписания мира американцы вывели из Кубы большую часть войск, оставив только «цветные» подразделения для оккупационной службы (американские генералы считали, что афроамериканцы имеют иммунитет против косившей войска желтой лихорадки). США получали Филиппины, Гуам и Пуэрто-Рико, а над Кубой устанавливали свой протекторат. В мае 1902 года была провозглашена независимость острова, тогда же американцы взяли в аренду известную базу Гуантанамо.

Что касается Филиппин, то местные патриоты скоро поняли, что в сравнении с испанскими колонизаторами новые хозяева острова представляли еще большую угрозу для местного населения. Острова фактически превратились в частную плантацию «Юнайтед Фрутс» и других корпораций. В скором времени на Филиппинах начались боевые действия, которые по ожесточенности и масштабу превзошли события 1898 года и сопровождались многочисленными зверствами американцев в отношении местного населения. Активная фаза филиппино-американской войны продолжалась с 1899 по 1902 годы, окончательно же боевые действия завершились лишь в 1913 году.

Подводя итоги победоносной войны с Испанией, сенатор А. Беверидж заявил: «Филиппины наши на веки вечные. А сразу же за Филиппинами расположен необъятный китайский рынок. Мы никогда не отступимся ни от того, ни от другого… И мы не отречемся от своего участия в миссии нашей расы по цивилизации мира, доверенной нам Богом… как избранному им народу, призванному вести остальных к обновлению мира… Тихий океан – наш океан… И Тихий океан – это океан торговли будущего. Большинство следующих войн будет битвами за торговлю. Держава, господствующая на Тихом океане, следовательно, будет господствовать над миром. А с приобретением Филиппин этой державой станет – и навеки – американская республика»[14].

Испано-американская война стала первой полноценной заморской кампанией США. Для нее были характерны многие особенности той стратегии (не

---

[13] *Уткин А.И.* Теодор Рузвельт. Уральский университет. 1989.

[14] U.S. Senator Albert J. Beveridge Speaks On The Philippine Question, U.S. Senate, Washington, D.C., January 9, 1900.

только военной, но и общественно-политической), которая проявляется в развязываемых Вашингтоном войнах вплоть до нашего времени. Использование случайностей или неуклюжих провокаций в качестве *casus belli* и разжигание военной истерии с помощью предвзятой прессы, использующей технологии желтой прессы, тактика грубой силы в расчете на физическую или моральную слабость противника – таковы наиболее характерные, но далеко не единственные черты этих военных конфликтов.

Убедительную демонстрацию действенности доктрины Монро Рузвельт произвел в 1902 году, когда в Венесуэле разразился политический и экономический кризис, связанный с неспособностью государства и частного сектора рассчитаться по долгам перед Германией, Англией и Италией. Германский кайзер Вильгельм II задумал произвести демонстрацию силы, имея в виду в случае необходимости начать против латиноамериканской страны военную операцию. К этим планам Берлину удалось подтянуть Лондон и Рим.

Несмотря на то, что европейцы изначально предлагали США взять на себя роль посредника в этом конфликте, Вашингтон сел за стол переговоров не раньше, чем у берегов Венесуэлы появилась мощная американская эскадра во главе с адмиралом Дьюи. Германии как зачинщику акции дали понять: если ее флот не покинет венесуэльские воды, начнется война. В конечном итоге конфликт разрешился посредством международного арбитража.

Казалось бы, венесуэльский кризис демонстрирует великодушие и благородство Белого дома, который угрожал войной мощной европейской державе с целью предотвратить интервенцию против суверенного государства. Однако подобное впечатление было испорчено Аргентиной, чей министр иностранных дел Л. Драго под впечатлением от событий в Венесуэле направил в Вашингтон послание. В нем он изложил свое видение ситуации и предложил США совместно выступить перед международным сообществом с идеей, которая получила название «доктрина Драго», и сводилась к неприятию внешнего вмешательства, тем более военного, для урегулирования долговых проблем латиноамериканских государств. Легко понять, почему предложение Драго было встречено в Вашингтоне молчанием. Сложилась крайне неловкая ситуация: с одной стороны, США позиционировали себя как поборника латиноамериканского суверенитета, но с другой – не готовы были принять аргентинское предложение, поскольку слишком много американских государств были должны северному соседу. Европейские государства не имели права «выбивать долги» из американских стран не потому, что это было неправильно, а потому, что этим правом обладали только Соединенные Штаты. Тем более, что преемник Рузвельта на посту президента У. Тафт выдвинул идею «дипломатии доллара», согласно которой латиноамериканские государства следует не только пугать «большой дубинкой», но и «подсаживать» на американские кредиты[15].

[15] *Arnold P.E.* Taft W. Foreign Affairs, Miller Center.

Доктрина Драго не ушла в прошлое. Сегодня, когда многие страны потрясают долговые кризисы, слишком велико искушение стран коллективного Запада установить над ними протекторат под предлогом финансового оздоровления. Неудивительно, что сами аргентинцы настойчиво апеллировали в доктрине Драго в канун долгового кризиса 2001–2002 гг., в котором американский след был слишком очевиден.

Разумеется, не ушла в историю и сама доктрина Монро. На протяжении всего XX века Вашингтон предпринимал энергичные попытки всячески ее замаскировать. Весьма показательна история так называемого меморандума Кларка, который был разработан заместителем госсекретаря Дж. Кларком в 1929 г. (официально был опубликован в 1930 г.). В объемном 236-страничном документе, являющемся одним из характерных образцов американской доктринальной мысли, развивается удивительная логика, согласно которой все страны действуют в соответствии с принципом самосохранения, и США не являются исключением. Многие утверждают, что доктрина Монро дает право Вашингтону делать в западном полушарии все, что заблагорассудится. Кларк с этим не согласен. Доктрина Монро, утверждает он, есть выражение исключительно добрых намерений, которые США питают к соседям по континенту, и самим им эта доктрина очень полезна, поскольку они всегда могут рассчитывать на защиту со стороны Вашингтона. Возникает вопрос: как быть с многочисленными вооруженными интервенциями с участием американских войск, спонсируемыми Белым домом переворотами и гражданскими войнами, убийствами неугодных политиков, экономическими санкциями? Эту проблему автор меморандума решает с исключительно американским изяществом – он признает, что американское вмешательство имеет место, но оно никак не связано с доктриной Монро, а происходит само по себе, исходя из текущих интересов США и высшего приоритета «самосохранения»[16].

С геополитической точки зрения идеи Кларка сводились к тому, что доктрина Монро определяет исключительно отношения американского континента в целом с государствами Старого Света – в этой ситуации США и Латинская Америка находятся на одной стороне. При этом доктрина не распространяется на ситуации, где США реализуют свои собственные интересы.

Выдвинутая Кларком концепция не стала финальной точкой в развитии доктрины Монро. Провозглашенная Ф. Рузвельтом в 1930-е годы «политика добрососедства» также вполне укладывается в рамки идей, выдвинутых Монро более ста лет назад. Сегодня официальные власти США утверждают, что если эта доктрина и существует, то лишь в радикально измененном, «миролюбивом» виде. Утверждается, что в минувшем столетии данная доктрина прошла длительный этап «мультилатерализации», то есть включения в нее в максимальной степени интересов всех государств американского континента. В результате доктрина якобы трансформировалась в систему коллективной

[16] *Sessions G.A.* The Clark Memorandum Myth. Americas, 1977.

безопасности. Тем не менее длительная история вмешательства Вашингтона во внутренние дела суверенных американских государств, включая десятки эпизодов прямого военного вторжения, продолжается и в наши дни. Это позволяет говорить о том, что «классическая» доктрина Монро продолжает оказывать влияние на умы стратегов в Вашингтоне – однако сегодня ее положения распространяются на другие регионы мира, где США пытаются демонстрировать «великодушие» в духе венесуэльской экспедиции Рузвельта.

После триумфальной реализации доктрины Монро в конце XIX столетия Вашингтон начал задумываться о том, чтобы осуществить аналогичную схему в Азии. С середины столетия началось активное проникновение США на Дальний Восток. 3 июля 1844 года США и Китай подписали Вансяский договор, имевший неравноправный характер и предоставлявший американцам значительные торговые привилегии[17].

В отношении Китая Белый дом предложил доктрину, известную как принцип открытых дверей. В соответствии с ним эта азиатская страна делилась между ведущими западными державами на сферы влияния, при этом формально сохраняя суверенитет. В рамках своей сферы влияния каждая из держав имела равные права в осуществлении экономической деятельности на китайской территории, при этом гарантировалась неприкосновенность от вмешательства других западных стран. Таким образом, принцип открытых дверей представлял собой фактически разновидность доктрины Монро с той разницей, что на момент его провозглашения США не имели политических и военных возможностей воспрепятствовать проникновению других государств на территорию Китая.

Еще более ярко и грубо американские геополитические методы были использованы в отношении Японии. С 1641 года японцы проводили политику «сакоку» (буквально – «Страна на цепи»), выражавшуюся в добровольной изоляции от окружающего мира. Геополитические и экономические амбиции побудили США отправить к берегам Страны восходящего солнца эскадру под командованием коммодора М. Перри. Он успешно использовал дипломатический талант, а также организацию банкетов на своих судах, где выполнил «дипломатическую миссию», которая увенчалась подписанием им в 1854 году Канагавского договора.[18]. Примечательно, что годом позже к берегам Японии

[17] Напомним, что в то время европейские державы начали активную агрессию против Китая, стремясь поставить его под свой протекторат. В 1840–1842 и 1856–1860 гг. произошли «опиумные войны», в которых Англия (во второй раз – в союзе с Францией) нанесла тяжелые поражения китайцам, противодействовавшим ввозу англичанами наркотиков в Китай. По итогам войн были подписаны кабальные соглашения.

[18] О дипломатическом таланте М. Перри свидетельствует следующий факт. Когда один из японских вельмож устроил в честь коммодора и его офицеров роскошный обед, американец не постеснялся выразить свое недовольство скудным, по его мнению, угощением, обвинив хозяев в том, что они не желают поставить на стол лучшие блюда. Перри не догадался, что японцы, которые сотни лет не поддерживали почти никаких контактов с внешним миром, не имеют понятия, какую пищу привыкли есть непрошеные заморские гости.

прибыла экспедиция российского адмирала Е. В. Путятина. Российский дипломат использовал аналогичную Перри тактику, а договор, который он заключил, был калькой договора Перри.

Американская экспедиция стала одним из важнейших импульсов для «революции Мейдзи» – форсированной вестернизации Японии, сопровождавшейся перестройкой экономики, вооруженных сил и культуры по западным моделям. Уже к началу XX в. Япония была признана Западом в качестве ведущего центра силы на Дальнем Востоке. Вместе с тем японская модернизационная политика, оказавшись искусственно синтезированной с традиционными ценностями этой страны, вылилась в идеологию милитаризма, которая стала одним из факторов развязывания Второй мировой войны. Визит американских «черных кораблей», как их назвали сами японцы, стал огромным потрясением для гордой нации. Не прошел он бесследно и для самих США. Горький осадок от перенесенного унижения сохранялся в Японии на протяжении поколений. Когда через пятьдесят лет молодого японца по имени Исороку Ямамото руководство военно-морской академии спросило о цели поступления в учебное заведение, тот сказал: «Хотел бы ответить на визит мистера Перри». В 1941 году адмирал Ямамото возглавил флот, атаковавший Перл-Харбор.

Экспедиция коммодора Перри является одним из ярких эпизодов «дипломатии канонерок», ставшей излюбленной практикой Вашингтона. Сегодня термин «дипломатия канонерок» переживает второе рождение, однако многие не понимают его истинного смысла, полагая, что так обозначается практика давления на слабые государства путем угрозы применения военной силы. Дело в том, что канонерская лодка – достаточно слабый с военной точки зрения корабль, появление которого у берегов даже далекого не самого мощного государства не создает значительной опасности. Однако же в речи оформился термин «дипломатия канонерок», а не «дипломатия броненосцев» или «дипломатия линкоров». Объяснение этому таково: державы, посылавшие канонерки к чужим берегам, были настолько уверены в том, что их оппонент уступит любым требованиям, что даже не считали нужным демонстрировать реальную военную силу, лишь «обозначая» ее. Направляя канонерки в ту или иную точку мира, Вашингтон или Лондон цинично заявляли: страх их перед нашей военной силой таков, что не нужно снаряжать в поход мощный корабль и тратить большие средства – достаточно лишь произвести «демонстрацию флага» у чужих берегов. Поэтому, когда сегодня применяют альтернативный термин «дипломатия авианосцев», такая замена не вполне эквивалентна. Впрочем, в современных условиях даже демонстрация флага у берегов неугодного государства во многом является излишней – давление можно оказать гораздо более действенными, например, экономическими мерами.

Следует заметить, однако, что доктрина активного и грубого вмешательства во внутренние дела суверенных государств, входящих в постепенно расширившуюся до всемирного масштаба сферу влияния США, разделялась далеко

не всеми американцами, в том числе представителями элиты. Немало американцев в конце XIX – начале XX века были сторонниками изоляционизма.

Во второй половине XIX в. некоторые американские политики и интеллектуалы пришли к убеждению, что свойственный США экспансионизм губителен как для внутриполитической стабильности, так и для равновесия в международных делах. Возник ряд движений, стоявших в оппозиции к экспансионизму. Одним из них была Антиимпериалистическая лига, ярким выразителем идей которой стал Карл Шурц. Немецкий революционер, принявший активное участие в неудачной революции 1848 г. в Германии, Шурц был вынужден бежать в Новый Свет уже в зрелом возрасте. В США он занялся журналистикой и общественной работой среди немецких эмигрантов, вскоре став известной фигурой в политическом мире. В годы войны Шурц сформировал из немцев целый корпус, сделавшись его командиром и получив генеральское звание. Неплохо проявив себя на полях сражений и близко сойдясь с Грантом, Шурц вошел в большую политику. Вершиной его политической карьеры стал пост министра внутренних дел. Со временем он встал на позиции отказа от расширения влияния США и сосредоточения на внутренних делах. Он как никто другой знал, что нерешенных проблем внутри США чрезвычайно много, и полагал, что агрессивная политика за пределами страны не поможет их решить.

В его работах содержится глубокий и чрезвычайно полезный анализ американского империализма, его истоков и негативных последствий для самих США и остального мира. В основу своих рассуждений он положил тезис о том, что национальный интерес Соединенных Штатов не тождественен приобретению новых территорий и расширению влияния[19].

Американская экспансия, согласно Шурцу, является «желанием приобрести определенные коммерческие выгоды: заполучить ресурсы другой страны и путем их эксплуатации умножить свое богатство; занять определенные стратегические позиции, которые в случае войны могут оказаться важными». Однако политик призывал к пониманию реальных возможностей и проблем Америки: «Лучше рационально использовать свои богатства, чем направлять энергию на реализацию фантастических зарубежных авантюр». Территориальные захваты, писал он, быстро становятся неконтролируемыми, они вырождаются в экспансию ради себя самой, так как «всегда будут существовать дополнительные коммерческие выгоды, которые можно получить, всегда будет желание присвоить богатства все большего числа стран, всегда будет расширяться список стратегических позиций, которые захочется занять для защиты тех позиций, которыми мы уже располагаем… не только желание обладать еще большим, но интерес, логика самой ситуации будут толкать нас все дальше и дальше…»[20].

---

[19] Speeches, Correspondence and Political Papers of Carl Schurz, 2022.

[20] *Шурц К.* Предопределенная судьба. История США. Хрестоматия: пособие для вузов / сост. Э.А. Иванян. М.: Дрофа, 2007.

Доводы защитников политики экспансии, считает Шурц, абсурдны. К примеру, утверждают, что Америка должна установить свою власть над тем или иным слабым государством хотя бы потому, что в противном случае оно падет жертвой другой сильной державы. Вердикт Шурца таков: «Это абсурд. Проявив бескорыстие, мы будем обладать еще большим моральным правом протестовать против противоречащей нашим интересам договоренности».

Изоляционизм Шурца вовсе не носит идеалистического оттенка, это не призыв к Америке отгородиться от остального мира. Напротив, лозунг политика – максимальный прагматизм, и этот прагматизм, по его мнению, диктует необходимость воздерживаться от любых империалистических устремлений. Шурц не делает исключений даже для тех случаев, когда какой-либо народ явным образом выражает добровольное стремление присоединиться к американцам: «Решение вопроса о том, следует ли позволять чужаку стать членом нашей семьи, является нашим правом и долгом, и решать этот вопрос мы должны с учетом нашего собственного представления о семейных интересах»[21].

Не обошел своим пристальным вниманием Шурц и аргумент сторонников экспансионизма о необходимости обезопасить Америку «на дальних подступах». В качестве примера он приводил Гавайские острова, на которых в те времена существовало независимое королевство. Заморская торговля и операции американского флота привлекали все больше внимания к этим островам, которые могли бы обеспечить удобные передовые базы на Тихом океане. Отвечая тем, кто ратовал за аннексию островов, Шурц утверждает: владение таким «ключом» к Тихому океану потребует овладения другими «ключами» для защиты Гавайев, которые, в свою очередь, также нужно будет обезопасить и так до бесконечности. Вывод Шурца можно легко распространить на любые страны, которые Белый дом сегодня пытается сделать своими сателлитами: «Гавайи навсегда сохранят свой колониальный характер. Они будут связаны с нашей республикой не общностью интересов или национальными чувствами, а всего лишь предоставляемой им защитой от иностранной агрессии и определенными коммерческими выгодами»[22].

Экспансия, утверждает политик, таит в себе величайшую опасность для США, которые обладают поистине уникальным географическим положением, защищающим их от любой внешней агрессии. Однако, приобретая все новые и новые сферы влияния, американцы сами лишают себя этого уникального преимущества, ибо тем самым приближают себя к могущественным соперникам, с которыми им придется сойтись в тяжелой борьбе.

Доктрина Монро также подвергается Шурцем критике. Ее лицемерие очевидно, полагает он, ведь хорошо известно, что ни одно государство в Новом Свете даже близко не сравнится в своих возможностях с США. Поэтому ника-

[21] Там же.

[22] Там же.

кое иностранное вмешательство и даже непосредственный военный союз потенциальных противников Америки с любым из американских государств не представляет значительной опасности.

Отдельное внимание Карл Шурц уделил теории морской силы, которая в его времена лишь начинала пускать первые ростки на американской интеллектуальной почве. Нетрудно понять, что эта доктрина отвергается Шурцем как ошибочная и вредная для самих Соединенных Штатов. Утверждение о том, что обширная морская торговля нуждается в мощной военной защите, считает он, не соответствует действительности, ибо «нашей торговле никто и ничто не угрожает, кроме как конкуренция других государств и ошибки нашей собственной торговой политики, а против этого корабли бессильны». Точно так же флот не нужен для того, чтобы силой оружия выбивать из слабых стран выгодные торговые соглашения – экономическая мощь американцев такова, что эти страны сами с радостью согласятся вести торговлю с Америкой. Из этих умозаключений следует вывод, который мог бы привести в бешенство самого Мэхэна: «Ничто не может быть глупее часто высказываемого суждения, что такая большая страна должна располагать и большим военно-морским флотом. Вместо того, чтобы гордиться большим военно-морским флотом, американскому народу следует гордиться тем, что он ему не нужен. В этом заключаются его привилегия и его истинная слава».

Неприятие вызывает у Шурца стремление американских империалистов завладеть военными базами по всему миру, дабы на них могли опираться военно-морские силы. Он полагает, что с учетом американских ресурсов дипломатическим путем можно получить не меньшие привилегии, нежели военным и политическим давлением. Умелые переговоры не только могут доставить США нужные базы, но и откроют путь американскому капиталу в любом регионе мира, что автоматически аннулирует необходимость каких бы то ни было баз.

Таким образом, предлагаемая Карлом Шурцем стратегия не являлась чем-то не достойным Соединенных Штатов как претендента на звание великой державы. Шурц не предлагал США отойти на вторые позиции в мире, прервать связи с другими государствами, распустить армию и флот, отказаться от продвижения американской продукции за рубежом. Несмотря на то, что родным языком Шурца был немецкий, а сам он не принадлежал к числу американской аристократии, этот государственный деятель и мыслитель оказался подлинным патриотом Соединенных Штатов, который заботился о величии страны и о том, чтобы вывести ее на передовые позиции в мире. Однако, по его мнению, воинственность и стремление повсеместно вмешиваться во внутренние дела государств – плохая стратегия, которая не только не укрепит национальную безопасность, но и подорвет ее. Показательны следующие слова Шурца: «Сейчас Соединенные Штаты могут стать самым грозным из когда-либо существовавших нейтральных государств, которое любая воюющая

страна побоится обидеть». В понимании автора этого высказывания мощь государства и соблюдение нейтралитета являются вполне совместимыми. Необязательно проводить агрессивную политику в отношении других игроков на международной арене для того, чтобы гарантировать собственную безопасность.

Выводы Шурца, а в равной степени его прогнозы и прозрения, удивительны и заслуживают самого пристального внимания сегодня. «Судьба американского народа, – пишет он, – заключена в его мудрости и воле. Если он направит всю свою энергию на развитие того, чем он располагает в ныне существующих пределах… то «предопределенной судьбой» американского народа станет сохранение исключительных и бесценных выгод, которыми он располагает сегодня, и взращивание на благоприятной почве нашей активной гражданственности, основанной на свободе, процветании и мощи»[23].

Что же касается империалистического сценария развития Соединенных Штатов, то здесь его прогноз неутешителен: «Если [американский народ] прельстится благодатью тропиков и займется безудержным расширением своей территории, его «предопределенная судьба» столь же уверенно предсказывает ему полный отказ от консервативной политической традиции, быстрое падение нравов и развал политических институтов, беспокойное, безнравственное будущее и наконец – окончательное разложение».

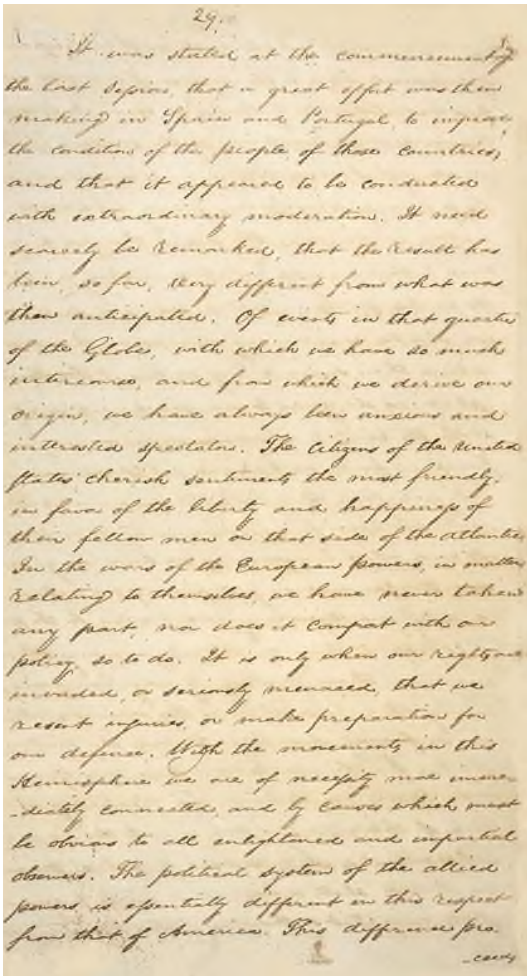
Несмотря на то, что Карл Шурц и его коллеги по «Антиимпериалистической лиге» пользовались большим авторитетом в обществе, мощная официальная пропаганда породила среди широких слоев населения непреодолимое очарование экспансионистскими проектами. Идея о том, что США могут в течение считанных десятилетий стать глобальным лидером и диктовать свою волю даже таким мощным державам, как Англия, Франция или Россия, при этом оставаясь в полной недосягаемости для непосредственного военного нападения, оказалась чрезвычайно привлекательной, тем более что проправительственные средства массовой информации умело окружали ее ореолом героики. Военные парады, спуски на воду новых кораблей, театральные представления, песни, рассказывающие о подвигах американцев, которые принуждают «варварские» страны открыться цивилизации, пользовались в те времена популярностью не меньшей, чем голливудские блокбастеры сегодня. Неудивительно, что идеи изоляционистов и антиимпериалистов, какими бы разумными они ни были, находили понимание лишь у немногих здравомыслящих граждан, тогда как большинство с подачи Вашингтона осмеивало призывы сосредоточиться на внутренних делах и воздержаться от рискованных авантюр за рубежом, тем более что сам по себе риск казался минимальным, а выгоды – огромными.

---

[23] *Шурц К.* Предопределенная судьба. История США. Хрестоматия: пособие для вузов / сост. Э.А. Иванян. М.: Дрофа, 2007.

Иллюстрации к главе 13

Президент Дж. Монро.



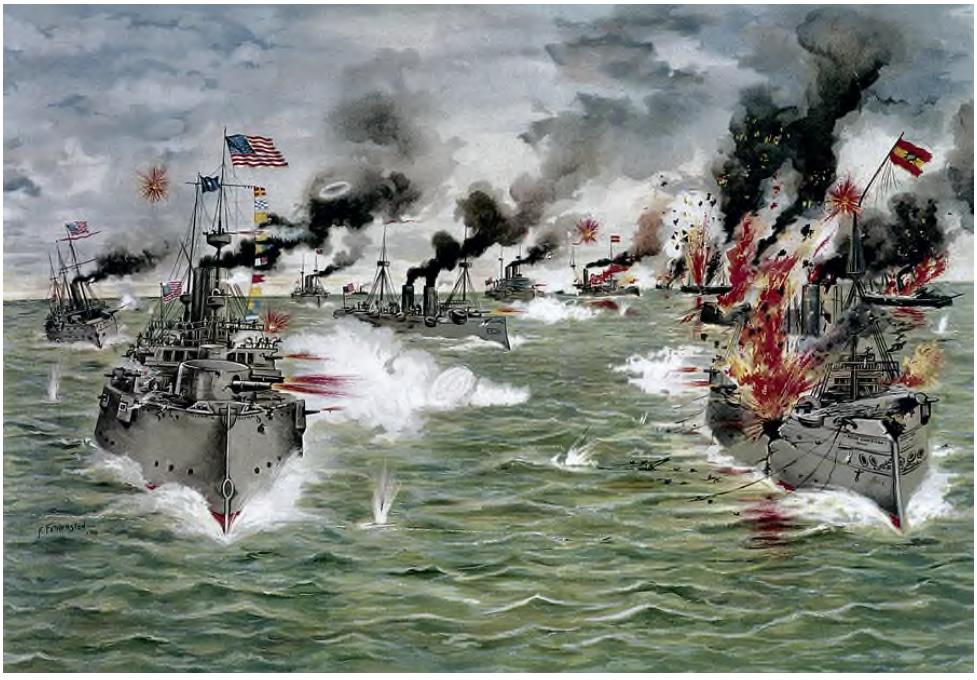
29.

It was stated at the commencement of the last Session, that a great effort was then making in Spain and Portugal to improve the condition of the people of those Countries, and that it appeared to be conducted with extraordinary moderation. It may now safely be remarked, that the result has been, so far, very different from what was then anticipated. Of events in that quarter of the Globe, with which we have so much intercourse, and from which we derive our origin, we have always been anxious and interested spectators. The citizens of the United States cherish sentiments the most friendly, in favor of the liberty and happiness of their fellow men on that side of the Atlantic. In the wars of the European powers, in matters relating to themselves, we have never taken any part, nor does it comport with our policy so to do. It is only when our rights are invaded, or seriously menaced, that we resent injuries, or make preparations for our defence. With the movements in this Hemisphere we are of necessity more immediately connected, and by causes which must be obvious to all enlightened and impartial observers. The political system of the allied powers is essentially different in this respect from that of America. This difference pro-

Доктрина Монро – оригинал текста выступления президента.

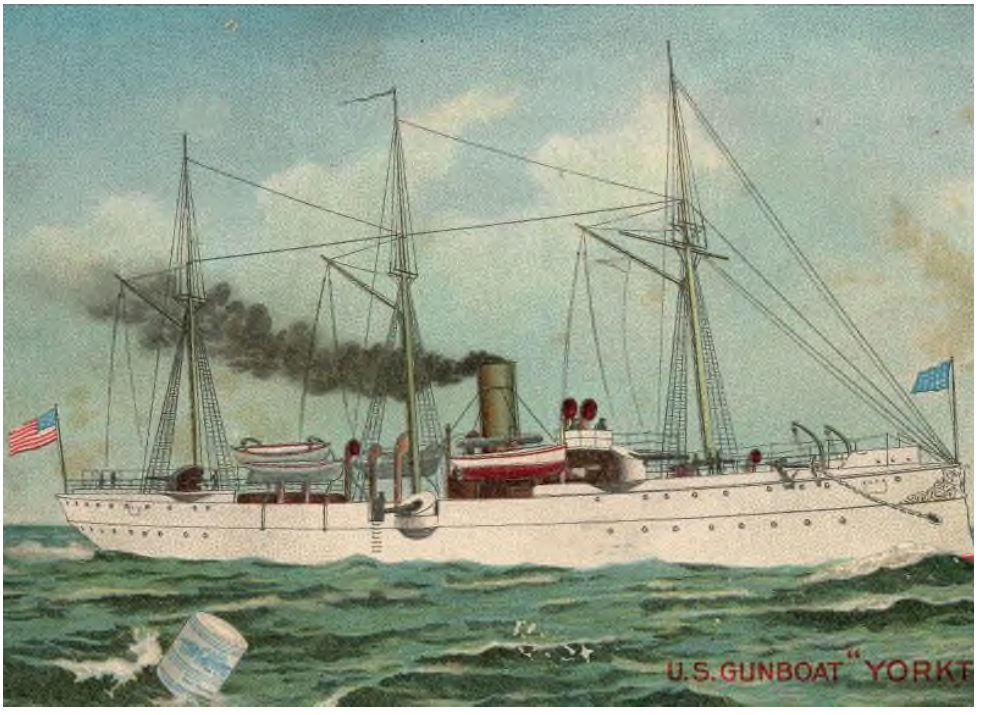
Будущий президент Т. Рузвельт на войне с Испанией.

Момент взрыва «Мэна» на американской пропагандистской гравюре.



Сражение при Маниле 1 мая 1898 г. в ходе испано-американской войны 1898 г. было воспринято в Соединенных Штатах как триумф американского флота.

Памятник Т. Рузвельту в Нью-Йорке, демонтированный в 2022 году.



Канонерская лодка «Йорктаун», появлением которой у берегов Чили в 1891 г. Вашингтон шантажировал чилийские власти.

На иллюстрациях изображен один из «черных кораблей»
и сам коммодор Перри, как их увидел японский художник.

Карл Шурц.

Адмирал М. Перри.

Глава 14

«Наконец-то мир узнает своего спасителя»: США в Первой мировой войне

Выход США на мировую арену и их первая «проба сил» в качестве великой державы с поистине глобальными амбициями связаны с событиями Первой мировой войны. Этот конфликт стал своеобразным водоразделом в американской истории. Вступив в войну в 1917 году, фактически на завершающем ее этапе, когда уже обозначились тенденции экономического истощения противников Антанты, Штаты смогли не просто получить одно из главных мест за столом мирных переговоров, но и во многом оттеснить другие западные державы-победительницы, внесшие несравненно больший вклад в победу, – Англию и Францию, не говоря уже о России, которую западные союзники попросту оставили за бортом мирных переговоров.

Пока в Европе разворачивались драматические события мировой войны, за океаном разгорались дебаты о роли, которую Соединенным Штатам Америки предстоит сыграть в глобальном конфликте. С одной стороны, американское население, привыкшее к «маленьким победоносным войнам», не испытывало желания вмешиваться в кровопролитное противостояние, которое рассматривалось прежде всего как дело европейских стран. Схожую позицию заняла и администрация президента Вудро Вильсона, который поспешил объявить о строгом нейтралитете Соединенных Штатов.

Для этого было несколько причин. С одной стороны, уже первые месяцы боевых действий показали, что война обещает быть затяжной и кровопролитной. Даже ограниченное участие в такой войне требовало значительных затрат ресурсов и, самое главное, сулило немалые человеческие жертвы, к которым американское общество всегда относилось болезненно. Кроме того, Белый дом не испытывал желания открыто заявлять о поддержке Англии и Франции. Вильсон и его советники хорошо понимали, что далеко не все американцы готовы поддержать англичан в войне, которая представлялась как завуалированное противоборство Лондона и Берлина. Более того, многие американцы рассматривали войну как справедливую борьбу Германии против навязанной Англией глобальной архитектуры международных отношений. До войны Лондон часто называли в числе главных соперников США, а американское военное министерство даже разрабатывало планы войны против Британской империи. Наконец, руководство Соединенных Штатов не могло не учитывать и то, что массы эмигрантов – немцев, ирландцев, итальянцев – испытывали явные симпатии вовсе не к Лондону и Парижу и вполне могли спровоцировать внутреннюю нестабильность в случае выступления Вашингтона на стороне Антанты.

Уже 19 августа 1914 г. президент Вильсон обратился к американскому народу с открытым письмом. Оно представляет собой блестящий образец политической риторики, от значительной части которой уже через несколько лет не останется камня на камне: «Народ Соединенных Штатов сформировался из представителей разных народов, и главным образом из тех, кто нынче находятся в состоянии войны. Вполне естественно и неизбежно, что будет складываться аналогичное многообразие расхождений в симпатиях и склонностях между ними по различным проблемам и обстоятельствам конфликта. Одни будут желать победы одной нации, другие – другой. Будет очень легко возбудить страсти и необычайно трудно их утихомирить. Те, кто попытается их разжигать, возьмут на себя огромную ответственность – ответственность ни много ни мало за то, что народ Соединенных Штатов может быть разделен на враждебные лагери, пылающие ненавистью друг к другу…»[1]. В своем обращении к нации президент особо подчеркивал, что американцы должны остаться единым народом ради того, чтобы выступить в роли глобального миротворца, который положит конец всемирному кровопролитию: «Раскол среди нас может стать роковым для спокойствия нашего духа и может серьезно затруднить исполнение нашего долга как единственной великой нации, оставшейся вне конфликта, единственного народа, сохранившего готовность сыграть роль беспристрастного посредника и способного выдвигать предложения о мире и урегулировании не в качестве участника конфликта, но в качестве друга»[2].

Однако нейтралитет не означал самоустранение от дел Старого Света. Вильсоновская администрация приложила немалые усилия не только для того, чтобы быть в курсе европейских дел, но и чтобы американское политическое присутствие на континенте явственно ощущалось в столицах Европы. С этой целью Вильсон предпринял реформу американской внешнеполитической службы – если до него ключевые дипломатические должности раздавались бизнесменам, политиканам и прочим авантюристам, у которых было достаточно денег для того, чтобы не обращать внимания на номинальную зарплату, то к началу Первой мировой войны на службу привлекли множество перспективных интеллектуалов из ведущих университетов США. Ключевой фигурой в Белом доме, завоевавшей безграничное доверие президента Вильсона, стал Эдвард Хауз, больше известный как «полковник Хауз» – выходец из Техаса, успешный бизнесмен и авантюрист, являвшийся в высшей степени харизматической и незаурядной личностью. Будучи не просто советником, но другом и доверенным лицом президента, полковник Хауз в то же время стал связующим звеном между миром крупного бизнеса и Белым домом.

Внешнеполитический курс Вильсона еще до начала мировой войны был весьма противоречив. Хотя этот президент вошел в учебники истории едва ли

[1] Woodrow Wilson's Declaration of Neutrality. Delivered before the U.S. Senate on August 19, 1914.

[2] Ibid.

не как самый идеалистичный пацифист из тех, кто когда-либо занимал Белый дом, на деле он являлся глубоким прагматиком. Еще до своего избрания на высший пост, будучи главой Принстонского университета, Вильсон публично заявлял: «Двери держав, запертые сейчас, необходимо взломать… Привилегии, полученные финансистами, должны охранять представители [нашего] государства, даже если при этом будет нарушен суверенитет тех стран, которые не склонны идти нам навстречу»[3]. В 1914 году, уже в качестве главы государства, он так сформулировал свое политическое кредо: «Нет ничего, что бы интересовало меня в большей степени, чем максимально полное развитие нашей торговли и предначертанное свыше завоевание зарубежных рынков»[4].

С учетом таких взглядов трудно принять отстаиваемый официальной историографией образ Вильсона-пацифиста. При нем была развязана гражданская война в Мексике, направленная на обеспечение американцам доступа к нефтяным месторождениям. Не менее откровенными были интервенции на Гаити, в Доминиканской республике, Никарагуа. Одновременно вильсоновские эмиссары в Европе – и среди них сам полковник Хауз – настойчиво убеждали германского кайзера, британского премьер-министра и французского президента не развязывать войну, приняв вместо этого посреднические услуги американского лидера, выступавшего с планом создания «сверхкоалиции» развитых государств (разумеется, во главе с США), которая могла бы совместными усилиями вершить судьбы «отсталых» народов. Тогда этот план был отвергнут едва ли не с презрением – лидеры Старого Света негодовали, не понимая, каким образом Америка может претендовать на роль локомотива «развитого мира».

Начало войны застало Вашингтон врасплох. Ни Вильсон, ни Хауз, ни американские дипломаты в Европе не считали реальным, что летом 1914 года начнутся полномасштабные боевые действия. Однако этого не скажешь о финансово-промышленных кругах Соединенных Штатов. В то время, пока на улицах Берлина, Парижа, Лондона и Петрограда царила эйфория и горожане, упоенные обещаниями молниеносной победы, восторженно провожали на фронт войска, Уолл-стрит пребывала в радостном оживлении. На фоне сообщения о начале войны биржевые котировки взлетели настолько, что торги пришло приостановить. В стране просто не хватило денег, чтобы обслужить экономический бум. В этот момент стало очевидным, что Соединенные Штаты в финансовом плане подготовились к войне лучше, чем самая милитаристская из держав Старого Света. Чуть больше чем за полгода до начала боевых действий в Европе американские законодатели в рекордно короткие сроки одобрили, а президент – подписал закон о создании Федеральной резервной системы (ФРС) – уникальной структуры, которой предполагалось поручить контроль над финансами Соединенных Штатов. Можно сказать, что именно она прове-

[3] *Рыбас С.* «Взломать двери держав». Международная жизнь, 2019.

[4] *Чаусов А., Громский А.* Интербеллум 1918–1939. Мир между великими войнами. М. 2018.

ла первую «боевую операцию» США, выпустив к ноябрю 1914 года дополнительных 368 миллионов долларов «экстренных денег», которые должны были обслуживать потребности стремительно разгоняющейся экономики.

Американские «капитаны бизнеса» ждали войны и готовились к ней. Стратеги с Уолл-стрит понимали природу и перспективы разгоревшейся войны не хуже, а во многих аспектах – даже лучше генералов. С крахом германского плана молниеносной войны (плана Шлиффена) в сентябре 1914 года стало очевидно, что определяющую роль сыграет экономический потенциал противоборствующих сторон, перешедших к затяжному противостоянию. Несмотря на усилия немцев, господство на море по-прежнему принадлежало Британской империи. В условиях морской блокады Германия мгновенно теряла заморские рынки, на которых немецкие производители традиционно имели сильные позиции. Для американских бизнесменов одно только это обстоятельство, сулившее «предначертанное свыше завоевание зарубежных рынков», служило основанием для оптимизма.

Кроме того, уже в первые месяцы войны стало ясно, что ни Антанта, ни центральные державы не были готовы к длительным боевым действиям. Военачальники с обеих сторон рассчитывали на непродолжительную маневренную войну, победа в которой будет достигнута в нескольких решающих сражениях. Однако их расчетам не суждено было оправдаться. Уже к исходу 1914 года во Франции и Бельгии сформировался непрерывный фронт, который тянулся на юг от Северного моря до швейцарской границы. Стороны перешли к позиционной войне, которая представляла собой войну на истощение, требовавшую беспрецедентных ресурсов. Теперь любая попытка атаки позиций противника требовала длительной артиллерийской подготовки, за один час которой могла быть израсходована месячная норма снарядов. В этих условиях английское и французское правительства быстро осознали, что возможности экономики по обеспечению войны находятся на грани исчерпания. Фабричные рабочие, опрометчиво призванные в ряды вооруженных сил в первые месяцы войны, спешно возвращались из окопов на заводы, а в городах начали вводить рационирование продовольствия. Однако даже несмотря на эти меры, ни снарядов, ни хлеба не хватало. Не стоит забывать и о том, что во Франции значительные производственные мощности (например, до 64% производства чугуна и более 26% производства стали) оказались на захваченной немцами территории.

В этих условиях американские промышленники расширяли производство, перестраивая его под нужды армий Антанты, что стало возможно благодаря дешевым кредитам, которые обеспечивал печатный станок ФРС. «Соединенные Штаты, – отмечает видный американский историк У. Мак-Нил, – стали получать запредельные прибыли от вызванного войной спроса»[5]. Излишне

[5] *Мак-Нил У.* В погоне за мощью. Технология, вооруженная сила и общество в XI–XX веках. Москва, 2008.

говорить, что большая часть этих запредельных прибылей доставалась лидерам корпоративных кланов Соединенных Штатов – в первую очередь, Рокфеллерам и Морганам. Каждый день войны приносил Англии и Франции тысячи убитых и раненых – и миллионы долларов для Моргана, Рокфеллера и их приближенных.

Для Дж. Моргана-младшего Первая мировая война стала чем-то вроде личного бизнес-проекта. Подобно тому, как его отец сделал состояние на поставках оружия во время Гражданской войны 1861 – 1865 годов, Морган-младший приумножил свое состояние в 1914 – 1918 годах. Магнат не только получил монопольные права на поставку военного снаряжения в Англию и Францию, еще более важным было то, что правительства двух стран поручили ему размещать их военные займы в США. Если Британия выступала посредником и гарантом в деле привлечения заемных средств для Франции, России и Италии, присоединившейся к Антанте в 1915 году, то банковские структуры Морганов выполняли ту же самую функцию по отношению к самой Британии. Ни один банк США не мог ссудить ни единого цента британскому правительству в обход Моргана. Дополнительным преимуществом являлось то обстоятельство, что с 1914 по 1928 годы президентом Федерального резервного банка Нью-Йорка – флагмана ФРС – являлся Б. Стронг, креатура Моргана. Другим подручным Моргана был Э. Стеттиниус-старший, сын которого – Э. Стеттиниус-младший в 1944 году будет завершать вторую по счету мировую войну в качестве Государственного секретаря США.

Уже на второй год войны сформировалась гигантская морганoвская империя, без поддержки которой британские солдаты на западном фронте попросту бы умерли с голода. Морган действовал как обыкновенный монополист: он решал, кому позволить поставлять товары Антанте и какое вознаграждение за это требовать. Вооружение, боеприпасы, медикаменты, зерно – все это шло за океан через его структуры. В общей сложности за годы войны через Моргана прошло около 84% военных поставок Антанте.

Не хуже обстояли дела у и Рокфеллера и его «Стандард Ойл». В 1915 году компания получила прибыль, которая более чем на 60% превысила довоенные показатели. Никогда еще рокфеллеровский бизнес не находился в более процветающем состоянии. Этому способствовала тотальная моторизация союзных армий, сражавшихся в Европе. Автомобили повсеместно вытесняли лошадей: если в войну французы вступили, имея лишь 110 грузовиков, то к ее завершению они пришли с парком в 70 тысяч машин – к этому стоит еще добавить 12 тысяч самолетов и несколько тысяч танков. На заключительном этапе войны Антанте требовалось 12 тысяч баррелей горючего в сутки – объем небольшой лишь по современным меркам, но почти запредельный для 1918 года. Нужно отметить, что Рокфеллер вплоть до момента объявления войны Германии со стороны США также демонстрировал специфический нейтралитет, который выражался в продажах нефти как Антанте, так и Германии.

Первоначально Лондон и Париж пытались исправно расплачиваться за военные поставки с заокеанским партнером. В ход пошли и капиталовложения, сделанные до войны в первую очередь англичанами, – теперь инвестиции как реальные, так и финансовые по весьма удобным ценам уступались американскому бизнесу в счет военных поставок. Таким образом, извлечение прибыли дополнялось вытеснением иностранного капитала с внутреннего рынка. Вскоре, однако, союзники убедились в невозможности платить по счетам, выставляемым американцами, тем более, что Британская империя вступила в войну с расстроенными финансами. Дело в том, что в условиях золотого стандарта национальные валюты свободно обменивались на золото, которое, в зависимости от сложившейся в международной торговле ситуации, могло свободно перетекать из одной страны в другую и обратно. Перед войной наблюдался отток золота из английской экономики – прежде всего в Германию, банкиры которой активно наращивали собственные золотые запасы. В итоге к началу войны оказалось, что Лондон фактически не может финансировать ведение боевых действий. Властям империи не оставалось ничего, кроме как приостановить свободный обмен банкнот на золото, дав подданным британской короны гарантии того, что с обеспечением денег драгоценным металлом за время войны ничего не случится. В реальности значительная часть золотого запаса в это самое время отправлялась за океан под охраной дредноутов и крейсеров Его Величества, в топливные баки которых была залита не только нефть из иранских и иракских месторождений, но и продукция рокфеллеровской «Стандарт Ойл».

Последнее обстоятельство также играло огромную роль в экономическом привязывании Антанты к Соединенным Штатам. Уже в сентябре 1917 года, когда доля американского сырья в общих поставках превысила 90%, британское военно-морское командование официально констатировало, что без стабильного притока черного золота из Америки королевский флот не смог бы выходить в море.

Таким образом, США лишь формально остались в стороне от событий Первой мировой войны в период 1914–1917 годов. Да, американские солдаты не воевали в «Верденской мясорубке» 1916 года, не шли в атаку вместе с британцами в кровавой битве на Сомме в том же году и не участвовали в знаменитом «Брусиловском прорыве». Однако именно Америка (точнее, ее корпорации и Федеральная резервная система) с самого начала боевых действий оказалась едва ли не главным действующим лицом войны. Уже упоминавшийся У. Мак-Нил отмечает: «В итоге к 1917 году финансовая заинтересованность нью-йоркских банкиров в победе Антанты стала определяющей и все сильнее связывала американские экономические ресурсы с франко-британскими военными усилиями»[6].

[6] *Мак-Нил У.* В погоне за мощью. Технология, вооруженная сила и общество в XI-XX веках. Москва, 2008.

Сам Вильсон тоже подчеркивал эту идею. «Наша эпоха – время великих перемен, – говорил он в 1916 году, – понимаете ли вы значение только одного факта: за последние один или два года мы перестали быть должниками и стали кредиторами, и у нас больше избыточного мирового золота, чем когда бы то ни было… Нам предстоит серьезно финансировать мир, а дающий деньги должен понимать мир и руководить им[7]». Именно финансирование военных операций Антанты, а вовсе не благородное желание президента Вильсона довести до конца «войну, которая положит конец всем войнам», стало решающим аргументом для вступления США в Первую мировую войну. Роль заокеанских финансистов в определении государственного курса в военную эпоху была настолько очевидной, что Дж. Норрис, сенатор от штата Небраска, констатировал в 1917 году: «Еще немного и мы поместим знак доллара прямо на государственный флаг»[8].

Однако, несмотря на обширную помощь заокеанского партнера, положение Антанты к 1917 году оставалось крайне сложным. В Лондоне и Париже пока не осознавали, что силы Германии и ее союзников начинают истощаться, и опасались, что война продлится еще долго. Попытки добиться решительного перелома на западном фронте вели лишь к огромным и бессмысленным потерям, только подогревавшим общественное недовольство.

Однако и немцы не могли добиться существенного преимущества. Понимая, что боеспособность Антанты напрямую зависит от поставок из США, а Англия и вовсе не может прокормить себя без морской торговли, Германия еще ранее решилась на неограниченную подводную войну, в рамках которой ее субмарины должны были топить все без разбора торговые суда, следующие в порты противника. По их логике американцы и так уже фактически вступили в конфликт, как позднее вспоминал главнокомандующий немецким флотом гросс-адмирал А. фон Тирпиц: «[Америка] вопреки сущности нейтралитета, превратилась уже в начале войны в арсенал наших врагов. Поскольку в Северной Атлантике товары перевозятся преимущественно под английским флагом, всякая борьба с английским судоходством должна была причинять убытки американским поставщикам. Уже на примере наших находившихся за границей крейсеров, которые самым добросовестным образом выполняли все требования старого морского права, мы могли видеть, как пристрастно относились к нам Соединенные Штаты»[9].

7 мая 1915 года у берегов Ирландии немецкая субмарина торпедировала британский лайнер «Лузитания», который затонул практически мгновенно, за 18 минут, унеся с собой жизни 1198 человек из 1959 бывших на борту. Среди погибших оказалось немало состоятельных американцев, следовавших в Европу. В союзнической прессе это событие было преподнесено как военное

---

[7] Woodrow Wilson. September 2, 1916: Speech of Acceptance.

[8] Rex Tillerson Would Put the Dollar Sign on the American Flag. House.gov. 2017.

[9] *Тирпиц А.* Воспоминания. Воениздат, 1957.

преступление, изобличающее нечеловеческую жестокость немцев. Тем не менее посольство Германии в Вашингтоне разместило объявления более чем в пятидесяти американских газетах, предупреждая об опасности путешествия на «Лузитании». Кроме того, в нарушение норм международного права гражданское судно официально имело в трюмах оружие и боеприпасы, предназначавшиеся для британской армии, видимо, именно поэтому гигантский пароход ушел под воду за 18 минут в результате попадания одной торпеды (получивший больше повреждений и менее технически совершенный «Титаник» тонул два с половиной часа).

Вызванный гибелью «Лузитании» общественный ажиотаж не только игнорировал тот факт, что при отправлении парохода в море были нарушены элементарные нормы морского права, но и то, что Соединенные Штаты, провозгласив нейтралитет, в принципе не хотели считаться ни с какими нормами морского права. Морская блокада Германии, которую Вашингтон молчаливо поддерживал, сама по себе была установлена вразрез с подобными нормами, что, впрочем, было безразлично для американцев, которых интересовала лишь сохранность судов с грузами для Лондона и Парижа. Британцы, получавшие грузы, также не слишком интересовались юридическими тонкостями, уничтожая торговые суда Германии везде, где было возможно, включая нейтральные воды. Понимая, что неограниченная подводная война приведет в ярость США, Германия неоднократно предлагала договориться о том, каким образом можно избежать ущерба для судов, идущих под американским флагом, к примеру, посредством организации конвоев. От обсуждения этих предложений Белый дом уклонялся, его не устраивало и то, что организация конвоев снижает рентабельность грузооборота, и то, что преодоление противоречий по поводу подводной войны лишит США важного козыря для разыгрывания «германской карты». В том, что такую карту нужно держать в рукаве, президент Вильсон уже успел убедиться.

Подытоживая свои впечатления, Тирпиц писал: «Мы должны были понять, что политике Вильсона были присущи шантажистские черты. Искренне стремясь пощадить нейтральные суда, мы предложили американцам свободно пропускать их пароходы через зону блокады, если нейтральность их не будет возбуждать сомнений… Однако Америка не проявила достаточно доброй воли, чтобы пойти на это… Чудовищная книга допущенных Англией грубейших нарушений международного права осталась в Америке непрочитанной и даже нераскрытой… Напрасно я неоднократно указывал канцлеру на характер вильсоновской политики и настойчиво советовал ему принять во внимание указанные факты. Оставляя одну за другой наши справедливые и принципиальные позиции, мы достигли только того, что Вильсон шел все дальше и дальше в своих притязаниях и тактике угроз…»[10].

[10] Там же.

В это же время в Америке развернула активную деятельность «партия войны», которая выступала за немедленное начало боевых действий против Германской империи. Во главе этой партии встали экс-президент Т. Рузвельт и Э. Рут, бывший министр обороны и государственный секретарь. Интересно отметить, что оба политика в свое время были удостоены Нобелевской премии мира. «Убийство тысячи мужчин, женщин и детей на "Лузитании", – писал Т. Рузвельт, – произошло исключительно из-за отвратительной трусости и слабости Вильсона. [Американцы] не вступят в войну, если их в нее не загнать». Однако пацифистские настроения в американском обществе были еще очень сильны. Это уловила и вильсоновская администрация – достаточно сказать, что переизбрание Вильсона на пост президента в 1916 году проходило под лозунгом «Он не даст втянуть нас в войну».

И все же усилиями «партии войны» попытки загнать американцев в мировой конфликт приняли планомерный характер. В США развернулась настоящая антигерманская истерия. Газеты тиражировали леденящие душу истории о том, как «гуннские чудовища» заставляют женщин и детей прыгать в воду с тонущих кораблей, с удовлетворением наблюдая за этими зверствами. Каждое уважающее себя издание публиковало карикатуры, на которых звероподобный кайзеровский моряк получал очередной железный крест на фоне трупов, качающихся на волнах. К пропагандистской кампании подключили кинематограф: впервые в истории американцы, придя в кинотеатры, увидели пугающие кадры, демонстрирующие высадку полчищ иноземных захватчиков на побережье США. Рядовому обывателю давали понять: когда немцы разделаются с Антантой, они примутся и за Соединенные Штаты.

Впрочем, сам американский лидер подвергался не меньшей идеологической обработке, чем его сограждане, разумеется, через полковника Хауса. «США не могут допустить поражения союзников, оставив Германии роль господствующего над миром военного фактора, – утверждал Хаус в одном из писем к президенту, – следующим объектом нападения, несомненно, были бы мы, и доктрина Монро в самом деле превратилась бы в клочок бумаги»[11].

Пропагандисты не гнушались играть и на самом низкопробном национализме, подогретом беспочвенными сплетнями, в частности, был пущен слух о том, что полмиллиона проживающих в стране немцев, а вместе с ними ирландцы, голландцы, скандинавы и прочие «пособники кайзера» готовятся взять в руки оружие и устроить революцию. Странные взрывы, произошедшие на оружейных заводах в Нью-Джерси в 1916 и 1917 гг. были спешно приписаны германским диверсантам. Сам президент Вильсон сделал публичное заявление, в котором признал, что «США стали жертвами германских интриг, страна наводнена германскими шпионами». Газеты эксплуатировали даже самые абсурдные случаи, подобно таинственному капитану германского флота фон Стейнмецу, который, переодевшись женщиной, якобы проник через Вла-

[11] *Keene J.* The United States and the First World War. D. Routlege, 2021.

дивосток на территорию США и принялся заражать сапом американских лошадей. Несмотря на то, что от подобного саботажа не пострадало ни одно животное, история нагнала страха на американцев, которым намекнули, что недалек тот день, когда немцы начнут распространять чуму и тиф среди граждан США.

Официально основным камнем преткновения в отношениях между Берлином и Вашингтоном оставалась неограниченная подводная война. Международная напряженность, спровоцированная гибелью «Лузитании» и рядом инцидентов меньшего масштаба, заставила Берлин на время отказаться от идеи неограниченной подводной войны. Однако на фоне неудач Второго рейха эта идея обрела второе дыхание в 1917 году. Начатая с новой силой охота на торговое судоходство в Атлантике в определенный момент поставила Антанту в тяжелое положение. Впервые с момента начала войны англичане столкнулись с реальной перспективой голода.

Тревожные новости приходили с восточного фронта. 15 марта 1917 года Николай II отрекся от престола. Россия почти три года оттягивала на себя огромные силы противника и несколько раз буквально спасала ситуацию на Западе неожиданными ударами. Однако после Февральской революции и начавшегося в стране брожения восточный фронт грозил рассыпаться на глазах.

С этого момента угроза поражения Антанты стала более чем реальной. Уолл-стрит дала понять Белому дому, что настало время подумать о непосредственном вмешательстве в ход боевых действий в Европе. Кроме того, американские олигархи понимали, что даже если война будет завершена победой Антанты, то отношения между ней и Вашингтоном так и останутся на уровне «должник – кредитор». Если же добавить к займам еще и крови американских солдат, то тогда взаимодействие примет качественно иной характер, и Соединенным Штатам уже никто не сможет отказать в игре на равных. Понимал это и Вильсон, продолжавший продвигать смелые проекты, призванные даровать человечеству «мир без победы», после чего будет создано наднациональное объединение государств – Лига наций, с помощью которой род людской сможет обойтись без войн. Но для того, чтобы завершить «войну, которая покончит с войнами», как президент именовал этот конфликт, требовалось вмешательство американской военной силы.

К 1917 году общественность Соединенных Штатов уже была подогрета бесконечными рассказами о зверствах германских подводников. Теперь же требовалась найти последний довод, который переполнил бы чашу терпения американцев. Такой повод был вскоре найден. В феврале 1917 года потрясенным американцам сообщили, что военно-морская разведка Великобритании перехватила и (благодаря ранее захваченным русскими на Балтике немецким шифровальным книгам) прочла телеграмму министра иностранных дел Германии А. Циммермана, адресованную германскому послу в Мексике. Содер-

жание послания шокировало граждан США: в нем германский министр приказывал послу предложить мексиканскому правительству начать войну с США, обещая финансовую и материальную поддержку. В случае успеха мексиканцы должны были вернуть себе примерно половину территорий, утраченных по итогам войны 1846 – 1848 годов.

Телеграмма Циммермана стала той искрой, которая взорвала пороховую бочку. 2 апреля 1917 года Вильсон выступил в Конгрессе США. Избранную им риторику можно считать классикой того, что позднее будет названо «либеральным интервенционизмом». Президент начал с действий немецких подводных лодок: «Нынешняя германская подводная война против коммерческого судоходства… есть война против человечества… Есть один-единственный шаг, который мы не можем сделать, на который мы просто не можем пойти: мы никогда не выберем путь покорности и согласия с тем, чтобы были проигнорированы или нарушены наиболее священные права нашей страны и нашего народа…». Далее американский лидер заявил: «Мир должен быть спасен для демократии. Его состояние должно быть основано на испытанных принципах политической свободы. У нас нет никаких эгоистических целей. Мы не стремимся ни к завоеваниям, ни к господству. Мы не ищем ни прибыли для себя, ни материальной компенсации за те жертвы, которые мы добровольно принесем. Наша цель – защита прав человечества…»[12].

Конечно, даже в Конгрессе нашлись те, кто прекрасно понимал всю ложность этих возвышенных фраз. Из 435 представителей Конгресса 50 человек (впрочем, преимущественно изоляционистов) выступило против президентской инициативы. Этой оппозиции, а равно и шести голосов против, поданных в Сенате, было недостаточно для того, чтобы удержать страну от вступления в войну. США официально объявили войну Германской империи. Их примеру последовала почти вся Латинская Америка – Куба, Боливия, Перу, Уругвай, Бразилия, Эквадор, Панама, Гватемала, Никарагуа. К Антанте присоединились Греция, Китай и даже столь далекие от мировой войны страны, как Сиам (Таиланд) и Либерия. И хотя из всех перечисленных стран более или менее представительный контингент за океан послала лишь Бразилия, теперь война действительно стала мировой.

На первых порах большинство американцев не спешило вербоваться в армию для участия в войне в Европе. Оказалось, что средства массовой информации, умело раздувавшие воинственные настроения в обществе, одновременно тиражировали чрезвычайно натуралистичные описания происходившего на фронте. В результате американцы, узнававшие из газет о многочасовых обстрелах, во время которых солдаты лишались рассудка, самоубийственных атаках на немецкие позиции, химическом оружии, огнеметах и танках, не выразили особого желания вступать в армию. В итоге президент Вильсон получил почти столько же добровольцев, сколько удалось

[12] Wilson Speech, 1917.

собрать в свое время Линкольну для борьбы с южанами – 73 тысячи человек. Очевидно, что для действий против Германии, которая только на западном фронте держала более трех миллионов солдат, это было ничтожно мало. Новости из Франции также не способствовали призыву – почти одновременно с вступлением в войну США союзные армии под руководством генерала Р. Нивеля начали масштабное наступление. Более четырех с половиной миллионов французов, британцев, а также русский экспедиционный корпус атаковали германские позиции лишь затем, чтобы стремительно откатиться назад, потеряв в общей сложности около 340 тысяч человек. «Бойня Нивеля», как ее окрестили во Франции, произвела угнетающее впечатление – во французской армии начались бунты, охватившие более полусотни дивизий. Некоторые подразделения самовольно покидали окопы и направлялись к Парижу. Волнения охватили и русский экспедиционный корпус, который был использован в «бойне Нивеля» с особой жестокостью – из 20 тысяч солдат и офицеров на поле боя осталось лежать более четверти. Генералу А.-Ф. Петену, срочно назначенному вместо Нивеля на пост главнокомандующего, пришлось прибегнуть к жестким мерам вплоть до массовых расстрелов. С русскими союзниками вообще не церемонились – их лагерь был расстрелян артиллерией, оставшихся в живых вывезли частично в Грецию, частично в африканские колонии, где им предложили продолжить сражаться за «общее дело» Антанты.

Безрадостные новости пришли и от итальянцев. Относительное равновесие между итальянской и австрийской армиями было нарушено в конце 1918 г., когда австрийцы с помощью свежих германских дивизий нанесли противнику сокрушительное поражение при Капоретто. Итальянская армия в массовом порядке спасалась бегством, что поставило под вопрос дальнейшее участие Рима в войне. Как и во Франции, ситуацию удалось исправить с помощью расстрелов, однако боеспособность южного союзника, который несколько лет не мог справиться с достаточно слабыми австрийцами, оказалась подорвана.

В этих условиях администрации Вильсона срочно требовалось создать армию, невиданную ранее в американской истории. Прежде всего Вашингтон перехватил инициативу в информационном поле – был введен жесткий контроль за деятельностью средств массовой информации, а также создан так называемый Комитет общественной информации, который возглавил известный своими скандальными расследованиями журналист Дж. Крил. Госсекретарь США Р. Лансинг и его коллеги – министр обороны Н. Бейкер и военно-морской министр Дж. Дэниэлс – стали почетными сопредседателями. Комитет набрал свою 75-тысячную армию «четырехминутчиков» – агитаторов, которые в своих кратких выступлениях рассказывали о праведных целях Америки в войне и необходимости принять участие в священной борьбе американского народа за свободу для всего человечества. Не обходили стороной, конечно, и зверства немцев. Для работы в Комитете привлекли также извест-

ных ученых, таких как историк Ч. Бирд или экономист Дж. Коммонс, которые составляли пропагандистские буклеты, «научно» обосновывавшие участие США в войне. Те же из представителей академической общественности, кто отказывался участвовать в пропагандистской кампании и имел неосторожность публично высказываться против политики нагнетания напряженности в обществе, подвергался жесткому преследованию вплоть до изгнания из родных университетов. Жертвы для травли избирались повсеместно, невзирая на их академический авторитет и научные заслуги. Вскоре американские университеты стали заведениями, не менее нетерпимыми к любому проявлению свободомыслия, чем сам Комитет общественной информации.

Чувствуя себя выразителем мнения истеблишмента, Крил не стеснялся прибегать к шантажу и открытым угрозам в адрес тех представителей прессы, которые осмеливались ставить под сомнение выдававшиеся им «факты». Он клеймил неугодных журналистов «продажными слугами гуннов», «предателями», «изменниками», призывая предать суду или даже бессудной расправе любого, кто имел альтернативную точку зрения. Ему вторили рядовые «четырехминутчики», которые призывали американцев активно доносить властям на любого, кто выражал сомнение в справедливости войны и вообще вызывал подозрение в прогерманских симпатиях. На фоне всеобщей враждебности участились случаи судов Линча над заподозренными в симпатии к врагу[13].

Таким образом, едва вступив в войну с целью «спасти мир для демократии», администрация Вильсона создала в обществе такую атмосферу страха, недоверия и нетерпимости, в сравнении с которой кайзеровская Германия могла показаться оазисом либерализма. Патриотическая мания принимала самые абсурдные формы, к примеру, поборники патриотизма запрещали исполнять Бетховена или Брамса, полагая, что это может породить определенные симпатии к немцам. В целях изгнания из повседневной жизни упоминаний о Германии политики предлагали переименовать гамбургер в «сэндвич свободы», а врачам – называть краснуху, которая в тогдашнем английском языке именовалась как «немецкая корь» *(German measles)*, «корью свободы».

Вашингтон не собирался ограничивать борьбу на «домашнем фронте» одной лишь пропагандой. В 1917 – 1918 годах были приняты два закона – о борьбе со шпионажем и о подстрекательстве, – которые вошли в историю США как одни из наиболее антидемократических нормативных актов из тех, что когда-либо принимались Конгрессом. Составленные умышленно в самых общих выражениях эти законы объявляли федеральным преступлением любое поведение, которое может быть сочтено непатриотичным, антиамериканским, подрывающим авторитет правительства, порочащим американское государство и его конституцию. Любое неповиновение властям, критические высказывания в адрес действий государственных структур и вооруженных сил, выражение поддержки враждебному государству – все это могло привести к

[13] *Peck G.* The Great War in America: World War I and Its Aftermath. Pegasus, 2018.

тюремному заключению на срок до 20 лет или штрафу в 10 тысяч долларов (огромная сумма для того времени). Тысячи людей, которые были лишены свободы согласно этим актам, конечно, не имели никакого отношения не только к германским спецслужбам, но и к Германии вообще. Однако в рамках новых законов можно было в высшей степени эффективно бороться со всеми, кто рассматривался государственной властью и корпоративной элитой как угроза – профсоюзными лидерами, оппозицией, свободомыслящими интеллектуалами и просто теми, кто был неудобен по тем или иным сиюминутным причинам. Именно в этой атмосфере всеобщего страха и подавления любых проявлений свободы начинал свою деятельность скромный вашингтонский библиотекарь Э. Гувер – будущий всесильный глава Федерального бюро расследований. Само ФБР, которое в те годы существовало под названием «Бюро расследований» и представляло собой малочисленную и плохо финансируемую структуру с претензией на осуществление функций спецслужбы, также оказалось в поистине благоприятной среде, которая заложила основы для будущего бурного роста.

Наряду с подготовкой общественного мнения и ужесточением контроля над повседневной жизнью граждан американское правительство позаботилось и о финансовой стороне вопроса. В апреле 1917 г. ФРС запустила беспрецедентную в американской истории программу военного займа, которая была названа «Свобода» *(Liberty bonds)*. До сентября 1918 г. было произведено четыре выпуска военных облигаций, которые были раскуплены за рекордно короткий срок (чуть более полутора лет), принеся американскому правительству порядка 21,4 миллиарда долларов – сумму поистине фантастическую. Разумеется, распространение облигаций проводилось через финансовые компании, контролируемые Морганом, получавшим соответствующую комиссию.

Благодаря эффективной работе пропаганды (сам этот термин именно тогда вошел в массовое употребление)[14] мало кто из американцев понимал, что под прикрытием «мер военного времени» ведется наступление на гражданские и экономические права граждан, укрепляется финансовая и административная власть корпораций, искореняется политическая и интеллектуальная оппозиция. Жители Соединенных Штатов полагали, что помогают Америке исполнять ее историческую миссию – принести свободу угнетенным народам. Это позволило администрации Вильсона пойти на такую крайнюю меру, как всеобщий призыв на военную службу, и в кратчайшие сроки сформировать контингент численностью более миллиона солдат и офицеров, который был переброшен за океан.

Прибытие американских войск в Европу стало своевременным. 21 марта 1918 г. немецкая армия начала Весеннее наступление, возможно, самую мас-

[14] Отец современной пропаганды Э. Бернейс (племянник З. Фрейда) в годы Первой мировой войны работал на американские власти и уже после войны обобщал полученный им опыт в применении к нуждам бизнеса.

штабную из операций Первой мировой войны. В течение недели союзники беспорядочно отступали, тщетно пытаясь организовать сопротивление. И хотя численное превосходство Антанты взяло верх и на этот раз (немецкое наступление было остановлено, и линия фронта стабилизировалась), потери союзников оказались поистине катастрофическими (около 850 тысяч человек). После Весеннего наступления англо-французские человеческие ресурсы оказались на грани исчерпания – в одной только Франции погибло до половины мужчин в возрасте до 30 лет. Прибытие из-за океана миллионного экспедиционного корпуса армии США спасло положение. Американцы еще раз помогли остановить немцев летом того же года, когда Германия предприняла последнюю попытку завершить войну одним ударом (вторая битва на Марне).

В этот момент Антанта и американцы (США так и не примкнули к этому военному блоку) готовились к решающей операции, которая вошла в историю как Стодневное наступление. Общая численность союзных войск на западном фронте к этому моменту перевалила за 6 миллионов человек, из которых уже 1,9 миллиона составляли американские солдаты и офицеры. 8 августа 1918 года союзники атаковали немцев. Стодневное наступление разительно отличалось от всех операций более ранних периодов войны. Если раньше пехоте приходилось «голыми руками» атаковать укрепленные позиции после малорезультативной артиллерийской подготовки, то сейчас английские, французские, американские, бельгийские, канадские и австралийские солдаты шли в атаку под прикрытием плотного огневого вала, который создавали десятки тысяч орудий. Если в 1914 году во всей Англии и Франции можно было найти лишь около 800 тяжелых орудий, то теперь в распоряжении англичан, французов и американцев было около 16 000 стволов тяжелой артиллерии, не считая 23 000 орудий меньшего калибра. В бой пошли сотни танков. Всего в армиях трех держав в последний год войны их имелось 8 000, тогда как немцы могли им противопоставить лишь 70 боевых машин неудачной конструкции. С воздуха союзников прикрывало более тысячи самолетов, при этом Англия, Франция и США располагали уже более чем 17 000 аэропланов. Военные перевозки на фронте и в тылу обеспечивало 150 000 грузовиков. В сущности, Стодневное наступление стало триумфом не полководческого гения антантовских генералов, а гигантских экономических возможностей западных союзников – возможностей, реализованных в первую очередь с помощью промышленных мощностей и щедрых кредитов Америки[15].

23 октября президент Вильсон направил в Берлин ноту, предлагая немцам безоговорочную капитуляцию, однако Германия предпочла продолжить сражаться. Первыми 30 октября сложили оружие турки, а вскоре итальянцам удалось взять реванш за Капоретто, одержав победу в сражении у Витторио-Венетто (в этой битве принимала участие одна американская дивизия). Теперь уже разваливалась австро-венгерская армия, что побудило Вену капиту-

[15] Fergusson N. The Pity of War. New York, 1998.

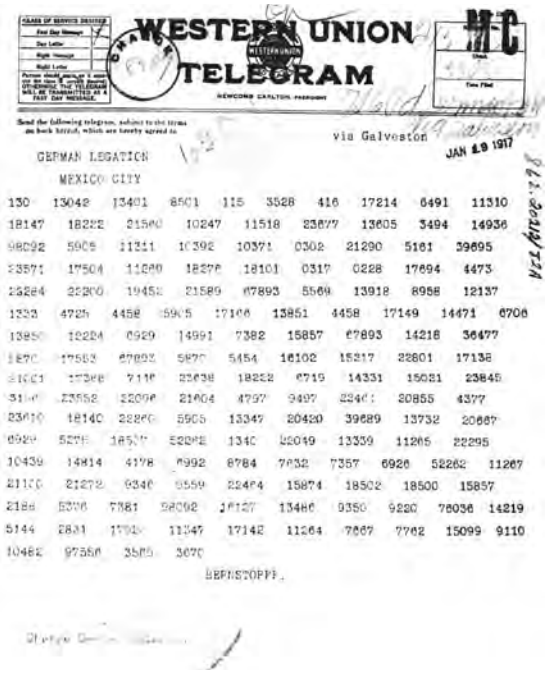
лировать 3 ноября. Через два дня германский западный фронт окончательно рухнул под напором объединенной англо-франко-американской мощи. Четырьмя днями позже кайзер Вильгельм II был низложен – Второй рейх прекратил свое существование. В 5 часов 10 минут утра 11 ноября 1918 года в лесу у города Компьен во французской провинции Пикардия в штабном вагоне главнокомандующего союзными армиями маршала Ф. Фоша было подписано перемирие, завершившее боевые действия Первой мировой войны. США, понесшие, в сравнении с Англией, и особенно Францией, достаточно скромные людские и материальные потери[16], на правах победителей сели за стол мирных переговоров, открывшихся в Париже.

Для США результат войны стал настоящим триумфов, который, наверное, лучше всех выразил сам президент Вильсон, воскликнувший: «Наконец-то мир узнал Америку как своего спасителя!». Однако эти слова были сказаны им уже во Франции в ходе Версальской конференции, на которой союзники решали судьбы послевоенного мира. На ней Америка впервые в своей истории взяла на себя роль первой скрипки в концерте «старых» великих держав.

[16] Наибольшие потери в Антанте и союзных державах понесли Россия (около 2,2 миллиона погибших и умерших), Франция (около 1,4 миллионов), Италия (1,2 миллиона) и Великобритания. У США на фронте погибло 117 тысяч человек. О напряжении сил также свидетельствуют данные об отношении призванных на службу к общему количестве жителей страны: так, в России было мобилизовано 8,5% населения, во Франции – 17%, в Великобритании – 2% (без учета колоний и доминионов), в Италии – 17%, в США – 4,7%.

Иллюстрации к главе 14

Вудро Вильсон
и полковник Хаус.



WESTERN UNION TELEGRAM

NEWCOMB CARLTON, PRESIDENT

via Galveston

JAN 19 1917

GERMAN LEGATION
MEXICO CITY

130 13042 13401 8501 115 3528 416 17214 6491 11310
18147 18222 21560 10247 11518 23677 13605 3494 14936
98092 5905 11211 10392 10371 0302 21290 5161 39695
23571 17504 11860 18378 18101 0317 0228 17694 4473
23284 22300 19452 21589 67893 5569 13918 8958 12137
1323 472b 4458 5905 17106 13851 4458 17149 14471 6706
13850 12284 0929 14991 7382 15857 67893 14218 36477
18700 17553 67893 5870 5454 16102 15217 22801 17138
21021 17388 7110 23638 18222 6719 14331 15021 23845
31[illegible] 23552 22096 21604 4797 9497 22401 20855 4377
23410 18140 22860 5905 13347 20420 39689 13732 20667
6929 5270 18500 52262 1340 42049 13339 11265 22295
10439 14814 4178 6992 8784 7632 7357 6926 52262 11267
21100 21272 9340 9559 22464 15874 18502 18500 15857
2186 5206 7781 98092 16127 13486 9350 9220 78036 14219
5144 2831 17[illegible] 11047 17142 11264 7667 7762 15099 9110
10482 97356 3565 3670

BERNSTORFF.

Телеграмма Циммермана.

Гибель лайнера «Лузитания».

Пример антигерманской пропаганды.

Антинемецкий плакат, продвигающий программу займов Liberty bonds.

Глава 15

«Не мир, а перемирие на двадцать лет»: США, Версаль и путь ко Второй мировой войне

В начале 1919 года во французской столице открылась мирная конференция, призванная определить послевоенный облик мира и предотвратить повторение трагедии 1914 – 1918 годов. Делегатам государств-победителей, а таковых формально насчиталось почти семь десятков, несмотря на то, что большинство из них не отправили на фронт ни единого солдата, было что обсудить. Ни одна из войн в истории до той поры не изменила облик мира так сильно. Четыре империи, вступившие в войну – Германская, Австро-Венгерская, Османская и Российская – не смогли ее пережить. Их экономики лежали в руинах, а общества балансировали на грани гражданской войны или уже вели ее, как в России. Распадаясь на части, империи породили десятки новых государств. Некоторые из них в последний раз появлялись на картах несколько столетий назад, а многие вовсе никогда не существовали. Несмотря на тяжесть борьбы, победоносные союзники (прежде всего США и Британская империя) вышли из войны с гораздо меньшими потерями, чем побежденные центральные державы. И хотя Россия понесла наибольшие потери в войне и два раза – в дни сражений на Марне в 1914 году и под Верденом в 1916 году – фактически спасла Францию, победители на Западе предпочли рассматривать ее как побежденную сторону.

С формальной точки зрения главным триумфатором во всемирном конфликте оказалась Англия. Хотя страна понесла людские потери, не сопоставимые даже с наиболее кровопролитными войнами, которые вела в прошлом, она смогла решить ключевую геополитическую задачу – убрать со сцены своего соперника – Германию, грозившего бросить вызов британскому господству. Важнее всего было то, что морская мощь «владычицы морей» вновь оказалась неоспоримой. Самый грозный соперник британского Гранд-Флита – немецкий Флот открытого моря, который с начала столетия не давал покоя английскому Адмиралтейству, – перестал существовать. И хотя немцы, по сути, не проиграли ни одного крупного морского сражения, все их корабли летом 1919 года оказались на дне: приведя в британскую базу Скапа-Флоу более полусотни вымпелов для сдачи, немецкие моряки сами же их затопили.

Однако считать Британию главным победителем можно было лишь условно. Это проницательно отмечает У.Энгдаль: «Британская империя по итогам Версальской конференции 1919 года оказалась ведущей супердержавой мира по большинству явных признаков. Однако одна маленькая деталь, отодвинутая на задний план в течение активной фазы войны 1914 – 1918 годов, портила всю картину: эта победа была обеспечена на заемные деньги». При этом ан-

глийская экономика, в отличие от американской, работала на пределе своих возможностей. Для того, чтобы вернуться к мирной модели развития, ей требовалась длительная и болезненная перестройка. В общей сложности война стоила англичанам более 24 миллиардов долларов – около трети валового внутреннего продукта страны. Кроме того, экономика сильно страдала от инфляции и была обременена огромным долгом. Только внутренняя задолженность британского правительства составляла более 16 миллиардов долларов, тогда как Америке Лондон был должен еще 4,9 миллиарда долларов.

Исправить это Лондон намеревался за счет побежденных (в первую очередь Германии). Для этого он избрал стратегию шантажа. Компьенское перемирие мало что значило для англичан. Войска Антанты по-прежнему находились на линии фронта, готовые по первому приказу атаковать противника, а британский флот все еще поддерживал морскую блокаду, вынуждая немцев голодать. И если в годы войны мощный государственный аппарат Германии смягчал экономические трудности, распределяя ресурсы в административном порядке, то наступивший после ноября 1918 года хаос поставил немцев в буквальном смысле на грань выживания. Этим и решили воспользоваться в руководстве Великобритании, настроения которого прекрасно выразил Черчилль, только что назначенный военным министром. В марте 1919 года в палате общин он заявлял: «Все наши средства принуждения действуют или мы готовы немедленно пустить их в ход. Мы энергично проводим блокаду. Мы держим наготове сильные армии, которые по первому сигналу двинутся вперед. Германия находится на грани голодной смерти. Информация, которую я получил от офицеров, посланных военным министерством в Германию и объехавших всю страну, показывает, что, во-первых, германский народ терпит величайшие лишения, во-вторых, есть огромная опасность того, что вся структура германского национального и социального устройства может рухнуть под давлением голода и нищеты. Именно теперь настало подходящее время для мирного урегулирования[1]».

Подобная стратегия террора в отношении мирного населения, которую избрали победители, впоследствии даст о себе знать, когда к власти придут нацисты, взявшие на вооружение реваншистские лозунги. Обращаясь к немцам в день начала Второй мировой войны (1 сентября 1939 года), Гитлер напомнит им о «пистолете», который в свое время был приставлен британцами и французами к виску германского народа. Таким образом, англосаксонская и нацистская геополитические стратегии попросту являются двумя сторонами одной медали.

Предложенный британцами план был прост – ограбить Германию так, чтобы та никогда уже не смогла подняться на ноги, а полученные средства направить на восстановление экономики и погашение долга перед американцами.

[1] *Фуллер Дж.Ф.С.* Вторая мировая война 1939–1945 гг. Издательство Иностранной литературы. 1956 .

В общей сложности Германия была поставлена перед необходимостью выплат контрибуции в размере порядка 33 млрд долларов, что в пересчете по ценам 2022 года соответствует сумме в 639,6 млрд долларов (около 15% ВВП современной, несравненно более развитой в экономическом отношении Германии). Еще через десять лет после заключения Версальского мира в Гааге обсуждался выдвинутый США план Юнга, значительно облегчавший бремя выплат для немцев. Даже согласно этому плану, вызвавшему яростные споры, Германия должна была выплачивать репарации вплоть до 1988 года. В дополнение к неподъемной контрибуции возникали планы расчленить Германию территориально, раздав многие исконно немецкие земли соседним государствам.

Главнокомандующий силами союзников французский маршал Фош, узнав о финальных условиях мирного договора, произнес пророческую фразу: «Это не мир, а перемирие на двадцать лет». В знак протеста маршал даже не явился на торжественную церемонию подписания документа. Он оказался прав – Версаль создал условия для Второй мировой войны, начавшейся ровно через двадцать лет. Даже Д. Ллойд-Джордж (1863–1945 гг.), один из самых непримиримых противников кайзеровской Германии, занимавший в 1916–1922 годах пост британского премьер-министра, заявил протест против попытки уничтожить экономику побежденных до такой степени, чтобы те не смогли подняться с колен в обозримом будущем. В специально подготовленном в 1919 году для лидеров союзных держав меморандуме он писал: «Вы можете лишить Германию ее колоний, превратить ее вооруженные силы в простую полицию, низвести ее военно-морской флот на уровень флота пятистепенной державы, однако, если, в конце концов, Германия почувствует, что с ней несправедливо обошлись при заключении мирного договора 1919 года, она найдет средства, чтобы добиться у своих победителей возмещения… Поддержание мира будет… зависеть от устранения всех причин для раздражения, которое постоянно поднимает дух патриотизма; оно будет зависеть от справедливости, от сознания того, что люди действуют честно в своем стремлении компенсировать потери… Несправедливость и высокомерие, проявленные в час триумфа, никогда не будут забыты или прощены». Несмотря на столь непримиримую позицию британского премьера, лидера одной из главных держав-победительниц, официальная позиция британской стороны осталась неизменной.

Подобно Ллойд-Джорджу и Фошу, далеко не все представители стран-победительниц одобрили стратегию унижения Германии всеми возможными средствами. Одним из несогласных был эксперт из состава английской делегации Дж. М. Кейнс, впоследствии один из наиболее влиятельных западных экономистов (в 1944 г. он будет возглавлять британскую делегацию на Бреттон-Вудской конференции). Свои взгляды Кейнс изложил в книге «Экономические последствия Версальского мира», которая была принята с интересом, однако в практическом плане использована не была. Кейнс заявлял, что бессмысленно и даже безответственно уничтожать германскую экономику огромными

контрибуциями, которые не только не будут выплачены в полном объеме, но и не смогут предотвратить новой войны. Подорвав германскую экономику, контрибуции сделают невозможным быстрое послевоенное восстановление Европы, которая утратит хозяйственное единство, покрывшись сетью таможенных границ. Все это лишь законсервирует тяжелую ситуацию в торговле и промышленности. Господствовавшие среди творцов нового мироустройства в Париже умонастроения Кейнс характеризовал так: «Им не было дела до того, как должна сложиться в будущем жизнь Европы; вопрос о ее средствах к существованию не вызывал у них тревоги. Все их помыслы, благие и дурные без различия, были посвящены границам и национальностям, равновесию сил, империалистическим расширениям, ослаблению могущественного и опасного врага, мщению и заботе о том, как бы, пользуясь своей победой, свалить невыносимое финансовое бремя на плечи побежденного противника»[2].

Помимо материальной стороны дела, болезненным для немцев был вопрос об исторической вине. В окончательный текст мирного договора была включена печально известная статья 231, в которой говорилось об исключительной ответственности Германии за развязывание войны: «Союзные и Объединившиеся правительства заявляют, а Германия признает, что Германия и ее союзники ответственны за причинение всех потерь и всех убытков, понесенных Союзными и Объединившимися правительствами и их гражданами вследствие войны, которая была им навязана нападением Германии и ее союзников»[3]. Эта статья, пожалуй, самый взрывоопасный пункт во всем мирном договоре, была разработана не англичанином или французом, а молодым юридическим советником американской делегации и будущим госсекретарем США Дж. Ф. Даллесом.

Унижение немцев усугубляло и то, что германская делегация не участвовала в работе конференции (вспомним, что побежденная Франция принимала активное участие в работе Венского конгресса 1815 года). Представители Берлина приехали в Версаль лишь для того, чтобы поставить подписи под итоговыми документами. Впрочем, большинство других государств, формально оказавшихся на стороне победителей, также были оттеснены от принятия решений, формировавшихся в рамках Совета пяти, куда входили США, Англия, Франция, Италия и Япония, причем последние два государства участвовали в работе Совета достаточно пассивно, отодвигаясь на второй план под надуманными предлогами. Так, итальянский премьер В. Орландо почти не участвовал в конфиденциальных кулуарных встречах по причине того, что не говорил по-английски. Вместо него работал министр иностранных дел С. Соннино, имевший еврейско-британские корни.

---

[2] *Кейнс Д. М.* Экономические последствия Версальского мирного договора. М.: Государственное издательство, 1922.

[3] Мирный договор между союзными и объединившимися державами и Германией (Версаль, 28 июня 1919 г.).

Какова была политическая роль США в разыгравшейся драме? Традиционная точка зрения, которая проводится в американских учебниках истории, сводится к тому, что Вудро Вильсон в своем благородном устремлении установить всеобщий мир и гармонию между народами показал себя как решительный противник англо-французского плана унижения Германии, предложив вместо этого опередившую свое время концепцию создания системы глобальной коллективной безопасности. Историческая реальность, конечно, значительно отличается от этой идиллической картины.

Вильсон имел собственные взгляды на задачи послевоенного урегулирования, радикально отличавшиеся от приоритетов Лондона и Парижа. Во многом они были идеалистическими, но этот идеализм был чисто американского толка. С точки зрения англичан и французов, американский лидер представлялся профессором, который явился читать лекции об идеальном миропорядке после того, как европейские державы разгромили сильнейшего врага. Пускай победа была достигнута с американской помощью, пускай при участии американских солдат, однако, считали лидеры Антанты, основная тяжесть ведения войны легла именно на их страны, а потому они и должны решать, как будет выглядеть мир по итогам конфликта. С точки зрения лидеров Антанты – британца Ллойд-Джорджа и француза Клемансо, – у Вильсона просто не было морального права требовать считаться с собой как с равным, если учесть соотношение потерь. Исходя из этой логики, Клемансо, который упрекал Вильсона тем, что в США «не разрушено ни одной лачуги», в частном письме к Ллойд-Джорджу вообще охарактеризовал присутствие американца на мирной конференции как «нежелательное и невозможное»[4].

Вильсон назвал завершившийся конфликт «войной, призванной покончить с войнами»[5] и обратился к коллегам из Старого Света с предложением разработать систему международных отношений, которая сделала бы подобные столкновения невозможными в будущем. Он настолько увлекся продвижением этой идеи, что провел шесть месяцев за пределами США (во Франции), что является уникальным случаем в американской истории (примечательно, что это путешествие явилось вообще первым визитом американского президента в Европу). К поездке Вильсон готовился не один день, осознавая, что американское давление на партнеров нужно подкрепить дополнительными аргументами. Одним из таких аргументов стал стратегический запас сырьевых материалов, который начал создаваться в США, когда Парижская конференция едва начала планироваться. Эти запасы должны были стать действенным козырем для того, чтобы склонить истощенную экономически Европу на сторону Вашингтона. Из числа других приготовлений следует отметить приказ взять под государственный контроль все линии теле-

[4] *Watson D.R.* Georges Clemenceau. A Political Biography. 1974.

[5] *Knock T.* To End All Wars, New Edition: Woodrow Wilson and the Quest for a New World Order. 2019.

графной связи, ведущие в США. Отплывая во Францию, Вильсон мог быть уверен, что обратно в Америку оперативно будет поступать лишь необходимая информация. Убедившись в том, что эти и другие распоряжения выполнены, американский президент поднялся на борт реквизированного американской армией комфортабельного лайнера «Джордж Вашингтон».

Предложения американского президента, которые он начал готовить еще до того, как союзные армии прорвали германский фронт, сводились к четырнадцати пунктам, первые восемь из которых имели общий характер, а остальные шесть затрагивали отдельно взятые вопросы послевоенного урегулирования. Эти четырнадцать пунктов (американский президент сформулировал их в послании к Конгрессу от 8 января 1918 года[6]) таковы:

1. Открытая дипломатия, в которой не будет места для «тайных международных соглашений какого-либо рода, а дипломатия всегда будет действовать откровенно и на виду у всех»;

2. Свобода судоходства «как в мирное, так и военное время, кроме случаев, когда некоторые моря будут частью или полностью закрыты в международном порядке для исполнения международных договоров»;

3. Отказ от протекционизма, подразумевающий «установление равенства условий для торговли всех наций, стоящих за мир и объединяющих свои усилия к поддержанию такового;

4. Всеобщее разоружение «до предельного минимума, совместимого с государственной безопасностью»;

5. «Свободное, чистосердечное и абсолютно беспристрастное» решение вопроса о колониях, в ходе которого «интересы населения должны иметь одинаковый вес по сравнению со справедливыми требованиями того правительства, права которого должны быть определены»;

6. Вывод войск с территории России и проведение в ее отношении такой политики, которая «гарантирует ей самое полное и свободное содействие со стороны других наций в деле получения полной и беспрепятственной возможности принять независимое решение относительно ее собственного политического развития и ее национальной политики и обеспечение ей радушного приема в сообществе свободных наций при том образе правления, который она сама для себя изберет»;

7. Восстановление Бельгии в прежних границах: «Никакое другое действие не может более, чем это, послужить к восстановлению между народами доверия к тем законам, которые они сами установили и определяли в качестве руководства для своих взаимных сношений»;

8. Возвращение Эльзаса и Лотарингии Франции: «Зло, нанесенное Франции Пруссией в 1871 году в отношении Эльзас-Лотарингии, которое нарушало

[6] Address to a Joint Session of Congress on the Conditions of Peace [«The Fourteen Points»] January 08, 1918.

всеобщий мир почти что пятьдесят лет, должно быть исправлено, чтобы мирные отношения могли снова быть установлены в интересах всех»;

9. Присоединение к Италии части австрийских земель, что было названо как «исправление границ Италии», – с тем условием, что оно «должно быть произведено на основе ясно различимых национальных границ»;

10. Автономия для народов Австро-Венгрии, «место которых в Лиге Наций мы хотим видеть огражденным и обеспеченным»;

11. Вывод иностранных войск с территории Румынии, Сербии и Черногории, причем Сербии должен быть предоставлен «свободный и надежный доступ к морю», а в вопросах международных отношений на Балканах должны действовать «исторически установленные принципы принадлежности и национальности», а также «международные гарантии политической и экономической независимости и территориальной целости»;

12. Гарантии безопасности и автономии для народов бывшей Османской империи, а также открытие черноморских проливов «для свободного прохода судов и торговли всех наций под международными гарантиями»;

13. Создание независимого польского государства на основе земель, населенных поляками, с выходом к морю, «политическая и экономическая независимость которого, равно как и территориальная целостность, должны быть гарантированы международным договором»;

14. Создание Лиги Наций, которая понималась как «общее объединение наций на основе особых статутов в целях создания взаимной гарантии политической независимости и территориальной целости как больших, так и малых государств».

С одной стороны, программа Вильсона действительно стала прообразом современных систем коллективной безопасности, что явилось несомненным прогрессом в практике международных отношений. С другой стороны, краеугольным камнем этой системы открыто объявлялись интересы великих держав, и в первую очередь, США. В результате деятельности американского лидера в итоговые документы Версаля были включены положения, изменившие послевоенное мироустройство. За их разработку и внедрение американский президент был удостоен Нобелевской премии мира.

Однако при более подробном анализе становится ясным либо декларативный, либо прагматический характер Четырнадцати пунктов. Так, принцип открытой дипломатии несовместим с такими эпизодами, как приглашение германской делегации в Версаль на подписание заранее заготовленных документов или раздел проигравших стран без предварительных согласований. Пункт о свободе мореплавания отражал доминирующее положение американского торгового флота на морях, который легко потеснил подорванное войной английское судоходство. Предложение о всеобщем разоружении, с одной стороны, преследовало цель ослабить военный потенциал союзников Вашингтона, а с другой – являлось чистой фикцией, которую США, ставшие

крупнейшим производителем оружия в годы войны, просто не могли рассматривать всерьез. Положение о справедливом решении колониальных споров не имеет ничего общего с принятой с согласия США мандатной системой, которая закрепляла под новым названием классическую колониальную систему. Пункт, касающийся вывода войск из России и «обеспечения ей радушного приема в сообществе свободных наций при том образе правления, который она сама для себя изберет» вообще был дезавуирован самой администрацией Вильсона, которая инициировала военную интервенцию в Россию в то самое время, пока американский лидер выступал в Париже с миролюбивыми предложениями.

Какие цели преследовал американский президент, выдвигая другие свои принципы, следует обсудить более подробно. Ядро предложенной Вильсоном системы составляли две идеи, которые наиболее ярко отражают принципы американской геополитики, – самоопределение наций и надгосударственное регулирование международных отношений (Лига Наций).

В теории, согласно принципу самоопределения, любой народ имеет право остаться в составе государства или выйти из него и получить суверенитет на основе свободного волеизъявления. Впрочем, Вильсон не допускал столь широкого толкования данного принципа. Заранее оговаривалось, что самоопределение будет использоваться лишь в тех случаях, когда мировое сообщество (то есть великие державы) сочтут это целесообразным. Кроме того, лишь небольшая часть народов имела право на самоопределение. Для остальных была предложена так называемая мандатная система, когда одна из крупных держав получала от пресловутого мирового сообщества мандат на управление «подопечным» народом. По сути, это был упорядоченный вариант довоенного колониализма.

Введение концепции самоопределения имело целью развал многонациональных противников Антанты – Германии, Австро-Венгрии, Турции и Болгарии. Расчленение территории бывших союзников Германии нашло отражение в частных мирных договорах, заключенных после подписания Версальского – Сен-Жерменском (с Австрией), Трианонском (с Венгрией), Нёйиском (с Болгарией), Севрском (с Османской империй, в 1923 году заменен на Лозаннский договор).

Еще одной важнейшей целью была Россия. Собственно говоря, именно эта страна была одним из основных факторов, который влиял на выработку геополитической стратегии Вильсона. Без понимания этого обстоятельства трудно осознать, почему на Парижской конференции американский лидер выдвинул такую, казалось бы, идеалистическую, оторванную от реальности программу. Расчленение и экономическое уничтожение Германии, к которому так рьяно стремились европейские союзники США, вовсе не входило в планы Вильсона. На него произвел сильное впечатление тот факт, что Германия, ведя на западном направлении борьбу с двумя наиболее мощными европейскими

державами, имела возможность несколько лет сдерживать Россию, поставившую под ружье почти десять миллионов человек. Вильсон и полковник Хауз прекрасно понимали, что Вашингтону нужна не слабая Германия, а слабая Россия, которую американцы не понимали и боялись. Об этом свидетельствует хотя бы запись, сделанная Хаусом в дневнике: «Всему миру будет жить спокойнее, когда вместо одной необъятной России образуется четыре – одна Сибирь, а другие три – поделенная европейская территория». В целом, эта идея и по сей день не дает покоя американским и английским стратегам.

Если сравнить довоенную и послевоенную карту Европы, станет очевидно, что американская инициатива позволила фактически расчленить побежденных. В пользу новых государств – Польши, Венгрии, Чехословакии, Югославии, Латвии, Литвы – были отторгнуты значительные территории центральных держав. Победители также надеялись, что Россия лишится Украины и Белоруссии, как она лишилась польских и финских территорий. Тем самым был бы воздвигнут «санитарный кордон» вокруг потенциально опасной страны. Кстати говоря, эта идея была высказана в том числе Макиндером (см. главу 1), принимавшим деятельное участие в разработке английской внешней политики в то время, а карту с «санитарным кордоном» вдоль западных рубежей России можно найти в его книге «Демократические идеалы и реальность»[7], написанной под влиянием Версальской конференции. В этом смысле не будет преувеличением утверждать, что уже тогда англосаксонская геополитическая практика шла рука об руку с зарождавшейся англо-американской геополитической теорией.

Произвольность использования принципа самоопределения демонстрирует пример Австро-Венгерской империи, расчлененной победителями на четыре государства. Стремясь избежать окончательного уничтожения австрийцев как нации, австрийская Конституционная ассамблея в марте 1919 года постановила присоединить государство к Германии. Налицо было использование принципа самоопределения: два родственных народа выражают желание объединиться. Однако эта инициатива была полностью проигнорирована победителями. При этом от Австрии в пользу Чехии была отторгнута Судетская область, населенная немцами. Принцип самоопределения оказался, таким образом, новой разновидностью права сильного. И вновь под послевоенный мир закладывалась мина замедленного действия – оба указанных обстоятельства, как известно, позднее использовал Гитлер.

Венгрия – также испытала на себе «достоинства» вильсоновского принципа. По итогам Трианонского договора за ее пределами осталось более 25% от общего числа этнических венгров, проживавших в регионе. И здесь будет подготовлена плодотворная почва для переманивания «обиженной» нации, желающей воссоединиться, на сторону гитлеровской империи.

---

[7] *Маккиндер Х. Д.* Демократические идеалы и реальность // Полис. Политические исследования. 2011

В то же время сами государства Антанты пытались жестоко подавить всякие попытки подвластных им народов самоопределиться. В качестве примера можно привести войну в Ирландии, разгоревшуюся вскоре после Версаля, Индию, французский и итальянский колониальный террор в Северной и Восточной Африке. Насколько «последовательно» американцы придерживаются принципа самоопределения народов в наши дни, показывают события последних десятилетий, прежде всего воссоединение с Россией Крыма в 2014 г.

Другой ключевой идеей президента Вильсона было создание надгосударственной организации, которая взяла бы на себя роль международного арбитра при решении международных споров. С этой целью была образована Лига Наций – прообраз современной ООН. Американский лидер считал ее вершиной своей деятельности. В то же время разногласия в Конгрессе (Вильсон представлял демократическую партию, тогда как в парламенте господствовали республиканцы) привели к тому, что сам Версальский договор и законопроект о присоединении США к Лиге так и не были ратифицированы. Навязав миру послевоенное устройство, США остались в стороне.

Лига Наций явилась высшей инстанцией, регулировавшей мандатную систему. Организация была уполномочена выдавать мандаты на управление колониальными территориями, отторгнутыми у проигравших стран. Была разработана система из трех видов мандатов, дававших разные полномочия, вплоть до запрещения проникновения иностранного капитала на подмандатную территорию.

Лига продолжила свое существование вплоть до Второй мировой войны, но очень быстро превратилась в символ попустительства и даже оправдания всех форм международной агрессии. За двадцать лет своего существования Лига не предотвратила ни одного крупного военного конфликта. Более того, односторонние санкции и эмбарго, наложенные на Испанию во время гражданской войны 1936–1939 гг., причиняли дополнительные страдания мирному населению, одновременно способствуя победе фашистских сил. Разворачивавшаяся параллельно итальянская агрессия в Эфиопии, которая сопровождалась уничтожением мирного населения химическим оружием, вызвала лишь вялую реакцию Лиги. Логическим финалом существования этой организации стала Вторая мировая война, показавшая крах замысла Вильсона[8].

Лига наций с подачи США позволила закрепить в международной практике традиции неоколониализма. Безусловно, США в отличие от Англии, Франции или Нидерландов не вели колониальных войн против китайцев, вьетнамцев, индийцев, бирманцев, непальцев, малайцев, индонезийцев и десятков других народов. Однако практиковавшая более тонкие, в основном экономи-

[8] В последние годы своей жизни Вильсон сожалел о том, что «втянул США» в мировую войну. Впрочем, широкая общественность об этом не узнала: представители правящей элиты под предлогом тяжелой болезни все еще исполнявшего обязанности президента фактически изолировали его от внешнего мира.

ческие методы, американская экспансия представляла собой все тот же колониализм и закабаляла азиатские народы ничуть не меньше, чем присутствие британских канонерок и морской пехоты. Более того, уже в первой четверти XX в. Вашингтон под маской «смягчения политики европейского колониализма» взялся за надежное политическое обоснование передела Азии в свою пользу. В отношении Китая, например, Вашингтон предложил доктрину, известную как принцип открытых дверей. В соответствии с этим принципом Китай делился на сферы влияния между ведущими западными державами, однако при этом формально сохранял суверенитет и территориальную целостность. В рамках своей сферы влияния каждая из держав имела равные права в осуществлении экономической деятельности на китайской территории, при этом гарантировалась неприкосновенность от вмешательства других западных стран. Принцип открытых дверей являл собой фактически параллель с доктриной Монро с той лишь разницей, что на момент его провозглашения США не имели политических и военных возможностей воспрепятствовать проникновению других государств на территорию Поднебесной.

Пренебрежительное отношение к «незападному» Китаю, который в глазах европейцев и американцев являлся олицетворением «азиатской отсталости», особенно ярко проявилось на Версальской конференции, в ходе которой обсуждалось в том числе послевоенное переустройство в Азии. Держав-победительниц волновали два вопроса – судьба «германского наследства» в Китае и условия вхождения Китая и Японии в Лигу наций. Китай же требовал пересмотра политики раздела на «сферы влияния» и восстановления своего суверенитета в Шаньдуне, оккупированном Японией (последняя в глазах европейцев уже выглядела как западная держава, хотя и второго порядка).

Однако США сочли участие Японии в Лиге более важным, чем признание прав Китая, и главный орган конференции – Совет трех (США, Франция и Великобритания) – принял требования Токио. Япония стала одним из пяти постоянных членов Совета Лиги и получила мандат на управление бывшими германскими тихоокеанскими владениями (островами, лежащими к северу от экватора). Международное признание фактического закрепления Шаньдуна за Японией было обеспечено. Известия о содержании Версальского договора породили внутри Китая антизападное Движение 4 мая, всколыхнувшее всю страну. Китайская делегация не подписала договор и не признала его условия.

Параллельно с Вильсоном свое значительно более однозначное и прагматичное видение глобальной послевоенной архитектуры продвигали американские финансисты. Их официальным дуайеном был Б. Барух, занимавший в американской делегации пост советника Вильсона по экономическим вопросам. Другой видной фигурой был Т. Ламонт – друг и главный эмиссар Моргана на мирной конференции. По сути дела, те статьи Версальского договора, которые в той или иной части касались интересов американских финансовых кругов, были составлены под диктовку Моргана и его приближенных.

Пока политики ломали копья над той или иной статьей мирного договора, доверенные лица Моргана в фешенебельном парижском отеле «Мажестик» писали собственную историю, причем писали ее в прямом смысле. Для начала они постановили учредить в Британии Королевский институт международных отношений, известный также как Чатэм-хаус, который сегодня является ключевым аналитическим центром Британии. Первым поручением, данным институту, руководство которым принял всемирно известный историк Арнольд Тойнби, было написание «правильной» истории Парижской мирной конференции, на что лично Ламонтом была ассигнована крупная денежная сумма. Основная масса фактов, которые сегодня содержатся в учебниках истории, почерпнута именно из изысканий, проведенных в стенах Королевского института.

Параллельно с этим учреждением был также организован Совет по международным отношениям, который мыслился как филиал морган овской империи. Кадры для Совета, остающегося и в наши дни одним из ведущих исполнителей аналитических работ для американского правительства и крупнейших корпораций, уже были сформированы усилиями полковника Хауза. В преддверии мирных переговоров он собрал группу «Исследование» *(Inquiry)*, состоявшую из видных интеллектуалов, заинтересованных в работе на правящие структуры по ключевым вопросам международных отношений. Члены этой группы и составили ядро Совета, который возглавил уже упомянутый ранее Э. Рут. Королевский институт международных отношений и Совет по международным отношениям и по сей день являются ведущими «фабриками мысли», осуществляющими экспертную поддержку действий англосаксонских элит.

Одним из многообещающих интеллектуалов, который встал на службу людям Моргана, был уже упомянутый разработчик 231-й статьи мирного договора Дж. Ф. Даллес. Он подсчитал, что Англия и Франция задолжали США сумму порядка 12,5 млрд долларов под 5% годовых. Заметим, что речь идет именно о задолженности США, а не Моргану и его структурам, поскольку все частные займы, которые выдал олигарх, были в свое время переведены в долги казначейства США. Так Морган переложил риск на плечи налогоплательщиков. Теперь займы нужно было возвращать, и Белый дом, весьма свободно подходивший к вопросу списания германской контрибуции, настойчиво требовал от Англии и Франции оплаты военных долгов. Оказалось, что союзники по Антанте задолжали Вашингтону около трети того ущерба, который, по общему мнению, был нанесен Германией за все время конфликта. Аргументы Лондона и Парижа о том, что американские деньги явились вкладом США в общую победу наряду с жизнями английских и французских солдат, Вашингтон не убедили.

Таким образом, вместе с явной архитектурой международных отношений сформировалась параллельная система финансовых взаимосвязей, основан-

ная на отношениях между заемщиком и кредитором. Эта система имела форму пирамиды, на вершине которой находились банки Дж. П. Моргана-младшего и Федеральная резервная система (которую во многом сам Морган и контролировал). Процесс обслуживания военного долга формировал международную валютно-финансовую систему в 1920-е годы в несравненно большей степени, чем повседневные экономические отношения между странами. Первая мировая война принесла огромные дивиденды американским финансистам не только за счет займов и комиссионных, она распахнула для них двери на европейский финансовый рынок, на котором прежде полноправным хозяином был Банк Англии. Теперь, когда инвестиции в разоренную войной Европу для американцев были куда привлекательнее, чем вложения в перегревшуюся на военных заказах экономику Соединенных Штатов, дешевые американские деньги затопили Старый Свет.

Итак, Соединенные Штаты вышли из войны ведущей мировой державой. Американская армия и флот достигли огромных размеров и на некоторое время стали сильнейшими в мире. Война придала мощный импульс американской экономике. Огромные военные заказы, а также предоставленные Антанте кредиты окупились с лихвой. Если до войны европейские страны кредитовали заокеанского партнера, то по ее итогам США впервые в своей истории превратились в экспортера капитала. Предвоенная стагнация американской экономики была успешно преодолена, и страна вступила в полосу небывалого процветания, закончившуюся лишь в 1929 году с началом Великой депрессии. По сути, победа в войне позволила создать первое в истории общество потребления. Впервые в американской истории была запущена порочная спираль искусственного раздувания потребительских расходов за счет наращивания кредитной массы. У такой экономической модели есть один логический финал – финансовый крах, и одно испытанное средство преодоления его последствий – война. Это убедительно доказывает весь ход новейшей истории от мировых войн до современности.

Лидирующую роль США заняли и в международной торговле. Рынки восстанавливающейся Европы были в буквальном смысле завалены американским экспортом. В то же время США, традиционно продвигавшие идеологию свободной торговли (см. гл. 1), проводили политику агрессивного протекционизма, защищавшего отечественного производителя от конкуренции со стороны импорта (вспомним о соответствующем пункте программы Вильсона).

Версальский мир также спровоцировал гонку вооружений, которая с учетом окрепшей оборонной промышленности США приносила новые дивиденды американской экономике. Кроме того, американские финансисты получили контроль над многими отраслями английской и французской промышленности. В то же время в США из Старого Света хлынул поток технологий, разработанных европейскими инженерами. Американский торговый флот, пострадавший несравненно слабее английского, теперь господствовал на мо-

рях. Если в начале войны США обладали лишь 4,4% мирового торгового тоннажа, то в 1918 году – уже 15%.

В области внешней политики американцы закрепили за собой статус одного из мировых жандармов, диктовавших остальным странам свою волю как силовыми средствами, так и созданием правовых норм, использовавшихся в интересах победителей. Впервые был опробован такой популярный среди последующих поколений американских стратегов метод, как расчленение государств и создание из них «санитарных кордонов».

Таким образом, по итогам Первой мировой войны США стали всемирным центром силы. Впрочем, в то время еще было трудно говорить об однополярном мире, поскольку Англия и Франция все еще занимали достаточно прочные позиции, а на Тихом океане активно развивалась Япония, имевшая собственные геополитические амбиции. Вместе с тем США наращивали усилия по ослаблению военных и экономических возможностей своих союзников. Американские банки развернули кампанию по ослаблению французского франка, а в 1924 году на Лондонской конференции союзных держав был утвержден план[9], разработанный видным финансистом, впоследствии вице-президентом США Ч. Дауэсом. Формально этот план был нацелен на упорядочивание взимавшихся с Германии репарационных платежей. В реальности основной целью плана Дауэса стала Франция, которая пострадала больше всех среди западных союзников и особенно нуждалась в немецких выплатах. Однако, как размер выплат, так и возможности Парижа оказывать давление на Берлин по итогам Лондонской конференции значительно сократились. Параллельно французские войска должны были покинуть оккупированную ими годом ранее чрезвычайно развитую в промышленном отношении Рейнскую зону. Таким образом, Франция, ставшая после 1918 года сильнейшей державой Европы, была ограничена Вашингтоном в своих притязаниях. Сам же Дауэс присоединился к плеяде американских «миротворцев», награжденных Нобелевской премией. В дальнейшем на Гаагской конференции 1929–1930 годов был принят новый американский план, разработанный О. Юнгом, который стал последним аккордом перед окончательной денонсацией условий Версальского мира, объявленной уже нацистским правительством.

В случае Англии США взяли курс на подрыв ее военно-морского могущества. По итогам Вашингтонской конференции 1921–1922 годов были введены ограничения на тоннаж и вооружения основных типов кораблей ведущих флотов. На практике это означало потерю Англией статуса «владычицы морей», способной поддерживать так называемый двухдержавный стандарт, согласно которому британский флот должен был сохранять паритет с совокупной мощью двух других ведущих морских держав. Другим важным достижением Вашингтона на пути ослабления английского влияния был отказ Лондона от заключенного в 1911 году военно-политического союза с Японией. О

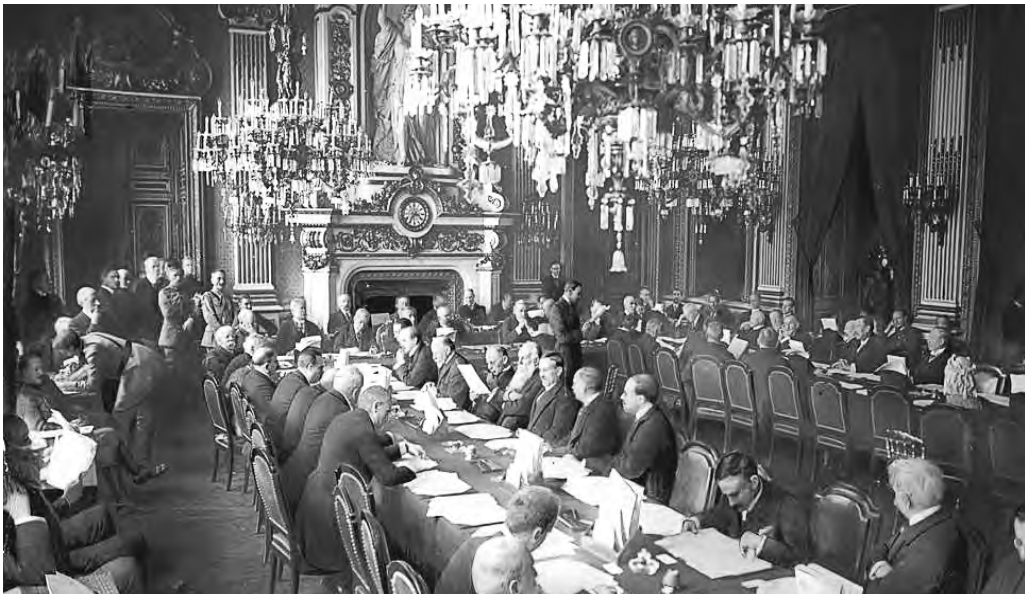
[9] The Dawes Plan, the Young Plan, German Reparations, and Inter-allied War Debts. State.gov.

том, насколько успешны были сами Штаты в выстраивании взаимного доверия на Тихом океане, покажут последующие события. После Вашингтонской конференции в регионе были заложены правовые и политические основы нового международного порядка, гарантами которого становились прежде всего США и Япония. Вашингтонские договоренности ограничили гонку вооружений на Тихом океане и впервые в новейшей истории наложили ограничения на военно-морское строительство в целом. Применительно к Азиатско-Тихоокеанскому региону их роль была особенно велика, поскольку благодаря им в регионе временно установилось приемлемое для всех главных игроков соотношение сил. США утвердили себя в качестве ведущей морской державы.

По итогам Первой мировой США навязали Европе собственную логику экономического мироустройства. Непоследовательность и односторонность такой политики имела роковые последствия в дальнейшем. США мало что сделали для облегчения экономического бремени Германии в первые послевоенные годы, что привело к катастрофическим социальным последствиям и создало благодатную почву для развития национал-социализма. В то же время, когда нацисты пришли к власти, ничего не было сделано для экономического давления на Берлин. Сохранность капиталов и возвращение инвестиций оказались более приоритетными задачами, нежели предотвращение новой мировой войны.

Иллюстрации к главе 15

Банкир Б. Барух.



Версальская конференция.

В. Вильсон в Париже.

Вашингтонская конференция закрепила курс США
на доминирование в мировом океане.

May 24, 1919
THE LITERARY DIGEST
Whole Number 1518
Vol. LXI. No. 8

THE FOURTEEN POINTS

These were defined by President Wilson in an address to Congress on January 8, 1918. Summarized they are:

1. **" Open covenants of peace, openly arrived at."**
2. **Freedom of the seas, in peace and war.**
3. **Equality of trade conditions.**
4. **Reduction of armaments.**
5. **Adjustment of colonial claims with reference to the wishes of the governed population.**
6. **Evacuation of all Russian territory.**
7. **Evacuation and restoration of Belgium.**
8. **Evacuation of French territory, restoration of Alsace-Lorraine.**
9. **Readjustment of Italy's frontiers along lines of nationality.**
10. **Autonomous development for the peoples of Austria-Hungary.**
11. **Independence of Roumania, Servia, and Montenegro.**
12. **Relinquishment of Turkish control over non-Turkish populations.**
13. **Erection of an independent Polish state, with free and secure access to the sea.**
14. **A League of Nations to guarantee independence and territorial integrity to great and small states alike.**

OldMagazineArticles.com

14 пунктов В. Вильсона.

Глава 16

США между мировыми войнами

Истоки самого кровавого конфликта в истории человечества и роль Вашингтона в его развязывании невозможно понять без изучения его предыстории, которая началась фактически в тот момент, когда в штабном вагоне маршала Фоша было подписано перемирие, окончившее Первую мировую войну. Черчилль, который принимал участие в минувшей войне и как государственный деятель, и как строевой офицер, так описывал послевоенную ситуацию в своем вдохновенном, но откровенно апологетическом труде «Вторая мировая война»: «По окончании мировой войны 1914 года почти все были глубоко убеждены и надеялись, что на всем свете воцарится мир. Это сокровенное чаяние всех народов легко можно было осуществить, твердо отстаивая справедливые убеждения и проявляя необходимый здравый смысл и благоразумие. Фраза "война за прекращение войн" была у всех на устах, и принимались меры к тому, чтобы претворить эту формулу в действительность. Президент Вильсон, олицетворявший, как все полагали, авторитет Соединенных Штатов, добился того, что идея создания Лиги Наций овладела умами. Английская делегация в Версале воплотила его идеи в форму документа, который навсегда останется вехой на трудном пути человечества. Победоносные союзники были в то время всемогущими, поскольку речь шла об их внешних врагах. Им приходилось, правда, сталкиваться с серьезными внутренними трудностями и многочисленными проблемами, на которые у них не было ответа, но на громадном пространстве Центральной Европы тевтонские державы, вызвавшие во всем мире смуту, лежали поверженные перед ними…»[1].

В реальности сама идеология версальского миропорядка была априори деструктивной, заставлявшей победителей почивать на лаврах, время от времени бряцая оружием для устрашения, а побежденных усиленно готовиться к новой войне. Попытка держав-победительниц в одностороннем порядке определить облик послевоенного мира, навязав его побежденным угрозой силы, стремление ослабить и унизить бывшего противника до такой степени, чтобы у него не осталось ни малейшей возможности возродить собственную военную мощь в будущем – все это заложило фундамент для нового конфликта, который по масштабу кровопролития многократно превзойдет события 1914–1918 годов.

После катастрофы 1918 года Германия, ставшая из империи так называемой Веймарской республикой, оказалась в глубочайшем кризисе. Началась гиперинфляция – за три года немецкая марка обесценилась в несколько триллионов раз. В ресторанах клиентам приходилось оплачивать блюда сразу при

[1] *Черчилль У.* Вторая мировая война: В 3 т. М.: Воениздат, 1991

заказе, поскольку к тому моменту, когда они оказывались готовы, их цена увеличивалась многократно. Банкноты использовались для растопки печей, а также стали излюбленным заменителем обоев для немцев. Оказалось, что оклеивать стены марками значительно дешевле покупки самих обоев, тем более что в целях экономии печаталась лишь одна сторона банкноты.

В этих условиях доллары, которые за время войны практически не потеряли свою стоимость, стали самой желанной валютой в Германии, а обладатели даже самых скромных сумм в них могли себе позволить практически все. Этим воспользовались разнообразные заокеанские дельцы, которые наводнили Веймарскую республику, скупая за бесценок антиквариат, произведения искусства, музыкальные инструменты, раритетные рукописи и другие сокровища, которые и сегодня украшают лучшие музеи и частные коллекции в США. Ненамного отставали от американских «любителей искусства» и их британские коллеги. Фунт стерлингов, хотя и обесценившийся во время войны, также смотрелся очень выгодно на фоне марок, украшенных десятками нулей. Все это не способствовало укреплению добрых чувств немцев к представителям англо-саксонского общества. Представители среднего класса, и в особенности интеллектуальной элиты Германии, чувствовали, что их страна в буквальном смысле отдана мародерам, которые покупают бесценные раритеты так же легко, как в свое время их предки за несколько ножей или бусин заключали выгодные сделки с индейцами. Этот опыт впоследствии с большим успехом используют нацисты в своей пропаганде.

Однако и европейские победители в Первой мировой войне явно не переживали золотой век. Англия не справлялась с безработицей, а каждый пятый британец не мог позволить себе нормально питаться. Победа 1918 года стала одновременно поражением Сити, нанесенным ему Уолл-стрит. Теперь кредиты стали главным оружием Америки, тогда как Великобритании ничего не оставалось, как направить свои силы на решение тактических задач, не суливших усиления роли страны в международных экономических отношениях. В западном мире начались валютные войны, в ходе которых каждая из держав хотела восстановить свое благосостояние за счет манипуляций с валютным курсом и за счет своих партнеров. Европа вернулась в эпоху протекционизма и разрушительных экономических конфликтов, которые создали в свое время мощную предпосылку для Первой мировой войны. Освященное Версалем расчленение империй противников казалось выгодным стратегическим шагом, однако с экономической точки зрения оказалось полным провалом, поскольку тем самым был уничтожен один из самых больших внутренних рынков Европы. Вместо этого континент, как и предсказывал Кейнс[2], покрылся сетью таможенных границ, которыми новые государства отгораживались друг от друга. Их протяженность составила около 20 тысяч километров. Экономические противоречия стали, пожалуй, одним из важнейших факторов дестабилизации Европы.

[2] *Piereson J.* John Maynard Keynes and the Modern Revolutionin Political Economy. Society, 2012.

На этом фоне интеллектуальная атмосфера Европы эпохи интербеллума, как называют в историографии межвоенный период (от латинского *interbellum* – между войнами), вовсе не отличалась симпатиями к либерализму довоенного образца. Однако классический либерализм с его преклонением перед свободой личности и невмешательством в экономическую жизнь в 1920-е годы казался многим политикам и интеллектуальным деятелям безнадежно устаревшим. Многие полагали, что именно эта идеология в конечном итоге спровоцировала всемирный конфликт и что будущее находится за движениями, одновременно противостоящими и дискредитировавшему себя либерализму, и напугавшему весь западный мир коммунизму. В этих условиях на сцену вышел фашизм, идеологи которого сделали ставку прежде всего на низшую часть среднего класса, потерявшего в послевоенном мире духовные ориентиры, а зачастую и средства к существованию.

Было бы большой ошибкой считать фашизм и нацизм чисто итальянско-немецким изобретением. Влиятельным в свое время был, например, британский фашизм. В 1920–1930 годы в королевстве с ведома, а порой и при прямой поддержке властей действовали такие политические объединения, как Имперская фашистская лига и Британский союз фашистов, которыми руководили выходцы из аристократической верхушки Великобритании. К примеру, признанным лидером Британского союза фашистов был баронет О. Мосли (1896–1980). Консервативные силы в Англии вообще зачастую сами имели налет фашизма, недаром Ллойд-Джордж в свое время заметил: «Поскреби консерватора – и найдешь фашиста». Видный британский фашист, основатель Лиги верноподданных империи А. Честертон заявлял, что «основы фашизма… лежат в самой британской национальной традиции»[3].

А что же Америка? После своего возвращения на родину из Франции президент Вильсон столкнулся с противоречивым приемом. Оппоненты упрекали его в том, что он оставил страну с ее проблемами ради погони за реализацией эфемерной «исторической миссии», которая в реальности ничего не принесла американскому народу. Большой поддержкой пользовалась точка зрения, согласно которой США, победив в войне и решив проблемы, угрожавшие их национальной безопасности, должны вновь вернуться к стратегии относительного невмешательства в дела Старого Света и сосредоточиться на поддержании доктрины Монро. Отказавшись ратифицировать в Сенате присоединение к Лиге Наций, США вступили в эпоху, которую некоторые историки окрестили «золотым веком американского изоляционизма».

Однако главная движущая сила американской геополитики – большой бизнес – и не думала уходить с мировой арены. К началу 1920-х годов США стали главным узлом мировой экономики и ее ключевых подсистем – торго-

[3] *Stapleton, J.* The Limits of Pro-Fascism and Anti-Fascism: G. K. Chesterton and Arthur Bryant. Palgrave Macmillan, 2010.

вой, промышленной и финансовой. Отрицательное довоенное сальдо внешнеэкономического баланса США в послевоенное время поменяло знак на положительный и составило более 1 миллиарда долларов в год. Это означало, что теперь весь остальной мир кредитуется Соединенными Штатами.

Основная масса заемных американских средств пошла на восстановление Германии, для которой эти кредиты были очень своевременны. Немецкий бизнес, которому было куда расти, охотно предложил проценты, превышающие те, что могли обещать французы и англичане, медленно погружавшиеся в стагнацию. В результате американские финансисты не только освоили привлекательный рынок для инвестиций, но и помогли побежденной Германии расплачиваться по репарационным долгам. Некоторые из наблюдателей взирали на это с негодованием. Тот же Черчилль обвинял американцев (да и английских бизнесменов тоже) в том, что они почти безвозмездно спонсируют Германию: «Германия уплатила или оказалась способной уплатить выжатую из нее впоследствии контрибуцию исключительно благодаря тому, что Соединенные Штаты щедро ссужали деньгами всю Европу, а ее – в особенности. В течение трех лет, с 1926 по 1929 год, США получили отовсюду в виде взносов в погашение долгов всего лишь около одной пятой той суммы, которую они предоставили Германии без всякой надежды на возврат. Ложные представления относительно помощи побежденной стране в сочетании с выгодной процентной ставкой по займам побудили и английских вкладчиков принять в них участие, хотя и в гораздо меньших масштабах, чем американских»[4].

Не только Германия получала большой объем кредитных средств от американских финансовых структур. Заемные доллары работали по всей Европе, чему в немалой степени способствовала активная деятельность фактического руководителя ФРС Б. Стронга, не избегавшего личных визитов к руководству государств, которые не осознали всю перспективность финансового сотрудничества с США. Нередко вместо него в дорогу отправлялся Э. Кемерер – принстонский профессор экономики, известный как «денежный доктор» за его многочисленные поездки по всему миру в качестве правительственного консультанта. Деятельность Кемерера во многом предвосхищает работу современных экономических советников Всемирного банка и МВФ. В обоих случаях для самых разнообразных экономических проблем предлагались стереотипные решения – сегодня это различные вариации на тему «вашингтонского консенсуса», а в случае Кемерера – обильные американские кредиты. Рассказывая о деятельности «денежного доктора», «Нью-Йорк Таймс» иронизировала, что тот принадлежит к числу врачей, которые «лишь ставят диагноз и выписывают лекарство, а потом быстро ретируются, предоставляя пациенту лечиться самому или оставляя его на попечение заграничной сиделки»[5].

---

[4] *Черчилль У.* Вторая мировая война: В 3 т. М.: Воениздат, 1991

[5] *Zendejas J.* Money Doctors and Latin American Central Banks at the Onset of the Great Depression. Cambridge, 2021.

Обратная сторона заемного бума заключалась в том, что по мере нарастания спроса на кредитные средства американские банки стали обращать все меньше внимания на качество выдаваемых займов. Американские банкиры, которые столкнулись с необходимостью едва ли не каждый день обслуживать привлечение кредитов для другой части земного шара, даже не задумывались о том, что такая проблема может иметь серьезные последствия. Все это привело к тому, что когда в США был запущен механизм Великой депрессии, то кризис поразил не только Америку, но и весь мир.

Глобальный экономический кризис стал центральным событием интербеллума, оказавшим глубокое влияние на геополитические процессы. Великая депрессия явилась мощным эпилогом Первой мировой войны и знаменовала собой зловещий пролог к новому, еще более разрушительному конфликту. До того, как Запад оказался во власти кризиса, спровоцированного Уолл-стрит, у бывших союзников по Антанте и США еще оставались шансы предотвратить новую войну. Теперь же западному миру пришлось бросить все силы на лихорадочные поиски выхода из депрессии. В свою очередь гитлеровская Германия этот шок пережила относительно безболезненно, главным образом за счет использования стратегии экономической мобилизации, отработанной еще в Первую мировую войну. Неплохо шли дела и у Италии. А в этом время США, Франция, Англия все глубже погружались в пучину кризиса.

Спасать американскую экономику пришлось Ф. Д. Рузвельту. В основе его Нового курса лежала одна идея о том, что государство должно взять на себя бремя ответственности за восстановление экономики. Вместо того чтобы полагаться на механизм рыночного саморегулирования, администрация Рузвельта предложила обеспечить миллионы нуждающихся в работе за счет государства. Радикальное решение было реализовано в сфере денежно-кредитной политики. Вместо того чтобы восстановить полноценное золотое обеспечение доллара, как того требовали многие представители бизнеса и политики, президент пошел в противоположном направлении, подписав указ о принудительной продаже государству всего имеющегося на руках у населения золота по фиксированной цене под страхом внушительного штрафа или десятилетнего тюремного заключения. Тем самым был сделан решающий шаг в переходе от доллара золотого к доллару «надувному» и «резиновому стандарту», как выразился видный политик-демократ Альфред Смит.

Интересно отметить, что от американской общественности не ускользнуло сходство между мобилизационными методами выхода из кризиса, которые использовались немцами и итальянцами, и стратегией Рузвельта. Поползли слухи о том, что Рузвельт и его команда тайно сочувствуют фашистам и сами проводят политику «ползучего фашизма»[6]. Американские обыватели из уст в уста передавали слухи о том, что в стране готовится фашистский заговор.

[6] *Boaz D.* Hitler, Mussolini, Roosevelt. Cato, 2007.

Одни утверждали, что американским дуче может стать сам Рузвельт, другие полагали, что президент лишь подготавливает почву для своего преемника[7].

Отражением этих страхов стал вышедший в 1935 году роман нобелевского лауреата С. Льюиса «У нас это невозможно»[8], в котором маскирующийся под демократа политик фашистского толка, используя демократическую процедуру, приходит к власти и устанавливает в Америке диктатуру. К слову, прототипом главного героя романа Льюиса стал вполне реальный политик – губернатор Луизианы, а потом сенатор Х. Лонг, выдвижению которого на выборы президента США помешало его убийство в 1935 году[9].

Страхи американцев имели под собой определенное основание. Некоторые из людей Рузвельта оказались большими поклонниками фашизма, как например, Х. Джонсон. Бригадный генерал Джонсон, который в годы войны вместе с Б. Барухом контролировал оборонную промышленность, был назначен президентом на должность руководителя Управления по восстановлению экономики. Основной целью Управления было покончить с разрушительной конкуренцией между корпорациями, а также улучшить отношения между наемными работниками и работодателями. Новое назначение Джонсон воспринял как возможность провести в жизнь идеи, почерпнутые, к примеру, из трактата «Корпоративное государство» Рафаэлло Вильоне – любимого экономиста Муссолини. Экземпляры книги он разослал не только своим коллегам, но и министру труда Ф. Перкинс (первой женщине в американском правительстве), попросив распространить работу итальянца среди членов кабинета. Широкую известность приобрели фашистские манеры генерала, который любил в заключение публичного выступления вскинуть руку в римском (фашистском) приветствии.

По Америке ходили слухи о попытках устроить заговор с помощью военизированных организаций. Нередко эти страхи использовали сами власти для борьбы со своими оппонентами. Так, летом 1932 года поход на Вашингтон начала так называемая Премиальная армия *(Bonus Army)* – 17 тысяч ветеранов мировой войны и порядка 26 тысяч примкнувших к ним сочувствующих, требовавших обналичить премиальные сертификаты, выданные солдатам властями за участие в боевых действиях. Разумеется, ни о какой попытке свержения власти в США речи не шло, однако власти решили выдать недовольство бывших военнослужащих за мятеж. На его подавление двинули пехоту и кавалерию под началом Д. Макартура и Д. Эйзенхауэра, а также танки майора Дж. Паттона (в будущим все они станут героями Второй мировой войны).

---

[7] Миф о «Рузвельте-фашисте» оказался столь живуч, что и десятилетиями спустя его время от времени эксплуатируют. Наиболее известным примером является, по всей видимости, Р. Рейган, который охарактеризовал «Новый курс» как фашистский во время предвыборной кампании 1976 года.

[8] *Lewis S.* It can't happen here. 1935.

[9] В России более известен роман Р. П. Уоррена «Вся королевская рать» и ряд одноименных фильмов (в том числе советский), также вдохновленные биографией Х. Лонга.

Подытоживая сложившуюся ситуацию, рузвельтовский министр внутренних дел Г. Айкс открыто заявлял в 1935 году: «С каждым днем становится все яснее, что в нашей стране существует опасное движение, которое стремится заменить наши свободные установления ненавистным фашизмом. Эта группа состоит (или, по меньшей мере, пользуется активной поддержкой) из людей, наживших огромные состояния и добившихся могущества путем эксплуатации не только естественных богатств Америки, но и ее мужчин, женщин и детей. Они не останавливались ни перед чем в своей погоне за этими богатствами, а теперь они не остановятся ни перед чем, чтобы их сохранить и приумножить. Стремясь довести нас до патриотической горячки разговорами о том, что "нашей стране грозит коммунистическое восстание", эти господа пытаются заручиться нашей поддержкой для фашистского переворота[10]».

В сущности, ни фашизм, ни нацизм не вызывали в 1930-е годы явного отторжения у многих представителей истеблишмента Соединенных Штатов. Многие американские бизнесмены и политики охотно приветствовали Гитлера и Муссолини, которые казались им самой надежной гарантией от проникновения большевизма за пределы Советского Союза. Отдельные видные американские политики не скрывали своих симпатий к тоталитарным режимам, установившимся в Италии и Германии. Сенатор от штата Пенсильвания Д. Рид заявлял в 1932 году: «Я редко завидую системе правления в других странах, но я говорю: если нашей стране когда-либо был нужен Муссолини, то именно теперь пробил час»[11]. Ему вторил президент престижного Колумбийского университета, который в 1931 году в речи перед первокурсниками утверждал, что тоталитарные государства «выдвигают куда более умных, волевых и значительно более мужественных людей, чем государства с представительной формой правления».

Американские бизнесмены и политики сами пытались провести отдельные «социальные эксперименты» во вполне нацистском духе. С 1920-х годов Соединенные Штаты стали мировым лидером в области евгеники – учения о возможности улучшения физических и психических характеристик человека как биологического вида. Даже Гитлер признавал первенство американцев в этой области. Евгеника привлекла внимание многих американских олигархов, которые лелеяли надежду взрастить «полноценных» американцев вместо пролетариев, которые постоянно угрожали забастовками и революцией. Флагманом американской евгеники стал Университет Рокфеллера, где, как уже упоминалось в главе 1, проводились исследования самого широкого спектра, включая программы массовой стерилизации. Многие из зловещих «инноваций» нацистов, такие как «программа умерщвления Т-4», которая предусматривала уничтожение «лишних» людей (инвалидов, умственно отсталых, ста-

[10] Цит. по: История Второй мировой войны. Военное издательство Министерства обороны СССР. 1973.

[11] *Галин В.* Политэкономия войны. Тупик либерализма. 1919–1939. М., 2022.

риков), были отнюдь не изобретениями немецких «расовых ученых», а лишь более глубокой переработкой американской евгенической идеологии.

Связи между германскими и американскими евгенистами в 1920–1930 годы имели широкий и плодотворный характер, причем немцы часто выступали учениками заокеанских коллег. На средства Рокфеллера и Карнеги, который в своих предсмертных распоряжениях не забыл поборников «расовой чистоты», устраивались великолепные конференции, семинары, поездки по обмену опытом и многое другое. Американцы сами ввели в некоторых штатах (например, в Калифорнии) программы стерилизации, которые позволяли принудительно лишать репродуктивной способности «нежелательных» лиц. Сегодня в историографии все чаще всплывают новые факты, свидетельствующие о том, что американские руководящие круги испытывали интерес к германскому нацизму задолго до его прихода к власти. Вполне вероятно, что Гитлер попал в поле зрения американцев еще в 1922 году, когда был фигурой лишь местного масштаба. С будущим фюрером встретился капитан Т. Смит – сотрудник американской военной разведки, оставшийся очень довольным беседой с подающим надежды политиком. Особенно приглянулся Смиту воинствующий антибольшевизм Гитлера, который мнил себя защитником Германии от «красной угрозы». Убедив вашингтонское начальство в перспективности молодого национал-социалиста, капитан подыскал ему соответствующего опекуна – Э. Ханфштенгля, известного под ироническим прозвищем «Путци» – малыш. Сын богатого мюнхенского антиквара и книгоиздателя, Ханфштенгль был наполовину американцем. Во время обучения в Гарварде молодой Ханфштенгль завел полезные связи, в частности с Ф. Рузвельтом. Другим его университетским приятелем стал У. Липпман – будущий идеолог и пропагандист Белого дома. Знакомства Ханфштенгль продолжил накапливать в 1910-е годы, когда он проживал в Нью-Йорке, избежав тем самым ужасов Первой мировой. В филиал отцовской фирмы по торговле антиквариатом, которым он руководил, любили заходить Морган-старший и Форд.

Перебравшись после войны в Германию, Ханфштенгль сдружился с молодым Гитлером. Будучи любителем искусства, восходящий национал-социалист оценил профессиональные знания антиквара, который к тому же прекрасно играл на фортепиано и писал музыку. Особенно заинтересовали Гитлера рассказы «Путци» о футбольных матчах в США и о том, как с помощью незатейливых воинственных маршей и импровизированных представлений на них «заводят» болельщиков. По просьбе будущего фюрера Ханфштенгль написал ряд подобных маршей, под которые охотно маршировали нацистские штурмовики, включая ставший настоящим хитом в Третьем рейхе Марш Гитлерюгенда[12].

Интересно отметить, что глава этой организации, которая объединяла немецкую молодежь и готовила ее к «достойной жизни и славной смерти во имя

[12] *Литвин Г.А.* На развалинах третьего рейха, или маятник войны. М.: Вперед, 1998.

фюрера», Б. фон Ширах также имел американские корни и в детстве говорил по-английски, немецкий он начал изучать только в пять лет. Поворот к антисемитизму у Шираха произошел после прочтения книги Генри Форда «Международное еврейство». Наконец, сама идея Гитлерюгенда, как и боевых маршей, была заимствована у англичан и американцев из практики организации бойскаутов.

Вскоре после знакомства Ханфштенгль стал доверенным лицом Гитлера, своего рода его «продюсером», который не только решал его финансовые проблемы, но и заботился о личной безопасности. Известно несколько случаев, когда бывший антиквар спас Гитлера от неминуемой смерти. Именно в доме «Путци» Гитлер укрывался после неудачного «Пивного путча», а когда будущему фюреру пришлось отбывать заключение, Ханфштенгль приложил все усилия, чтобы сделать его пребывание в тюрьме максимально комфортным и подготовить все условия для политической деятельности после освобождения. Неоценимую помощь Ханфштенгль оказал Гитлеру в области пропагандистского сопровождения «Пивного путча» и последующего судебного процесса. Созывая пресс-конференции, общаясь с журналистами, лично выступая в прессе, он помог Гитлеру снискать славу мученика во имя Германии.

Однако главной заслугой Ханфштенгля стал его вклад в финансирование деятельности нацистской партии[13]. Выполняя, на первый взгляд, частные поручения нацистского лидера и его приближенных, он совершал многочисленные поездки в Англию и США, возвращаясь оттуда с разного рода «подарками», которые трудно было достать в испытывавшей дефицит Веймарской республике. В их числе были свертки с долларами, которые «Путци» перевозил через границу без таможенного досмотра. Эти деньги собирались преимущественно в США из пожертвований крупных бизнесменов, которым намекали на необходимость поддержать такую перспективную «некоммерческую организацию», как нацистская партия. Они шли не только на развитие дела национал-социализма, но и на содержание самого Гитлера, который к тому времени вошел во вкус обеспеченной жизни, хотя и числился на бумаге в качестве обычного писателя (это помогало уходить от налогов).

Конечно, роль заокеанских финансистов в становлении Гитлера свелась далеко не только к оплате его проживания на комфортабельной вилле или текущих расходов нацистской партии на проведение митингов или издание пропагандистских материалов. Подготовка почвы велась и в более солидных масштабах, причем она продолжалась вплоть до начала Второй мировой войны (а в целом ряде случаев – чуть ли не до ее середины). Рузвельт был прекрасно осведомлен, что та помощь, которую бизнесмены из США оказывали Германии, приводила в первую очередь к укреплению нацистской военной машины. Так, упомянутый У. Доддом концерн «И. Г. Фарбен» в сотрудничестве с «Дженерал Моторс» разрабатывал технологии получения синтетических ве-

[13] *Литвин Г.А.* На развалинах третьего рейха, или маятник войны. М.: Вперед, 1998.

ществ, которые были жизненно необходимы немцам в будущей войне. Наученные опытом 1914–1918 годов, германские генералы понимали, что британский флот перережет каналы поставок натурального сырья из зарубежных источников. Американцев не смущало, что в годы Первой мировой войны немецкий концерн производил не только взрывчатку, но и боевые отравляющие вещества, широко применявшиеся на фронте. Разработки в этой области помогли «И. Г. Фарбен» создать и наладить производства печально известного «Циклона Б» – ядовитого газа на основе синильной кислоты, с помощью которого нацисты уничтожали в газовых камерах узников лагерей смерти.

Широко известна дружба между Гитлером и Г. Фордом, которого фюрер наградил большим крестом ордена Германского орла. Антисемитизм американца, нашедший выражение в его нашумевшей книге «Международное еврейство»[14], стал источником вдохновения не только для фон Шираха, но и для многих других нацистов. Известно, что портрет американского автомобильного магната украшал один из кабинетов в мюнхенской резиденции фюрера. Активная поддержка нацистской партии сослужила хорошую службу и для бизнеса Форда: вплоть до вступления США в войну ни один из его заводов на территории Германии и оккупированной Франции не был национализирован.

Форд был отнюдь не одинок в своих симпатиях к нацизму. Другой видный бизнесмен Т. Уотсон, занимавший пост президента корпорации «АйБиЭм», поддерживал не менее тесные связи с гитлеровским режимом, которые помогли его компании пережить Великую депрессию не меньше, чем поддержка американского правительства. В лице нацистской Германии «АйБиЭм», в то время специализировавшаяся на производстве счетных машин, нашла прекрасный рынок сбыта, позиции на котором американцы укрепили за счет покупки немецкой компании «Дехомаг». Нацисты охотно приобретали американские счетные машины, не скрывая, что они нужны в том числе для учета личных данных узников лагерей смерти. В своей книге «IBM и Холокост: стратегический альянс между нацистской Германией и самой влиятельной корпорацией Америки» современный исследователь Э. Блэк отмечает, что внедрение счетных машин для их использования нацистскими палачами «стало технологическим вызовом, на который компания ответила с леденящим душу успехом… [«АйБиЭм»] предоставила свой персонал и оборудование для разработки, исполнения и технического содействия, в котором гитлеровский Третий рейх нуждался для невиданной ранее задачи – автоматизации уничтожения людей». Э. Блэк утверждает, что американская корпорация поставила нацистам в общей сложности более 2 тысяч вычислительных машин. За это достижение Уотсон также был удостоен ордена Германского орла.

В числе других видных друзей нацистского режима можно назвать уже встречавшегося нам в этой главе медиамагната У. Херста, вложившего немало

[14] *Baldwin N.* Henry Ford and the Jews: The Mass Production Of Hate. Public Affairs, 2002.

средств в создание позитивного образа Гитлера в американском общественном сознании, или руководителя «Дженерал Моторс» Г. Ховарда, написавшего целую книгу о геополитических выгодах союза с нацистами. Дж. Рокфеллер-младший, семья Дюпонов, Э. Меллон и многие другие лидеры американской корпоративной элиты также были замечены в многочисленных деловых и дружеских связях с режимами Гитлера и Муссолини.

Итогом совместной деятельности американских и британских финансистов и промышленников стало приписанное Гитлеру «экономическое чудо». Нацисты смогли не только в полном объеме обеспечить заработком всю многомиллионную армию безработных и поднять уровень жизни, но и ассигновать огромные средства на военные нужды. Огромный и оснащенный по последнему слову техники гитлеровский вермахт смог поставить на колени Европу всего через шесть лет после того, как германские военные начали пересаживаться с фанерных муляжей танков на настоящие боевые машины, в свое время запрещенные им Версалем.

Когда в 1939 году началась Вторая мировая война, Рузвельт уже через два дня после нападения на Польшу поспешил успокоить американцев: «Пусть никто небрежно или лживо не говорит о том, что Америка когда-нибудь пошлет свои армии в Европу. Мы стремимся не допустить войны до наших очагов, не позволим ей прийти. В этом мы имеем исторический прецедент, восходящий ко дням администрации Джорджа Вашингтона… Я надеюсь, что Соединенные Штаты останутся вне войны. Я верю, что это будет так. И я заверяю вас самым решительным образом, что все усилия нашего правительства будут направлены к этой цели»[15]. Эта речь преследовала чисто тактические цели. В ноябре 1940 года должны были состояться президентские выборы, и Рузвельт удивил американцев решением выставить свою кандидатуру на третий срок – беспрецедентное явление в американской истории. В этой ситуации американский лидер с большим успехом для себя разыграл изоляционистскую карту, во всеуслышание пообещав матерям Америки, что не отправит их детей на войну.

Изоляционистские настроения, нараставшие в американском обществе в течение 1930-х годов, многократно усилились после успехов Гитлера в Европе. На американцев произвело очень сильное впечатление, что Третий рейх, казалось, не повторил ни одной ошибки Первой мировой войны: немцам не только блестяще удалось избежать войны на два фронта, но и в считанные недели поставить на колени Францию – государство, которое в предыдущем конфликте четыре года упорно сопротивлялось Германии. Конечно, вступать в схватку с таким противником в США не хотелось никому, тем более что за двадцать межвоенных лет американская армия пришла в плачевное состояние. Это понимали и в Белом доме. Уже после вступления США в войну, в январе 1941 года американский лидер заявлял своим соратникам: «Армия не

[15] *Галин В.* Политэкономия войны. Тупик либерализма. 1919–1939.

должна ориентироваться на агрессивные действия до тех пор, пока она не будет полностью к ним готовой; наш военный курс должен быть консервативным до тех пор, пока наша мощь не будет развернута»[16].

Не стоит забывать, что пока колонны германских танков проезжали под парижской Триумфальной аркой, Соединенные Штаты все еще не оправились от экономической катастрофы 1929 года. Достаточно сказать, что медицинские комиссии отбраковывали более половины рекрутов, которые из-за плохого питания отставали в физическом развитии.

Наконец, изоляционизм в американском обществе подпитывало и то, что многие американцы смотрели на разразившуюся войну, как на очередной колониальный передел мира между европейскими державами. Вскоре после начала боевых действий в Польше Коммунистическая партия США распространила листовки, которые содержали ироническое заявление: «Мы, правительства Великобритании и Соединенных Штатов, от имени Индии, Бирмы, Малайзии, Австралии, Британской Восточной Африки, Британской Гвианы, Гонконга, Сиама, Сингапура, Египта, Палестины, Канады, Новой Зеландии, Северной Ирландии, Шотландии, Уэльса, а также Пуэрто-Рико, Гуама, Филиппин, Гавайев, Аляски и Виргинских островов торжественно заявляем, что данная война не является империалистической»[17].

Вместе с тем Рузвельт как дальновидный политик и стратег понимал, что роль США в разразившейся войне будет по своей важности многократно превосходить их участие в предыдущем всемирном конфликте. Президент не мог не осознавать, что даже без формального объявления войны Америка окажется втянутой в боевые действия, прежде всего в финансово-экономическом отношении, причем ставки повысятся многократно. Решающую роль Америки для формирования единой антигитлеровской коалиции западных стран понимал и ставший в 1939 году премьером Черчилль, который после переизбрания американского лидера сказал ему: «Я молился за ваш успех… Мы вступаем в мрачный период того, что очевидно будет продолжительной и постоянно расширяющейся войной. То, что происходит, будет долго помниться до тех пор, пока по-английски говорят в этом мире»[18].

Для того чтобы реализовать собственную стратегию вовлечения США в войну, американский лидер долго готовил нацию к тому, что его согражданам придется взять в руки оружие, намекая, что лучше это сделать до того, как война придет на территорию страны. К этому аргументу добавлялись еще и моральные соображения, на которые Рузвельт делал особый акцент. Белый дом не желал дожидаться, пока Гитлер завоюет Англию (в те дни это казалось вполне реальным) и США останутся один на один с немцами, итальянцами и японцами. Кроме того, американский пацифизм и изоляционизм начал все

---

[16] *Потапов В.* Сталин. Рефлексия (10 ночей 1941 года). М., 2022.

[17] *Зинн Г.* Народная история США: с 1492 года до наших дней. М., 2014.

[18] *Уткин А.И.* Дипломатия Франклина Рузвельта. Изд-во Урал. ун-та, 1990.

больше приобретать левые черты, что особенно напугало американский истеблишмент. Первым крупным практическим шагом, который был призван подготовить вступление США во Вторую мировую войну, стала материальная помощь Великобритании. Тем самым глава американского государства давал понять, что пришло время начать поставки американского оружия противникам Германии, причем передавать его предлагалось на условиях аренды, рассчитывая на последующее возвращение оружия после войны.

До этого момента помощь англичанам оказывалась по системе «плати и бери» *(cash-and-carry)*, однако всего за год Лондон израсходовал большую часть своих ликвидных средств. Как в предыдущую войну, в ход пошел золотой запас, валютные активы, акции американских предприятий в английской собственности. Однако уже к исходу первого года боевых действий стало очевидно, что такая система неподъемна для британцев, средства которых были уже на исходе. Поэтому, по указанию американского президента, группа экспертов во главе с министром финансов Г. Моргентау произвела тщательный анализ текущего финансово-экономического состояния Британской империи, включая Индию, Канаду, Австралию, Новую Зеландию и ЮАР, на предмет возможности так или иначе возместить в будущем помощь со стороны США. Далее будет показано, в какой форме производилось это возмещение.

В начале 1941 года был одобрен разработанный Моргентау законопроект ПП-1776[19] (ПП – палата представителей, 1776 – год провозглашения независимости США), который положил начало программе ленд-лиза *(Lend-Lease),* первоначально ориентированной на Великобританию и Китай. В марте законопроект был принят в качестве закона, который давал Рузвельту широкие полномочия по организации военных поставок в любую страну, которой Белый дом сочтет нужным помочь, не тратя время на утомительные обсуждения новой инициативы в Конгрессе. Отныне президент мог уполномочить военного или военно-морского министра, а также руководителей других министерств и ведомств производить и передавать, продавать в собственность, обменивать, сдавать в аренду любой «оборонный материал» в пределах 1,3 млрд долларов (25,9 млрд по в ценах 2022 г.). Позднее сумма возросла до 7 млрд, а в итоге общая стоимость поставленных по ленд-лизу товаров составила более 50 млрд долларов.

Закон о ленд-лизе имел ряд особенностей, которые удивили и возмутили многих американцев. Так, многие политики протестовали против чрезвычайных полномочий, которыми акт наделял президента в мирное время. Они утверждали, что тем самым сделан первый шаг на пути к установлению диктатуры. Другие опасались, что теперь американское государство стало на путь подготовки к войне, с которого уже не свернуть. Возражения вызывали и финансовые условия, ведь Вашингтон не настаивал на немедленной оплате, расценивая ленд-лиз как сделку аренды.

[19] Bill H. R. 1776.

Это, конечно, не означало совершенную бескорыстность Белого дома. Точнее говоря, бескорыстной помощью ленд-лиз представлялся лишь стороннему наблюдателю, который не мог знать, что за формулировками закона скрывается сложная сеть секретных договоренностей, оговаривавших, какие дивиденды США получат за помощь. Первые шаги были сделаны еще до официального запуска программы (осенью 1940 года). Незадолго до этого немцы перешли к неограниченной подводной войне, которая придала особую остроту битве за Атлантику. Имея в своем распоряжении удобные базы во Франции, которые не только сокращали и делали более безопасным путь до районов патрулирования, но и обеспечивали поддержку авиации, германские субмарины в считанные месяцы поставили под угрозу все британское судоходство в Атлантическом океане, угрожая полностью перерезать все морские коммуникации, ведущие к Англии. Лишь за четыре месяца (с августа по ноябрь 1940 года) немецкие подлодки потопили 282 судна общим водоизмещением почти полтора миллиона тонн. Сами немецкие моряки окрестили эти месяцы «Счастливыми временами» *(Glückliche Zeit)*.

Особенно критичной для королевского флота была нехватка эскортных кораблей – эсминцев, корветов, шлюпов, – которые могли бы сопровождать конвои и вести противолодочную борьбу. В этих условиях американцы вспомнили о том, что в США на приколе стоит более сотни старых эсминцев, построенных во время предыдущей войны и безнадежно устаревших. Теперь корабли пошли в дело: Рузвельт заключил весьма выгодную сделку, по которой Лондон получал 50 эсминцев, спешно приведенных в порядок, в обмен на передачу американцам в аренду на 99 лет военных баз в восьми британских колониях – на Ньюфаундленде, Бермудских и Багамских островах, Сент-Люсии, Тринидаде, в Британской Гвиане и других колониях. Переданные корабли сами американцы планировали выставить на продажу для разделки на металл по цене около 5 тыс. долларов каждый. Так в годы войны в обмен на проржавевшие корабли общей стоимостью не более 250 тыс. долларов были заложены основы современной глобальной сети американских военных баз. Последовавший позднее в ходе конфликта «переход под защиту» США Гренландии и Исландии еще больше упрочил американские стратегические позиции.

Аналогичным образом оформлялись сделки в рамках ленд-лиза. Танки, самолеты, артиллерийские орудия, боеприпасы, нефть и многое другое шло за океан в обмен на многочисленные уступки британцев, которые касались в том числе послевоенного устройства мира. Шаг за шагом Лондон отказывался от своих исключительных экономических привилегий в той или иной точке земного шара, давая обязательства по окончании войны допустить американский капитал в колонии, уступить те или иные военные базы и многое другое.

Секретные соглашения привели в итоге к тому, что послевоенное урегулирование вопросов, связанных с задолженностью по военным поставкам, прошло на удивление мягко – в разительном контрасте с яростными спорами,

которые развернулись между союзниками в 1919 году. В итоге Лондону был предъявлен счет всего лишь на 650 млн долларов, которые к тому же были удержаны из щедрого займа в размере 4,4 млрд долларов, предоставленного США. Подобное великодушие, конечно, объясняется исключительно тем, что все реальные дивиденды за переданное британцам оружие, боеприпасы и сырье американцы уже получили в таком объеме, что фактически подвели черту под существованием Британской империи. По сути дела, как и предсказывал Черчилль, она была скуплена по частям американцами в ходе Второй мировой войны. О «бескорыстности» Вашингтона стоило бы помнить и сегодняшним получателям военной помощи США, прежде всего на Украине, в отношении которой администрация Байдена запустила собственный закон о ленд-лизе[20].

Программа ленд-лиза внесла огромный вклад в благосостояние американского общества не только вследствие тех материальных и нематериальных выгод, которые были получены в порядке расчета по военным поставкам. Возможно, наибольшее значение имеет то, что именно благодаря ей удалось вывести американскую экономику, которая еще не успела восстановиться после Великой депрессии, на качественно иной уровень. Инвестиции, направленные американским правительством в экономику в период Второй мировой войны, многократно перекрывают объем государственных расходов в период Нового курса. Именно они заложили прочный фундамент для процветания американской экономики в послевоенное время.

Примечательны слова куратора ленд-лиза Э. Стеттиниуса из его книги «Ленд-лиз – оружие победы», вышедшей в 1944 году, когда сам автор занимал пост государственного секретаря США: «Программа ленд-лиза дала заметный толчок развитию производства вооружений в Америке… Помимо косвенного влияния на расширение американской военной промышленности сотни миллионов долларов по программе ленд-лиза еще до Перл-Харбора были вложены в новые заводы, фабрики, верфи и другие объекты, что сыграло немалую роль в развитии наших производительных сил. Эти инвестиции, всего на 900 миллионов долларов, были вложены в экономику 34 из 48 наших штатов, и суммы их колебались от 142 миллионов долларов на военные заводы в Мичигане до 14 000 на производство сухого молока в Северной Дакоте… Новые заводы полностью или частично финансировались также за счет программы ленд-лиза, а производство вооружений для нашей армии и наших союзников позволяло с лихвой окупать затраты на их строительство… На ленд-лизовские средства сооружались доки, пирсы, плавучие краны в американских портах… Благодаря им удалось создать систему военных складов и товарных станций от побережья до побережья…[21]».

---

[20] Так называемый «Закон о ленд-лизе в защиту демократии на Украине от 2022 года» (Ukraine Democracy Defense Lend-Lease Act of 2022).

[21] *Стеттиниус Э.* Ленд-лиз – оружие победы / Пер. с англ. С. Луговского. М.: Вече, 2000.

Как известно, большую помощь в рамках ленд-лиза американцы оказали и СССР после начала Великой Отечественной войны. Вплоть до сегодняшнего дня в работах американских историков прослеживается тенденция считать ленд-лиз едва ли не решающим вкладом в победу Красной армии. Сами соратники Ф. Д. Рузвельта, имевшие непосредственное отношение к программе военных поставок, этой точки зрения не разделяли. К примеру, Г. Хопкинс писал впоследствии «Мы никогда не считали, что наша помощь по ленд-лизу является главным фактором в советской победе над Гитлером на восточном фронте. Она была достигнута героизмом и кровью русских солдат»[22].

В количественном отношении до сих пор нет общепринятых оценок того, какую долю в общем объеме вооружения и боеприпасов, произведенных в Советском Союзе в годы войны, занимали заокеанские поставки. В вышедшей вскоре после войны книге «Военная экономика СССР в период Отечественной войны»[23] председатель Госплана Н. А. Вознесенский оценивал эту цифру примерно в 4%. Анализ показывает, что эта оценка, возможно, несколько занижена, однако даже с существенными поправками в сторону увеличения вклад ленд-лиза в общее военное производство Советского Союза в годы войны едва ли превышает 7%. Таким образом, речь идет о цифре, которой невозможно пренебречь, но которая в то же время вряд ли может считаться решающей.

Стоит учитывать также качество поставленных товаров и организацию процесса поставок. Грубые срывы в отправке военной помощи в СССР допускались в течение всего периода войны, однако особенно часты они были на начальном ее этапе, когда Красная армия как никогда нуждалась в технике и боеприпасах. Не всегда на должном уровне проходила и доставка груза. В переписке с Рузвельтом сам Сталин отмечал, что «танки, артиллерия и авиация приходят в плохой упаковке, на разных кораблях, а самолеты настолько плохо упакованы, что мы получаем их в разбитом виде»[24].

Что касается качества поставлявшегося вооружения, то оно также не всегда было на высоте. Если направлявшиеся в СССР самолеты пользовались популярностью среди советских летчиков (достаточно вспомнить, что прославленный А. И. Покрышкин летал на «Аэрокобре»), то бронетехника и стрелковое оружие приобрели среди фронтовиков дурную славу. У многих солдат и офицеров складывалось впечатление, что американцы используют ленд-лиз, чтобы избавиться от устаревшего оружия. В уже упомянутой переписке Сталин информировал американского президента, что «американские танки очень

---

[22] *Косторниченко В.Н.* Нефть в системе ленд-лиза: нефтяной союз СССР и США в годы Второй мировой войны // Экономическая история.

[23] *Вознесенский Н.* Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М.: Госполитиздат, 1948.

[24] Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1958.

легко горят от снарядов противотанковых ружей»[25]. Средний танк М3 «Ли» («Грант») получил у советских танкистов обозначение БМ-6 – «братская могила на шестерых» – за свою невысокую скорость и посредственную маневренность, которая делала его отличной мишенью. Холодный прием получили в Красной армии и легкие танки М3 «Стюарт» или британский «Черчилль», о котором сам английский премьер отзывался, будто у этого танка еще больше недостатков, чем у него самого.

Не лучше обстояло дело со стрелковым оружием. Когда известный по гангстерским фильмам пистолет-пулемет Томпсона попал на восточный фронт, советские солдаты обнаружили, что это грозное оружие не пробивает даже зимний ватник. Эксплуатация иностранного оружия Красной армией серьезно ограничивалась и тем обстоятельством, что оно требовало соответствующих боеприпасов, которые не выпускались в СССР и также должны были быть поставлены из-за рубежа. Кроме того, техники и инженеры отмечали капризность зарубежного вооружения, нуждавшегося в тщательном уходе в условиях сурового климата.

В целом, среди широкого спектра военной продукции, поставленной Соединенным Штатами в СССР в рамках ленд-лиза, безусловной популярностью среди фронтовиков пользовались автотранспорт, начиная от внедорожников «Виллис» и грузовиков «Студебеккер» и заканчивая полугусеничными бронетранспортерами и специализированными машинами-амфибиями, которые сослужили РККА хорошую службу при форсировании водных преград. Другой популярной среди солдат и офицеров статьей ленд-лиза были продукты, в особенности американская тушенка, которую бойцы иронически называли «Второй фронт».

Наконец, нельзя преуменьшать значение американских поставок комплектующих и стратегического сырья. Значительную ценность для советской экономики имели, к примеру, американский алюминий или каучук. В этом отношении вклад США возможно признать немаловажным, хотя и далеко не решающим. И, конечно, нельзя забывать о том, что американская помощь была исправно оплачена сначала СССР, а потом и Россией, которая произвела последние платежи по ленд-лизу уже в 2006 году. Кстати говоря, в том же году свои долги перед американцами закрыла Канада. Были и другие варианты оплаты. Так, Париж уже в первые годы после войны предпочел сделать ряд торговых уступок Вашингтону взамен на списание задолженности.

Одним из главных механизмов экономического сотрудничества с нацистами в годы войны стал Банк международных расчетов (БМР). Эта структура была создана в 1930 году для обслуживания плана Юнга. В отличие от Великобритании, Франции, Бельгии, Германии и Италии, подключившихся к дея-

[25] Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1958.

тельности банка на государственном уровне, США остались в стороне. Формально, это объяснялось тем, что Вашингтон не имел репарационных претензий к Берлину. Однако это американское место за столом в совете директоров БМР, расположившегося в швейцарском Базеле, не осталось пустым. Его заняли представители «Нэшнл Бэнк оф Нью-Йорк» – флагмана ФРС и одного из главных звеньев финансовой империи Моргана. Более того, с 1930 по 1935 годы посты председателя совета директоров и президента занимали люди Моргана (Г. Макгарра и Л. Фрэзэр), а близкий к американскому магнату Т. Маккитрик был президентом БМР с 1940 по 1946 годы. Вместе с ним в годы войны советом директоров Банка руководил британец О. Нимейер. Таким образом, институтом, который стал одним из главных финансовых инструментов нацистов, руководили выходцы из государств антигитлеровской коалиции.

Во многом стараниями талантливого министра финансов Третьего рейха Я. Шахта Германия активно включилась в работу БМР, вследствие чего позиции немцев в руководстве Банка в самом скором времени стали неоспоримы. Шахт понимал, что БМР является идеальным инструментом для внешнеэкономической деятельности независимо от международной обстановки. Понимая, что рано или поздно Гитлер начнет новую войну, финансист не желал столкнуться с повторением ситуации 1914–1918 годов, когда экономическую изоляцию Берлину приходилось преодолевать окольными методами. С этой целью, в частности, в устав Банка был включен пункт о его неприкосновенности безотносительно складывающейся политической конъюнктуры.

В совете директоров БМР собирались люди не только с общими финансовыми интересами, но и с общей идеологической ориентацией. Конструктивное сотрудничество облегчало то, что заседавшие в руководстве банка представители США, Англии, Франции и Бельгии симпатизировали делу нацизма. Поэтому нет ничего удивительного в том, что БМР самым активным образом защищал финансовые интересы Третьего рейха, не только помогая наращивать военные возможности нацистской державы в мирное время, но и способствуя эффективному ресурсному обеспечению войны.

Когда Гитлер аннексировал Чехословакию, нацисты обнаружили, что руководство страны заблаговременно отправило свой золотой запас на хранение за границу. Конечным пунктом назначения был Банк Англии, промежуточным – БМР. Несмотря на это, нацистам не составило труда вернуть обратно чешское золото в полном объеме. Сделано это было после звонка одного из немецких директоров БМР главе Банка Англии М. Норману, который был большим поклонником фюрера и отнесся с пониманием к его желанию получить обратно причитающееся ему. Нужно, однако, отметить, что решение Нормана не означало, что золото было отправлено назад. Были лишь проведены соответствующие взаиморасчеты, тогда как золото осталось в Лондоне. Тем самым выиграли обе стороны: британцы оставили в своих хранилищах

золото, а нацисты получили возможность в счет этого золота осуществлять необходимые торговые операции.

Позднее подобная схема была применена в отношении золотого запаса Бельгии и Франции (после того, как они были оккупированы немцами). Интересно отметить, что в случае бельгийского золота правительство страны в изгнании подало иск в Верховный суд США против Франции, которая выступила посредником в данной операции. Адвокатом бельгийской стороны, как ни парадоксально, выступил все тот же Дж. Ф. Даллес, который к этому времени вел дела германской «И. Г. Фарбенидустри». В итоге бельгийцы так и не получили свое золото.

Одной из наиболее мрачных деталей в описываемом эпизоде можно назвать то, что часть золота, которая циркулировала в рамках операций между нацистами и американцами, была переплавлена из украшений и зубных коронок, снятых с людей, уничтоженных в гитлеровских лагерях смерти. Вполне возможно, что слитки из этого без преувеличения кровавого золота до сих пор находятся в хранилищах американских банков.

Торговля США с их противниками в годы Второй мировой войны является характерной деталью новейшей истории страны. Как было отмечено в данной главе, американский бизнес, как правило, с ведома или при непосредственном участии правительства поддерживал активное сотрудничество с немецкими нацистами, итальянскими фашистами, испанскими фалангистами. Оно не прекратилось ни после нападения Германии на Польшу, ни после падения Франции, когда вступление США в войну стало еще более вероятным. Удивительно, но торговля с врагом продолжалась даже тогда, когда Гитлер и Муссолини объявили войну Соединенным Штатам Америки.

Иллюстрации к главе 16

Безработные с плакатами
во время Великой депрессии.

The Ford International Weekly

THE DEARBORN INDEPENDENT

Dearborn, Michigan, May 22, 1920

The International Jew:
The World's Problem

Антисемитская статья Г. Форда.

«Премиальная армия» в Вашингтоне.

Момент после убийства Х. Лонга.

Получение Г. Фордом нацистской награды.

Ф. Д. Рузвельт подписывает закон о Ленд-лизе.

Глава 17

США во Второй мировой войне: от Тихого океана до «внутреннего фронта»

Утром 7 декабря 1941 года три с половиной сотни японских самолетов обрушилось на Перл-Харбор – главную базу американского военно-морского флота на Гавайях. Операция, блестяще спланированная и осуществленная выдающимся японским адмиралом Исороку Ямамото, оказалась неожиданностью для американцев, потерявших потопленными четыре линкора и более сотни самолетов. Еще четыре линкора и три крейсера получили значительные повреждения. При атаке погибло до 2 400 человек.

Однако атака на Перл-Харбор не стала полнейшим разгромом американского флота. Безусловно, она явилась тяжелым ударом для американцев, не говоря уже о том, что ее полная неожиданность стала шоком и унижением для всей нации. Однако говорить о том, что японцы буквально одним ударом едва ли не поставили США на колени, не приходится. Поврежденные корабли были достаточно быстро отремонтированы, кроме того, потеря четырех линкоров вряд ли могла считаться невосполнимой для мощной американской промышленности. Сам Ямамото не разделял всеобщего ликования соотечественников и товарищей по оружию, считавших, что флот смог в одночасье лишить противника его ударной мощи. Основная цель – уничтожение американских авианосцев – не была достигнута. Незадолго до атаки корабли покинули базу. Адмирал прекрасно понимал, что какими бы возможностями ни обладали современные линкоры, ключевую роль в борьбе на Тихом океане сыграют именно авианесущие корабли.

В реальности выигрыш США оказался гораздо большим, чем потери. Это был в значительной степени личный выигрыш президента Рузвельта, который, наконец, мог просить Конгресс объявить войну Японии, понимая, что это означает и войну с ее союзниками – Германией и Италией. Волна общенационального гнева, вызванная Перл-Харбором, не оставляла никаких шансов сторонникам изоляционизма. Теперь американцам предстояло воевать до победного конца. Собственно говоря, атака японцев на Перл-Харбор была в такой степени выгодна Рузвельту, который уже не первый месяц изыскивал повод для вступления США в войну, что некоторые историки выдвигают гипотезы о том, что американский президент знал о надвигающейся угрозе, однако умышленно не давал никаких распоряжений[1]. Проводятся параллели между событиями декабря 1941 года и террористическими атаками 11 сентября 2001 года.

[1] *Dallek R.* Pearl Harbor and the "Back Door to War" Theory. Britannica.

Не углубляясь в обсуждение подобной версии, можно тем не менее утверждать, что решение Японии начать боевые действия было вполне предсказуемым. Путь к Перл-Харбору прокладывали сами американцы, которые вводили все новые и новые экономические ограничения в отношении Страны восходящего солнца. В 1941 году командование японской армии, к тому времени уже измотанной бесконечной войной в Китае, решило отрезать противника от путей снабжения с юга. Лучшим решением был захват Индокитая, контролируемого потерпевшей к тому времени поражение Францией. Успешная операция напугала Вашингтон и Лондон, отреагировавших санкциями. Американцы арестовали японские активы и отозвали ранее выданные кредиты, а британцы расторгли три важнейших торговых договора (позднее был денонсирован и американо-японский торговый договор).

Финальной точкой было наложенное Вашингтоном летом 1941 года эмбарго на поставку нефти, которое фактически поставило японцев перед угрозой топливного голода. Это обстоятельство уже в то время отмечали проницательные наблюдатели. Генерал Фуллер в своей истории Второй мировой войны утверждает: «Япония страдала от болезней Запада, поразивших ее до мозга костей. Она не могла избавиться от них и в то же время остаться промышленной страной. Нужно было выбирать одно из двух зол. Оба зла были страшны. Япония решилась избрать наименьшее – войну, а не экономический крах»[2].

Суммируя приведенные факты и доводы, уместно обратиться к оценкам трех американских историков послевоенного времени. Так, Б. Рассет, утверждает: «Японский удар по американской военно-морской базе стал кульминацией в длинном ряду взаимных враждебных акций. Вводя экономические санкции против Японии, Соединенные Штаты предприняли действия, которые, как широко признавалось в Вашингтоне, увеличивали степень военных рисков»[3]. Х. Зинн добавляет: «Оставляя в стороне дикие обвинения, выдвинутые против Ф. Д. Рузвельта (будто он знал о Перл-Харборе и ничего не сказал или будто он умышленно спровоцировал налет – все это бездоказательно), ясно: он сделал то, что до него сделал Джеймс Полк во время войны с Мексикой, а после него – Линдон Джонсон в годы вьетнамской войны, а именно: президент лгал общественности относительно того, что считал верной причиной»[4]. Наконец, Т. Бейли отмечает: «Франклин Рузвельт неоднократно обманывал американский народ в период, предшествовавший Перл-Харбору. …Он уподобился врачу, который должен лгать пациенту для его же блага… потому что массы заведомо недальновидны и в целом не могут увидеть опасность, до тех пор, пока она не схватит их за горло[5]…».

---

[2] *Фуллер Дж.Ф.Ч.* Вторая мировая война 1939–1945 гг. Стратегический и тактический обзор. – М.: Иностранная литература, 1956.

[3] *Зинн Г.* Народная история США: с 1492 года до наших дней. М., 2014.

[4] Там же.

[5] Там же.

Итак, японская атака на Перл-Харбор была событием, вполне ожидаемым для высшего командования Соединенных Штатов, и подлинным шоком для рядовых американцев. Основной удар был нанесен по престижу Америки. По всей стране проходили стихийные митинги с требованием скорейшего отмщения, армейские вербовочные пункты не справлялись с хлынувшим потоком добровольцев. Вступление США в войну потребовало радикальной перестройки американской экономики на модель военного времени. Вскоре после Перл-Харбора Рузвельт направил на утверждение в Конгресс проект военного бюджета, в котором предлагалось ассигновать на военные нужды около 109 млрд долларов – сумму, невиданную в американской истории.

В то же время среди граждан царила определенная нервозность и растерянность. Будучи неспособными оценить масштабы нападения на Гавайи и возможности японцев, граждане США полагали, что за «чудовищным» налетом на главную базу флота может последовать полномасштабное вторжение на западное побережье от Вашингтона до Калифорнии. Американцы не знали, что у императорской армии и флота просто не хватило бы сил на такую дерзкую операцию. Тем не менее власти старательно подогревали атмосферу страха и тревоги, которая была нужна для оправдания «мер военного времени», начиная от массового призыва и выпуска военных облигаций и заканчивая рационированием топлива и продовольствия. Так, в конце февраля 1942 года в Лос-Анджелесе неожиданно была объявлена воздушная тревога, и горожане услышали канонаду – американские зенитные батареи вели огонь по японским самолетам. Всего было выпущено почти полторы тысячи снарядов, которые не достигли цели – ни одного японского самолета в небе над городом не было. Тем не менее на следующий день газеты выпустили сенсационную фотографию, на которой в перекрестии лучей прожекторов якобы был четко виден самолет, разумеется, японский. Эти и подобные «подозрительные» события помогали держать американцев в столь непривычном для них состоянии постоянной физической угрозы – практика, которая была успешно возрождена администрацией Дж. Буша-младшего во время «крестового похода против терроризма». Тем более, что за время войны в Китае сами японцы зарекомендовали себя как жестокие и беспощадные солдаты благодаря таким эпизодам, как резня в Нанкине или соревнования по отрубанию голов самурайским мечом на скорость, проводившиеся японскими офицерами.

Американцам не было известно, что среди командования японских вооруженных сил после атаки на Перл-Харбор царила некоторая растерянность. Японские военачальники не сомневались в своих возможностях одержать верх над британцами или голландцами, однако возможность нанести решительное поражение США казалась призрачной. Они понимали также и то, что экономический потенциал Соединенных Штатов был почти в десять раз выше, чем у Японии. Поэтому идея навязать Вашингтону кабальный мир или тем более высадиться на землю Северной Америки не обсуждалась всерьез среди

военного руководства империи. Единственное преимущество, имевшееся на стороне японцев, заключалось в том, что американская промышленность все еще не была перестроена по военной модели, благодаря чему некоторое время можно было не ожидать решительной контратаки. Эту фору Токио планировал использовать для захвата богатых ресурсов Юго-Восточной Азии, которые помогли бы нанести американцам неприемлемые потери.

Руководствуясь этими соображениями, японская армия и флот продемонстрировали на Тихом океане свой вариант блицкрига. Одновременно с атакой на Гавайи началась операция против Филиппин, которые, будучи формально независимыми, фактически являлись американской колонией. Эмиссаром Вашингтона на Филиппинах являлся генерал Макартур, который формально числился на службе в местной армии в звании фельдмаршала, параллельно командуя расквартированными на островах американскими частями. Оборона Филиппин продемонстрировала скорее исключительное личное мужество американских солдат и офицеров, чем искусство генералов. В начале мая 1942 года остатки американских и филиппинских войск общей численностью более 100 тысяч человек сдались в плен. Макартура среди них не оказалось, он успел на самолете эвакуироваться в Австралию. Его заместитель генерал-майор Дж. Уэйнрайт стал самым высокопоставленным американским военным, попавшим в плен во время войны[6].

Параллельно с боями на Филиппинах японцы наращивали темпы наступления в Малайе, где им безуспешно сопротивлялись британские войска. В эти дни японцы потрясли весь мир, когда их авиация в считанные минуты практически без потерь расправилась с двумя мощнейшими кораблями королевского флота – линкором «Принц Уэллльский» и линейным крейсером «Рипалс». В конечном итоге британцы отступили в Сингапур, представлявший собой мощную крепость, которую можно было оборонять достаточно долго. Тем не менее, к удивлению самих японцев, всего через неделю боев британский командующий А. Персиваль капитулировал вместе с 80 тысячами солдат, что стало крупнейшей капитуляцией в истории британской армии. Сам же генерал Персиваль разделил печальное достижение Уэйнрайта.

Ярким эпизодом японского блицкрига стал захват Нидерландской Ост-Индии (ныне Индонезия), завершенный к 1 марта 1942 года. Нидерландские колонии имели для Японии особо важное значение, поскольку именно там находились богатые месторождения столь необходимой для японцев нефти, а также олова и каучука. Потопив в Яванском море и Зондском проливе голландские, английские и американские крейсера, пытавшиеся сорвать высадку десанта, японцы продвинулась вплоть до острова Папуа-Новая Гвинея, поставив под угрозу южный плацдарм союзников – Австралию. Не лучше обстояли дела и на северо-западе, где с захватом Бирмы была создана непосредственная угроза британской Индии. Налеты японской авиации на австралийский Дар-

[6] Routledge Library Editions: World War II in Asia, 2015.

вин и успешный рейд в Индийский океан, где атаке японского флота подвергся Цейлон, стали зримым подтверждением этому.

Единственным военным достижением США в первые месяцы 1942 года стал рейд шестнадцати бомбардировщиков под командованием полковника Дж. Дуллитла на Токио. И хотя эта операция дала определенный моральный результат (бомбы упали на японскую столицу), сама по себе она мало что значила, поскольку возможностей для атак против японской метрополии у американцев не было. Рейд Дуллитла был произведен при помощи авианосца, на который с большим трудом погрузили тяжелые бомбардировщики. Очевидно, что для масштабных атак против Японии требовался захват островов, которые можно было бы использовать в качестве авиабаз[7].

Тем не менее определенное улучшение ситуации на Тихом океане наметилось уже в середине 1942 года, еще до того, как военная экономика США развернулась в полную силу. В мае японский флот попытался захватить Порт-Морсби – главный порт Новой Гвинеи. Если бы эта попытка удалась, то была бы создана непосредственная угроза Австралии. Тем не менее во время сражения в Коралловом море – первом столкновении флотов, где корабли противников не имели визуального контакта, действуя исключительно силами авиации, – американскому флоту удалось остановить японцев.

Менее чем через месяц произошло сражение у атолла Мидуэй, находящегося на полпути к Перл-Харбору. Главнокомандующему американским флотом адмиралу Нимицу, его штабу и разведке удалось правильно разгадать замыслы адмирала Ямамото и привести американцев к победе. Удача тоже была на стороне американцев. Несколько раз их самолеты по чистой случайности обнаруживали японцев, тогда как японский разведчик не смог вовремя сообщить об обнаружении американских кораблей из-за поломки радиостанции. В итоге ВМС США добился полной победы, уничтожив все четыре авианосца, с которыми Ямамото начинал сражение, потеряв лишь один свой. Победа у Мидуэя ознаменовала перелом в войне на Тихом океане, позволив американскому флоту развернуть в 1942–1943 годах наступление на важнейшие острова в Тихом океане, которые можно было использовать как плацдармы для дальнейшего продвижения вперед (стратегия «прыжков по островам»). Важным преимуществом американцев было относительное единство в руководстве боевыми действиями, тогда как японские вооруженные силы вплоть до конца войны раздирались противоречиями между сухопутными войсками и военно-морским флотом. Кроме того, на войну теперь работала вся мощная американская экономика, тогда как Япония не могла даже приблизиться к американским темпам. Японцам удавалось топить меньше американских кораблей, чем их спускалось на воду.

Если на момент атаки на Перл-Харбор 6 тяжелым и 3 легким авианосцам американцы могли противопоставить лишь 2 подобных корабля, то уже летом

[7] Ibid.

1944 года против 3 тяжелых и 6 легких авианосцев императорского флота воевало 7 тяжелых и 8 легких американских авианесущих кораблей. К апрелю 1945 года, когда японский флот фактически перестал существовать, боевой состав американского ВМС на Тихом океане включал 20 тяжелых, 8 легких и 64 эскортных авианосца, не говоря о 25 линкорах и 57 тяжелых и легких крейсерах. К этому моменту ВМС США уже далеко превосходил любые военно-морские силы на земном шаре[8].

Массовое производство, основанное на стандартизации, механизации и взаимозаменяемости, стало залогом американской победы не только в области производства оружия, но и в части подготовки личного состава. Если японцы изначально сделали ставку на углубленную подготовку ограниченного числа летчиков, то стратегия американцев предусматривала массовое, хотя и достаточно поверхностное обучение пилотов. На первом этапе войны это обеспечило безусловное преимущество японской авиации. В условиях, когда целые эскадрильи состояли если не из асов, то почти поголовно из выдающихся профессионалов, американцам было исключительно трудно оспаривать господство японцев в воздухе, что обусловило тяжелые потери. Однако даже те относительно небольшие потери, которые несли японцы в этих боях, были трудно восполнимы, тогда как на замену одному погибшему американскому пилоту всегда были готовы встать все новые и новые летчики. В итоге к последнему периоду войну японский флот фактически остался без подготовленных боевых пилотов, тогда как на стороне их противника сражались десятки тысяч уже достаточно квалифицированных авиаторов. В конечном итоге японские адмиралы пришли к идее программ ускоренной подготовки кадров для авиации лишь тогда, когда условия войны позволяли организовать лишь самую экстремальную форму такого обучения – подготовку камикадзе, от которых требовалось лишь умение поднять самолет в воздух и совершить несколько элементарных маневров. Увлеченные идеей поднять «божественный ветер» (так переводится слово «камикадзе»), первые самоубийственные атаки возглавляли вполне подготовленные авиаторы, которые своим безрассудным героизмом окончательно уничтожили японский кадровый потенциал.

Промышленное превосходство американцев оказало огромное воздействие и на боевые действия в Атлантике. После наиболее тяжелого периода 1941–1942 годов, когда в определенные моменты казалось, что немцам удалось окончательно перерезать морское сообщение между США и Великобританией, наступил перелом и на этом направлении. Отчасти это было связано с техническими новшествами союзников, создавших эффективные гидролокаторы и бомбометы, отчасти – с успехом разведки и криптографов, которым удалось расшифровать коды к шифровальной машине «Энигма». Однако основная стратегия победы оставалась прежней – спускать на воду корабли быстрее, чем противник успевал их топить. Главным оружием американцев стали гру-

[8] Costello J. The Pacific War: 1941-1945. Harper, 2009.

зовые суда «Либерти», производство которых в 1941–1942 годах наладил на своих верфях известный промышленник Г. Кайзер. Под его руководством был внедрен ряд радикальных усовершенствований (сварка вместо клепания, тонковолокнистая сталь, модульная технология), позволивших сделать производственный процесс настолько простым, что «Либерти» могли собирать женщины, а на постройку одного судна уходило около 42 суток (хотя ставились и такие рекорды, как спуск на воду через 110 часов после закладки). В среднем в годы войны спускалось порядка трех единиц таких судов в день. И хотя некоторые из них разламывались пополам в условиях сильного волнения или мороза, с американских стапелей сошло 2710 таких судов общим водоизмещением более 39 млн тонн. Для сравнения: совокупный тоннаж торгового флота, уничтоженного за весь период войны, включая все воюющие стороны и нейтральные государства, составил около 21 млн тонн. Разумеется, с армадами «Либерти» не могли справиться не только немецкие субмарины, но и никакие военно-морские силы в мире[9].

Наряду с войной в воздухе и на море, а также мобилизацией экономики, американцы вели войну и на «внутреннем фронте». Как это нередко случалось в американской истории, «Страна свободы» в очередной раз пустила в ход откровенно антидемократические методы.

Следует отметить, что расизм и нетерпимость, которые сегодня так шокируют западные общества, были заурядным явлением в государствах, считавшихся в межвоенные годы авангардом демократии. В Великобритании расизм был фактически возведен в ранг государственной идеологии и выражался в исключительном пренебрежении потребностями и интересами колониальных народов на том основании, что «британец лучше знает нужды империи». Предвоенная Франция, в особенности ее правящие круги, были пропитаны антисемитизмом. Массовая выдача правительством Виши евреев для их отправки в лагеря смерти была не столько проявлением желания угодить нацистам, сколько самостоятельной инициативой.

На этом фоне американские историки с удовольствием описывают, как Соединенные Штаты несли свободу угнетенным народам Европы и Азии, освобождали узников концлагерей, восстанавливали в правах целые нации, вершили суровый суд над преступниками. Однако при этом часто забывают, что расизм, порой в самых жестких и абсурдных формах, проявлялся во Вторую мировую войну в самом американском обществе.

Сразу после японской атаки на Перл-Харбор всю страну захлестнула волна антияпонской истерии, вскоре поддержанная властями. Распространились слухи, что атака на Перл-Харбор стала настолько эффективной лишь благодаря деятельности шпионов из местного населения – на одних только Гавайях насчитывалось более 150 тысяч японцев. Истерию нагнетали газеты и журналы, которые писали, что японские фермеры только ждут приказа из Токио,

[9] Ibid.

чтобы отправить на рынок отравленные продукты, японские инженеры уже готовятся уничтожить важнейшие объекты промышленности, врачей и ученых японского происхождения подозревали в намерении заразить водопровод бактериями чумы и холеры, иными словами, страхи американцев приобретали поистине средневековый характер[10].

На фоне этих опасений выдвигались идеи решить «японский вопрос» самым радикальным образом. Так, один из членов Конгресса заявил: «Я за то, чтобы собрать всех японцев, живущих в Америке, на Аляске и на Гавайях, и поместить их в концентрационные лагеря. …Да будут они прокляты! Давайте избавимся от них!»[11]. И действительно, «ответные» меры правительства не заставили себя ждать. В феврале 1942 года президент подписал указ, который позволял военным властям по своему усмотрению (то есть без судебного ордера) арестовывать и помещать в концентрационные лагеря любых лиц японского происхождения. Около 110 тысяч американских японцев (более 80 тысяч из них были гражданами США) отправились в лагеря, где они провели большую часть войны без элементарных бытовых удобств, занимаясь почти бесплатной изнурительной работой, больше напоминавшей каторгу. При этом свидетельств о какой-либо масштабной подрывной деятельности «пятой колонны» на территории США до сих пор не имеется.

Для того чтобы понимать атмосферу всеобщей антияпонской истерии, которая охватила американское общество после атаки на Гавайи, нужно помнить, в какой степени расизм был укоренен в сознании американцев того времени как в повседневной жизни, так и на идеологическом уровне. После афроамериканцев и индейцев азиаты являлись излюбленными мишенями для расистов в США. Бытовая сегрегация, погромы, дискриминация на законодательном уровне – все это было вполне обычным явлением в межвоенные годы в отношении азиатов ничуть не меньше, чем в отношении чернокожих. Вполне понятно, что, когда Япония напала на Соединенные Штаты, ни пропаганда, ни политики не могли удержаться от соблазна набрать политических очков за счет дальнейшего раскручивания мифологии «желтой угрозы». Для американца военной поры образ врага значительно отличался в зависимости от того, о ком шла речь. Наиболее заметно это различие проводилось даже не в выступлениях политиков, а в карикатурах, мультфильмах и прочих пропагандистских материалах. Немцы, к примеру, считались стоящими выше других противников Америки. Для американцев немец, хотя и являлся врагом, оставался человеком, причем большинство жителей «Страны свободы» охотно готовы были принять мысль о существовании «хороших немцев». Безусловно, полагали они, существует нацистская верхушка из закоренелых преступников, которых нужно уничтожить, однако нет необходимости расправляться со всеми немцами. Соответственно, немцы изображались пропагандистами в

[10] Racism in Anti-Japanese Propaganda. History.navy.mil.

[11] *Зинн Г.* Народная история США: с 1492 года до наших дней. М., 2014.

неприглядном, часто откровенно злодейском, однако все же человеческом облике

В совсем ином свете граждане США воспринимали японцев. Сама мысль о том, что могут быть «хорошие японцы», казалась глубоко абсурдной. В понимании американцев японцы поголовно были жестокими, вероломными, подлыми и бездушными слугами военщины, управляемой императором Хирохито, который почитался как божество. Это обусловливало взгляд на японцев как на безликую массу. Жители страны Восходящего солнца для многих граждан США вообще не принадлежали к роду человеческому, больше напоминая животных или даже насекомых. На военных карикатурах их рисовали в виде крыс, клопов, тараканов, которые под покровом ночи нападают на мирных жителей, но трусливо бегут при малейшем намеке на вооруженный отпор. Преувеличенно узкие глаза, огромные зубы и желтизна кожи дополняли неприглядный портрет.

Неудивительно, что после такой идеологической обработки, которая к тому же ложилась на благодатную почву, ненависть к врагу становилась поистине всенародной. В американских пропагандистских фильмах того времени, к примеру, демонстрируется, как американские летчики расстреливают моряков, спасающихся в шлюпках с тонущего судна. Те же самые деяния, если их совершали немцы, вызывали гнев американцев, однако в отношении японцев это казалось вполне нормальным. Поэтому, когда японские города стали очередными жертвами американских стратегических бомбардировок, а Хиросиму и Нагасаки испепелили ядерные взрывы, это встретило мало сочувствия среди американцев.

В ходе войны на Тихом океане в 1941–1945 годах американцы практиковали зверства по отношению к пленным. Популярным в те годы сувениром, которые военнослужащие отправляли домой, были черепа, кости, зубы японских солдат (пленных нередко убивали с этой целью). На обложке одного из номеров журнала «Лайф» за 1943 год изображена невеста одного из американских летчиков, позирующая с черепом японца, который прислал ей жених в качестве сувенира.

Подобное отношение не мешало призывать граждан японского происхождения на военную службу. В 1944 г. в преддверии высадки в Италии американское командование сформировало из них 442-й пехотный полк. Примечательно, что он набирался в том числе и в лагерях для интернированных лиц, где содержались заведомо «подозрительные» японцы. Полковой девиз, гласивший «Ляг костьми» *(Go for Broke)*, эта часть полностью оправдала: более чем за год ожесточенных боев в Италии и во Франции 442-й полк снискал громкую славу и заслужил уважение среди товарищей по оружию. Из 14 000 солдат и офицеров, служивших в его рядах во время войны, почти 9,5 тысяч удостоились «Пурпурного сердца», – медали вручаемой погибшим или раненным в бою. 100-й пехотный батальон, на базе которого полк был развернут, стал ре-

кордсменом по числу обладателей этой награды в американской армии, заслужив прозвище «Батальон пурпурных сердец». Помимо этого, 21 военнослужащий 442-го полка получил высшую военную награду США – Медаль почета. Таким образом, несмотря на унижения и страдания, пережитые в США, выходцы из Японии на поле боя доказали свою лояльность новой родине[12].

Итак, в то время пока официальная пропаганда рассказывала американцам о борьбе за свободу всего человечества, которую вела их страна, в самих Соединенных Штатах процветали расовые предрассудки и откровенная дискриминация, которая иногда приобретала формы, достойные Третьего рейха. Особенно ярко эти явления наблюдались в отношении чернокожих американцев. Престиж военной службы среди афроамериканцев и их желание сражаться за страну, в которой они каждый день сталкивались с откровенной ненавистью и насилием, оставляли желать лучшего. Флот принимал чернокожих матросов лишь в качестве уборщиков или коков, а американский Красный Крест отказывался брать кровь у доноров-афроамериканцев. Что касается сухопутных войск, то чернокожие служили там преимущественно в отдельных взводах под командованием белых офицеров, которые начали осторожно пытаться интегрировать в состав белых рот уже после высадки в Нормандии.

Серьезным аргументом, который выдвигали сторонники расовой дискриминации в армии, была неграмотность чернокожего населения. Конечно, крайне низкий уровень образования среди цветных не был тайной и до войны, однако первые же широкомасштабные мобилизационные мероприятия выявили, что на одного неграмотного белого призывника приходится двое неграмотных афроамериканцев. Разумеется, никаких серьезных функций в армии, и в особенности в военно-морском флоте, такие рекруты выполнять не могли. Таким образом, расовая дискриминация подпитывала сама себя: сперва ограничивая доступ чернокожих к образованию, а после, используя их неграмотность в качестве предлога для дальнейшей дискриминации.

И все же, несмотря на эти постыдные явления, Вторая мировая война внесла неоценимый вклад в преодоление бесправного положения чернокожего населения Соединенных Штатов. Когда в декабре 1944 года немцы нанесли в Арденнах мощный контрудар по англо-американским силам и вынудили их отступать, командование армии США больше беспокоило пополнение частей, нежели их расовая однородность. Именно в этот период белые и чернокожие американцы начали сражаться плечом к плечу. Примечательно, что среди проблем военного времени руководство вооруженных сил США уделило внимание и этому аспекту, организовав среди военнослужащих масштабный опрос, посвященный их отношению к цветным солдатам. Как оказалось, мужество и героизм, проявленный чернокожими американцами в боях с солдатами вермахта, заставил многих белых солдат резко поменять мнение о них в лучшую сторону.

[12] Costello J. The Pacific War: 1941-1945. Harper, 2009.

Немалым достижением явилась военная деятельность летчиков Таскиги – группы чернокожих добровольцев из числа студентов университета одноименного города, добившихся своего зачисления в ряды военно-воздушных сил США. Они составили ядро афроамериканского летного контингента, из которого была сформирована одна истребительная и одна бомбардировочная эскадрилья, доблестно воевавшие в Европе. В рядах этих подразделений служило более 900 пилотов, из которых почти каждый десятый погиб в бою или авиационном происшествии. Большинство из них удостоилось боевых наград, в том числе престижного Креста за выдающиеся летные заслуги, обладателями которого стали 95 летчиков Таскиги. Один из них, капитан У. Кэмпбелл, удостоился этой награды дважды.

Примечательно, что в рядах чернокожих пилотов воевал Б. Дэвис-младший, который в 1954 году станет первым генералом-афроамериканцем в ВВС США. Его отец, Б. Дэвис-старший, в 1940 году стал первым чернокожим генералом американской армии. Для этого потребовалось ровно три четверти века с момента принятия тринадцатой поправки, дававшей свободу афроамериканским рабам. Таким образом, Вторая мировая война продемонстрировала, что американское общество все еще находится во власти расовых предрассудков, которые мешают построению полноценной демократии, необходимой в том числе для того, чтобы сделать войну с немецким нацизмом и японским милитаризмом поистине общенародной[13].

Одним из наиболее спорных и неоднозначных эпизодов участия США и Англии во Второй мировой войне являются стратегические бомбардировки Германии и Японии. Еще в годы войны начались ожесточенные споры о целесообразности воздушной войны против мирного населения и о том, способна ли такая стратегия приблизить победу или же она является проявлением варварства, направленным на запугивание противника. Вплоть до сегодняшнего дня нет однозначных оценок не только значения бомбардировок, но и их экономического эффекта, и в особенности численности и состава их жертв. Одни считают, что стратегические бомбардировки были бессмысленным убийством ни в чем не повинных немцев и японцев, а в равной степени – ничем не оправданной тратой жизней английских и американских летчиков и самолетов, которые могли бы быть использованы против вооруженных сил противника. Для тех, кто рассуждает таким образом, высшее командование американских и британских военно-воздушных сил, а в равной степени и военно-политическое руководство обеих стран, одобрившее стратегию воздушной войны, должно быть поставлено в один ряд с наиболее одиозными нацистскими во-

[13] Безусловно, победа во Второй мировой войне не означала победу над расовой дискриминацией и сегрегацией ни в американской армии, ни в американском обществе. Однако те достижения, которых добились в ходе войны небелые американцы, и те боевые подвиги, которые они совершили на полях сражений, заложили очередной камень в фундамент расового равноправия в США. Впрочем, как мы увидим в четвертом разделе, проблемы расового неравноправия в Америке в полной мере не преодолены и по сей день.

енными преступниками. Нужно отметить, что в этом лагере можно найти и вполне авторитетных военачальников, политиков и интеллектуалов, таких как генерал Фуллер, который утверждал, что союзники вели «войну на опустошение и террор, небывалую со времен вторжения сельджуков»[14].

Сторонники противоположной точки зрения доказывают, что бомбардировки значительно приблизили победу и сохранили десятки тысяч солдатских жизней, поскольку с их помощью был нанесен такой удар по нацистской военной промышленности, что гитлеровские армии в буквальном смысле остались без оружия, боеприпасов, топлива и продовольствия. Те, кто придерживается данной теории, склонны оправдывать даже налеты на мирные города, утверждая, что тем самым был значительно подорван моральный дух немецкой армии, солдаты которой не могли эффективно сражаться на фронте, зная, что их родственники в тылу погибают под бомбами. Для приверженцев подобной точки зрения организаторы бомбардировок Германии и Японии являются если и не героями, то в любом случае дальновидными стратегами, обеспечившими победу относительно невысокой ценой.

Практически сразу после начала активных боевых действий в Европе у военно-политического руководства Англии появилась идея «выбомбить» Германию из войны. Первые крупные налеты англичан не имели практически никакого военного значения. Немцы называли их «атаками по Беддекеру» (по имени автора туристического путеводителя), имея в виду, что объектами действий англичан становятся прежде всего центры культурного наследия. Выбор цели был обусловлен этими соображениями: скажем, Любек и Росток были старинными городами, в которых прослеживалось явное деление на исторический центр с капитальной каменной застройкой и остальные кварталы, в которых риск пожаров, смазывающих последующую оценку налетов, был выше. Таким образом, старинные ганзейские города с бесценными культурными памятниками были избраны британским командованием для отработки варварской тактики ковровых бомбардировок. Подлинным вандализмом стало, к примеру, разрушение любекского собора, который был возведен еще в начале XII столетия. Его гибель стала потерей не меньшей, чем уничтожение немцами собора в британском Ковентри.

В январе 1943 года на конференции в Касабланке Рузвельт и Черчилль договорились начать совместную воздушную войну против Германии. Директива англо-американскому бомбардировочному командованию, которое теперь базировалось в Британии, гласила: «Вашей первоочередной целью будет все большее разрушение и расстройство военной, промышленной и экономической системы Германии, подрыв морального состояния народа до такой степени, чтобы его способность к вооруженному сопротивлению была серьезно ослаблена».

---

[14] *Фуллер Дж.Ф.Ч.* Вторая мировая война 1939–1945 гг. Стратегический и тактический обзор. М.: Иностранная литература, 1956.

На первых порах бомбардировочное командование союзников действительно следовало этой директиве. В первой половине 1943 года основное внимание было сосредоточено на уничтожении промышленных объектов Рура, а также плотин, разрушение которых могло бы лишить немцев источников электроэнергии и парализовать внутреннее водное сообщение. Эти налеты могли проводиться лишь днем, поскольку при существовавшем в то время навигационном оборудовании найти ночью нужный завод или фабрику было практически невозможно. Однако дневные действия без прикрытия дальних истребителей, которых у англичан не было, представлялись крайне опасными. Города же являлись прекрасными объекты для ночных налетов.

Уже в начале июня Черчилль, которого не устроили ограниченные цели операций, заявил в палате общин, что не только объекты промышленности, но и германские города «будут подвергаться такому огромному, непрерывному и жестокому испытанию, какое не переживала еще ни одна страна». Одновременно командовавшему бомбардировщиками маршалу Харрису была предоставлена полная свобода действий: фактически теперь он мог по своему усмотрению уничтожать любой город с населением свыше 100 тысяч человек.

Харрис не заставил ждать результатов, спланировав операцию «Гоморра», целью которой стал Гамбург. С 24 июля по 2 августа более 3 тыс. бомбардировщиков союзников практически безостановочно бомбили город, на который обрушилось 10 тысяч тонн бомб. Это была принципиально новая тактика, в результате которой удалось добиться ужасающего результата: разрозненные пожары слились в единый огненный шторм, не только уничтожавший город, но и заставлявший население покидать бомбоубежища в тщетной попытке найти спасение на улице. Те, кто предпочитал оставаться в укрытии, погибали от воздействия продуктов горения и ядовитых газов. Очевидцы рассказывали, что от высокой температуры расправлялся не только асфальт, но и стекла. Сами летчики вспоминали, что удушливый дым проникал даже в кабины. Вот как описывал это явление очевидец: «Когда пламя прорвалось сквозь крыши множества зданий, возник столб раскаленного воздуха. Он поднялся на высоту более 2,5 миль и имел диаметр, как оценивалось в самолете, летевшем над Гамбургом, 1 – 1,5 мили. Этот воздушный столб находился в бешеном движении; его питал стремительный приток более холодного воздуха у основания. В 1 – 1,5 мили от пожара эта тяга воздуха увеличила силу ветра с 11 до 33 миль в час. У границ площади, охваченной пожаром, скорость воздуха, по-видимому, была еще больше, так как там были вырваны с корнем деревья диаметром 3 фута. Температура быстро достигла точки воспламенения любых горючих материалов, и вся зона пылала. Выгорело все без остатка. Не осталось и следа от всего, что могло гореть. Только через два дня можно было приблизиться к зоне пожаров»[15].

[15] *Фуллер Дж.Ф.Ч.* Вторая мировая война 1939-1945 гг. Стратегический и тактический обзор. М.: Иностранная литература, 1956.

Итогом действий союзников стала гибель более 30 тысяч человек, что составило 60% от общей численности жертв бомбардировок города за всю войну. Более 900 тысяч жителей лишилось жилья и бежало из города. На первый взгляд, единственным чудом в разыгравшейся трагедии стало то, что абсолютно нетронутым оказался бесценный Кельнский собор – шедевр готической архитектуры. Однако в реальности его сохранность объяснялась лишь тем, что летчики отказались от мысли уничтожить это сооружение, чтобы сохранить хороший ориентир для последующих бомбардировок. Налет на Гамбург, который Фуллер в своей истории Второй мировой войны назвал «ужасным истреблением людей, которое опозорило бы самого Аттилу»[16], был с восторгом воспринят Лондоном. Примечательно, что даже многие видные деятели англиканской церкви выступили в защиту этой варварской акции.

Вскоре американская авиация, которая над Гамбургом действовала вместе с англичанами, начала отрабатывать самостоятельные рейды. Первый крупный налет был совершен на Швайнфурт и Регенсбург, где производились подшипники и авиазапчасти. Казалось, немцы мало что могут противопоставить 363 «Летающим крепостям», которые не только отличались исключительной живучестью, но и были оснащены двенадцатью пулеметами. Несмотря на это, потери оказались катастрофическими – 60 бомбардировщиков (16,5%), – что на время заставило американцев отказаться от налетов без истребительного сопровождения.

Тем временем Харрис планировал серию налетов на Берлин, которые начались в ноябре и продолжались до марта следующего года. Столица Третьего рейха имела особое значение для британского руководства. Один из ближайших помощников Рузвельта – Г. Хопкинс в своем дневнике метко назвал город «вторым Карфагеном». Налеты на Берлин начались еще на первом этапе войны – до «битвы за Англию» британцы успели семь раз бомбить этот город. Теперь же они и их американские союзники взялись за дело более основательно. В ходе воздушной «битвы за Берлин» было произведено 16 налетов, в результате которых на город упало около 50 тысяч тонн бомб. Если раньше для уменьшения потерь предпринимались исключительно ночные налеты со всеми соответствующими неудобствами для навигации и прицеливания, то с появлением у союзников дальних истребителей «Мустанг», которые были способны сопровождать бомбардировщики, начались дневные рейды. И хотя в Берлине в силу особенностей местного климата и городской застройки (широкие улицы, капитальная каменная архитектура) не наблюдался «огненный шторм», жертвы были значительны – до 50 тысяч человек погибшими. Город покинуло более миллиона беженцев. Половина всех зданий была разрушена. В тяжелые дни союзных бомбардировок в Берлине большой популярностью пользовалась характерная шутка: «Кого в наши дни можно считать трусом? – Берлинца, который ушел добровольцем на фронт».

16 Там же.

К началу 1944 года стратегия и тактика воздушной войны против Германии была отработана в совершенстве. Армады американских бомбардировщиков, летевшие в плотном строю под защитой мощных истребителей «Мустанг» и «Тандерболт», снабженные радиолокационными станциями и новейшими средствами навигации и наведения на цель, могли совершать налет на любой объект в Третьем рейхе. У союзников появились также особые сверхмощные бомбы – «блокбастеры», получившие такое название из-за своей способности уничтожить целый квартал. Вскоре англо-американское командование столкнулось с неожиданной проблемой: самолетов и пилотов стало так много, что для них уже не было работы. Это обстоятельство стало еще одним стимулом к бездумному уничтожению всего, что только можно было уничтожить, лишь для того, чтобы летчики не остались без дела. О частоте бомбардировок говорит хотя бы тот факт, что в Кельне за всю войну, длившуюся 2076 дней, воздушная тревога объявлялась 2200 раз. В каждом девятом случае она оканчивалась налетом. Рейды союзников на немецкие города ближе к концу войны проводились такими огромными силами, что пилоты бомбардировщиков больше опасались быть задетыми бомбами с соседних самолетов, чем огнем противника.

В Лондоне и Вашингтоне целая плеяда экономистов работала над выбором целей. Они анализировали слабые места немецкой военной промышленности, а также пытались решить проблему распределения усилий между бомбардировками промышленных и гражданских объектов. Перед ними стояла задача решить, сколько мирных жителей нужно убить для того, чтобы эффективно подорвать моральный дух немецкого общества, и сколько заводов уничтожить для подрыва экономики Третьего рейха. Несмотря на приложенные усилия, эти задачи решались не лучшим образом. К примеру, проведенные после войны официальные исследования установили, что в течение всего периода боевых действий в Германии функционировал лишь один завод по производству дибромэтана, который является важным компонентом авиационного топлива. За всю войну ни одна бомба на этот завод не упала, тогда как многие третьестепенные цели атаковались по несколько раз. К примеру, был полностью (на 97%) уничтожен маленький город Юлих, который привлек внимание союзного командования своей заброшенной цитаделью XVIII века, которую якобы мог использовать вермахт.

В тех случаях, когда атаку на основную цель по тем или иным причинам произвести не удавалось, авиация «разгружалась» на любой удобный населенный пункт, не исключая даже самых захолустных городов, не имевших абсолютно никакого военного значения.

В свою очередь, возможности люфтваффе по противовоздушной обороне Германии стремительно сокращались. Основной проблемой была нехватка квалифицированных пилотов, большая часть из которых сражалась с советскими летчиками на Восточном фронте. Те же новички, которые выпускались

из летных школ в то время, вряд ли могли обеспечить перелом в ходе воздушной войны. Несмотря на то, что плотный строй бомбардировщиков, не имеющих возможность маневрировать, первоначально представлялся легкой целью, борьба с ними оказалась чрезвычайно трудной задачей. Достаточно сказать, что для эффективной атаки на «Летающую крепость» истребителю требовалось сблизиться с ней на 500 метров, тогда как стрелки бомбардировщика открывали огонь из двенадцати пулеметов с вдвое большей дистанции. В свою очередь, для того чтобы поразить такой бомбардировщик, среднему немецкому пилоту требовалось израсходовать больше боеприпасов, чем имелось на борту его истребителя. Поэтому те потери, которые на первых порах несли американские самолеты, приходились преимущественно на немецкую зенитную артиллерию.

Однако наземная противовоздушная оборона немецких городов также слабела по мере развития боевых действий. Нужды фронта заставляли снимать с позиций современные зенитные орудия, прожекторы, акустическое оборудование и вместе с расчетами отправлять их на передовую. Их место занимали устаревшие орудия, которые обслуживались слабо обученными расчетами, состоявшими часто из подростков, женщин и даже военнопленных. Разумеется, нельзя было ожидать, что такие артиллеристы смогут отразить налет тысяч «Летающих крепостей». Их работа свелась в основном к поддержанию морального духа горожан, которые, слыша канонаду, могли тешить себя надеждой, что их пытаются защитить.

Все более жестокие и разрушительные налеты, конечно, заставляли немцев совершенствовать свою противовоздушную оборону. В этой области на заключительном этапе войны они создали поистине блестящие разработки, во многом опередившие время, включая первый массовый реактивный истребитель «Мессершмитт-262» и первые образцы зенитных ракет. Однако эти инновации уже не были способны изменить ход воздушной войны, как не способно было изменить его и «чудо-оружие», которым гитлеровская пропаганда окрестила ракеты «Фау-1» и «Фау-2». Атаки с их помощью на Англию были не более осмысленны и целесообразны, чем разрушение городов англо-американской авиацией, однако сильно проигрывали им в эффективности. Так, жертвами «Фау» в Британии стали около 34 тысяч человек (из них 9 тысяч убитых), что соответствует итогам «скромного» налета союзной авиации на небольшой город.

Апофеозом и символом бессмысленной по своей варварской жестокости кампании уничтожения мирного населения стала бомбардировка Дрездена, которая проводилась в середине февраля 1945 года. Этот старинный город, буквально усеянный культурными ценностями и памятниками истории, находился в стороне от районов боевых действий и не имел никаких объектов военной промышленности. Именно поэтому туда стекались многочисленные беженцы из пострадавших районов, буквально переполнившие город. Ходили

слухи, будто американцы и англичане планируют сделать Дрезден столицей послевоенной Германии, а потому умышленно избегают проводить воздушные налеты. Людям, бежавшим от ужасов союзных бомбардировок, саксонский город казался безопасным местом.

Тем не менее в ночь с 13 на 14 февраля 800 английских бомбардировщиков атаковало город. Днем их сменила американская авиация – 1350 бомбардировщиков. На следующий день еще 1100 американских самолетов нанесли заключительный удар. В бойне принимали участие не только бомбардировщики, но и американские истребители, которые, не встретив серьезного сопротивления со стороны люфтваффе, снижались и на бреющем полете расстреливали из пулеметов и пушек все, что казалось достойным уничтожения. О степени защищенности города средствами противовоздушной обороны свидетельствует тот факт, что союзная авиация понесла рекордно низкие потери – 16 бомбардировщиков и 4 истребителя (0,5%)[17].

Итоги этой бойни не подведены до сих пор. В силу того, что город был переполнен неучтенными лицами, количество жертв вряд ли может быть достоверно оценено. Сами американцы после войны насчитали примерно 250 тысяч погибших. Впрочем, современные американские и даже немецкие историки активно оспаривают эту цифру, утверждая, будто жертвами бомб союзников стало не более 25 тысяч человек.

Среди жертв дрезденской трагедии были не только немцы, но и американские и английские военнопленные. Одним из свидетелей налета стал будущий писатель К. Воннегут, взятый в плен в Арденнах. Событиям в Дрездене он впоследствии посвятит свой роман «Бойня номер 5» (во время бомбардировки Воннегут и его товарищи были заперты в здании скотобойни), где вложит в уста героя следующие слова: «Тогдашним американцам эта бомбежка вовсе не казалась чем-то выдающимся. В Америке не многие знали, насколько это было страшнее, чем, например, Хиросима»[18].

Совокупные потери гражданского населения Германии от бомбардировок союзников, как уже отмечалось, подсчитать едва ли возможно. Осторожные оценки, которые появились в первые послевоенные годы, утверждают, что при налетах англо-американской авиации погибло порядка 550–570 тысяч немцев, кроме того, сюда следует добавить 700–900 тысяч раненых. Количество жителей Германии, оставшихся без крова и имущества, исчисляется миллионами. Эти цифры учитывают только гражданское население, при этом большая часть пострадавших не может рассматриваться даже в качестве потенциального источника для пополнения рядов вермахта. Так, в среднем среди жертв бомбардировок до 40% составляли дети и старики (примерно по 20% из каждой группы).

---

[17] *Фуллер Дж.Ф.Ч.* Вторая мировая война 1939-1945 гг. Стратегический и тактический обзор. М.: Иностранная литература, 1956.

[18] *Воннегут К.* Бойня № 5. АСТ, 2022.

Сюда также следует добавить примерно 70 тыс. убитых граждан Италии, которая также подвергалась бомбардировкам, и более 50 тыс. французов, которые пали жертвами бомб союзников. Во всех этих случаях доля женщин, детей и стариков значительно превышает средние значения[19].

Возникает закономерный вопрос о том, в какой степени такие чудовищные жертвы были оправданы с военной точки, если, конечно, вообще можно оправдать массовое убийство женщин и детей. Большинство военачальников США и Англии, принимавших участие в разработке и осуществлении бомбардировок, утверждали, что с их помощью удалось значительно приблизить победу в войне, сохранив тем самым сотни тысяч солдат – не только союзников, но и Красной армии. Утверждается, к примеру, что воздушные атаки против Третьего рейха нанесли тяжелейший удар по морально-психологическому состоянию населения. Англо-американские исследователи полагали, что те немцы, которые не погибли под бомбами, останутся без жилья, имущества, элементарных удобств в виде чистой воды и топлива, и будут вынуждены выживать, роясь в грудах мусора и обломков. В таких условиях поддержка нацистов среди населения должна была резко снизиться. В свою очередь, германские солдаты на фронте, понимая, что собственное правительство не может обеспечить безопасность их семьям в тылу, также должны были испытывать упадок боевого духа. Идеологи стратегических бомбардировок ожидали, что результатом этого станет массовое уклонение от призыва, дезертирство, саботаж, активизация деятельности подпольных организаций.

Удалось ли с помощью налетов добиться чего-либо подобного? Исследования, проведенные уже вскоре после войны, дают на этот вопрос однозначно отрицательный ответ. Даже если исключить роль СС, гестапо и нацистской пропаганды, сам замысел тотального уничтожения немецких городов вместе с их жителями привел к противоположным результатам. Это подчеркивают наблюдатели с немецкой стороны. Генерал Г. Румпф, руководивший в годы войны немецкой противопожарной службой, свидетельствует о том, что бомбардировки имели обратный эффект – они убеждали немцев в том, что конечной целью войны является полное уничтожение немецкого государства, общества и народа. Это побуждало солдат на фронте сопротивляться еще яростнее, а гражданских лиц – не менее ожесточенно сражаться в рядах фольксштурма (народного ополчения), которое состояло преимущественно из стариков и детей.

Румпф утверждает: «Катастрофа, обрушившаяся на Дрезден, вызвала в потерявших силы и веру людях последний отчаянный взрыв энергии, так как отныне всем стало ясно, как никогда, что враги стремились физически истребить весь немецкий народ. Слепая мясорубка последних нескольких месяцев войны могла означать только систематические попытки навсегда избавиться от всех немцев. Руководители стран-противников, как и собственные прави-

[19] *McKay S.* The Fire and the Darkness: The Bombing of Dresden, 1945. St.Martin Press, 2020.

тели, обрекали немцев на одну и ту же участь[20]». Безусловно, нацистская пропаганда во главе с Геббельсом извлекла огромную пользу из этого, внушая немецкому народу, что бомбардировки – это лишь пролог к тотальному уничтожению немцев как таковых.

Еще более серьезные надежды организаторы бомбардировок возлагали на разрушение экономики Третьего рейха. Здесь воздушные налеты, безусловно, оказали определенный эффект, который чувствовался даже на Восточном фронте. Так, советское наступление в Силезии в начале 1945 года, которое по замыслу верховного командования вермахта должно было быть отражено мощным танковым контрударом, не встретило серьезного сопротивления. Немецкие танки так и не дождались горючего с разбомбленных заводов синтетического топлива. В этом смысле бомбардировки действительно внесли некоторый вклад в приближение победы.

Этот факт, однако, не позволяет говорить о стратегических бомбардировках Германии как об оправданной операции. Прежде всего, как мы видели ранее, планирование воздушных рейдов было далеко от идеального: многие объекты атаковались по несколько раз, тогда как некоторые действительно значимые цели оставались нетронутыми. Также сыграла свою роль изобретательность немцев, которые укрывали производства в подземных цехах или сооружали ложные заводы, по которым англо-американские летчики упорно наносили удары. Кроме того, как мы видели, наиболее жестоким ударам подвергались именно гражданские цели. Оправдания, сводившиеся к тому, что на территории городов находились стратегически важные объекты, выглядят неубедительно. Так, бойня, учиненная англо-американской авиацией в Дрездене, обосновывалась необходимостью перерезать железнодорожные коммуникации, проходящие через город, для того чтобы не дать немцам перебрасывать войска на восток. Однако уже сразу после войны целый ряд исследователей, среди которых можно встретить имена авторитетных военачальников, отмечали, что еще большего эффекта можно было бы добиться бомбардировкой коммуникаций за чертой города.

Более того, воздействие авиационных ударов по Германии на совокупный объем военного производства в Третьем рейхе оказалось достаточно скромным. Исследования, проведенные самими американцами, работавшими с захваченными немецкими документами и архивами и посещавшими места бомбардировок, демонстрируют парадоксальный факт: по мере того как в 1943–1944 годах союзники наращивали свои усилия в воздухе, военное производство в Германии росло, достигнув пика примерно летом 1944 года. Падение производства вследствие бомбардировок составило всего около 3% в добывающей промышленности, порядка 10% в машиностроении и энергетике, на 20% сократилось химическое производство, двигателестроение, выплавка

[20] *Румпф Г.* Огненный шторм. Стратегические бомбардировки Германии. 1941–1945. Центрполиграф, 2011.

стали. Впрочем, в условиях, когда немецкие армии почти повсеместно переходили к обороне, эти потери не имели критического характера и, разумеется, они никак не были связаны с уничтожением мирного населения с помощью ковровых бомбардировок.

Важным обстоятельством, которое сводило к минимуму эффект бомбовых ударов, было высвобождение рабочей силы, устремлявшейся в поисках пропитания на военные заводы. Эту деталь отмечает видный американский экономист Дж. Гэлбрейт, который занимал должность директора Бюро анализа стратегических бомбардировок. В своих мемуарах он пишет: «Обследование налетов на города… привело к неутешительным выводам… [В ходе налета на Гамбург] были уничтожены рестораны, кабаре, магазинчики, универмаги, банки и другие гражданские объекты. Но заводы и верфи, находившиеся вдали от центра, уцелели. До этого огневого урагана в городе не хватало рабочих рук. Теперь же официанты, банковские клерки, владельцы лавок и актеры, которых бомбардировки лишили работы, хлынули на военные заводы в поисках места и продовольственных карточек, выдававшихся тем, кто работает. Бомбардировки облегчили проблему нехватки рабочих рук». Вывод Гэлбрейта однозначен: «Мы начинали понимать, что сталкиваемся с одним из самых крупных просчетов минувшей войны»[21].

Точку зрения Гэлбрейта разделяет и Б. Броди – один из ведущих послевоенных теоретиков в области стратегии, который заложил основы американской ядерной доктрины. В своей ключевой работе «Стратегия в век ракетного оружия» он заявляет: «Необходимо без всяких обиняков признать, что в ходе Второй мировой войны бомбардировка городов потерпела неудачу»[22].

Голод, на который англо-американские стратеги также делали большую ставку, вплоть до конца войны не стал для немцев повседневной реальностью. Германия заблаговременно создала запасы продовольствия, благодаря которым каждый ее житель мог ежесуточно потреблять около 3000 калорий, то есть полноценно питаться. Недостаток продовольствия, который имел место лишь в конце войны, был связан отнюдь не с воздействием авиаударов, а со стремительным приближением линии фронта.

Таким образом, попытка англичан и американцев открыть «третий фронт» при помощи стратегических бомбардировок Германии потерпела неудачу. «Побочным» следствием этой неудачи стала гибель сотен тысяч мирных жителей, что сделало англо-американские воздушные рейды одним из самых кровавых военных преступлений XX столетия.

В целом, говоря о том, что американцы и британцы вынашивают планы стереть Германию с лица земли, гитлеровская пропаганда, как ни странно, ненамного погрешила против истины. На финальном этапе Второй мировой войны среди союзников по антигитлеровской коалиции не было единого мнения

---

[21] *Гэлбрейт Дж.К.* Жизнь в наше время. М., 1989.

[22] *McKay S.* The Fire and the Darkness: The Bombing of Dresden, 1945. St.Martin Press, 2020.

не только по поводу будущего облика германского государства, но и по вопросу о целесообразности его существования как такового. В 1944 году американский министр финансов Генри Моргентау разработал план, согласно которому предполагалось низвести Германию до уровня слаборазвитого аграрного государства, не способного возродиться в принципе.

С этой целью помимо наложения на побежденных традиционного бремени репараций предлагалось провести полную демилитаризацию и деиндустриализацию Германии, не только разоружив и ликвидировав ее вооруженные силы (вплоть до запрещения ношения военной формы и исполнения маршей), но и демонтировав и вывезя с территории страны большую часть промышленного оборудования. Подчеркнем, что речь шла не только о военной промышленности, но и о большинстве других индустрий, включая добывающие производства и тяжелую промышленность. Единственный вид экономической деятельности, которым позволялось заниматься немцам – сельское хозяйство. Для этого предполагалось провести аграрную реформу, ликвидировав крупное помещичье (юнкерское) землевладение, на которое традиционно опиралось германское сельское хозяйство и которое поставляло наиболее закоренелых милитаристов и националистов как для Второго, так и для Третьего рейха. План Моргентау[23] предусматривал еще более экстремистские меры, в частности вырубку всех лесов на территории страны, чтобы освободить земли для пастбищ и полей. Каким образом немцам пришлось бы отапливать свои дома, когда все шахты будут закрыты, а леса вырублены, осталось за рамками плана.

Особое внимание Г. Моргентау уделил реорганизации системы образования, которая должна была подорвать возможность зарождения в умах молодежи любых реваншистских идей (какую идеологию американцы планировали продвигать среди новых поколений немцев, догадаться несложно).

Еще одной важной и особенно тяжелой для немецкого народа составляющей плана было территориальное расчленение Германии с учетом того, что ее предварительно сильно уменьшили в размерах за счет земель, присоединенных к победившим державам. После этого Германию предполагалось разделить на два вассальных государства – северное (Саксония, Тюрингия, Бранденбург, часть Пруссии и Померании) и южное (Бавария и Баден-Вюртемберг). Прекрасно понимая значение финансовой системы для послевоенного восстановления и возможной реставрации германского милитаризма, Моргентау предложил расчленить банковскую систему Германии еще более жестко, чем ее территорию, создав одиннадцать банковских округов, в каждом из которых функционировал бы собственный центральный банк, подконтрольный американцам.

Все эти меры должны были не только подорвать военный и экономический потенциал Германии, но и существенно снизить ее население, которое в

[23] *Gareau F.* Morgenthau's Plan for Industrial Disarmament in Germany. 1961.

1944 году составляло 69 миллионов жителей. Вскоре после обнародования плана Моргентау американские эксперты подсчитали, что предложенные в нем меры повлекут вымирание от голода как минимум 25 миллионов немцев.

Каким бы чудовищным и человеконенавистническим ни казался этот план сегодня, в 1944 году он не только всерьез обсуждался Рузвельтом и Черчиллем, но и был парафирован ими на второй Квебекской конференции в сентябре того же года. Заметим, что в эти дни англо-американские войска лишь только начинали действия во Франции после высадки в Нормандии, тогда как советские войска уже штурмовали Варшаву, готовясь начать наступление непосредственно на территорию нацистской Германии.

Оформление плана Моргентау проходило в обстановке строжайшей секретности. Советское руководство, по замыслу Вашингтона, не должно было знать об этом плане. Однако уже вскоре после Квебека документ попал не только в Москву, но и в Берлин. План фактического уничтожения Германии был с радостью использован Геббельсом, который возвестил немцам о том, что их страну хотят превратить после войны в большое картофельное поле.

Сегодня в большинстве исследований утверждается, что огласка плана Моргентау, чем бы она ни была вызвана, раз и навсегда похоронила этот замысел. В реальности не составляет труда убедиться в том, что многие элементы этого плана были с успехом претворены в жизнь Вашингтоном. Конечно, Германию не превратили в картофельное поле, а население избежало радикального «сокращения», если не считать немцев, погибших под английскими и американскими бомбами в ходе стратегических ударов авиации. Однако Германия в самом деле оказалась расчленена на два государства (правда, не северное и южное, а западное и восточное), а огромные промышленные мощности были вывезены из страны.

Однако самая важная идея, которую почерпнули архитекторы послевоенной Германии из рассматриваемого документа, заключается в подчинении американскому контролю банковской системы побежденного государства. Хотя США так и не создали предлагавшиеся Моргентау одиннадцать независимых центральных банков, германский капитал по итогам войны оказался под надежным контролем со стороны Уолл-стрит. Этот контроль в значительной степени сохраняется и поныне. Таким образом, если буква плана Моргентау осталась на бумаге, то его дух отчасти жив и поныне.

Подлинная причина, по которой американское руководство отказалось от дословного выполнения плана, заключается не в том, что он несвоевременно оказался известен всему миру. По мере того, как война близилась к завершению, англо-американским союзникам стало очевидно, что ликвидация сильной Германии не отвечает планам укрепления позиций Вашингтона и Лондона в европейской геополитике. Возможное возрождение германского реваншизма и милитаризма в будущем далеко не так сильно беспокоило западных стратегов, как продвижение Советского Союза в сторону Атлантического океана и

Средиземного моря. Главный вывод, который был сделан в США и Великобритании относительно ошибок межвоенного периода, заключался вовсе не в том, что американцы и англичане позволили агрессивным силам прийти к власти в самом сердце Европы, а в том, что было сделано слишком мало для того, чтобы направить эти силы против «нужного» противника на Востоке[24].

Исходя из этих предпосылок, выстраивалась геополитическая линия Вашингтона на финальном этапе Второй мировой войны. Однако еще на межсоюзнической встрече в Ялте, прошедшей в начале февраля 1945 года, Сталин, Рузвельт и Черчилль все еще демонстрировали конструктивный настрой. Это стало возможным прежде всего благодаря твердой позиции советского лидера, который в корне отвергал агрессивные намерения англичан и американцев в отношении поверженной Германии. Несмотря на определенные разногласия, в Ялте был достигнут несомненный положительный результат: стороны, наконец, пришли к соглашению относительно очертаний послевоенного мира, поделив между собой ответственность за послевоенное устройство освобожденных государств.

На фоне усилий советской стороны в итоговом коммюнике встречи лидеров антигитлеровской коалиции гораздо более очевиден акцент на ликвидацию в Германии нацизма, милитаризма и национализма, нежели на предельное ослабление и унижение побежденных: «Нашей непреклонной целью является уничтожение германского милитаризма и нацизма и создание гарантии в том, что Германия никогда больше не будет в состоянии нарушать мир всего мира. Мы полны решимости разоружить и распустить все германские вооруженные силы, раз и навсегда уничтожить германский генеральный штаб, который неоднократно содействовал возрождению германского милитаризма, изъять или уничтожить все германское военное оборудование, ликвидировать или взять под контроль всю германскую промышленность, которая могла бы быть использована для военного производства; подвергнуть всех преступников войны справедливому и быстрому наказанию и взыскать в натуре возмещение убытков за разрушения, причиненные немцами; стереть с лица земли нацистскую партию, нацистские законы, организации и учреждения; устранить всякое нацистское и милитаристское влияние из общественных учреждений, из культурной и экономической жизни германского народа и принять совместно такие другие меры к Германии, которые могут оказаться необходимыми для будущего мира и безопасности всего мира. В наши цели не входит уничтожение германского народа»[25].

Однако драматизм Ялтинской конференции заключается и в другом. Много сказав о необходимости уважать права и свободы освобожденных народов, неприкосновенность суверенитета восстановленных государств, согласовывать меры по политическому и экономическому урегулированию в этих стра-

[24] *Зинн Г.* Народная история США: с 1492 года до наших дней. М., 2014.

[25] Крымская конференция. 4–11 февраля 1945 г.

нах, американцы и англичане, едва покинув Ялту, забыли обо всем этом, начав как никогда ранее активно продвигать стратегию, ориентированную на конкретные геополитические интересы. Представив вниманию участников конференции «Декларацию об освобожденной Европе» (очередной документ, исполненный демократического пафоса), американская сторона собственными руками (или руками англичан) практически сразу перечеркнула его положения.

В американской декларации было сказано: «Установление порядка в Европе и переустройство национально-экономической жизни должно быть достигнуто таким путем, который позволит освобожденным народам уничтожить последние следы нацизма и фашизма и создать демократические учреждения по их собственному выбору». О том, как будут реализовываться эти планы, уже было известно на примере Греции. Осенью 1944 года высадившиеся там британцы принялись уничтожать греческих коммунистов из Народно-освободительной армии, которая в большинстве регионов страны одержала победу над немцами раньше самих англичан. Бок о бок с британскими «освободителями» действовали палачи своего народа – вчерашние греческие коллаборационисты и эсесовцы, которые впоследствии с одобрения Вашингтона и Лондона заняли командные посты в греческой армии. В результате Греция была ввергнута в пучину кровопролитной гражданской войны, которая продолжалась еще несколько лет после победы над нацизмом, и потребовала непосредственного вооруженного вмешательства американцев. Итогом кровопролитных зачисток, сопровождавшихся выжиганием напалмом целых деревень, стало установление в Афинах ультраправого режима, который по своему характеру мало чем отличался от фашистской диктатуры.

Уже тогда стало очевидно, что американцы и англичане готовы отказаться от ялтинских обязательств при первом удобном случае. Описывая события в Греции, известный историк Д. Флеминг в своей книге «Холодная война и ее истоки» подчеркивает: «Важно помнить, что Греция стала первой из освобожденных стран, насильственно вынужденной принять политическую систему оккупировавшей ее великой державы. Именно Черчилль начал первым действовать подобным образом…»[26].

Одним из главных решений Ялты, которое в последующем было в одностороннем порядке проигнорировано США и их союзниками, стал вопрос о разделе Германии. В конечном итоге стороны договорились, что государство останется единым, хотя и будет поделено на отдельные зоны оккупации. Сегодня обычно забывается, что именно советская сторона твердо отстаивала неделимость германского государства, тогда как Черчилль при поддержке американцев продвигал идеи, напоминавшие план Моргентау – к примеру, отрезать южные немецкие земли и присоединить их к Австрии. Американцы сами понимали, что в их приоритеты не входит сохранение целостности Гер-

[26] *Flemind D.* The Cold War and Its Origins, 1917-1960. 1961.

мании. В своих мемуарах американский дипломат и один из авторов доктрины «сдерживания» Советского Союза Дж. Кеннан откровенно заявляет: «Идея Германии, управляемой совместно с русскими, это – химера…»[27].

Именно СССР и лично И. Сталин сыграли решающую роль в сдерживании агрессивных планов США и Великобритании, сводившихся к расчленению и фактическому демонтажу германского государства. По сути, Советскому Союзу и его руководству нынешние немцы должны быть признательны за то, что они не живут, как это было еще в XIX веке, в нескольких десятках карликовых государств, имеющих суверенитет лишь на бумаге.

Впрочем, Москва зачастую более конструктивно подходила даже к сотрудничеству с другими западными членами антигитлеровской коалиции, чем это делали Вашингтон и Лондон. Большое содействие СССР оказал Франции в еще один переломный момент ее истории – в период Второй мировой войны. Катастрофический разгром Франции в начале этого конфликта ошеломил весь мир. Страна, которая в Первую мировую войну героически сопротивлялась более четырех лет и смогла в упорной борьбе одержать победу, в 1940 году сдалась менее чем за сорок дней. Известна саркастическая фраза немецкого фельдмаршала Кейтеля, брошенная им при виде французского генерала де Латтра де Тассиньи, явившегося 8 мая 1945 года на церемонию подписания капитуляции Германии: «Что, и они тоже нас победили?».

Более того, небезупречным было и последующее поведение сотен тысяч французов. Многие из них предпочли сотрудничать с немцами, а количество выходцев из Франции, добровольно сражавшихся в рядах войск СС, а также в коллаборационистских формированиях, по некоторым оценкам, превышало число участников Движения сопротивления. К моменту высадки западных союзников в Нормандии численность Движения сопротивления оценивалась в 100 тысяч бойцов. В воевавшем на советской земле Легионе французских добровольцев служило 7 тысяч человек, примерно столько же насчитывала сформированная позднее из легиона «французская» дивизия СС «Шарлемань». В других подразделениях СС и вермахта служило еще несколько десятков тысяч французов (часто называется цифра порядка 80–100 тысяч человек). В вооруженных силах союзного Третьему рейху режима Виши насчитывалось более 300 тысяч человек. Сюда также стоит присовокупить численность «вишистской милиции», выступавшей в качестве аналога СС в самой Франции (35–45 тысяч бойцов), а также 20–30 тысяч сотрудников организации «Карлинг» – «французского гестапо». Известно, что французские эсесовцы были в числе последних защитников Рейхстага в апреле 1945 года.

После сокрушительного поражения Франции в 1940 году многие посчитали, что французов можно вовсе списать со счетов. Так поступили, например, англичане, которые долгое время считали легитимной властью во Франции коллаборационистское («вишистское») правительство Ф. Петена, тогда как

[27] *McLellan D.* Who Fathered Containment?: A Discussion. Oxford. 1973.

претендовавший на роль национального лидера Шарль де Голль был вынужден жить в Лондоне, униженно добиваясь встреч с Черчиллем, в ходе которых тот буквально диктовал французу свои указания.

СССР, по всей видимости, первым среди стран антигитлеровской коалиции разглядел в генерале де Голле будущего национального лидера Франции. В то время пока англичане и американцы даже не рассматривали его в качестве выразителя воли французского народа, Москва налаживала с генералом и ведомой им Свободной Францией все более плотные связи. Соответствующие контакты были установлены уже осенью 1940 года, то есть буквально через несколько месяцев после того, как де Голль покинул разгромленную страну. Поразительный факт: советское руководство разглядело в малоизвестном генерале будущего «француза номер один» еще в то время, когда британские власти сомневались, стоит ли выделять ему жилую площадь за государственный счет. Следует напомнить, что СССР в тот момент еще не находился в состоянии войны с гитлеровской Германией. Что касается Свободной Франции, то Москва официально признала ее в сентябре 1942 года.

И. Сталин, безусловно, знал о твердом антикоммунистическом настрое де Голля. Однако стоит отдать должное политической мудрости и прагматизму обоих лидеров: эти разногласия не помешали сотрудничеству. Напротив, советский вождь давал указания французской коммунистической партии поддерживать генерала, который, в свою очередь, воздерживался от конфликта с коммунистами.

Масштаб личности французского генерала и его стремление до последнего бороться во имя спасения чести своей страны не могли не импонировать советскому лидеру. Поистине судьбоносным для всей истории Франции стал визит генерала в Москву в декабре 1944 года. Провожая де Голля в обратный путь, Сталин предложил тост «за Францию, которую теперь возглавляют решительные и непоколебимые руководители», пожелав этой стране стать «великой и могущественной»[28].

Однако поддержка со стороны Сталина отнюдь не ограничивалась благими пожеланиями. Москва была заинтересована в том, чтобы Франция восстановила свои позиции и выступила в качестве противовеса США и Великобритании. То же самое, в целом, нужно было и де Голлю. Англосаксов французский генерал не просто недолюбливал, но справедливо видел в них геополитических противников Парижа. Уже в ходе визита де Голля в Москву в 1944 году был заключен договор о дружбе и взаимопомощи. Для Франции это был мощный символический шаг, означавший, что СССР как ведущий участник антигитлеровской коалиции признает ее на равных с США, Англией и другими державами.

В итоге, как и в 1815 году, Франция смогла не просто пережить военный разгром, но и сохранить свое место в клубе великих держав. Более того, фран-

[28] *Арзаканян М.Ц,* Де Голль. МГ, 2017.

цузы даже смогли получить место постоянного члена Совета Безопасности ООН. Все это произошло во многом благодаря активной поддержке Советского Союза.

Если по итогам событий 1914–1918 годов США вошли в уже сформировавшийся клуб великих западных держав, то после 1945 г. они сами стали признанным лидером этого клуба. Большую роль здесь сыграло то, что боевые действия не затронули американскую территорию, в то время как основные промышленные регионы СССР были полностью опустошены. Это давало американцам огромную фору в укреплении своей военной и экономической мощи. Тем не менее геополитические амбиции Вашингтона, стремление закрепить свое присутствие во всех регионах мира значительно распылили ресурсы США. Соответственно рос государственный долг, достигший к концу войны астрономических размеров. В этих условиях гонки вооружений эскалация напряженности и разжигание вооруженных конфликтов в различных уголках земного шара стали рутинным инструментом решения внутренних экономических проблем американского государства.

Иллюстрации к главе 17

Атака на Перл-Харбор.

Honolulu Star-Bulletin

WAR DECLARED ON JAPAN BY U.S.

FDR Calls Attack Upon Oahu 'Infamous Treachery'
Our Fleet At Sea As Counter Offensive Is Begun

BULLETINS

Huge Sea, Air Operations On

Congress Takes Prompt Action

Business To Continue As Usual, Duty Announces

DEAD, INJURED

3,000 Casualties Are Indicated on Oahu

No Raids on Oahu Since Sunday Night

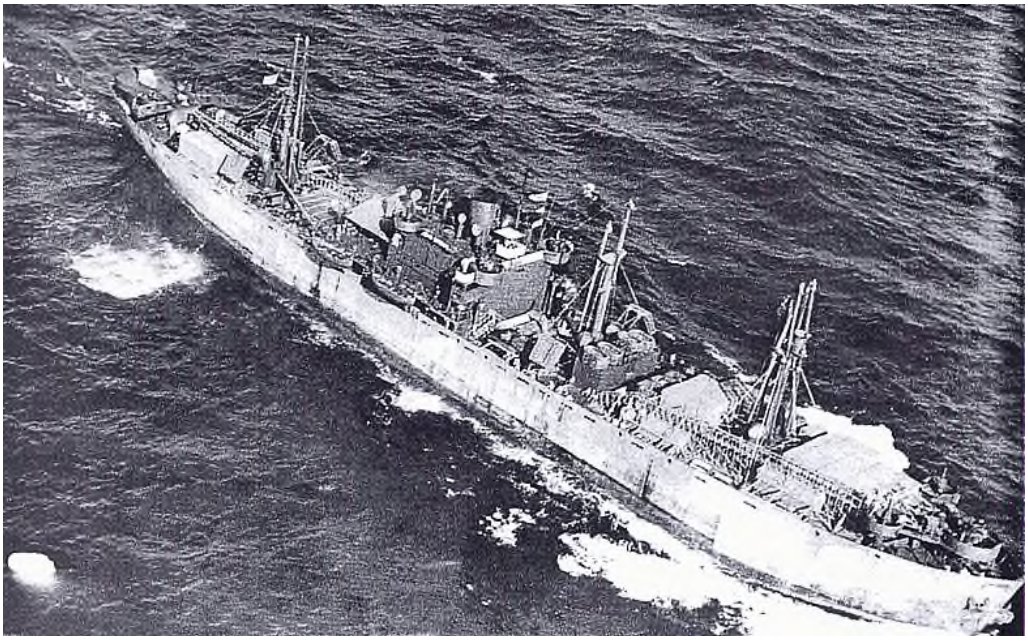
Planes Attacking Hawaii Are Believed From Carriers

Blackouts To Continue

Газетный заголовок о вступлении США во Вторую мировую войну.

Пример антияпонской пропаганды.

Сдавшиеся американские войска на Филиппинах.



Грузовое судно типа «Либерти».

Лагерь для интернированных японцев.

К. Ле Мэй за штурвалом боевого самолета.

Руины Дрездена после бомбардировки.

Руины Гамбурга после операции «Гоморра».

Глава 18

Кто бомбил Хиросиму и Нагасаки?

Стратегические бомбардировки Японии, включая их апофеоз – атомные удары по Хиросиме и Нагасаки, – стали еще более явным воплощением ошибок и заблуждений воздушной доктрины, а вместе с ней и признаком того, что американская геополитическая стратегия вышла на принципиально новый уровень, на котором жизни десятков и сотен тысяч людей могут быть принесены в жертву интересам Вашингтона.

В отличие от европейского театра военных действий, на Тихом океане американцы не смогли начать воздушные атаки на противника, как только было накоплено нужное количество бомбардировщиков, поскольку в их распоряжении не было такой удобной и относительно близкой базы, как Британские острова. Хорошим плацдармом представлялся Китай, с аэродромов которого начали совершаться первые вылеты на бомбардировки Японии, однако китайские позиции были слишком подвержены возможным атакам противника, чтобы на них могли базироваться целые воздушные армии. Так, в ходе японского наступления в 1944 г. на территории Китая были потеряны 10 крупных американских военно-воздушных баз и 36 аэродромов. Поэтому полноценные стратегические бомбардировки Японии начались в 1944 г., когда американцы захватили достаточное количество островов в непосредственной близости от метрополии (прежде всего это касалось Марианских островов – Гуама, Сайпана, Тиниана).

Стратегическое положение Японии на Тихом океане имело свои особенности, которые делали ее значительно более уязвимой, чем Германию. Японцы практически полностью зависели от привозного сырья. Большую часть нефти в военное время метрополия получала из Индонезии, рис и другое продовольствие шло преимущественно из Китая и Кореи, олово и каучук – с Филиппин, химическое сырье – с островов Тихого океана (например, фосфаты из Науру). Заводы на территории самой Японии только перерабатывали это сырье.

Исходя из этого, наиболее рациональной стратегией должно было стать осуществление атак сухопутных, воздушных и морских сил против источников ресурсов и путей снабжения метрополии. Бомбардировщики должны были наносить удары, к примеру, по нефтяным месторождениям, флот – высаживать десанты для их захвата, авиации совместно с подводными лодками надлежало развернуть борьбу против японского судоходства. Что касается самой метрополии, то основной целью воздушных ударов должны были стать крупные транспортные узлы, по которым перевозились ресурсы и готовые продукты внутри страны. В этих условиях японские города вообще не должны были представлять никакого интереса для стратегических бомбардировок.

В реальности эта стратегия осуществлялась непоследовательно. С одной стороны, американские субмарины развернули эффективную охоту на коммерческое судоходство, к концу войны практически уничтожив его. Из 10-миллионого тоннажа, который японцы имели на начало войны или приобрели в течение боевых действий, было потоплено почти 9 миллионов тонн. Венцом этой кампании стала операция «Голодовка», осуществленная в 1945 году. В ее рамках флот и авиация установили в водах вокруг Японского архипелага более 25 тысяч мин, которые практически полностью парализовали всякое транспортное сообщение. Масштабы минных постановок были таковы, что на ликвидацию угрозы судоходству в прибрежных водах после войны ушли годы. Нехватка продовольствия и других ресурсов в этих условиях не оставляли Японии иного шанса, кроме капитуляции. К этой идее японское военно-политическое руководство, прекрасно осведомленное о ходе установления блокады метрополии, начало склоняться уже к концу 1944 года[1].

Впрочем, было бы ошибкой утверждать, что японская верхушка не видела возможностей для продолжения борьбы. Ведь даже в 1945 году у Токио в запасе был ряд важных козырей, важнейшим из которых стали земли Манчьжурии, по-прежнему уверенно контролируемые японскими силами. К моменту капитуляции гитлеровской Германии, 9 мая 1945 года, Япония все еще располагала ресурсами для продолжения масштабных боевых действий. Конечно, японцы рассчитывали не на победу, а на нанесение посредством упорной обороны неприемлемого ущерба США и их союзникам, что позволило бы добиться почетного мира. Для этого Токио готовился вести боевые действия непосредственно на своей земле, мобилизовав все боеспособное население (в том числе подготовив миллионы камикадзе) и эвакуировав при необходимости императора Хирохито и правительство в Маньчжурию. Японское командование планировало применение в том числе химического и биологического оружия. После создания ситуации стратегического тупика японцы рассчитывали воспользоваться назревавшими противоречиями в рядах «Большой тройки» и обратиться к СССР за посреднической помощью в переговорах с США в обмен на территориальные уступки советской стороне.

В этих условиях американское командование приняло решение «подтолкнуть» его к капитуляции другим способом – посредством уничтожения крупных городов. На Тихом океане в распоряжении ВВС США оказалось еще более совершенное оружие – бомбардировщики B-29 «Суперкрепость», которые по своим характеристикам значительно превосходили B-17. Задачу упрощало то, что японцы не имели столь развитой противовоздушной обороны, как немцы. У них фактически отсутствовали ночные и высотные истребители, а зенитные батареи вокруг городов располагались лишь в небольших количествах. Если в Европе английским и американским пилотам требовалось соблюдать определенные меры предосторожности, то в небе над Японией мож-

[1] Routledge Library Editions: World War II in Asia, 2015.

но было без лишнего риска снижаться до высоты в 2 тысячи метров и производить бомбометание.

Таким образом, во время налетов с воздуха Япония была еще более беззащитна, чем Германия, особенно если принять во внимание, что значительная часть (до 90%) типичного японского города была построена с применением легковоспламеняющихся материалов – дерева и бумаги. Это освобождало американских пилотов от необходимости брать на борт фугасные бомбы, достаточно было забрасывать японцев зажигательными боеприпасами, от которых города вспыхивали подобно спичкам.

Бомбардировки японских городов были не менее жестокими, чем удары по Германии, а эффект, произведенный ими, даже превзошел результаты налетов на немецкие города. Так, только за одну ночную бомбардировку Токио 10 марта была убита 81 тысяча человек, еще 41 тысяча получила ранения. В общей сложности за все время войны (фактически только за 1945 год) потери гражданского населения Японии от действий авиации США составили, по разным оценкам, от 200 до 270 тысяч убитыми, а также 270–305 тысяч человек ранеными. Таким образом, за считанные месяцы одна лишь американская авиация смогла повторить «успех», достигнутый объединенными усилиями англо-американских ВВС в Европе за два с половиной года.

Одновременно американцы приступили к ожесточенным ударам по промышленным объектам, однако к весне 1945 года, когда, собственно, воздушное наступление на Японию приняло полномасштабный характер, эти атаки уже были лишены смысла, поскольку военные заводы противника либо бездействовали в отсутствие сырья, либо дорабатывали его остатки. Фактически, японская армия и флот действовали, опираясь на то вооружение и боеприпасы, которые были произведены в предшествующие годы, не надеясь уже получить какие-либо пополнения. Не лучше дела обстояли и с питанием, количество и качество которого приближалось к черте, за которой начинался голод. Это был идеальный момент для того, чтобы предложить капитуляцию.

Однако вместо этого американцы продолжали наступление. Наступательный императив, который довлел над умами военно-политического руководства США, которое, напомним, весной 1945 года возглавил Трумэн, явился своеобразной ловушкой для американцев, мешавшей им увидеть более разумные и экономные средства достижения победы. Главной жертвой этой ловушки стало гражданское население Японии.

Уже в 1944 году американское командование, которое к тому времени благодаря успехам разведки и криптографов могло свободно читать радиограммы противника, знало, что в Токио всерьез обсуждают планы завершения войны. Японские генералы и адмиралы понимали, что боевые действия близятся к бесславному завершению и полагали, что настало самое время положить им конец. Понимал это и сам император Хирохито. Иступленный милитаризм и желание сражаться до последнего подданного были чужды японской верхуш-

ке, какой бы кровожадной и иррациональной не изображали ее в популярных книгах и фильмах, вышедших на Западе после войны. Более того, осознавая, что с падением Третьего рейха Советский Союз примется за его восточного союзника, правительство в Токио даже планировало обратиться к Москве за посредничеством.

Вместе с тем японцы не ослабляли своего сопротивления на Тихом океане. В октябре 1944 г. в ходе битвы в заливе Лейте у побережья Филиппин – крупнейшем морском сражении в истории человечества – американский флот впервые подвергся атакам камикадзе. В феврале 1945 г. во время битвы за Иводзиму примеру камикадзе, которые уничтожили еще один авианосец, последовал гарнизон острова. Из 20 тыс. его защитников выжило немногим более двухсот. Еще более жестокими были бои за Окинаву – последний шаг перед высадкой непосредственно на Японские острова. Поскольку Окинава была населена подданными императора, гражданские лица сражались наравне с военными, зачастую имея в своем распоряжении лишь бамбуковые пики. Обычной практикой стало применение солдат-камикадзе, которые обвязывались взрывчаткой и бросались под американские танки. Из 70 тыс. военнослужащих японской регулярной армии, защищавших остров, в плен попало немногим более 7 тыс. Жертвами штурма Окинавы стали и более 100 тыс. мирных жителей, многие из которых избрали добровольную смерть на поле боя[2].

Такое сопротивление вызвало недоумение американцев, которые задавались вопросом о том, почему японское правительство заставляет армию и мирных жителей почти поголовно погибать в боях. Ответ крылся в самом термине «безоговорочная капитуляция», который в глазах японцев оставлял слишком опасную свободу для толкования. Многие из подданных императора Хирохито подозревали, что вслед за капитуляцией американцы схватят их правителя и будут судить его как военного преступника. Несмотря на то, что японский император не являлся абсолютным монархом и во многом был даже заложником окружавших его советников и членов правительства, де-юре он оставался главой государства, наделенным неограниченными полномочиями, не говоря уже о непререкаемом авторитете и статусе живого божества для всех подданных империи. Разумеется, ни один японец даже не мог помыслить, чтобы божественный Хирохито предстал перед судом.

Ситуацию осложняло и то, что СССР, покончив с нацистской Германией, был готов незамедлительно вступить в войну против ее восточного союзника. С учетом необходимости переброски на Дальний Восток соединений с запада советские войска должны были начать операции приблизительно 7 августа. Эта перспектива поставила Трумэна в чрезвычайно трудное положение. Понимая, что рано или поздно США одержат верх над Японией, ему не хотелось давать Москве шанса принять участие в разгроме японцев и тем самым на равных участвовать в решении вопросов о судьбах Дальнего Востока.

[2] Routledge Library Editions: World War II in Asia, 2015.

Однако закончить войну одним ударом, еще до вступления СССР в войну, американские вооруженные силы также не могли – это требовало полномасштабной высадки на Японских островах (операция «Олимпик»). Для участия в ней требовалось до 7 млн военнослужащих, тогда как в распоряжении союзников на театре военных действий находилось не более 2,5 млн солдат и офицеров. Несмотря на крайнее ослабление противника, эта операция сулила немалые потери, особенно с учетом появившейся информации о том, что поданные Хирохито собираются совершить едва ли не поголовное самоубийство, ринувшись в бой против захватчиков. Потери прогнозировались очень серьезные. Считалось, что при высадке в японскую метрополию погибнут не менее 200 тыс. человек – почти половина всех потерь США на всех фронтах за время войны. Начальник штаба армии США генерал Дж. Маршалл оценивал будущие потери в полмиллиона погибших только с американской стороны, не считая английских союзников. Звучали еще более шокирующие прогнозы, например, 750 тыс. американских и еще 250 тыс. британских жизней. Другие и вовсе полагали, что на алтарь победы придется принести 1 млн американцев и до 500 тыс. англичан. Что касается возможных потерь японцев, прежде всего мирного населения, то они оценивались не менее чем в 10 млн жизней.

И даже при наиболее благоприятном сценарии считалось, что победу над Японией удастся одержать никак не ранее 1946 года, хотя немало экспертов предрекало, что боевые действия могут продлиться вплоть до 1947 или даже до 1949 года. В этом отношении скорейшее вступление в войну СССР, сколь бы неприятным с геополитической точки зрения оно ни было для Вашингтона, оставалось насущной необходимостью, на которой американцы постоянно делали акцент в контактах с Москвой и лично со Сталиным.

Тем временем разведка докладывала руководству США, что в самой Японии созрели условия для капитуляции. Правительство страны получило принципиальное одобрение от самого Хирохито. Единственное, что требовалось от Белого дома, это четко и внятно заявить о неприкосновенности императора. Конечно, Трумэну, к тому времени окончательно вошедшему в роль, такая идея не понравилась. Нежелание президента идти на какой-либо компромисс по отношению к противнику подогревал и новый госсекретарь Дж. Бирнс, который в свое время был конкурентом Трумэна в гонке за пост вице-президента[3]. Новый госсекретарь внушал руководителю, что американцы не для того сражались три с половиной года, чтобы теперь, в шаге от победы, что-то обещать японцам. Такой шаг, говорил Бирнс, может легко поста-

[3] Трумэн и Бирнс являли собой две весьма колоритные фигуры в американской истории. Возвышение Трумэна с местечкового уровня произошло стремительно: благодаря своему покровителю, миссурийскому полумафиозному бизнесмену Т.Пендергасту, Трумэн в 49 лет стал сенатором, пробыв в Капитолии до 1945 г. Затем он, во многом благодаря конъюнктуре, был выдвинут на пост вице-президента при Рузвельте, но с ним практически не работал и к высшей государственной должности, как сам признавался, был вовсе не готов. Характерно, что Трумэн получил лишь начальное образование, а Бирнс даже не закончил школы.

вить крест на карьере президента, в корне подорвав доверие народа к нему. «Оптимальным» решением, найденным Трумэном и его командой в этой ситуации, стала атомная бомба. При этом американский президент узнал о существовании нового оружия уже после того, как неожиданно для самого себя занял Овальный кабинет после внезапной смерти Рузвельта.

Исследование возможности применения энергии деления атома в военных целях проводилось с начала войны сразу в нескольких странах. Такая возможность была обоснована теоретически перед самым началом войны. Ученым приходилось самостоятельно и порой с большими затруднениями продвигать свои идеи, при этом важную роль играла ссылка на то, что противник – реальный или потенциальный – уже ведет разработки в этой области. Так, внимание руководства Советского Союза к проблеме атомного оружия привлек молодой физик Г. Флеров, который был направлен на фронт в качестве авиационного техника. Знакомясь по пути в действующую армию с научными статьями из иностранных журналов, лейтенант Флеров пришел к выводу, что разработка нового оружия уже ведется в Англии и, возможно, в Германии, о чем физик сообщил в письме, отправленном лично Сталину[4].

Флеров оказался прав – и британские, и немецкие ученые уже начали работу над бомбой. Однако эта работа требовала огромных ресурсов, которых не хватало у англичан и тем более немцев, впрочем, последние к концу войны смогли достаточно близко подойти к практической реализации своих идей, однако так и не смогли довести их до конца (по одной из версий, Гитлер скептически относился к возможности создания атомного оружия и постоянно урезал финансирование проекта). Кстати говоря, свой ядерный проект развивала в годы войны и Япония. Считается, что она не смогла далеко продвинуться в создании атомного оружия из-за технических проблем и нехватки ресурсов (впрочем, встречаются данные и о том, что японцы перед самой капитуляцией едва не успели испытать прототип своего ядерного устройства).

Американская ядерная программа была инициирована не в последнюю очередь благодаря Альберту Эйнштейну, который написал Рузвельту письмо примерно того же содержания, что Флеров позднее отправит Сталину. Впрочем, Эйнштейн выступил прежде всего как именитый покровитель идеи, тогда как инициаторами письма и авторами текста явились три молодых венгерских физика – Ю. Вигнер, Л. Силлард и Э. Теллер. Если не считать того, что работы Эйнштейна внесли огромный вклад в теоретическое обоснование возможности создания ядерного оружия, его практическое участие в американской ядерной программе ограничилось подписью под текстом письма. Впоследствии великий физик неоднократно сожалел о своем поступке.

Впрочем, письмо Эйнштейна стало для Белого дома лишь одним из стимулов начать собственные разработки атомного оружия. Американская развед-

[4] Письма инженер-лейтенанта: к 110-летию со дня рождения Георгия Флерова. Росатом, 2023.

ка также докладывала о соответствующих британских и германских разработках. Работы в США начались в 1939 г. в рамках так называемого Уранового комитета, который занимался прежде всего теоретическими расчетами на предмет принципиальной осуществимости проекта. К 1941 году проект был на грани закрытия, поскольку расчеты показали, что для создания атомного оружия потребуются сотни тонн обогащенного урана. Поиск ошибок и проведение правильных расчетов заняло дополнительное время. Лишь осенью 1943 года американская ядерная программа перешла в практическую плоскость – был дан старт знаменитому Манхэттенскому проекту. В этом чрезвычайно дорогостоящем и затратном проекте участвовало более 130 000 человек, однако ядром всего предприятия была команда из нескольких десятков ученых – физиков, химиков, математиков – под руководством выдающегося ученого Р. Оппенгеймера. В работе принимали участие такие всемирно известные ученые, как Н. Бор, Э. Ферми, Дж. фон Нейман, Э. Лоуренс, Х. Бете, О. Фриш, Р. Фейнман. Некоторые из них к тому времени уже являлись обладателями Нобелевской премии, для многих она была еще впереди. Подавляющее большинство участников Манхэттенского проекта были эмигрантами, которые прибыли в США непосредственно перед войной или после ее начала. Некоторые из них были тайно вывезены спецслужбами из оккупированной Европы (например, Н. Бор, доставленный из Дании британской разведкой)[5].

Общее руководство проектом осуществлял генерал американских инженерных войск Л. Гровс, который незадолго до этого построил Пентагон. Роль Гровса, далекого от понимания тонкостей ядерной физики и специфики организации творческого труда, достаточно спорна. Некоторые историки ставят на первое место его роль в обеспечении материальной стороны проекта и поддержании жесткой дисциплины, позволившей выполнить работу в срок, другие подчеркивают его деструктивное стремление навязать казарменные порядки ученым. Очевидно одно: генерал внес существенный вклад в продвижении идеи применения своего детища в боевых условиях против Японии, став одним из первых пропагандистов ядерного оружия как легкого средства решить геополитические проблемы Америки.

Огромную роль в успехе Манхэттенского проекта сыграли американские спецслужбы. Речь идет не только об обеспечении режима секретности и безопасности участников проекта. Большую значимость имела психологическая работа с учеными, работавшими над созданием бомбы. В Вашингтоне не без основания полагали, что большинство из них разделяло пацифистские убеждения и, осознавая приближение победы над Германией и Японией с помощью традиционного оружия, могли пойти на нежелательные шаги, начиная от отказа продолжать работу и заканчивая саботажем или даже передачей секретных разработок русским. Дополнительные опасения вызывали левые убе-

[5] *Kelly K.* The Manhattan Project: The Birth of the Atomic Bomb in the Words of Its Creators, Eyewitnesses, and Historians. 2007

ждения, которые традиционно пользовались большой популярностью среди научной интеллигенции. Многие из подчиненных Оппенгеймера, не исключая его самого, сочувствовали коммунистическому движению, а некоторые даже участвовали в нем. В этой связи причастные к проекту подвергались постоянной идеологической обработке, в процессе которой им внушалось, что бомба нужна для победы над «мировым злом», что нацисты со дня на день обзаведутся своей бомбой, что американское руководство достаточно дальновидно, чтобы не применять новое оружие без крайней необходимости. Стоит заметить, что многие ученые, занятые в проекте, впоследствии стали деятельными участниками движения против ядерного оружия. Немало страниц их мемуаров наполнено словами раскаяния по поводу того, что многие из них считали ошибкой своей жизни. Однако морально-психологическая работа в годы войны сыграла свою роль – среди всех ученых, принимавших участие в создании атомной бомбы, лишь один – польский физик Дж. Ротблат – вышел из него, когда узнал, что немцы фактически свернули собственную программу. Впоследствии Ротблат стал видным участником движения за ликвидацию ядерного оружия. Его усилия в 1995 г. были отмечены Нобелевской премией мира[6].

Несмотря на психологическую обработку, задействованные в проекте ученые понимали, насколько мощное и смертоносное оружие они разрабатывают. Их волновала возможность того, что первый достаточно мощный ядерный взрыв вызовет цепную реакцию в атмосфере и воспламенит ее, уничтожив жизнь на Земле. Первоначально оно было даже подтверждено расчетами, однако позднее более точные вычисления показали, что подобный эффект, по всей видимости, не возникнет.

16 июля 1945 г. в штате Нью-Мексико было произведено испытание первой атомной бомбы под кодовым названием «Тринити» («Троица»). Результат взрыва устройства мощностью 21 килотонна тротилового эквивалента превзошел все ожидания, несмотря на то что бомба представляла собой крайне примитивную конструкцию. Успех «Тринити» придал Трумэну уверенность в том, что Америка способна в одиночку вершить судьбу мира, не считаясь ни с чьим мнением, и прежде всего с русскими. Американский президент, склонный, как и многие лидеры «Страны свободы», видеть себя в роли ставленника самого Господа Бога, придал факту обладания ядерным оружием религиозный смысл, обильно цитируя своим соратникам стихи из Библии, где говорилось об огненном дожде и каре небесной. Имея в своем распоряжении атомную бомбу, Гарри Трумэн возомнил себя едва ли не наместником Бога на земле. Совсем другие настроения были у реальных создателей бомбы. После первого успешного испытания Оппенгеймер проронил строки из священной индуистской книги Бхагавадгиты: «Я – Смерть, великий разрушитель миров»[7].

---

[6] *Эллсберг Д.* Машина Судного дня. Откровения разработчика плана ядерной войны. М., 2018

[7] *Оппенгеймер Р.* Вместо тысячи солнц. История ядерной бомбы, рассказанная ее создателями. 2019

Во время встречи лидеров держав-победительниц в Потсдаме американский лидер не преминул сообщить Сталину, что теперь у американцев есть новое оружие, обладающее невиданной ранее разрушительной мощью. К удивлению Трумэна, на советского руководителя это сообщение не произвело ни малейшего впечатления. Американец поспешил сделать вывод, что Сталин просто не осознал, о чем идет речь. Конечно, советский лидер прекрасно понимал, что американцы испытали свою атомную бомбу, как понимал он и то, что собственная бомба не будет разработана в течение еще одного-двух лет. В то же время Москве, регулярно получавшей разведывательную информацию об американской ядерной программе, было понятно, что попытки США запугать СССР бомбой пока что остаются больше блефом. Слишком мало ядерных боеприпасов имелось в распоряжении Вашингтона, не говоря уже об их несовершенстве и необходимости доставлять их к цели.

Тем не менее Трумэн, который долго размышлял над способами заставить Японию капитулировать таким образом, чтобы заодно показать русским свою силу и нежелательность их вмешательства, восторженно ухватился за идею атомной бомбардировки территории противника. Эта идея вызвала отторжение и критику со всех сторон. Так, группа задействованных в Манхэттенском проекте ученых во главе с Л. Силлардом обратилась к президенту с просьбой воздержаться от атомных бомбардировок Японии, которая, как справедливо отмечали разработчики бомбы, была готова капитулировать. Отдавая должное желанию Трумэна образумить японцев, а заодно поиграть мускулами на виду у Москвы, Силлард и его коллеги предложили устроить еще одно испытание атомного устройства – на этот раз в присутствии международных, в том числе и японских, наблюдателей. Ученые справедливо полагали, что такая демонстрация заставит Токио капитулировать.

Одновременно группа ученых из Чикагского университета во главе с нобелевским лауреатом Дж. Франком подготовила для президента доклад («Доклад Франка»[8]), в котором обстоятельно обосновывалась пагубность плана нанесения атомных ударов по Японии для будущего самих Соединенных Штатов. Как и письмо Силларда и его коллег, этот документ остался без внимания со стороны Белого дома.

Однако не только представители научной общественности, но и многие видные политики и военачальники выступили против трумэновских планов массового убийства мирных жителей во имя эфемерных политических интересов. Нужно отдать должное американскому военному командованию: подавляющее большинство генералов и адмиралов, возглавлявших вооруженные силы США во Вторую мировую войну, выступили против планов атомной бомбардировки. Здесь можно отметить имена таких генералов, как Д. Эйзенхауэра, Д. Макартура, Дж. Маршалла, Г. Арнольда, К. Лемэя, адмиралов – Ч. Нимица, Э. Кинга, У. Лихи. Примечательно, что даже руководство амери-

[8] Доклад военному министру США. Июнь 1945.

канских ВВС (Арнольд, Лемэй), не видевшее ничего предосудительного в уничтожении японских городов с воздуха, не поддержало идею президента. Военный министр Г. Стимсон, который первым рассказал новому президенту об атомной бомбе, также высказался против задуманной операции. Генерал Маршалл заявил, что если президент тверд в своем намерении опробовать новое оружие на территории противника, то нужно хотя бы довести до него информацию о целях готовящихся ударов, чтобы дать возможность заблаговременно эвакуировать мирное население, тем более что японцы, потерявшие практически все самолеты, заведомо не могли бы предотвратить удар[9].

Аргументация противников атомных бомбардировок была разнообразна. Прежде всего подчеркивалось отсутствие военной необходимости наносить подобный удар по стране, которая уже не имеет возможности эффективно сопротивляться и ждет лишь одного – гарантий безопасности императора. Критики идеи Трумэна обращали внимание на то, что советские руководители мыслят далеко не так примитивно, как представлял себе американский президент: будучи хорошо осведомлены о реальных возможностях Вашингтона в области атомного оружия, они не отреагируют на грубый шантаж со стороны США. Внешнеполитический эффект от применения атомной бомбы, утверждали оппоненты Трумэна, будет обратным: СССР продолжит наращивать военную мощь, исходя из понимания того, что времена Рузвельта прошли и Белый дом окончательно решил вести разговор с позиций силы. Еще одним аспектом, на который указывали противники бомбардировок, была перспектива начала гонки вооружений. Американские ученые вполне справедливо полагали, что СССР форсированными темпами разрабатывает собственную бомбу, физические принципы действия которой не представляют значительного секрета.

Эта аргументация не произвела впечатления на главных сторонников применения атомного оружия против уже разгромленной страны. К таковым относились прежде всего сам Трумэн, Бирнс и Гровс, который не мог смириться с мыслью, что плод его трудов не будет испытан в боевой обстановке (если таковой, конечно, можно назвать удары по мирным городам). Слабо разбиравшийся в технических аспектах ядерного оружия Трумэн заявил Оппенгеймеру, что примитивная наука и промышленность русских в принципе не способна создать атомную бомбу (любопытно, что обслуживавшие американскую пропаганду менее выдающиеся ученые в те годы активно выступали в печати, обосновывая этот тезис). Американский лидер не понимал тех сомнений относительно применения бомбы, которые испытывали люди из его окружения. По-видимому, до последнего дня он так и не смог осознать этого, о чем свидетельствует одно из интервью, данное им на склоне лет. Когда журналист принялся осторожно расспрашивать бывшего президента о том, как, наверное,

[9] *Оппенгеймер Р.* Вместо тысячи солнц. История ядерной бомбы, рассказанная ее создателями. 2019.

непросто далось ему решение о бомбардировке Хиросимы и Нагасаки, Трумэн лишь щелкнул пальцами, заметив, что именно так оно и было принято.

Итак, принципиальное решение о бомбардировке было принято, однако оставался вопрос о выборе цели. Этот вопрос рассматривал специальный комитет во главе с генералом Гровсом, который следующим образом сформулировал требования к объекту будущего удара: «Выбранные цели, должны быть таковы, что бомбардировки повлекут за собой самые неблагоприятные последствия для стремления японского народа продолжать войну. Помимо это, они должны иметь военный характер, представляя собой важные узлы управления или места скопления войск, а также центры производства военной техники или предметов снабжения. Для того, чтобы мы смогли точно оценить эффект от применения бомбы, цели не должны быть затронуты предшествующими воздушными рейдам. Было бы также желательно, чтобы первая цель имела такой размер, который позволит полностью локализовать ущерб в ее пределах – таким образом, чтобы мы смогли более определенно измерить мощность бомбы». Исходя из этих формулировок, становится очевидно, что в дополнение к политической направленности атомные бомбардировки Японии имели характер исключительного по своей жестокости «эксперимента», призванного выявить реальные возможности нового оружия. О военной целесообразности операции речи не шло априори.

Вскоре, однако, выяснилось, что во всей Японии едва ли найдется объект, который бы идеально отвечал данным требованиям, поскольку за несколько месяцев 1945 года американская авиация успела разбомбить все более или менее значимые города на территории противника. Тем не менее был составлен список городов, в той или иной степени подпадающих под описанные критерии. Этот список включал в себя Иокогаму, Нагою, Осаку, Кобе, Хиросиму, Кокуру, Фукуоку, Нагасаки и Сасебо. Позднее к этому списку был добавлен еще целый ряд городов, включая Киото – культурную столицу Японии. Киото, однако, был вычеркнут из списка целей лично Стимсоном, который в свое время провел там медовый месяц. В конечном итоге комитет Гровса принял точку зрения, высказанную Бирнсом, суть которой сводилась к тому, что для удара нужно выбрать какой-нибудь завод, окруженный рабочими кварталами, сбросить бомбу без предварительного предупреждения. Последнее делалось в интересах «качества эксперимента», поскольку иначе невозможно было бы оценить количество жертв нового оружия.

26 июля 1945 года, за десять дней до первого атомного удара в истории, союзники предъявили Японии ультиматум, известный как Потсдамская декларация. В нем говорилось, в частности, следующее: «Могучие силы, которые теперь приближаются к Японии, неизмеримо более тех, которые, будучи применены к сопротивляющимся нацистам, естественно опустошили земли, разрушили промышленность и нарушили образ жизни всего германского народа. Полное применение нашей военной силы, подкрепленной нашей решимо-

стью, будет означать неизбежное и окончательное уничтожение японских вооруженных сил, столь же неизбежное полное опустошение японской метрополии»[10].

Что касается непосредственно условий, которые содержались в ультиматуме, то они были сформулированы следующим образом: «Навсегда должны быть устранены власть и влияние тех, которые обманули и ввели в заблуждение народ Японии, заставив его идти по пути всемирных завоеваний…Мы не стремимся к тому, чтобы японцы были порабощены как раса или уничтожены как нация, но все военные преступники, включая тех, которые совершили зверства над нашими пленными, должны понести суровое наказание»[11]. Как явствует из текста заявления, никакой ясности по самому болезненному для японцев вопросу привнесено не было.

Описывая последующие события, Черчилль, который сам был яростным поборником применения нового оружия против японцев, был предельно лаконичен: «Военные правители Японии отвергли эти условия, и военно-воздушные силы США в связи с этим стали готовиться к тому, чтобы сбросить одну атомную бомбу на Хиросиму и одну на Нагасаки»[12].

Более развернутую и правдивую оценку решению американского руководства, приведшему в конечном итоге к уничтожению сотен тысяч людей в Хиросиме и Нагасаки, дает в своем стратегическом обзоре Второй мировой войны генерал Фуллер. Его слова настолько точно передают историческую реальность, что достойны того, чтобы быть приведены полностью:

«Хотя и похвально спасать жизнь людей, однако это ни в какой мере не оправдывает применение средств, противоречащих всем требованиям гуманности и обычаям воины. Если стать на точку зрения возможности их применения, то под предлогом сокращения войны и спасения жизней надо будет оправдывать любые жестокости. Решение применить новое оружие, наперед зная его силу, а президент Трумэн и г–н Черчилль знали это, могло означать только одно:

“Если безоговорочная капитуляция не последует немедленно, то избиение японского народа будет безграничным”.

Эти слова подтверждаются заявлением президента Трумэна от 6 августа:

“Если они [японцы], – сказал он, – не примут теперь наши условия, то пусть ожидают с воздуха такой сокрушительный ливень, какой никогда еще не видели на нашей планете”.

Так гангстер говорит своей жертве: “Если ты не сделаешь того, что я требую, я перестреляю твою семью”»[13].

---

[10] Потсдамская декларация 1945 года, 26 июля.

[11] Там же.

[12] *Черчилль У.* Вторая мировая война: В 3-х кн. М.: Воениздат, 1991.

[13] *Фуллер Дж.Ф.С.* Вторая мировая война 1939–1945 гг. Изд-во иностранной литературы.

Дальнейшие события хорошо известны и не нуждаются в детальном изложении. 6 августа первая бомба была сброшена на Хиросиму, в которой почти мгновенно погибло около 90 тысяч человек (некоторые исследователи, впрочем, называют цифру в 150–160 тысяч жертв). Японцы, привыкшие к воздушным налетам, не обратили внимание на несколько одиночных самолетов, появившихся над городом, приняв их за разведчиков. Те из жителей города, которые находились в эпицентре взрыва не просто погибли, их тела испарились от огромной температуры, оставив на земле пятна в форме человеческого силуэта – печально знаменитые «тени Хиросимы». Еще 70 тысяч умерло от травм и последствий поражения радиацией до конца года. Согласно официальной статистике, к 1950 году количество погибших достигло 200 тысяч человек, прежде всего за счет людей, получивших в результате бомбардировки онкологические заболевания. Кроме того, нужно учитывать десятки тысяч случаев лейкемии и других заболеваний у детей, появившихся на свет уже после американской атаки, а также многочисленные факты врожденных уродств, умственной отсталости и другие последствия бомбардировки.

Через три дня после Хиросимы атаке подвергся Нагасаки. Этому городу в определенном смысле повезло, поскольку облачность и неполадки заставили пилотов сбросить бомбу при первой удобной возможности, без тщательного прицеливания и повторных заходов на цель. Кроме того, Нагасаки имел вытянутую форму, а также был разделен надвое горным хребтом, заслонившим от взрыва часть города. Тем не менее число жертв среди жителей превысило 80 тысяч человек (включая умерших до конца года). К 1950 году эта цифра увеличилась до 140 тысяч. Таким образом, совокупная численность жертв обеих атомных бомбардировок, по некоторым оценкам, может составить около полумиллиона человек, что сопоставимо с общим числом жертв стратегических бомбардировок Германии.

На следующий день после удара по Нагасаки Гровс направил в адрес Маршалла меморандум о готовности применить очередную бомбу. Начальник штаба американской армии на этот раз смог дать отпор руководителю Манхэттенского проекта, сославшись на необходимость дальнейших консультаций с президентом.

Реакция Трумэна на успешное применение нового оружия была восторженной. Он объявил, что заявление о бомбардировке Хиросимы, которое он сделал для широкой публики, было самым счастливым из всех заявлений, сделанных за всю его жизнь. 9 августа он обратился к согражданам со следующими словами: «Создав атомную бомбу, мы применили ее. Мы применили ее против тех, кто без предупреждения атаковал нас в Перл-Харборе, против тех, кто заставлял голодать, бил и убивал американских военнопленных, против тех, кто попрал все международные правила ведения войны. Мы использовали ее для того, чтобы сократить агонию войны, чтобы спасти жизни тысяч и тысяч молодых американцев. Мы будем продолжать использовать атомное

оружие… до тех пор, пока полностью не уничтожим японские возможности ведения войны. Только капитуляция Японии остановит нас»[14].

Впрочем, торжество Трумэна было испорчено тем, что в день бомбардировки Нагасаки Москва объявила войну Японии. За считанные дни советские войска разгромили в Маньчжурии мощную Квантунскую армию численностью более миллиона человек, ликвидировали марионеточное государство Маньчжоу-го, освободили юг Сахалина и Корейский полуостров, принудили к капитуляции японские войска на Курильских островах. На очереди стояла высадка непосредственно на Хоккайдо, которая была отменена по личному указанию Сталина.

Открыв боевые действия против Японии строго в соответствии с договоренностями, достигнутыми в ходе Потсдамской конференции в июле–августе 1945 года, Москва продемонстрировала готовность до конца выполнять свой союзнический долг. При этом СССР действовал строго в рамках норм международного права, денонсировав за четыре месяца до объявления войны советско-японский пакт о нейтралитете 1941 г. Это соглашение не помешало Токио вплоть до 1945 года держать вдоль советской территории группировку войск численностью до 1,5 миллионов человек, вынуждая Москву даже на самых тяжелых этапах Великой Отечественной войны сохранять на дальневосточном направлении существенные (свыше миллиона военнослужащих) силы прикрытия. Кроме того, с момента подписания пакта о нейтралитете японцы 1392 раза нарушали государственную границу СССР. Наконец, впоследствии также было установлено, что вплоть до конца 1943 года Япония готовила план агрессии против СССР, предусматривавший захват территорий до Омска.

В то же время сама Москва, несмотря на готовность союзников компенсировать вступление СССР в войну присоединением новых обширных территорий, еще на этапе переговоров отказалась от любых аннексий, заявив лишь о стремлении вернуть отторгнутый японцами в 1905 году Южный Сахалин и уступленные им в 1875 году Курилы.

Осознав к лету 1945 года вероятность вступления СССР в войну, японское командование скорректировало свои стратегические планы. Токио исходил из того, что развернутой в Маньчжурии Квантунской группировке численностью более 1 миллиона человек удастся отразить попытки советского наступления, создав условия для начала мирных переговоров. Учитывая сложнейшие физико-географические условия региона, огромную площадь театра военных действий (около 14% территории современного Китая), а также наличие в приграничной с СССР полосе 17 мощных укрепленных районов, японские стратеги полагали возможным держать оборону на маньчжурском направлении не менее года.

Однако, вопреки этим прогнозам, советская армия всего за одиннадцать дней полностью разгромила Квантунскую группировку, что стало беспреце-

[14] August 6, 1945: Statement by the President Announcing the Use of the A-Bomb at Hiroshima.

дентным достижением не только для Второй мировой войны, но и для всей истории военного искусства[15]. По мнению авторитетных экспертов, именно молниеносный разгром наиболее мощных соединений сухопутных войск Японии стал определяющим для принятия Токио решения о безоговорочной капитуляции. Несмотря на продвигаемую американцами точку зрения, японское командование не придало того эпохального значения ядерным ударам по Хиросиме и Нагасаки, как это представлялось в Вашингтоне, по сути, в Токио просто не смогли разобраться, насколько мощное оружие было применено против них. Потеря Маньчжурии не только подорвала моральный дух японского командования, но и свела к нулю военно-экономический потенциал Токио (в регионе располагалось до 55% мощностей по производству синтетического горючего и другие стратегические предприятия).

Император Хирохито объявил о капитуляции 15 августа 1945 года. Перед этим Токио еще раз запросило у союзных держав информацию по поводу судьбы императора, на что был дан ответ: «С момента капитуляции власть императора и японского правительства в отношении управления государством будет подчинена "Верховному командующему союзных держав"»[16]. Это означало, что император, хотя и вынужденный считаться с оккупационными властями, не будет подвергнут репрессиям. Причины, по которым этот ответ не мог быть дан до того, как десятки тысяч жителей Хиросимы и Нагасаки были заживо сожжены ядерными взрывами, заключаются исключительно в поверхностной и бесчеловечной логике устрашения, которой руководствовался Гарри Трумэн.

2 сентября 1945 года на борту американского линкора «Миссури», вошедшего в Токийский залив, состоялась официальная церемония подписания капитуляции Японии. Вторая мировая война окончилась, однако, как и Первая мировая война, условия, на которых она была окончена, заложили фундамент для дальнейшей конфронтации в глобальном масштабе.

Не только японцы, но и сами американцы были в значительной степени лишены доступа к информации о реальных последствиях атомных бомбардировок. Сведения о том, какие страдания пришлось пережить японцам в Хиросиме и Нагасаки, скрывались по целому ряду причин. Прежде всего, американских граждан тщательно ограждали от мысли о том, что руководство страны может подвергнуть жителей других государств чудовищным страданиям «во имя Америки». С другой стороны, в сознании американцев поддерживался «положительный» образ ядерной бомбы как «абсолютного оружия», которое может оградить Соединенные Штаты от любой внешней угрозы, но

[15] Отметим, что в ходе советско-японской войны США не только неоднократно саботировали союзнические договоренности, но и пытались напрямую препятствовать проводимым советскими силами операциям, например, минируя заранее согласованные районы действий ВМФ СССР, что привело к жертвам среди моряков Тихоокеанского флота.

[16] Капитуляция Японии во Второй мировой войне. РИА. 2020.

при этом не несет большого риска для них самих. Готовя своих граждан к возможной ядерной войне, правительство заботилось о том, чтобы они поменьше знали, к примеру, о страданиях, причиняемых лучевой болезнью или страшных ожогах, вызываемых световым излучением от взрыва. Генерал Гровс, который стал одним из самых убежденных пропагандистов атомного оружия, дошел до утверждения, будто смерть от воздействия радиоактивного излучения настолько легка и безболезненна, что в некотором смысле даже является приятной[17].

Заканчивая тему американских атомных бомбардировок Японии, следует обратить внимание еще на один важный аспект, касающийся исторической памяти японского народа о пережитой трагедии. Парадоксальным образом то, что произошло в Хиросиме и Нагасаки, на долгие десятилетия стало нежелательной, а зачастую и вовсе запретной темой. Это не только создало многочисленные трудности для «хибакуся» (так японцы называют переживших бомбардировки), которые нередко рассматривались как отверженные и подвергались постыдной дискриминации. Такое положение дел оказалось крайне выгодным для американской пропаганды, которая приложила все усилия к тому, чтобы изгладить из памяти японского народа следы преступлений, совершенных против него. Сегодня, когда еще живы многие «хибакуся», опросы, проводимые среди новых поколений жителей Страны восходящего солнца, показывают поистине удивительные результаты[18]. Так, далеко не все молодые японцы вообще знают, что произошло в Хиросиме и Нагасаки в августе 1945 года. Немало тех, кто все же осведомлен об атомных бомбардировках, но они искренне полагают, что их провела советская сторона. Те немногие из числа молодежи, кто все же знает, что атомные бомбы на японские города сбросили американские самолеты, утверждают, что это было вполне оправданно необходимостью скорейшего завершения войны. Упрощенный тезис о том, что ядерные удары поставили точку в войне («Упали две бомбы – и война закончилась», по выражению советника Рузвельта по науке В. Буша) стал частью исторического самосознания. Стоит подчеркнуть, что этому во многом способствуют сами японские власти. На памятных мероприятиях в Японии в 2022 году официальные лица, стремясь угодить американцам, и вовсе ни разу не упоминали о том, что именно США сбросили бомбы на Хиросиму и Нагасаки, зато охотно рассказывали о «русском милитаризме».

[17] «Мы использовали чистое оружие» Почему США скрывали правду о радиации и лучевой болезни в Хиросиме. Лента. 2020.

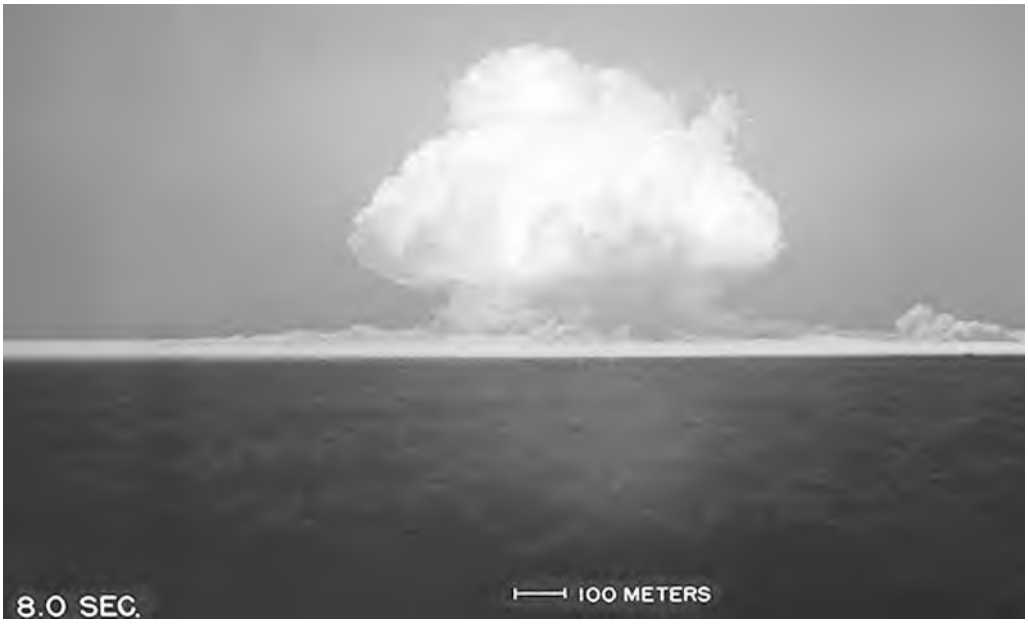
[18] *Гашков И.* «Давайте забудем об этом»: США и трагедия Хиросимыю ТАСС, 2023.

Иллюстрации к главе 18

Сожжённый Токио.

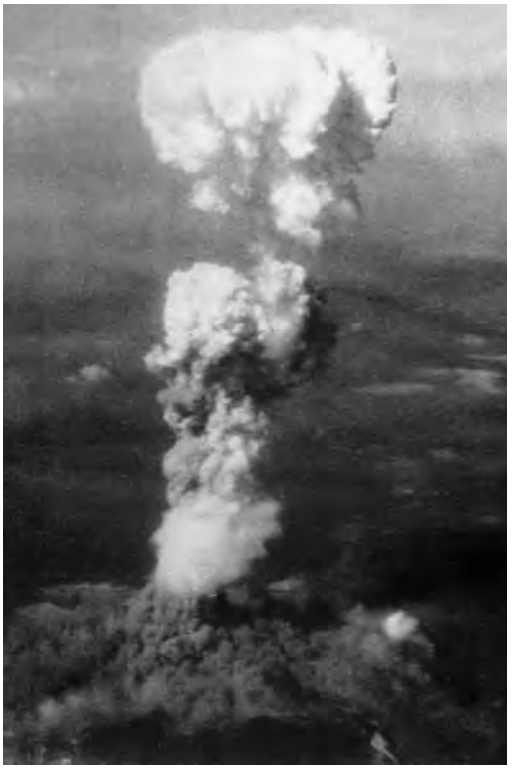
Бомбардировщик B-29 «Суперкрепость».

Президент Трумэн и госсекретарь Бирнс.



Первое испытание ядерного оружия.

Участники «Манхэттенского проекта».



Взрывы над Хиросимой и Нагасаки.

Нагасаки после атомной бомбардировки.

Хиросима после атомной бомбардировки.

Глава 19

Дорога к холодной войне

Как и в случае Первой мировой войны, среди всех держав, активно участвовавших в конфликте, США понесли наименьшие потери, получив при этом огромные дивиденды. Америка закончила войну, обладая наиболее мощной (после советской) армией в мире. Если в предвоенное время (1939 г.) сухопутные войска США насчитывали около 190 000 человек, то к 1945 году эта цифра возросла до 8 200 000 военнослужащих.

Военно-морской флот США в 1945 г. не имел себе равных и мог решать любые задачи в любой точке земного шара. От предвоенной численности в 125 000 человек флот вырос до 3 380 000 военнослужащих. К этому следует добавить и огромный Корпус морской пехоты, насчитывавший перед войной чуть менее 20 000 солдат и офицеров. К концу войны эта цифра возросла до 474 000. Аналогично изменилась численность корабельного состава флота. Если войну ВМС США начал с 7 авианосцами, то закончил ее с 125 кораблями такого класса.

Наконец, ВВС США вступили в войну, имея около 13 000 самолетов (4477 боевых и 7820 вспомогательных). К 1945 г. в их рядах числилось уже почти 64 000 единиц (41 100 и 22 550 соответственно).

Кроме того, США сохраняли монополию на ядерное оружие вплоть до лета 1949 г., когда в СССР была испытана собственная атомная бомба.

Опираясь на свое военное доминирование, США вновь попытались взяться за переустройство мира по выгодным им шаблонам. Однако теперь Вашингтону приходилось учитывать интересы СССР, роль которого в достижении решающего перелома в войне попросту невозможно было отрицать, тем более что военно-морскому и военно-воздушному доминированию американцев Москва противопоставила беспрецедентную в мировой истории сухопутную мощь. В этой ситуации Белому дому пришлось договариваться.

В отличие от Первой мировой войны, по итогам которой так и не сложилось работоспособного и, самое главное, инклюзивного инструментария стабилизации международных отношений, из Второй мировой войны человечество вышло с развитой системой глобального управления. После 1945 года сформировались принципы для согласованного регулирования мировой системы на межгосударственной основе при обязательном учете интересов ведущих держав мира, прежде всего США и СССР, которые сыграли решающую роль в разгроме германского фашизма и японского милитаризма. Организация Объединенных Наций, при всех ее недостатках, стала работающим механизмом профилактики разрастания противоречий между великими державами до уровня открытого конфликта.

В этом отношении важно обратить внимание на глобальные экономические итоги Второй мировой войны. Конфликт внес решающий вклад в преодоление кризиса американской экономики. Гигантские государственные инвестиции вместе с жестким регулированием экономики помогли окончательно преодолеть Великую депрессию. Военно-промышленный комплекс потребовал большое количество рабочей силы, что позволило окончательно побороть безработицу. Важнейшим работодателем стали и сами американские вооруженные силы, через которые за время войны прошли 16 млн человек.

Однако не только американская экономика преобразилась в результате Второй мировой войны. Более важным является то, что под американские интересы была подстроена вся международная финансовая система. В 1944 г. представители 44 государств собрались в США на Валютно-финансовой конференции объединенных наций, более известной как Бреттон-Вудская (по месту ее проведения). В результате была выработана договоренность о создании Международного валютного фонда, Международного банка реконструкции и развития, а также о переходе к золотому стандарту. Поскольку к концу войны Вашингтон сосредоточил в своем распоряжении больше половины мировых золотых запасов (немалый вклад внесли выплаты Великобритании и СССР за военные поставки), данная модель наилучшим образом отражала американские интересы.

Бреттон-Вудская система просуществовала до 1978 г., когда США в одностороннем порядке отказались от золотого стандарта (произошел переход к Ямайской системе), однако Бреттон-Вудские институты (к ним позднее добавился Всемирный банк и Всемирная торговая организация) и самый «дух Бреттон-Вудса» существуют и в наши дни. Следует отметить, что советская делегация принимала участие в работе конференции, однако СССР не подписал ее итоговые документы.

В результате перехода к новой системе международных экономических отношений была закреплена возможность США оказывать непосредственное влияние как на глобальные рынки, так и на развитие отдельно взятых стран. За долларом был закреплен статус мировой валюты. Был провозглашен отказ от экономического национализма, то есть защиты государствами национальных экономик в пользу стратегии открытых рынков, что в полной мере отвечало интересам США, ставших экономикой номер один в мире. Все это в совокупности позволило американцам создать эффективные экономические инструменты влияния на суверенные государства. По сути, началась тотальная долларизация мировой экономики, проводившаяся через Международный валютный фонд. Вскоре многие страны, которые в довоенное время успешно проводили самостоятельную финансовую, торговую и промышленную политику, по сути, потеряли экономический суверенитет, попав в зависимость от решений Федеральной резервной системы США.

Как и в 1918 году, в 1945 году США осуществили передел мира с той разницей, что теперь у них уже не было влиятельных соперников из числа атлантических стран – Великобритании и Франции. Кроме того, передел заключался не в изменении границ или колониальных захватах, а в установлении экономического контроля. МВФ, МБРР и позднее Всемирный банк стали незаменимыми инструментами в этом процессе. Вашингтон прекрасно понимал, что Вторая мировая война подвела черту под существованием классических колониальных империй. Пройдет всего несколько лет после победы, как Англия потеряет Индию, Нидерланды – Индонезию, «парад суверенитетов» прокатится по африканским странам, затем наступит очередь Алжира и французского Индокитая. В индустриальном плане колонии были слабо развиты, являясь преимущественно поставщиками ресурсов для метрополии. В этих условиях масштабные финансовые вливания в развивающиеся экономики становились удобным способом установить контроль Вашингтона над тем или иным государством. Была разработана специальная экономическая теория, которая обещала бывшим колониям быстрый экономический рост и ускоренную индустриализацию. На практике это привело к созданию системы неоколониализма, когда формально суверенные государства оказывались полностью подконтрольны заокеанскому правительству.

Американский контроль был установлен не только над слаборазвитыми странами. План, разработанный под руководством Дж. Маршалла, ставшего после войны госсекретарем, предусматривал оказание масштабной финансовой помощи государствам Западной Европы. Согласно плану, США выделяли субсидии и беспроцентные займы европейским государствам, которые шли на восстановление промышленности и сельского хозяйства, разрушенного войной. При этом реципиентами помощи стали не только участвовавшие в войне Великобритания, Франция, Италия, Бельгия, Нидерланды, Люксембург, Норвегия, Дания, Австрия, Греция, но и сохранявшие нейтралитет Швеция, Ирландия, Исландия, Португалия, Швейцария, Турция. Позднее План Маршалла распространился на ФРГ. Наибольшие вливания были сделаны в экономику Англии и Франции, затем следовали ФРГ, Италия и Нидерланды. Таким образом, США смогли закрепить позиции американского капитала в пяти ведущих промышленных державах Европы[1].

План Маршалла был также применен в Японии и ряде других восточноазиатских стран. Следует отметить, что план послевоенного экономического восстановления с наибольшим успехом был осуществлен именно в Японии. В этой стране была наиболее последовательно внедрена американская модель развития, которая имеет в своей основе уже описанную выше спираль государственного долга, подогреваемую активной деятельностью военно-промышленного комплекса. Особенности японского варианта американской модели развития ярко выявляются в наше время, с переходом страны к так

[1] European Recovery Program, «Программа восстановления Европы». 1947.

называемой абэномике. События ближайших лет неизбежно поставят перед этой моделью развития те же самые проблемы, которые уже не первый год стоят перед Вашингтоном. Наиболее простым, по всей видимости, окажется классическое американское решение – наращивание международной напряженности и провоцирование вооруженных конфликтов.

В ФРГ, попавшей в непосредственную оккупацию союзников, проводился процесс денацификации, затрагивавший не только физических лиц, но и предприятия. Под видом «очищения» германской экономики от милитаристской составляющей американские оккупационные власти занимались ликвидацией корпораций-конкурентов и перестройкой промышленности по удобной им модели. В результате новая западногерманская экономика оказалась не менее милитаризованной, чем это было во времена Третьего рейха.

Побежденная Германия принесла США не только экономические дивиденды и стратегические позиции в центральной Европе. В Третьем рейхе были разработаны поистине революционные технологии, о существовании многих из которых на Западе даже не догадывались. Немецкие ученые достигли значимых результатов в области реактивной авиации, ракетостроения, ядерной энергии, радиолокации, электроники, акустики. Большие достижения были сделаны в химии, медицине, биологии. Для того чтобы максимально использовать германский технологический потенциал, по приказу Трумэна была развернута секретная операция «Скрепка»[2]. Официальный приказ, утвержденный президентом, особо оговаривал, что речь идет о добровольной вербовке ученых, которые не состояли в национал-социалистической партии и не были убежденными нацистами. Насколько искренен был Трумэн, отдавая этот приказ, свидетельствует хотя бы тот факт, что ключевая фигура будущей американской космической программы В. фон Браун ранее был признан союзными властями «явной угрозой безопасности» из-за своего нацистского прошлого. Впрочем, это не помешало ему оказаться в США и продолжить работу теперь на Вашингтон. Разумеется, вопрос о том, в какой степени его решение было добровольным, остается открытым.

В целом, процесс денацификации в побежденной Германии проводился американцами и британцами крайне избирательно и непоследовательно (в отличие от действий советских властей, которые буквально на корню уничтожали любые остатки «коричневой чумы» на немецкой земле). Расчет англосаксов был очевиден: нацисты с их огромным опытом должны были стать в авангарде борьбы с «русской угрозой» в послевоенные годы. Еще на последнем этапе войны Черчилль обсуждал с американцами план операции «Немыслимое», согласно которому англо-американские войска в 1945 году предполагалось объединить с остатками гитлеровских армий для совместного наступления против советских сил. И если этот план так и не был реализован, то другие «немыслимые» вещи в американской и британской юрисдикциях и зонах вли-

[2] *Журавлев П.* Как США укрывали нацистских преступников. Международная жизнь, 2022.

яния начали твориться сразу после победы. Костяк новых западногерманских служб нередко составлялся из бывших кадров СС, гестапо и вермахта. Достаточно сказать, что нынешняя Федеральная служба разведки (БНД) выросла из «организации Гелена», которой руководил начальник военной разведки вермахта.

Тайное привлечение нацистов и их пособников на службу Западу имело и другую цель – создать «спящие ячейки», которые в случае советского вторжения в Европу начнут террористическую войну. Это создавало благодатную почву для возрождения неонацизма на Западе. Опираясь на созданный после войны задел, в 1950-е годы в странах НАТО по инициативе США были организованы экстремистские полувоенные подразделения «Гладио», которые состояли из бывших нацистов, фашистов и их пособников. Эти отряды занимались убийствами неугодных политиков и общественных деятелей с последующим обвинением в этом коммунистов. Документально доказано, что прокатившиеся в 1950–1960 годы по Италии, Франции, Бельгии, Германии и другим странам волны терактов с сотнями человеческих жертв, стали результатом деятельности «Гладио».[3]

Американцы и их союзники не стеснялись спасать от справедливого суда даже самых одиозных преступников, прислуживавших нацистам. Благодаря этому, тысячи украинских экстремистов, в буквальном смысле по локоть запятнанные в крови, смогли укрыться за океаном. Их главным зарубежным прибежищем стала Канада, где еще в конце XIX века начала формироваться крупнейшая украинская диаспора. Ее основали выходцы Австро-Венгрии (напомним, что именно этой империи принадлежал запад Украины с центром в Лем-берге – нынешнем Львове). После 1945 года в Канаде оказались тысячи «борцов с коммунизмом», а на деле – пособники нацистов, коллаборационисты, бандеровцы, военные преступники, которых Оттава принимала по указке США, грубо нарушая союзнические договоренности с Москвой. Позднее, после 1991 года, с этого плацдарма в «свободную Украину» хлынул поток подготовленных на Западе «диссидентов» и «политэмигрантов», доведших Украину до того состояния, в котором она находится по сей день.

Американские власти использовали не только немецких, но и японских ученых, причем не стеснялись прибегать к услугам военных преступников. Примером является биография генерал-лейтенанта японской военно-медицинской службы Исии Сиро, осуществлявшего руководство отрядом 731 – подразделением военных медиков, действовавшим на территории оккупированного Китая. В рамках деятельности отряда осуществлялись опыты по заражению людей различными вирусами и микроорганизмами, исследовалось воздействие на организм электричества, экстремальных температур, радиации, химических веществ. В качестве подопытных выступали, в основном, китайцы из числа военнопленных или гражданского населения, а также русские

[3] Актуальная история. Операция «Гладио»: продолжение следует? РИО. 2022.

(соотношение составляло примерно 70% и 30%). После того как И. Сиро попал в плен к американцам, ему предложили работу в одном из научно-исследовательских центров армии США, где разрабатывалось биологическое оружие. В обмен генералу был гарантирован иммунитет от преследований. Излишне добавлять, что после работы в США И. Сиро, как и большинство его коллег по отряду, вернулся в Японию, где закончил свои дни уважаемым человеком.

Итак, по итогам Второй мировой войны США стали одной из двух сверхдержав, оставив далеко позади всех своих соперников на Западе. Даже некогда могучая Британская империя оказалась на вторых ролях, пускай и в особо привилегированной роли союзника номер один для Вашингтона. Теперь Америка официально стала лидером если не всего мира, то по крайней мере, той его части, которую сами американцы считали «свободной», то есть желающей идти по западному пути развития. Само понятие «западный путь» развития тогда уже ассоциировалось именно с американской моделью. Европа в глазах Америки утратила моральное лидерство, поскольку именно в ее недрах зародился нацизм, от которого США спасали европейцев (по крайней мере, так представлялось самим гражданам «Страны свободы»). Да и теперь, после победы, разрушенный Старый Свет нуждался в поддержке со стороны Вашингтона, дабы не быть завоеванным коммунистами если не с помощью внешнего военного вторжения, то посредством «ползучего» распространения коммунистического влияния внутри европейских государств.

Вторая мировая война позволила Америке перейти, наконец, к открытой и безоговорочной реализации своей гегемонистской стратегии в глобальном масштабе. Опираясь на беспрецедентный рост своего военного и экономического потенциала, американская верхушка смогла, наконец, во всеуслышание заявить о своих амбициях. При этом, конечно, они не упускали случая приукрасить свои воинственные заявления возвышенными рассуждениями об общечеловеческих ценностях и глобальной миссии США, которые несут свободу всему человечеству. Споры о месте и роли США в мире, казалось, навсегда ушли в прошлое. Дипломат и ученый Х. Кливленд писал: «В джунглях современной международной политики мы являемся львом. Некоторые американцы, их мало, могут и сейчас предпочитать другую международную роль – мыши, попугая или, быть может, улитки. Но, как представляется, большинство американцев, если дать им возможность выбора, предпочтут вести за собой, а не быть ведомыми и воспользоваться нашей огромной мощью, чтобы построить такой мир, в котором мы хотели бы жить, а не передавать кому-то другому ответственность за создание мира»[4].

Уже через два года от былого союзничества с СССР не осталось и следа. Советский Союз усилиями американской пропаганды вновь превратился в угрозу номер один, а симпатичный «Дядюшка Джо», как называли американцы Сталина, вновь стал изображаться как кровавый тиран, мечтающий при-

[4] *Яковлев А.Н.* От Трумэна до Рейгана. Доктрины и реальности ядерного века. М., 1985.

брать к рукам весь мир. Уже в 1946 году началась холодная война, архитекторами которой выступили Гарри Трумэн и Уинстон Черчилль.

В тот год Черчилль, лишившийся в конце войны премьерского кресла, предпринял поездку в США как частное лицо для лечения. В ходе поездки возник замысел организовать выступление британца, посвященное его оценкам международной ситуации. Решено было провести лекцию в стенах Вестминстерского колледжа – престижного учебного заведения в штате Миссури, откуда происходил Трумэн, сопровождавший высокого гостя. Знаменитая Фултонская речь Черчилля, в которой впервые прозвучали слова о «железном занавесе», была единогласно признана современниками декларацией начала холодной войны. Ее квинтэссенцией можно считать одну из заветных черчиллевских мыслей о глобальном англосаксонском доминировании, которое не только необходимо, но и в значительной степени неизбежно в текущей обстановке, и конечно же, благотворно для всего человечества:

«Мне трудно представить, чтобы обеспечение эффективных мер по предотвращению новой войны и развитию тесного сотрудничества между народами было возможно без создания того, что я бы назвал братским союзом англоязычных стран. […] Не пройдет и полвека, как 70 или 80 миллионов британцев, проживающих как на нашем маленьком острове, так и по всему широкому свету – что не мешает им быть едиными в своей приверженности давним британским традициям, британскому образу жизни и делу сохранения мира между народами, – будут жить в мире и счастье, пользуясь всеми благами цивилизации. Если народы Великобритании и Британского Содружества наций объединят свои усилия с народом Соединенных Штатов Америки на основе тесного сотрудничества во всех областях и сферах – и в воздухе, и на море, и в науке, и в технологии, и в культуре, – то мир забудет о том неспокойном времени, когда пресловутое, но столь неустойчивое равновесие сил могло провоцировать некоторые страны на проведение политики непомерных амбиций и авантюризма, и человечество наконец-то сможет жить в условиях полной и гарантированной безопасности»[5].

Нелишне будет вспомнить слова Сталина, прокомментировавшего выступление Черчилля в Миссури: «Господин Черчилль и его друзья поразительно напоминают в этом отношении Гитлера и его друзей. Гитлер начал дело развязывания войны с того, что провозгласил расовую теорию, объявив, что только люди, говорящие на немецком языке, представляют полноценную нацию. Господин Черчилль начинает дело развязывания войны тоже с расовой теории, утверждая, что только нации, говорящие на английском языке, являются полноценными нациями, призванными вершить судьбы всего мира. Немецкая расовая теория привела Гитлера и его друзей к тому выводу, что немцы как единственно полноценная нация должны господствовать над другими нациями. Английская расовая теория приводит господина Черчилля и его друзей к

[5] Фултонская речь Уинстона Черчилля в Вестминстерском колледже. 1946.

тому выводу, что нации, говорящие на английском языке, как единственно полноценные должны господствовать над остальными нациями мира»[6]. Эти слова советского лидера актуальны и сегодня, когда англо-американские претензии на всемирную исключительность используются в качестве движущей силы глобальной антироссийской кампании, ведомой Вашингтоном и Лондоном.

[6] Интервью И. В. Сталина газете «Правда» о речи Черчилля в Фултоне (14 марта 1946 г.).

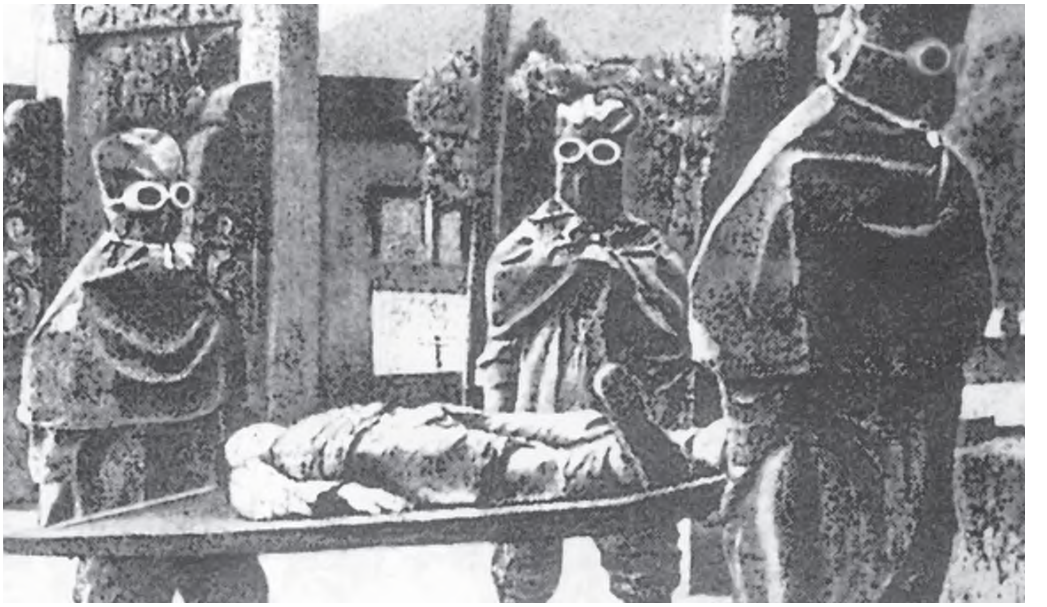
Иллюстрации к главе 19

Классический пример «политического реализма» и вытекающего из него понятия «баланса сил» дал Гарри Трумэн. Еще в 1941 году, будучи сенатором от штата Миссури, он заявил в одном из своих выступлений: «Если мы увидим, что побеждает Германия, мы должны помочь России. А если верх будет одерживать Россия, мы должны помогать Германии. И пусть они таким образом убивают друг друга как можно больше» (цит. по: Catledge T. Our Policy Stated // New York Times, 1941, June 24). Через четыре года этот же «реализм» приведет к варварским убийствам сотен тысяч мирных жителей в ходе атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки.

Дж. Маршалл в Гарварде.

Практика открытого привлечения нацистских стратегов на службу Вашингтона вызывала неприятие у многих американцев, среди которых был знаменитый режиссер Стэнли Кубрик. В комедии «Доктор Стрейнджлав, или Как я перестал бояться и полюбил бомбу», вышедшей на экраны в 1964 г., С. Кубрик высмеивает сотрудничество Белого дома с гитлеровскими геополитиками. Заглавный герой фильма – бывший нацистский стратег, чья настоящая фамилия – Мерквюрдиглибе, «странная любовь» (Стрейнджлав – дословный перевод на английский). После войны он обосновался в Вашингтоне в качестве советника по стратегии Президента США, разрабатывая геополитические доктрины, которые неизбежно включали в себя глобальную ядерную войну. При этом он не может избавиться от привычки вскидывать руку в нацистском приветствии и называть американского президента «мой фюрер». «Странная любовь» Белого дома к нацистским геополитикам является одной из малоизвестных страниц истории США, которая до сих пор тщательно скрывается американскими властями.

Руководители подразделений «Гладио».



Бесчеловечные эксперименты японского отряда 731 не помешали сотрудничеству его руководителей с США после войны.

Командир Отряда 731 Исии Сиро после войны на встрече с бывшими коллегами.

У. Черчилль во время Фултонской речи.

Р. Гелен – нацистский генерал
и респектабельный гражданин ФРГ,
основатель БНД.

Р. Гелен – годы спустя руководитель БНД.

Бреттон-Вудская конференция, положившая начало существованию одноименной системы.

Плакат в поддержку Плана Маршалла.

Глава 20

Холодная война и апофеоз «американской империи»

К тому моменту как Черчилль произнес свою речь, уже стало очевидно, что окончание Второй мировой войны привело к новому этапу геополитического противостояния, для победы в котором Вашингтон намеревался задействовать все силы и средства. Уже был разработан первый план ядерной войны против Советского Союза, предусматривавший атомные бомбардировки нескольких десятков советских городов[1]. Вашингтон также начал реализацию масштабного плана Маршалла, который был призван удержать Европу на стороне США. Готовилось создание НАТО. Агрессивное давление оказывалось на Францию и Италию, где популярность коммунистических партий, внесших огромный вклад в движение сопротивления, была столь сильной, что они могли прийти к власти по итогам выборов.

На южном направлении внимание Белого дома особенно привлекала Греция, в которой шла война между коммунистами и правыми, поддерживаемыми США, а также соседняя Турция, представлявшая собой удобный плацдарм для давления на южный фланг СССР. Заместитель госсекретаря Д. Ачесон предупреждал, что если греки и турки попадут под влияние Москвы, то под угрозой окажется все Средиземноморье, в том числе Италия и Франция[2]. Это была не только политическая, но и геополитическая угроза. На Западе хорошо помнили, что стремление взять под контроль черноморские проливы было одним из многовековых приоритетов российской политики еще со времен империи.

Именно события в Греции и Турции стали импульсом для появления доктрины Трумэна. В ней во всеуслышание признавалось разделение мира на два лагеря, которое американский лидер недвусмысленно представил в качестве борьбы добра против зла, свободы против рабства, человеческого достоинства против угнетения. Разумеется, лидером «сил добра» в его понимании стали США, а противоположный лагерь возглавил СССР.

Ключевая мысль Трумэна проста: «Почти каждая нация должна сделать выбор между альтернативными образами жизни, – говорил он, – один путь основывается на воле большинства, его отличают институты свободного общества, представительное правительство, свободные выборы, гарантии индивидуальных свобод, свобода слова и вероисповедования, а также свобода от политического преследования»[3]. Разумеется, есть и другой путь. В его основе, утверждал американский президент, лежит «воля меньшинства, которая на-

---

[1] *Овчинников В.* План «Дропшот» намечал в нашей стране 300 новых Хиросим. РГ, 2020.

[2] Satterthwaite J. The Truman Doctrine: Turkey. America and the Midle East, 1972.

[3] Truman Doctrine (1947).

сильно навязывается большинству». Очевидно, речь идет о СССР, который, по мысли Трумэна, желает установить марионеточные коммунистические режимы в тех странах, которые еще колеблются. Греция и Турция – наиболее яркие примеры, однако за ними могут последовать и другие государства, которые еще не приняли решение следовать по первому из путей, обозначенных в президентской речи.

Тут же Трумэн называет и цену, которую нужно заплатить за то, чтобы избежать столь неприятных событий: 400 млн долларов, а также еще целый ряд мер гражданской и военной помощи грекам и туркам. Ачесон и другие ближайшие помощники президента, разрабатывавшие доктрину, подчеркивали, что речь Трумэна относится не только к двум упомянутым странам, но и широкому кругу государств, которым «угрожает» коммунизм.

Именно финансовая помощь, которая якобы должна помочь максимально быстрому восстановлению экономики, должна превалировать, считали американские стратеги. Эту идею наиболее ярко выразил Дж. Маршалл, писавший: «…страны Западной Европы не смогут играть свою роль без помощи извне. Их народы глубоко недовольны своим положением. Если они вскоре не ощутят улучшения своих дел с помощью демократических методов, они могут оказаться вынужденными повернуть в другом направлении. Именно в этом скрывается сила тактики коммунистов: они побеждают в условиях краха, когда достаточно сильны нищета и хаос. Вот почему любая программа демократического восстановления Западной Европы должна решить не только сложные экономические проблемы, являющиеся последствиями войны, но также преднамеренный саботаж коммунистов, которые в сохранении нищеты и хаоса видят свой лучший шанс на конечную победу»[4].

Конечно, эта идея вовсе не свидетельствует о миролюбивости вашингтонских стратегов. Однако в Белом доме чувствовали невозможность развязать в ближайшее время еще одну большую войну. Напряжение сил в США было огромным, и американский народ, чуждый практике тотальной войны, нуждался в передышке. Тот же Маршалл, будучи одним из главных творцов американской военной стратегии в годы войны, признавался после ее окончания, что многие политики неоднократно обращались к нему с просьбой немедленно «задать жару русским», а заодно и Китаю, где побеждали коммунистические силы. «В то же время, – замечал генерал, – мои ресурсы по «заданию жара», – а я солдат, и кое-что знаю о возможностях «задать жару», – были равны 113 дивизиям на все Соединенные Штаты… И это было довольно смелое предложение с учетом того, что придется иметь дело с кем-то, у кого их более 260».

Вспоминая о формировании стратегии первых послевоенных лет, Трумэн писал: «Я очень хорошо представлял, что означало бы для мира возрождение американского изоляционизма. После Второй мировой войны было абсолют-

[4] The «Marshall Plan» speech at Harvard University, 5 June 1947.

но ясно, что без американского вмешательства в мире не было силы, способной на равных противостоять СССР. Если бы мы отвернулись от мира, районы – такие, как Греция, – ослабленные и расколотые в результате войны, вошли бы в советскую сферу влияния без каких-либо серьезных усилий со стороны русских…Бездействие, уход, реализация идеи «крепости Америки» могли завершиться лишь уступкой Москве огромных районов земного шара, которые сейчас для них недоступны. Это было время, когда просто необходимо было открыто поставить Соединенные Штаты Америки на стороне и во главе всего свободного мира[5]».

В центре трумэновской доктрины мысль о том, что СССР подавляет другие страны, делает их своими сателлитами и проводит репрессивную политику в отношении их населения, «заставляя любить» Москву. В то же время соседи и партнеры США – это якобы счастливые страны, которые наслаждаются свободой и равноправными отношениями: «Страны-сателлиты СССР представляют собой несчастнейшие страны мира, насколько мы можем судить по информации, поступающей к нам из-за железного занавеса. Они являют собой острейший контраст с ситуацией, имеющей место на Кубе, в Канаде, Мексике и других странах той части света, к которой относимся и мы. Ни один наш сосед не опасается нас. И им нравится иметь дело с нами, ибо мы принимаем их конкуренцию вместо того, чтобы требовать их покорности»[6].

Сегодня непросто понять, в чем именно заключается новизна трумэновских идей для своего времени. Однако следует вспомнить, что эта доктрина была сформулирована в тот момент, когда только закончилась Вторая мировая война, на всем протяжении которой американцам преподносился доброжелательный образ русских как союзников. Фильмы и плакаты демонстрировали, что русские солдаты такие же хорошие парни, как и американцы, что народы СССР сражаются за свою свободу. Все это сформировало у граждан США убеждение, что Советский Союз далеко не такое чуждое и патологически агрессивное государство, как это казалось до войны. Безусловно, у него другая идеология, другой экономический уклад и иная культура, но ведь русские так же сражаются за свободу. Москва не стала искать союза или хотя бы мира с Гитлером, а восстановив свои границы, двинула войска на запад, чтобы навсегда покончить с нацизмом. На этом фоне многие американцы полагали, что можно мирно сосуществовать и даже сотрудничать с русскими так же, как США и СССР сотрудничали в годы войны.

Трумэн и его идеологи поставили крест на этих, как им казалось, опасных заблуждениях. Ключевой замысел разработанной ими доктрины заключается в том, чтобы показать, что русские опасны и агрессивны в силу самой идеологии, которая прочно укоренилась в их сознании: «Советский Союз, в отличие от предыдущих претендентов на гегемонию, вдохновляется новой фанатич-

[5] The Memoirs of Harry S. Truman: A Reader's Edition. Missouri, 2019.

[6] Ibid.

ной верой, антагонистичной нашей, и стремится установить свой абсолютный контроль над всем миром»[7].

Таким образом, по мысли Белого дома, русские не могут жить в мире, а созданное ими репрессивное государство должно постоянно захватывать и угнетать все новые и новые народы, для чего у них хватит и ресурсов, и презрения к человеческой жизни. Ни о каком мирном сосуществовании, а тем более сотрудничестве, не может быть и речи. Любая победа русских есть поражение американцев и ведомого ими «свободного мира». Так впервые была сформулирована знаменитая идея «игры с нулевой суммой», которая доминировала в западном сознании на протяжении всей холодной войны, и к сожалению, активно восстанавливается в наши дни.

«Амбиции русских, – писал американский лидер вскоре после победы над Гитлером, – не могут быть остановлены дружескими напоминаниями о сделанных обещаниях. Русские будут давить везде, где проявится слабость»[8]. В письме к госсекретарю Бирнсу Трумэн высказался еще короче: «Я устал нянчиться с Советами»[9]. Устами Трумэна США фактически заявляли, что они будут вмешиваться во внутреннюю политику любых государств, если сочтут, что им угрожает коммунизм, идет ли речь о непосредственном влиянии Москвы, военной агрессии с ее стороны или же о том, что Белый дом называл «косвенной угрозой», то есть деятельности национальных коммунистических партий. Следует особо отметить, что, хотя доктрина изначально преподносилась как антикоммунистическая, она быстро приобрела русофобский характер, поскольку предприимчивые пропагандисты взяли на вооружение лозунг о том, что «все русские – коммунисты», добавляя при этом, что, однако, «не все коммунисты – русские», и именно против них в первую очередь направлена доктрина американского президента.

Итак, уже в 1947 г. Трумэн заложил основы геополитической стратегии США вплоть до окончания холодной войны. Для ее скоординированной реализации американский лидер в том же году создал Совет национальной безопасности США. Учреждение этого органа стало логическим продолжением трумэновских идей. Ранее национальная безопасность находилась в ведении Государственного департамента, однако выраженная силовая направленность идей Трумэна обусловила необходимость создать координирующий орган принципиально иного характера. СНБ изначально имел характер военно-политической структуры, в который входили руководители вооруженных сил и спецслужб.

Меморандум СНБ №7 от 30 марта 1948 года давал более конкретные очертания трумэновской стратегии. В преамбуле документа заявлено: «Разгром сил мирового коммунизма, руководимого Советами, имеет жизненно важное

---

[7] The Memoirs of Harry S. Truman: A Reader's Edition. Missouri, 2019.

[8] Ibid.

[9] *Бэгготт Дж.* Тайная история атомной бомбы. М., 2011.

значение для безопасности Соединенных Штатов. Этой цели невозможно достичь с помощью оборонительной политики. Поэтому Соединенные Штаты должны взять на себя руководящую роль в организации всемирного контрнаступления с целью мобилизации и укрепления наших собственных сил и антикоммунистических сил несоветского мира, а также в подрыве мощи коммунистических сил»[10].

Далее предлагается программа «всемирного контрнаступления», которая сводится к следующим пунктам:

– укрепление военной мощи США, не исключая восстановления всеобщей воинской повинности, а также восстановление оборонной промышленности и поддержание лидерства в ядерном оружии;

– развертывание внутри страны и за рубежом масштабной пропагандистской кампании, которая бы обеспечила «понимание и безраздельную поддержку» американской геополитической стратегии со стороны общественности;

– восстановление экономики европейских государств и создание в них сил, способных по указанию Вашингтона подавлять коммунистические движения и другое инакомыслие;

– содействие наращиванию военного потенциала «отдельных некоммунистических стран»;

– поддержка и развитие сил гражданского общества в других странах, однако не повсеместно, а лишь там, где это способствовало бы интересам американской национальной безопасности;

– разработка и реализация программ помощи «движениям сопротивления за "железным занавесом"» – по сути, подрывная и диверсионная работа внутри самого СССР;

– создание «крупного денежного фонда для борьбы с мировым коммунизмом, руководимым Советами», что предполагало ставку на помощь американской олигархии и руководимых ими корпораций.

Следует обратить внимание на наступательный характер стратегии США. Американские стратеги предложили не просто придерживаться известной концепции «*winning hearts and minds*» (завоевания умов и сердец), но активно оспаривать советское влияние вооруженными средствами в третьих странах, обозначив в том числе необходимость вести активную враждебную деятельность внутри самого СССР. Стратегия, разрабатывавшаяся и реализовавшаяся СНБ, была глубоко антагонистической. Она не предусматривала возможности какого бы то ни было конструктивного диалога с Москвой и достижения договоренностей кроме тех, которые должны будут содержать «подчеркнуто тяжелые и унизительные для коммунистического режима» условия, как это обозначено в директиве СНБ №20 (1948 год), являющейся планом оккупации территорий, «освобождаемых» от русских. Многие положения этого документа актуальны и по сей день, особенно в той части, которая касается отноше-

[10] Меморандум СНБ №7 от 30 марта 1948 года.

ний Вашингтона с собственными сателлитами: «Мы должны принять меры безопасности, которые автоматически обеспечивали бы такое положение, что даже некоммунистический и дружественно настроенный по отношению к нам режим не имел бы сильного военного потенциала и экономически в значительной степени зависел бы от внешнего мира»[11].

Идеи Трумэна и его администрации находили конкретное воплощение в политическом и военном планировании. Сразу после окончания Второй мировой войны американцы начали разрабатывать план войны против СССР с использованием ядерного оружия («Тоталити»). Дальнейшим развитием подобных замыслов стало создание в 1949 году Организации Североатлантического договора (НАТО). В том же году в Вашингтоне был утвержден «Дропшот» – новый, более масштабный план атаки на СССР и его союзников, также предусматривавший нанесение по ним массированных ядерных ударов. Впрочем, на момент создания Североатлантического альянса в географическом отношении он почти не соприкасался с советской территорией – общую границу с СССР имело лишь одно натовское государство (Норвегия). Только после первого расширения в 1952 году (Турция и Греция) НАТО вышла к советским рубежам на юге.

На первом этапе холодной войны далеко не все геополитические акции США заканчивались успехом. С одной стороны, Вашингтону действительно удалось взять под свой контроль целый ряд государств по всему миру, которые угрожали пойти альтернативным (при этом далеко не всегда социалистическим и просоветским) курсом. Вместе с тем многие масштабные попытки ликвидации «советской угрозы» потерпели полный крах. Наиболее ярким примером является Корейская война, в которую США вступили с твердым намерением силой оружия разгромить коммунизм на Дальнем Востоке.

С июня 1950 по июль 1953 года на Корейском полуострове велись боевые действия, в которых американцы потеряли более 44 тысяч человек убитыми и пропавшими без вести. Несмотря на то, что в определенный момент разгром северокорейцев казался неминуемым, военная помощь со стороны СССР и вмешательство миллиона китайских «добровольцев» привело к тому, что войска остановились на линии прежней государственной границы. Решительного разгрома коммунистов у американцев не получилось, что серьезно ударило по авторитету Трумэна. Стоит добавить, что южнокорейский режим Ли Сын Мана, на помощь которому пришли американцы и их союзники, был по своей сути совершенно антидемократическим и угнетал свободу ничуть не меньше любой диктатуры.

Последние месяцы Корейской войны пришлись на начало президентства преемника Трумэна – Д. Эйзенхауэра. Боевой генерал, руководивший войсками союзников в Европе, Эйзенхауэр (или Айк, как сократили его труднопроизносимую фамилию американцы), знал реальный облик войны и цену сол-

[11] Меморандум СНБ №7 от 30 марта 1948 года.

датских жизней. Как солдату ему претила агрессивная риторика и бряцание оружием по поводу и без такового, однако как президент Соединенных Штатов Эйзенхауэр был обязан занимать максимально жесткую позицию в отношении СССР. Это противоречие во многом объясняет ту эволюцию, которую при нем прошла стратегия США. Ее основным архитектором стал уже неоднократно встречавшийся на страницах этой книги госсекретарь США Дж. Ф. Даллес, которому принадлежит несколько концепций, ставших знаковыми для истории холодной войны.

Первая из них – это «доктрина массированного возмездия». Она подразумевала начало полномасштабной войны против Советского Союза, как только «первый коммунистический солдат перешагнет границы». Вот как описывает сам Даллес политический смысл «массированного возмездия»: «Мы хотим для самих себя и других свободных наций максимальных средств устрашения по сносной цене… Если наша политика должна будет оставаться традиционной, противопоставляя агрессии непосредственную и местную оппозицию, тогда нам нужно быть готовыми сражаться в Арктике и в тропиках, в Азии, на Ближнем Востоке и в Европе; на море, на земле и в воздухе; как старыми, так и новыми видами оружия. Основное решение состоит в том, чтобы зависеть в первую очередь от огромной способности к возмездию мгновенно, средствами и в районах по нашему собственному выбору»[12].

Другой концепцией стала «доктрина освобождения», в разработку которой Даллес также внес огромный вклад. Если идеи Трумэна были направлены прежде всего на сдерживание советского влияния от его дальнейшего распространения, то команда Эйзенхауэра в некотором смысле пошла дальше. Уже в предвыборных речах будущий президент заявил о том, что США готовы оказать помощь любому народу, находящемуся под «коммунистическим гнетом»: «Мы не будем сидеть сложа руки – и мы должны оповестить об этом весь мир, включая Кремль; лишь когда порабощенные народы мира получат всю полноту свободы выбирать свой собственный путь, тогда и только тогда мы сможем сказать, что есть возможный способ жить в мире и постоянстве с коммунистами. Мы должны сказать Кремлю, что мы никогда не откажем в нашей помощи ни одному мужчине или женщине из этих несчастных стран, кто ищет у нас убежища, ни одному человеку, держащему среди своего народа факел свободы, ни одному, стремящемуся к освобождению своих братьев».

Генерал предусмотрительно сделал несколько важных оговорок. Сегодня, заявлял он, США обладают беспрецедентными экономическими и технологическими возможностями, которые делают неоспоримым их глобальное лидерство. Однако эти возможности являются предметом вечной зависти экономически отсталого СССР, который в силу своей глубоко ошибочной хозяйственной модели не в состоянии догнать Америку в честной конкуренции. Осознавая это, Москва будет всеми силами пытаться захватить власть в

[12] *Smith J.E.* Eisenhower in War and Peace. Penguin, 2012.

тех регионах мира, откуда в США поставляются критически важные ресурсы и материалы. Такая аргументация, с одной стороны, подогрела негодование избирателей, а с другой – дала понять, что первыми жертвами американской «помощи» окажутся страны, богатые теми или иными стратегически важными ресурсами.

Другая важная оговорка, которую сделал Эйзенхауэр, касается методов «освобождения». В Корее американские войска составляли основную ударную силу. Южнокорейцы воевали откровенно плохо, а широкая коалиция, составленная по решению ООН из контингентов множества стран от Великобритании до Эфиопии, не представляла собой значительной силы. Лишь британские и турецкие войска были соразмерны численности одной дивизии. Решение, которое предложил Эйзенхауэр, сводилось к следующему: если «угнетенные» народы хотят освободиться, то Америка окажет им помощь, однако это не означает, что нужно бездействовать в ожидании пришествия американских солдат, напротив, нужно самим брать в руки оружие. Вот как в другой предвыборной речи эта мысль была сформулирована применительно к Корее: «Организация Объединенных Наций теряет свой смысл, если Америке приходится принимать на себя главные удары противника и постоянно пополнять людьми линию фронта. Это должно быть делом корейцев. Мы не хотим, чтобы Азия считала белых людей Запада своими врагами. Если уж война там неизбежна, то пусть это будет война азиатов против азиатов при нашей поддержке». Легко видеть в этих словах очертания будущей тактики «вьетнамизации» конфликтов, которая с большим успехом применяется Белым домом и сегодня во всех регионах мира – от Ирака и Афганистана до Азиатско-Тихоокеанского региона, от Африки до Украины.

К этой же идее примыкает эйзенхауэровская концепция «щита и меча». Согласно ей американские силы являются наиболее ценным ресурсом свободного мира, который нужно пускать в дело лишь там, где это действительно требуется. Приводились разнообразные экономические обоснования, например, утверждалось, что стоимость содержания одного американского солдата составляет более трех с половиной тысяч долларов в год, тогда как грека или пакистанца – менее пятисот долларов. Следовательно, жизни этих союзников Америки, по мысли вашингтонских стратегов, и стоят в несколько раз дешевле, по причине чего им отводилась роль «щита», сдерживающего разнообразные удары до тех пор, пока ситуация не потребует вмешательства «меча», то есть американских войск. «Логической ролью наших союзников, – утверждал американский лидер, – будет обеспечивать (с нашей помощью) свою собственную местную локальную безопасность, особенно сухопутными силами, в то время как США, расположенные в центре и обладающие могущественным производственным потенциалом, представляли бы мобильные резервные части со всеми видами оружия, с особым упором на морские и воздушные компоненты». Таким образом, Эйзенхауэр, несмотря на существование «док-

трины массированного возмездия», опираясь на свой военный опыт, отдавал явное предпочтение идее ограниченной войны. Здесь снова уместно вспомнить сегодняшнее участие американцев в военных операциях за рубежом.

В целом, если не стесняться называть вещи своими именами, то развернутая в то время согласно идеям Эйзенхауэра милитаризация натовских союзников США, в первую очередь ФРГ, является не чем иным, как попыткой нарастить «пушечное мясо», которое могло бы быть послано на поле боя для решения задач американской национальной безопасности, в то время как американцам предоставлялась честь нанесения «решающего удара», если таковой потребуется. Масштабные планы ядерной войны, разрабатываемые Пентагоном, включали в себя превращение той же Германии в ядерную пустыню с целью задержать советские танковые армады. Западногерманский офицер Б. Винцер, позднее бежавший в ГДР, в своих мемуарах вспоминает: после командно-штабных игр, на которых разыгрывался сценарий применения американского ядерного оружия в Германии, участвовавшие в них офицеры бундесвера шутили, что отныне главная составляющая военных приготовлений – это заготовка достаточного объема хлорной извести для утилизации трупов.

Для реализации идей американского лидера Вашингтон начал активно развивать блоковую политику. В дополнение к укреплению НАТО в 1955 году был заключен Багдадский пакт, приведший к созданию блока СЕНТО, и Манильский пакт, оформивший блок СЕАТО (см. главу 1). Таким образом, Советский Союз был окружен плотным кольцом сателлитов Соединенных Штатов. Увлеченность Вашингтона блоковой политикой была настолько глубока, что Даллес даже выступил с идеей «аморальности нейтралитета».

Подписание Багдадского пакта было далеко не случайно. Идея Эйзенхауэра о том, что Америка должна в качестве первостепенных объектов своей «помощи» рассматривать поставщиков стратегических ресурсов диктовала необходимость начать экспансию в нефтеносные регионы, прежде всего на Ближний Восток, который исторически относился к британской зоне влияния. В Иране в 1953 году спецслужбами США и Великобритании было свергнуто демократически избранное правительство М. Мосаддыка. После этого США предоставили стране помощь в размере 100 миллионов долларов, получив в порядке компенсации 40% акций национальной нефтяной компании. Другие 40% получила Англо-иранская нефтяная компания, впоследствии переименованная в «Бритиш Петролеум».

Однако Суэцкий кризис 1956 года изменил расстановку сил. После односторонней национализации Суэцкого канала Египтом Великобритания и Франция начали военную операцию, в ходе которой египтяне были разгромлены. Но в дело немедленно вмешалась Москва и лично Хрущев, который пообещал, что в случае продолжения агрессии на Лондон и Париж могут посыпаться ядерные бомбы. Кроме того, давление на союзников оказали и Соединенные Штаты. Англичане и французы поспешили уступить.

Эти события администрация Эйзенхауэра восприняла как возникновение «вакуума власти», опасного тем, что его может заполнить советское влияние. Необходимость «поставить на место» Москву диктовалась также тем, что в том же году в Венгрии вспыхнуло кровавое антисоветское восстание, которое подогревалось высказываниями Белого дома о том, что любой желающий, который осмелится поднять оружие против Москвы, получит американскую помощь. Пока в Будапеште восставшие без суда казнили служащих социалистической администрации и просто заподозренных в симпатиях к коммунизму, Даллес произнес проникновенную речь, в которой намекнул, что американцы в скором времени «сведут Венгрию с советской орбиты» (по выражению Г. Киссинджера)[13]. Однако восстание было подавлено советскими войсками, а американская риторика так и осталась риторикой. Тем не менее венгерский фактор придал отношениям с Москвой дополнительной напряженности.

В этих условиях родилась концепция, которая собственно и известна под названием доктрины Эйзенхауэра. Анализируя итоги Суэцкого кризиса, Г. Киссинджер писал: «Суэц оказался посвящением Америки в реальное принятие на себя глобальной роли. Одним из его уроков стало то, что вакуум всегда заполняется, важно лишь определить, чем или кем именно. Лишив Великобританию и Францию их исторической роли на Ближнем и Среднем Востоке, Америка как держава обнаружила, что теперь ответственность за равновесие сил в регионе ложится на ее плечи»[14].

Ближневосточная стратегия Эйзенхауэра сводилась к оказанию государствам региона военной помощи, содействию их экономическому развитию и защите от «коммунистической экспансии». Заявление американского лидера, в котором он очертил контуры американской ближневосточной стратегии, представляет традиционную смесь американского прагматизма и показного стремления к защите духовных ценностей от посягательств «безбожников»: «Этот район всегда был перекрестком континентов Восточного полушария. Суэцкий канал дает возможность странам Азии и Европы вести торговлю, которая необходима, чтобы эти страны сохранили свою уравновешенную и процветающую экономику. Ближний Восток обеспечивает сообщение между Евразией и Африкой. Он содержит около 2/3 известных в настоящее время нефтяных запасов мира, и он обычно покрывает потребности в нефти многих государств Европы, Азии и Африки… Ближний Восток – это место рождения трех великих религий – мусульманской, христианской и иудейской… Было бы нетерпимым, если бы святые места Ближнего Востока должны были подчиниться господству, которое прославляет атеистический материализм»[15].

Конечно, внимание к нефтеносному региону оказалось далеко не следствием неожиданно возникшего желания защитить святые места от атеистов,

---

[13] *Киссинджер Г.* Дипломатия. М., 1994.

[14] Там же.

[15] «Доктрина Эйзенхауэра». Послание к Конгрессу США 15 января 1957 г.

хотя известный дух крестоносца всегда присутствовал в сознании американского лидера (достаточно вспомнить, что его мемуары озаглавлены «Крестовый поход в Европу»). Именно в эпоху Эйзенхауэра зависимость США от нефти достигла критического уровня. Готовясь к ядерной войне и желая сделать доступными даже самые отдаленные уголки Америки, администрация Эйзенхауэра подготовила Национальный оборонный билль о дорогах, который инициировал самую масштабную в американской истории программу дорожного строительства. В результате автомобильный транспорт пережил настоящий бум, а автомобилестроение и связанные с ним отрасли стали локомотивом американской экономики. Бывший министр обороны и председатель совета директоров автомобильного гиганта Уилсон заявлял: «Что хорошо для "Дженерал Моторс" – то хорошо и для Америки». Неудивительно, что в этих условиях Белый дом был так встревожен ближневосточным «вакуумом власти», ибо других способов упрочить энергетическую безопасность США, кроме как «прийти на помощь» государствам региона, не было.

Самое серьезное испытание эйзенхауэровская стратегия пережила в последние годы президентства ее создателя. Как мы помним, еще в предвыборных выступлениях Айк (как американцы называли Эйзенхаруэра) убеждал сограждан, что русские желают реализовать сценарий экономического удушения Америки потому, что крайне неразвиты и не способны обогнать США в честной конкуренции. Однако в 1957 г. американцы с удивлением узнали, что страна, где якобы до сих пор пашут землю при помощи сохи и лошади, запустила в космос первый спутник. Менее чем через три месяца после истечения президентского срока Эйзенхауэра в космос отправился Юрий Гагарин.

Запуск спутника оказался огромным ударом по престижу американского государства. Небольшой по размеру, не более полуметра в диаметре, 80-килограммовый стальной шар с радиопередатчиком вызывал беспокойство не только в смысле национальной гордости. Если от бомбардировщиков можно более или менее эффективно защититься, то как быть, если угроза обрушится на Америку непосредственно из космоса? Ответа на этот вопрос так и не было найдено в эпоху Эйзенхауэра. Как и Трумэн, Эйзенхауэр уходил из Белого дома с осознанием того, что его стратегия, столь амбициозно и смело сформулированная, оказалась во многом риторикой, которая слабо отвечала реалиям современного мира. Даллес, верный доктринер Эйзенхауэра, умер в 1959 году, поэтому старому генералу пришлось в одиночку нести на себе бремя критики, которой его подвергли американцы, уставшие от провалов Вашингтона.

Эта критика была вполне обоснованной. К 1960 году Вашингтон лишился лояльных ему режимов во всех уголках земного шара. Вьетнам, Лаос, Панама, Куба – вот лишь неполный перечень стран, где пали или уже шатались проамериканские правительства. Неудивительно, что на выборах 1960 года американцы отвернулись от соратника Эйзенхауэра – Р. Никсона – и отдали свое предпочтение Дж. Кеннеди.

Начало правления Кеннеди показалось многообещающим. Самый молодой президент в истории страны, выходец из почтенной семьи, воевавший на Тихом океане, блестящий адвокат, прекрасный оратор, здравомыслящий политик, интеллектуал, который привел в свою администрацию не менее заметных людей – таков был новый президент. От нового лидера ожидалось нечто принципиально иное, чем «массированное возмездие» и создание блоков по всему миру.

Во многом Кеннеди эти надежды оправдал. Конечно, он не отказывался от конфронтации с Москвой и признавал необходимость сдерживать распространение влияния СССР в мире. Однако предложенные им средства имели более конструктивный характер. Разработанная министром обороны Р. Макнамарой доктрина гибкого реагирования была гораздо более взвешенной и реалистичной, она предусматривала использование широкого спектра не только ядерных, но и конвенциональных вооружений сообразно характеру угрозы. «Мощь, размещение и мобильность наших войск, как и вооруженных сил наших союзников, должны быть достаточными, чтобы предотвратить постепенную эрозию свободного мира в результате ограниченных войн, – утверждал новый американский лидер, – Наша цель ныне – увеличить нашу способность давать отпор неядерными силами… В большинстве районов мира главная тяжесть местной обороны против открытого нападения, подрывной деятельности и партизанской войны должна лежать на местном населении и армии. Однако, учитывая большую вероятность и серьезность этой угрозы, мы должны быть подготовленными к тому, чтобы внести существенный вклад в виде мощных, высокомобильных сил, обученных для этого вида войн, часть которых должна быть расположена на передовых рубежах»[16]. Конечно, после лозунгов о тотальной ядерной войне с СССР даже такая не вполне мирная риторика казалась невероятным прогрессом.

В отношении «колеблющихся» стран также было провозглашено использование не грубой силы и «принуждение к дружбе» с помощью операций ЦРУ, а прежде всего опережающие социально-экономические реформы (программа «Союз ради прогресса»). Заместитель президентского советника по национальной безопасности и известный экономист У. Ростоу подкрепил эту стратегию своей теорией стадий роста, которая предусматривала, что массированные зарубежные инвестиции могут в сжатые сроки вывести любую отсталую экономику на качественно новую ступень развития.

Конечно, все это не отменяло деятельности ЦРУ и военных переворотов по всему миру. За короткое президентство Кеннеди американские спецслужбы свергли шесть неугодных режимов, не говоря уже об открытой агрессии против Кубы у Плайя-Хирон (к слову, задуманной еще Эйзенхауэром) и быстром скатывании США к агрессии во Вьетнаме. Впрочем, трудно судить, какую политику избрал бы в дальнейшем Кеннеди, убитый в 1963 году. Его ме-

[16] Инаугурационная речь Д. Кеннеди. 20 января 1960 г.

сто занял Л. Джонсон, курс которого куда больше напоминал стратегии Трумэна и Эйзенхауэра.

Разумеется, Джонсон никогда публично не отрекался от идей Кеннеди, напротив, вступая в должность, он торжественно обещал продолжить их воплощение в жизнь. Однако новому президенту явно недоставало реализма, который выгодно отличал мышление его предшественника. Джонсоновская стратегия в большей степени двигалась эйфорией от осознания безграничных возможностей Америки. Экономические успехи США породили иллюзию того, что американцы могут одинаково успешно решать самые амбициозные задачи как внутри страны, так и на мировой арене.

Внутри страны был провозглашен лозунг «Великого общества», что подразумевало одновременно искоренение бедности, расовой сегрегации, решение вопросов социального и медицинского обеспечения, создание достойной системы образования, развитие инфраструктуры в быстрорастущих городах, улучшение условий жизни в глубинке, иными словами, коренную перестройку Америки.

Во внешнем плане Белый дом ориентировался на тактику «отрезания» союзников социалистического блока везде, где было возможно. Была разработана идея о «наведении мостов», согласно которой предполагалось установить контакты с партнерами СССР по Варшавскому договору и привлечь их на свою сторону. В поле зрения Вашингтона попали Чехословакия, Венгрия, Болгария.

Человек грубый и бесцеремонный, Джонсон перенес свои методы работы и на управление государством. Ко всему этому добавлялась вопиющая некомпетентность нового национального лидера. Курс США при Джонсоне предполагал беспорядочные «атаки на коммунистов» по всему миру. Поддержка того или иного режима отныне зависела лишь от степени его лояльности к США. В отношении Латинской Америки, например, стала популярна «Доктрина Манна»[17] (названа по имени помощника госсекретаря США), согласно которой для Вашингтона решающую роль будет иметь проамериканский характер курса, а не тип политического режима. Администрация Джонсона, которая ратовала за преодоление расовой сегрегации в самих Соединенных Штатах, поддерживала режимы апартеида в ЮАР и Родезии, спонсировала профашистские силы в Чили, в итоге приведшие к власти А. Пиночета, свергла бразильского президента Ж. Гуларта, организовала военное вторжение в Доминиканскую Республику, планировала убийство индонезийского лидера Сукарно, пыталась ослабить позиции Лиги арабских государств и, наконец, ввязалась в полномасштабную войну во Вьетнаме.

Столь же непоследовательной и растерянной была деятельность тех приближенных американского президента, в чьи задачи входило определение

[17] *Глазунова Е.Н.* «Мы пытались спасти эту страну»: администрация Л. Б. Джонсона и вторжение США в Доминиканскую Республику (1965 г.) // Вестник МГУ. 2017.

приоритетов национальной безопасности. В итоге такие масштабные акции, как использование войск за рубежом, предпринимались безо всякой четкой картины происходящего и понимания возможных последствий, на основе сбивчивых и невнятных заявлений, подобных содержащимся в директиве СНБ №288 (1964 год): «Если мы не сможем достичь наших целей в Южном Вьетнаме, почти вся Юго-Восточная Азия, вероятно, окажется под коммунистическим господством (весь Вьетнам, Лаос и Камбоджа), приспособится к коммунистам, ликвидировав эффективное американское и антикоммунистическое влияние, или окажется под господством сил, которые ныне не являются откровенно коммунистическими, но, вероятно, станут таковыми…»[18].

Провал джонсоновских авантюр – и прежде всего бесконечная бойня во Вьетнаме – развеяли первоначальную эйфорию от якобы неограниченных возможностей Америки. Гигантские расходы на содержание крупных (хотя и отнюдь не самых многочисленных в американской истории) экспедиционных сил сделали невозможным даже частичную реализацию программы «Великого общества». В итоге американцы получили половинчатую программу медицинского страхования, рассчитанную на зажиточные слои населения и обошедшую стороной необеспеченных граждан. Не удалось США расшатать Организацию Варшавского договора, а поддержка диктатур и откровенных террористов по всему миру, пожалуй, впервые в истории Америки вызвала масштабное отторжение внутри самого общества. Президентство Джонсона – одно из самых печально известных в американской истории – служит примером того, к каким последствиям может привести отсутствие проработанной и реалистичной стратегии.

Р. Никсону, сменившему Джонсона на посту президента в 1969 году, досталось сложное наследство. Неспособность Америки при ее запредельных геополитических амбициях выполнять функции мирового полицейского стала очевидна везде и прежде всего в самих Соединенных Штатах. При этом американские вооруженные силы и их глобальное присутствие имели беспрецедентный масштаб – более 1,4 млн человек на 400 базах по всему миру, на которых базировалось около 2000 носителей ядерного оружия.

Вопреки прогнозам, советская экономика не только не рухнула под бременем гонки вооружений, но и успешно поддерживала паритет в области ракетно-ядерных сил, а в сфере конвенциональных вооружений во многом опережала США. В Европе американский авторитет был подорван, и набирало обороты ведомое французским президентом де Голлем движение за самостоятельную и сильную в политическом и экономическом плане Европу. В Латинской Америке марионеточные диктатуры оказались неспособны сдержать рост антиамериканских левых движений, которые грозили вовсе отколоть регион от сферы влияния США – угроза, немыслимая едва ли не со времен пре-

[18] Директива СНБ № 288 (1964 г.).

зидента Монро. О Юго-Восточной Азии, где продолжалась бессмысленная Вьетнамская война, не приходилось говорить вовсе.

В этих условиях президент Никсон, во-первых, сформулировал достаточно ясное видение будущих шагов, а во-вторых, смог незамедлительно приступить к их реализации. Этому в немалой степени способствовало то, что пост советника президента по национальной безопасности занял Генри Киссинджер, сменивший высокоинтеллектуального, но не находившего в себе сил сопротивляться джонсоновскому давлению Ростоу. «Гуамская доктрина»[19] Никсона сводилась к тому, что отныне все государства разделялись на две категории – те, за которые США были готовы сражаться вплоть до применения ядерного оружия (Западная Европа, Япония, Австралия, Новая Зеландия и Израиль), и те, которые должны были защищать себя сами, получая помощь со стороны Вашингтона. К последним американский лидер отнес африканские, в меньшей степени азиатские и в еще меньшей степени латиноамериканские государства.

Американский президент говорил о союзниках США: «Мы должны предоставить нашим друзьям оружие и оказать им необходимую экономическую помощь, чтобы они могли противостоять агрессору, но сражаться они должны сами. Если же хорошо обученная и вооруженная армия союзников не обладает достаточной волей и способностью бороться и побеждать, то и ввод американских войск сможет обеспечить лишь временный успех. И как только мы уйдем, противник тут же добьется победы». В 1973 году усилиями Киссинджера был подписан Парижский мирный договор, поставивший точку во Вьетнамской войне. Нужно отметить, что предсказание о том, что «противник тут же добьется победы», оказалось верным – Сайгон пал уже в 1975 году.

Ресурсы, освободившиеся за счет вывода войск из Вьетнама, были направлены на реализацию океанской стратегии США или «стратегии голубой воды» *(blue-water strategy),* которая стала возрожденным вариантом мэхэновской доктрины морской силы, переживавшей свое новое рождение. Создание современного военно-морского флота стало одним из ключевых направлений никсоновской политики. Преимущество этой стратегии заключалось в том, что Вашингтон смог уйти от необходимости содержать большие и дорогостоящие воинские контингенты на постоянной основе для защиты большинства своих сателлитов. Постоянно совершенствуя гибкость и мобильность флота, американские стратеги обрели способность к ограниченным действиям, не сопряженным с необходимостью полномасштабного военного вмешательства. «Стратегия голубой воды означала бы, что Соединенные Штаты будут полагаться на поддержание определенного количества передовых военно-воздушных и морских баз, а также подразделений морской пехоты, расположенных на цепочке островных плацдармов – писал британский военный аналитик Г. Брэндон, – Военно-морские силы уже начали осторожно продвигать эту

[19] Гуамская доктрина Ричарда Никсона. 25 июня 1969 г.

стратегию, указывая на высокую стоимость сухопутных обязательств в Таиланде, Южной Корее и Вьетнаме и присущий им риск. Они также дипломатично подсказывают, что нет никакой необходимости для США оставаться на азиатском континенте, так как комбинация плавающих баз, таких, как корабли военно-морского флота, и безопасных островных баз дает ответ на будущее».

Пока в океан выходили все новые военно-морские соединения, готовые нанести удар нужной силы в нужном направлении, локальные задачи должны были решать региональные проамериканские державы. Вместо того, чтобы пытаться распылить эти функции между максимально широким кругом государств, Никсон сделал ставку на более или менее значимых военно-политических игроков – Японию и Южную Корею, Израиль, Иран, ЮАР.

Параллельно Киссинджер озвучил идею «пятиполярного мира», в котором международные отношения выстраивались бы на основе баланса между США, СССР, Китаем, Западной Европой и Японией. Эта идея ознаменовала собой начало эпохи разрядки *(detente)*, достигшей пика в первой половине 1970-х годов. Разрядка выразилась не только в подписании соглашений о сокращении стратегических ядерных вооружений и противоракетной обороне, но и широкого круга договоров, охватывавших в том числе экономическое и культурное сотрудничество – явление немыслимое для времен Трумэна, Эйзенхауэра или даже Кеннеди. Пересмотру подверглись и отношения с Китаем, куда Никсон нанес исторический визит.

Политика разрядки, без сомнения, была продуманным геополитическим ходом, который был призван дать Америке время для того, чтобы привести в порядок свою экономику и вооруженные силы для нового раунда противостояния. Американское руководство исходило из того, что рано или поздно потребности холодной войны станут непосильным бременем для Советского Союза, истощат его ресурсы и спровоцируют раскол в социалистическом лагере. Киссинджер отмечает: «Никсон представлял себе разрядку как тактику в долгосрочной геополитической схватке… Но вопрос заключался в том, выгодна ли разрядка одновременно и Америке. Никсон и его советники полагали, что время работает на демократические страны, поскольку период мира в отсутствие экспансии усилит центробежные силы внутри коммунистического мира»[20].

Разрядка не означала, что США готовы перейти к более миролюбивой политике в отношении государств, которые демонстрировали стремление пойти по социалистическому или любому другому альтернативному пути. Ярким примером этого стала открытая поддержка А. Пиночета, который свергнул законно избранного чилийским народом президента С. Альенде и начал кровавые чистки, проходившие под непосредственным наблюдением американских спецслужб. Волнения, охватившие Париж и приведшие к отставке президента

[20] *Киссинджер Г.* Дипломатия. М., 1994.

де Голля (фактически первая в истории цветная революция) продемонстрировали миру, что даже лидер ведущей мировой державы не застрахован от гнева Вашингтона, если пожелает вести самостоятельную политику.

Впрочем, сам Никсон в скором времени оказался жертвой закулисных игр, в которых не последнюю роль играл его ближайший сотрудник Киссинджер. Блестяще разыграв сложную комбинацию с развалом Бреттон-Вудской системы, окончательно похоронившим золотой стандарт в мировой экономике, и «нефтяным кризисом» 1973 года, нивелировавшим негативные геополитические эффекты от гибели Бреттон-Вудса, Киссинджер, вместе с рядом других ближайших соратников президента, стал фактическим руководителем государства. Сам этот эпизод заслуживает подробного описания.

Как известно, в рамках созданной в 1944 году Бреттон-Вудской архитектуры мировых экономических отношений доллар вышел на роль валюты номер один, причем его стоимость обеспечивалась золотым содержанием. К 1970-м годам амбиции Вашингтона возросли настолько, что это обстоятельство стало восприниматься как угроза. Для дальнейшей экспансии требовались все новые и новые средства, однако просто напечатать доллары США не могли, ведь золотой стандарт подразумевает обеспечение этой эмиссии драгоценным металлом. Как мы помним, этим обстоятельством воспользовались оппоненты Вашингтона, например, Шарль де Голль, который потребовал от американцев обменять имевшиеся в распоряжении Франции доллары на золото. Бреттон-Вудские договоренности вполне допускали такое требование, однако американское правительство не только отказало Франции, но и задумалось о сломе всей системы.

Этот замысел воплотил в жизнь президент Никсон и его ближайший соратник Генри Киссинджер. Архитектура Бреттон-Вудса была уничтожена летом 1971 года. В результате глобальная финансовая система из отлаженного и достаточно прозрачного механизма была превращена во всемирное казино, где с помощью валютных спекуляций можно было создавать сверхприбыли из воздуха. Однако сам по себе развал Бреттон-Вудса был проведен довольно неумело, в результате чего доверие к доллару упало и начался сильнейший отток капитала в Европу и Японию.

В этих условиях требовалось срочно повысить спрос на доллары, не меняя при этом «правил игры» и не возвращаясь к золотому стандарту. Помочь этому и была призвана «маленькая победоносная война», которая разразилась в 1973 году. Логика Вашингтона была проста: война провоцирует эмбарго и рост цен на нефть, которая, в свою очередь, торгуется в долларах, а это означает резкий взлет спроса на американскую валюту. Киссинджер, который стал идейным отцом этого плана, назвал операцию «вторичной переработкой доллара». Конечно, воплощение разработанной схемы было не столь примитивным, как может показаться из беглого описания. Началу войны предшествовали консультации с европейскими государствами, которые должны были

сыграть свою роль в предстоящей инсценировке. Особенно это касалось Англии, которая после развала Бреттон-Вудской системы с удовольствием почувствовала себя в былой роли финансового центра глобального масштаба. Теперь англичанам было разрешено остаться в стороне от арабо-израильского конфликта, благодаря чему нефтяное эмбарго страну не затронет, и она сможет не только покупать нефть из Персидского залива для последующей перепродажи, но и сама станет значимым производителем этого сырья, поскольку вследствие роста цен добыча на месторождениях в Северном море станет, наконец, рентабельной.

Обсуждение американского плана с европейскими партнерами происходило в кулуарном формате. Оно состоялось 11–13 мая 1973 г. на закрытом шведском курорте Сальтшёбаден, где собралось очередное заседание Бильдербергского клуба. Задавал тон на собрании Г. Киссинджер, там же присутствовала и «восходящая звезда» американской геополитики З. Бжезинский. Американские кланы на собрании представлял Д. Рокфеллер, европейские – барон Э. де Ротшильд, формально являвшийся гражданином Франции. Хозяином встречи стал нидерландский принц-консорт Б. Липпе-Бистерфельдский[21].

План Вашингтона был реализован блестяще. Помимо всего прочего, он помог Г. Киссинджеру многократно преумножить свое политическое влияние – одновременно по странному стечению обстоятельств разразился Уотергейтский скандал, который поставил Никсона на грань импичмента. За несколько дней до начала войны Г. Киссинджер, являвшийся руководителем Совета национальной безопасности, был назначен госсекретарем – случай, беспрецедентный в американской истории. Многие историки считают, что в конце 1973 года Г. Киссинджер фактически являлся настоящим президентом США. Приятным дополнением к этим выгодам стала Нобелевская премия мира, полученная за «искусное урегулирование» арабо-израильского конфликта, который он же сам и срежиссировал.

Казалось бы, в этой схеме был еще один безусловный победитель – арабские нефтедобывающие государства и, в первую очередь, Саудовская Аравия. Однако и Эр-Рияду, подобно Англии, была уготована своя роль. Вскоре после описанных событий Саудовская Аравия решила разместить полученные нефтедоллары в банках страны, против которой якобы и было введено эмбарго – в США. Таким образом, капитал, который ушел из США после разрушения Бреттон-Вудской системы, туда же и вернулся, сделав промежуточную остановку в Саудовской Аравии.

Пострадало от подобной комбинации население Соединенных Штатов. Из газет рядовые американцы узнали, что их правительство находится в растерянности в связи с введением эмбарго, которое они не могли предвидеть, а потому не создали даже минимальных топливных резервов в стране. В разра-

[21] *Butkiewitz J.* Ending Bretton Woods: evidence from the Nixon tapes. Economic History Review. 2021.

зившемся хаосе лишь те, кто был готов к нему (то есть отдыхал на шведском курорте в мае 1973), могли приобретать все, что угодно.

Крайне удачным для США «побочным эффектом» реализованной схемы стал как раз новый виток неоколониализма. Как мы помним, именно в 1970-е годы американские угрозы накормить голодные страны стали обретать реальные очертания Зеленой революции. И если до эмбарго третий мир еще мог пытаться решать собственные продовольственные проблемы, то после 1973 года это стало уже невозможным. Достаточно сказать, что многие удобрения для сельского хозяйства производятся из продуктов переработки нефти, не говоря уже о стоимости топлива.

Возвращаясь к Никсону, следует отметить, что к середине 1970-х он все больше вызывал недовольство консервативных кругов, видевших в разрядке лишь «заигрывание с коммунистами». В итоге неожиданно разыгравшегося уотергейтского скандала Никсон, который в целом зарекомендовал себя как эффективный управленец, стал единственным американским президентом, досрочно сложившим свои полномочия. Его преемник Дж. Форд, находясь в тени Киссинджера, продолжавшего исполнять обязанности государственного секретаря, не привнес ничего нового в глобальный курс США.

В администрации следующего президента Дж. Картера тон задавала не менее характерная личность. З. Бжезинский, чья ненависть ко всему русскому доходила до фанатизма, не оставил камня на камне от изначально достаточно сдержанных геополитических планов Картера. Хотя и Киссинджера, и Бжезинского можно с полным правом называть приверженцами реальной политики, у последнего эта концепция доведена до экстремистских форм. Подобно нацистам, которые «благословляли» солдат вермахта на любые зверства, заявляя, что фюрер своей волей освобождает их от всяких моральных ограничений, Бжезинский задумал привнести схожую сомнительную «новацию» в американскую стратегию. Главное ограничение этот стратег видел во «вьетнамском синдроме» – чувстве вины за страдания, принесенные вьетнамскому народу, которое все еще довлело над американцами. Чтобы преодолеть это неудобство, Бжезинский переориентировал пропагандистскую машину Вашингтона на тезис о том, что отныне США решают, какие ценности являются универсальными и общечеловеческими и достойны защиты, а какие можно отбросить как ненужную химеру. Теперь Белый дом будет выступать в качестве последней инстанции в вопросах прав человека, только американцы будут решать, где они нарушаются, а где ситуация с их соблюдением благополучна.

Другой заветной идеей Бжезинского было создание «дуги безопасности», или «дуги нестабильности», само название которой воскрешает в памяти концепцию «Римленда» Спайкмана (см. главу 1). Она должна была охватить Северную Африку, Ближний и Средний Восток, протянувшись от Марокко до Пакистана. И хотя ввод советских войск в Афганистан вызвал ожесточенную критику со стороны Белого дома, нет сомнений в том, что этот шаг был вос-

принят Бжезинским как победа, ведь теперь Москва получала свой собственный Вьетнам, который при этом был гораздо ближе к границам СССР.

Еще одной характерной особенностью стратегии Картера – Бжезинского была концепция ограниченной ядерной войны, оформленная в ряде документов, наиболее известным из которых является президентская директива № 59. Не отказываясь от возможности нанесения массированного ядерного удара по всей территории Советского Союза (всего для такого удара было определено порядка 40 тысяч целей), Соединенные Штаты заявляли о своей готовности использовать ядерное оружие и по чисто военным целям, не допуская скатывания конфликта к тотальной ядерной войне[22].

Дополнительным фактором, который стал материальным подкреплением данной идеи, стало появление нейтронных боеприпасов – разновидности ядерного оружия, в котором основная часть энергии направляется в создание нейтронного излучения. Это позволило создать боеприпасы небольшой мощности, которые были бы эффективны, к примеру, против танков – возможность вторжения бесчисленных советских танковых армад в Европу до сих пор беспокоила Пентагон. К тому времени танковые экипажи были уже довольно эффективно защищены от проникающей радиации, создаваемой взрывом классической ядерной бомбы, однако броня была бессильна остановить поток нейтронов, который уничтожал все живое внутри боевой машины в течение нескольких минут. При этом остальные поражающие факторы взрыва (ударная волна, световое излучение, радиоактивное загрязнение) заметно минимизировались.

Получив в свое распоряжение такое оружие, американские стратеги принялись строить смелые планы. Отныне, полагали они, в случае войны с Советским Союзом можно будет легко свести к нулю численное преимущество противника, не подвергая при этом его города и промышленные объекты массированной атаке. На страницах военных журналов аналитики рисовали красочные картины гипотетических боев, в которых одна-единственная батарея американских самоходных гаубиц останавливает наступление целой советской танковой дивизии. Среди адептов нейтронной бомбы и ограниченной ядерной войны нашлись даже те, кто воспевал «гуманность» этого оружия – ведь оно уничтожает только людей, тогда как материальные ценности остаются практически нетронутыми.

Дополнительной гарантией «ограниченности» возможной войны являлось и то, что американцы планировали разместить оружие на территории своих европейских союзников. «Никогда ни у кого не было и мысли о том, что нейтронное оружие…будет развернуто на американской территории – признавался американский лидер, – Если оно когда-либо будет создано, то его развернут на землях Западной Германии, Бельгии или других европейских государств».

[22] В США рассекретили директиву о возможной ядерной войне с СССР. РГ. 2012.

Логику этого шага раскрывал журнал «Тайм» в 1979 году: «Критическим моментом здесь является то, что в случае наступления войны Советский Союз не был бы атакован сразу гигантским оружием, которое является частью американского стратегического арсенала. Москва могла бы тогда в виде возмездия скорее ударить по Европе своим собственным ядерным оружием, а не по США стратегическими ракетами. В то время как разрушения в результате обмена ядерными ударами на европейском театре были бы огромны, они все равно были бы далеки от ядерной катастрофы – далеки для Америки»[23].

Конечно, подобный цинизм в отношении союзников не помешал администрации Картера преподнести свою концепцию как настоящую революцию в ядерной стратегии, которая дает человечеству весомые шансы на выживание. В этом, например, убеждал американцев сам Бжезинский, который еще в 1978 году заявил в интервью респектабельному журналу «Нью-Йоркер»: «Было бы неправильно считать, будто использование ядерного оружия будет означать конец человеческой расы. Это эгоцентрическая мысль… Даже если США используют весь свой арсенал против СССР, а СССР – против США, это не будет концом человечества»[24].

В реальности доктрина ограниченной ядерной войны оказала скорее негативное влияние на стратегическую стабильность и создала новые риски для национальной безопасности Соединенных Штатов. Если прежние ядерные доктрины заставляли любую из сторон рассматривать применение оружия массового поражения как последний довод, то картеровская концепция породила искушение испытать удачу в надежде на то, что эскалации удастся избежать. В целом, при Картере стратегия описала весьма характерную траекторию. Обещая в начале своего срока лишь переформатировать разрядку без отказа от нее, американский лидер вскоре пришел к диаметрально противоположной стратегии. Ее суть он выразил в своей речи, произнесенной в 1978 году в военно-морской академии в Аннаполисе (президент начинал карьеру как офицер-подводник):

«Для Советского Союза разрядка, похоже, означает продолжение агрессивной борьбы за политические выгоды и увеличение своего влияния… Советский Союз явно рассматривает военную мощь и военную помощь в качестве лучшего средства распространения своего влияния за рубежом. Вполне очевидно, что зоны нестабильности в мире представляют собой заманчивую цель для этих намерений, и слишком часто СССР проявляет готовность использовать такие возможности… Советский Союз может выбирать или конфронтацию, или сотрудничество, Соединенные Штаты одинаково готовы отреагировать на любой выбор»[25].

---

[23] Time Magazine May 1979 Now the Great Debate SALT II Nuclear Weapons Treaty

[24] *Drew E.* Brzezinski. New Yorker, 1978.

[25] President Carter's Speech at Graduation – United States Naval Academy 1978.

Изначально достаточно умеренная геополитическая доктрина, которая во многом была выражением личных взглядов самого Джимми Картера, претерпела удивительную метаморфозу, которую отметили все без исключения аналитики. А. Ф. Добрынин, почти четверть века служивший советским послом в Вашингтоне, писал: «В целом можно сказать, что изначальная формула Картера "сотрудничество или конфронтация" остановилась на отметке "сдерживание и конфронтация"»[26].

В сущности, к исходу президентства Картера в 1981 году глобальные имперские амбиции США стали не только слышны на весь мир, но и начали приобретать реальные очертания. Отныне практически весь земной шар становился зоной американских интересов. Становилось очевидным, что даже могучая экономика Соединенных Штатов не в состоянии в полной мере обеспечить прочный фундамент для решения грандиозных геополитических задач. Некоторое время она не без напряжения, но все же достаточно успешно обслуживала глобальную стратегию Белого дома. Однако уже в 1970-е годы стало очевидно, что дела идут не так хорошо, как хотелось бы Вашингтону. В президентство Картера над американской стратегией национальной безопасности нависла явная угроза банкротства в прямом смысле этого слова.

Хотя Картер и не озвучивал грандиозных обещаний, подобных «Великому обществу» Джонсона, его задачи были не менее масштабны. Незадолго до его прихода к власти американская экономика столкнулась со зловещим явлением, названным стагфляция, то есть одновременной стагнацией и инфляцией. Американские академические экономисты, в том числе и члены президентского совета экономических консультантов, вообще не понимали, как такое явление может существовать в экономике, ведь, согласно стандартной экономической теории, инфляция и безработица являются взаимно противоположными явлениями.

Несмотря на то, что внятных рецептов решения проблемы предложить не мог никто, в ходе предвыборной гонки Картер имел смелость пообещать преодолеть стагфляцию. Разумеется, на фоне глобальной повестки, которую продвигала администрация нового президента, эти проблемы лишь усугубились, и к 1979 году американцы оказались в действительно трудной ситуации.

Неспособность справиться с проблемами американской экономики на фоне по-прежнему громогласных заявлений о всемирных интересах Соединенных Штатов окончательно подорвала доверие к картеровской администрации. Это было тем более очевидно, что в геополитическом плане Картер вообще не мог похвастаться значительными победами, за исключением, пожалуй, Кэмп-Дэвидского соглашения, развалившего антиизраильский арабский фронт. В остальном же итоги правления состояли из крайне сомнительных достижений вроде формальной передачи Панамского канала под управление

[26] *Добрынин А.Ф.* Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962–1986 гг.) М., 1996.

Панамы, либо из таких откровенных провалов, как сандинистская революция в Никарауга и исламская – в Иране. Финал президентского срока проходил на низкой ноте, и в историю Картер вошел как слабый лидер, в большей степени способный произносить речи, нежели решать реальные задачи.

Экономическая программа стала главным козырем Р. Рейгана – преемника Картера в роли хозяина Белого дома. Голливудский актер, игравший «хороших парней» в вестернах, Рейган имел довольно слабые познания в экономической политике, этого, однако, и не требовалось от нового фаворита консерваторов. Кто им был действительно нужен, так это всенародный любимец-ковбой, который мог твердым голосом озвучивать новую экономическую программу, подготовленную группой советников во главе с У. Нисканеном. Эта программа, в основе которой лежало сокращение государственных расходов и снижение налогового бремени, стала известна как рейганомика. Она не была панацеей, что стало очевидно уже по истечении двух сроков пребывания Рейгана у власти, но все же смогла продолжительный период держать в тонусе американскую экономику, позволив ей сделать финальный рывок в холодной войне.

Именно при Рейгане в США была введена практика регулярной публикации стратегий национальной безопасности. Однако истинную направленность американской геополитики как при Рейгане, так и при его последователях, невозможно полностью понять, если вчитываться в тексты доктринальных документов. Рейгановская стратегия национальной безопасности, которая была сформулирована в ходе его предвыборной кампании, опиралась на идею бескомпромиссной конфронтации с Советским Союзом, которую новый лидер не стеснялся называть безбожной империей зла. Курс Рейгана в отношении СССР оказался настолько жестким, что на его фоне даже стратегия Картера показалась образчиком пацифизма. Контакты на высшем уровне, налаживавшиеся два десятилетия со времен Кеннеди, были в одночасье прерваны, а гонка вооружений выведена на новый виток. Рейган запустил или возобновил практически все мыслимые и немыслимые (как полуфантастическая Стратегическая оборонная инициатива) военные программы в расчете на то, что ресурсы Советского Союза в конечном итоге истощатся. Только сегодня становится известно, что многие из этих программ были откровенным блефом и существовали только в плоскости вашингтонской пропаганды, которая умело убеждала весь мир в наличии у Белого дома новых, невиданных ранее вооружений[27].

Рейган, несомненно, был ярким и харизматичным политиком, не только умевшим создать себе максимально благоприятный имидж (сказывались десятилетия работы в шоу-бизнесе), но и обладавшим способностью разглядеть в своих соратниках нужные качества и использовать их в полной мере. Его фигура была, пожалуй, одной из самых больших удач американской публичной политики в последние десятилетия XX столетия. Вступив в должность,

[27] Там же.

новый лидер заявил согражданам: «Эра сомнений в себе окончена. Американцы снова желают быть первыми, мы действуем с целью восстановить уверенность в американском руководстве посредством более энергичной защиты американских идеалов и интересов». Именно такой лидер – жесткий, бескомпромиссный, уверенный в себе – должен был решить исход противостояния двух сверхдержав в пользу Америки.

Рейган не оставил камня на камне от комплекса вины, который администрация Картера, несмотря на усилия Бжезинского, так и не смогла преодолеть полностью. Президент приложил максимальные усилия для того, чтобы придать величие вьетнамскому опыту США. Были открыты монументы, организованы памятные мероприятия, изданы новые исследования, которые доказывали, что Вьетнамская война была справедливой уже потому, что там сражались и погибали американцы. Основной целью Рейгана было вернуть США статус «величайшей силы, действующей в пользу мира во всех местах нынешнего мира».

Очевидно, что новой администрации не могла не прийтись по вкусу заложенная Бжезинским линия на эксплуатацию тематики прав человека и трактовку последних в выгодном Вашингтону ключе. Именно Рейган создал Национальной фонд демократии – влиятельную неправительственную организацию, которая в наши дни является одним из главных проводников цветных революций.

В дополнение к всесторонней критике СССР как «империи зла», не имеющей иной цели, кроме как угнетать народы, не исключая своего собственного, Рейган как ярый консерватор добавил мощный религиозный элемент – борьбу против «русских безбожников». В итоге, согласно оценке Киссинджера, «целью Америки становилось уже не ослабление напряженности, но крестовый поход и обращение противника в свою веру»[28].

Вместе с тем Рейгану не был чужд и известный волюнтаризм, который наложил серьезный отпечаток на его доктрину. Несмотря на солидный политический опыт, американский президент остался шоуменом, который придавал первостепенное значение тому, как его политические свершения будут представлены публике. Интересную характеристику Рейгана-президента дает А. Ф. Добрынин: «Рейган глубоким знанием проблем не отличался, мыслил упрощенными категориями, руководствуясь твердо устоявшимися у него в течение многих лет броскими клише, антисоветскими и антикоммунистическими лозунгами, особенно в своем подходе к мировым проблемам. Догматизм во взглядах на внешнюю политику сопровождался у Рейгана склонностью и даже любовью к «политическому драматизму», созданию «мини-кризисов» (впрочем, таких, которые не представляют большой опасности для самих США), которые сопровождались умелым использованием патриотической риторики. Расчет тут был прежде всего на то, чтобы эффектнее воздейство-

[28] *Киссинджер Г.* Дипломатия. М., 1994.

вать на население, мобилизовать его на поддержку военных программ и внешнеполитических акций администрации (в значительной мере Рейгану это удавалось, большинство американцев считало, что он «хорошо справляется с кризисами», которые он, по существу, часто сам же – вольно или невольно – создавал)»[29].

Курс Рейгана – это эклектичная смесь едва ли не всех концепций и категорий, разработанных стратегами предшествующих эпох. В ней можно найти такие, на первый взгляд, мало совместимые категории, как «сдерживание», «отбрасывание», «освобождение», «реалистическое устрашение», «гарантированное уничтожение», «гибкое реагирование», «ограниченная ядерная война». Все эти концепции не столько были теоретически развиты администрацией Рейгана, сколько приобрели новое, еще более решительное звучание. В качестве примера можно привести заявление К. Уайнбергера – министра обороны в новой администрации: «Мы должны быть готовы начать контрнаступление в других районах… Мы должны быть готовы к ведению обычной войны, которая может распространиться на многие части земного шара… Обычные войны могут принять любые масштабы. Если мы ценим нашу свободу, то мы должны быть в состоянии защищать себя в войнах любого размаха и характера и в любом регионе, где мы имеем жизненно важные интересы… Наши глобальные интересы и обязательства требуют, чтобы наши вооруженные силы приобрели большую дальность действия, мобильность и выживаемость, что связано с неотложной необходимостью. Развить лучшую способность реагировать на кризисы далеко от наших берегов и находиться там столько, сколько понадобится[30]».

Жесткость и известная неразборчивость Рейгана в инструментах воздействия на «безбожных русских» несколько раз едва не обошлась дорого всему человечеству. Так, в 1983 году американский лидер инициировал размещение в Европе ракет средней дальности, что едва не привело к полномасштабной ядерной войне. Этот шаг был совмещен по времени с крупными учениями НАТО «Умелый лучник» *(«Able Archer»)*, что в совокупности было воспринято в Москве как подготовка полномасштабной войны. Как и во время Карибского кризиса, мир несколько недель стоял на грани ядерной катастрофы.

Не менее агрессивной была рейгановская политика в отношении всех, кого можно было отдаленно заподозрить в симпатиях к Москве. Вашингтон оказал содействие англичанам в войне за Фолклендские острова, оккупировал Гренаду, атаковал Ливию и Ливан, начал скандально известную историю «Иран-контрас». Современники видели во всех этих акциях не столько реализацию каких-либо ясных геополитических установок, сколько отчаянное желание

---

[29] *Добрынин А.Ф.* Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962–1986 гг.) М., 1996.

[30] Цит. по: *Хворостяный А.А.* Советско-американские отношения в доктрине национальной безопасности администрации Р. Рейгана, 2006.

показать нации, что она может и должна воевать на дальних рубежах, забыв о трагическом опыте Вьетнама. Квинтэссенция этого подхода выражена самим Рейганом: «Разумеется, ни одному здравомыслящему человеку не хочется начинать военные действия, но, по моему убеждению, существуют ситуации, при которых Соединенные Штаты просто обязаны прибегнуть к военной силе, особенно когда необходимо защитить свободу и демократию или когда возникает угроза жизни и свободе наших граждан. Нельзя… позволить, чтобы призрак Вьетнама вечно витал над страной и препятствовал нам защищать законные интересы национальной безопасности»[31].

Столь агрессивная стратегия вскоре напугала саму правящую элиту США. Стало очевидно, что Рейган слишком рьяно исполняет роль крестоносца, ополчившегося на «империю зла». История «Умелого лучника», который едва не спровоцировал мировую термоядерную войну, а в равной степени и та легкость, с которой президент рассуждал о подобных сценариях, иногда повергали в шок даже его советников. К примеру, известен случай, когда перед телевизионным выступлением Рейган в качестве «разминки» заявил перед камерами (как оказалось, включенными) о том, что принял решение объявить Советский Союз вне закона и начать немедленную ядерную атаку. Инцидент удалось замять, Москва ограничилась протестом, однако общий политический контекст, в котором родилась эта мрачная шутка, взволновал многих в самих Соединенных Штатах.

Как следствие, второй срок Рейгана был ознаменован несравненно более мягкой и конструктивной линией в отношении главного геополитического соперника. Вновь началось «наведение мостов», а потом – и прямые личные контакты американского лидера с М. Горбачевым, занявшим в марте 1985 года пост Генерального секретаря ЦК КПСС. Именно радикальная смена курса, затеянная последним, стала многообещающим знаком для Вашингтона, где с облегчением осознали, что игра ядерными мускулами начинает терять актуальность. На этом фоне рейгановский разворот к диалогу выглядел не как тактический маневр, а как великодушный ответный жест.

Эскалация напряженности, действительно, оказалась излишней после 1985 года. То, что не смогли сделать американские военные, сделала экономика. Внутри стран Варшавского договора начали появляться серьезные признаки внутренних разногласий, вызванные в первую очередь недовольством населения крупными провалами административной хозяйственной модели. В Польше стремительно набирало силу профсоюзное движение «Солидарность» под руководством Л. Валенсы, в Чехии делали первые шаги будущие творцы «бархатной революции» 1989 года, в Болгарии, Венгрии и Румынии готовилась почва для свержения власти. Все эти события не просто укладывались в общее русло геополитической стратегии Вашингтона, который год от года на-

[31] *Reagan R.* "Peace: Restoring the Margin of Safety". Ronald Reagan's Speech at VFW Convention. Chicago. August 18, 1980.

ращивал внимание к тематике прав человека в социалистическом лагере, но и проходили при его активном содействии.

Огромную роль сыграла и ситуация на сырьевых рынках. Итогом продуктивных переговоров с арабскими государствами – поставщиками нефти (в первую очередь Саудовской Аравией) стало обрушение цен на жидкие углеводороды, что благотворно сказалось на экономике США и нанесло еще один тяжелый удар по советскому народному хозяйству, и без того переживавшему непростые времена.

Финал правления Рейгана совпал с новым пиком его популярности. Лишь законодательное ограничение на третий президентский срок не позволило ему повторить опыт Ф. Рузвельта. Этой популярности он обязан прежде всего создавшейся у американцев иллюзии того, что изначально придерживавшийся стратегии «жесткой силы», лидер смог перейти к «мягкой силе», благодаря чему впервые за десятки лет мир смог увидеть признаки близкого конца противостояния двух сверхдержав. И хотя это событие пришлось на правление его преемника, Дж. Буша-старшего, в памяти американцев Рейган остался как «президент, заложивший основы для победы в холодной войне»[32]. Эта оценка помешала последующим поколениям критически проанализировать рейгановскую стратегию и извлечь из нее уроки на будущее.

Конец Ялтинско-Потсдамской системы со всеми ее противоречиями и сложной совокупностью многоуровневых компромиссов был стремительным и во многом нелогичным. Состоявшийся в 1986 году XXVII съезд КПСС, призванный продемонстрировать готовность советского руководства к конструктивному диалогу с Западом, был воспринят США как свидетельство явной слабости государства на международной арене. Выдвинутая Горбачевым концепция «одинаковой безопасности» легла в основу так называемого нового политического мышления, которое в глазах Запада стало завуалированным признаком готовности СССР сложить с себя полномочия сверхдержавы. Особенно характерен был проведенный Горбачевым одномоментный поворот в сторону деидеологизации внешнеполитической стратегии СССР. В отличие от Москвы, Вашингтон от своей идеологии никогда не отказывался.

Вслед за этим начались реальные односторонние уступки. Хотя советско-американский саммит в Рейкьявике в 1986 году не увенчался конкретными результатами, Вашингтон убедился в том, что СССР близок к отказу от своих переговорных позиций по вопросам ядерного оружия. В 1991 году это выльется в договор СНВ-1, положивший начало подрыву ядерного паритета. Ранее, в 1987 году, был подписан Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД), которым уничтожался этот класс вооружений СССР и США. За его рамками остались крылатые ракеты морского базирования «Томагавки», которых в то время не было у Советского Союза. Этот дисбаланс

[32] How Ronald Reagan Won the Cold War. Heritage. 2020.

был преодолен лишь в 2015 году с появлением у России принципиально новых систем вооружения, в том числе ракет «Калибр».

Инициативы по ядерному разоружению, озвученные в Рейкъявике, в итоге привели к усилению позиций США как ядерной державы. Апофеозом процесса односторонних уступок стала встреча на Мальте в декабре 1989 года, в ходе которой Горбачев и Буш-старший объявили об окончании холодной войны. Со стороны США наша страна получила всевозможные устные заверения – о невмешательстве в дела в Восточной Европе, о сохранении НАТО в прежних границах. Ни одно из этих обещаний не было выполнено.

Наиболее характерным примером, по всей видимости, стало так и не реализованное США и их союзниками обещание воздержаться от продвижения на восток Североатлантического альянса. Напомним, что главным противником НАТО была Организация Варшавского договора (ОВД), созданная в 1955 году в ответ на вступление в западный блок ФРГ.

В то время пока США и их партнеры в конце 1980-х гг. лишь давали смутные обещания, которые потом были попросту забыты, СССР шел на беспрецедентные геополитические уступки. Если в 1945 г. Советский Союз не дал Германии погибнуть как государству, то на излете холодной войны именно Москва внесла решающий вклад в воссоединение этой страны. Впрочем, впервые с такой идеей выступил не кто иной, как Сталин, по поручению которого в марте 1952 года в адрес США, Великобритании и Франции была разослана нота. В ней отмечалось, что СССР готов согласиться на объединение ФРГ и ГДР, причем в едином государстве. Москва была готова допустить существование вооруженных сил и оборонной промышленности. Основным условием ставилось неучастие объединенной Германии в военных блоках, и именно из-за него предложение Москвы было отвергнуто Западом, который видел в ФРГ один из ключевых элементов сдерживания СССР посредством НАТО.

Когда тремя с половиной десятилетиями позже, в конце 1980-х годов Москва снова заговорила о возможном объединении страны, то главными оппонентами этой инициативы вновь выступили западноевропейские державы, прежде всего Лондон и Париж. К примеру, убежденным противником воссоединения ФРГ и ГДР стал тогдашний президент Франции Ф. Миттеран, который полагал, что единая Германия станет «неконтролируемой силой». Интересно, что его возражения имели не только военно-политический, но и экономический характер. Французский лидер открыто заявлял, что объединенная Германия будет «индустриальным колоссом», который, очевидно, составит конкуренцию Франции. На основании этих соображений Миттеран приложил немалые усилия для срыва переговорного процесса об объединении, а в его окружении даже начали говорить о необходимости возродить русско-французский военный союз антигерманской направленности по образцу Антанты. Не меньше возражений идея слияния ФРГ и ГДР вызывала у премьер-министра Великобритании М. Тэтчер (она отмечала, что «Германия со

времен Бисмарка непредсказуемым образом металась между агрессией и неуверенностью в себе»[33]), руководства Италии, а также у целого ряда других европейских стран.

При этом США с энтузиазмом восприняли данную идею. Причина была простой – в объединении Германии они увидели возможность качественно переформатировать европейскую геополитику в сторону усиления американского контроля над ней. Речь шла, в первую очередь, о дальнейшей экспансии НАТО на восток. Впрочем, в контактах с Москвой американцы озвучивали совсем иные заявления. В феврале 1990 года госсекретарь США Дж. Бейкер заявлял министру иностранных дел СССР Э. Шеварнадзе, что Германия будет жестко привязана к НАТО, но взамен будут даны «железные гарантии того, что юрисдикция или силы НАТО не будут продвигаться на восток». Эти же обещания он давал Горбачеву. В заявлении на пресс-конференции в Москве Бейкер публично подтвердил эти предложения. В пресс-релизе Госдепартамента США Бейкер «дал понять, что США поддерживают объединенную Германию в НАТО, но готовы обеспечить то, что военное присутствие НАТО не будет расширяться далее на восток»[34]. Наконец, это обещание публично подтвердил и канцлер ФРГ Г. Коль. Сразу после выступления Коля Москва дала добро на запуск процесса объединения двух Германий.

Таким образом, именно СССР стал главным поборником идеи воссоединения Германии. Характерно, что Москва не просто проявила добрую волю, но и сделала это совершенно безвозмездно, чем обескуражила даже самих немцев. По воспоминаниям советских дипломатов, ФРГ ожидала от СССР внушительного счета, например, за оставляемое на немецкой земле имущество. Достаточно вспомнить хотя бы о масштабном выводе из Германии советской группы войск, предполагавшем перемещение на восток шести армий, более четырех тысяч танков и восьми тысяч единиц другой бронетехники, трех с половиной тысяч орудий и прочей номенклатуры. В итоге вместо ста с лишним миллиардов марок (примерно такую сумму западногерманские власти ожидали услышать в ходе переговоров, не считая компенсаций за материальные ценности) советская сторона запросила лишь 4,5 миллиарда, которые не покрыли даже часть расходов на вывод войск, не говоря уже о других, не менее серьезных затратах. Как бы там ни было, но оказанное Советским Союзом содействие в деле объединения Германии явилось, возможно, одним из наиболее ярких примеров альтруизма в современной истории.

Однако Советский союз ушел не только из ГДР. На излете холодной войны Москва повсеместно отказывалась от присутствия за рубежом. В 1989 году начался вывод советских войск из Афганистана, а годом ранее советской помощи лишилась Ангола. Началось сворачивание сотрудничества с партнера-

[33] СССР во многом поспособствовало воссоединению Германии в 1990 году. РГ. 2014.

[34] Аналитическая записка «Гарантии нерасширения НАТО. Прямая речь». «Фонд развития гражданского общества». 2022.

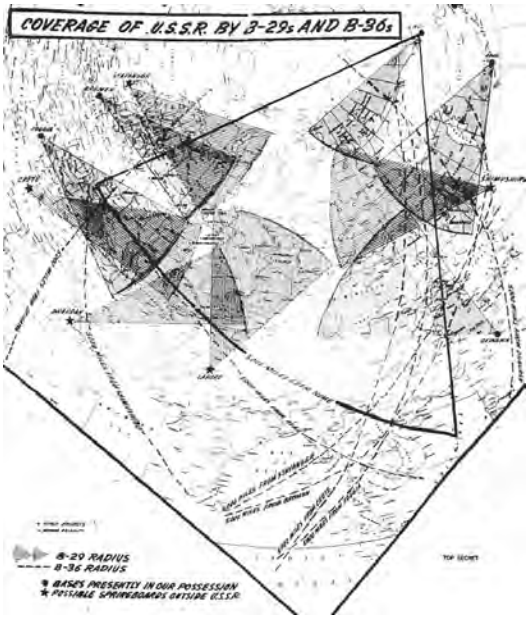
ми по всему земному шару. СССР отворачивался от доктрины социалистического интернационализма, полагая, что такую же уступку можно ожидать и от Вашингтона. На деле же американцы еще со времен Эйзенхауэра прекрасно усвоили урок: любой вакуум нужно заполнять – и немедленно занимали позиции, образовавшиеся на территории бывших партнеров СССР.

Лишившись советской поддержки (финансовой, военной, идеологической), дружественные режимы Восточной Европы были обречены. В ГДР, Польше, Венгрии, Чехословакии, Болгарии, Румынии, а также в не принадлежавшей к социалистическому лагерю Югославии Запад заблаговременно вел работу, напоминающую подготовку к сегодняшним цветным революциям. В результате везде был реализован шаблонный сценарий: активизация протестного движения, кровопролитные провокации, смена власти и конституционного строя, экономическое закабаление государств посредством «помощи» МВФ. Были фактически уничтожены возможные региональные центры экономического влияния (в большинстве государств Варшавского договора благодаря советской помощи была создана солидная промышленная база). Вместо них в Восточной Европе образовалось множество слабых экономик, ставших поставщиком дешевой рабочей силы для западных компаний.

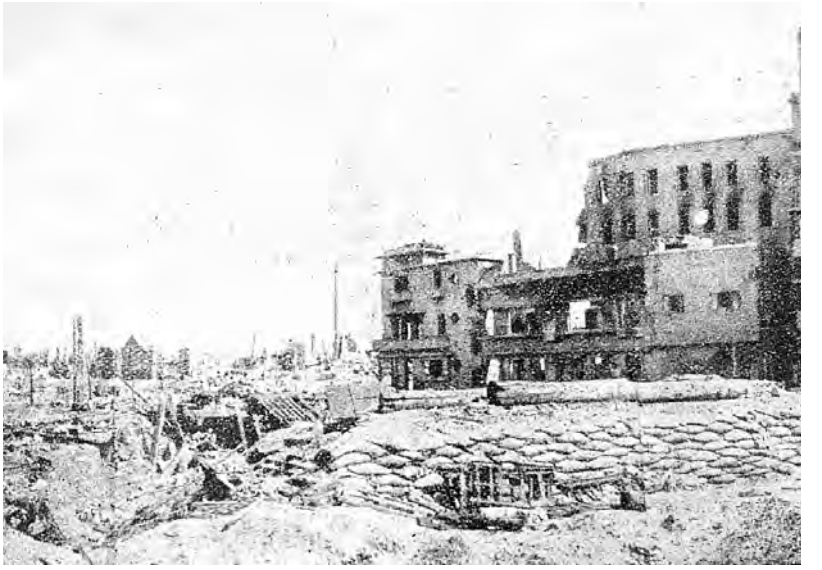
Таким образом, на рубеже 1980–1990 годов имел место не крах биполярной системы, как это часто преподносят тенденциозные историки, а добровольный выход из холодной войны, отказ одного из полюсов от своих позиций на мировой арене, которые были незамедлительно заняты оппонентом, то есть Соединенными Штатами. Америка на некоторое время обрела статус глобальной империи, с которой никто в мире не мог соперничать. Сбылись пророческие слова, напечатанные в газете «Вашингтон пост» еще в канун испано-американской войны: «Мы столкнулись лицом к лицу со странной судьбой. Привкус Империи ощущается у людей на губах, и он такой же, как вкус крови в джунглях…».

Иллюстрации к главе 20

Американские страхи времен начального этапа «холодной войны» хорошо демонстрирует эта вымышленная карта, на которой вся Европа, часть Азии и Ближний Восток изображены как сателлиты СССР.



Карта покрытия территории СССР американскими бомбардировщиками.



Руины Пхеньяна после налета американской авиации.

Операция «Аякс» в Иране по свержению правительства Моссадыка.

Провал операции ЦРУ в Заливе Свиней.

Вьетнамские дети бегут из сожженной американцами деревни.

Шарль де Голль и Ричард Никсон в Париже во время турне американского президента по Европе в феврале 1969 г.

При Р. Рейгане американцы резко активизировали военное сотрудничество с «моджахедами».

Глава 21

От холодной войны к многополярному миру: региональные аспекты американского стремления к гегемонии

Европа

Американская стратегия в отношении Европы с большей или меньшей последовательностью реализуется Вашингтоном и его союзниками еще с 1945 г. Тогда американцы и англичане были откровенно уязвлены тем, что на фоне блестящих побед Советской армии вся Восточная Европа вошла в сферу влияния Москвы. Опасались они и того, что следующим шагом СССР станет распространение своего влияния на всю Европу, а затем и на другие регионы мира. Уже на последнем этапе войны в Вашингтоне и Лондоне начали разрабатывать доктрину военно-политического продвижения в Восточную Европу, а по сути, замыслы агрессии против своего союзника – СССР. Как уже отмечалось, был подготовлен план операции «Немыслимое», согласно которому англо-американские войска в 1945 г. предполагалось объединить с остатками гитлеровских армий для совместного наступления против советских сил. Сразу после окончания войны американцы начали разрабатывать план войны против СССР с использованием ядерного оружия («Тоталити»).

Дальнейшим развитием подобных планов стало создание в 1949 г. Организации Североатлантического договора (НАТО). В том же году в Вашингтоне был утвержден «Дропшот» – новый, более масштабный план атаки на СССР и его союзников, также предусматривавший нанесение по ним массированных ядерных ударов. Вместе с тем на момент создания Североатлантического альянса лишь одно натовское государство (Норвегия) имело общую границу с СССР. После первого расширения в 1952 г. (Турция и Греция) НАТО вышла к советским рубежам на юге. В 1955 г. в альянс была принята ФРГ. Реагируя на экспансию НАТО, СССР был вынужден создать собственный военный блок – Организацию Варшавского договора (ОВД), которая была учреждена 14 мая 1955 г. (через 5 дней после вступления ФРГ в альянс). После этого в Европе установилось относительное военно-политическое равновесие, а до конца холодной войны в НАТО вошла лишь одна страна (Испания в 1982 г.).

Характерно, что многие важные миротворческие инициативы холодной войны исходили именно из ведомого СССР социалистического лагеря. Среди них – созыв в 1973 году Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, которое привело к подписанию в 1975 году Хельсинкских соглашений и созданию СБСЕ, позднее ставшей ОБСЕ, которая сегодня усилиями Запада превращена в площадку для оглашения спускаемых из Вашингтона русофоб-

ских манифестов. ОВД была ликвидирована 1 июля 1991 г., то есть за полгода до распада СССР. В последний период существования СССР и ОВД, в особенности в ходе переговоров о выводе советских войск из ГДР (1989) и последовавшего объединения Германии (1990), западные лидеры неоднократно заверяли советское руководство в отсутствии планов по дальнейшему расширению НАТО на восток. Это зафиксировано в многочисленных документах (значительная часть этих материалов была в 2021 г. опубликована Россией)[1].

После ликвидации ОВД и распада СССР была утрачена актуальность существования НАТО. Логично было ожидать, что блок постепенно свернет свою деятельность вплоть до самороспуска. Однако Запад, на словах заверяя Россию в наступлении этапа стабильного и долговременного партнерства, на деле вынашивал планы вовлечения в НАТО бывших стран ОВД, а также государств постсоветского пространства. Обещания о нерасширении блока, в свое время данные советскому руководству, были попросту забыты. США их выполнять отказались и продолжили «оккупацию» самороспуска Германии под флагом НАТО.

Российская Федерация сделала все возможное, чтобы нормализовать отношения с США и НАТО. В 1990-е гг. звучали даже предположения о возможном вступлении страны в НАТО. В 1994 г. Москва стала участником программы «Партнерство во имя мира». Свидетельством дружественного настроя российской стороны стал подписанный в 1997 г. Основополагающий акт об отношениях Россия – НАТО, в котором были закреплены гарантии неразмещения «существенных боевых сил альянса в его новых странах-членах», а Россия и НАТО обязались больше не воспринимать друг друга как противников[2].

Наиболее полно курс на адаптацию блока к постбиполярным политическим условиям отражен в принятой в ноябре 1991 г. на Римской сессии Совета НАТО стратегической концепции альянса. Ее основные положения излагались в документе «Стратегическая концепция НАТО», в котором основополагающие политические и военно-стратегические установки стратегии «гибкого реагирования» дополнились новыми положениями. К двум основным политическим принципам «оборона» и «диалог» был добавлен новый принцип – «сотрудничество»[3].

Принцип «сотрудничества» предусматривал расширение всесторонних связей со странами Центральной и Восточной Европы, Балтии, а также с государствами СНГ. При этом характер таких связей ставился в зависимость от проводимой этими государствами внешней и внутренней политики и допускал применение силового давления в случае несоответствия политического курса какого-либо государства интересам блока. Этот принцип был распро-

---

[1] Договоренности о нерасширении НАТО на Восток подтверждаются архивными источниками. Историческая истина, 2022.

[2] Основополагающий акт о взаимных отношениях между Россией и НАТО

[3] Стратегическая концепция НАТО, 1991 г.

странен и на процесс формирования новой архитектуры безопасности в Европе. Руководство блока признало целесообразным наладить взаимодействие с ЕС и ОБСЕ, которые рассматривались как дополнение к НАТО.

Анализ установок, заложенных в основу стратегической концепции НАТО 1991 года, дает основание полагать, что руководство блока тогда сосредоточило усилия на достижении главной политической цели – трансформации альянса в военно-политическую организацию, зона влияния которой не только охватывала бы всю Европу, но и выходила за ее пределы.

Замена термина «угроза» относительно нейтральным понятием «риск» позволила разработчикам стратегической концепции блока «размыть» основное доктринальное понятие – «противник». При этом к рискам были отнесены нестабильность ситуации в Восточной Европе, кризисы и конфликты вне европейского континентального района, наличие мощных ядерных сил за пределами зоны ответственности НАТО, распространение оружия массового поражения, средств его доставки и технологий двойного назначения, международный терроризм и нарушение потоков жизненно важных ресурсов.

Согласно стратегической концепции ни одна страна мира не рассматривалась военно-политическим руководством альянса в качестве вероятного противника НАТО. Произошедшие после 1991 года глобальные изменения в Европе и мире потребовали от руководства Североатлантического союза поиска новых подходов к совершенствованию как отдельных доктринальных взглядов и положений, так и военной доктрины НАТО в целом.

По большому счету с момента распада СССР и роспуска Организации Варшавского договора НАТО стала активно искать факторы для своего дальнейшего существования, главным из которых стала так называемая миротворческая миссия, когда НАТО вступала в разрешение межэтнических конфликтов, преследуя при этом сугубо блоковые цели (прежде всего расширение зоны своего влияния), как это было на Балканах, когда блок вторгся в регион и принял непосредственное участие в эскалации этнических войн.

На этом фоне втягивание Украины в Альянс должно было стать последним шагом в процессе стратегического наступления на Россию с европейского направления. Воплощением соответствующих планов стала принятая в 2008 году по итогам бухарестского саммита формула, в которой категорично заявлялось – «Украина и Грузия станут членами НАТО»[4]. Одновременно США и их союзники целенаправленно уничтожали международно-правовую архитектуру стратегической стабильности, которая была выработана во время холодной войны и предотвращала насыщение европейского континента оружием, в том числе ядерным.

В 2002 году США в одностороннем порядке вышли из Договора по ПРО, впоследствии разместив соответствующую военную инфраструктуру в Польше и в Румынии. В 2019 году Вашингтон также вышел из Договора о ракетах

[4] Из декларации Саммита НАТО в Бухаресте, 2008.

средней и меньшей дальности, объявив о намерении разработать такие вооружения, в том числе не исключив их последующего размещения в Европе. В 2020 году США вышли из Договора по открытому небу. В результате всех этих действий вдоль западных рубежей России образовался практически сплошной «восточный фланг», который еще в 2000-е годы начал усиленно накачиваться оружием и воинскими контингентами. Основную роль в нем западники отводили Украине.

Начало нынешнего витка обострения ситуации на Украине было спровоцировано США и их союзниками, которые еще в феврале 2014 года организовали государственный переворот в Киеве. Тогдашний президент Украины Янукович подписал соглашение с представителями Германии, Франции и Польши об урегулировании политического кризиса в стране, которое, однако, практически сразу же было европейцами нарушено. В результате государственного переворота руководство страной перешло к представителям националистического толка, которые начали проводить курс на отрыв Украины от России, всячески поощряя русофобские настроения. С этого момента США фактически установили контроль над всей Украиной и полностью руководят политикой Киева.

События 2014 года были использованы руководством Альянса для консолидации сил и выработки новых стратегических и доктринальных документов, зафиксировавших наступательный подход в отношении Москвы. Формально действующей оставалась концепция, принятая в 2010 году на саммите в Лиссабоне, отражавшая дух «перезагрузки» в отношениях России с Западом и закреплявшая курс на партнерство с РФ. Существенный антироссийский крен наметился уже в декларации саммита в Уэльсе (2014), став предсказуемой реакцией на воссоединение Крыма с Россией и сопутствующих событий.

НАТО официально объявила своей главной миссией борьбу с «российской угрозой». Сдерживание России положено не только в основу политики альянса, но и в основу военного планирования и строительства. Все основные планы НАТО и его стран-членов направлены на достижение этой цели. Соответствующим образом модифицируются командные структуры. Ставится задача добиться превосходства во всех операционных средах – на земле, в воде и воздухе, теперь и в космосе и киберпространстве. Программы закупок ориентирован прежде всего на борьбу с Россией. Натовцы проецируют силу во всех прилегающих к России регионах, превращают Балтику и Черное море в арену военного противостояния. Понижают технологический и концептуальный пороги применения ядерного оружия. Полным ходом идет модернизация ядерных средств США, размещенных на территории Европы.

В Вашингтоне и Брюсселе не только не обращали никакого внимания на законные озабоченности Москвы и растущие угрозы России в сфере безопасности, но делали все для того, чтобы подорвать ее оборонный потенциал. В декабре 2021 г. российская сторона в очередной раз призвала партнеров со-

блюдать непреложный принцип неделимости безопасности. США и НАТО было предложено юридически закрепить отказ от дальнейшего расширения НАТО на восток, неразмещение ударных вооружений вблизи российских границ, прежде всего на Украине, и возвращение силового потенциала альянса к состоянию на 1997 г. Вашингтон и Брюссель вновь проигнорировали предложения Москвы. Более того, руководство НАТО стало говорить о необходимости форсировать продвижение военной инфраструктуры к границам России.

Вокруг России образовано кольцо из вражеских военных баз, а всего по миру США и НАТО создали их более 600. Свою антироссийскую стратегию Запад камуфлирует лживой пропагандой об агрессивных намерениях России. Война «чужими руками» начата давно, но своего апогея она достигла в 2014 г. майданным переворотом на Украине, организованным Вашингтоном. Для ее ведения США создали украинскую милитаризованную зону, английские и канадские инструкторы обучили около 50 тыс. украинских боевиков для войны против России, а ЦРУ подготовило для этих целей бандеровский нацистский батальон «Азов».

В условиях резкого ускорения трансформации мирового порядка в сторону многополярности и ослабления влияния коллективного Запада на мировые процессы, ведущие страны НАТО лихорадочно ищут пути и средства обратить эту тенденцию вспять, чтобы любой ценой сохранить собственную гегемонию на международной арене. В числе наиболее перспективных направлений решения этой задачи военно-политические круги альянса рассматривают наращивание военного потенциала государств НАТО, милитаризацию их экономики на основе поддержания своего военно-технологического преимущества над всеми конкурентами.

После начала Россией СВО на Украине риторика в трансатлантических отношениях изменилась в сторону сплочения вокруг общей угрозы. И в стратегии национальной безопасности США 2022 г., и в Стратегической концепции НАТО 2022 г., и в Стратегическом компасе ЕС 2022 г. говорится о важности партнерства США и их европейских союзников, необходимости сохранения транстатлантических связей. Сегодня все активнее развивается сотрудничество ЕС-НАТО, которое зачастую становится институционализированным механизмом укрепления трансатлантического партнерства, позволяющим координировать оборонные планы НАТО и ЕС и не допускать противоречий.

Азия

Послевоенный порядок в Восточной Азии и АТР изначально складывался не так, как в Европе, где установилась Ялтинская система международных отношений. Достигнутые в ее рамках политические договоренности, касающиеся Азии и Тихого океана, так и не были реализованы в условиях разгоравшейся холодной войны и конфронтации Востока и Запада.

Различная трактовка политического и международно-правового оформления окончания войны (противоречивые ссылки на Каирскую, Ялтинскую и Потсдамскую декларации держав-победительниц, Сан-Францисский мирный договор) во многом породили (и подпитывают сейчас) территориальные споры между КНР и Японией, Японией и Республикой Корея, японские территориальные претензии к России по Северным Курилам и некоторые другие кризисные и конфликтные ситуации в регионе.

США сыграли ведущую роль в подготовке и заключении Сан-Францисского мирного договора 1951 г., который подвел итоги Второй мировой войны в Азии и на Тихом океане. Договор объявил прекращение войны с Японией, признал полный суверенитет японского народа над Японией и ее территориальными водами. Япония, в свою очередь, признала приговор Международного военного трибунала для Дальнего Востока и приговоры других союзных судов по военным преступлениям как внутри, так и за пределами Японии.

Процесс подготовки и подписания договора был отмечен жестким поведением США и их союзников, буквально продавивших принятие документа в своих интересах. Достаточно сказать, что какого-либо обсуждения и внесения поправок в составленный Вашингтоном и одобренный Лондоном текст договора не допускалось. Для одобрения англо-американского варианта договора был специально подобран проамериканский состав участников подписания, сформировавший «механическое большинство» из стран, не воевавших с Японией. Страны же, много лет сражавшиеся с японскими агрессорами и больше всех пострадавшие от них, на конференцию допущены не были. КНР, КНДР, Вьетнам, Монголия и вовсе не получили приглашения на конференцию. СССР в ее работе участвовал, однако (вместе с Польшей и Чехословакией) отказался от подписания итогового документа.

К 1951 г., когда был подписан мирный договор с Японией, предварительно согласованные параметры ялтинских соглашений по Восточной Азии уже были разрушены. В то время как Германия оказалась единственной разделенной страной в Европе, в Восточной Азии холодная война разделила сразу несколько стран и народов. Сан-Францисский мирный договор сыграл критически важную роль в создании новых проблем с границами, не обозначив их точно и окончательно и тем самым посеяв в регионе семена «неразрешенных проблем».

Катализатором подписания Сан-Францисского мирного договора стала война в Корее (1950–1953). Именно она вынудила Японию и США пересмотреть свои послевоенные взаимоотношения. Для Соединенных Штатов было исключительно важным заставить Японию следовать в русле той политики, которую они проводили на Дальнем Востоке, сделав ее, по сути, своим главным союзником в этом регионе. Вашингтон и Токио решили сделать американское военно-морское присутствие в Японии ключевым элементом Сан-

Французской системы еще до начала Корейской войны[5]. Почти одновременно с Сан-Францисским в 1951 г. был подписан Японо-американский договор о гарантии безопасности, закрепивший пребывание американских войск и военных баз на территории Японии. В ходе советско-японских переговоров, которые начались в 1955 г., Япония оказалась под сильным дипломатическим нажимом со стороны Соединенных Штатов, которые не были заинтересованы в нормализации отношений СССР и Японии. В частности, Вашингтон убеждал Токио требовать от Советского Союза возврата всех четырех островов Северокурильской гряды (заведомо зная о неприемлемости этого для Москвы), угрожая в противном случае отказаться от возврата Японии Окинавы.

Следуя конфронтационной логике и «блоковому мышлению» холодной войны, США ввязались войну во Вьетнаме (1964–1975), которая обернулась для них крупнейшей военно-политической авантюрой, потерей своих позиций в АТР и ростом антивоенного движения в самих Соединенных Штатах. В отличие от европейского опыта примирения и согласия после Второй мировой войны, основанного на однозначной трактовке исторических событий (включая готовность послевоенной Германии принять на себя вину за нацистское прошлое), страны Восточной Азии еще ожидают признания исторической ответственности за трагическое прошлое со стороны Японии. Но и здесь можно найти «ловушку», расставленную Сан-Францисским договором. В свое время госсекретарь США Дж. Ф. Даллес категорически противился тому, чтобы включить в текст договора статью об ответственности за военные преступления – для того, чтобы не настраивать против себя Токио, видя в нем будущего союзника.

Сегодня Азиатско-Тихоокеанский регион продолжает во многом испытывать на себе негативное влияние Сан-Францисской системы. Более того, США и их союзники делают все для того, чтобы превратить эту часть земного шара в очередной плацдарм для утверждения своей гегемонии ценой подавления суверенитета и самобытности азиатских государств. Как и во времена холодной войны, Вашингтон руководствуется в Азии своими геополитическим и стратегическими интересами, а не интересами сторон в территориальных спорах и конфликтах. Следствием такой линии стал курс на ускоренную милитаризацию АТР, создание в нем прозападных военных блоков и искусственных разделительных линий, по одну сторону которых находятся США и их сателлиты, а по другую – все, кто не согласен с подобной политикой.

Уже объявленный в 2009 году администрацией Б. Обамы знаменитый «разворот в Азию»[6] вызвал в азиатско-тихоокеанских странах значительное недоумение. Несмотря на то, что никто среди региональных игроков не ставит под сомнение статус Америки как азиатско-тихоокеанской державы, мало

[5] *Стрельцов Д.* Сан-Францисский договор определил международные отношения в Азии. Коммерсант, 2016.

[6] Азиатский фокус. Коммерсант Власть. 2013.

кого устраивает тот факт, что ее «возвращение» в Азию происходит с опорой на морально и политически устаревшие альянсы и блоки образца холодной войны, которые сегодня продвигаются Белым домом под собирательным названием «Индо-Тихоокеанской стратегии». Несмотря на новый ярлык, ее приоритеты остаются все теми же. Это сохранение американского доминирования с помощью поддержания выгодного для США баланса силы, недопущение появления в Азии равного по силе государства-соперника или коалиции держав, которые могли бы его нарушить, а также агрессивное распространение западной модели либеральной демократии и американских ценностей.

В Вашингтоне не скрывают, что главная цель их азиатской стратегии (вне зависимости от того, кто в настоящий момент занимает Белый дом) сводится к долгосрочному закреплению военно-политического, экономического, технологического доминирования США в регионе, что невозможно без ограничивая влияния Китая и России. Сегодня, когда глобальная напряженность достигла беспрецедентного масштаба, Вашингтон уже не скрывает, что готов с оружием в руках отстаивать собственное политическое и военное доминирование в Азиатско-Тихоокеанском регионе. С этой целью американцы ведут регулярное «прощупывание» возможной реакции Китая и России своим излюбленным методом – рискованными военными провокациями, которые они устраивают на таких опасных направлениях, как Тайвань, Южно-Китайское море или Корейский полуостров.

Огромную роль в гегемонистской стратегии Вашингтона сегодня играет Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР) и Юго-Восточная Азия (ЮВА). По сути, предложенная американцами «Индо-Тихоокеанская» концепция представляет собой попытку связать оба этих направления воедино и рассматривать их как единый геополитический плацдарм, контроль над которым имеет неоценимое значение для стабильности американской экономики и глобального позиционирования Америки в современном мире[7].

Для США оба рассматриваемых региона всегда имели стратегическое значение. Этот регион находится на важнейших коммуникационных путях между Азией и Европой. Особое значение имеет Индонезия с ее проливами, прежде всего Зондским и Малаккским, через который осуществляется более 25 процентов проходов нефтяных танкеров и 50 процентов всех транзитов природного газа каждый день. Контроль над ситуацией в регионе означает для США возможность обеспечивать беспрепятственное снабжение азиатских союзников ресурсами и в случае конфликта с противниками в Азии блокировать поставки ресурсов для них. Путь через Южно-Китайское море является критически важным маршрутом и для мировой, и для американской экономики, поэтому для глобального доминирования Вашингтону жизненно важно сохранять над ним свой полный контроль.

[7] *Camroux D.* The Concept of the Indo Pacific in the Geostrategic Discourse. Sciene Po. 2021.

После 1991 г. в правящих кругах США господствовало мнение, что американское преобладание в Азии очень значительно и ситуация вполне стабильная. В рамках политики партнерства с КНР отношения Вашингтона и Пекина оставались если не безоблачными, то стабильными и предсказуемыми. Дело доходило до того, что, когда некоторые лидеры стран АСЕАН жаловались в Вашингтоне на усиление китайского влияния и конфликты в Южно-Китайском море, им предлагалось решать свои проблемы с Китаем самостоятельно.

Однако успехи КНР в начале XXI века, переход Пекина к более самостоятельной политике и его претензии на все более значительную роль в ЮВА стали вызывать в Вашингтоне беспокойство. Тем более что проамериканские круги, встревоженные ослаблением роли США и китайским усилением в региональной геополитике, настойчиво обращались в Вашингтон для изменения политики и возвращения в регион. Это и произошло в рамках так называемой политики перезагрузки, объявленной администрацией Обамы в 2011 г. Цель ее не скрывалась – восстановить позиции США и остановить китайскую экспансию в регионе. Сегодня эти же цели остаются ключевыми в рамках американской стратегии.

Теперь на волне сдерживания Китая у США возникла необходимость формирования новых военных блоков. Главная цель всех их усилий – создание широкого антикитайского фронта. Первым еще во время правления администрации президента Трампа в 2017 году возник проект так называемой демократической четверки, куда должны были войти Австралия, Япония, Индия и США. Вторым этапом планировалось вхождение в «четверку» стран АСЕАН и формирования таким путем полноценного антикитайского военного союза в АТР и ЮВА. Но весь американский замысел «повис в воздухе» из-за позиции Индии, которая отказалась участвовать в антикитайском военном блоке. Формализовать отношения как антикитайский военный блок Индия не собиралась, а без нее весь проект Индо-Тихоокеанского региона, который американцы определили в границах зон ответственности тихоокеанского командования США и планировали превратить в крупнейшее антикитайского объединение, потерял всякую актуальность. Неудача с «демократической четверкой» вынудила в сентябре 2021 г. сформировать новый военный блок, объединявший США, Британию и Австралию – AUKUS. Другая важная военно-политическая тенденция, все более отчетливо проявляющаяся в последние годы, – это постепенное распространение зоны ответственности НАТО на регион Юго-Восточной Азии, инициатором которого выступают именно США, стремящиеся перекладывать бремя поддержания своей гегемонии на партнеров.

Еще одна линия давления на Китай и демонстрация американской мощи и решимости – постоянные заходы кораблей ВМС США в объявленные Пекином запретные зоны, расположенные в районах насыпных островов, которые построил Китай в акватории Южно-Китайского моря. Формально это делается в рамках борьбы за свободу судоходства, но в реальности цель амери-

канских провокаций – показать, кто определяет правила судоходства в ЮКМ и сохранить возможность постоянно держать китайские ВМС в напряжении.

Военное давление в ЮВА американцы сочетают с влиянием на политику тех или иных режимов, на стабильность и устойчивость политических систем в государствах региона. Смысл их технологии в том, что в каждой стране формируется группа лиц, которые борются за гражданские права, за демократию, а в последнее время американцы очень полюбили борцов за экологию. По введенным ими негласным «правилам» этих людей местные власти не имеют права преследовать, даже если они ведут откровенно незаконную деятельность, связанную с подрывом конституционного строя и внутренней стабильности. Если же эти «правила» нарушаются, то азиатские страны немедленно подвергаются массированному пропагандистскому давлению, появляются санкционные списки «врагов демократии», начинается шантаж экономического характера. По сути, подобный подход можно с полным правом назвать неоколониальным. Как мы помним, «мягкий», но ничуть не менее разрушительный колониализм еще с XIX столетия является своего рода визитной карточкой азиатской политики Вашингтона.

В борьбе за гегемонию в Азии Америка активно использует цифровую экономику. Контролируя интернет, американцы активно занимаются политическим конструированием путем создания и распространения благоприятной для себя информации, поддерживания мифов относительно их благородных целей и задач в современном мире. Практически все выпуски новостей о мировых событиях даются в американской трактовке, масса сайтов кино, музыка, гламурные события формируют образ Америки среди молодежи стран Азии как мощной богатой и процветающей страны. Миллионы людей в регионе являются сегодня заложниками американской «мягкой силы».

Одной из приоритетных задач американской геополитической экспансии в Азии является вовлечение в орбиту влияния Вашингтона Индии – самой густонаселенной (наряду с Китаем) страны и одной из крупнейших и быстрорастущих экономик мира. Американцы не устают подчеркивать – Индия является крупнейшей демократией на планете и, следовательно, ей уготовано занять место в ведомом США «свободном мире». Однако риторика риторикой, а на деле в отношении Нью-Дели Белый дом использует разнообразные методы давления на Индию, рассчитывая вынудить индийцев корректировать свою политику в соответствии с интересами Вашингтона. В биполярный период США особенно активно использовали экономический шантаж. После завоевания Индией независимости США пытались сохранить ее в качестве аграрно-сырьевого придатка, создавали препятствия на пути развития тяжелой промышленности и пытались использовать экономическую помощь в качестве инструмента давления на правительство страны с целью вынудить его изменить внешнеполитический курс[8].

[8] *Rajagopalan R.* India's Place in the New US Indo-Pacific Strategy. The Diplomat. 2022.

В свою очередь, политика США в отношении Пакистана всегда отличалась откровенно империалистическим характером. Вашингтон рассчитывал устроить на территории этой страны фактически свой военно-политический плацдарм. В частности, американцы отводили Исламабаду одну из главных ролей в проведении политики Вашингтона в афганском вопросе. Пакистан при военном режиме генерала М. Зия-уль-Хака превратился в тыловую опорную базу боевиков-исламистов. Следует отметить, что пакистанское руководство осознавало все риски подобного сотрудничества и неоднократно пыталось преодолеть одностороннюю зависимость страны от США. Исламабад установил еще в 1960-х годах тесные политические и экономические связи с КНР, а с начала нынешнего века встал на путь значительного расширения экономических контактов с Пекином. Такой крен вызвал жесткую реакцию США.

Особую роль в геополитических построениях Вашингтона играет Центральная Азия, пространство которой занято постсоветскими республиками – Казахстаном, Киргизией, Узбекистаном, Таджикистаном, Туркменией. Об исключительной значимости этого региона для мировой геополитики писал еще Макиндер, который утверждал, что по северной части этого региона пролегает «географическая ось истории»[9], простирающаяся от Восточной Европы до Китая, вдоль которой столетиями перемещались массы воинственных кочевников. Неслучайно именно за эту часть мира во второй половине века англичане развернули «Большую игру».

Параллельно наращивается давление на центральноазиатские государства, стратегическая цель которого заключается в их отрыве от России как в политическом и экономическом, так и в культурном и гуманитарном смысле. Пока что такая работа ведется с переменным успехом. Например, в 2022 году Казахстан вел переговоры с США и ЕС по вопросу своих торговых отношений с Россией, в ходе которых даже прозвучало обещание «соблюдать санкции». Однако в июле Минфин США внес Казахстан вместе с Узбекистаном и Киргизией в список стран, нарушающих санкционный режим, а также ввел санкции против одной из региональных компаний, как «предупреждение» для всего центральноазиатского бизнеса. В Узбекистане послы США и Великобритании публично выражали недовольство тем, что местные СМИ занимают недостаточно антироссийскую позицию при освещении конфликта на Украине. При этом они выступали за запрет работы российских СМИ, подобный введенному в странах западного блока[10].

Впрочем, реализовать подобную стратегию американцы пытаются на всем постсоветском пространстве, которое стало одним из приоритетных направлений внешнеполитической деятельности США после окончания холодной войны. Усилия Вашингтона по наращиванию военного, культурного и эконо-

[9] *Маккиндер Х.* Географическая ось истории. АСТ, 2021.

[10] Госдеп: целью США должно быть «разъединение экономик» России и стран Центральной Азии. ТАСС. 2022.

мического влияния в этом геополитически важном поясе, окружающем Россию, во многом напоминают уже описанные выше попытки выстроить вокруг России «санитарный кордон». Основная задача такого проекта – полная изоляции России как силы, способной стать интеграционным ядром на территории бывшего СССР. Пока что эта стратегия увенчалась успехом лишь в отношении Украины, однако поставить точку и завершить этот проект американцам помешало начало специальной военной операции России.

Ближний Восток

На протяжении последних десятилетий Ближний Восток остается одним из наиболее значимых для Вашингтона направлений. После того как значимость Евро-Атлантики несколько снизилась на фоне завершения холодной войны (а вызванный усилением Китая «разворот США в Азию» еще не начался), ближневосточный регион и вовсе стал для США приоритетом номер один. Уже в 1957 году этот регион был объявлен стратегически значимым в рамках «доктрины Эйзенхауэра». Вслед за этим американцы и их союзники, в первую очередь англичане, начали целенаправленную экспансию на Ближний Восток, в ходе которой они добивались не просто регионального господства, но и стремились использовать его уникальный ресурсный потенциал для реализации своих глобальных геополитических целей. Возможно, наиболее ярким примером такой стратегии стал так называемый нефтяной кризис 1973 года, после которого Ближний Восток и добываемые в нем углеводородные ресурсы приобрели общемировую значимость.

Обычно принято считать, что начало кризису положили события 6 октября 1973 года, когда Египет и Сирия вторглись в Израиль, положив начало так называемой Девятидневной войне, или Войне судного дня (в указанные даты евреи отмечали праздник Йом-Кипур). Несмотря на численное превосходство арабов, Израиль не просто отразил наступление, но и наголову разбил противника. Недовольные этими событиями, а равно западной поддержкой, оказанной Тель-Авиву, арабские государства – производители нефти объявили эмбарго на ее поставки, в результате чего она взлетела в цене примерно в пять раз. Этот кризис стал важным уроком для Вашингтона.

Беспрецедентное внимание к Ближнему Востоку, которое Белый дом демонстрирует на протяжении последних десятилетий, в своей основе имеет глобальные геополитические амбиции США, которые попросту невозможно реализовать без доминирования в данном регионе. Даже несмотря на «сланцевую революцию» в самой Америке, Ближний Восток не утратил свою важность как источник энергоресурсов для Вашингтона, стремящегося по-прежнему играть ключевую роль на глобальном нефтегазовом рынке. Не стоит забывать и о существующем у значительной части американской элиты представлении о мессианской роли США в мире, об обязательствах Вашингтона по

распространению демократии, либеральных ценностей и борьбы с иными идеологиями. Ближний Восток как ни один другой регион мира не предоставляет столь широких возможностей по реализацию этой «высокой миссии», которую Америка сама на себя возложила.

Стратегия США на Ближнем Востоке и в Северной Африке после окончания холодной войны неоднократно корректировалась. Этот регион традиционно занимал и занимает видное место в каждой новой американской Стратегии национальной безопасности. Тем не менее реальная политика Белого дома зачастую выходила далеко за рамки заявляемых в них целей.

Так, Стратегия, принятая в 1991 году при администрации Дж. Буша-старшего, определяла ключевой задачей американской политики на БВСА недопущение распространения оружия массового поражения[11]. Однако реальные действия были направлены на обеспечение американского лидерства в регионе через изоляцию или через привлечение на свою сторону бывших союзников СССР. Первая война в Персидском заливе позволила Вашингтону одновременно изолировать Ирак, начать процесс сближения с Сирией и укрепить зависимость от себя арабских монархий Залива. Однако ключевой задачей Белого дома в этом конфликте было утверждение собственного глобального лидерства. Одновременно с этим Мадридская конференция и так называемый осло-вашингтонский процесс позволили американцам попытаться монополизировать посредническую роль в ближневосточном урегулировании. США стали претендовать на ведущую роль в сформированном в это время Квартете посредников.

В период администрации У. Клинтона (1993–2001) начатый ранее курс на глобальное лидерство был дополнен идеей борьбы всего мира во главе с США с «государствами-изгоями», к которым на БВСА были отнесены Ливия, Ирак, Иран и Судан, а также идеей о необходимости распространения демократии. Эти подходы получили свое развитие при администрации Дж. Буша-младшего, избравшего курс на силовое доминирование в мире после событий 11 сентября 2001 года. Смена курса была оформлена введением в оборот понятия «оси зла» (к расширенной версии которой из стран БВСА отнесена и Сирия[12]), а основным содержанием политики в регионе стала борьба с терроризмом. Разработанная неоконсерваторами концепция «гуманной глобальной гегемонии» (*benevolent global hegemony*) предполагала, в частности, возможность проведения военных операций без оглядки на ООН, опору на союзников и широкое использование мер экономического давления для обеспечения национальных интересов США. Конкретную реализацию на БВСА эта политика получила в 2003 году в Ираке.

Помимо чисто военных методов противостояния террористической угрозе Белый дом исходил из представления о необходимости и возможности сме-

[11] National Security Strategy, 1991.

[12] US expands 'axis of evil' - BBC News, 2022.

ны опасных для себя авторитарных режимов через поддержку социально-экономических реформ и демократических движений в отдельных государствах. В этом контексте была разработана концепция Большого Ближнего Востока (от стран Центральной Азии до Атлантического океана). Весь этот регион рассматривался американскими идеологами того времени как территория хаоса и возможный источник угроз радикального исламизма, и потому становился важнейшим полигоном для апробации идей распространения демократии. Этот подход стал определяющим в Стратегии 2006 г.[13]

Неудачи, преследовавшие американцев в Ираке, резкое ухудшение образа США на Ближнем Востоке, общее внешнеполитическое перенапряжение и глобальный кризис 2008 г. заставили команду президента Б. Обамы пересмотреть многие подходы к ближневосточной политике. Американский лидер попытался отказаться от жесткого произраильского курса, заявив о необходимости не только обеспечения безопасности Израиля, но и учета национальных чаяний палестинского народа на обретение государственности (этому была посвящена, в частности, Каирская речь Б. Обамы в 2009 г.). Однако результаты политики Вашингтона на Ближнем Востоке в период правления Б. Обамы оказались если не провальными, то близкими к ним. На фоне этих неудач наметилось снижение доверия к США со стороны их традиционных союзников в регионе, прежде всего Израиля и арабских монархий Залива, откровенно считавших американского президента предателем.

Деятельность Д. Трампа на Ближнем Востоке была направлена одновременно на снижение затрат на региональную политику, отказ от многосторонних форм взаимодействия в пользу двусторонних и укрепление доверия к США со стороны их традиционных союзников. В соответствии с этими задачами произошел резкий разрыв с иранской политикой Обамы и был взят курс на сдерживание Тегерана. Одновременно американцы отказались от сбалансированной позиции в ближневосточном урегулировании в пользу последовательной произраильской линии. В этом контексте Белый дом заявил об окончании осло-вашингтонского процесса и предложил новый план урегулирования – «Сделку века», которая не учитывала интересов палестинской стороны. Другим результатом политики Д. Трампа можно считать заключение так называемых Авраамовых соглашений между Израилем и рядом арабских государств (ОАЭ, Бахрейном, Марокко, Суданом) и попытки сколотить антииранскую коалицию.

Ближний Восток и Северная Африка неоднократно являлись объектами прямой военной агрессии Вашингтона. Примерами могут служить кампании США в Персидском Заливе (1991 г.), вторжение в Ирак (2003 г.), участие США в ливийской кампании НАТО (2011 г.), ввод войск на территорию Сирии (после 2014 г.). По мере наращивания в регионе американского военного потенциала росли и аппетиты Белого дома. Если «Буря в пустыне» была направлена

[13] National Security Strategy, 2006.

на защиту американских интересов в Персидском Заливе, ослабление режима С. Хусейна и изоляцию Ирака, то иракская кампания 2003 г. уже была нацелена на смену иракского правящего режима и трансформацию политической системы по американским лекалам. Однако такой политический инжиниринг оказался чрезвычайно затратным и неэффективным.

В ливийской кампании 2011 г. США играли вторичную роль и, главным образом, стремились не позволить перехватить лидерство в Ливии европейским союзникам (прежде всего Франции и Италии). В Сирии кампания была начата под предлогом борьбы с ИГИЛ, однако привела фактически к установлению прямого американского контроля над зонами нефтяных месторождений к востоку от Евфрата и в самопровозглашенной «зоне безопасности» Ат-Танф у иракской границы. Это позволило США не только заниматься разграблением природных ресурсов Сирии, но и оказывать постоянное военно-политическое давление на Дамаск, который лишился контроля над частью территории.

В случае невозможности формирования благоприятной для себя системы отношений США неоднократно провозглашали те или иные политические режимы изгоями или относили их к оси зла, что предполагало осуществление системной политики их изоляции и подавления. В разное время к этой категории относились Ливия, Сирия, Ирак, Иран, Судан. В целом, можно заметить, что политические инструменты американской гегемонии в последние годы показывают снижающуюся эффективность. Союзнические отношения США с ОАЭ не обеспечили их полной поддержки американской линии в контексте конфликта на Украине, Саудовская Аравия не стала наращивать объемы производства нефти. Попытки изоляции Ирана и Сирии также не увенчались успехом, более того, Сирия демонстрирует тенденцию к реинтеграции в региональную систему отношений.

Однако экспансионистская политика США на Ближнем Востоке направлена не только на сами государства региона. Важнейшее место в ней занимают действия в отношении Турции и Ирана – двух государств с многовековой историей, которые на протяжении всего нового и новейшего времени являлись ключевыми игроками на ближневосточном поле (хотя в географическом плане не относятся в полной мере к этому региону). Невозможно понять природу, перспективы и ограничения гегемонистской стратегии Америки в регионе без понимания ее турецкого и иранского аспектов. Обе страны являются важнейшими объектами ближневосточной политики США, хотя и выступают в ней в совершенно разных качествах. Анкара, оставаясь формальным союзником Вашингтона, нередко занимает оппонирующую позицию по острым региональным и глобальным вопросам. Тегеран же и вовсе негласно считается Белым домом вероятным противником[14].

[14] *Mistal B.* Strategic Fail. War on the Rocks. 2020.

И Турция, и Иран в прошлом являлись могущественными империями, контролировавшими значительную часть ближневосточного и североафриканского пространства (если говорить об Османской империи, то на пике своего могущества она фактически единолично господствовала во всем регионе). Это не могло не сказаться на восприятии турецкого и иранского факторов многочисленным арабским населением, которое, с одной стороны, сохраняет историческую память о непростых взаимоотношениях с турками и персами, а с другой – помнит о том, какой хаос в регионе наступил после прихода туда западных держав, активно способствовавших упадку османской и персидской монархий.

Африка

Отдельные эксперименты на африканской земле проводили уже в XIX столетии американцы. Так, при поддержке Вашингтона в 1819 г. была создана Либерия, куда под эгидой Американского общества колонизации переселились освобожденные рабы – им вменялось нести местному населению «идеалы свободы» и «христианские ценности». И хотя Либерия оставалась формально независимым государством, вмешательство Вашингтона в ее дела было столь всеобъемлющим, что по многим параметрам она мало чем отличалась от колонии. Но, по сути, впервые в поле зрения американских стратегов Африка попала лишь в годы Второй мировой войны, когда она стала одним из первых плацдармов для открытия «второго фронта» в Европе. Тогда же для Вашингтона стала очевидна необходимость создания на африканской земле сети военных баз, которые позволили бы контролировать такие стратегически важные районы, как Центральная и Южная Атлантика или Индийский океан.

Однако по-настоящему стратегической зоной для мировой геополитики Черный континент стал после 1945 г. Завершение глобального конфликта привело к ослаблению позиций господствовавших в Африке старых колониальных империй. В 1950–1960-е гг. одна за другой обретали независимость британские, французские, португальские, бельгийские колонии. 1960 год вошел в историю как «год Африки», в котором независимость обрели принадлежавшие французам Камерун, Того, Малагасийская Республика, Конго (бывшее Французское Конго), Дагомея (нынешний Бенин), Верхняя Вольта (ныне Буркина-Фасо), Берег Слоновой Кости (Кот-д'Ивуар), Чад, Центральноафриканская Республика, Габон, Мавритания, Нигер, Сенегал, Мали, а также Нигерия (входила в состав Британской колониальной империи) и Бельгийское Конго.

Вместе с тем обретение политической независимости далеко не всегда означало получение реального суверенитета. Европейские власти и колониальные войска покидали территорию молодых государств, однако европейский капитал и не думал уходить, а на деле нередко укреплял свои позиции после деколонизации. Западные транснациональные компании, которые несколько

столетий тому назад были авангардом европейской колонизации Африки и других регионов, после Второй мировой войны стали первопроходцами в деле выстраивания новой, более изощренной системы закабаления африканцев, ныне известной как неоколониализм. Разумеется, ведущее место среди них принадлежало корпорациям из США.

Резко возросла и военно-политическая значимость Африки. К 1960-м годам американцам и их союзникам стало очевидно, что прямая эскалация напряженности в отношениях с СССР и нагнетание обстановки у его западных рубежей может привести к открытому столкновению, которое неизбежно перерастет в ядерную войну. В этих условиях ставка была сделана на борьбу с советским влиянием в других регионах, особое место среди которых отводилось Африке. Популярность СССР среди африканцев в ту эпоху стремительно росла, ведь именно Москва внесла огромный вклад в процессы деколонизации, сперва предоставив беспрецедентную помощь африканским народно-освободительным движениям, а затем оказав всестороннее содействие молодым государствам континента.

После того как Африка перестала быть объектом противоборства с Советским Союзом, интерес США к этому континенту поначалу ненадолго утратил геополитическую и стратегическую остроту. Однако уже в середине 1994 года президент Клинтон пришел к выводу, что такой подход следует пересмотреть и усилил африканский вектор американской дипломатии[15]. В глобальной стратегии Вашингтона при Дж. Буше-младшем наблюдалось дальнейшее наращивание активности в отношении Африки.

Вовлеченность США в разрешение африканских проблем подчас принимает формы грубого вмешательства в дела государств континента, по своей сути практически не отличающиеся от колониальных операций англичан и французов в XIX веке. С формальной точки зрения Вашингтон и его союзники питают к африканцам самые добрые чувства, которые в последние десятилетия облекаются во все более возвышенные формулировки в стратегических документах и публичных выступлениях. Высокое, отчасти даже привилегированное место в списке внешнеполитических приоритетов отводилось Африке администрацией Б. Обамы. В августе 2012 г. государственный секретарь Х. Клинтон сформулировала «четыре столпа» стратегии Вашингтона в Африке. В обобщенном виде они звучат так: укрепление демократических институтов; поощрение экономического роста, торговли и инвестиций; содействие созданию возможностей и развитию; упрочение мира и безопасности, урегулирование конфликтов. Позднее администрацией Д. Трампа в связи с пандемией COVID-19 в этот перечень был добавлен пятый пункт – помощь в области здравоохранения.

Однако следует понимать, что за этими внешне дружелюбными формулировками скрываются прагматические цели Вашингтона. Основные среди

[15] *Smyth F.* A New Game: The Clinton Administration on Africa. World Policy Journal, 1998.

них – усиление зависимости от США ключевых государств континента, Африканского союза[16] и региональных интеграционных объединений, повышение результативности усилий по подавлению террористических группировок (в них могут быть произвольно записаны любые не угодные Белому дому политические силы) и урегулированию конфликтов, угрожающих американским интересам, оказание более энергичного и агрессивного отпора зарубежным конкурентам, и в первую очередь, России и Китаю.

Зримым признаком повышения интереса Вашингтона к африканскому региону в период правления Б. Обамы стал состоявшийся в Вашингтоне 4–6 августа 2014 г. саммит США – Африка. В нем участвовали 50 государств Африки, в том числе 41 было представлено на высшем уровне. Не были приглашены руководители Западной Сахары, Зимбабве, Судана, ЦАР и Эритреи.

Характерным исключением из общей тенденции на вовлечение в дела Африки стало правление Д. Трампа, который не только не стал включать регион в список внешнеполитических приоритетов, но и вообще высказывался о нем пренебрежительно, порой в откровенно враждебном и расистском тоне, что, не добавляло ему популярности среди самих африканцев. Чего стоит заявление президента на встрече с группой конгрессменов в январе 2018 г., в котором он назвал африканские страны «вонючими дырами» (перевод смягчен[17]). В результате разгоревшегося скандала Трампу даже пришлось извиняться.

Недовольство в Африке вызвали также выход США из Парижского соглашения по климату и из Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), а также введенный Д. Трампом «мусульманский запрет», в соответствии с которым гражданам зарубежных стран с преобладающим мусульманским населением американские власти отказывали в разрешении на въезд с целью трудоустройства и проживания в США (в число таких стран попали Ливия, Нигерия, Сомали, Судан, Танзания и Эритрея).

Впрочем, прогнозы «маргинализации» Африки в глазах США не оправдались. Как бы пренебрежительно ни отзывался о Черном континенте лично Трамп, позволить себе игнорировать растущую геостратегическую, политическую и экономическую значимость Африки в современном мире Вашингтон не мог. Многие установки, программы и механизмы осуществления африканской политики были позаимствованы трамповской администрацией у предшественников. В итоге, если американские позиции в регионе при Д. Трампе и не укрепились, то по крайней мере, не были существенно ослаблены.

---

[16] Африканский союз (Афросоюз) – ведущая международная межправительственная организация Африки, объединяющая 55 государств. Основана 9 июля 2002 г. Основными целями Афросоюза являются укрепление единства и солидарности африканских государств и народов Африки, защита суверенитета, территориальной целостности и независимости государств-членов, ускорение политической и социально-экономической интеграции континента, содействие международному сотрудничеству, укрепление мира, безопасности и стабильности на континенте, укрепление и защита прав человека.

[17] Trump referred to Haiti and African nations as 'shithole' countries. NBC. 2018.

Впрочем, за нежеланием Д. Трампа активно действовать на африканском направлении крылось нечто большее, чем простые личные предпочтения американского президента. Американские стратеги к тому времени пришли к выводу, что несмотря на многомиллиардные затраты, Соединенным Штатам не удается достичь преследуемых в Африке геостратегических, политических, экономических и военных целей. В развернувшейся «битве за Африку» позиции США на континенте продолжали слабеть под натиском других мировых игроков. Именно в период президентства Д. Трампа начали все громче раздаваться голоса о том, что Китай и Россия «делят» между собой Африканский континент, постепенно выдавливая из него американцев и европейцев. Эти опасения чем-то напоминали риторику конца XIX века, когда державы Старого Света предъявляли друг другу счета за нанесенные на Черном континенте обиды.

Инструментом, призванным поднять эффективность африканского курса США и обеспечить решение поставленных задач, стала Новая африканская стратегия[18], озвученная помощником президента по национальной безопасности Дж. Болтоном в декабре 2018 года. Китай и Россия были названы в ней главными конкурентами США на континенте, а лейтмотивом стратегии стала рационализация и экономия расходуемых в Африке средств. По сути дела, Белый дом впервые во всеуслышание заявил о том, что рассматривает африканский регион прежде всего как арену геополитической игры, которую он никому уступать не намерен.

К сожалению, пренебрежительное отношение к Африке и африканцам, свойственное «первому миру» еще с империалистической эпохи и во многом имеющее расистский оттенок, живо и по сей день. Общественность США и европейских стран практически ничего не знает о том, что происходило на африканской земле в последнее десятилетия, какие кровавые конфликты бушевали там и какой огромный вклад в их разжигание внесли государства и корпорации, реализующие сегодня в отношении региона неоколониальную доктрину. Даже образованные американцы или европейцы вряд ли слышали, например, о Второй конголезской войне 1998–2002 годов, также известной как Великая африканская война, в которой прямо или косвенно приняло участие почти полтора десятка государств континента. Одной из важнейших ее предпосылок стал уже известный нам геноцид в Руанде, а наиболее деятельными «внешними спонсорами» кровопролитного конфликта оказались американцы и англичане.

Попытки Вашингтона «разделять и властвовать» в Африке лишь превратили значительную часть региона в зону военных действий. Сомали, ДРК (Заир), Либерия и Сьерра-Леоне, которые находились в проамериканском лагере в годы холодной войны, де-факто на время (в сомалийском случае вплоть до

[18] Remarks by National Security Advisor Ambassador John R. Bolton on the The Trump Administration's New Africa Strategy. 2018.

сегодняшнего дня) прекратили существование как единые государства, погрузившись в анархию. В Анголе бывшие повстанцы-антикоммунисты, ранее получавшие финансирование из США, после окончания холодной войны разделили страну надвое. Вопреки американским претензиям на лидерство, разрушительные военные конфликты на Африканском роге, в Западной Африке и в регионе Великих африканских озер стали горьким напоминанием о крахе концепции «нового мирового порядка».

Немалую долю ответственности за сложившуюся ситуацию несут сами Соединенные Штаты. Неотъемлемыми составляющими глобального курса США на мировую гегемонию являются вмешательство во внутренние дела суверенных государств, свержение неугодных режимов и использование против них террористических группировок. Результатом американского вмешательства в Афганистане и Ираке стало появление «Аль-Каиды» и ИГИЛ, распространивших свою активность на Африку. К обострению конфликтных ситуаций и росту нестабильности на континенте привела агрессия НАТО против Ливии в 2011 году. Вашингтон предпринимал попытки поставить террористов под контроль, сделать их инструментом своей политики для насаждения хаоса, беспорядков и подрыва суверенных государств, о чем свидетельствует пример Сирии. Все эти события непосредственно спроецировались на Африку южнее Сахары, где неблагоприятная социально-экономическая обстановка порождает благоприятную среду для распространения исламского экстремизма и радикализации населения. Впрочем, как показывает опыт борьбы с игиловцами в Сирии, многие африканцы встают под знамена террористов не по идейным, а по материальным соображениям. Для живущих на доллар в день уроженцев Черного континента предлагаемое исламистами жалованье представляется крайне привлекательным.

В свою очередь, уезжая в зоны конфликтов ради заработка, африканцы нередко возвращаются домой идеологически обработанными, часто с конкретной миссией по проведению у себя на родине работы в интересах террористического интернационала. Как следствие, в условиях глобализации Африка стала крупнейшим в мире средоточием мирового терроризма и транснациональной преступности. Всего, по подсчетам американских властей, в регионе действуют 19 террористических организаций.

И все же перспективы надежного долгосрочного закрепления Африки в сфере влияния Вашингтона сегодня туманны. Все больше африканцев начинает осознавать, что проводимая США политика, по своей сути, мало чем отличается от стратегии старых колониальных держав, которые сегодня, пользуясь статусом партнеров Америки, также активно пытаются восстановить свои позиции на континенте. Наблюдая за тенденциями развития многополярности в современном мире, африканцы не теряют надежды на то, что в будущем мироустройстве их региону будет отведено более солидное место, чем уготованная ему западными политиками роль сырьевого придатка и рынка сбыта

дешевых товаров. Африканская общественность, которая сегодня становится все более самостоятельно мыслящей, начинает во всеуслышание заявлять о необходимости преодоления неоколониальных форм взаимодействия между «первым миром» и Черным континентом.

Латинская Америка

Как уже упоминалось в предыдущих главах, США исторически претендовали на особую роль в Латинской Америке. Но на фоне холодной войны США почувствовали необходимость укрепления межамериканских отношений с соседями по западному полушарию, а также переформатирования своей внешней политики по отношению к ним, исходя из новых реалий. Был проведен ряд президентских и правительственных встреч, в том числе в 1956 году в Панаме (ее итог – создание Межамериканского банка развития, МАБР) и в 1967 году в Уругвае (попытка создания Общего латиноамериканского рынка[19]). В промежутке между этими саммитами в 1961 году президент США Дж. Кеннеди выдвинул инициативу Союз во имя прогресса, которая касалась в основном программ поддержки развития и демократических преобразований. В преддверии встречи глав государств западного полушария в 1967 году президент США Л. Джонсон предпринял попытку использовать данную инициативу для поддержки идеологически «правильной» интеграции, дополнив её большим пакетом помощи, признав необходимость региональной интеграции как инструмента развития. Эта попытка была вызвана неблагоприятными перспективами региона в социальной и экономической сферах, которые создавали основу для усиления симпатий латиноамериканцев к СССР и социалистическому лагерю. Однако предложения президента не были поддержаны Конгрессом, в результате экономические инициативы США не реализовались в полной мере, а ввиду отсутствия систематического и регулярного характера встреч, политика панамериканизма начала давать некоторый сбой.

Реанимация политики панамериканизма произошла после распада биполярной системы международных отношений в 1991 г. Тема безопасности стала отходить на второй план, а на первый вышла экономическая повестка интеграций в виде различных блоков. В этот момент появляется новый формат встреч глав государств (который продолжает логическую историческую линию от конгрессов испаноамериканских стран и панамериканских конференций) в виде Саммита Америк, берущего своё начало в 1994 г., когда состоялась первая такая встреча президентов стран Западного полушария в Майами.

В целом, саммиты Америк показали, что страны утратили интерес к обсуждению соглашений о свободной торговле на условиях США, но в то же время углубили и расширили механизмы и институты сотрудничества в гуманитарных сферах (в частности образования, здравоохранения и прав челове-

[19] Declaration of the Presidents of the America States in Uruguay. 2009.

ка) в Западном полушарии, продолжив линию с панамериканских конференций. «Левый поворот» начала XXI в. внёс некоторый раскол в монолит межамериканской системы. Истоки подобного раскола стоит искать не в самих саммитах, а в расстановке сил, которая начала складываться в Латинской Америке, и на что США вынуждены реагировать, адаптируя свою внешнюю политику в отношении соседних по полушарию стран.

Сегодня ОАГ остается для Вашингтона едва ли не главным политико-дипломатическим инструментом влияния в Латинской Америке. Примерно наполовину финансируемая Соединенными Штатами эта организация рассматривается многими экспертами достаточно критично (некоторые и вовсе называют ее «министерством колоний США»). Вместе с тем ОАГ играет важную направляющую роль в региональной коалиционной дипломатии, так как её институты охватывают большинство сфер сотрудничества. Значительность потенциала этой организации помимо прочего объясняется и тем, что под ее эгидой функционирует существенное количество отраслевых структур, играющих серьезную роль в регулировании той или иной сферы жизнедеятельности латиноамериканского региона[20]. Посредством каждой из них американцы имеют возможность прибегнуть к юридическим мерам давления на страны Латинской Америки.

Однако в целом, несмотря на растянувшуюся на многие десятилетия работу, Вашингтону так и не удалось реализовать в западном полушарии выгодный ему панамериканский проект, под знамена которого стали бы все ключевые игроки Латинской Америки, тем самым заявив о своем признании безусловного лидерства США. Ни тематика безопасности времен холодной войны, ни пришедшая ей на смену после 1991 года экономическая повестка не оказались настолько привлекательными для латиноамериканцев, чтобы регион единогласно признал себя в качестве вотчины своего могущественного северного соседа. Напротив, все более явным становится стремление ключевых латиноамериканских государств (даже тех, кто не позиционирует себя как оппонент США, например, Аргентины или Бразилии) выстраивать многовекторную и прагматичную политику, не отказываясь от диалога с такими перспективными партнерами, как Россия или Китай, лишь потому, что так желают в Вашингтоне.

[20] Деятельность примыкающих к ОАГ институтов охватывает социальную (Межамериканский комитет по социальному развитию; Межамериканская система социальной защиты; Департамент социального и экономического развития; Панамериканская организация здравоохранения), гуманитарную (Межамериканский комитет по туризму; Межамериканский комитета по науке и технике; Управление науки, технологии и инновации; Межамериканский комитет по культуре), образовательную (Департамент человеческого развития, образования и занятости; Межамериканские программы по образованию в области демократических ценностей; Межамериканский комитет по образованию), экономическую сферы (Межамериканская программа по искоренению бедности и неравенства; Департамент торговли и экономического развития; Межамериканский комитет по портам), а также иные вопросы (Межамериканский совет по интегральному развитию; Межамериканская комиссия по электросвязи).

Преемственность латиноамериканской политики Вашингтона, а с другой стороны, его слабеющее влияние в Западном полушарии отчётливо проявились и после 2021 года в действиях администрации демократа Дж. Байдена. Перезагрузка латиноамериканского курса, на которой настаивал президент в ходе своей предвыборной кампании, фактически так и не произошла. Более того, по целому ряду направлений его политика во многом являлась воспроизведением политики своего предшественника республиканца Д. Трампа. Так, несмотря на заявления Дж. Байдена о необходимости более гуманного подхода к миграционному режиму в отношении беженцев из Центральной Америки, администрация демократов продолжала проводить массовые депортации мигрантов и оказывать давление на Мексику с целью более плотного закрытия своей южной границы. Всё это было характерно и для предыдущей администрации республиканцев[21].

В то же время латиноамериканские страны послали четкий сигнал США, что они имеют голос и не готовы проводить политику в ущерб собственным интересам, как того хочет Вашингтон. Ярче всего это проявилось после обострения кризиса на Украине и введенного эмбарго в отношении энергоресурсов России администрацией Дж. Байдена в апреле 2022 года. Американский президент направил в Каракас своих представителей с целью снятия объявленного ещё администрацией Д. Трампа эмбарго на поставки в США нефтепродуктов из Венесуэлы в обмен на возобновление режимом Н. Мадуро переговоров с поддерживаемой Вашингтоном оппозицией. Однако этот маневр не удался, так как Н. Мадуро отказался от такого рода сделки и в весьма остроумной форме предложил делегации обратиться по этому вопросу к самопровозглашенному и признанному Вашингтоном незаконному президенту страны Х. Гуайдо.

В том же ключе администрации Дж. Байдена не удалось подключить и межамериканскую систему к санкционной политике в отношении России. Хотя Вашингтон на созванном по его инициативе экстренном заседании Постоянного Совета ОАГ в апреле 2022 г. добился приостановления статуса государства-наблюдателя в этой организации, который Россия имела с 1992 г., дальше в этом направлении никакого продвижения не было. Ведущие государства латиноамериканского региона – Аргентина, Бразилия и Мексика в достаточно решительной форме отказались присоединиться к санкционной политике коллективного Запада в отношении нашей страны, разумно полагая, что тот оставит весьма привлекательные ниши на рынках России, которые целесообразно заполнить.

В этих условиях Белый дом вынужден обращаться к другим инструментам упрочения своего влияния в Латинской Америке. На протяжении большей части XX века Вашингтон применял и продолжает применять уже в наше время комплексный, многоуровневый подход, базирующийся на целенаправленном

[21] The Biden administration is getting desperate on immigration. MSNBC. 2023

манипулятивном воздействии на широкие массы, а также на прямом или косвенном давлении на политические элиты и центры принятия решений государств. Латиноамериканская стратегия США опирается на «жесткую» и «мягкую силу», избирательное и комбинированное применение которых получило название «умная сила». Значительную поддержку этой концепции оказала Х. Клинтон и администрация Б. Обамы. При этом почти всегда «мягкая сила» является первичной, в то время как «жесткая» находит своё применение лишь в крайних случаях.

Консерваторы, включающие в себя как умеренных республиканцев, так и более радикально настроенных неоконсерваторов («неоконов»), как правило, выступают за использование различных геоэкономических методов, заключающихся в проведении более жесткой линии, нацеленной на выработку эффективного метода коалиционной дипломатии и дипломатии принуждения в отношении стран, нарушающих, на взгляд Вашингтона, принципы демократии и представляющих «опасность» для США или их союзников. На региональном уровне данная группа нередко прибегала к санкционной политике или «силовой демократизации», полагая, что в среднесрочной перспективе силовое решение вопросов должно было способствовать поддержанию стабильности и, главное, управляемости процессами, развивавшимися в западном полушарии. Истеблишмент неоконов в целом крайне негативно относится к левым политическим силам в Латинской Америке, и, напротив, достаточно тепло к консервативным и правым силам. Эта традиция зародилась еще многие десятилетия назад и во времена холодной войны привела к безоговорочной поддержке Вашингтоном любых правых и даже ультраправых режимов, готовых противостоять социализму любыми методами вплоть до тотального террора (случай Пиночета, возможно, наиболее яркий, но не единичный).

В своею очередь, левоцентристское крыло демократической партии США (например, Дж. Байден, Х. Клинтон, Дж. Керри) на словах выступает за конструктивное взаимодействие с левыми и левоцентристскими политическими силами в Латинской Америке. Эта часть американского истеблишмента, как правило, находится в хороших отношениях с латиноамериканскими левоцентристами и иногда даже конфликтует с наиболее консервативными элитами региона. Она в основном придерживается концепции «международной справедливости» и «права народов», согласно которой невозможно насильственным способом привнести в чужие общества мир и благоденствие извне. Распространение демократии, согласно этой точке зрения, должно происходить в гуманистическом ключе с минимальными потерями для мирных граждан и предпочтительно снизу – из глубин самого общества. Поэтому основная работа администраций США из этого крыла идёт с «гражданским обществом» и НКО. Эти принципы, в частности, нашли воплощение в предпринятой администрацией Б. Обамы попытке нормализации американо-кубинских отношений в 2010-е гг.

Однако сказанное вовсе не означает, что геополитические подходы американских демократов гуманнее, чем стратегия консерваторов в отношении региона. В действительности более привлекательным кажется лишь риторика, тогда как реальные последствия деятельности демократических политиков США в отношении Латинской Америки могут оказаться не менее разрушительными, чем «топорные» действия консерваторов. Провозглашая стремление Вашингтона к справедливым правилам региональных международных отношений, уважению суверенитета и дипломатического решении конфликтных ситуаций, на деле политики-демократы в Вашингтоне агрессивно вмешиваются во внутренние дела латиноамериканских государств, пытаются разжигать там цветные революции, а нередко открыто прибегают к откровенно антигуманным мерам. Ярким примером последних десятилетий является жестокая антивенесуэльская политика того же Б. Обамы, в конечном итоге приведшая к фактической блокаде этой страны, население которой было отрезано даже от самого необходимого – медикаментов и продовольствия. На кубинском направлении добрые намерения Вашингтона также мало к чему привели: несмотря на потепление в отношениях с Кубой, администрация демократов не предприняла каких-либо усилий по отмене торгово-экономического эмбарго в отношении Острова свободы.

Поэтому при анализе фундаментальных основ внешней политики США в отношении стран региона следует исходить из того, что в целом Вашингтон использует все имеющиеся у него возможности. Причем в отношении ближнего зарубежья (Мексика, Центральная Америка и Карибский субрегион), как правило, применяется относительно более интенсивная и настойчивая стратегия, нежели на южноамериканском направлении. Это связано как с непосредственной географической близостью первых, что значительно повышает их геостратегическое значение для США, так и с большей обороноспособностью, военно-политическими и экономическими возможностями южноамериканских стран.

И все же основная, стратегическая цель политики США в Латинской Америке – это не только уничтожение любых вызовов господству Вашингтона, но и развитие региона в нужном американскому истеблишменту направлении. С этой целью США разработан многообразный инструментарий контроля над процессами экономического и политического развития Латинской Америки. В немалой степени подобная приверженность к контролю была связана с высоким уровнем преемственности у сменявших друг друга администраций демократов и республиканцев, хотя, как правило, в ходе предвыборных кампаний одной из главных задач претендента было подвергнуть жёсткой критике политику складывавшего свои полномочия президента – представителя другой партии. Различия наблюдались лишь в тактических подходах. Для республиканских администраций характерной была склонность к жестокому, силовому курсу в то время как у демократов акцент традиционно делался на

поддержании в государствах региона определённого уровня политической стабильности и поддержке процесса демократизации[22].

Несмотря на различные внешнеполитические подходы и инструменты у каждой из элитарных групп США, необходимо отметить, что им приходится лавировать в условиях меняющихся событий на международной арене в целом (принимать во внимание особое положение своих противников в лице России и Китая, сотрудничество с которыми латиноамериканские страны не готовы разрывать моментально даже при угрозах санкционного давления), на региональном уровне (приходится принимать в расчёт периоды политической турбулентности в АЛКА) и во взаимодействии с отдельными странами (натянутые отношения с радикальными левонационалистическими правительствами, к которым негативно относятся как республиканцы, так и демократы, иногда приходится смягчать, например, с Венесуэлой, когда США стали нуждаться в тяжелой нефти для своих нефтеперерабатывающих заводов).

Все это делает политику Вашингтона в западном полушарии в высшей степени изменчивой и многообразной, не отменяя, однако, ее гегемонистской сути. Фактически именно гегемонистские установки в течение десятилетий обеспечивают преемственность латиноамериканской политики США. На смену программе «Союз ради прогресса» Дж. Кеннеди, предусматривавшей определенную гармонизацию межамериканских отношений и импульс процессу демократизации, пришла вышеупомянутая «доктрина Манна», дававшая «зелёный свет» военным переворотам. А политика «прав человека» Дж. Картера сменилась стратегией неоглобализма Р. Рейгана, подкрепленной в Латинской Америке курсом на «отбрасывание коммунизма». Наконец, политика нормализации отношений с Кубой и другими левыми режимами Обамы сменилась жестким силовым курсом в отношении «враждебных режимов» при Трампе.

Санкционная политика США в Латинской Америке в нынешнем веке претерпела серьезную модернизацию и стала гораздо сложнее в плане разновидностей имеющихся у нее инструментов. Американские эксперты стали все чаще публиковать работы, в которых анализировались слабые стороны санкционных мер, способные значительно снизить их эффективность[23]. Анализируя примеры давления США на отдельные латиноамериканские страны, они делали вывод о том, что санкции далеко не всегда приводят к смене политического курса, а зачастую напротив, становится фактором внутренней консолидации элит. Если не брать в пример упомянутые санкции против Бразилии или Чили времен правительства народного единства С. Альенде, когда экономическое удушение сыграло свою разрушительную роль для политических режимов, то все недавние попытки Вашингтона сменить неугодное руководство в Венесуэле, Никарагуа или на Кубе не привели к успеху. В какой-то сте-

[22] *Троянский М.Г., Карпович О.Г.* Политика США в Латинской Америке: доктрина Монро 3.0. Россия и мир. 2020.

[23] *Блэквилл Р., Харрис Дж.* Война иными средствами. АСТ, 2017. 480 с.

пени можно сказать, что санкции – это признание США силы неугодных элит, а раз элиты сильны, значит и политика давления на них изначально имеет мало шансов на успех. Это подтверждает известный «парадокс Дрезнера», утверждающий, что санкции работают эффективно лишь против союзников, делая их более лояльными к политическим требованиям инициаторов, тогда как огромные санкционные усилия против стран-противников зачастую делают их ещё более неуступчивыми[24].

Одной из причин неэффективности санкций в Латинской Америке и в мире в целом является отсутствие сплоченности развитых экономик в реализации своей геоэкономической политики. Вывод американских капиталов из той или иной страны быстро компенсируется притоком новых инвестиций из других стран (нередко из союзных Вашингтону), что позволяет неугодному режиму относительно безболезненно переносить воздействие санкций. Поэтому ещё в начале 1990-х гг. стали вводиться экстерриториальные ограничения, которые предусматривают конкретное наказание за нарушение третьими странами санкционного режима США. Неугодный Вашингтону политический режим наталкивается таким образом на страх внешнеторговых партнеров потерять доступ к американскому рынку. Однако многие страны мира нашли способ обойти данные ограничения, и даже компании из США, заинтересованные в торговле с латиноамериканскими странами, сумели протолкнуть несколько законопроектов, открывших двери на ранее «запрещенные» для них рынки.

Для закрепления латиноамериканских стран в сфере своего влияния Вашингтон активно прибегает и к гуманитарному инструментарию, действуя через международные образовательные, благотворительные, медицинские, продовольственные, культурные, научные и другие программы, не связанные с политической повесткой дня. Это самый «мягкий» из всех используемых США методов, основная цель которого – поддержание благовидного имиджа США и постепенное внедрение в сознание масс американских либерально-демократических ценностей. Вашингтон обладает существенными возможностями по оказанию гуманитарной помощи странам, страдающим от стихийных бедствий (в зоне Карибского бассейна это и островные государства, и страны Центральной Америки), эпидемий и миграционных кризисов.

Для оказания давления на государства региона США использует даже такой фактор, как туризм. Одним из таких примеров стало разрешение на посещение Кубы американскими гражданами, что должно было оказать комплексное воздействие на экономику острова и на настроения общества. Решение связывалось как с воссоединением родственников, проживающих по разные стороны Флоридского пролива, так и с непосредственными массовым контактами на личностном уровне представителей разных политических культур.

---

[24] *Drezner D.* The Sanctions Paradox. Economic Statecraft and International Relations. Cambridge University Press, 1998. P. 1–9.

В то время, пока все больше простых граждан США все сильнее разочаровываются в той траектории развития, по которой движется их страна, американская элита по-прежнему всерьез убеждена в своем превосходстве над всеми остальными народами планеты. Она считает, что это дает им право вершить суд над другими странами, исходя из собственных критериев. Этот культ исключительности США служит основанием для американских властей наказывать любые другие народы (вплоть до физического истребления) в случае их нежелания подчиняться. Смысл подчинения определяется экономическими интересами американского капитала, прикрываемыми демагогией про права человека и демократические ценности. Оно предусматривает полное открытие границ для американских товаров и капиталов, внедрение американских стандартов образования и культуры, использование доллара в качестве резервной валюты и средства международных расчетов. США навязывает всем странам и свою роль главного арбитра всех конфликтов (как внешних, так и внутренних). Они считают себя вправе арестовывать и наказывать всех не нравящихся им граждан любых стран, а внутреннее законодательство США распространяют на весь мир, навязывая другим странам примат международных обязательств. В сущности, в основе таких убеждений лежит идеология, несущая явный отпечаток колониализма, империализма и расизма. Она оправдывает любые преступления американской военно-политической машины против человечества. Наращивание военных расходов и раскрутка маховика напряженности в мире жизненно необходимы США для удержания пресловутой «исключительности Америки»». С прагматической же точки зрения напряженность и управляемый хаос за пределами территории США и их союзников необходим для «сбрасывания» запредельного бремени своего государственного долга и перехода американской экономики на новую длинную волну роста.

В соответствии с упомянутой колониально-империалистической идеологией, американская государственная машина реализует дифференцированный подход к странам в зависимости от готовности их руководства следовать интересам США. Все страны делятся на «хорошие», которые полностью следуют в кильватере американской политики (например, государства Британского содружества, Западной Европы, Японии), «недоразвитые», которых нужно обучать американским ценностям посредством политического принуждения (Восточная Европа, Латинская Америка), и «плохие», которые не подчиняются американскому диктату. В отношении последних допускается применение любой технологии разрушения извне и изнутри (Россия, Китай, Северная Африка, Ближний и Средний Восток) с целью их порабощения путем цветной революции и установления подконтрольного США режима, прямого завоевания и установления колониального режима или же разрушения и подчинения по частям. По сути, описанная выше тройственная классификация государств после начала специальной военной операции на Украине еще более упрости-

лась – теперь Белый дом делит весь мир на две части по принципу «за или против России». В отношении последней американские стратеги уже не скрывают готовности применять все имеющиеся в их арсенале средства разрушения.

Распад биполярной структуры международных отношений, произошедший на рубеже 1980-1990-х годов, привел к кардинальному нарушению силового равновесия в пользу США, оказавшихся в одиночестве на вершине мировой иерархии. Этот сдвиг в сторону однополярности означал не только наступление эпохи доминирования одной сверхдержавы. В состоянии кризиса оказались механизмы поддержания межгосударственного равновесия, ограничивавшие гегемонистские устремления великих держав. От перспектив развития и урегулирования этого кризиса зависит и будущее всей системы международных отношений.

Иллюстрации к главе 21

Саммит НАТО, 1999 год.

Американский дипломат В. Нуланд на «Евромайдане».

Митинг японских активистов за вывод американских войск с базы в Окинаве.

Госсекретарь США М.Олбрайт
и будущая советник Б.Обамы по нацбезопасности С. Райс

Последствия штурма сирийского города Ракка
войсками коалиции во главе с США.

Американские наемники, задержанные за попытку организации переворота в Венесуэле.

Хаос на Гаити после нескольких интервенций США.

Глава 22

Роль военных и невоенных инструментов в глобальной стратегии США

Военная сила США: базы, альянсы, вооружения

Выше мы уже неоднократно убеждались в том, что война и военная сила были и остаются одними из ключевых элементов в геополитическом арсенале «страны свободы». Традиция применения военной силы для решения внешнеполитических (а во многом и внутренних) противоречий в США столь же живуча, сколь и пацифистская риторика американского истеблишмента. В канун всемирного конфликта 1914-1918 годов президент Вильсон, как уже отмечалось, говорил о «войне, которая положит конец войнам», подразумевая, что точку в ней может поставить вмешательство США. Примерно столетие спустя другой американский лидер, Барак Обама, выступая перед кадетами главной военной академии страны в Вест-Пойнте провозгласил: «То, что у нас в руках лучший в мире молоток, не означает, что каждая проблема – это гвоздь»[1]. Однако вся эта риторика практически моментально обесценивается реальными действиями. Не будет большой ошибкой говорить о том, что эволюция американской глобальной военной доктрины имеет два измерения: реальное и пропагандистское, которые зачастую практически не пересекаются. Меняются оправдания и аргументы, которыми Белый дом маскирует новые войны и агрессии, однако сама склонность Америки к применению вооруженного насилия за пределами своих границ остается прежней.

Лучше всего это иллюстрирует статистика. Хотя Вашингтон официально объявлял войну лишь 11 раз в своей истории, за период между 1798 годом, когда молодая республика только начала делать первые шаги, и 2022 годом зафиксировано 469 военных операций, проведенных США. При этом примерно половина из них приходится на эпоху после Второй мировой войны. Более того, треть из этих военных операций была проведена после 1991 года, когда закончилась холодная война и, согласно предсказаниям либеральных мыслителей, должен был наступить «конец истории», в котором никаких войн не предусмотрено по определению. Между тем количество эпизодов применения США военной силы за рубежом лишь увеличилось.

Заметим, что приведенные выше цифры взяты из доклада, подготовленного в марте 2022 года Исследовательской службой Конгресса США[2]. Возможно, официальный статус его авторов помешал им учесть еще много десятков необъявленных войн и агрессий, проводившихся Америкой за свою не столь уж

[1] Remarks by the President at the United States Military Academy Commencement Ceremony

[2] Instances of Use of United States Armed Forces Abroad, 1798–2022

долгую историю. Еще одно яркое свидетельство американского милитаризма – размеры военного бюджета США. На протяжении холодной войны США непрерывно наращивали расходы на оборону, которые уже в 1951 году превысили 10% ВВП, а в следующие несколько лет достигли рекордных 13,5-13,8%. Впрочем, даже богатой Америке такое бремя было не по плечу, вследствие чего этот показатель в последующие десятилетия снизился, хотя все равно остался на уровне, недостижимом для менее обеспеченных государств. В 1960-х гг. он держался на внушительной планке в 8,5-8,7%, в 1970-е – около 5,5%, а в 1980-е – чуть больше 6%. Заметим, что из натовских союзников Вашингтона лишь Лондон демонстрировал сопоставимую с американской готовность ассигновать средства на военные цели.

После окончания эпохи противостояния сверхдержав подобные бюджеты, казалось, должны были бы уйти в прошлое. И действительно, в относительном плане военные расходы США после 1991 года снизились и в целом в течение тридцати лет колебались вокруг отметки в 4% ВВП. Однако в абсолютных значениях картина складывается совершенно иная. Американский военный бюджет сокращался лишь в течение шести лет (с 1993 по 1998 год), после чего вновь начался его уверенный рост. Если в момент окончания холодной войны в 1991 году Вашингтон ассигновал на оборонные цели около 570 миллиардов долларов (в ценах 2020 г.), то в 2003 году, в год вторжения американцев и их союзников в Ирак, эта цифра составила уже 620 миллиардов долларов, а на момент официального завершения иракской кампании в 2011 году – 866 миллиардов. На сегодняшний день военный бюджет Вашингтона немногим меньше (858 миллиардов долларов на 2022 год), и не стоит сомневаться, что на фоне беспрецедентной антироссийской истерии в грядущие годы будут поставлены новые рекорды[3]. Для сравнения: за период с 1991 по 2021 год оборонные расходы России выросли примерно с 43 до 61 миллиарда долларов[4].

Американцы не просто уверенно возглавляют мировой рейтинг государств по военным бюджетам – их бюджет равен совокупной сумме оборонных расходов десяти государств, расположившихся в этом списке за США (Китай, Индия, Англия, Россия, Франция, Германия, Саудовская Аравия, Япония, Республика Корея, Италия). Более того, ни у одного региона мира общие затраты на оборону даже не приближаются к американским. Они в несколько раз превышают объемы средств, выделяемых по линии международных институтов на борьбу с нищетой, голодом, СПИДом и другими опасными заболеваниями. Лишь около 35 государств в мире имеют ВВП, превосходящий размеры американского военного бюджета. В целом на сегодняшний день на США приходятся примерно 38% всех военных расходов в мире[5] (в 1991 году – около 44%). И даже при таком гигантском бюджете американские военные

[3] Ibid.

[4] World military spending rises to almost $2 trillion in 2020. SIPRI, 2021.

[5] Countries with the highest military spending worldwide in 2021. Statista, 2023.

эксперты год за годом бьют тревогу, утверждая, что его недостаточно для поддержания обороноспособности страны на должном уровне!

Таким образом, в распоряжении Вашингтона сегодня имеется если не самый эффективный, то уж точно самый дорогой в мире молоток. При этом, как показали конфликты в Ираке и Афганистане, американская военная мощь во многом растеряла прежнюю эффективность. Неспособность США прекратить воевать связана как с идеологической и интеллектуальной инертностью американской элиты, которая на может признать утрату безоговорочного военного превосходства и постоянно пытается утверждать его, так и с выстроенной в США экономической моделью, в которой ведущую роль играют огромные корпорации, в первую очередь военно-промышленные и связанные с ними (впрочем, огромные прибыли на военных заказах в США делают и чисто «гражданские» компании). Эти корпорации являются для США важнейшими локомотивами экономического роста, который в последние десятилетия неумолимо затухает. Их всемерная поддержка, в том числе с помощью «накачивания» эмитируемыми ФРС денежными ресурсами, составляет одну из важнейших задач Вашингтона, без решения которой американская экономика не просто не сможет расти, но и вряд ли вовсе удержится на плаву. А это, в свою очередь, невозможно без создания устойчивого спроса на продукцию военно-промышленного комплекса, то есть фактически без развязывания новых войн. Именно поэтому Америка не прекратит воевать и не изменит свой внешнеполитический курс, направленный на сохранение доминирующих позиций США в мире на основе преимущественно силовых инструментов. Какие бы благородные речи ни произносили на публику американские лидеры, военное превосходство по-прежнему считается главным фактором обеспечения американского лидерства. Сохраняется и преемственность в установках на применение военной силы в одностороннем порядке в любой точке мира, на поддержание военного присутствия за рубежом в качестве одного из ключевых инструментов силового обеспечения национальных интересов в любом регионе мира.

Важно понимать, какие конкретные военно-политические модели и методы используются Вашингтоном для решения этой задачи сегодня. Военная стратегия США на современном этапе характеризуется стремлением американской администрации сохранить лидирующее положение страны в качестве военной и экономической сверхдержавы, добиться свободы действий в любом регионе мира за счет повышения роли вооруженных сил как инструмента реализации национальных интересов в сочетании с многовекторной «дипломатией», которая на деле выливается в агрессивное втягивание суверенных государств в американские военно-политические схемы. Важнейшим элементом этой стратегии является НАТО и выстраиваемая по ее образцу сеть подконтрольных Вашингтону региональных военных альянсов. Обо всех этих блоках и негативном влиянии, оказываемом на геополитическую стабиль-

ность в каждом конкретном регионе, будет рассказано в следующих главах. Здесь же уместнее остановиться на глобальном военном присутствии США.

Сегодня США по-прежнему выступают единственной державой, в оборонной стратегии которой коренное место занимает практика поддержания глобального присутствия через временно-, ротационно- или постоянно-развернутый военный персонал на объектах военной и вспомогательной инфраструктуры за рубежом[6]. С этой целью была создана глобальная система военного развертывания, опирающаяся на сотни соглашений о военном сотрудничестве, военные базы и собственные контингенты в большинстве стран[7]. При этом на протяжении большей части истории США располагали небольшим количеством постоянных баз и войск и отправляли собственные силы за рубеж по мере необходимости. Еще в XIX в. США создали ряд географически рассредоточенных эскадр для защиты своих торговых интересов. Несмотря на то что эти относительно ограниченные морские силы мирного времени несли боевые дежурства на стратегически значимых торговых маршрутах, они не базировались на передовой и полагались на складские суда, стоявшие на якоре в портах, а также арендованные гражданские объекты.

Концептуальная модель развития экспедиционного потенциала американских ВС менялась и демонстрировала прогрессирующую динамику по мере повышения роли США на международной арене. С исторической точки зрения данную модель развития экспедиционного потенциала можно разделить на три этапа по мере достижения определенных индикаторов. Первым шагом стало достижение возможностей проецирования силы в уязвимые места мировой торговли, известные как «бутылочные горлышки» (choke points)[8]. На втором этапе были созданы возможности постоянного присутствия через развертывание военных объектов или объектов двойного назначения в стратегически значимых регионах. И, наконец, к третьему этапу была достигнута институционализация качественно новых возможностей армии в структуре вооруженных сил. Это находит воплощение в создании оперативно-стратегических объединений разнородных формирований видов ВС, предназначенных для подготовки и проведения операций стратегического и оперативно-стратегического уровня на ТВД или для решения определенных функциональных задач в интересах ВС в целом.

Доступ ВМС США к стратегически важным проливам и маршрутам приобретался постепенно и расширялся от территориальных вод США в смежные океанические районы. На Тихоокеанском и Карибском театре присутствие ВМС было обеспечено за счет победы в Испано-американской войне

[6] Joint Operations / Joint Publication 3-0. 17 January 2017 Incorporating Change 22 October 2018. URL: https://www.jcs.mil/Portals/36/Documents/Doctrine/pubs/jp3_0ch1.pdf (accessed: 31.12.2021).

[7] *Никулин М.А.* У истоков американской гегемонии: планирование глобального военного развертывания США (1943-1945 гг.) // Власть. 2020. Т. 28. № 2. С. 260-267.

[8] *Лебедева Н.Б.* Индийский океан: вызовы XXI в. и Индия (очерки международных отношений) / Отв. ред. Т. Л. Шаумян. М.: ИВ РАН. 2018. С. 475.

1898 г. В результате Соединенные Штаты приобрели ряд территорий на Дальнем Востоке и в Карибском бассейне, а также построили военные базы для защиты расширенной зоны влияния и проецирования силы в эти регионы. В 1914 г. США ввели в эксплуатацию Панамский канал, увеличивший коммерческий и военный потенциал США путем сокращения расстояния для пересечения двух океанов торговыми и военными судами. Эти факторы вкупе с монопольным правом контроля над каналом помогли США укрепить свои позиции как мировой державы[9].

Важным компонентом контроля над мировыми морскими путями, обеспечившим США способность проекции собственной силы в мировом океане, стало сближение с Британской империей, позже названное американским историком Б. Перкинсом «Великим сближением»[10]. Военно-морская угроза со стороны Германской империи в предвоенный период, поддержка Антанты во время Первой мировой войны (1914-1918 гг.), а затем участие в создании нового политического порядка в Европе и одновременно появление военно-морской угрозы со стороны Японии в целом послужили созданию кооперативной среды для процесса укрепления военно-морского потенциала США. Вашингтонское морское соглашение 1922 г. закрепило тоннаж флотов Великобритании, США и Японии в соотношении 5:5:3[11], что по умолчанию подразумевало признание США наряду с Великобританией ведущей морской державой мира. Окончательное закрепление превосходства ВМС США в мировом океане было достигнуто дипломатическим путем в ходе переговоров президента США Ф.Д. Рузвельта и премьер-министра Великобритании У. Черчилля, состоявшихся в 1941 г. в бухте Арджентия. Заключенная после переговоров Атлантическая хартия юридически закрепляла отказ Великобритании от преференциального положения в Британских доминионах и вместе с этим легитимизировала действия США по расширению своего влияния на торговых маршрутах[12].

Для обеспечения своевременных наступательных действий, повышения маневренности и гибкости вооруженных сил в стратегически значимых регионах военно-политическое руководство США развернуло активную деятельность по обеспечению стратегического присутствия американских вооруженных сил за рубежом. С этой целью было принято решение о размещении американских войск на военных базах, сеть которых должна была служить

---

[9] *Milkis S.* Theodore Roosevelt: Foreign Affairs // Miller Center of Public Affairs. University of Virginia. 2016. URL: https://millercenter.org/president/roosevelt/foreign-affairs (accessed: 21.01.2022).

[10] *Perkins B.* The Great Rapprochement: England and the United States, 1895–1914. NY: Atheneum. 1968. 341 p.

[11] Treaty Between the United States of America, the British Empire, France, Italy, and Japan, Signed at Washington, February 6, 1922 // Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1922. URL: https://www.ibiblio.org/pha/pre-war/1922/nav_lim.html (accessed: 21.01.2022).

[12] Atlantic Charter. August 14, 1941 / The Avalon Project. URL: https://avalon.law.yale.edu/wwii/atlantic.asp (accessed: 21.01.2022).

«стратегической границей» страны, даже в условиях стабильной международной среды и выгодного для США мирового порядка[13]. В планах базирования, разработанных вследствие тесного взаимодействия ОКНШ и Координационного комитета США из представителей Госдепартамента, военного и военно-морского ведомств США в 1944-1945 г., излагались предложения по созданию сети военных баз, расположенных по периметру европейского и азиатского континентов. Часть из них была предоставлена США Великобританией в аренду на 99 лет по Договору «эсминцы в обмен на базы» 1940 г.[14], однако для получения доступа к большей части объектов требовались дипломатические усилия со стороны Государственного департамента. Данные базы позволили бы США проецировать силу в значимые районы, одновременно упреждая нестандартные ситуации, созданные другими государствами и угрожающие американским интересам[15]. Хотя план ОКНШ JCS 570/40 (1945 г.) отражал неоднозначности в национальной политике и межведомственном взаимодействии в этот период, тем не менее контуры постоянного стратегического позиционирования США в мире были сформированы[16].

При развертывании глобальной сети военных баз США руководствовались в первую очередь интересами безопасности. Как отмечается в отчете Комиссии по зарубежному базированию, «структура военного базирования США … [это] скелет национальной безопасности, на котором будут сформированы плоть и мускулы, позволяющие защищать национальные интересы и интересы наших союзников»[17].

В отчетах и исследованиях, подготовленных правительственными учреждениями и аналитиками, среди мотивов передового присутствия назывались следующие: проведение войсковых операций, обеспечение материально-технической поддержки во время операций, сбор разведданных, демонстрация силы, успокоение союзников и превентивное сдерживание противников. Одним из наиболее важных стратегических факторов, влияющих на принятие решений, является актуальность конкретного объекта для противодействия текущим вызовам безопасности[18]. Например, близость к предполагаемой зоне действия была особенно важна при определении местоположения авиабазы,

---

[13] Leffler, M.P. The American Conception of National Security and the Beginnings of the Cold War. 1945–48 // American Historical Review. April 1984. Vol. 89. No. 2. P. 349–357.

[14] Destroyers for Bases Agreement. 2 September 1940. Washington: Department of State. URL: https://web.archive.org/web/20070430005310/http://history.navy.mil/faqs/faq59-24.htm

[15] Converse III, E.V. Circling the Earth: United States Military Plans for a Postwar Overseas Military Base System, 1942–1948. Maxwell Air Force Base: Air University Press. 2005.

[16] *Никулин М.А.* У истоков американской гегемонии: планирование глобального военного развертывания США (1943–1945 гг.) // Власть. 2020. №2. С. 266.

[17] Final Report of the Commission on Review of Overseas Military Facility Structure of the United States. Arlington: Overseas Basing Committee. 2005. P. 4–5.

[18] *Lostumbo M.* Overseas Basing of U.S. Military Forces an Assessment of Relative Costs and Strategic Benefits. Santa Monica: RAND. 2013; O'Hanlon, M. Unfinished Business: U.S. Overseas Military Presence in the 21st Century. Washington: Center for a New American Security. 2008.

учитывая ограниченный радиус полета воздушного судна. Географический фактор также важен для сухопутных и военно-морских сил с точки зрения эффективности реагирования. Базы, плохо подходившие для решения текущих и возникающих проблем безопасности, подлежали закрытию или перепрофилированию.

Усложнение специфики оперативного поля деятельности для ВС США и отдельных их видов потребовало создания соответствующих командных структур. В декабре 1946 г. по инициативе Объединенного комитета начальников штабов президент Трумэн утвердил «Общий план командования», согласно которому учреждались постоянные объединенные командования[19]. Согласно первоначальному замыслу был необходим интегрированный командно-организационный орган, который совмещал административные и оперативные функции, то есть объединял полномочия министерств видов вооруженных сил и ОКНШ. Данное качество объединенных командований было официально оформлено 21 апреля 1948 г. в документе под названием «Функции Вооруженных сил и Объединенного комитета начальников штабов»[20]. В нем полномочия командиров были расширены путем включения задачи координации административных и материально-технических функций в дополнение к их боевым обязанностям. Этим достигалось поддержание войск в высокой боевой готовности, сокращение до минимума времени на исполнение указаний верховного главнокомандующего (президента США) и приказов военного руководства.

Региональные объединенные командования играют ключевую роль в реализации концепции передового присутствия и, согласно геостратегической нарезке, имеют конкретные зоны ответственности для оперативного управления базами, военными объектами и группировками вооруженных сил. Региональные командования представлены командованием ВС США в зоне Северной Америки, в Европейской зоне, в Индо-Тихоокеанском регионе, в зоне Центральной и Южной Америки, в Африке, а также центральным командованием (Ближний Восток).

Оперативными компонентами региональных ОК за пределами США являются силы и средства передового базирования, на которые в мирное время возложены задачи формирования благоприятной для США обстановки и контроль над обстановкой в регионе. В угрожаемый период и в военное время эти силы и средства служат основой для наращивания группировки ВС США, необходимой для ведения военных действий на соответствующих ТВД[21]. Хотя Объединенные командования создавались США на протяжении длительного

[19] The History of the Unified Command Plan 1946-2012. Washington: Office of the Chairman of the Joint Chiefs of Staff. 2013. P. 9.

[20] Function of the Armed Forces and the Joint Chiefs of Staff. 1948 / Joint Chiefs of Staff. URL: https://s3.documentcloud.org/documents/3894027/1948-Key-West-Agreement.pdf (accessed: 24.01.2022).

[21] Doctrine for the Armed Forces of the United States / Joint Publication 1. 25 March 2013. Incorporating Change 1. 12 July 2017. P. 55.

периода (например, ОК ВС США в Африканской зоне официально действует с 2008 г.), а также наблюдались случаи перераспределения зоны ответственности среди ОК (в 2017 г. это привело к появлению Индо-Тихоокеанского командования за счет расширения зоны ответственности ОК в зоне Тихого океана), непосредственно механизм интегрированного командования различными видовыми и родовыми компонентами ВС США был сформирован к 1948 г. Однако сама система постоянного базирования США претерпела изменения.

Фундаментальный пересмотр экспедиционной модели пришелся на период «однополярного момента»[22], когда встала задача адаптировать военную стратегию к изменившимся реалиям. В ходе длительной дискуссии в среде военно-политического руководства США, проходившей между сторонниками четырех разных подходов (изоляционизм, избирательное вовлечение, коллективная безопасность, первенство США) были предложены различные планы по обороне в зависимости от спектра целей, которые ставились перед ВС США.

Анализ сил и средств США показывает, что на протяжении 20 лет ВС в большей степени тяготели к варианту, подразумевавшему способность одновременного участия в военном конфликте регионального уровня и проведения гуманитарной операции (интервенции или поддержания военного присутствия ограниченного контингента для решения гуманитарных задач). Сохранение количества авианосных ударных группировок (АУГ) и подразделений морской пехоты позволяют говорить о поддержании порогового уровня для приобретения возможностей участвовать в двух региональных конфликтах и одной гуманитарной операции.

Вместе с этим ведущим трендом на сегодняшний момент выступает внедрение практики временной ротации подразделений на объектах принимающей страны вместо постоянного размещения их на крупных американских базах с одновременным сокращением сил передового базирования. При этом стратегия экспедиционных операций в духе концепции «присутствия без постоянства» переориентировалась с основных операционных баз (main operating bases – MOBs) в пользу доступа к передовым операционным площадкам (forward operating sites – FOS) и пунктам совместной безопасности (cooperative security locations – CSL). На данных объектах отсутствует полноценный гарнизон ВС США, но с опорой на них могут наращиваться группировки ВС США силами и средствами, дислоцирующимися на континентальной части США и составляющими стратегический резерв сил общего назначения[23]. Таким образом, если во время холодной войны военные базы и

[22] *Krauthammer Ch.* The Unipolar moment // Foreign Affairs. 1990. 70 (01). P. 23-33.

[23] *Rumsfeld D.H.* U.S. Secretary of Defense, The Global Posture Review of United States Military Forces Stationed Overseas: Hearing Before the Committee on Armed Services, United States Senate, One Hundred Eighth Congress, Second Session. September 23, 2004, Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 2005. URL: https://www.govinfo.gov/content/pkg/CHRG-108shrg23080/html/CHRG-108shrg23080.htm (accessed: 31.12.2021).

контингент выполняли роль элементов фронта на условном ТВД, то на данный момент военные объекты США предназначены больше для тылового и технического обеспечения.

В наши дни военное присутствие за рубежом остается одним из краеугольных камней внешней политики США. От его уровня и характера во многом зависит политическая и экономическая ориентация как малых стран, так и региональных держав, а также военный баланс в регионах мира. Флот, авиация и сухопутные войска США регулярно проводят мероприятия оперативной и боевой подготовки за рубежом, участвуют в многонациональных учениях и других формах совместной военной деятельности. Реализуемая военно-политическим руководством США концепция «передового присутствия» заключается в заблаговременном размещении формирований ВС США (на постоянной, ротационной или временной основе) в ключевых районах мира и вблизи них, а также в подготовке инфраструктуры для их переброски и размещения. Она охватывает широкий диапазон разноплановой деятельности, осуществляемой за рубежом и включающей помимо чисто военной еще и дипломатическую, экономическую, техническую, социальную и другие составляющие.

Военно-политическое руководство США рассматривает передовое присутствие как инструмент сдерживания потенциальных противников, основу для ведения разведывательной и подрывной деятельности, развертывания и применения крупных группировок войск (сил) США, а также как важный фактор, способствующий военно-техническому сотрудничеству с союзниками. Ключевую роль в реализации концепции «передового присутствия» играют шесть объединенных командований ВС США, которым назначены свои зоны ответственности. Зоны ответственности и задачи объединенных командований определены в «Плане объединенных командований», утверждаемом американским президентом.

Командующие объединенными командованиями организуют боевую подготовку подчиненных войск (сил), разработку планов их применения и несут ответственность перед президентом и министром обороны США за готовность командования к выполнению стоящих перед ним задач, а также за качество их выполнения.

В мирное время их деятельность направлена на обеспечение сдерживания противников и организацию сотрудничества в области безопасности с союзниками и партнерами США в своей зоне ответственности. В военное время командующие объединенными командованиями осуществляют боевое управление группировками ВС США, участвующими в военных операциях. Командующие объединенными командованиями отвечают за взаимодействие с посольствами США, находящимися в зоне их географической ответственности, в ходе проведения различных военных операций, а также за заключение меморандумов о взаимодействии с руководством стран пребывания.

Нередко, когда говорят об американских военных базах (сегодня их, по разным оценкам, насчитывается порядка 600-800), обыватели представляют себе внушительные объекты инфраструктуры, занимающие многие гектары и обслуживаемые тысячами человек. Крупнейшие американские базы, подобные расположенной в Германии «Рамштайн» (ее персонал составляет, вероятно, около 10 000 человек), действительно таковы, однако встречаются и совершенно другие по своим характеристикам и предназначению виды объектов. Базирование американских войск за пределами национальной территории предполагает формирование объектов военной инфраструктуры трех основных типов.

Первый тип – основные операционные базы, расположенные в Великобритании, Германии, Италии, Республике Корея и Японии, где в настоящее время дислоцируются достаточно крупные американские контингенты сухопутных, авиационных и других формирований. Эти базы имеют развитую инфраструктуру боевого, материально-технического и тылового обеспечения.

Второй тип включает передовые операционные базы, которые размещены в непосредственной близости от потенциальных очагов нестабильности и границ государств, противодействующих продвижению национальных интересов США. На них предусматривается разместить сменяемые на ротационной основе ограниченные по численности контингенты ВС США, которые можно будет быстро нарастить при обострении обстановки в регионе. В этом качестве могут быть использованы центры двусторонней и региональной (многосторонней) боевой подготовки и обучения.

Третий тип – пункты заблаговременного складирования. Они представляют собой законсервированные военные объекты с запасами вооружений, военной техники и военного имущества, на которых предусматривается разместить малочисленный обеспечивающий персонал, как американский, так и страны пребывания.

За последние 10 лет одновременно с существенным сокращением численности американских войск (сил) за рубежом, география военного присутствия США значительно расширилась. В целом проводимые Пентагоном мероприятия по оптимизации системы передового базирования американских войск (сил) направлены на расширение зон их боевого применения и сокращение сроков развертывания войсковых группировок для проведения различных по масштабам военных операций в любых регионах мира в целях защиты национальных интересов США. Зачастую проводимые американцами военные операции или даже сам факт возникновения нестабильности в том или ином регионе используется Вашингтоном как предлог для создания новых военных баз. В частности, событиями в Афганистане американцы прикрывались для продвижения своей военной инфраструктуры на пространстве СНГ.

Для повышения оперативной мобильности сил и средств США также могут использовать потенциалы своих союзников. В этой связи наиболее жизне-

способным механизмом видится сотрудничество с Великобританией в области операций с авианосцами, которое было подтверждено на встрече в Вашингтоне главами военных ведомств двух стран в июле 2021 года[24]. Данный формат позволяет создавать оперативную совместимость процессов формирования, подготовки и эксплуатации авианосных ударных групп (Carrier Strike Group) ВМС двух государств при проведении наступательных операций. В рамках соглашения США и Великобритания осуществляют многомесячное оперативное развертывание объединенными в общую АУГ военными кораблями. В условиях мирного времени эта акция имеет больше политическое значение, наполняя союзные двусторонние и многосторонние (по НАТО) обязательства более глубоким содержанием. Однако вместе с тем это соглашение позволяет на практике обеспечить оперативную слаженность командных структур и военно-морских частей и соединений для планирования и осуществления совместных наступательных действий в экспедиционных операциях, которое будет востребовано в военное время.

Существенным инструментом ВС США, повышающим уровень осведомленности об оперативно-стратегической обстановке в отдаленных регионах и акваториях, выступает альянс «Пять глаз» (Five Eyes), в который входят США, Великобритания, Канада, Новая Зеландия и Австралия. Альянс был создан на основе Соглашения «О радиотехнической разведывательной деятельности Великобритании и США» в августе 1941 г. для ситуативного реагирования на вызовы и угрозы, стоявшие перед двумя союзниками. Данное соглашение предусматривает обмен разведывательными данными, собранными из различных источников радиоэлектронной разведкой, военной разведкой, внешней разведкой, агентурной (нелегальной) разведкой и геопространственной разведкой[25]. Заключенное в то время, когда Канада, Австралия и Новая Зеландия не имели международной правосубъектности, а были доминионами в рамках Содружества наций, данное Соглашение было адаптировано к историческому контексту. В частности, при появлении нового коммунистического государства в Азии военно-стратегическая архитектура США в АТР была усилена подключением к двустороннему Соглашению Австралии и Новой Зеландии (1956 г.), «зоной ответственности» которых выступает Восточная Азия. Несмотря на распространенность названия «Пять глаз», в качестве партнеров по обмену разведывательной информацией могут привлекаться третьи страны, сотрудничающие с Агентством национальной безопасности США (АНБ)[26]. Таким образом, США получают возможность аккумулировать информацию,

[24] UK and US extend carrier cooperation agreement // GOV.UK. 13 July 2021. URL: https://www.gov.uk/government/news/uk-and-us-extend-carrier-cooperation-agreement (accessed: 01.10.2022).

[25] UKUSA Agreement // The National Archives. Files released in June 2010. URL: https://www.nationalarchives.gov.uk/ukusa/ (accessed: 01.10.2022).

[26] *Tossini J.V.* The Five Eyes – The Intelligence Alliance of the Anglosphere // UK Defense Journal. April 14, 2020. URL: https://ukdefencejournal.org.uk/the-five-eyes-the-intelligence-alliance-of-the-anglosphere/ (accessed: 01.10.2022).

собранную техническими средствами и специалистами разных стран, для более точной оценки обстановки, а также на этапах планирования характера ответных мер и комплекса необходимых сил и средств по изменению ситуации.

В 2021 г. был создан AUKUS, который представляет собой проект по расширению оборонно-промышленного сотрудничества между США, Великобританией и Австралией, предусматривающий передачу последней атомных подводных лодок, а также необходимых технологий по их производству. Данный проект представляет собой проявление военно-политической тактики США «лидерство из тыла» (leading from behind), задача которой сохранить лидерство с большей опорой на региональные силы[27]. Таким образом, повышая наступательные возможности своего союзника, США намереваются ограничить военную и экономическую деятельность КНР в Восточной Азии. В коммюнике лидеров трех стран также бегло подчеркивается, что сотрудничество может охватывать, среди прочего, «кибернетические возможности, искусственный интеллект, квантовые технологии и дополнительные подводные возможности»[28]. Стоит отметить, что AUKUS не имеет юридически обязательного договора, официальной повестки (представлена беглым обзором поля проблем), официального расписания встреч, указания на степень представительности (глава государства, министерский уровень и т.д.). И даже само название «AUKUS» формально не закреплено.

Также партнерство между Австралией, Соединенным Королевством и США в рамках AUKUS принципиально не меняет военно-политической конфигурации. США и Австралия уже формально связаны положениями о коллективной обороне в трехстороннем соглашении с Новой Зеландией (ANZUS), в то время как Вашингтон и Лондон являются союзниками по НАТО[29]. Кроме того, помимо официальных союзов, члены AUKUS тесно сотрудничают в рамках ряда соглашений в области безопасности и обороны, наиболее известным из которых является вышеупомянутый альянс «Пять глаз». Однако несмотря на военно-технический характер проекта AUKUS не исключается возможность трансформации его в военно-политический инструмент.

Особая роль в американской глобальной военно-политической стратегии отводится стратегическим вооружениям. В начале XXI в. США целенаправленно и последовательно шли на подрыв всей системы контроля над вооружения-

[27] *Худайкулова А.В., Рамич М.С.* "Квад 2.0": четырехсторонний диалог для контрбалансирования КНР в Индо-Тихоокеанском регионе // Полис. Политические исследования. 2020. № 3. С. 28.

[28] Joint Leaders Statement on AUKUS / The White House. September 15, 2021. URL: https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/09/15/joint-leaders-statement-on-aukus/ (date of access: 05.10.2021).

[29] Менее известным фактом является то, что эти три страны также связаны (наряду с Францией, Новой Зеландией, Филиппинами и Таиландом) положением о коллективной обороне в соответствии с Договором о Юго-Восточной Азии – «Манильским пактом», подписанным в 1954 г. Этот договор все еще формально действует, несмотря на роспуск соответствующей организации во время холодной войны.

ми, которая выстраивалась годами, став одним из важных достижений советско-американской дипломатии. Уже в 2002 г. администрация Дж. Буша-мл. объявила о выходе из Договора об ограничении ПРО, являвшегося важнейшей составной частью системы сдерживания. Это решение, лоббировавшееся крупнейшими оружейными корпорациями, позволило Вашингтону объявить о начале размещения систем ПРО в Восточной Европе, а затем и в Азии, что не только подрывало основные принципы стратегической стабильности, но и создавало угрозу прямой эскалации, так как соответствующие противоракеты могли быть легко использованы для нанесения ударов по российской территории. Параллельно США не предприняли шагов, направленных на спасение Договора об обычных вооруженных силах в Европе, отказ от ратификации Соглашения об адаптации которого спровоцировал выход из него России в 2007 г. При администрации Д. Трампа с подачи идеолога развала системы контроля над вооружениями Дж. Болтона Вашингтон объявил о выходе из Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности в 2019 г., прикрываясь голословными обвинениями в адрес России, а также из Договора об открытом небе в 2020 г. – шанс на возвращение к выполнению его условий был окончательно похоронен уже администрацией Дж. Байдена. Команда Д. Трампа также рассматривала вопрос о непродлении Договора СНВ-3, ставшего одним из немногих ощутимых результатов «перезагрузки» времен президентства Б. Обамы. В отношении этого соглашения, как и режима контроля над вооружениями в целом, ставился вопрос о необходимости привлечения Китая как стороны переговоров без согласия Пекина, что было явной уловкой, направленной на односторонний отказ США от взятых на себя обязательств.

США предпочитают действовать в одностороннем порядке и в нераспространенческой сфере. Это наглядно проявляется, в частности, на примере линии Вашингтона в сфере борьбы с распространением оружия массового уничтожения (ОМУ). Военно-политическое руководство США считает эту проблему одной из основных угроз национальной безопасности государства и своих союзников. По мнению американского руководства, наибольшую опасность представляет распространение ядерного оружия (ЯО) в силу его колоссального поражающего и глобального дестабилизирующего действия.

С целью предотвращения угроз национальной безопасности США министерством обороны разработана «Стратегия противодействия распространения ОМУ». Несмотря на декларируемые высокие принципы, реальные действия Вашингтона зачастую с ними расходятся. К примеру, по мнению специалистов в области ядерного нераспространения, Соединенные Штаты нарушают положения Договора о нераспространении ядерного оружия. Так, американское руководство прямо или косвенно подтверждает обладание Израилем ядерным оружием. Кроме того, США нарушают положения Статьи I ДНЯО, которая запрещает ядерным державам – участникам ДНЯО – передавать свое ядерное оружие безъядерным государствам.

В настоящее время пять безъядерных стран-членов НАТО имеют на своей территории ядерное оружие, принадлежащее США. В Европе размещено до 200 ядерных авиабомб типа В-61, предназначенных для применения с самолетов тактической авиации ВВС США и ОВВС НАТО. В то же время в Статье II Вашингтонского договора содержится параллельное обязательство со стороны безъядерных государств (союзников по НАТО) принимать его, при том, что эти страны являются участниками ДНЯО и приняли обязательство не принимать ядерное оружие в будущем.

В администрации и конгрессе США имеется значительное количество противников ратификации ДВЗЯИ, возражения которых сводятся к трем основным аргументам:

– эффективный надзор за ядерным арсеналом невозможен без проведения ядерных взрывов;

– осуществляется разработка новых типов ЯО. В связи с этим администрация США считает предпочтительным оставить за собой возможность провести их испытания в такой момент, который сочтет нужным;

– высказывается недоверие другим государствам относительно обеспечения эффективного контроля ядерных испытаний.

Важно подчеркнуть, что военное руководство США неоднократно заявляло о необходимости возобновления ядерных испытаний и Невадский ядерный полигон находится в готовности к их проведению. Министерство обороны совместно с министерством энергетики проводят работы, направленные на поддержание полигонной инфраструктуры и сохранение штата специалистов.

Таким образом, неопределенность в отношении сроков вступления ДВЗЯИ в силу сохранится и в дальнейшем. Существенного прорыва в изменении его статуса в ближайшей перспективе не предвидится, и в первую очередь из-за позиции США, которые на неопределенное время затягивают процесс ратификации ДВЗЯИ. Важным позитивным стимулом могла бы стать ратификация США и КНР этого Договора, что создало бы новую ситуацию в контексте вступления ДВЗЯИ в силу.

Вашингтон активно порицает распространение химического оружия в мире и противодействует этому, используя механизмы Конвенции о запрещении химического оружия (КЗХО). В частности, американцами прилагаются значительные усилия по сохранению дискриминационных мер в отношении Сирии в связи с во многом сфабрикованным «химическим досье», а также по продвижению, прежде всего в информационном пространстве, необоснованных обвинений в применении химического оружия Россией. Вместе с тем собственные запасы химического оружия США до сих пор не уничтожены, и вопрос о соблюдении ими КЗХО остается открытым.

По оценкам независимых специалистов, в нарушение конвенции вскрыты факты затопления американского химического оружия (ХО) в акватории ми-

рового океана, объемы которого сопоставимы с арсеналом всего ХО США. При этом, как отмечают международные экологические организации, отсутствуют достоверные оценки степени потенциальной опасности морских захоронений и состояния находящихся в воде химических боеприпасов и контейнеров, а также целесообразности и возможности их извлечения на поверхность для последующей утилизации.

Кроме того, в США в рамках проекта «Нетрадиционные агенты» под прикрытием фармацевтических и агрохимических исследований ведутся скрытные разработки новых отравляющих веществ. Следует отметить, что американское руководство блокирует предложения других участников КЗХО по внедрению системы инспекционной деятельности объектов с целью подтверждения фактов ликвидации химического оружия и при этом переносит сроки уничтожения своего ХО под предлогом отсутствия финансирования.

Аналогичная ситуация складывается и в сфере борьбы с биологическим и токсинным оружием. Вашингтон делает акцент на антитеррористической составляющей своих усилий в данной области и обеспечении безопасности государства, стремится максимально широко трактовать выгодные ему положения Конвенции о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении (КБТО) и блокирует все попытки других государств-участников сформировать контрольно-инспекционный механизм Конвенции, не отвечающий интересам американской биоиндустрии.

Одновременно отмечается наращивание объемов и темпов двустороннего сотрудничества США с зарубежными странами в области военной биологии. По линии Пентагона происходит развертывание широкой сети подконтрольных американскому оборонному ведомству военно-медицинских учреждений в различных регионах мира. Военное руководство США декларирует, что целью такой деятельности является оказание помощи иностранным партнерам по контролю за санитарно-эпидемиологической обстановкой и предотвращению возникновения эпидемий. На самом деле проводятся исследования в интересах ВС США с целью создания базы данных, содержащей этнически обусловленные различия в восприимчивости людей к опасным заболеваниям. Это открывает возможности получения (путем генетического изменения форм болезнетворных микроорганизмов) таких биологических поражающих агентов, естественный иммунитет к которым у населения других государств (в том числе России) будет отсутствовать, а имеющиеся медицинские средства защиты окажутся неэффективными.

Программа по размещению американских биолабораторий на постсоветском пространстве реализовывалась США годами в обстановке строгой секретности. Соответствующие объекты размещались по периметру российских границ. В ходе спецоперации на Украине получены документальные доказательства того, что в непосредственной близости от территории России

в десятках центров, курировавшихся Пентагоном, создавались компоненты биологического оружия в нарушение КБТО, отрабатывались возможные методики и механизмы дестабилизации эпидемиологической обстановки на постсоветском пространстве. Например, в рамках проекта Харьковским институтом ветеринарной медицины изучались дикие птицы как векторы для переноса высокопатогенного птичьего гриппа и оценивались условия, при которых эпидемиологические процессы могут приобрести неуправляемый характер, нанести экономический ущерб и создать риски продовольственной безопасности. По мере продвижения российских войск, лаборатории вместе со значительной частью документации уничтожались сотрудниками, а материалы вывозились, что подтверждает выводы об их военной и антироссийской направленности.

Анализ политики США в области соблюдения режимов нераспространения ОМУ свидетельствует о стремлении Белого дома сформировать в ближайшей перспективе совместно с другими странами систему всеобъемлющего контроля в данной сфере. При этом американское руководство настойчиво предлагает своим зарубежным партнерам американские стандарты в создании национальных систем хранения, защиты, учета и переработки ядерных, химических и биологических материалов.

Следует также отметить поступательное освоение Вашингтоном новых сред применения своего силового инструментария, включая космос и информационное пространство. Роль воздушно-космической сферы как арены вооруженного противоборства в современных условиях стремительно возрастает. Безусловным лидером среди зарубежных стран в области ее использования в военных целях в настоящее время остаются Соединенные Штаты Америки. По мнению американского военно-политического руководства, использование воздушно-космической сферы позволяет в максимальной степени реализовывать такие основополагающие принципы ведения войны, как наступательность, оперативность управления, быстрый маневр силами и средствами на направлении сосредоточения основных усилий, гибкость и универсальность применения сил и средств вооруженной борьбы.

Особую роль в обеспечении национальной безопасности и, как следствие, реализации военной стратегии Соединенные Штаты Америки по ряду причин отводят собственно космическому пространству. Прежде всего, космическое пространство является средой, через которую (и в которой) осуществляется применение стратегических сил.

Наиболее актуальными в этом плане являются военные концепции «Глобального удара» и «Глобальной противоракетной обороны». Глобальный удар представляет собой скоординированное массированное применение различных средств поражения, осуществляемое на начальном этапе военной операции в интересах создания условий для последующих решительных действий группировок вооруженных сил США и их союзников. Поражение противника

в глобальном ударе будет осуществляться в сжатые сроки – от нескольких секунд (например, при проведении кибероперациий) до нескольких дней. Объекты удара могут находиться на любом удалении от территории США и американских передовых баз. Действия вооруженных сил США будут также включать удары по многочисленным «ускользающим», критичным по времени целям.

Концепция глобальной противоракетной обороны предусматривает планомерное развертывание и применение сил и средств глобальной системы ПРО. Дальнейшее наращивание боевого состава системы ПРО, внедрение новых, в том числе информационных, технологий, неизбежно приведет к повышению ее значимости при ведении военных действий в воздушно-космической сфере. По сути, Вашингтон предпринимает шаги по разрушению системы контроля над вооружениями, готовясь к активизации противостояния с Москвой и Пекином, в том числе в военной сфере. Разрушение договоров о ликвидации ракет средней и меньшей дальности и об открытом небе, а также фокус на развертывание систем ПРО подтверждают незыблемость соответствующего курса, продиктованного иллюзорными надеждами на возрождение однополярности.

Заканчивая краткий анализ американских подходов к применению силовых инструментов, невозможно обойти вниманием культурный аспект, прежде всего роль и место войны в мышлении элит и рядовых граждан США. Американская военная традиция сформирована, в первую очередь, опытом войны на американской земле. Этот опыт, как мы убедились, очень специфичен. Народ США никогда не сталкивался с тотальной войной, то есть такой войной, которая затрагивает все общество, когда боевой единицей становится каждый человек и от исхода конфликта может зависеть судьба нации.

При этом проявляется еще одна характерная черта военного менталитета американцев – склонность гипертрофировать собственные военные успехи и раздувать любую, даже самую незначительную стычку до масштабов грандиозного сражения. Американцы, как мы видели, за исключением 1861–1865 гг. никогда не знали больших военных столкновений[30]. Однако недостаток масштаба в реальных сражениях возмещался широким размахом пропагандистской работы. Локальная экспедиция силами пехотной роты или батальона освещалась целой армией журналистов, художников, писателей, которые были способны раздуть сожжение индейской деревни до масштабов великой побе-

[30] Битва при Лонг-Айленде, которая считается самым масштабным сражением Войны за независимость, стоила американцам 300 убитых – примерно столько же, сколько Йорктаун, под Новым Орлеаном США завершили войну с Англией, потеряв 55 человек; в сражениях, длившихся почти два года войны с Мексикой, пало 1733 солдата; американо-испанская война стоила жизней 345 человек, павших в бою. Эти цифры не идут ни в какое сравнение с 45 тыс. русских солдат, погибших при Бородино в течение одного дня или умерших от ран вскоре после сражения, или с 23 тыс. жизней, потерянных русской армией в 1813 г. при Лейпциге во время освободительного похода в Европу.

ды американского оружия. Вспомним, какие невиданные почести получили каратели после Вундед-Ни или коммодор Дьюи после Манилы. После каждого более или менее заметного столкновения власти с удовольствием возили его участников или более-менее осведомленных наблюдателей по городам и поселкам, где они выступали с лекциями, пользовавшимися большим успехом. На этих лекциях не только рассказывалось о ходе событий и демонстрировались трофеи вроде скальпов, но и выступали торговцы оружием, которые – за комиссионные в пользу организаторов – расхваливали свои винтовки и револьверы, без которых не могла быть одержана «великая победа». Красочные литографии, некоторые из которых приведены ниже, также являлись средством пропаганды – события на них изображались упрощенно с художественной точки зрения, однако именно так, как хотелось видеть зрителю.

Неудивительно, что в американском обществе сформировалось романтизированное восприятие войны. Американцы привыкли к тому, что войны выигрываются малой кровью, с незначительным напряжением сил и, что немаловажно, без каких-либо изменений в привычном образе жизни мирных граждан. Однако американская элита обратилась к еще более циничной стратегии, которая эксплуатирует историческую удаленность граждан США от тягот войны. Во времена Второй мировой войны граждане обязаны были ограничивать себя, идти на определенные лишения, хотя, конечно, эти тяготы сводились, например, к отсутствию на обеденном столе стейков или талонах на бензин. Сегодня Белый дом продвигает новый лозунг. США ведут войну с терроризмом, заявляют политики, и эта война требует жертв. Но почетное право нести эти жертвы нужно предоставить доблестной американской армии, тогда как право и даже обязанность мирного гражданина – жить еще лучше и комфортнее, чем он жил раньше.

Подобная риторика – это отнюдь не следствие глупости или политической недальновидности тех, кто стоит у руля государства. Долговая модель экономики, которая лежит в основе современного процветания США, зависит от войны, которая подпитывает гигантский военно-промышленный комплекс, работающий за счет средств налогоплательщиков. Взамен последние получают право потреблять столько, сколько они пожелают, невзирая на финансовые возможности домохозяйства – доступность кредитов обеспечивает внушительный спекулятивный сектор, который связан с Белым домом ничуть не менее тесно, что оборонные корпорации. Война и потребление – таков типично американский рецепт «вечного двигателя», который, как это внушается гражданам Страны Свободы, может до бесконечности подпитывать Соединенные Штаты.

Сегодня вооруженные силы США сталкиваются с беспрецедентным падением популярности военной службы. Даже среди наименее обеспеченных и образованных слоев американского населения, традиционно поставлявших основную массу военнослужащих на должности рядового и сержантского со-

става, желание надеть форму американской армии, флота, военно-воздушных сил или морской пехоты стремится к нулю, даже несмотря на солидное материальное и нематериальное вознаграждение от службы. В поисках выхода из сложившейся ситуации Пентагон в настоящее время существенно ослабляет критерии, которым должен соответствовать новобранец. Это заставляет бить тревогу как самих американских военных, так и общественность: ведь если и раньше типичный американский солдат не блистал умственными и моральными качествами, то в результате этой политики вооруженные силы США могут в скором времени наполниться откровенно неполноценными кадрами. Достаточно сказать, что уже сейчас для успешного прохождения теста на интеллектуальные способности желающему поступить на службу достаточно правильно вписать в анкету свои имя, фамилию и место рождения.

Американская история уже знает подобный прецедент. Во время Вьетнамской войны Пентагон, на фоне больших потерь столкнувшийся с необходимостью увеличить численность личного состава, по инициативе тогдашнего главы военного ведомства Р. Макнамары серьезно ослабил требования к новобранцам. Зачисленные в ряды вооруженных сил по этой программе солдаты больше запомнились многочисленными преступлениями не только против мирного населения, но и против своих сослуживцев и командиров (именно тогда широко распространилось такое явление, как «фрэггинг»[31], то есть закидывание во время боя своих офицеров ручными гранатами). Широко известный из американского кинематографа образ почти что умственно отсталого солдата во вьетнамских джунглях, готового убивать кого угодно и ради чего угодно – это отголосок данной инициативы, ставшей одной из самых позорных страниц в военной истории США.

Невоенные инструменты американской политики: экономика, наука, пропаганда

Военная сила, безусловно, является наиболее зримым проявлением гегемонистской политики США в мировом масштабе. Однако современная «американская империя» – это не только и не столько авианосцы, стратегические бомбардировщики и ракеты. В арсенале Вашингтона имеются многочисленные методы и подходы, которые не относятся к военной мощи, однако по своей жесткости и разрушительности не уступают, а зачастую и превосходят ее. В этой главе будет дан краткий очерк этих инструментов укрепления американской гегемонии, среди которых, вероятно, ведущая роль принадлежит экономическим мерам, основанным на почти что безраздельном господстве США в глобальной экономике и финансах.

Вместе с тем следует четко отделять американскую экономику как таковую и использование США экономических методов для упрочения своего геополи-

[31] От *fragmentation grenade* (осколочная граната).

тического влияния (последнее часто называют геоэкономикой). Эти сферы взаимосвязаны, но не идентичны, причем каждая из них развивается по-своему.

На протяжении всего XX века внутри самих США и при американском участии на глобальном уровне были сформированы институциональные механизмы, которые позволили им занять лидирующие позиции в мировой экономике и в системе ее регулирования. В соответствии с решениями международной конференции 1944 г. в Бреттон-Вудсе содержание валют было установлено в долларах. Доллар становился единственной валютой, которая имела официальное золотое содержание и разменивалась на этот драгоценный металл по фиксированному курсу. Был установлен принцип фиксированных валютных курсов, отклонения которых допускались в пределах 1% от паритета. По инициативе и под влиянием США были созданы международно-правовые и институциональные основы Бреттон-Вудской системы – Международный валютный Фонд (МВФ), Международный банк реконструкции и развития (МБРР), которые получили статус структур ООН. МВФ создавался как орган, который должен был выполнять регулирующие функции в мировой финансовой системе – предоставлять кредиты странам, чьи экономики нуждались в стабилизации, а также предлагать им программы связанных с этими кредитами реформ. Соединенным Штатам удалось с помощью введения системы золотого стандарта и фиксированного курса доллара по отношению к валютам американских союзников, определявшегося американской Федеральной резервной системой, создать максимально выгодные условия для экспансии американских компаний на европейские рынки.

В 1970 г. руководство МВФ произвело реформу валютных курсов и отмену золотовалютного стандарта. Вслед за этим в 1971 г. руководство США, по предложению главы американского Казначейства Дж. Коннели, без предварительных консультаций с союзниками приняло решение об отказе от «золотого стандарта», а также о существенной девальвации доллара. Для государств Западной Европы и Японии решение администрации Р. Никсона об отказе свободно обменивать доллар на золото означало введение принципа плавающих курсов их национальных валют, привязка которых к доллару как важнейшей мировой резервной валюте при этом сохранилась. В 1973 г. доллар был девальвирован еще раз – уже на 10%. Такая девальвация доллара и налоговая политика позволила США существенно нарастить экспорт американской продукции, стимулируя национальных производителей. Результат не заставил себя ждать: с 1970 по 1975 гг. США удалось существенно выровнять диспропорции в торговом балансе с Западной Европой и Японией. А в 1973 и в 1975 гг. США и вовсе смогли выйти на положительные показатели сальдо торгового баланса в торговле с западноевропейскими союзниками. Ведущие экономики Западной Европы, за исключением ФРГ, напротив, понесли значительные потери, как с точки зрения конкуренции их производителей с американскими,

так и с точки зрения сальдо торгового баланса. Решающая роль доллара как мировой резервной валюты осталась прежней, но объем обязательств самих США по отношению к другим развитым странам существенно снизился.

С окончанием холодной войны влияние США на глобальные финансово-экономические процессы еще более возросло благодаря тому, что трансформация экономик бывших социалистических стран и республик бывшего СССР происходила на основе их встраивания в мировую экономическую систему, регулируемую международными институтами, решающее слово в которых в 1990-е гг. было за США и странами Запада. Процессы европейской финансово-экономической интеграции и появление евро как единой валюты Европейского Союза, а затем и рост влияния других центров мировой экономики несколько изменили глобальное соотношение сил в финансовой сфере, но не привели к радикальному изменению положения доллара США в качестве важнейшей мировой резервной валюты.

Несмотря на явное усиление других финансовых центров и жесткие уроки кризиса 2007-2009 гг., фундаментальные факторы поддержания мощи финансового сектора США сохраняются. Американское лидерство в современной мировой финансовой системе основано не только на особой роли доллара в качестве мировой резервной валюты, но и Федеральной резервной системы, регулирующие функции которой выходят далеко за пределы национальной финансовой системы. Существенное значение имеет наличие в США огромного внутреннего кредитного рынка, а также то разнообразие видов ценных бумаг, которое выпускается правительством США и ведущими банками. Именно транснациональные банки (вместе с корпорациями и фондами) американского происхождения являются крупнейшими держателями капиталов, которые они используют для кредитования компаний и банков по всему миру, а также для размещения прямых и портфельных (вложенных в ценные бумаги) инвестиций.

Однако существует ряд обстоятельств, позволяющих установить пределы той роли, которую США играют в мировой экономике и в глобальной финансовой системе, а также выявить наиболее вероятные и существенные противоречия ее развития, которые могут повлиять на американское финансово-экономическое могущество в будущем. В частности, одной из главных проблем США является наличие огромного государственного долга, который на момент написания этой книги (начало 2023 г.) приближается к 31,5 трлн долларов и увеличивается с поистине фантастической скоростью. За пять минут, которые вы потратите на то, чтобы прочесть эти несколько страниц, он возрастет приблизительно на 7 млн долларов. Достаточно сказать, что еще в 2000 г. американский госдолг соответствовал примерно 60 % ВВП страны, а в 2023 г. это соотношение составляет уже более 121 %[32].

[32] Understanding The National Debt. Forbes, 2023.

Иногда говорят о том, что американские власти задолжали всему миру. В действительности, больше всего Вашингтон должен своим согражданам. Основным держателем госдолга США остаются сами Соединенные Штаты – Федеральная резервная система, федеральные ведомства, штаты, города и муниципалитеты, бюджеты которых в итоге формируются за счет уплачиваемых американцами налогов. В США нет разницы между внутренними и внешними обязательствами государства, поскольку и те и другие выражены в национальной валюте – долларах – и имеют форму государственных ценных бумаг, обращающихся на открытом рынке.

Если же очистить государственный долг США от взаимных обязательств федеральных и местных госорганов, а также от той его части, держателями которой являются американские корпорации, выделив наиболее рискованную его часть, принадлежащую иностранным компаниям, банкам и другим государствам, то окажется, что она составляет около трети ВВП США. Вплоть до недавнего времени надежность экономической системы США позволяла привлекать долговой капитал по низким ставкам, в том числе для финансирования государственного долга. Однако в случае новых системных проблем, превосходящих по масштабам те, с которыми столкнулись США в ходе финансово-экономического кризиса 2007–2009 гг., государственный долг таких гигантских размеров может в перспективе оказать существенное негативное влияние на статус США в мировой финансовой системе. Сегодня становится очевидным, что мир стоит перед угрозой нового, еще более тяжелого кризиса, предпосылки для которого были сформированы во время пандемии коронавирусной инфекции и многократно усугублены антироссийскими санкциями Запада. Сможет ли обремененная беспрецедентным долгом Америка успешно пережить этот кризис, если таковой наступит, в очередной раз применив стратегию его «заливания» долларами, – серьезный вопрос. В перспективе динамика долга будет определяться состоянием американского бюджета. В определенной мере бюджетный дефицит имеет управляемый характер. Он может быть сокращен за счет уменьшения государственных расходов и/или увеличения налогов. Естественно, такие меры не будут безболезненными для экономики и социальной сферы. И эта проблема остается для США острой.

Другой важной проблемой является доверие. Не будет преувеличением сказать, что именно доверие к американской финансовой системе и, говоря шире, к американскому государству во все времена оставалось основой для глобального доминирования доллара. Однако на протяжении последних десятилетий этот фундамент подтачивался, а срежиссированное в Вашингтоне решение о заморозке российских золотовалютных резервов, размещенных на Западе, после начала специальной военной операции на Украине нанесло по нему беспрецедентно мощный удар. Пока что на руку американцам играет тот факт, что доллар остается во многом безальтернативной мировой резервной валютой, однако, как долго он будет оставаться в таком статусе, неясно.

В 2000-е – 2010-е годы происходит постепенное ослабление позиций доллара в мировой валютной системе. В основе этого процесса лежит целый ряд предпосылок. Прежде всего это уже отчасти затронутые факторы внутри самих США: масштабные размеры дефицита государственного бюджета, хронический дефицит платежного баланса по текущим операциям, увеличение государственного и частного долга, высокий уровень зависимости финансового сектора от ситуации на внешних рынках, а также то, что после финансово-экономического кризиса меры стимулирования экономики постоянно требовали от США роста денежной массы и постепенного обесценивания американской валюты. Играют свою роль и особенности положения США в мировом накоплении капитала, прежде всего превышение внутренних инвестиций над национальными сбережениями. Дополнительное давление на американскую валюту создает также постепенная дедолларизация мировой экономики, отражающая изменения в соотношении сил на валютно-финансовом рынке, прежде всего в результате формирования экономического и валютного союза в Европе с единой валютой – евро. В перспективе 10-15 лет эту тенденцию может дополнить расширение влияния других мировых резервных валют, прежде всего юаня. Наконец, нельзя исключать и появление в будущем принципиально новых валютных инструментов, в том числе обеспеченных реальными активами (например, золото или минеральные ресурсы).

Классификация национальных экономик по уровню ВНД на душу населения в долларах США

Низкий	Афганистан, Замбия, Камбоджа, КНДР, Конго, Мали, Мозамбик, Непал, Нигер, Руанда, Сомали, Сьерра-Леоне, Чад, Эфиопия, Южный Судан
Ниже среднего	Армения, Бангладеш, Вьетнам, Гана, Грузия, Египет, Индия, Индонезия, Кения, Киргизия, Марокко, Мьянма, Нигерия, Пакистан, Филиппины, Шри-Ланка, Сирия, Таджикистан, Узбекистан, Украина
Выше среднего	Албания, Алжир, Ангола, Азербайджан, Беларусь, Болгария, Бразилия, Иран, Ирак, Казахстан, Китай, Куба, Малайзия, Мексика, Монголия, Намибия, Парагвай, Перу, Румыния, Сербия, Тунис, Турция, Туркменистан, Черногория, ЮАР
Высокий	Аргентина, Австралия, Австрия, Бахрейн, Бельгия, Венгрия, Великобритания, Венесуэла, Германия, Греция, Израиль, Канада, Польша, Россия, Саудовская Аравия, Уругвай, Финляндия, Франция, Хорватия, Чили, Экваториальная Гвинея

Несмотря на изменения в структуре мировой экономики, связанные с укреплением потенциала ее новых региональных центров (КНР, Индии, Бразилии и других), США остаются самой мощной в финансово-экономическом отношении страной мира. Во многом это связано с проводимой Вашингтоном на протяжении десятилетий политикой создания необоснованных конкурентных преимуществ для своей экономики, прежде всего могущественных

корпораций, о политической роли которых мы подробно говорили ранее. Активно проповедуя всему остальному миру либеральную идеологию, превозносящую ценность рынка и конкуренции, а также навязывая основанные на ней интеллектуальные продукты (прежде всего развиваемую на Западе «ортодоксальную» экономическую теорию), американские элиты не спешат жить по своим же заветам и вступать в честное соревнование со своими иностранными конкурентами.

Сегодня США в лице американских транснациональных корпораций, малого бизнеса, государственных структур глубоко интегрированы в хитросплетения глобальной многоуровневой экономической взаимозависимости, получившей в научной литературе название «глобализация». Активная роль в процессах глобализации, которые получили политические стимулы для развития после окончания холодной войны и распада биполярного миропорядка, является важным фактором роста американского финансово-экономического влияния в мире, а также надежным средством стимулирования роста экономики США и повышения качества жизни американцев. Но одновременно особая роль США в процессах глобализации ведет к усилению уязвимости американской экономики от внешних факторов.

США в силу потенциала национальной экономики, емкости рынка и вовлеченности в мирохозяйственные связи имеет многочисленные рычаги и каналы взаимодействия и давления на партнеров. Финансово-экономическая мощь государственных органов США опирается на огромный экономический, научно-технологический, финансовый и военный потенциал страны – все это в совокупности усиливает американский вес в регулировании мировой экономики, укрепляет позиции США в международной торговле.

Американское влияние на процессы регулирования и развития мировой финансово-экономической системы подкреплено институционально: почти все ее структуры созданы по инициативе и при участии США. Значительные финансовые взносы и авторитет государства позволяют Соединенным Штатам оказывать влияние на решения международных организаций – МВФ, Группы Мирового банка, ВТО и связанных с экономическими вопросами структур ООН. С укреплением позиций других центров развития процессов экономической глобализации, возможности США определять стратегию и тактику международных организаций постепенно сокращаются, что заставляет искать более гибкие подходы к выработке международных стандартов поведения под лозунгом «разделения международной ответственности».

В 1990-е – 2010-е гг. США постоянно наращивали и совершенствовали инструменты оказания финансово-экономического воздействия на другие государства в случаях, если применение военной силы невозможно, потому что может повлечь за собой значительные издержки для американской безопасности, общества и экономики. В качестве важнейшего из таких инструментов выступают торгово-экономические и финансовые санкции, вводимые США в

одностороннем порядке или вместе с союзниками и партнерами. В отличие от мер экономического воздействия и торгово-экономических ограничений, вводимых в отношении отдельных стран по решению СБ ООН, эти односторонние и многосторонние меры не имеют под собой существенной международно-правовой основы. На данный момент санкции превратились в один из ключевых инструментов внешней политики США. Наиболее широко применяемые механизмы: визовые ограничения, экспортный контроль – ограничение экспорта продукции и технологий двойного назначения, а также продукции и технологий для определенных отраслей, финансовый контроль и ограничение доступа к американскому финансовому рынку. Введение таких мер не требует обязательного законодательного оформления через решения Конгресса США – оно может производиться и на основе распоряжений президента.

Объектом применения стратегии санкций всегда является политическая и экономическая элита страны-оппонента. Затем, если это не дает достаточных эффектов, целью воздействия становятся все общество и экономика страны. Цель любых санкций – истощить экономический потенциал оппонента, нанося удар по его наиболее уязвимым местам – отдельным отраслям, крупнейшим компаниям и финансовой системе в целом, создать для его населения и бизнеса системные трудности, вызвать недовольство действиями руководства страны и стимулировать их изменения.

Беспрецедентные антироссийские санкции, которые Вашингтон начал вводить после воссоединения Крыма с Россией, в 2022 году превратились фактически в открытую экономическую войну, стратегической целью которой стало отбрасывание России в ее развитии на десятилетия назад.

Еще одним важным фактором, обеспечивающим американское экономическое могущество и дающим дополнительные инструменты его осуществления, является глобальное научно-технологическое лидерство США. На Америку сегодня приходится около 1/3 мирового объема научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок (НИОКР)[33]. Ведущие позиции Соединенных Штатов в этой сфере постоянно укрепляется благодаря линии Вашингтона на доминирование в наиболее динамично развивающихся и наукоемких отраслях мировой экономики, тех, которые являются перспективными двигателями ее развития, создающими новые потребности и рынки. В XXI в. преобладающим фактором экономического развития США является опора на человеческий и научно-технический потенциал и динамичное внедрение инноваций.

Возможность ограничить доступ к американским технологиям также используется США для оказания давления на другие страны. Для этого Вашингтоном активно применяются механизмы экспортного контроля, обеспечивающего реализацию разрешительного (лицензионного) порядка осуществления

[33] Доклад ЮНЕСКО о науке: на пути к 2030 году. Комментарии. РАН 2016.

внешнеэкономических операций в отношении определенных товаров и технологий.

Экспортный контроль в США вводится государством для решения различных задач: прежде всего по соображениям внешней политики, национальной безопасности, нераспространения оружия массового уничтожения (ОМУ), а также экономической целесообразности. На разных этапах менялись акценты и приоритетные цели применения мер ЭК. Политика его использования постоянно пересматривается руководством США в свете внешнеполитических задач, новых подходов к проблемам национальной и международной безопасности.

В США разработаны правила регулирования экспорта продукции двойного назначения, включающие контрольный список товаров, услуг и технологий, а также правила контроля над вывозом вооружений с соответствующим списком. При этом экспортный контроль тесно увязан с финансовым контролем. Отдел по контролю над иностранными активами Министерства финансов США совместно с Государственным департаментом и Министерством торговли составляет и постоянно обновляет список лиц и организаций, с которыми американским гражданам и постоянным резидентам запрещено вести бизнес.

США вводят жесткие санкции не только в отношении американских субъектов, нарушивших национальный режим экспортного и финансового контроля, но и санкции экстерриториального характера – против иностранных организаций и физических лиц, нарушивших американское законодательство, добиваясь распространения действия своих законов на другие государства и придания им международного значения. Репрессивные меры могут включать штраф, отказ в лицензии на экспорт продукции двойного и военного назначения, запрет на импорт продукции иностранных компаний, попавших под санкции, на кооперацию с американскими компаниями, имеющими государственные контракты, а также отказ в доступе на американский финансовый рынок. Решения в этой области очень политизированы.

Соединенные Штаты являются основными инициаторами выработки стратегии развития экспортного и финансового контроля на международном уровне. Они оказывают давление на другие страны с целью, чтобы те следовали американским принципам такого контроля. Для этого они широко используют преимущества американского научного и технологического лидерства – другие страны стремятся получить доступ к американским технологиями и американскому рынку высокотехнологичной продукции.

Несмотря на то, что США активно используют механизмы финансового и торгово-экономического давления на другие страны, каждый раз принятие решений по их применению – это сложный и не лишенный противоречий процесс. Такую сложность ему придает разделение прав и обязанностей между законодательной и исполнительной ветвями власти – президентом и Кон-

грессом. Ведущие ведомства, а также отдельные группы политической элиты нередко выступают в качестве самостоятельных агентов экономической политики. Соперничество элит находит отражение в выработке подходов к введению санкций в отношении той или иной страны. И президент, и сенаторы, и конгрессмены, голосуя за законопроект, вынуждены считаться с интересами своей партии, но, прежде всего, оглядываться на то, как это воспримут их избиратели. Кроме того, существенное значение имеет развитая и законодательно легализованная система лоббирования разнообразных групп интересов при принятии решений.

Однако прерогатива определять параметры функционирования мировой экономики и в одностороннем порядке, в том числе в ущерб другим игрокам, извлекать из этого огромные выгоды – не единственный невоенный инструмент американской гегемонии.

США обладают арсеналом технологий внешнеполитического влияния, которые позволяют воздействовать на другие государства и их поведение в международной среде, не прибегая напрямую к силовым средствам или методам экономического характера. Их можно условно отнести к инструментам так называемой «мягкой силы», хотя в рамках этого понятия едва ли можно абсолютно адекватно описать все те средства, которые выходят за рамки осуществляемого Вашингтоном вооруженного воздействия на своих оппонентов.

Родоначальником термина «мягкая сила» принято считать американского политолога Дж. Ная, который ввел его в широкое употребление в начале 1990-х годов, то есть вскоре после распада СССР. Най определил эту категорию как «способность добиваться желаемого на основе добровольного участия союзников, а не с помощью принуждения». Иными словами, речь идет о влиянии путем создания привлекательного образа того государства, которое намеревается осуществлять это влияние («Мягкая сила есть привлекательная сила»[34]). Американский политолог полагал, что победа в холодной войне была достигнута именно за счет создания США и их партнерами более привлекательного образа. Такая стратегия оказалась не только эффективнее, но и дешевле: «Когда ты можешь побудить других возжелать того же, чего хочешь сам, тебе дешевле обходятся кнуты и пряники, необходимые, чтобы двинуть людей в нужном направлении. Соблазн всегда эффективнее принуждения, а такие ценности, как демократия, права человека и индивидуальные возможности, глубоко соблазнительны».

«Мягкая сила, – отмечает Дж. Най, – основывается на способности менять предпочтения других»[35]. Американский исследователь первоначально выделял три типа ресурсов «мягкой силы» – культуру, политические ценности и внешнюю политику[36]. Однако в широком смысле к инструментам «мягкой

[34] *Nye J.* Soft Power: The Means to Success in World Politics. New-York: Public Affairs, 2004. P. 5.
[35] Ibid.
[36] Ibid.

силы» относится любая деятельность государства в информационном пространстве, которая призвана содействовать его национальным интересам: в том числе международные образовательные программы, международные культурные события и фестивали искусств, и даже спортивные мероприятия, такие как Олимпийские игры.

Здесь необходимо сделать несколько оговорок. Использование невоенных методов влияния путем воздействия на общественное мнение и поведение в других странах для достижения целей и задач собственной внешней политики – это практика, которая широко и систематически применялась правительством США по крайней мере со второй половины XX века и носила (а в некоторых кругах продолжает носить) название «публичная дипломатия». Это понятие шире, чем «мягкая сила» Дж. Ная, потому что подразумевает не только влияние на другие народы с помощью собственной «привлекательности», но в целом взаимодействие с населением других государств, для того чтобы повлиять на их мышление и в конечном счете достигнуть целей своей внешней политики. Публичная дипломатия может осуществляться посредством образовательных обменов, распространения своей культуры (в том числе массовой, например, кино) за рубежом, через международное вещание средств массовой информации (как государственных, так и частных), с помощью неправительственных организаций и общественных объединений, через всемирную сеть интернет, и многими другими способами. Именно о приемах и методах, подпадающих под категорию публичной дипломатии, а также о тех результатах, к которым они приводят, и пойдет речь в данном разделе.

Хотя попытки использовать образовательные программы, радиовещание и даже кино в соответствующем ключе фиксировались и раньше (особенно в годы мировых войн), систематизация соответствующих приемов и придание им формы регулярно осуществляемой политической деятельности произошла на фоне начала холодной войны, так как именно идейная привлекательность Советского Союза для международной общественности представлялась американскому политическому руководству одной из наиболее серьезных угроз. Именно из-за опасения проиграть соревнование с СССР за «сердца и умы» США выстроили систему публичной дипломатии и развили инструментарий американской «мягкой силы». Долгое время центральная роль в координации соответствующей деятельности принадлежала федеральному правительственному Информационному агентству США (ЮСИА), специально учрежденному для этих целей в 1953 году.

Парадоксально, но после окончания холодной войны, когда Дж. Най и представил публике свою концепцию, американский потенциал «мягкой силы» начал претерпевать деградацию. Это вполне объяснимо: ведь развал СССР и всего социалистического лагеря, казалось, сам по себе свидетельствовал о превосходстве западного образа жизни и образа мышления. Америка превратилась в своего рода икону для всех, кто относил себя к «прогрессивно-

му человечеству». В этих условиях стратеги в Вашингтоне сочли, что сосредотачивать большие усилия на развитии арсенала «мягкой силы» нецелесообразно – у США дела и так шли лучше некуда. В 1999 г. даже было расформировано ЮСИА.

Заняв лидирующее положение в мировом информационном поле, США получили возможность путем проведения информационных кампаний управлять сознанием масс, влиять на логику поведения акторов международной политики практически в любой точке планеты. При этом основной упор делается на продвижении, по сути, универсальных ценностей, выдаваемых тем не менее за «исконно американские» или «либерально-демократические» (в значении исключительно американского и западноевропейского понимания либерализма и демократии): свобода, равенство, взаимоуважение, терпимость, тактичность, гражданская ответственность и сознательность, верховенство закона и прочие. Таким образом, в сознании мировой общественности закрепляется ложная убежденность, во-первых, в том, что США обладают какими-то исключительными правами на эти общечеловеческие ценности, а во-вторых, в том, что за пределами сферы американского влияния, соответственно, эти категории априори недоступны.

Транслируемые из США идеи, образцы, стереотипы в большинстве своем направлены не только на формирование определенного образа американского государства в сознании мировой общественности, но и на конструирование определенной картины мира, в рамках которой Соединенные Штаты по объективным причинам занимают «должность» глобального лидера, безальтернативного гегемона в «миропорядке, основанном на правилах». Для максимальной убедительности этой картины мира, чтобы минимизировать риск сомнений международного сообщества в естественности сложившегося порядка вещей (а значит и малейших сомнений в правильности того или иного политического решения руководства США по вопросам мировой политики), необходимо сформировать и поддерживать у международной общественности соответствующие представления об остальных странах и регионах. Этот вектор публичной дипломатии особенно заметен в частности в сфере культуры – через призму кинофильмов и телесериалов американского производства (многие из них производятся с участием американских правительственных, военных и разведывательных структур), которые в большинстве случаев пользуются наибольшей популярностью в мире по сравнению с продукцией других стран и которые также в большинстве случаев изображают Соединенные Штаты в идеализированной форме, а другие государства и регионы – в невыгодном свете.

Одновременно по линии образовательных и научных инициатив, а также проектов гражданского общества проводится политика по ослаблению культурно-исторических опор других государств, имеющих богатое культурное наследие. Это связано с тем, что культурное наследие других государств – по-

тенциальный ресурс для развития ими собственных технологий публичной дипломатии, которые могут начать конструировать в мировом массовом сознании картину мира, противоречащую системе образов, которую продвигают Соединенные Штаты. Характерным примером подобной практики является тот факт, что в образовательном и научном дискурсе о феминизме и правах женщин, который пользуется большой популярностью на Западе и активно продвигается через каналы американской публичной дипломатии в том числе, практически никогда не отмечается колоссальный вклад, который внес в общемировое продвижение женской эмансипации Советский Союз (хотя это была первая страна, которая наделила женщин всем спектром равных с мужчинами гражданских прав не поэтапно, а единовременно). Тот факт, что ни один задействованный в проектах западных НПО активист за права женщин не будет знать о роли нашей страны в этом историческом процессе в сочетании с тем фактом, что практически в каждом голливудском блокбастере, просмотренном молодежью всего мира, Россия изображается как отсталая, мрачная и жестокая страна, иллюстрируют то самое ослабление культурно-исторических опор других государств и присваивание общечеловеческих ценностей, о которых написано выше.

Для понимания того, как именно США обеспечивают себе возможность контролировать международное общественное мнение, которому внушают выгодную для поддержания своей гегемонии картину мира, необходимо взглянуть пристальнее на некоторые ключевые элементы американской «мягкой силы» и публичной дипломатии, обеспечивающие фундамент для генерирования и распространения тех информационных и идейных продуктов, о которых идет речь.

Отдельного упоминания в этом контексте заслуживает Агентство США по международному развитию (АМР, или USAID). Эта структура федерального правительства США отвечает за невоенные программы двусторонней помощи другим странам. Законодательный акт о создании агентства был подписан президентом США Дж. Кеннеди в ноябре 1961 г. К основным задачам USAID относятся: оказание помощи зарубежным странам в области развития торговли, сельского хозяйства, здравоохранения, поддержания экономического роста, предоставление экстренной гуманитарной помощи, а также содействие в предотвращении конфликтов и поддержке демократии.

Очень часто НПО и фонды выступают в качестве «невидимой руки» Вашингтона, формально не аффилированной с американским правительством, но в то же время действующей непосредственно в его интересах. Работа с оппозиционными партиями, блоками и молодежными движениями в целевых странах, обработка (а нередко – самая настоящая вербовка) представителей органов власти и местного самоуправления, развитие так называемых «альтернативных» СМИ, доносящих до населения выгодную США точку зрения, создание новых и укрепление существующих общественных организаций, ин-

формационно-агитационная работа с общественным мнением, дискредитация правительства страны и/или пиар оппозиции, направление в определенную сторону риторики правозащитников, создание условий для оказания давления на легитимные власти, навязывание института международных наблюдателей для контроля почти над любой проблемой, от политики до экологии, – вот неполный перечень задач, которые выполняют действующие в интересах США НПО по всему миру.

Как правило, работа ведется годами и десятилетиями, что позволяет НПО инкорпорироваться в социальные и политические институты целевого государства на долгосрочной основе, а иногда даже формировать подобие параллельного государственного аппарата, который от лица «озабоченной мировой общественности» диктует властям программы «демократических реформ». Излишне говорить, что именно НПО почти всегда стоят в авангарде устраиваемых с подачи Вашингтона «цветных революций». Услугами этих организаций также активно пользуется и американское разведывательное сообщество для создания за рубежом политических подразделений, движений, партий и организаций, которые впоследствии используются для дестабилизации внутренней обстановки в той или иной стране.

Однако успешное применение всего этого инструментария было бы невозможно, если бы не еще одна важнейшая составляющая – доминирование Америки в области информационно-коммуникационных технологий. За последние 25 лет Соединенными Штатами Америки был накоплен значительный информационно-технологический потенциал, который применяется в целях обеспечения глобального лидерства страны. Большинство американских ИТ-разработок и социальных инноваций имеют не только коммерческое, но и военно-политическое предназначение. Благодаря тому что значительная доля мирового рынка компьютерной техники, программного обеспечения, интернет-технологий, принадлежит американским компаниям, государство и специальные службы США получают широкие возможности в сфере контроля за глобальными коммуникационными процессами. Более того, Америка является крупнейшим в мире производителем и поставщиком информации.

В конце XX – начале XXI вв. компьютерная техника и программное обеспечение (в том числе антивирусное) американского производства получили чрезвычайно широкое распространение. Данная продукция в равной степени востребована частными пользователями, компаниями и государственными структурами, что обеспечивает технологическое присутствие США практически в каждом кабинете и офисе Земли. Это открывает американским корпорациям и иным структурам потенциальный доступ к персональным данным пользователей, а также к сведениям военно-политического значения. Таким образом, США не только получают возможность сбора и обработки закрытой информации, но и формируют у других государств «цифровую зависимость» от своей продукции.

Цифровая мощь США во многом обуславливается стремительным развитием интернета, который первоначально создавался американскими специалистами для военных нужд и лишь в начале 1990-х годов стал доступным для рядовых пользователей. Доминирование в глобальной сети, согласно Доктрине национальной безопасности США, является не менее приоритетной задачей, чем контроль над космическим, водным и воздушным пространствами.

Военно-политические интересы американского правительства, как и в случае со СМИ, тесно переплетаются с коммерческими интересами ИТ-корпораций и многочисленных НКО. Международная некоммерческая организация ICANN, созданная при активном участии властей США и базирующаяся в Лос-Анджелесе, выполняет функции «главного регулятора интернета», контролируя вопросы, связанные с присвоением доменных имен и выделением IP-адресов по всему миру.

Исключительная популярность американских интернет-сервисов косвенно способствует улучшению внешнего имиджа страны, а следовательно, и росту политического влияния США на мировой арене. Однако же максимальный потенциал идейно-информационного воздействия заключают в себе социально ориентированные продукты американских ИТ-корпораций. Поисковые сайты, почтовые сервисы и социальные сети не попадают под действие национальных законов о СМИ, хотя и предоставляют своим пользователям новостной контент. Благодаря популярности данных ресурсов США формируют глобальную информационную повестку и транслируют свои политические ценности всему миру. Кроме того, упомянутые сервисы аккумулируют информацию о поисковых запросах пользователей, нередко нарушая принцип конфиденциальности персональных данных. Шпионские скандалы последних лет свидетельствуют о том, что личная информация из сети интернет зачастую попадает в руки американских спецслужб. В частности, уже не раз критике экспертов и правозащитников подвергались гаджеты и сервисы компании «Эппл», которая накапливает в виртуальном хранилище данные о своих пользователях и при необходимости предоставляет их властям США.

Инновационные манипулятивные технологии активно разрабатываются Агентством передовых оборонных концепций Министерства обороны США. На сегодняшний день Агентство занимается внедрением механизмов контроля над восприятием и интерпретацией общественно-политической информации индивидами. Данный метод, сочетающий в себе новейшие достижения нейробиологии и коммуникативистики, основывается на генерировании специфических нарративов (новостных сообщений, видеоматериалов, высказываний), которые способны направить человеческую мысль по заранее запрограммированному пути. Благодаря использованию данной технологии в сети интернет и СМИ искусственно создается виртуальная политическая реальность, претендующая на объективность и истинность. Таким образом пишется отвечающая американским геополитическим интересам псевдоисто-

рия, в которой, к примеру, украинские неонацисты выступают борцами за демократические ценности, а Россия предстает в качестве агрессора и угрозы для западной цивилизации. Использование описанного выше американского потенциала в сфере ИКТ в сочетании с механизмами нарративного манипулирования постепенно превращает социальные сервисы интернета в «нарративные сети», осуществляющие идеологический контроль над своими пользователями. Очевидно, что информационно-технологический потенциал США легко конвертируется в политический, а цифровое лидерство, по сути, наделяет американское правительство «монополией на истину».

Примером того, как доминирование США в идейно-информационной сфере и «монополия на истину» могут получать выражение в реальной политической жизни международного сообщества, могут служить два таких явления, как «гуманитарная интервенция» и «цветная революция».

В первом случае Соединенным Штатам в 1990-е гг. удалось без последствий откровенно нарушить главный и незыблемый принцип международных отношений, закрепленный в Уставе ООН, – принцип верховенства государственного суверенитета и невмешательства во внутренние дела суверенных государств. Ключевым последствием стало то, что подобно практике правового обычая в юриспруденции военное вторжение в другое государство, обоснованное «обязанностью защищать» (необходимостью обеспечить соблюдение прав человека и принципов демократии), прецедент которого создали США (Ирак, Сомали, Босния, Косово, Ливия), повторяясь раз за разом, прочно вошел в реалии международных отношений и в какой-то степени даже международного права.

Поскольку принцип права иностранного вмешательства с целью «гуманитарной интервенции» США используют под предлогом «защиты соблюдения прав человека и продвижения демократии» для свержения неугодных режимов и разрушения тех государств, политический курс которых противоречит интересам Вашингтона, то неудивительно, что на этом фоне в последние годы отмечается увеличение числа зон нестабильности в мире и их расширение. Заслуживает внимания другое: благодаря доминированию в идейно-информационной сфере на международном уровне США удалось если не убедить всю мировую общественность в том предлоге, которым обосновывается «гуманитарная интервенция», то создать такие условия, при которых большинство среди мировой общественности принимает эту точку зрения в качестве неотъемлемой части сложившегося порядка вещей и не подвергает ее в слух сомнениям, а значит со временем соответствующий нарратив, подкрепленный фактами меняющейся под его влиянием реальности, имеет все шансы встроиться в мировую историю с единственно приемлемым для общественности толкованием, которое укрепляет основы американской гегемонии.

Нередко гуманитарной интервенции предшествует внутренний конфликт в стране, которая затем становится жертвой иностранного вмешательства.

В начальной стадии такие конфликты проходят с опорой на протестный потенциал населения в ходе так называемых цветных революций, представляющих собой сочетание подрывных технологий по ненасильственному захвату власти. Цветные революции тесно взаимосвязаны с американским потенциалом влияния на иностранное общественное мнение и с доминированием США в международно-информационном пространстве.

Во многом сама концепция цветных революций оформилась на основе работ американского ученого и независимого гражданского активиста XX века Джина Шарпа. На протяжении своей длительной профессиональной карьеры Дж. Шарп разрабатывал методы ненасильственного сопротивления диктаторским режимам. Выпущенная им в 1993 году небольшая книга «От диктатуры к демократии: концептуальные основы освобождения»[37] стала основным руководством по свержению легитимного правительства суверенных государств, которое Вашингтон и его союзники регулярно воплощают в жизнь на протяжении последних десятилетий. Поучительны и другие его работы (например, краткая памятка «198 методов ненасильственных действий»), так же весьма сжатые и написанные непривычным для американского профессора простым языком, доступным для широких масс.

Описанные Дж. Шарпом технологии эффективно сработали в десятках стран по всему миру. На сегодняшний день американские стратеги довели их практически до совершенства. Среди наиболее часто используемых приемов, прежде всего, поощрение и использование оппозиционных движений, а также задействование уже упомянутых ранее различных неправительственных и некоммерческих организаций (НПО и НКО), провозглашающих гуманитарные цели, которые в реальности выполняют задачи по дестабилизации неугодных режимов и финансируются США и странами Запада. Часто эти организации координируют свою деятельность непосредственно с американскими дипломатическими и иными представительствами, таким образом однозначно выполняя роль проводника национальных интересов США. Наряду с продвижением таких политических ценностей и институтов, как демократические выборы, многопартийность, соблюдение прав и свобод человека, в том числе сексуальных меньшинств, часто применяются информационные, коммуникационные и морально-психологические методы влияния. Конкретными целями их использования могут быть расчленение единой нации, смена политического руководства, качественное изменение внутри- или внешнеполитического курса государства, его полная или частичная дезинтеграция, установление над страной внешнего контроля.

Важным элементом соответствующей подготовительной работы является предшествующее «цветной революции» формирование внутри государства групп «активистов» и «лидеров», способных организовать «протестные акции» для оказания политического шантажа и морально-психологического

[37] От диктатуры к демократии. Стратегия и тактика освобождения. М., 2012

давления на власть. С этой целью создается сеть НПО и НКО, официально провозглашающих своей целью гуманитарную и правозащитную деятельность. Им оказывается извне необходимое финансовое обеспечение, а также информационно-пропагандистская поддержка со стороны уже упомянутых ранее оппозиционных средств массовой информации (зачастую также получающих финансирование от американских НПО и фондов, либо аффилированных с американскими государственными средствами вещания: «Радио Свобода/Свободная Европа», «Голос Америки», «Радио Свободная Азия», «Ближневосточная сеть вещания» и т.п.), специализированных интернет-сайтов, социальных сетей и блогосферы.

В государствах, где существуют внутренние социально-экономические, политические проблемы, межнациональные и межконфессиональные конфликты (либо потенциал для них, который есть в любом исторически многонациональном государстве), такое воздействие может быть использовано с наибольшим эффектом. Его применение направлено в первую очередь на разжигание этих конфликтов, обострение противоречий как внутри общества, так и между гражданами страны и ее правительством. При этом в качестве «локомотива» провоцируемых «протестных движений» и «цветных революций» используются, как правило, молодежь и наиболее оппозиционные властям по каким-либо причинам группы населения.

Вместе с тем нельзя все протестные акции в тех или иных странах объяснять только действиями извне, как и неправомерно оценивать деятельность всех неправительственных и правозащитных организаций, являющихся частью гражданского общества, как инспирированную иностранным вмешательством. Прежде всего, речь идет о тех организациях, которые финансируются из-за рубежа, пытаются влиять на принятие политических решений и, соответственно, являются элементом внешнего воздействия.

Как подтверждают примеры последних лет, внешнее давление и взаимодействие с оппозицией могут использоваться в комбинации с элементами «жесткой силы», предполагающими наложение экономических санкций, «замораживание» зарубежных активов, включение неугодных государственных и политических деятелей и руководителей государств в «черные списки». Соответствующее сочетание различных технологий влияния позволяет потенциально подготовить международное общественное мнение к прямому военному вмешательству под прикрытием «гуманитарных интервенций». Ярким примером этой тактики стало вмешательство НАТО в конфликт в Югославии в 1999 году, ее дезинтеграция и отстранение от власти президента этой страны С. Милошевича. Другим примером было вторжение в 2003 году в Ирак. Американская интервенция началась под предлогом наличия у режима Саддама Хусейна оружия массового поражения. Затем, когда оно так и не было обнаружено, поводом стала необходимость свержения «тирана» и продвижения демократии.

Особого внимания заслуживает политика США в отношении государств постсоветского пространства, ведь именно Советский Союз на протяжении почти полувека находился в центре американской внешнеполитической доктрины, являясь единственным серьезным соперником за доминирование на международной арене. В период становления новых независимых государств на территории бывшего СССР политика Вашингтона была в целом направлена на поддержку действующих правительств, так как первоначально их стабильность была необходимым фактором для вытеснения российского влияния из региона ближнего зарубежья, что исключало потенциальную возможность возращения России на позицию ключевого препятствия для американской глобальной гегемонии. Однако по мере прихода в ряде государств-участников СНГ правительств, ориентированных на поиск баланса между российскими и западными стратегическими интересами, а также в связи с усилиями Москвы по реинтеграции постсоветского пространства, США стали усиливать давление на новые государства.

В странах Центральной Азии, имеющих большое значение для обеспечения американской геополитической стратегии в Евразии, усилия США также были направлены на консолидацию оппозиционных сил на выгодной для себя платформе. Активность Вашингтона в этом регионе особенно усилилась в 2000-х гг. после начала операций в Афганистане и Ираке. Учитывая прочность большинства режимов, оформившихся в Средней Азии после распада СССР, и крайнюю слабость местных оппозиционных организаций, США пришлось фактически «с нуля» создавать инструменты своего влияния. Они сделали ставку на поддержку многочисленных неполитических объединений, направленных на решение тех или иных социальных проблем, клубов по интересам, религиозных объединений и т.п. Таким образом, создавалась база для будущей оппозиции. Особое внимание американские правительственные и неправительственные организации уделяли развитию этих процессов в Ферганской долине, которая в силу своего стратегического положения является ключевой точкой для обеспечения стабильности во всем регионе.

Попытки «цветных революций» в среднеазиатских государствах (Киргизия – 2005 и 2010, Узбекистан – 2005 г.) имели противоречивые последствия и не могут рассматриваться как однозначный успех Соединенных Штатов. К примеру, попытка мятежа в Узбекистане кончилась провалом из-за жестких действий администрации президента И. Каримова, прямо заявившего об организации волнений из-за рубежа. Несмотря на американское давление и введение санкций против Узбекистана, Ташкент отказался идти на уступки оппозиции, организовавшей столкновения в Андижане. Впоследствии экс-министр обороны США Д. Рамсфелд был вынужден признать, что против правительства выступали в основном криминальные и экстремистские элементы.

Наиболее характерным примером американской поддержки (или создания) оппозиционных объединений и движений, ориентированных на демон-

таж действующих политических систем на пространстве СНГ, может служить организация в Грузии партии «Национальное движение» под руководством М. Саакашвили. Будущий лидер «революции роз» до своего ухода в оппозицию режиму президента Э. Шеварднадзе занимал пост министра юстиции в правительстве Грузии. В ходе парламентских выборов 2003 г. и последовавших за ними столкновений властей и оппозиции в Тбилиси к власти в стране пришла проамериканская коалиция, возглавляемая М. Саакашвили и З. Жвания, также в прошлом служившим высокопоставленным чиновником в администрации Э. Шеварднадзе.

С момента своего создания «Национальное движение» пользовалось постоянной поддержкой со стороны американских неправительственных организаций и официальных структур. Ключевое значение для успеха «революции роз» имела позиция популярного информационного телеканала «Рустави 2», корреспонденты которого прямо в эфире призывали зрителей присоединяться к акциям сторонников М. Саакашвили. Телеканал пользовался поддержкой западных неправительственных организаций, нацеленных на «продвижение демократии». Свою роль в успехе «революции роз» сыграла также позиция посла США в Грузии Дж. Майлса и бывшего госсекретаря США Р. Бейкера, проведшего в ходе кризиса закрытую встречу с Э. Шеварднадзе и настоятельно советовавшего ему согласиться с требованием оппозиции о пересчете голосов.

По аналогичному сценарию проходила «оранжевая революция» на Украине в 2004–2005 гг., когда были сорваны президентские выборы и не осуществился транзит власти от президента Л. Кучмы к его преемнику В. Януковичу. В результате многодневных акций протеста, организованных активистами созданных всего за несколько лет до того партий «Наша Украина» и «Блок Юлии Тимошенко», к власти в стране пришли В. Ющенко и Ю. Тимошенко, проводившие откровенно антироссийский и чуть менее откровенно прозападный политический курс.

На всем протяжении политического кризиса американское посольство в Киеве оказывало практически открытую поддержку оппозиции и постоянно давило на Кучму и Януковича с целью добиться от них уступок протестующим. Финансовую поддержку «оранжевой революции» США оказывали по линии неправительственных организаций, таких как Институт «Открытое общество» Дж. Сороса, Национальный демократический институт, «Фридом Хаус» и ряда других. По оценкам британской газеты «Гардиан», Соединенные Штаты потратили более 14 млн долларов на поддержку сторонников В. Ющенко и Ю. Тимошенко. Как и в случае с Грузией, важную роль в победе «цветной революции» сыграла активность бывшего высокопоставленного дипломата – экс-госсекретаря США М. Олбрайт, возглавлявшей Национальный демократический институт.

В ходе вооруженного переворота и антиконституционного захвата власти на Украине, совершенного в феврале 2014 г. «активистами майдана», США и ЕС также применяли технологии невоенного влияния. Наряду с информационной кампанией по продвижению идеи вхождения в ЕС, накануне вышеупомянутых событий происходило активное создание и финансирование большого числа НПО (перед началом «майдана» на Украине их насчитывалось несколько тысяч), поддержка оппозиционных групп и их лидеров, способных организовать «народный протест». Им оказывалась активная информационно-пропагандистская поддержка со стороны не только локальных оппозиционных, но и как частных, так и государственных американских СМИ, в которых усиленно использовался фактор социально-экономического кризиса и коррупции властей на Украине. Всего же, по заявлению помощника госсекретаря США по Евразии В. Нуланд, на поддержку проамериканских сил на Украине в период с 1991 по ноябрь 2013 г. было выделено около 5 млрд долларов. Таким образом, сценарий «цветной революции» был в очередной раз реализован США и ЕС на Украине, где развитие политической ситуации напрямую затрагивает безопасность и интересы России.

Нередко в подготовке и затем реализации «цветных революций» оказываются задействованы группировки, деятельность которых впоследствии перетекает в категорию полноценной транснациональной преступности и/или терроризма. Например, ряд известных радикальных исламистских движений, включая некоторые из группировок, из которых впоследствии выросло движение «Талибан», создавались при активном участии спецслужб США и Великобритании. Терроризм таким образом в ряде ситуаций превращается в одно из орудий реализации геополитических проектов США, а в иных случаях – в одно из нежелательных и непредвиденных последствий соответствующих проектов.

С учетом повышения идеологической активности мусульманского сообщества именно религиозный терроризм становится наиболее действенным потенциальным механизмом влияния на уязвимые точки мировой системы. Последняя, в свою очередь, все больше определяется как политически нестабильная, характеризуется распадом и хаотизацией международных отношений, а также формированием нового миропорядка, основанного на принципах многополярности.

Тем не менее значимым остается то, что часто акторы, выполняющие роль эпизодических партнеров США в процессах осуществления непрямого влияния на политические события в любой точке земного шара, руками которых осуществляются «цветные революции» и закладываются предпосылки для гуманитарных интервенций, оказываются потенциальными источниками глобальных вызовов и угроз безопасности. Описание механизмов «цветных революций» и гуманитарных интервенций в этой главе было призвано продемонстрировать, как на практике оказывается задействован инструментарий

методов невоенного влияния США. В том числе раскрыта роль, которую играют НПО и фонды, продвигающие демократические ценности, независимые СМИ и каналы американского международного вещания, культурные и образовательные мероприятия, готовящие подходящую почву в общественном мнении как государств, в которых происходят соответствующие события, так и всего международного сообщества в целом, чтобы обеспечить с его стороны такую реакцию на очередную «цветную революцию» и/или гуманитарную интервенцию, которая не противоречила бы продвигаемой усилиями американских политических технологий картины мира в глобальном идейно-информационном пространстве, а значит национальным интересам США, обеспечивающим Америке положение глобального лидера.

Совокупность описанных в настоящей главе методов и подходов позволяет Вашингтону сегодня вести в глобальном масштабе информационную войну против своих оппонентов, прежде всего России и Китая. Хотя сам термин «информационная война» весьма тесно связан с уже рассмотренной сферой информационно-коммуникационных технологий, он имеет во многом самостоятельное значение и не связан исключительно с недружественными действиями в киберсреде.

Информационную войну можно рассматривать в двух плоскостях: во-первых, как разновидность боевых действий с целью нанесения ущерба информационным системам, процессам и ресурсам противника; во-вторых, как инструмент внешнеполитического влияния путем воздействия на сознание и поведение иностранной общественности, используемый для решения различных широкомасштабных задач: смена политической власти в каком-либо государстве, обеспечение поддержки населением своей страны и мировым сообществом определенных действий на международной арене, навязывание определенного мировосприятия.

Активное продвижение генерируемых в США и, говоря шире, на Западе стереотипов, поведенческих моделей, идей, идеологий, мировоззренческих установок – все это нередко приводит к размыванию и постепенному распаду традиционных для тех или иных государств и народов форм социальной и духовной жизни, утрате самобытности, национального самосознания и в итоге создает основы для деградации целых обществ через ослабление способности населения этих стран к критическому восприятию информации и, как следствие, закреплению в их сознании искаженной картины мира, не соответствующей объективной реальности, но совпадающей с глобальными политическими интересами США. Новейшая история человечества дает десятки подобных примеров. Не стала исключением и Россия, которая в 1990-е годы усилиями Запада была превращена в испытательный полигон для отработки разнообразных механизмов «мягкой силы», влиянию которой подвергались как простые россияне, так и многие представители политической, деловой и культурной элиты. И хотя России к настоящему времени удалось, в основном

успешно, преодолеть это влияние и выработать действенные механизмы защиты, другим государствам повезло в меньшей степени. В числе последних – Украина, которая в свое время попала в ловушку западной «мягкой силы» и не может из нее выбраться до сих пор.

Украина является ярким примером длительного целенаправленного информационно-психологического воздействия. Путем искажения фактов и подмены понятий (например, в результате распространения нарратива, согласно которому русский народ был колонизатором и поработителем украинского, а также за счет уничтожения единой исторической памяти путем преуменьшения в общественном, политическом и экспертном дискурсах факторов общности между Россией и Украиной параллельно с преувеличением в этих же дискурсах конфликтных аспектов в двусторонних отношениях этих государств) были частично трансформированы национальные и культурные ценности жителей отдельных областей Украины. В итоге – разрушение политической системы и экономики страны, развязывание гражданской войны.

Одним из направлений ведения информационной войны против нашего государства является искажение истории Великой Отечественной войны и Второй мировой войны. За последние три десятилетия с каждым годом в канун празднования Победы все больше возрастает поток информации, искажающей историческую действительность с целью принижения ведущей роли нашего народа в победе над фашизмом, а на этом фоне преувеличения роли, в первую очередь, США. Это происходит потому, что именно с момента окончания Второй мировой войны в нарративах, продвигаемых США в международной идейно-информационной сфере, отсчитывается начало либерального «миропорядка, основанного на правилах», роль единоличного лидера в котором отведена Америке, соответственно в этой картине мира нет места для победителей за пределами современных союзников США. Постепенная эрозия в глобальном публичном дискурсе роли СССР в победе над фашизмом упрощается тем фактом, что СССР на сегодняшний день больше не существует. Это происходит благодаря тем самым невоенным методам влияния, совокупность которых мы постарались описать в этой главе: использование СМИ, учебных программ, книг, сериалов и кинофильмов. Более того, аналогичными способами происходит настойчивое внедрение нарратива, согласно которому Советский Союз наравне с Германией несет ответственность за развязывание Второй мировой войны. Идет целенаправленная героизация лиц и организаций националистического толка, сотрудничавших с фашистами и уничтожавших гражданское население на оккупированных территориях: русских, евреев, поляков, белорусов.

Таким образом, в условиях интенсивного развития глобального информационного пространства защита от деструктивного информационно-психологического воздействия является одной из приоритетных задач государства. В начале XXI века США при помощи широкого арсенала инновационных тех-

нологий стараются сделать глобальное информационное пространство зоной своего военно-политического влияния.

Ответом на этот вызов могла бы стать система адекватных контрмер, направленных на обеспечение технологического, политического и культурно-информационного суверенитета государств, включающая в том числе комплексное импортозамещение американской ИТ-продукции и программного обеспечения (особенно в государственном секторе), а также динамичное развитие собственных интернет-сервисов, платежных систем и средств массовой коммуникации. Не менее важным элементом ответа на соответствующий вызов представляется формулирование и распространение в глобальном идейно-информационном пространстве собственных нарративов, которые могли бы выступить в качестве контрмер в деле противостояния процессу насаждения в сознании международной общественности американоцентричной картины мира, которая, искажая историю и манипулируя фактами, формирует восприятие реальности максимально выгодное американским национальным интересам и укреплению американской гегемонии.

Иллюстрации к главе 22

Последствия агрессии США против Югославии.

Д. Трамп объявляет о создании космического командования.

Американские авианосцы.

Паническая эвакуация американцев и их союзников из Кабула.

Битва за Фаллуджу.

Глава корпорации «Фейсбук» М. Цукерберг на слушаниях в Конгрессе.

Часть четвертая

Власть народа, волей народа и для народа: являются ли США демократическим государством?

Знакомство с основными вехами становления США как государства и завоевания им мировой гегемонии неизбежно приводит к вопросу о феномене американской исключительности. В свою очередь, это поднимает вопрос о соотношении общественно-политического строя Америки и ее государственного устройства с так называемыми демократическими идеалами. Мы уже видели, что на протяжении почти всей истории США, начиная еще едва ли не с колониальных времен, американские элиты были склонны обосновывать «уникальность» своей страны тем, что эти идеалы якобы нашли в ней свое наивысшее воплощение. Миф об «американской демократии», таким образом, образует собой сердцевину мифа об «американской исключительности».

Сегодня США претендуют на моральный авторитет в мире, заявляя во всеуслышание о своем праве выносить суждения о демократичности других государств, давать им оценку с позиции соблюдения прав человека, определения политических правил игры и этических норм в международных делах на глобальном уровне. Именно для того, чтобы корректно судить о степени обоснованности этих притязаний, следует рассмотреть вопрос о том, могут ли современные Соединенные Штаты считаться эталоном демократического устройства.

Реальность состоит в том, что США на сегодняшний день девальвировали свои замашки на лидерство в вопросах демократии политикой двойных стандартов и несоответствием декларируемых ценностей реальным действиям, тем самым морально обанкротив собственные идеалы. Моральный авторитет и сила убеждения давно перестали быть источником американского могущества. США делают ставку на силу, все более грубую и неприкрытую, что само по себе в корне противоречит любым демократическим идеалам. Причем речь идет не только о военной силе, но и о расширяющейся практике использования экономических инструментов в качестве силовых, скрытом вмешательстве в дела суверенных государств, информационно-пропагандистском давлении.

Более того, у себя дома американское государство также утрачивает те немногие признаки демократии, которые ему удавалось сохранять до относительно недавнего времени. Даже некоторые представители американской политической и интеллектуальной элиты вынуждены отмечать этот факт. Кроме того, даже западным разработчикам авторитетных «рейтингов демократиче-

ских государств» приходится отводить США все более низкие позиции. Так, составители Индекса демократии из консалтингового бюро при либеральном журнале «Экономист» в выпущенном в начале 2017 года обзоре объявили США «несовершенной демократией»[1], отметив таким образом победу на президентских выборах Д. Трампа. Однако еще в 2015 году, до избрания Трампа, к аналогичным выводам пришли исследователи из авторитетного Принстонского университета, подытожившие: «Наш анализ показывает, что большинство американцев на самом деле оказывает весьма незначительное влияние на политику. Разумеется, у американцев есть право голоса, свобода слова и собраний. Тем не менее, поскольку во власти доминируют мощные экономические организации и небольшая группа влиятельных политиков, то претензии Америки на то, чтобы считаться образцом демократического общества, вызывают серьезные сомнения»[2]. Впрочем, как мы увидим в дальнейшем, американские ученые здесь явно смягчают свои оценки. Так, правом голоса в современных США наделены отнюдь не все граждане, свобода слова давно существует на бумаге, а свобода собраний жестко регулируется властями. Однако сам факт «серьезных сомнений» в демократичности Америки, исходящий от представителей одного из наиболее авторитетных исследовательских центров этой страны, свидетельствует о многом.

Сегодня Соединенные Штаты находятся на распутье. Действующие в них политические силы неспособны предложить образ будущего, разделяемый широкими слоями общества и подкрепленный конкретной стратегией. Миллионы рядовых граждан «Страны свободы» устали ждать от своих лидеров конкретных решений, получая вместо них звонкие лозунги, не находящие практического воплощения. Американские политики исходят из краткосрочных интересов, а структурные кризисы не разрешаются десятилетиями, что усугубляет упадок американской демократии. Кроме того, США сталкиваются с целым рядом структурных вызовов, подрывающих стабильность и социальную базу их политического режима. В настоящей главе будут рассмотрены основные из этих вызовов. Однако прежде всего нужно определиться с тем, что такое демократия.

[1] Democracy Index 2017 - Economist Intelligence Unit

[2] Исследование Принстонского университета: в США больше нет демократии. РИА. 2015.

Глава 23

Понятие демократии и «геттисбергская формула» Линкольна

Несмотря на то, что понятие «демократия» является одним из наиболее широко используемых сегодня политических терминов, общественные науки до сих пор не выработали единого и общепринятого подхода к определению этой формы организации политической системы, принципов ее функционирования, а также связанной с ними системы идей и ценностей.

Как известно, термин «демократия» возник еще в древней Греции и дословно переводится как «власть народа». Однако сами древние греки понимали демократию отнюдь не как власть народных масс. К политическим процессам в древнегреческих полисах допускалась лишь небольшая часть жителей, отвечавших жестким критериям. За скобками оставались, например, женщины и рабы, в том числе освобожденные – в целом, вероятно, не менее 80% населения. Более того, древние мыслители (например, Платон[1]) различали демократию и охлократию, то есть власть толпы, когда политический курс произвольно меняется в зависимости от прихотей неорганизованных масс. Среди прочего греки создали еще целый ряд понятий, которые описывают процессы вырождения демократии, включая олигархию («власть немногих»), когда власть принадлежит небольшой несменяемой группе лиц, и плутократию («власть богатства»), при которой государством правит верхушка богачей (сегодня оба этих термина часто смешиваются). Стоит принять во внимание, что классически образованные отцы-основатели США отлично знали древнегреческую политическую мысль и во многом разделяли ее излюбленный посыл о том, что демократия – это отнюдь не правление народных масс.

За несколько тысячелетий, прошедших со времен Платона и Аристотеля, общественные науки глубоко пересмотрели (и до сих пор продолжают пересматривать) теоретические подходы к демократии, которой в современной политологии посвящены многие сотни томов. Широкое распространение в США и других странах Запада имеет комплексная концепция современной представительной демократии, разработанная Р. Далем – одним из патриархов американской политической мысли. Согласно его теории, «демократию в масштабах государства»[2] характеризует набор необходимых институциональных средств. Эта совокупность политических и государственных порядков, определяющих сущностные характеристики и свойства современной демократии, согласно модели Даля, включает в себя шесть политических институтов: выборность должностных лиц; свободные, честные, регулярно проводимые вы-

---

[1] Платон. Государство.

[2] *Даль Р.* О демократии / Пер. с англ. А. С. Богдановского; Науч. ред. О. А. Алякринский. М.: Аспект Пресс, 2000.

боры; свобода выражения мнений; альтернативные источники информации; автономия ассоциаций (как политических, так и иных общественных объединений граждан); всеобщие гражданские права[3].

По мнению ряда современных исследователей, предложенный Далем набор политических принципов и институтов, определяющих основы формирования власти в государстве и деятельности граждан, следует дополнить порядками, определяющими демократические основы непосредственно деятельности государственной власти, включая подотчетность и ответственность власти, верховенство закона, разделение властей.

Примечательно, что сам Даль полагал, будто американская политическая система не является демократией, а представляет собой «полиархию»[4] (то есть «многовластие») – систему, построенную на конкуренции и сотрудничестве различных групп интересов, существующих в элите и в обществе. Другой видный американский исследователь и оппонент Даля, Ч. Миллс, считал, что демократия в США – явление в первую очередь институциональное и процедурное, а управление страной строится на балансе сил и интересов между основными группами деловой и политической элиты, контролирующими финансовые и другие экономические активы и властные институты, а также армию и силовые структуры. Проще говоря, формально демократические институты прописаны в законодательстве, однако в какой степени они работают в реальности в условиях борьбы различных игроков, заботящихся прежде всего о своем собственном интересе, а не общественном благе, – большой вопрос (сам Миллс считал, что они, скорее всего, не работают)[5].

Более того, современные ученые не только не смогли прийти к общему пониманию относительно того, что такое демократия, но и выдвинули серьезные сомнения в работоспособности ее процедур, прежде всего электоральных. Еще в конце XVIII в. французский философ Н. Кондорсе[6] сформулировал парадокс, в котором показал, что голосование может приводить к взаимно противоречивым результатам, которые не будут отражать предпочтения ни одного из голосующих. Его соотечественник и современник Ж.-Ш. де Борда и вовсе доказал, что никаких универсальных методов выявления коллективных предпочтений в принципе не может быть. Иными словами, в зависимости от выбранного правила подсчета голосов итоги голосования могут быть диаметрально противоположными. Уже в XX столетии эти исследования были переосмыслены в рамках современного математического инструментария, с помощью которого в 1951 г. молодой американский экономист К. Эрроу (в будущем нобелевский лауреат) смог сформулировать и доказать свою знаменитую тео-

---

[3] *Даль Р.* О демократии / Пер. с англ. А. С. Богдановского; Науч. ред. О. А. Алякринский. М.: Аспект Пресс, 2000.

[4] Полиархия: участие и оппозиция / Пер. с англ. С. Деникиной, В. Баранова. М.: ВШЭ. 2010.

[5] *Согрин В.В.* Демократия в США. От колониальной эры до XXI века. М., 2011.

[6] *Петухова А.* Наука о выборах маркиза де Кондорсе. Коммерсант. 2021.

рему. Эрроу обозначил несколько интуитивно понятных условий, которым должна отвечать процедура голосования[7]. Это транзитивность (если вариант А предпочтительнее варианта Б, а тот, в свою очередь, предпочтительнее С, то А обязательно должно предпочитаться С), эффективность по Парето[8] (должна выбираться такая альтернатива, которая улучшает положение некоторых индивидов, при этом как минимум не ухудшая положение других), отсутствие диктаторского принуждения, независимость альтернатив. Согласно теореме Эрроу, если принять перечисленные условия, то не существует таких методов голосования, при которых не возникал бы индивид, предпочтения которого и являются точным исходом голосования. Такого индивида ученый назвал диктатором, отчего саму его теорему иногда называют теоремой о неизбежности диктатора. Этот вывод дает большое количество практических следствий. Например, теоретически все избирательные системы могут быть подвержены манипуляциям.

Таким образом, в современной политической философии так и не дано однозначного ответа о том, что является демократией, каковы ее основные критерии и в какой степени общественно-политическое устройство Америки является демократическим. Более того, есть даже математически строгие аргументы в пользу того, что даже в теории для демократии характерны неустранимые противоречия. Однако это не мешает американским элитам верить в поистине идеальную демократичность государственного строя США, упрямо навязывая эту точку зрения миллионам сограждан, а заодно и остальному человечеству. Дело здесь отнюдь не в политических моделях и рациональных доводах. «Демократия по-американски» стала неотъемлемой частью национальной мифологии. Если говорить предельно откровенно, то она и есть главный национальный миф. Как известно, любой миф живет и развивается по своей логике и своим критериям. И если ученые десятилетиями ломают копья над попытками логическим образом истолковать и объяснить этот миф, то американские политики и идеологи давно уже прочувствовали его интуитивно и активным образом используют.

Один из самых известных эпизодов, связанных с американской демократией, – Геттисбергская речь, произнесенная президентом Линкольном во время церемонии открытия мемориала через четыре с половиной месяца после знаменитой битвы (см. главу 2). Как мы помним, для Америки это было переломное время, когда решалась сама судьба нации и государства. Геттисбергская речь – едва ли не самая краткая из великих публичных выступлений в истории, однако именно она стала одним из главных символов Америки, при-

---

[7] Свойства правил голосования. Теорема Эрроу. ВШЭ. 2020.

[8] Сам этот критерий несколькими десятилетиям ранее сформулировал великий итальянский экономист и социолог В. Парето, посвятивший немало сил критике современных ему европейских демократических режимов, которые он описывал как «плутодемократические» или «демагогические демократии».

обретя практически религиозный оттенок. Отдавая дань памяти павшим в великом сражении, американский лидер призывал соотечественников собрать все силы для того, чтобы реализовать великую историческую миссию: «Нам, живущим, следует посвятить себя великой задаче, все еще стоящей перед нами, – перенять у этих высокочтимых погибших еще большую приверженность тому делу, которому они в полной мере и до конца сохраняли верность, исполниться убежденностью, что они погибли не зря, что наша нация с Божьей помощью возродится в свободе и что власть народа волей народа и для народа не исчезнет с липа Земли»[9].

Заключительные слова («Власть [или «правление»] народа, волей народа и для народа» – «*Government of the people, by the people, for the people*»)[10] до сих пор воспринимаются гражданами США как самое заветное кредо американской демократии, перед которым меркнут любые выводы политических аналитиков. По сути, именно на этом основании воздвигнут великий национальный миф Америки. От того, насколько успешно этот миф будет поддерживаться, во многом зависит будущее американского государства.

Однако сегодня все больше американцев открыто выражают сомнение в том, что легендарные слова Линкольна по-прежнему адекватно описывают происходящее в Америке. И речь не только о рядовых гражданах. 22 октября 2016 года в ходе своей предвыборной кампании Д. Трамп произнес на поле битвы у Геттисберга собственную программную речь, посвятив ее глубоким внутренним противоречиям, существующим в Америке. В своем выступлении он говорил о всемогуществе корпораций, наносящих ущерб интересам общества, бедности и социальном расслоении, дискриминации, бесконечных военных авантюрах за рубежом, мошенничестве политиков и грязных избирательных кампаниях, продажных средствах массовой информации. Все это, по мнению кандидата в президенты, мешает гражданам США «вернуться к вере и оптимизму, на которые всегда опирался американский характер»[11].

Видный критик современной американской системы, выдающийся экономист, лауреат Нобелевской премии Дж. Стиглиц признается: «На протяжении 25 лет меня мучили три вопроса. Как мы дошли до такой жизни? Куда мы движемся? И можно ли изменить курс? [Я видел] часть ответа в наших экономических провалах – неспособности организовать плавный переход от производственной экономики к экономике услуг, обуздать финансовый сектор, совладать с глобализацией и ее последствиями, а самое главное – не допустить *превращения США в страну с экономикой и демократией 1% населения, для 1%*

---

[9] Геттисберская речь. 1863.

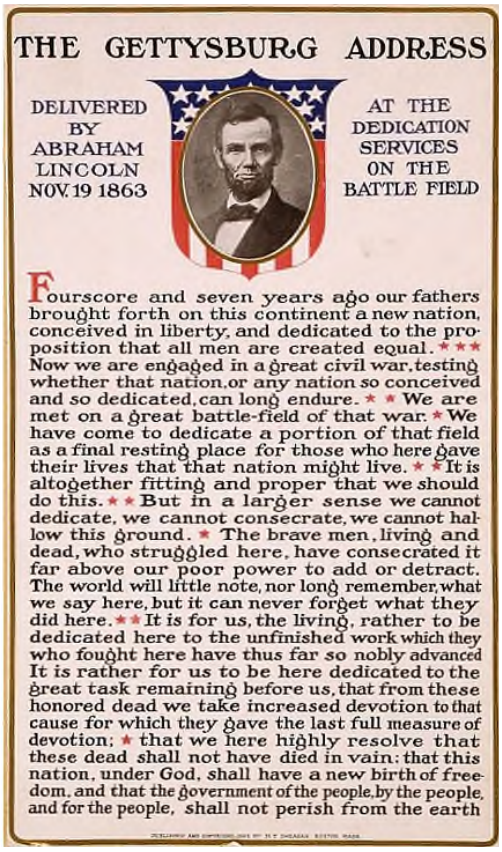
[10] Следует отметить, что формула «власть народа, волей народа и для народа» была позаимствована Линкольном у знаменитого проповедника Т. Паркера (1810–1860). Сохранился экземпляр его проповеди «Воздействие рабства на американский народ» (1850) с многочисленными пометками американского президента.

[11] Геттисбергская речь Дональда Трампа. 2016.

населения и по желанию 1% населения» (Курсив наш. – *Авт.*)[12]. Разумеется, что в последней фразе экономист обыгрывает известные слова президента Линкольна. Следует особо отметить: Стиглиц отнюдь не разделяет политической программы Трампа и, напротив, в свое время сам активно выступал против его политики, считая ее средством не решения, а усугубления внутриамериканских проблем. И все же оба наблюдателя, правый политик и придерживающийся левых взглядов ученый, сходны в том, что демократия в США если не погибла, то уж точно находится на грани гибели.

Правы ли эти и другие критики современного государственного строя в США, предъявляющие свои претензии к американской демократии с совершенно разных политических флангов? Ответ на этот вопрос требует серьезного анализа. И, как представляется, наилучшим подходом будет рассмотреть современный политический и общественный строй США не через призму политологических категорий, сформулированных Далем, Миллсом и десятками других исследователей (хотя их, безусловно, нужно держать в уме), а с точки зрения того, в какой мере сегодня реализуется великое завещание Авраама Линкольна, составляющее краеугольный камень мифа об «американской демократии».

[12] *Стиглиц Дж.* Люди, власть и прибыль. М. 2020.



THE GETTYSBURG ADDRESS

DELIVERED BY ABRAHAM LINCOLN NOV. 19 1863

AT THE DEDICATION SERVICES ON THE BATTLE FIELD

Fourscore and seven years ago our fathers brought forth on this continent a new nation, conceived in liberty, and dedicated to the proposition that all men are created equal. * * * Now we are engaged in a great civil war, testing whether that nation, or any nation so conceived and so dedicated, can long endure. * * We are met on a great battle-field of that war. * We have come to dedicate a portion of that field as a final resting place for those who here gave their lives that that nation might live. * * It is altogether fitting and proper that we should do this. * * But in a larger sense we cannot dedicate, we cannot consecrate, we cannot hallow this ground. * The brave men, living and dead, who struggled here, have consecrated it far above our poor power to add or detract. The world will little note, nor long remember, what we say here, but it can never forget what they did here. * * It is for us, the living, rather to be dedicated here to the unfinished work which they who fought here have thus far so nobly advanced It is rather for us to be here dedicated to the great task remaining before us, that from these honored dead we take increased devotion to that cause for which they gave the last full measure of devotion; * that we here highly resolve that these dead shall not have died in vain; that this nation, under God, shall have a new birth of freedom, and that the government of the people, by the people, and for the people, shall not perish from the earth

А. Линкольн в Геттисберге произносит свою знаменитую речь.

Выдающийся исследователь демократии Р. Даль.

Критик современного политико-экономического устройства Запада Дж. Стиглиц.

Статуя Свободы – один из символов американской демократии.

Тюремная фотография Д. Трампа.

Глава 24

Власть народа?

«Власть народа» является первой и, возможно, ключевой составляющей линкольновской формулы. Представление о народе как о главном источнике власти и о возможности любого американца принять участие в отправлении этой власти, внести свой вклад в формирование политики и реализацию судьбоносных для страны решений – это неотъемлемая часть американского мировоззрения. Сам Линкольн своей судьбой дал хрестоматийный пример выходца из низов, «человека, который сделал сам себя», дошедшего до вершин власти и выполнившего историческую миссию – преодоление раскола внутри страны и предотвращение ее распада. Сын разорившегося фермера, выросший в скромной хижине, в которой он вечерами при свете лучины занимался самообразованием после изнурительной работы, достигший всего благодаря силе духа, целеустремленности, дисциплине и кристальной честности («Честный Эйб» – одно из его знаменитых прозвищ), Линкольн собственной биографией заложил основу «мифа о бревенчатой хижине», согласно которому каждый американец, независимо от своего достатка или положения в обществе, может занять президентское кресло, не говоря уже о менее высоких постах[1]. Значительная часть любого школьного учебника истории, по которому учатся американские дети, состоит из бесконечных историй о президентах, министрах, генералах, сенаторах и конгрессменах, росших в бедных семьях и уже с ранних лет столкнувшихся с нуждой и лишениями, которые они смогли преодолеть благодаря своему упорству. Вывод очевиден – такое возможно только в Америке, «стране подлинной демократии».

Тем не менее уже не одно поколение исследователей отмечает, что этот живописный миф имеет мало общего с действительностью. В действительности американская «демократия» с первых десятилетий существования США была пронизана кастовостью. Как мы помним, первым условием вхождения в круг «избранных» уже в XVIII веке считалась принадлежность к колониальной аристократии, ведущей родословную от первых поколений переселенцев. Отцы-основатели США мыслили новое государство в первую очередь как республику, но не как образец народовластия (античные мыслители, напомним, это вполне допускали). Более того, сама мысль о том, чтобы вручить народу возможность влиять на решения власти, была для них пугающей. А. Гамильтон и Дж. Мэдисон в сборнике статей «Федералист», одной из ключевых книг эпохи борьбы за независимость, писали о «полном исключении людей, во всем их коллективном качестве, от любого участия» в управлении государством. Вместо этого им должны руководить избранные, чья «мудрость», подчеркивал

[1] *Пессен Э.* Мифа о бревенчатой хижине. М.: Прогресс. 1987.

Мэдисон, «способна лучше различить истинные интересы их страны». Другого отца-основателя, третьего президента США Т. Джефферсона, «более всего пугало представление о господстве в обществе неимущих масс, людей, стремящихся изменить существующий социальный порядок в своих собственных корыстных интересах». Говоря коротко, основоположники американского государства видели в демократии скорее власть толпы, которой стремились избежать[2].

Со временем из колониальной аристократии выросла сложная система кланов, которая к тому же получила свое развитие в корпоративном измерении. Каждое семейство или конгломерат семейств работал в той или иной сфере бизнеса и рассматривал государство прежде всего в качестве средства укрепления своих экономических позиций. Обрастая замысловатой системой отношений типа «клиент – патрон», кланово-корпоративная система формировала «глубинное государство», которое задавало и по-прежнему задает вектор развития Америки независимо от того, кто в данный момент занимает кресло в Овальном кабинете. Более того, многие президенты США являются даже не выходцами из видных кланов, а их выдвиженцами. Подобная практика тщательно маскируется с помощью риторики «бревенчатой хижины». Известный исследователь этого мифа Э. Пессен проследил социальное происхождение десятков президентов США и сделал следующий вывод: «Тот факт, что на высшие посты никогда не выдвигались представители тех классов и групп, которые по своему доходу и профессии являлись преобладающими в американском обществе на протяжении всей его истории, не просто статистическая случайность, не имеющая социального значения, а убедительное свидетельство того, что правит не народ»[3].

Безусловно, структура и баланс сил в рамках «глубинного государства» не заданы раз и навсегда. Уже упомянутый нами Миллс, один из патриархов американской социологии XX века, писавший в годы холодной войны, полагал, что судьбы Америки решает «тройственный союз», состоящий из Уолл-стрит, Пентагона и военно-промышленного комплекса. Именно они, по мнению Миллса, и являются центрами принятия решений, тогда как «фасад» американской демократии в виде государственных институтов относится к «среднему властному звену», где эти решения только обсуждаются и разрабатываются, но не утверждаются[4].

Названные Миллсом игроки по-прежнему очень сильны, однако сегодня к ним добавляются, к примеру, корпорации из сферы «новой экономики», прежде всего информационных технологий. Такие гиганты, как «Мета» («Фейсбук»), «Алфабет» («Гугл»), «Эппл», «Амазон» сосредотачивают в своих руках

---

[2] Федералист. Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея. М.: Прогресс, 1994.

[3] Цит. по: *Пессен Э.* Мифа о бревенчатой хижине. М.: Прогресс. 1987.

[4] *Согрин В.В.* Демократия в США. От колониальной эры до XXI века. М. 2011.

ресурсы, о которых может лишь мечтать большинство суверенных государств в мире. Убедительным примером их могущества стали события 2020 года, когда в канун президентской кампании корпорации блокировали аккаунты Д. Трампа и его сторонников. На социальные медиа не распространяются элементарные нормы свободы слова, без которой, как мы помним из списка Даля, демократия невозможна. Важнейшие площадки коммуникаций находятся под политическим контролем коррумпированной высшей американской элиты.

С другой стороны, капитализация перечисленных корпораций во многом зависит от глобального курса США и дальнейшего укрепления американских позиций на мировой арене. В этом отношении современные американские бизнес-гиганты, подобно остиндским компаниям в эпоху колониальных завоеваний, становятся мощным авангардом американской геополитики. Вспомним хотя бы, какой огромный вклад они вносят в поддержку усилий коллективного Запада на Украине. Таким образом, антидемократические тенденции внутри современных США имеют прямую и весьма разрушительную проекцию на весь остальной мир.

Транснациональные корпорации не просто вмешиваются в работу властей США, а открыто навязывают стране и обществу собственные интересы. По мнению широкого ряда экспертов, высшее американское руководство за последние три десятилетия попало под контроль олигархов. В прошлом у Вашингтона имелись определенные рычаги влияния на большой бизнес – корпорации зависели от крупных банков, контролируемых государством. Теперь же ТНК самостоятельно мобилизуют капитал и государственные ресурсы в собственных целях. При этом органы государственной власти раздают контракты и субсидии без какого-либо контроля со стороны общества. Не будет преувеличением утверждать, что именно корпоративный сектор и его интересы сегодня пришли на смену власти народа в США. Вместо рождения в «бревенчатой хижине» путь во власть в Америке начинается с офисов в фешенебельных бизнес-центрах.

Всевластие большого бизнеса в Соединенных Штатах в наши дни почти не встречает никакого сопротивления. Профсоюзное движение и иные формы гражданского общества (еще один критерий Даля), которые составляли мощный противовес корпоративному влиянию в первой половине XX века, во времена холодной войны были фактически разгромлены государством с подачи большого бизнеса, возложившего на профсоюзное движение вину за потерю американской экономикой конкурентоспособности. Для «старой» Америки традиционной была модель бизнеса, при которой предприятия даже в трудные времена старались сохранить своих сотрудников, которые взамен платили своим работодателям еще большей лояльностью, нередко работая на них до конца своей трудовой карьеры. Однако в 1960–1970-е годы американские корпорации в союзе с академическими экономистами выиграли борьбу за «рыночную гибкость», которая сделала наемных работников первыми

жертвами кризисных ситуаций, создававшихся, как правило, по вине самих корпоративных дельцов. Вашингтон же охотно принял участие в ослаблении профсоюзов и других организаций, защищавших права американских трудящихся. Власти США откровенно раздражали антивоенные настроения гражданского общества, особенно остро проявившиеся во время Вьетнамской войны. В итоге, как подчеркивает один из крупнейших современных американских социологов Р. Лахманн, «государство и бизнес впервые в американской истории объединили свои усилия для того, чтобы не только ослабить роль государства, но и ограничить демократию»[5].

Этот процесс оправдывался теми же самыми идеями, которые потом легли в основу неолиберальной идеологии: рынок сам разберется со всеми проблемами, а то, что мешает рыночным силам, подлежит демонтажу. Все это привело к тому, что стратегия Вашингтона как внутри самих США, так и в глобальном плане, к настоящему времени стала не результатом выбора, сделанного населением, или хотя бы выбора народных избранников, а всего лишь производной интереса деловых элит, которых американские граждане не только не избирают, но зачастую буквально ненавидят за то, что их компании приходят на земли их штатов на правах колонизатора. Проблема при этом заключается в том, что крупнейшие корпорации ориентированы исключительно на извлечение прибыли, причем в кратко- и среднесрочном горизонте. Тот же Лахманн так констатирует катастрофический результат этой тенденции: «Избавившись от всякого контроля и давления, американский бизнес оказался в ситуации, когда абсолютно некому задавать для него долгосрочные цели. В результате современные США попали в положение, очень похожее на то, в котором были Испания, Франция и Голландия в период их деградации XVII–XVIII вв. Государственный бюджет распределяется исходя из потребностей и пожеланий крупных корпораций и соответствует их сиюминутным интересам по получению прибыли, а не долгосрочным стратегическим целям всего государства. Один из ярких и наиболее опасных примеров такого перекоса – военные расходы»[6]. Прекрасной иллюстрацией к этим словам американского социолога является милитаристский курс «оборонного» Североатлантического альянса, в рамках которого американцами продавливается постоянное увеличение расходов стран-членов (пока что до уровня 2 % ВВП, но это, надо полагать, не предел). В этих целях Вашингтон сочетает запугивание «российской угрозой» с применением политических и экономических рычагов воздействия на союзников в целях укрепления «трансатлантической солидарности». Однако нити этой политики ведут именно в высокие кабинеты корпоративной Америки.

Другим ярким примером того, каким образом американский большой бизнес диктует свою волю Вашингтону, который, в свою очередь, навязывает ее не только мировому сообществу, но и миллионам простых американцев, явля-

[5] Они испугались. Эксперт. 2007.

[6] Там же.

ется санкционная политика. Требуя от союзников безоговорочного принятия рестриктивных мер в отношении той или иной страны, США не принимают в расчет экономические интересы партнеров, продавливая все более затратное, но «идеологически верное» партнерство с американскими компаниями. При этом попросту игнорируются неоднократно подтвержденные на экспертном и даже на государственном уровне оценки европейских экономистов, свидетельствующие о значительной, а в некоторых областях критической зависимости стран Европы от торгово-экономического взаимодействия с Россией.

США готовы использовать любые средства для продвижения интересов американских транснациональных корпораций, в том числе в ущерб своим союзникам и партнерам. В результате целенаправленной политики Белого дома (начиная с 2014 г.) поступательно сокращаются объемы торговли ЕС с Россией, наряду с США и КНР, до 2022 г. остававшейся крупнейшим торговым партнером Европы. Из-за спровоцированного санкциями роста цен на энергоносители и нарушений в цепочках поставок под угрозой приостановления деятельности находятся целые отрасли крупнейших экономик ЕС. Существенно растет инфляция, снижаются основные макроэкономические показатели, падает уровень жизни. Все больше признанных экономистов указывает на то, что навязываемая корпорациями политика вредит не только зарубежным партнерам Вашингтона, но и самой американской экономике.

Еще одним примером того, как далеко современная Америка ушла от линкольновского идеала «власти народа», являются манипуляции в денежно-кредитной сфере. Кстати говоря, одним из наиболее мощных раздражителей, спровоцировавших американцев на Войну за независимость, стал санкционированный Лондоном запрет выпускать в колониях бумажные деньги в дополнение к ходившим там монетам.

Сегодня США контролируют эмиссию мировой резервной валюты и тем самым могут наращивать свой экономический потенциал за счет других государств. При этом американская денежно-кредитная политика регулируется ФРС, то есть конгломератом частных банков, которые не ориентируются ни на интересы американского народа, ни тем более на мировую общественность. В результате эмиссии ФРС закупает облигации американского казначейства, которые приносят большую прибыль. Правом производить эмиссию обладают двенадцать резервных банков, входящих в состав ФРС. Акционерами этих банков являются представители влиятельных кланов, включая Ротшильдов и Рокфеллеров. Как отмечают эксперты, высокая прибыль всех участников этой схемы обеспечивается за счет искусственно создаваемого повышенного спроса на денежную массу, в том числе посредством вооруженных конфликтов.

Стоит помнить, что влияние большого бизнеса на американскую власть отнюдь не обезличено. Американские политики традиционно отличаются большой персональной зависимостью от крупнейших компаний. Этому способствует целый ряд факторов. По-прежнему запутанное и непрозрачное за-

конодательство в сфере финансирования избирательных кампаний в США, как мы увидим чуть позже, зачастую превращает электоральный процесс в состязание представителей крупнейшего бизнеса, продвигающих выгодных им кандидатов. Другим важнейшим рычагом влияния является лоббизм. Он настолько глубоко укоренился в американской политической жизни, что сегодня не просто не скрывается, но поставлен на официальную основу[7].

Многие современные исследователи характеризуют Америку как настоящий заповедник лоббистов, под воздействием которых принимается львиная доля законов. Так, уже упомянутый Стиглиц пишет: «Главные траты ресурсов осуществляются на началах лоббирования: более 3100 лоббистов работают в сфере здравоохранения (едва ли не по шесть человек на каждого Конгрессмена) и около 2100 – в энергетической отрасли и отрасли природных ресурсов. В общей сложности, более 3,2 миллиарда долларов было потрачено на это лоббирование только в 2011 году. Главное искажение нашей системы лежит в политической плоскости, а главным неудачником является наша демократическая система»[8].

Лоббизм обычно ассоциируется с разного рода коррупционными уловками могущественных корпораций, что не совсем верно. Современный американский лоббизм – это вполне легальная практика влияния на государственные решения, то есть, если называть вещи своими именами, искажения демократического процесса. Лоббистские методы в США считаются не просто дозволенными, они даже регулируются законом («Федеральный акт о лоббировании»), который был принят в 1995 году[2]. Согласно этому закону, все лоббисты подлежат обязательной регистрации и контролю, они должны регулярно предоставлять отчеты о характере своих контактов с представителями власти, включая записи телефонных разговоров, электронные письма, чеки на пожертвования политическим партиям.

Бесспорно, лоббизм не является специфически американским явлением, однако именно в США создана удивительно благотворная почва для деятельности представителей групп интересов. Особенно широкие возможности для лоббистов представляет американская двухпартийная система. Вопреки мечтам отцов-основателей, надеявшихся на то, что вместо долговременных партий в Конгрессе будут формироваться недолговечные фракции единомыш-

[7] Сам термин «лоббизм» возник именно в США: в XIX столетии представители групп интересов предпочитали встречаться с политиками в лобби фешенебельных гостиниц, где в непринужденной обстановке рассказывали о выгодах и вознаграждениях, которые ожидают государственных мужей в случае принятия «правильного» решения. Впрочем, историки относят возникновение лоббизма в американской политике к еще более раннему периоду – концу XVIII века, когда парламентарии, еще не успевшие устроиться в небольшой столице, снимали квартиры в одних домах и питались за общим столом. Такие «пансионные собрания» были удобны для разнообразных ходатаев, которые приходили обсудить с сенаторами и конгрессменами возможности продвинуть соответствующий законопроект.

[8] *Стиглиц Дж.* Люди, власть и прибыль. М., 2020. Эти строки написаны еще в 2013 г. С тех пор ситуация лишь ухудшилась.

ленников по тому или иному вопросу, которые будут постоянно возникать, распадаться и переформатироваться, сегодня в США фракции формируются внутри самих партий, причем они создаются во многом на основе частных интересов, нередко связанных с теми или иными группами влияния за пределами парламента.

Еще более благоприятным для проводников частных интересов является то обстоятельство, что идеологические различия между представителями противоборствующих партий зачастую не являются кардинальными. Это позволяет лоббистам успешно налаживать связи одновременно с демократами и республиканцами, уверенно добиваясь поставленных целей. Однако наиболее распространенными площадками для работы лоббистов являются постоянные комитеты Конгресса. Именно на этом уровне решается судьба 90% всех инициатив. В рамках комитетов проводники частных интересов старательно «выращивают» парламентариев, которые порой ставятся на постоянное денежное довольствие того или иного банка, корпорации, некоммерческого объединения.

В современной политологии такие отношения иногда называют клиентелой – по аналогии с отношениями между патроном и клиентом в Древнем Риме. В одну клиентелу могут входить одновременно не только представители разных партий, работающие в одном комитете, но и выходцы из нескольких комитетов. Это связано с комплексным характером рассматриваемых вопросов и склонностью комитетов к расширению сферы своих полномочий. Для проталкивания «нужных» законопроектов у американских политиков разработаны многочисленные технические приемы, вполне легально использующие слабости и несовершенства существующей нормативной базы. К примеру, в Капитолии существует старинная практика «бочонка с салом», когда законодательные инициативы частного характера прикрепляются к законопроекту общенационального значения. Тем самым они, с одной стороны, находятся под его прикрытием, а с другой – «умасливают» его за счет голосов конгрессменов, заинтересованных в том или ином частном законопроекте. Тактика «бочонка с салом» является частным случаем другого явления, известного как «логроллинг» («перекатывание бревна»), которое фактически обозначает торговлю голосами, когда конгрессмен соглашается поддержать законопроект в обмен на поддержку со стороны его авторов своих собственных инициатив.

Однако не одни только сенаторы и конгрессмены представляют интерес для лоббистов. Нельзя забывать и о сотнях служащих Конгресса – как из числа аппарата Капитолия, так и в рядах помощников парламентариев. Зачастую именно парламентские аппаратчики гораздо лучше самих законодателей разбираются в процедурных тонкостях и характере продвигаемых инициатив, что позволяет им представлять в «правильном» свете соответствующие предложения, исходящие от лоббистов. Кстати, большинство последних являются

именно выходцами из Капитолия, где они набрались опыта и знаний в свою бытность парламентскими клерками.

Лоббизм является одной из наиболее серьезных проблем политической и экономической жизни современной Америки. Перечислению примеров, когда деятельность лоббистов во имя реализации целей узких кланово-корпоративных групп наносила огромный урон десяткам миллионов рядовых американцев, можно посвятить отдельную книгу. В частности, такая актуальная для американцев тема, как реформа здравоохранения и введение системы государственного медицинского страхования, напрямую связана с лоббизмом со стороны корпораций из медицинской, фармацевтической и страховой индустрии. Хорошо известно, что соответствующие инициативы выдвигались еще во времена Трумэна, сразу после войны, однако они неизменно наталкивались на яростное сопротивление групп давления. Ярким примером стала победа лоббистов над администрацией Клинтона, в очередной раз пытавшейся дать, как минимум, сорока миллионам американских граждан доступную медицину. По самым скромным оценкам, на блокирование этой инициативы лоббисты потратили более 300 миллионов долларов. В конечном итоге все это привело к тому, что Обама выступил с собственной программой всеобщего медицинского страхования, которая в сравнении с предыдущими проектами была изменена до неузнаваемости и теперь неприкрыто служила интересам тех структур, которые тратили сотни миллионов на сопротивление предыдущим законопроектам.

Сегодня американская элита все в большей мере чувствует свою безнаказанность. В прежние времена на карьере президента Байдена легко могли поставить крест скандалы с его сыном Хантером, который получал фиктивные должности с огромными зарплатами и строил бизнес-схемы при поддержке правящих кругов дружественных Вашингтону стран (в том числе на Украине и в Румынии). Инсайдерская торговля на рынке Пола Пелоси, мужа спикера Палаты представителей, разрушила бы карьеру его жены, как и репутацию всей партии. Сейчас такие вещи сходят американским политикам с рук, поскольку разрушаются морально-этические принципы, которые (хотя бы на уровне деклараций) на протяжении десятилетий служили основой американской демократии.

Чувство вседозволенности, постепенно формировавшееся у американской верхушки на протяжении XX века, многократно усилилось после распада Советского Союза. Бесконтрольное доминирование Америки в мире, захват новых рынков и отсутствие каких бы то ни было сдерживающих факторов породило у элит «Страны свободы» ложное ощущение мирового господства. Такой взгляд на мир в конечном итоге не только привел к очередной серии американских агрессий против суверенных государств на рубеже XX–XXI столетий, но и нанес сокрушительный удар по остаткам демократической системы внутри самих США. Эта тенденция и в грядущие годы будет придавать американ-

скому пониманию демократии все более выхолощенный и манипулятивный характер, способствуя дискредитации демократических принципов и ценностей в целом.

В итоге политическая система Соединенных Штатов все дальше уходит от элементарных демократических норм. Американская политическая элита все больше коррумпируется, все чаще прибегает к грубейшим манипуляциям в ходе президентских избирательных кампаний, выборов в Конгресс и на выборах губернаторов. Деградация системы управления, при которой руководящие посты давно уже не занимают самые способные вне зависимости от их социального положения, становится одной из ключевых проблем Америки и во многом объясняет упадок демократии. Правящий класс декларирует равенство, избегая его на практике. Демократия стала лишь фикцией, с помощью которой элиты властвуют над населением. По сути, сегодня политический режим в США можно считать олигархическим и плутократическим, о чем открыто заявляют многие видные эксперты в самой Америке (в их числе, например, нобелевский лауреат, экономист П. Кругман или известный политолог М. Бреннер)[9].

Вместе с тем существующая в США система не способна в полной мере купировать внутренние вызовы. Рост поляризации и напряженности, подтачивающий демократические институты, во многом вызван ослаблением механизмов обратной связи между обществом и государством. При этом если возможности большого бизнеса по продавливанию своих интересов с помощью государственного аппарата растут с каждым годом, то представляющие простых граждан массовые группы интересов оказывают на политику незначительное влияние или не оказывают его вовсе. В итоге американское правительство все в меньшей степени представляет собственных же граждан.

Сегодня на пути линкольновской «власти народа» в Америке стоит сложная система барьеров и фильтров. Возможно, наиболее существенным из них является образование. Если Линкольн и целый ряд других великих американских политиков прошлого учились, читая при свете лучины книги, купленные на последние центы, то сегодня образовательная система Америки лишь цементирует классовые различия, обеспечивая их передачу по наследству и отнюдь не способствуя выдвижению наверх талантливой молодежи. И дело отнюдь не в получении знаний и навыков, востребованных в политической жизни или государственном управлении. Как отмечает целый ряд американских экспертов, качество образования даже в лучших университетах страны падает, чему способствует распространение там «культуры отмены», когда, к примеру, математика объявляется «колонизаторской наукой», созданной белой расой для демонстрации своего превосходства над другими народами. Про общественные науки, которые в современной Америке повально заменя-

[9] Феномен Трампа. ИНИОН РАН. 2020.

ются на разного рода «гендерные исследования» и «квир-теорию»[10], и говорить не приходится.

В наши дни диплом Йеля, Гарварда, Стэнфорда или другого университета «Лиги Плюща» свидетельствует еще и о том, что у семьи его обладателя хватает не только финансовых ресурсов, но и влияния в обществе. Более того, огромную роль, помимо полученного диплома, играют разного рода неформальные аспекты вроде того, в каком студенческом братстве состоял выпускник. Старейшие из таких братств («Череп и кости», «Элайху», «Свисток и ключ», «Волчья голова»), история которых уходит еще в XIX столетие, представляют собой закрытые элитарные клубы – списки их почетных членов буквально пестрят именами высокопоставленных политиков и бизнесменов. Например, выходцы из семейства Бушей традиционно вступают в «Череп и кости», которое было создано еще в 1832 году и получило свое название за склонность его участников похищать останки из могил в качестве «обряда посвящения» (впрочем, из ритуалов, практикуемых отпрысками элиты в подобных клубах, это один из самых невинных).

Сами американские университеты, которые изначально были задуманы как коммерческие предприятия, сегодня окончательно превратились во влиятельные частные компании, обслуживающие интересы корпоративных структур, вносящих вклад в их «эндаументы» (так называются фонды университетов) и влияющих на их функционирование. При этом спонсируемое из бюджетных средств государственное образование, как школьное, так и высшее, оказывается нередко не самого высокого качества. Стоимость образования однако неуклонно растет, а финансовые условия его получения стали настолько сложными, что уже не одну избирательную кампанию приоритетной задачей кандидатов от Демократической партии сохраняется изменение системы кредитования образования.

В итоге образование, которое в США традиционно считалось одним из главных социальных лифтов, сегодня лишь закрепляет неравенство, выражающееся прежде всего в отстранении простых граждан от власти в пользу узкой группы политических и деловых кланов. И это при том, что сама образовательная система в США является, с одной стороны, источником огромных прибылей, а с другой – тяжелого финансового обременения для миллионов молодых людей и их семей: общий долг по кредитам на образование в Америке в конце 2010-х годов составлял около 1,5 триллионов долларов.

В США давно уже пришли в негодность и другие важные социальные лифты. Один из них – культ упорного труда и опоры на собственные силы, благо-

[10] Квир-теория – широко распространившееся на Западе в целом учение, согласно которому половая принадлежность человека является результатом его собственного выбора, а не обусловлена биологически. «Квир» (Queer) – собирательное название личностей, которые отрицают присущий им от рождения пол, изобретая вместо него «свою собственную» сексуальную ориентацию. Изначально слово несло негативный смысл (кривой, странный, извращенный, фальшивый).

даря которым выбились в люди многие видные американцы прошлого. Сегодня в «Стране возможностей» пресловутые *self-made men* – это даже не исключение из правил, а в большей степени плоды закулисных усилий большого бизнеса или государственных структур, «выращивающих» под свои нужды тех или иных «самородков», будь то молодые политики, изобретатели или бизнесмены. О роли спецслужб и корпораций в становлении бизнес-империй Б. Гейтса, С. Джобса и М. Цукерберга самими американскими журналистами написано множество материалов, доступных широкому читателю[11]. Между тем простые граждане все больше ощущают свою оторванность от участия в жизни государства и экономики. Это поднимает вопрос о том, кто же является истинным бенифициаром «демократии по-американски», который будет рассмотрен в разделе «Власть для народа?».

Таким образом, сегодня бразды правления в США держат отнюдь не выходцы из народа. Более того, пропасть между правящей элитой и населением в Америке сегодня велика как никогда. Все это уже привело к беспрецедентному в американской истории падению доверия к власти. После разрушительного финансового кризиса 2008 года, который был вызван безответственностью и алчностью американских финансовых корпораций, спасавшихся затем за счет налогоплательщиков (при том, что простые американцы повально разорялись), даже для скептиков стало очевидно, что обслуживание интересов народа стало для Вашингтона не более чем рекламным слоганом.

Завершая обсуждение первой части линкольновского тезиса об американской демократии как «власти народа», нельзя обойти стороной и тех, кто, будучи рожден в другой стране, стремится стать частью американского общества. Эмиграция – неотъемлемая составляющая истории и культуры США. Тот факт, что сама эта страна была построена переселенцами и на протяжении столетий принимала желающих жить на своей земле, давая им равные возможности, традиционно считается одним из самых сильных аргументов в пользу уникальности американской демократии. Историю США невозможно представить не только без англосаксов, но и немцев (некоторое время немецкий язык претендовал на роль второго государственного в стране), итальянцев, скандинавов, евреев, китайцев, индийцев, латиноамериканцев и представителей десятков других стран и народов. Нет числа историям о нищих эмигрантах, которые приплывали в страну с узелком и парой долларов в кармане, впоследствии добиваясь невероятного успеха на новой родине.

Однако огромное количество мигрантов, которые вносят свой вклад в развитие и процветание Америки, не просто лишено каких-либо прав и жизненных перспектив, но и регулярно сталкиваются с откровенно дискриминационным порядком предоставления гражданства или статуса беженца. Правозащитники призывают власти пересмотреть внутренние нормативные

[11] Гринвальд: спецслужбы, пресса и ИТ-гиганты сообща подрывают свободу слова в США. Fox News. 2020

акты, называя их нарушающими международные стандарты в области защиты прав человека.

К примеру, введенная в действие в США программа «Оставайтесь в Мексике» неоднократно оспаривалась в американских судах как противоречащая принципам гуманности. Несмотря на то, что одна из федеральных инстанций вынесла решение о незаконности таких мер, Верховный суд США впоследствии отклонил это определение.

Сложный бюрократический механизм, предполагающий участие не только федерального правительства, но и властей штатов и городов, которые зачастую руководствуются своими правилами и интересами, приводит к тому, что жизни мигрантов оказываются в руках отдельных людей, власть которых почти ничем не ограничена. Многие из тех, кто пытается перебраться в Америку в поисках лучшей жизни, становятся жертвами преступлений, включая сексуальную эксплуатацию и торговлю людьми. Соискатели убежища сталкиваются с отказами в рассмотрении их заявлений, и даже необоснованными выдворениями в страны, где им грозит опасность или смерть.

Случаи превышения полномочий в центрах временного содержания мигрантов достигают таких масштабов, что американская пресса буквально пестрит ими. Условия содержания в депортационных центрах в США стали темой постоянных исков и обращений многочисленных общественных организаций к руководству федеральной миграционной службы и ее подразделений в отдельных штатах. За помощью к общественным организациям, таким как «Американцы за правосудие в отношении мигрантов», «Свобода для иммигрантов», «Объединение в защиту иммигрантов» и многих других, обращаются сами мигранты с жалобами о побоях, антисанитарных условиях, неоказании медицинской помощи, жестокости со стороны управляющих центрами временного содержания. При этом тех, кто обращается за помощью, нередко депортируют по решению этих же центров временного содержания.

Иски о закрытии того или иного центра могут тянуться месяцами и ни к чему не приводить. Например, иски в отношении центра, размещенного в городе Мэкклени (Флорида), подробности о чудовищных условиях содержания в котором попали в СМИ после многочисленных жалоб со стороны общественных организаций, подаются больше десяти лет, однако в 2022 г. по итогам очередной инспекции это учреждение получило положительную оценку и продолжило свою работу.

Бесчеловечное отношение к мигрантам в современных США – еще один важный показатель проблем американской «демократии». До тех пор, пока эти люди не смогут пользоваться политическими правами, продолжая оставаться всего лишь источником дешевой рабочей силы, как в свое время чернокожие на хлопковых плантациях, Америка не сможет считаться демократическим государством.

Д. Трамп на Всемирном экономическом форуме в Давосе.

Улица K-street – место концентрации ведущих лоббистских компаний США.

Лобби отеля Wiilard в Вашингтоне – именно ему лоббисты, первые из которых собирались там во времена У. Гранта, обязаны названием своей индустрии.

Лоббисты и сотрудники Конгресса постоянно контактируют между собой, образуя основу «глубинного государства».

Гербы университетов «Лиги Плюща».

Члены тайного общества «Череп и кости»
в Йельском университете.

Переполненный центр для содержания мигрантов в США.

Стена на границе с Мексикой.

Глава 25

Власть волей народа?

Вторая составляющая выдвинутой Линкольном «формулы американской демократии» относится к народному волеизъявлению. Идея народовластия – одна из самых любимых и лелеемых американцами. Исполненное пафоса изложение принципов народовластия содержится почти во всех американских конституционных документах. Высшим воплощением народовластия считается механизм выборов, который, по замыслу отцов-основателей, позволяет своевременно и эффективно менять тех, кто обнаруживает желание стать угнетателем американского народа, на тех, кто демонстрирует явную склонность к защите его безопасности и благосостояния. Официальные идеологи в США обычно утверждают, что вся электоральная система «Страны Свободы» являет собой образец демократического механизма.

Однако на деле ни один из аспектов государственного устройства современных США не отличается такой архаичностью, как избирательная система. Она была разработана еще в конце XVIII века, когда США представляли собой небольшое по размерам и численности населения государство, в котором лишь малая часть граждан имела избирательные права. Впрочем, даже в те времена давало знать о себе несовершенство системы – к примеру, для избрания в 1800 г. Т. Джефферсона потребовалось тридцать шесть туров голосования. Устройство электоральных механизмов в Америке и по сей день во многом отражает реалии той эпохи, воспроизводя не только их дух, но и букву, что зачастую приводит к абсурдным результатам, перечеркивающим претензии на демократичность. Все это порождает функциональную ограниченность американской демократии.

Согласно Конституции США, волеизъявление американского народа происходит следующим образом. Палата представителей избирается непосредственно населением на два года, Сенат – легислатурами (законодательными собраниями) штатов на шесть лет, президент – коллегией выборщиков на четыре года, выборщики выбираются гражданами в штатах, а Верховный суд и суды низших инстанций – совместно президентом и Сенатом пожизненно.

Какие же препятствия встают на пути «власти волей народа» при такой системе? Что затрудняет американцам выражение их воли?

Прежде всего, в США существует сложная система формальных и неформальных ограничений на участие граждан в избирательном процессе. Сужение избирательных возможностей отдельных групп граждан стало одним из инструментов борьбы между политическими партиями. На протяжении большей части своего исторического пути Америка мирилась с ситуацией, глубоко парадоксальной для считающего себя демократическим общества: гражданин

мог платить налоги, служить на государственной службе и проливать кровь за страну на полях сражений, однако при этом не имел права избирать тех, кто устанавливал налоги или принимал решение об использовании вооруженных сил. И это при том, что еще в XVIII веке американское государство зарождалось и воевало за свою независимость под знаменитым лозунгом «Нет налогов без представительства».

Снятие этих ограничений, во многом не законченное до сих пор, растянулось более чем на столетие. Характерен пример с преодолением расовой дискриминации. XV поправка к Конституции, которая запретила отказывать в предоставлении избирательных прав на основании расовой принадлежности или факта пребывания в рабстве, была ратифицирована лишь в 1870 году, то есть через пятнадцать лет после окончания Гражданской войны. Столкнувшись с этой поправкой, сторонники расовой сегрегации сделали вместо этого акцент на грамотности, которая стала популярным условием для участия в выборах, что сильно ограничивало права чернокожих. Потребовалось еще почти сто лет для того, чтобы это ограничение было признано неконституционным (соответствующее решение Верховный суд вынес лишь в 1966 году[1]).

Запоздавшими вехами на пути ликвидации других ограничений в наделении избирательным правом стал допуск к участию в голосовании женщин (XIX поправка, 1920 г.), запрет на ограничение в избирательных правах в связи с неуплатой налогов (XXIV поправка, 1964 г.), снижение возрастного ценза избирателей с 21 года до 18 лет (XXVI поправка, 1971 г.). Последний пример особенно показателен, ведь к тому времени во Вьетнаме уже несколько лет сражались и погибали тысячи американских граждан, которых их государство признавало недостаточно взрослыми для участия в выборах (низкий возрастной барьер для мобилизации был установлен в 1942 г., когда США готовились вступать во Вторую мировую войну и был сохранен впоследствии).

Современное американское электоральное законодательство сосредоточивается преимущественно на защите вышеуказанных избирательных прав граждан. С формальной точки зрения нормативная система выглядит солидно. Сегодня закон запрещает увязывать право американского гражданина голосовать с его расовой, этнической или языковой принадлежностью, принуждать потенциального избирателя доказывать свою грамотность, уровень образования или даже нравственные качества (такое тоже имело место в прошлом). Избирательные налоги, неуплата которых долгое время была одним из самых популярных оснований для дискриминации малообеспеченных слоев населения (прежде всего этнических меньшинств), сегодня также признаны не имеющими отношения к избирательным правам граждан. Закон подчеркивает недопустимость введения цензов оседлости, а также обращает особое внимание на предоставление равных возможностей для голосования пожилым и инвалидам.

[1] Миранда против Аризоны 384 U.S. 436 (1966).

Казалось бы, такой исчерпывающий перечень должен дать американцам практически абсолютную свободу выражать свою волю в ходе выборов. Однако действительность состоит в том, что верховенство закона здесь работает очень слабо. Даже сегодня, когда наиболее одиозные формы дискриминации, по идее, остались в далеком прошлом, многие американцы лишены права избирать. С точки зрения закона, участвовать в голосовании может любой дееспособный гражданин США, достигший восемнадцати лет, зарегистрированный в качестве избирателя, а также не отбывающий срок (или находящийся на условно-досрочном освобождении) за тяжкие преступления или уличенный в подкупе избирателей. Однако при этом количество зарегистрированных избирателей в США значительно меньше количества граждан, удовлетворяющих этим требованиям. По разным оценкам, каждый четвертый или пятый американец в силу различных причин лишен возможности участвовать в голосовании.

Еще в 2012 г. были обнародованы подсчеты, согласно которым более 51 миллиона американцев из числа наделенных правом голоса не были зарегистрированы в качестве избирателей. На выборах 2016 года не смогли проголосовать 2,2 миллиона афроамериканцев, которые в то время отбывали тюремное заключение. Практически не голосуют граждане, не имеющие постоянного жилья, например, сотни тысяч обитателей трейлерных парков, которых может попросту «не существовать» на бумаге.

Способы ограничить доступ «нежелательных» граждан к голосованию многообразны и сосредоточены в руках властей штатов. Распространен, например, пристрастный учет судимости отдельных этнических или социальных групп, в то время как судимость «нужных» граждан власти предпочитают не замечать. В отдельных штатах (исключительно республиканских) единственным документом, по которому можно проголосовать, остается паспорт, который есть далеко не у всех малоимущих слоев населения, в том числе у афроамериканцев. Нередко голоса избирателей аннулируются из-за «ошибок» и «сбоев» при их регистрации. Зачастую после выборов в том или ином штате внезапно обнаруживаются кипы неучтенных бюллетеней. Подобные «ошибки» (умышленные или неумышленные – оставим это за скобками) являются для американских выборов обычным делом.

Комбинированное применение разнообразных практик, маскируемых под «традиционный характер» избирательного законодательства и технические сбои, наблюдается в ходе каждой из американских избирательных кампаний. Последние по времени промежуточные выборы в Конгресс 2022 года, на которых переизбирался весь состав Палаты представителей и треть Сената, дали тому множество примеров.

По некоторым оценкам, в ходе этой кампании лишенными возможности реализовать свое избирательное право оказались около 8,6 миллиона американцев. Был зафиксирован непропорционально высокий процент граждан,

проголосовавших досрочно (около 26% от числа всех зарегистрированных избирателей, то есть около 40 миллионов человек). Помимо них, еще 22 миллиона проголосовало по почте. Таким образом, порядка трети от общего числа проголосовавших сделали свой выбор еще до самих выборов, что значительно увеличивает риски, связанные с непредвзятым и своевременным учетом их волеизъявления.

Отдельного внимания заслуживает проблема с устройствами для подсчета голосов. Так, в ходе выборов 2022 г. в округе Марикопа (Аризона), где проживает более 60% избирателей штата, в четверти из 223 избирательных участков аппараты не смогли прочитать некоторые бюллетени. Пока технические специалисты искали решение, избирателям предлагалось подождать, отправиться в другое место для голосования или оставить свои бюллетени в ячейке, чтобы их можно было подсчитать позже. При этом, согласно оценкам американских источников, неисправности машин и длинные очереди из избирателей фиксировались в основном на участках в районах с преобладанием республиканцев.

В Детройте некоторые из пришедших на участки избиратели обнаружили, что им уже выдали открепительные удостоверения. Фактически это означает, что они уже отдали свой голос. Официальные лица назвали это «безобидной ошибкой данных», связанной с тем, что некоторым участковым избирателям были присвоены номера, идентичные тем, которые использовались для бюллетеней, рассылаемых отсутствующим избирателям. Однако ряд экспертов считает, что проблемы на избирательных участках были способны навредить республиканцам, электорат которых обычно предпочитает голосовать лично из-за недоверия к бюллетеням, доставляемым по почте.

Что касается процедур международного наблюдения за ходом голосования, то 17 из 50 штатов ввели запрет на присутствие зарубежных наблюдателей на выборах, а сама миссия насчитывала не более 62 человек при изначально запланированных 500, что объективно недостаточно для контроля за такой огромной страной, как США. При этом выводы миссии Бюро по демократическим институтам и правам человека (БДИПЧ) ОБСЕ о том, что выборы «в полной мере соответствовали принципам демократии», были сделаны вопреки зафиксированным в ее отчете многочисленным фактам несовершенства профильного законодательства, непрозрачности финансирования кампании и самого избирательного процесса, снижения репрезентативности национальных меньшинств, неэффективности рассмотрения электоральных споров и ряда других нарушений[2]. Показательно, что в документе не был отмечен факт победы на выборах двух кандидатов от Демократической партии – Тони де Луки и Барбары Купер, успеху которых не помешала даже собственная смерть в ходе избирательной кампании.

[2] United States Mid-Term Elections Competitive, but Polarized and With Efforts to Undermine Trust, International Observers Say. OSCE. 2022.

В ходе кампании 2022 года в очередной раз в центре внимания оказалась тема влияния, которое на электоральные процессы могут оказывать власти штатов, стремящиеся помочь стоящим за ними партиям. Речь идет прежде всего о непропорциональном формировании избирательных округов с целью обеспечить в каждом из них преобладание сторонников демократов или республиканцев. Такая практика уходит своими корнями в XIX столетие, когда возник термин «джерримендеринг» *(Gerrymandering).* Американские журналисты придумали его в 1812 году для обозначения практики, введенной губернатором Массачусетса Э. Джерри, который произвольно «нарезал» избирательные округа, чтобы помочь однопартийцам избраться в Сенат. Газетные художники, трудившиеся над карикатурами, вскоре подметили схожесть очертаний округов с саламандрой, после чего губернатор получил прозвище «Джерримандра». В результате формировались настолько непропорциональные округа, что о равенстве не могло идти и речи. Ситуация усугублялась тем, что набиравшая обороты внутренняя миграция и урбанизация Америки еще больше усиливала дисбаланс. В XX столетии это явление приобрело абсурдные формы. Так, один сенатор мог представлять пять-шесть миллионов избирателей, а другой – десять-двадцать тысяч. Разумеется, подобная система служила прекрасным инструментом для проникновения в большую политику разнообразных авантюристов, мошенников и лоббистов[3].

Кстати говоря, американская история знает совершенно невероятные для нормального демократического государства эпизоды, когда ставленники региональных «боссов» не просто получали политические должности в столице, но даже добирались до высших государственных постов. Хрестоматийный пример – биография президента Трумэна, который до пятидесяти лет занимал небольшие административно-судебные должности в штате Миссури, где обслуживал интересы Т. Пендергаста – местного «политического деятеля», напоминавшего скорее лидера организованной преступной группировки (он и в самом деле имел связи с мафией и на пике своей карьеры даже отсидел 15 месяцев в тюрьме). Стремясь заполучить «своего человека» в Вашингтоне, Пендергаст продвинул доказавшего свою управляемость Трумэна в Сенат США в 1934 году и успел увидеть своего протеже в кресле вице-президента страны (1944 год), не дожив всего несколько месяцев до его вступления на пост главы государства в апреле 1945 года.

Официально считается, что «джерримендеринг» был ликвидирован Верховным судом в 1964 году по итогам известного дела «Бейкер против Карра», которое стало одним из наиболее масштабных изменений в избирательном законодательстве США, предпринятых в послевоенное время. В рамках вердикта суд постановил формировать равные избирательные округа (этот процесс называется редистриктинг), основываясь на данных последней переписи населения. Впрочем, вопреки распространенному мнению, решение не поста-

[3] Избирательные округа в США. ИМЭМО РАН. 2020.

вило точку на этой порочной практике. Внутренние перемещения значительных групп населения в наши дни не только не прекратились, но и стали еще более простыми благодаря различным нововведениям, начиная от более гибкой ипотеки и заканчивая работой в удаленном доступе. Учитывая то, что перепись населения в США проводится один раз в десять лет, становится понятным, что найдется мало штатов, власти которых не поддались искушению оказать своим партиям помощь посредством умелого изменения границ избирательных округов. Особенно эта практика распространена в штатах, которые дают наибольшее число мест в Конгрессе и вместе с тем отличаются обширной и неравномерно заселенной территорией. Яркими примерами являются Калифорния и Техас, которые в наши дни остаются основными поставщикам политических авантюристов и лоббистов в американский парламент.

Несмотря на то, что время от времени суды штатов проводят разбирательства по тому или иному случаю «джерримендеринга», сами судьи часто защищают подобную практику. Это связано с тем, что служители Фемиды в большинстве своем связаны с той или иной партией, хотя формально им запрещено состоять в политических организациях. Все эти обстоятельства приводят к целому ряду явлений, которые просто немыслимы в нормальном демократическом государстве.

Таким образом, старинная практика «джерримендеринга» в более утонченных формах по-прежнему процветает в «Стране свободы», оставаясь одной из наиболее серьезных проблем американской электоральной системы. В зависимости от того, удается ли республиканцам или демократам прийти к власти в том или ином штате, производится беззастенчивое перекраивание географии избирательных округов с тем, чтобы обеспечить как можно более уверенные позиции своей партии. Инструменты этого многообразны. К примеру, республиканцы могут «разрезать» территорию неблагополучного афроамериканского квартала, жители которого традиционно поддерживают демократов, и присоединить получившиеся части к более благополучным районам, «растворив» тем самым голоса, отдаваемые в пользу оппонентов.

Одной из важных причин, по которой вердикт 1964 года не смог поставить точку на длинной истории «джерримендеринга», является то, что четких юридических критериев для определения данной практики не разработано до сих пор. В 2004 году Верховный суд США вообще признал, что так и не смог найти способа обосновать неконституционность такой практики, чем де-факто вновь легализовал ее. В 2019 году суд и вовсе заявил, что это вопрос политический, а не юридический, а потому не входит в компетенцию судебной власти[4]. На фоне запредельной политизированности современной судебной власти в США (см. далее) это звучит как минимум странно.

[4] Supreme Court Rules Partisan Gerrymandering Is Beyond The Reach Of Federal Courts. NPR. 2019

Согласно осторожным оценкам, высказанным политологом М. Макдональдом, на начало XXI века лишь в шести штатах география избирательных округов была политически нейтральна, тогда как в двадцати семи она предоставляла явные преимущества одной из партий. В остальных штатах она изменялась в зависимости от того, кто оказывался у власти. На текущий момент в 35 американских штатах за изменение границ округов отвечает местный парламент, где партия большинства может проигнорировать интересы меньшинства.

Сегодня пристрастной нарезкой избирательных округов активно занимаются обе политические партии. Более того, в каждой из них существует особая организация, которая отвечает за координацию редистриктинга, то есть, по сути, именно за «джеррмендеринг». В 2002 году был создан Республиканский комитет регионального лидерства *(Republican State Leadership Committee)*, запустивший Проект редистриктинга большинства *(REDistricting MAjority Project, REDMAP)*. Одной из его задач был сбор средств на продвижение политиков-республиканцев в законодательные собрания (легислатуры) штатов, которые должны были потерять (приобрести) место в Палате представителей после переписи 2010 г. В 2017 г. был образован Национальный республиканский фонд редистриктинга *(The National Republican Redistricting Trust)*, финансирующий и поддерживающий местные группы давления. Существует также «мозговой центр» под названием «Американский проект по редистриктингу» *(The American Redistricting Project)*. Этим структурам Демократическая партия противопоставила учрежденный в 2016 г. Национальный демократический комитет по перераспределению округов *(The National Democratic Redistricting Committee)* во главе с бывшим генеральным прокурором администрации Б. Обамы Э. Холдером. Демократический комитет законодательных кампаний *(Democratic Legislative Campaign Committee)* также оказывает поддержку членам партии в избрании в региональные парламенты. В итоге, если взглянуть на карту избирательных округов в нынешней Америке, то и на ней легко можно найти несуразных «монстров», напоминающих массачусетскую «саламандру» из XIX столетия.

Описанная выше практика – лишь один из наиболее одиозных примеров политических махинаций, которые подтачивают американскую демократию, и без того уже пребывающую в плачевном состоянии. Итогом всего этого является глубокое разочарование миллионов простых американцев и утрата ими веры в то, что их голос что-то решает. Современный политический теоретик У. Беркхэм в своей работе с характерным названием «Демократия в опасности: проблема уклонения в Америке и путь к плутократии» пишет о постепенной «демобилизации избирателя», при которой все большее число членов социальных групп, являвшихся раньше наиболее политически активной частью населения, устраняются от участия в избирательном процессе «за ненадобностью».

В современной Америке с каждыми последующими выборами все больше набирает силу феномен политического абсентеизма – уклонения от участия в избирательном процессе согласно логике «мой голос все равно ничего не решит». Один из влиятельных американских теоретиков отмечает: «На сегодняшний день в Соединенных Штатах… степень недоверия растет. Ирония состоит в том, что для богатых людей, ищущих механизмы манипулирования политической системой, подобные процессы только на руку… Поэтому, если политическая система постоянно действует в интересах верхушки, именно она составляет реальную (диспропорционально огромную) политическую силу, а система привыкла работать на тех, чьи голоса слышны громче всех… Для богатых траты на формирование политической ситуации не являются вопросом общественной добродетели: по сути, это инвестиции, от которых они требуют (и получают) дивиденды. Вполне естественно, что они формируют политический процесс в своих интересах. Это, в свою очередь, усиливает разочарование, проникающее в остальную часть электората, и делает деньги главной движущей силой».

Пожалуй, классическим примером того, насколько «эффективно» могут работать институты американской «демократии», являются президентские выборы, победитель которых получал значительно меньше голосов, чем проигравший (Дж. Адамс в 1824 г., Р. Хейс в 1876, Б. Гаррисон в 1888, Дж. Буш-мл. в 2000, Д. Трамп в 2016). Такие случаи проходят не по причине ошибок или злого умысла[5], а в силу самой природы американской избирательной системы. Например, даже самому маленькому штату в Америке полагается минимум три выборщика (напомним, что именно выборщики выбирают президента). У этой системы, изначально направленной на защиту права на представительство населения малых штатов со временем проявилась и обратная сторона. Так, на президентских выборах 2024 и 2028 гг. Аляску с населением около 730 тыс. человек будет представлять 3 выборщика, то есть 1 выборщик на 243 тысячи граждан. В то же время 29-миллионому Техасу положено 40 выборщиков, что равносильно 1 делегату приблизительно на 725 тыс. жителей. Штат Вашингтон с 7,7 млн населения получит 12 выборщиков – одного на 640 тыс. человек, тогда как небольшой штат Вермонт (около 620 тыс. жителей) сможет отправить 1 выборщика на 208 тыс. человек.

Другим следствием, вытекающим из устройства избирательной системы в США, является то, что в текущих условиях радикальной поляризации партий исход выборов президента зависит от небольшого числа штатов, известных как «колеблющиеся» *(swing states)*, что дает некоторым журналистам поводы шутить о «Соединенных Колеблющихся Штатах Америки» *(United Swing States*

[5] Стоит заметить, что ни Конституция США, ни какой-либо другой закон не предписывает для выборщика никаких обязанностей по голосованию. Время от времени выборщики действительно голосуют не за того кандидата, который поддержало большинство жителей их штата. Впрочем, это относится скорее к разряду курьезов и почти не влияет на исход голосования.

of America). Среди них – Флорида, Северная Каролина, Вирджиния, Нью-Хэмпшир, Огайо, Висконсин, Айова, Колорадо, Нью-Мексико, Невада. В других штатах, зарекомендовавших себя идейными сторонниками только одной из партий, исход голосования ясен заранее и находящаяся в заведомо проигрышном положении партия почти не тратится на проведение там кампании, сосредотачивая усилия в других местах.

Несовершенство избирательного механизма в США, открывающее широкие возможности для прямого подрыва демократии, конечно, давно и хорошо известно всем американцам. Не одно поколение американских политиков, ученых и общественных активистов ведет борьбу за изменение электоральной системы в сторону большей прозрачности, сбалансированности и демократичности. Последней серьезной попыткой можно считать инициативу сенатора Б. Бэйха, внесшего в 1979 г. проект соответствующей поправки к американской конституции. Бэйху удалось добиться немалого успеха (его инициативу поддержал сам президент Дж. Картер), однако Сенат быстро похоронил это начинание[6]. При этом Вашингтон зорко следит за процедурой проведения выборов по всему миру, не стесняясь по своему усмотрению требовать от национальных властей пересмотра результатов легитимных референдумов и вместе с тем признавая итоги откровенно «грязных» голосований.

Поэтому не должно вызывать удивления то, что каждые последующие выборы в современных Соединенных Штатах порождают новую волну протестов и оживленных дискуссий относительно демократичности американской избирательной системы. Многие аналитики, разбирая особенности предвыборной борьбы, во всеуслышание заявляют, что в США избирательный процесс превратился из выбора лучшего в выбор «наименьшего зла». Подчеркивается, что сам процесс выдвижения кандидатов на пост президента сводится к закулисным интригам, замаскированным популистскими акциями, вследствие чего народ в принципе устраняется от избирательного процесса. Вместо широких масс граждан выборы теперь привлекают к себе маргинализированную часть электората, легко поддающуюся дешевым лозунгам и обещаниям. Зачастую эти избиратели настолько неграмотны в политическом отношении (а часто – неграмотны в самом деле), что не в состоянии понять, что предлагает тот или иной кандидат.

Кстати говоря, это во многом является следствием упомянутой нами ранее деградации образования: далеко не каждый американский избиратель в состоянии разобраться в тонкостях предвыборных программ. Хотя программы выдвиженцев от двух ведущих политических партий США меняются от выборов к выборам, в сознании американцев образ республиканца или демократа прочно ассоциируется с набором определенных идей, лозунгов, понятий и концепций, которые в большинстве своем и определяют политические предпочтения граждан Соединенных Штатов. Нужно заметить, что идеологиче-

[6] H.R.5010 - Federal Election Campaign Act Amendments of 1979 96th Congress

ский ореол каждой партии рассчитан на эмоциональное восприятие избирателя, который ориентируется на броские лозунги вроде «снизим налоги» или «изгоним нелегальных иммигрантов». Большинство рядовых американцев, которых опрашивают журналисты в ходе предвыборных кампаний, имеют довольно отдаленное представление о том, что именно пропагандирует понравившийся им кандидат, а нередко представления избирателей о планах того или иного кандидата и вовсе диаметрально противоположны его программе. Многие американцы вообще голосуют лишь исходя из своих упрощенных представлений о том, что «обычно поддерживают» республиканцы или демократы. Впрочем, зачастую и сами кандидаты в президенты слабо ориентируются в собственных программах. Перед каждыми выборами десятки американских ученых, в том числе нобелевских лауреатов, в своих статьях и блогах разоблачают запутанные, а порой и откровенно ошибочные и некомпетентные суждения претендентов на высший государственный пост.

Впрочем, сам процесс отбора и выдвижения кандидатов в президенты в США, а также методики проведения президентских кампаний имеют мало общего с демократическими процедурами. По сути, американская политическая система уже давно превратилась в поле борьбы между все теми же кланами и корпорациями за право посадить в Белый дом «своего» президента. Специфический облик американской партийной системы позволяет сделать вывод о том, что основные партии страны (демократическая и республиканская) сами по себе давно превратились в корпорации, основная функция которых – продвигать «нужных» людей на ключевые государственные посты.

Интересно отметить, что основоположники американского государства весьма негативно отзывались о роли партий жизни государства, считая, что они вносят склонность к расколу в обществе и имеют тенденции ставить частные интересы над интересами общества. Американский политолог Р. Хофстедер отмечает: «Отцы-основатели стремились создать не систему партийного правления согласно конституции, а скорее конституционное правление, которое будет сдерживать и контролировать партии». Возможно, именно поэтому в конституции США о партиях не содержится никаких упоминаний.

Основы американской партийной системы начали формироваться уже в конце XVIII века, причем при деятельном участии самих отцов-основателей. На протяжении XIX столетия менялись названия и идеологическая ориентация партий. В начале века это были федералисты и демократы-республиканцы, к началу 1820-х годов их сменили виги и демократы, и лишь после окончания Гражданской войны основными игроками на политической сцене стала Демократическая и Республиканская партии, ведущие свою историю соответственно с 1828 и 1854 годов. Именно эти две политические силы вот уже более полутора столетий остаются основными полюсами жизни американского государства, определяя расклад сил на политической арене, включая состав Палаты представителей и Сената, кандидатуру президента, членов правитель-

ства, судей, губернаторов и многих других должностных лиц как на федеральном уровне, так и на уровне штатов.

Сказанное, разумеется, не означает, что помимо демократов и республиканцев в Соединенных Штатах не существует других партий. Американская история знает немало других политических сил, которые пытались занять значимое место в общественной жизни США, начиная от существовавших в XIX столетии партий фрисойлеров и гринбеккеров, которые, как явствует из названия, выступали за развитие класса свободных земледельцев и политику бумажного доллара, и заканчивая современными партиями реформистов, прогрессистов, зеленых и даже существующей с 1959 года нацистской партией. Тем не менее до сих пор еще ни одному кандидату от альтернативной партии не удавалось занять президентское кресло, хотя временами они демонстрировали хорошие результаты. К примеру, Дж. Уоллес, бывший демократ (именно его в 1944 году на посту вице-президента сменил Трумэн), переквалифицировавшийся в правого радикала, на выборах в 1963 году во главе Американской независимой партии набрал впечатляющие 13,53% голосов. Наиболее выдающимся достижением третьих сил в президентской гонке был результат, показанный Р. Перро – видной фигурой на американском политическом небосклоне конца XX столетия. В 1992 году ему удалось набрать рекордные 18,91% голосов. Секрет такого успеха заключается, в первую очередь, в популизме Перро, который обещал вернуть американцам право участия в реальной политике и уничтожить неповоротливый бюрократический аппарат. Благодаря этому ему удалось привлечь множество сторонников как из левого, так и из правого лагеря. Кроме того, сыграл свою роль и финансовый фактор, которым миллиардер Перро мог пользоваться вполне эффективно. В определенном отношении этот политик напоминает Д. Трампа – тому тоже присущ популизм, который приходится по вкусу многим колеблющимся представителям либерального и консервативного электората (Трамп к тому же в свое время пару лет состоял в основанной Перро Реформистской партии). Однако между политиками существует огромное различие: Трамп, в отличие от Перро, смог войти в политический истеблишмент, стать полноценной фигурой предвыборной гонки и, наконец, одержать в ней победу.

В целом, рост популярности третьих партий наблюдается в переломные моменты американской истории. Он свидетельствует о том, что ни республиканцам, ни демократам нечего предложить значительному числу избирателей. Тот же Перро добился столь выдающихся результатов на излете холодной войны, когда стало очевидно, что демократы потерпели фиаско во внешней политике, а республиканцы оказались неспособны предложить долгосрочную модель внутреннего развития. Не стоит забывать и уроки истории, к примеру, сегодняшняя Республиканская партия была образована в 1850-х годах в качестве третьей силы в американской политике, со временем вытеснив оттуда партию вигов.

Тем не менее ни одной из альтернативных партий в новейшей истории США так и не удалось стать полноценной политической силой, способной составить уверенную конкуренцию демократам или республиканцам. Это связано прежде всего с той огромной финансовой базой, которой располагают две основные партии США. Важно понимать, что они непохожи на партии в традиционном смысле слова – относительно немногочисленные профессиональные объединения единомышленников, которые борются за власть, пытаясь привлечь голоса избирателей. Столь же непохожи они и на массовые, обладающие политической монополией и зачастую подменяющие собой государственную власть партии в авторитарных государствах. Демократическая и Республиканская партии представляют собой достаточно неоднородные структуры, больше напоминающие конфедерации местных партийных организаций, существующих на уровне штатов. Взаимодействие в рамках этих структур подчинено единственной главной цели – участию в выборах, которое и составляет ключевой смысл их существования.

Таким образом, американские партии не имеют формального членства. Вместо этого партии регистрируют своих сторонников, то есть лиц, выражающих симпатии их программе, которая формируется исключительно в преддверие выборов. Что касается органов управления, то в каждой партии есть свой национальный комитет, комитеты на уровне штатов, а также целый ряд профильных комиссий и комитетов (например, ассоциация губернаторов-демократов или комитет молодых демократов), однако их роль в периоды между выборами более чем скромна. Формальные лидеры партий являются также в большей степени администраторами, чем серьезными политиками. Имена председательствующего с 2021 года в национальном комитете демократов Дж. Харрисона или его коллеги из числа республиканцев Р. Макдэниэла мало что говорят рядовому американцу. Настоящим лицом партии является выдвигаемый ей кандидат в президенты. Соответственно, ключевым событием партийной жизни является национальный конвент – съезд наиболее влиятельных сторонников партии, на котором определяется кандидат на высший пост и утверждается его программа.

Еще в начале XIX столетия в Конгрессе собирались избранные представители тех или иных групп интересов, которые в кулуарном формате выбирали своего представителя. Такие собрания получили название кокусов, что можно наиболее адекватно перевести как «сходка» (этимология слова восходит к алгонкинскому *cawaassough* – советник, оратор). Со временем эти элитарные сходки были заменены общенациональными конвентами, которые после Первой мировой войны дополнили праймериз – предварительные выборы, изобретенные Популистской партией еще в конце XIX века. Впрочем, это не значит, что кокусы остались в прошлом, напротив, они существуют сегодня, по-прежнему являясь одним из главных элементов партийной жизни (не только связанной с выборами).

Делегаты, которые будут участвовать в национальном конвенте, избираются на партийных праймериз, которые сами по себе многообразны. К примеру, демократы используют почти исключительно пропорциональные праймериз, при которых количество делегатов, отправляемых на национальный конвент, пропорционально числу голосов, отданных за кандидата в президенты. Республиканцы же отдают предпочтение более традиционной модели, которая строится по той же схеме, что и президентские выборы: победитель на праймериз автоматически получает все голоса. Кроме того, к избранным делегатам, которые рассматриваются как обязанные голосовать за соответствующего кандидата, присоединяются «суперкандидаты», т. е. видные представители партии – сенаторы, конгрессмены, губернаторы, бизнесмены, – которые таким обязательством не связаны. Помимо названных форм различаются закрытые и открытые праймериз, в которых принимают участие соответственно только зарегистрированные сторонники партии или все граждане штата.

Таким образом, партийные праймериз являются еще более запутанной и непрозрачной процедурой, чем общенациональные выборы, которая к тому же осложняется множеством дополнительных правил, вводимых каждой из партий и регулярно обновляемых и изменяемых. К примеру, распределение голосов от каждого штата может корректироваться сообразно их количеству выборщиков, кроме того, вводятся правила, касающиеся представительства женщин, за недавнее избрание в штате сенатора или конгрессмена от своей партии начисляются дополнительные голоса, тогда как за нарушения при проведении праймериз голоса могут сниматься. Конечно, в этих условиях разнообразные манипуляции становятся обыденной реальностью, что во многом обесценивает саму роль праймериз в глазах рядовых избирателей, которые зачастую скептически оценивают роль своего голоса в их исходе.

Еще больше возможности фальсифицировать результаты имеются у партийных лидеров на кокусах, которые наряду с праймериз также проводятся в современной Америке, и по-прежнему носят во многом кулуарный характер. Кокусы могут проводиться в открытой и закрытой формах. Несмотря на то, что сегодня практика проведения праймериз по своей популярности опережает кокусы, последние продолжают играть существенную роль в предвыборных кампаниях, особенно когда речь идет о малонаселенных штатах.

Пожалуй, наиболее ярко недемократическая природа президентских кампаний проявляется в практиках их финансирования. На позиции казначея в американских партиях всегда назначаются наиболее высокопоставленные представители истеблишмента, обладающие достаточными связями и возможностями для того, чтобы контролирующие органы закрыли глаза на серьезные нарушения в вопросах финансирования, которые неизбежно возникают в процессе выборов.

Законы, регулирующие финансирование президентской избирательной кампании («О федеральных избирательных кампаниях»; «О фонде финанси-

рования президентских избирательных кампаний»; «О покрытии расходов на проведение президентских праймериз»), устанавливают, что сборы средств («взносы») и их расходование в ходе предвыборных кампаний в сумме, превышающей одну тысячу долларов в течение календарного года, должны осуществляться только через комитеты, образованные в рамках политических партий. Казалось бы, налицо жесткое правило, которое должно дать возможность отслеживать движение средств в партийной кассе. Однако в реальности оно допускает множество вполне легальных исключений, связанных с самим термином «взнос». В частности, любой доброжелатель той или иной партии вправе бесплатно предоставить ей услуги, позволить провести митинг в своем отеле, конгресс-центре или на стадионе, угостив при этом избирателей бесплатными хот-догами, пиццей и содовой, а также раздав флаги и футболки с символикой партии. Ни одна из этих статей не подпадает под понятие взноса[7].

Впрочем, даже в рамках собственно взносов, законодательные ограничения легко обойти. Те же законы устанавливают четкие и довольно скромные лимиты на передачу денежных сумм в пользу кандидата в зависимости от того или иного канала финансирования. Например, частное лицо не может пожертвовать национальному партийному комитету более 35 тысяч долларов в год. Однако это не мешает делать так называемые мягкие пожертвования *(soft money)*, которые не подпадают под нормативы. Наконец, в современной Америке все более активно применяется и практика тайных пожертвований. В 2018 г. Министерство финансов США заявило об отмене требования в отношении большинства некоммерческих организаций о разглашении информации об источниках пожертвований, что, как отмечают эксперты, отрицательно сказалось на прозрачности выборов.

Особенно щедро «мягкие деньги» направляются по линии крупнейшего бизнеса, готового жертвовать поистине гигантские суммы в пользу поддерживаемых ими политиков. Президентскую кампанию Байдена в 2020 году спонсировало более 130 олигархов, например, бывший мэр Нью-Йорка и медиамагнат М. Блумберг, вложивший более 56 млн долларов. Не меньшие суммы вращаются и на выборах в Конгресс США. Последняя по времени кампания 2022 года поставила в этом отношении рекорд – было собрано 9,3 миллиарда долларов пожертвований (что равносильно ВВП небольшого государства), самое масштабное из которых сделал Дж. Сорос, передавший демократам 128 млн долларов. Очевидно, что в данном случае перед нами классические примеры политических «инвестиций»[8].

Не менее непрозрачно осуществляются и расходы на проведение кампаний. Закон «О федеральных избирательных кампаниях» запрещает кандидатам тратить на акции, связанные с выдвижением своей кандидатуры от партии, сумму более 10 миллионов долларов или 16 центов в расчете на каждого

[7] Summary Campaign Finance Laws: An Overview. NCSL.

[8] Soros Pumped $128 Million Into Democratic Effort. WSJ. 2022.

избирателя того или иного штата, а также более 20 миллионов долларов в ходе собственно президентских выборов. Это смешные суммы по сравнению с тем, что в реальности тратится на избрание каждого последующего американского лидера. Указанные ограничения касаются лишь тех расходов, которые производят сами кандидаты или лица, уполномоченные партийными комитетами. На «доброжелателей», формально не связанных с кандидатами, эти ограничения не распространяются.

Наиболее популярной формой поддержки со стороны таких доброжелателей являются так называемые комитеты политического действия. Так называются организации сторонников той или иной партии, которые могут создаваться различными группами населения, и перечислять пожертвования в поддержку отдельных кандидатов и партий в целом. Комитеты политического действия, которые ведут свою историю еще с 1940-х годов, создавались как способ обойти запрет на прямую поддержку партий. Изначально наибольший интерес к ним проявляли профсоюзы, однако после принятия в 1974 году закона о финансировании выборов американские корпоративные круги быстро оценили открывшиеся возможности и также взяли на вооружение практику создания комитетов политического действия.

Сегодня доля корпоративных комитетов превышает 80%. Поскольку в законе 1974 года никак не ограничивается число комитетов, поддерживающих отдельно взятого кандидата, то во время каждой предвыборной кампании создаются сотни и тысячи подобных организаций, через которые партии и получают основную массу средств. Некоторые современные американские аналитики выдвигают предположение о том, что сегодня в США роль комитетов политического действия в предвыборной кампании значительно превосходит роль политических партий.

Тенденции проведения каждых последующих президентских выборов в Соединенных Штатах в наши дни все более явно свидетельствуют о том, что избирательная система становится инструментом в руках крупного капитала и корпоративной элиты. Несмотря на то, что законодательство о выборах обязывает американское казначейство создавать соответствующий фонд, средства которого будут распределяться между партиями и кандидатами, ограничения по размеру расходуемых средств и необходимость послевыборного аудита обесценивает роль фонда в глаза кандидатов. В этом смысле историческим стало решение Б. Обамы полностью отказаться от государственного финансирования своей предвыборной кампании в пользу средств, предоставляемых крупным бизнесом. В итоге вместо скромных 84 миллионов долларов, положенных Обаме из государственного фонда, он получил более 720 миллионов частных пожертвований. Тем не менее даже эти цифры отражают картину весьма неполно. Если принять во внимание многочисленные скрытые статьи расходов, подобные вышеупомянутым бесплатным услугам «сочувствующих», то общую сумму расходов в ходе президентской кампании в со-

временных США можно оценить в несколько миллиардов долларов. Эта сумма растет от выборов к выборам. Если избрание У. Клинтона в 1996 г. обошлось примерно в 116 млн долларов, то на проведение кампании Дж. Буша-младшего спустя 8 лет было затрачено уже 267 млн долларов. В 2016 году общая сумма расходов Х. Клинтон и Д. Трампа в ходе президентской гонки перевалила за 1,1 млрд долларов, а всего через 4 года только Дж. Байден вложил в предвыборные мероприятия 1,96 млрд долларов. Затраты Д. Трампа в 2020 году несколько скромнее – «всего» 809 млн долларов[9].

Однако даже если оставаться в рамках официально публикуемой статистики, становится очевидно, что в современную эпоху роль рядовых граждан в финансировании предвыборной кампании фактически сводится к нулю. Так, в предвыборном бюджете Б. Обамы небольшие взносы рядовых граждан составили незначительную сумму в 16,4 миллиона долларов. И даже это превозносилось демократическими пропагандистами как свидетельство небывалого народного доверия. В то же время среди основных спонсоров Обамы можно встретить почти всех представителей индекса Доу-Джонса: «Голдман Сакс», «Ситигруп», «Морган Чейз», «Морган Стэнли», «Дженерал Электрик». Примечательным фактом явилось и то, что традиционно спонсировавшие республиканцев крупные фармацевтические корпорации («Пфайцер», «Байер») на этот раз переключились на демократов, что неудивительно с учетом активно продвигавшейся Обамой идеи создания универсальной государственной системы здравоохранения. Вероятно, именно выборы 2008 года стали важным водоразделом в американской политической истории, после которого уже невозможно отрицать очевидное. Из демократической системы народного волеизъявления избирательный механизм в США превратился в политический рынок, на котором крупнейшие корпорации имеют еще большее преобладание над разрозненными индивидами, чем на рынках экономических[10].

Таким образом, американская «демократия» далеко ушла от идеала народного волеизъявления и окончательно превратилась в арену борьбы больших денег. По меткому выражению Стиглица, в современной Америке на смену принципу «один человек – один голос» пришло правило «один доллар – один голос». А как мы увидим в следующем разделе, долларов у простых американцев становится все меньше, богатеет лишь верхушка общества, которая составляет около 1% населения. В целом же, описанная выше практика ограничения избирательных прав многих жителей США приводит к тому, что между среднестатистическим гражданином и среднестатистическим избирателем в Америке нельзя поставить знака равенства, как того требуют принципы демократии. В реальности типичный избиратель занимает куда более весомые социальные позиции, нежели средний американец, он богаче, здоровее и имеет перед собой значительно более радужные жизненные перспективы.

[9] Campaign Finance Historical Data. CFI.

[10] Ibid.

В этой ситуации все больше недовольных американских граждан обращаются к иным способам выражения своей воли. Тревожные тенденции выявились в ходе беспрецедентно скандальной президентской кампании 2020 года. Взаимное недоверие противоборствующих сторон послужило поводом непризнания Д. Трампом победы Дж. Байдена, который для двух третей сторонников консерваторов так и остался нелегитимно избранным главой США. Кульминацией «войны» за Белый дом стал «штурм Капитолия» 6 января 2021 г. трамповскими сторонниками из числа ультраправых. После прихода к власти демократы руками правоохранителей и спецслужб развернули масштабную кампанию по преследованию участников «штурма», на которых был навешен ярлык «внутренних террористов». Только по линии ФБР было предъявлено свыше двух тысяч обвинений. Через суды запрошены сотни разрешений на обыски и вызовы в суд подозреваемых. Задержаны порядка 500 человек. Взятые под стражу подвергались пыткам и психологическому давлению. Этот эпизод как никогда ранее ярко продемонстрировал всему миру истинное лицо «демократии по-американски».

На фоне всего происходящего в США целый ряд американских аналитиков говорит о том, что разрушение механизмов народного волеизъявления ведет к внутриполитическому кризису, не имевшему аналогов со времен Гражданской войны 1861–1865 годов. Более того, немало наблюдателей полагает, что современная Америка вновь оказалась на пороге кровавой междоусобицы. Разделяют это мнение и многие простые граждане. Так, по данным Калифорнийского университета, более 50% респондентов по всей стране согласны с утверждением, что в ближайшие несколько лет в США начнется гражданская война. При этом более двух третей опрошенных заявили, что видят «серьезную угрозу американской демократии», а почти каждый пятый респондент признает, что однажды может пустить в ход оружие, чтобы добиться политических целей[11]. Другое исследование общественного мнения, проведенное Чикагским университетом, показало, что около 30% американских граждан допускает возможность вооруженного выступления против федерального правительства. Почти половина «все сильнее чувствует себя чужаками в своей собственной стране»[12]. Наконец, проведенный в 2022 году газетой «Вашингтон Пост» опрос экспертов, придерживающихся совершенно различающихся политических и идеологических установок, показал, что большинство их «сегодня согласны с идеей о том, что гражданская война либо неизбежна, либо необходима»[13].

Современный американский политолог Б. Уолтер так описывает возможный сценарий: «Если в США вспыхнет вторая гражданская война, это будет

[11] 50% of Americans believe in impending civil war in next several years, survey finds. ABC. 2022.

[12] Poll: Quarter of Americans open to armed rebellion against government Court House News. 2022.

[13] Is the United States headed for civil war? - The Washington Post.

партизанская война, в которой примут участие многочисленные небольшие ополчения, разбросанные по всей стране. Их целями будут гражданские лица – в основном группы меньшинств, лидеры оппозиции и федеральные служащие. Будут убивать судей, демократы и умеренные республиканцы будут заключены в тюрьму по ложным обвинениям, черные церкви и синагоги подвергнутся обстрелам, пешеходы будут расстреливаться снайперами на улицах городов, а федеральным агентам будут угрожать смертью, если они будут применять федеральный закон. Целью будет уменьшение силы федерального правительства и тех, кто его поддерживает, а также запугивание меньшинств и политических оппонентов, чтобы заставить их подчиниться…»[14].

Затрагивая антидемократические тенденции в современных США, нельзя не упомянуть и положение в судебной сфере, ведь суды и судьи занимают особое место в американском государственном устройстве. Еще в XIX столетии за США закрепилась слава «государства судей», а склонность граждан к сутяжничеству многие наблюдатели объявляли особенностью американского характера. «В Соединенных Штатах практически нет такого политического вопроса, который бы рано или поздно не превращался в судебный вопрос» – эти слова Токвиля во многом отражают и современные американские реалии[15].

Огромный дисбаланс власти в сторону судов, который только усиливается в современных Соединенных Штатах, представляет собой одну из наиболее характерных особенностей американского государства. Достаточно сказать, что по своим реальным полномочиям руководитель Верховного суда нередко считается вторым человеком в государстве. Хорошо известно, какую роль играет Верховный суд в решении вопроса об исходе президентских выборов (например, в 2000 году он фактически отдал победу Дж. Бушу-младшему). Таким образом, Верховный суд и другие элементы судебной системы в Соединенных Штатах открыто провозглашаются политическими инструментами, о чем один из современных исследователей пишет следующим образом: «Все судебные решения и все вопросы, которые ставятся перед Верховным судом, являются политическими, поскольку они имеют отношение к распределению ресурсов общества, а это и есть политика…»[16]. В этом отношении вряд ли можно говорить о том, что в современной Америке судебная система отделена и независима от других ветвей власти, а ведь это, как мы помним, один из фундаментальных признаков демократического устройства.

Многие современные теоретики считают, что избыточная судебная власть в Америке наших дней является проблемой, которая ведет к серьезному нарушению работы государственного аппарата и даже угрожает демократическому устройству США. Даже Ф. Фукуяма в статье с характерным названием «Америка в упадке» утверждает: «История судов повествует о неуклонно воз-

---

[14] Насколько близки США к гражданской войне? News. Am.

[15] *Токвиль А.* О демократии в Америке. М., 2018.

[16] Спэт Г. Цит. по: *Согрин.* Политическая история. С. 349.

растающей юридикализации функций, которые в других развитых демократиях отправляются административной бюрократией, что ведет к взрыву дорогостоящих судебных разбирательств, медлительности в принятии решений и высшей степени непоследовательному механизму принуждения к исполнению закона. В Соединенных Штатах сегодня вместо того, чтобы стать ограничителями правительства, суды превратились в альтернативный инструмент правительственной экспансии»[17].

В другой части своей статьи, снабженной подзаголовком «Судьи одичали», прежний теоретик «конца истории» и всеобщего торжества либерально-демократического капитализма отмечает, что опасность «юридикализации» для демократии заключается, в первую очередь, в том огромном влиянии, которое могут иметь частные лица на принятие решений, затрагивающих всю нацию. В качестве примера политолог приводит историю отмены расовой сегрегации, оформленной отнюдь не законодателями, а решением Верховного суда. Фукуяма подчеркивает: «То, что стало, возможно, одним из наиболее значимых изменений в американской публичной политике произошло не потому, что Конгресс как представитель американского народа проголосовал за него, но потому что частные лица посредством судебной системы запустили разбирательство для того, чтобы изменить существующие правила… Нет практически ни одной либеральной демократии, которая работает подобным образом. Все европейские страны прошли через подобные перемены… Изменения законодательных правил было вызвано общественным давлением со стороны социальных групп и средств массовой информации, однако совершалось оно самими правительствами, а не частными партиями, действующими в связке с судебной системой»[18].

Нельзя не упомянуть, что американские судьи на всех уровнях не только являются значимыми действующими лицами в политической жизни, но и активно участвуют в процессе лоббирования частных интересов. Тесная связь судьи с политическими партиями, которые сами по себе являются во многом лоббистскими инструментами, в корне исключает политическую нейтральность служителя Фемиды в Соединенных Штатах. Эту особенность отмечает Стиглиц, который пишет следующее: «В Америке продажность перешла на новый уровень. Подкуплены были не конкретные судьи, но законы сами по себе – через пожертвования на политические кампании и лоббирование, то есть то, что стало называться “коррупцией в американском стиле”. В некоторых штатах судьи выбираются, и в этих штатах существует даже более близкая связь между деньгами и “правосудием”. Денежные интересы используют пожертвования на кампании для того, чтобы получить судей, сочувствующих их делам»[19].

---

[17] America in Decay: The Sources of Political Dysfunction. Foreign Affairs, 2014.

[18] Ibid.

[19] *Стиглиц Дж.* Люди, власть и прибыль. М. 2020.

В завершение анализа проблем, с которыми сталкивается в США народное волеизъявление, нельзя обойти и вопрос о средствах массовой информации, которые в современных демократиях по праву считаются четвертой властью. Вспомним, что Р. Даль называет наличие альтернативных источников информации в числе основополагающих признаков демократического строя[20]. Наличие независимых и непредвзятых СМИ – неотъемлемое условие «власти волей народа», ведь то, какова будет эта воля и в какую сторону она будет направлена, во многом зависит от картины происходящего в стране и в мире, формируемой журналистами перед глазами народа.

Однако и в этой сфере в Америке вряд ли можно говорить о чем-то, хотя бы отдаленно похожем на демократию. Несмотря на декларируемую властями США приверженность свободе слова, в реальности американские журналисты подвергаются жесткой цензуре. Нажим на репортеров с подачи властей осуществляют крупные медиакорпорации и само профессиональное сообщество, вынуждая журналистов прибегать к самоцензуре, то есть умышленному искажению или замалчиванию информации. Распространение сведений, не соответствующих содержанию спускаемых властями методичек, приравнивается к нарушению профессиональной этики и грозит тяжелыми последствиями, начиная с увольнения или пожизненного изгнания из профессии и заканчивая уголовным делом. Зачастую журналисты преследуются под совершенно надуманными или сфабрикованными предлогами вроде «связей с российскими властями» лишь за попытку донести до аудитории сбалансированную информацию. Кроме того, Вашингтон оказывает усиленное давление на СМИ в странах-партнерах, принуждая их вводить еще более жесткую цензуру, нередко – согласовывать значимые новости с сотрудниками американских посольств.

Как показал опыт СВО России на Украине, американские цифровые гиганты подвергают цензуре любую информацию, в том числе заявления действующих политиков и глав государств, которую они посчитают неугодной. Все это происходит по прямым рекомендациям или с молчаливого согласия американских властей. В частности, западными интернет-платформами осуществляются веерные блокировки российских источников информации, включая СМИ и аккаунты государственных органов на стриминговых платформах и социальных сетях.

По данным Роскомнадзора, уже за неполный первый месяц с начала спецоперации зарегистрировано более 80 случаев официально подтвержденных ограничений, связанных с цензурой в отношении российских журналистов, политических и общественных деятелей и организаций, а также отдельных программ со стороны иностранных площадок (36 в «Ютуб», 18 в «Фейсбук», 13 в «Инстаграм», 9 в «Твиттер»). Фиксируются инциденты, связанные с присвоением отметок о недостоверности публикуемой информации, маркиров-

[20] *Даль Р.* О демократии. М.: Аспект Пресс, 2000.

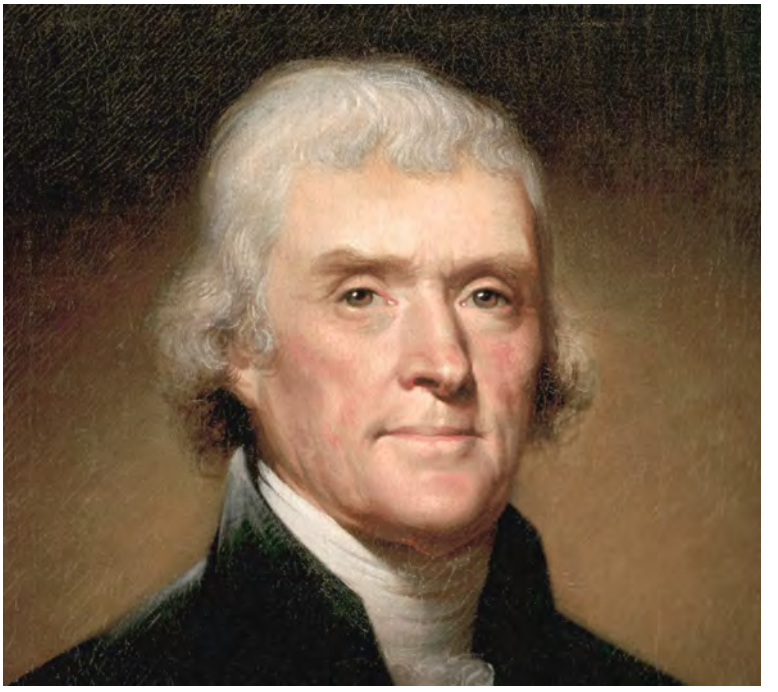
кой о подконтрольности государству, исключением из списка рекомендаций, а также ограничением доступа к возможности скачивания приложений российских СМИ.

Примечательно, что при этом целый ряд американских СМИ, осуществляющих международное вещание («Голос Америки», «Радио Свобода/Свободная Европа», «Настоящее время»), вполне официально финансируются американским государством, находясь в составе правительственного Агентства США по глобальным медиа, которое не скрывает, что его деятельность «нацелена на ключевые для внешней политики США стратегические регионы», то есть однозначно подконтрольна государственным интересам.

Ограничение доступа собственного населения к информации не всегда принимает форму прямого запрета, гораздо чаще в США можно заметить примеры скрытой цензуры. Например, с началом СВО ряд американских журналистов и новостных агентств прекратили свою работу в России. Официальным предлогом стало принятие закона об ответственности за дискредитацию российских вооруженных сил. «Блумберг Ньюс» приостановило «сбор новостей в России», то есть сбор фактов на месте; «Си-Би-Эс» и «Эй-Би-Си» прекратили вещание из России, то есть также свернули работу на месте. Фактически этим решением оказался перекрыт прямой канал связи между американской и российской общественностью, что сделало невозможным для американцев получение информации, альтернативной распространяемой правительством США.

Более того, в США далеко не в полной мере обеспечивается даже физическая безопасность журналистов. Международные правозащитные организации отмечают существенное ухудшение рабочей среды для СМИ на американской территории. Журналисты периодически подвергаются нападениям, обыскам, арестам, задержаниям на границе, накладываются ограничения на публикацию определенной информации. По сведениям правозащитников, за 2021 г. было зафиксировано 59 случаев ареста и 144 нападения на журналистов (в 2020 г. – 143 и 450, в 2019 г. – 9 и 40 соответственно). Иными словами, в современной Америке попытки журналистов доводить до народа правдивую информацию могут быть смертельно опасны.

Иллюстрации к главе 25

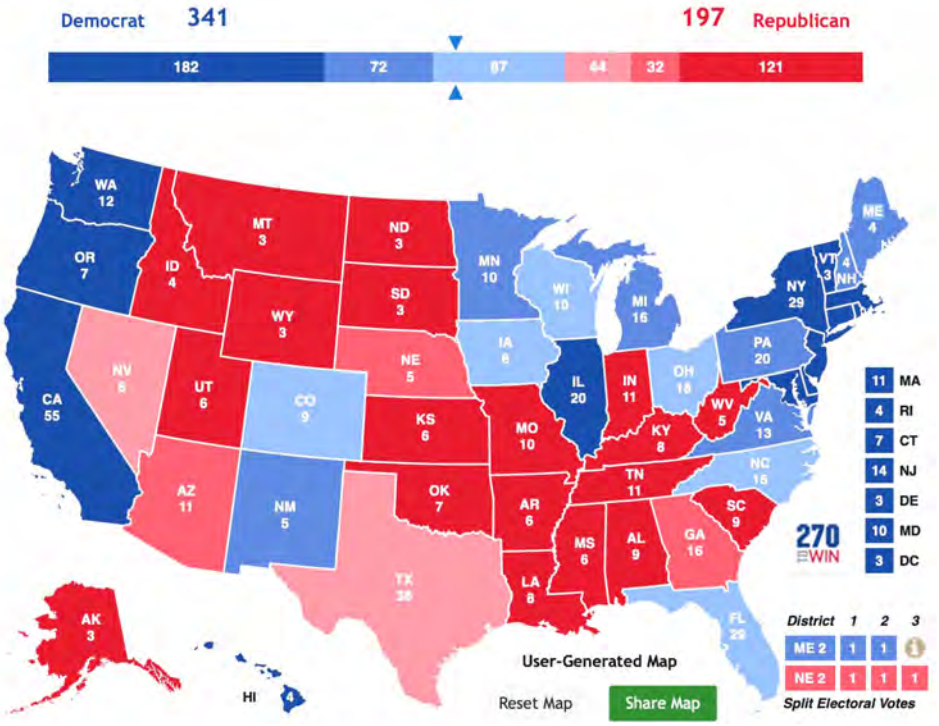


Для избрания президентом Т. Джефферсона
потребовалось тридцать шесть туров голосования.

Американские суфражистки требуют дать женщинам право голоса.

Коллегия выборщиков в США – символ архаичности американской избирательной системы.

Т. Пендергаст и Г. Трумэн.



«Колеблющиеся штаты».

Р. Перо, Б. Клинтон и Дж. Буш-ст. на дебатах.

Заголовки газет в дни скандального подсчета голосов
по итогам выборов 2000 года.

«Штурм Капитолия» сторонниками Д. Трампа.

Сторонник Трампа в футболке CNN Fake News.

Глава 26

Власть для народа?

Мы убедились в том, что две первые составляющие великой линкольновской формулы – власть народа и власть волей народа – в современной Америке попросту не работают. Осталось выяснить, какое влияние это имеет на жизнь миллионов американцев, то есть разобраться с тем, в какой степени нынешняя власть США существует для народа, а в какой – для других выгодоприобретателей. Вопрос этот отнюдь не так прост, как может показаться. Хотя западные ученые практически единодушно склонны связывать экономическое процветание и развитие демократических институтов, история знает множество примеров, когда люди охотно мирились с тотальным подавлением демократии во имя роста благосостояния.

Многочисленные исследования показывают – в то время, пока политическая и деловая элита США богатеет, уровень жизни основной части населения страны падает, причем это происходит на протяжении десятилетий. Период между 1945 и 1980 годами можно назвать золотым веком американского общества, когда экономика росла беспрецедентными темпами (в среднем 3,7% в год) и почти каждый американец мог получать возрастающую долю этого «пирога», не прикладывая каких-либо выдающихся усилий. Однако после 1980 года рост доходов основной массы населения фактически остановился. С того момента средний доход примерно 90% американцев вообще не менялся, уверенно росли лишь доходы наиболее богатого 1% населения. Сегодня этому одному проценту достается в общей сложности около 20% совокупного дохода в стране, при этом он сосредотачивает в своих руках порядка 40% всего накопленного богатства[1].

Хотя американские экономисты успокаивают широкую аудиторию, подчеркивая, что даже в такой ситуации накапливаемое наверху богатство «просачивается» на нижние ступени социальной иерархии, сегодня уже мало кто верит в эту теорию. Если у большинства американцев зарплаты (скорректированные с учетом инфляции) остались на том же уровне, что и 20–40 лет назад, то у беднейшей части населения они вообще не растут уже 60 лет! Создается парадоксальная ситуация: по основным экономическим показателям Америка продолжает богатеть, пускай уже и не семимильными шагами, как ранее, однако это далеко не та самая Америка, о которой говорил Линкольн и которая воспета в хорошо известных преданиях об американской демократии. Экономика США растет лишь для высших слоев населения – того самого 1% «сливок» американского общества, благодаря которому статистики и выводят положительную динамику.

[1] В США самый высокий уровень неравенства в доходах среди западных стран. ООН. 2018.

Кто входит в число избранных американцев? Ясно, что это прежде всего корпоративная верхушка – топ-менеджеры, члены советов директоров корпораций, инвестиционные банкиры и другие финансисты – и политики, связанные с ними деловыми, а нередко и семейными узами. Впрочем, благодаря распространенной в США «политике вращающихся дверей», при которой можно успешно чередовать карьеру в бизнесе и политической сфере, провести грань между ними зачастую весьма трудно.

Быть может, этот пресловутый один процент составляют знаменитые *self-made men* – самородки, которые оказались более упорны, энергичны и изобретательны, чем другие сограждане, и потому смогли в полной мере реализовать «американскую мечту»? К сожалению, эпоха людей, которые могли начать с одного доллара в кармане и бизнеса по доставке газет, своим трудом построив бизнес-империю, в США давно осталась в прошлом. Сегодня основным источником влияния и богатства в американском обществе остается наследование. Профессора в университетах США любят с иронией говорить своим студентам, что единственное решение, от которого сегодня зависит жизненный успех в Америке, сводится к тому, в какой семье родиться. Тем самым оказывается подавленной социальная конкуренция, которая в свое время и была одним из локомотивов «американской мечты», позволяя людям достойным, но менее обеспеченным, обходить своих менее изобретательных соперников. В наши дни выходцы из богатейших семей автоматически получают в свои руки не только бразды правления крупнейшими предприятиями Америки, но и наработанные предками политические связи, благодаря которым государство всегда приходит на помощь большому бизнесу, руководствуясь известным правилом *«Too big to fail»* («Слишком большой, чтобы прогореть»). Так эксперты обычно описывают логику властей, в кризисные моменты спасающих крупные корпорации, исходя из того, что их крах повлечет наиболее тяжелые социально-экономические последствия. Вместе с тем, как ярко показал опыт кризиса 2008 года, объектами спасения является в первую очередь личное благосостояние бизнес-элиты, чья необузданная алчность сама по себе составляет одну из главных причин кризиса. В то же время такая политика не спасает от массовых сокращений десятки тысяч простых американцев, работающих на корпоративных боссов[2].

Однако в американском обществе наследуется не только богатство, но и бедность, за чертой которой сегодня живут около 36 из 331 млн граждан (в бедности растет каждый пятый ребенок). Экономисты называют это ловушкой низкого дохода. Исследования Гарвардского университета показали: если родившиеся в 1940 г. дети примерно с 90% вероятностью могли рассчитывать на то, что они будут жить богаче своих родителей, то у появившихся на свет на рубеже столетий этот показатель снизился до 50%[3]. Во многом это связано с

[2] *Соркин Э.* Слишком большие, чтобы рухнуть. М., 2012.

[3] The costs of inequality: Increasingly, it's the rich and the rest. Harvard Gazette. 2018.

уже упоминавшейся проблемой социальных лифтов, прежде всего образования, уровень которого в США катастрофически падает при том, что его цена постоянно повышается. «Страна возможностей» больше не дает своим гражданам реальных шансов на лучшую жизнь. На этом фоне стремительно уходит в прошлое широко распространенная среди граждан США вера в «американскую мечту», равенство возможностей, исключительность своей страны.

В этих условиях все больше американцев ищет выход в асоциальной активности. Нобелевский лауреат Э. Дитон совместно с Э. Кейс провели анализ данных о смертности населения в США и пришли к выводу о том, что ее показатели среди белых мужчин среднего возраста без высшего образования стремительно растут, причем среди причин преждевременного ухода из жизни все чаще фигурируют суицид, наркомания и алкоголизм, названные исследователями «болезнями отчаяния»[4]. В то же время возлагать вину на самих жертв, якобы опускающих руки и не желающих бороться со своими личными проблемами, не совсем корректно. Хороший пример – бушующая в наши дни в США «опиоидная эпидемия», уносящая каждый год более ста тысяч жизней (больше, чем страна потеряла во Вьетнаме). Во многом она вызвана антиобщественной политикой фармацевтических корпораций, в погоне за прибылью лоббирующих «безопасные» обезболивающие, которые врачи в США сегодня выписывают по поводу и без повода. Согласно последним данным Центра по контролю и профилактике заболеваний США, с 1999 года употребление этих анальгетиков стоило жизни более 930 тысячам американцев. Это более чем в два раза превышает потери страны во Второй мировой войне и ненамного меньше количества американцев, убитых в четырех наиболее кровопролитных вооруженных конфликтах в истории страны.

Наряду с этим, несмотря на все успехи современной медицины, падает и средняя продолжительность жизни рядовых американцев, в то время как у наиболее богатой части общества она продолжает расти. Еще пятьдесят лет назад данные статистики могли обещать, что средний богатый американец лишь на несколько лет переживет своего соотечественника из менее обеспеченных слоев общества. Сегодня этот разрыв уже значительно перешагнул за десятилетие. По всей видимости, это наиболее явный и вопиющий признак кризиса «демократии по-американски», который в то же самое время является причиной его дальнейшей деградации. Разрыв в доходах между различными слоями общества в американской истории обычно воспринимался обществом довольно спокойно и расценивался в качестве одной из неизбежных издержек экономического развития или даже как стимул для низших классов к более упорному труду. Однако разрыв в качестве и продолжительности жизни – это уже явление принципиально другого порядка, которое фактически непреодолимой пропастью разделяет американское общество.

[4] Case A. Deaton A. Rising morbidity and mortality in midlife among white non-Hispanic Americans in the 21st century. PNAS, 2015.

Неравенство возможностей в современных США подрывает социально-экономические основы демократии. Рабочий класс переживает упадок, средний класс размывается, а богатые и богатейшие слои населения вообще не представляют себе, чем живут их сограждане. Демократическая партия, которая ранее выражала интересы менее обеспеченных слоев общества, превращается в партию высокообразованной, наиболее богатой элиты. Упадок профсоюзов ухудшил трудовую и социальную жизнь небогатых американцев. Наконец, происходит постепенное разрушение местных сообществ, долгое время считавшихся ключевым элементом стабильно функционирующей демократической системы.

Нельзя сказать, чтобы все эти проблемы не были очевидны для граждан США и властей страны. Однако усилия, которые Вашингтон предпринимает для преодоления этих фундаментальных социально-экономических проблем, растягиваются на десятилетия и, как правило, ни к чему не приводят. Борьба за обеспечение основной массы американцев такими базовыми благами, как доступное жилье, образование или медицина, ведется едва ли не с первых послевоенных лет. Однако ее результаты по-прежнему ничтожны. Система социальных гарантий и прав в США в целом является достаточно ограниченной по меркам большинства европейских и постсоветских государств.

Например, США являются одной из немногих стран, законодательство которых не регулирует минимальное количество дней ежегодного оплачиваемого отпуска трудящихся. В США средний показатель количества дней отпуска, оплачиваемого работодателем (но не гарантируемого законодательством!), составляет от 10 до 14, немного увеличиваясь после десяти лет трудового стажа – от 15 до 20 дней. При этом американцы по меркам развитых стран (за исключением, возможно, Японии) работают действительно много, гораздо больше, чем, скажем, европейцы[5].

Американское законодательство в принципе не предусматривает оплачиваемого отпуска по беременности и родам и отпуска по уходу за ребенком, в связи с чем каждая четвертая женщина в США выходит на работу менее чем через две недели после родов, а дородовой отпуск предусмотрен далеко не в каждом штате и не в каждой компании. Для сравнения: в России отпуск по беременности и родам в среднем длится 140 дней, в которые компенсируется 100% заработной платы, а оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком с компенсацией 40% длится до достижения ребенком полутора лет.

Другой показатель качества жизни – доступность жилья. В США лишь около 65% процентов населения имеют собственное жилье (в России, например, этот показатель выше 80%). За право каждого американца иметь свое жилье идет многолетняя борьба. Первые шаги на этом поприще, вероятно, пыталась сделать еще администрация Трумэна. Однако успехов по-прежнему не просматривается и вместо жилищного строительства, ориентированного на

[5] Americans Work 25% More Than Europeans, Study Finds. Bloomberg, 2016.

небогатых граждан, Америка накачивает дешевыми долларами финансистов, которые соревнуются между собой, выводя на рынок все более опасные ипотечные программы, ставящие на кон благосостояние всей нации. Удивительно, но тяжелейшему по своим масштабам кризису 2008 года, ударившему по всему миру, предшествовал ипотечный бум, в рамках которого множеству людей со скромными доходами (скажем, пенсионерам) были проданы роскошные коттеджи с пятью спальнями и бассейном.

Положение малоимущих в США усугубляется резким ростом стоимости услуг в области здравоохранения, образования, а также в социальной сфере в целом. При этом в стране фактически отсутствует бесплатная медицина, в этом отношении Америка остается уникальным случаем среди «первого мира». Несмотря на проведенную в 2008 году знаменитую обамовскую «реформу» медицинского страхования, в 2021 г. около 30 миллионов американцев все еще не имели никакой медицинской страховки из-за ее дороговизны. У США одни из худших показателей по здоровью среди развитых стран, так как стоимость медицинских услуг вынуждает американцев с низкими доходами чаще, чем жителей других стран пропускать визиты к врачу при болезни, не проходить необходимое обследование и не следовать предписаниям врача. Парадоксально, но среди жителей «страны возможностей» можно встретить немало людей, которые ни разу в жизни вообще не были на приеме у врача!

Другой существенной проблемой США остается дискриминации в разных ее формах и проявлениях. Легенды о борьбе с вопиющими проявлениями расового, этнического, гендерного и других форм неравенства составляют важнейшую часть американской национальной мифологии. Вспомним хотя бы, что для большинства американцев Гражданская война была и остается войной за отмену рабства при том, что вопрос рабовладения в том конфликте играл третьестепенную роль.

Однако сегодня предрассудки по-прежнему омрачают жизнь миллионов американцев, которые не могут в полной мере реализовать свои возможности из-за предвзятого отношения к себе. Так, несмотря на успехи в борьбе за права чернокожего населения, афроамериканцы в среднем до сих пор получают зарплату в размере 73% от зарплаты своих белых соотечественников. Чуть лучше статистика у женщин (83%), тогда как у латиноамериканцев ситуация еще хуже (69%). Не менее показательными являются данные по отбывающим тюремное заключение: если на 100 тысяч белых американцев приходится чуть больше 300 заключенных, то на аналогичные выборки чернокожего и латиноамериканского населения – более 1400 и 1000 соответственно. [6]

Эта статистика заставляет задуматься о другом важном признаке несовершенства нынешнего политического режима в США – распространении в обществе насилия и глубоких противоречиях в американской правоохранительной системе. Достаточно сказать, что на США приходится не менее 20% всех

[6] Racial, gender wage gaps persist in U.S. despite some progress. Pew. 2016.

заключенных мира, при том, что в этой стране проживает лишь чуть более 4% населения мира[7]. В некоторых американских штатах за решеткой сидит больше граждан, чем учится в местных университетах!

США сохраняют первое место в мире по абсолютному и относительному показателю владения огнестрельным оружием среди населения. При этом в соответствии с имеющейся нормативно-правовой базой у приобретающих его людей зачастую не проводится даже проверка на наличие психических заболеваний или судимости. Здесь мы снова сталкиваемся с присущим американскому государству архаизмом: ведь знаменитая вторая поправка к Конституции была принята в расчете на то, что в случае войны граждане сформируют ополчение, которое заменит армию – отцы-основатели считали ее опасной для демократии. Сегодня, когда США обладают одними из мощнейших вооруженных сил в мире, а военно-промышленный комплекс едва ли не диктует властям свои условия, такая логика кажется поистине странной.

В 2020 г. в Соединенных Штатах зафиксирован беспрецедентный скачок насилия с применением оружия. Согласно данным организации «Архив инцидентов с огнестрельным оружием», в том году от ранений погибло 20 тыс. американцев (в том числе почти 300 несовершеннолетних). Увеличилось и количество несчастных случаев, сопряженных с огнестрельными ранениями (с 32 тыс. в 2017 г. до почти 40 тыс. в 2020 г.). Более 5 тыс. детей и подростков в возрасте до 17 лет были ранены или погибли от подобных травм. Тенденцию к дальнейшему росту вооруженного насилия в обществе подтверждают и данные Минюста США: только за первые 3 месяца 2022 года в результате применения оружия погибло 4705 и получили ранения 8637 американцев, при этом зарегистрирован уже 121 случай массовых расстрелов[8].

Все это – убедительное доказательство распространяющихся в американском обществе нетерпимости и экстремизма. В США неуклонно растет количество преступлений, совершаемых на почве расовой, национальной и религиозной вражды. Совершаются акты вандализма в отношении объектов религиозного культа. Обострилась ситуация с соблюдением свобод «цветного» населения. Под ударом оказались афроамериканцы, граждане США азиатского происхождения, латиноамериканцы, а также коренные народы. Правозащитниками зафиксировано существование в США более 800 «групп ненависти» (фактически экстремистских ячеек). Деятельность радикалов все более скоординирована и законспирирована – переписка ведется в закрытых группах в социальных сетях с использованием технологии сквозного шифрования. Согласно опросам, около 29 % американцев лично знают кого-либо из своего окружения, кто придерживается идеи «превосходства белой расы».

---

[7] Does the United States really have 5 percent of the world's population and one quarter of the world's prisoners? Washington Post. 2015.

[8] Does the United States really have 5 percent of the world's population and one quarter of the world's prisoners? Washington Post. 2020

В 2020 г. власти столкнулись с беспрецедентными по количеству участников шествиями за права афроамериканцев. По оценкам экспертов, только в демонстрациях, спровоцированных резонансным убийством Дж. Флойда, приняли участие около 26 млн человек. Многие протестующие стали жертвами неоправданно жестких действий правоохранителей.

На фоне роста популярности движения «Жизни черных имеют значение» его активистами были организованы многомиллионные митинги против дискриминации и произвола правоохранителей. В период с 1 января по 18 апреля 2021 г. убийства полицейскими фиксировались практически на ежедневной основе. Однако привлечение силовиков к ответственности – скорее исключение (например, суд над Д. Шовином, по вине которого погиб афроамериканец Дж. Флойд). Американские СМИ сообщают о беспрецедентном росте насилия из-за чрезмерных, а порой и незаконных действий полицейских. Нередки случаи немотивированного открытия огня правоохранителями при задержании предполагаемых преступников. Впрочем, стоит отметить, что акции протеста афроамериканского населения вскоре сами вылились в насилие ради насилия, а под видом демонстраций против расовой дискриминации на уличные погромы вышли группировки чернокожих экстремистов, фактически поддержанные местным руководством. В штатах под контролем демократической партии власти фактически самоустранились от ситуации и отдали улицы городов во власть анархии – не арестовывать же потенциальный электорат! Обращает на себя внимание, что на фоне травли консерваторов власти предпочитают закрывать глаза на леворадикалов, которые устроили по всей стране погромы в ходе протестов в поддержку расовой справедливости. Правоохранители расценили действия сторонников Демократической партии исключительно как проявления свободы слова и собраний, гарантированных первой поправкой к конституции США. Это произошло несмотря на то, что в ходе таких беспорядков имуществу американцев был нанесен материальный ущерб в размере не менее 1 млрд долларов США. Это еще одна неприглядная сторона американской «демократии».

С 2020 г. в США на фоне масштабного распространения коронавируса усилились проявления синофобии: американцев азиатского происхождения публично оскорбляли, не пускали внутрь общественных и коммерческих объектов. Насильственные преступления против выходцев из стран Азии в 2020 году увеличились на 150 % по сравнению с 2019 г.[9] Согласно данным очередного доклада Китайского общества по изучению прав человека, каждый четвертый молодой американец азиатского происхождения является объектом притеснений на расовой почве.

Разгул насилия в современном американском обществе парадоксальным образом сочетается со становлением в США настоящего полицейского государства, которое, однако, больше занято преследованием инакомыслящих и

[9] Anti-Asian hate crimes increased by nearly 150% in 2020. NBC. 2021.

надзором за собственными гражданами, нежели обеспечением внутренней безопасности и правопорядка.

В полную противоположность либеральным призывам к неприкосновенности частной жизни американские власти ведут колоссальную по охвату слежку за своими и иностранными гражданами. Как мы помним из предыдущих глав, ее традиции восходят еще ко временам Первой мировой войны. В 1956–1976 годах официально действовала «контрразведывательная» программа КОИНТЕЛПРО[10], формально направленная на борьбу с «красной угрозой» и другими вызовами государственной безопасности, но на деле вылившаяся в агрессивное преследование неугодных лиц – не только коммунистов, но и лидеров движений за права чернокожих (при этом ку-клукс-клан власти старались не трогать), коренного населения, антивоенных активистов. Помимо слежки ФБР практиковало незаконные проникновения в дома граждан, распространяло клевету на них, применяло разнообразные формы психологического давления. Часто это приводило к трагедиям: как выяснилось уже в нынешнем столетии, ставшая одной из причин самоубийства Э. Хемингуэя в 1961 г. «мания преследования» на деле вовсе не была психическим расстройством. Великий писатель и нобелевский лауреат годами был под колпаком у ФБР. В 1975 г. одна из подкомиссий Сената установила, что только федеральные спецслужбы ведут 858 банков данных, содержащих 1,25 млрд (!) досье на граждан, заподозренных в неправильных политических взглядах[11].

Эти проверенные временем методы пережили второе рождение в начале XXI столетия – на сей раз под предлогом борьбы с терроризмом. После терактов 11 сентября 2001 г. была сформирована масштабная законодательная база для вмешательства специальных служб США в частную, общественную и деловую жизнь их граждан, а также граждан других стран, работающих и живущих в США. В октябре 2001 г. был принят федеральный закон, получивший название «Акт о сплочении и укреплении Америки путем обеспечения надлежащими средствами, требуемыми для пресечения и воспрепятствования терроризму» – так называемый Патриотический акт. Он предоставил расширенные полномочия АНБ и ФБР по ведению слежки и сбору информации граждан без решения суда. Несмотря на то, что в 2015 г. полномочия, предоставленные спецслужбам США с принятием Патриотического акта и дополнений к нему, были существенно сокращены так называемым Актом о свободе, созданная для слежки техническая и административная инфраструктура продолжает активно работать.

В сентябре 2020 г. апелляционный суд 9-го округа США признал, что разработанная АНБ программа слежения за гражданами противоречит Конституции и Акту о негласном наблюдении в целях внешней разведки. Однако в действительности гарантии неприкосновенности частной жизни существуют

[10] Аналогичная программа (PROFUNC) действовала в Канаде.

[11] *Holden C.* Privacy: Congressional Efforts Are Coming to Fruition. Science, 1975.

лишь на бумаге. Правозащитники подчеркивают системный характер злоупотреблений в связи с существующей практикой контроля за электронными коммуникациями.

Сегодня у США есть все технические возможности для воплощения в жизнь худших кошмаров, описанных в романе Дж. Оруэлла «1984» и других мрачных антиутопиях. Крупнейшие американские ИТ-компании потакают требованиям властей США и сами собирают разнообразную информацию о пользователях. Юридических средств для того, чтобы противостоять эффективно этому, у граждан практически нет.

Обращают на себя внимание многочисленные нарушения правоохранителями и спецслужбами США законодательства о защите персональных данных. По информации американских СМИ, в апреле 2021 г. аппарат директора национальной разведки США опубликовал отчет Специализированного суда по надзору за деятельностью разведки, уполномоченного выдавать разрешения на сбор сведений. В документе утверждается, что спецслужбы США, прежде всего ФБР, регулярно нарушают установленный законом порядок изъятия электронной переписки граждан, игнорируя требование о необходимости судебного разрешения. Отмечается, что подобная практика имеет место не только в отношении иностранцев, от нее также страдают и американские граждане[12].

Преследования граждан за их убеждения – еще одна мрачная сторона «демократии по-американски». Сегодня на фоне настойчивой антироссийской пропаганды в США возрождаются характерные практики времен холодной войны, когда власти активно боролись со сторонниками левых идей (вспомним хотя бы печально известную кампанию маккартизма). Сейчас в Америке фактически идет новый этап охоты на ведьм. По подсчетам международных правозащитных организаций, в тюрьмах США сегодня содержатся около 100 политзаключенных, не считая узников «Гуантанамо» (эту тюрьму собирался ликвидировать еще Б. Обама, однако его указ был отменен Д. Трампом). Среди них борцы за независимость американских Виргинских островов, активисты движений, выступающих за расовое равенство и права коренного индейского населения. Некоторые узники находятся в заключении большую часть своей жизни, как например, один из участников движения американских индейцев за гражданские права Л. Пелтиер, томящийся за решеткой с 1975 года.

Приведенные в настоящем разделе цифры и факты дают лишь самое общее представление о том, до какой степени сегодня в США оказывается подорванным социальный фундамент «демократии по-американски». Это позволяет говорить о том, что и третья часть легендарной формулы Линкольна – «власть для народа» в нынешней Америке превратилась в фикцию.

[12] 2021 Annual Threat Assessment of the U.S. Intelligence Community. ODNI, 2021.

Иллюстрации к главе 26

Полицейское насилие в США.

Насилие на акциях движения «Жизни черных имеют значение».

Штаб-квартира АНБ

Выступления правых радикалов в городе Шарлоттсвиль.

Убийство Дж. Флойда.

Разгон полицией акции «Оккупируй Уолл-Стрит».

Э. Сноуден.

Тотальная слежка за населением стала одной из ключевых примет современного неолиберального государства. Мнимые попытки западных правительств сохранить свободу личности любой ценой фактически приводят к попранию этой свободы в духе самых мрачных антиутопий. Плакат слева представляет государство в виде спрута, которое манит граждан на ложный свет свободы. Подпись гласит: «слежка – это тень, ложащаяся на свободу». Плакат справа критикует вторжение спецслужб в частную жизнь американцев, приобретшее особые масштабы в президентство Б. Обамы. Перефразируя его предвыборный лозунг «Да, мы можем» (*Yes, we can*), подпись гласит «Да, мы сканируем» (*Yes, we scan*).

Глава 27

Как Америке стать подлинной демократией?

Итак, мы имели возможность убедится в том, что знаменитое определение американской демократии авторства Авраама Линкольна – «Власть народа, волей народа и для народа», – озвученное в 1863 году в Геттисберге, сегодня относится скорее к области национальной мифологии, чем к американской действительности. В современных США институты власти больше не формируются народом, не направляются волей народа и не работают на благо народа. В этом отношении американская демократия представляет собой не более, чем красивую легенду, поддерживаемую как для внутреннего потребления, так и на экспорт. Не укладывается нынешняя Америка и в современные критерии демократического устройства, с которых мы начали наш анализ. Достаточно вспомнить параметры демократии, сформулированные Р. Далем, чтобы убедиться в этом.

Политическая система США с начала XXI столетия проходит очередной этап непростых испытаний. Как уже было отмечено выше, нет никаких гарантий того, что Америка сможет пережить этот период даже относительно безболезненно, не погрузившись в пучину нестабильности, насилия и даже открытого вооруженного противостояния между различными группами граждан. Описанные нами многочисленные проблемы сегодня приобрели поистине угрожающий характер. Лозунг «Демократия в опасности» был начертан на знаменах не одного поколения общественных деятелей и реформаторов в США. Более того, об этом во всеуслышание заявляет едва ли не каждый очередной американский лидер. «Наша страна ничего не может предложить миру до тех пор, пока она не станет явлением подлинной демократии и экономической системы с гарантией возможности для каждого… Неравенство искажает нашу демократию… подталкивает нашу демократическую систему к краю пропасти. Человек не может не стать подозрительным в условиях, когда Вашингтон настроен против населения, а наши представители в правительстве не продвигают интересы большинства американцев» – заявлял Обама еще в 2011 году[1].

Казалось бы, «благие намерения» американской элиты налицо. Однако до сих пор никаких серьезных подвижек в сторону демократизации США не наблюдается. Как никогда ранее становится очевидным, что американское государство и политическая система работают на пределе возможностей. Множество трудных вопросов, которые удавалось смягчать в течение десятилетий, теперь требуют не поверхностного, а фундаментального решения. Между тем американские элиты уже так свыклись с практикой их «заметания под ковер»,

[1] Речь 6 декабря 2011 г. в Осаватоми, Канзас.

настолько растеряли навыки творческого мышления и диалога с обществом, что на данный момент не просматривается никаких реальных шансов для того, чтобы была хотя бы начата серьезная работа по ликвидации наиболее опасных внутренних противоречий. Отсюда неспособность Вашингтона справиться с такими вызовами, как нарастающий с угрожающей скоростью бюджетный дефицит, достигшее опасных размеров имущественное расслоение, стремительное падение уровня жизни и социальная незащищенность широких групп населения, неудачные попытки перезапустить экономический рост. В наши дни все больше наблюдателей, причем не только радикального толка, но и вполне уважаемых и авторитетных политиков, ученых, активистов, деятелей культуры отмечает кризис американской политики и государственной власти. В первые десятилетия XXI века на прилавках американских книжных магазинов появился целый ряд работ выдающихся исследователей, которые не просто предупреждают, а бьют в набат в связи с тем, что сегодня происходит с американской демократией. Достаточно взглянуть на их заголовки: «Цена неравенства: как сегодняшнее разделенное общество угрожает нашему будущему» Дж. Стиглица[2], «Политика "Победителю достается все": как Вашингтон сделал богатых еще богаче и повернулся спиной к среднему классу» Дж. Хакера и П. Пирсона[3], «Потерянная республика: как деньги развратили Конгресс – и меры по искоренению этого» Л. Лессига[4], «Неравная демократия: политическая экономия нового "позолоченного века"» Л. Бартелса[5], «Поляризованная Америка: бал идеологии и неравных богатых» Н. Маккарти, К. Пула и Г. Розенталя[6], «Демократия для избранных» М. Паренти[7] и многие другие.

Все чаще можно услышать утверждения о том, что американское государство превратилось в послушный инструмент групп интересов, представляющих прежде всего крупный бизнес, тогда как простые граждане оказываются отрезаны от возможности повлиять на принятие важных политических решений. Как следствие, растет разочарование широких масс избирателей в возможности что-либо изменить своим голосом. Многие граждане, которые прежде демонстрировали политическую активность, сегодня устраняются от политики, вновь ставшей, как и в период зарождения Соединенных Штатов, уделом немногих избранных. Однако если в конце XVIII века эти избранные еще имели возможность вникнуть в чаяния и нужды четырех – пяти миллионов американцев, которые были относительно однородны в имущественном, социальном, культурном или этническом отношении, то сегодня уже пред-

---

[2] *Стиглиц Л.* Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему. М., 2021.

[3] *Hacker J., Pierson P.* Winner-Take-All Politics: How Washington Made the Rich Richer–and Turned Its Back on the Middle Class. 2010.

[4] *Lessig L.* Republic, Lost: How Money Corrupts Congress--and a Plan to Stop It. 2015.

[5] *Bartels L.* Unequal Democracy. Princeton, 2017.

[6] *McCarty N.* Polarized America. 2006.

[7] Democracy for the Few. Parenti M. 1995.

ставляется абсолютно нереальным, чтобы политики и государственные деятели в США могли одновременно обслуживать интересы Уолл-стрит и других центров экономического влияния и вместе с тем блюсти интересы более чем 330 миллионов граждан.

Резюмируя все сказанное в настоящем разделе, можно сформулировать предельно сжатый рецепт построения в США демократического политического строя. В целом, современной Америке требуются следующие преобразования:

– реформирование американской электоральной системы в сторону более полного учета политических предпочтений граждан, наделенных правом волеизъявления в соответствии с законодательством;

– обеспечение безусловного уважения основополагающих прав и свобод человека внутри страны и за рубежом с особым акцентом на искоренение нетерпимости и экстремизма в американском обществе;

– полное сворачивание практики вмешательства в частную жизнь граждан США и зарубежных государств;

– обеспечение защиты свободы слова, отказ от практик негласной цензуры и самоцензуры в СМИ, а также повышение уровня физической и правовой защищенности журналистов;

– пересмотр дел политических заключенных, содержащихся в американских тюрьмах;

– проведение систематической борьбы с насилием и произволом со стороны американских правоохранителей;

– повышение уровня социальной защищенности американских граждан, прежде всего в сфере социального страхования, доступного жилья и здравоохранения;

– исключение вмешательства бизнеса в политические процессы, а также оказания властями давления на деловое сообщество, в том числе отказ от практики привлечения корпораций к решению геополитических задач;

– глубокое реформирование денежно-кредитной политики США, включая ее полное обособление от влияния со стороны частного сектора, отказ от бесконтрольной денежной эмиссии и снижение объема государственного долга.

Иллюстрации к главе 27

Митинг за демократию в Вашингтоне.

Митинг с требованием закрытия тюрьмы в Гуантанамо.

Глава 28

«Демократия по-американски» в глобальном масштабе

«Наша страна ничего не может предложить миру до тех пор, пока она не станет явлением подлинной демократии и экономической системы с гарантией возможности для каждого». Эти слова Б. Обамы показывают, что даже в американских верхах имеются серьезные сомнения в том, что США являются в настоящее время подлинно демократическим государством. Это, однако, не мешает Белому дому и американскому истеблишменту во всеуслышание заявлять об эталонном характере государственного устройства США и в одностороннем порядке брать на себя полномочия по продвижению и навязыванию «демократических ценностей» в глобальном масштабе. И право трактовать эти ценности и судить, в какой степени то или иное государство их воплощает, Вашингтон оставляет за собой. Вопрос о том, кто наделил Америку этим правом, остается без ответа. Впрочем, мы неоднократно видели, что многие американские лидеры всерьез полагали, что это сделал сам Господь Бог. В результате друзьями «Страны свободы» зачастую становятся самые одиозные и человеконенавистнические режимы по всему миру.

Конечно, через категорию демократии можно характеризовать не только внутреннее устройство государства, но и его внешнюю политику, и характер международных отношений в целом. Однако прямое перенесение представлений о демократии на данную сферу представляется делом затруднительным. Согласно Всеобщей декларации о демократии, принятой международным Межпарламентским союзом в 1997 г., провозглашаются следующие основные принципы: равноправные отношения народов и равный голос стран вне зависимости от размеров и возможностей; соответствие поведения всех стран нормам международного права, выработанным демократическим путем; необходимость воздерживаться от применения силы или угрозы силой, а также от любого поведения, которое подвергает опасности или нарушает суверенитет, политическую или территориальную целостность других государств.

Представления об универсальной демократии, заложенные и уточненные в ряде международных документов, включая Устав ООН, Заключительный акт Хельсинского совещания по безопасности и сотрудничества в Европе 1975 г. и других, предполагает в числе прочего равноправное участие всех народов в разработке норм международного права; воздержание от деструктивного поведения во взаимоотношениях государств; стремление к формированию такого международного порядка, при котором не может оставаться безнаказанным ни одно нарушение фундаментальных прав человека и народа, а также отклонение от норм международного права.

Однако, как мы уже не раз отмечали в предыдущих главах, внешняя политика США на протяжении многих десятилетий дает возможность поставить под сомнение ее соответствие этим принципам по каждому из этих пунктов.

Особенно очевидным недемократический характер глобальной стратегии Вашингтона стал после 1945 г., а по окончании холодной войны целенаправленное уничтожение демократических основ мировой политики стало едва ли не основным содержанием действий «Страны свободы» на международной арене. Об этом ярко рассказывает американский исследователь У. Блум: «Что же мы имеем сейчас? В течение почти полувека американский народ учили, что холодная война, а также корейская война, вьетнамская война, огромный военный бюджет, все известные американские вторжения и свержения правительств – все это происходило, чтобы бороться с одной угрозой: «международным коммунистическим заговором», штаб-квартира которого находилась в Москве. Но затем Советский Союз распался, Варшавский договор прекратил существование, а страны-сателлиты в Восточной Европе стали независимыми. Бывшие коммунисты даже стали капиталистами. А в американской внешней политике ничего не изменилось… Вся американская политика была мошенничеством. Советский Союз и то, что называется коммунизмом, на самом деле не являлись объектом глобальных ударов Вашингтона. Никогда не существовало международного коммунистического заговора. Врагом было и остается любое правительство, движение или даже личность, стоящие на пути расширения Американской империи, какое бы название ни дали врагу – коммунист, государство-изгой, торговец наркотиками, террорист…»[1].

Белый дом без раздумий применяет односторонние и многосторонние санкций в обход Устава ООН и принципов международного права, многократно нарушал и нарушает нормы международного права, в первую очередь в части соблюдения государственного суверенитета других стран, включая не только американских противников, но и союзников. Что же касается недопустимости применения военной силы без соответствующего решения Совета Безопасности ООН, то этот принцип американцы вообще предпочитают не замечать, грубейшим образом поправ его в ходе военных операций в Ливане (1958[2] и 1982), Лаосе (1959), Вьетнаме (1964), Доминиканской Республике (1965), Камбодже (1967), Сальвадоре (1977), Гренаде (1983), Ливии (1986 и 2011), Панаме (1989), Боснии и Герцеговине (1992), Югославии (1999), Афганистане (2001), Ираке (2003), Сирии (в 2014) – и это только если называть наиболее масштабные акты агрессии со стороны США.

С учетом всего этого неустанно озвучиваемая США риторика о демократических ценностях приобретает своего рода эзотерический характер. Создается впечатление, что у американских элит имеется свое, тайное понимание демократического мироустройства, которое доступно лишь им. Подобно тому, как в древности жрецы возлагали на себя функцию по истолкованию воли богов, сегодня Белый дом и Государственный департамент США присваи-

[1] *Блум У.* Убийство демократии: операции ЦРУ и Пентагона в период холодной войны. Куликово поле, 2021.

[2] Приведены даты начала американских военных агрессий.

вают себе прерогативу определять, насколько демократичными являются действия суверенных государств на мировой арене, разумеется, по критериям, которые известны только американцам. Остальному миру предлагается слепо принимать эту «экспертизу» как данность. По сути, в этом и заключается продвигаемая США в последние годы пресловутая концепция «порядка, основанного на правилах», которую до сих пор на Западе никто не смог объяснить, вследствие чего эта доктрина по-прежнему окружена флером таинственности. Кстати говоря, многие поколения историков не перестают подчеркивать и то, что по библейским канонам выстроена Геттисбергская речь Линкольна.

В действительности, учитывая уже известный нам исторический опыт США, такая ситуация не должна вызывать удивление. Как мы помним по предыдущим разделам, вожди американского общества с первых дней его существования считали себя предназначенными для высшей, поистине божественной миссии, в ходе реализации которой всему остальному миру предстояло либо встать на сторону Америки, либо сделаться ее врагами. Подобное мессианское мировоззрение со временем видоизменялось, однако вплоть до наших дней оно остается фундаментом политического мышления американских элит. Вспомним, как президент Мак-Кинли советовался с Господом Богом по поводу нападения на Кубу и Филиппины, как Трумэн видел в атомной бомбе дар свыше, а Буш-старший разглагольствовал о «семени, летящем по ветру»[3].

Как мы видели ранее, еще в начале XX века США предложили миру «единственно верную» на их взгляд модель политического развития, объявив при этом себя эталоном демократии. Сначала такого рода практика распространялась на страны Латинской Америки (знаменитая «политика большой дубинки»). Под эгидой предотвращения конфликтов между странами региона и «неправильного поведения» правящих режимов в этих странах, США брали на себя моральное право вмешиваться в их внутренние дела и применять военную силу для наказания тех государств и правительств, которые не соответствовали принципам «хорошего управления». В дальнейшем эта практика стала распространяться США на другие страны – в Азии, на Ближнем Востоке, в Африке. В годы холодной войны США открыто вели борьбу не только против СССР и социалистических стран, но и против всех правительств развивающихся стран, которые потенциально могли стать друзьями Советского Союза или высказывали симпатии к коммунистическим или социалистическим идеям. На основании борьбы с «коммунистической угрозой» США вмешивались в дела других государств, свергали правительства и поддерживали самые жестокие репрессивные режимы.

После окончания холодной войны Вашингтон попытался распространить подобные подходы, оправдывающие вмешательство во внутренние дела и применение военной и иной силы на весь мир, присоединив к демократии еще и концепцию гуманитарной защиты. Под лозунгом «расширения демократии»

[3] Из инаугурационной речи, 2001.

и защиты прав человека администрация У. Клинтона провела военную интервенцию в бывшей Югославии, а администрация Б. Обамы «освобождала от авторитарной диктатуры» Сирию.

По сути, американцы утверждают за собой право распространять «демократию» антидемократическими методами. Альтернативные подходы, которые представляются Белому дому не соответствующими «американскому идеалу», объявляются ложными и опасными, что подразумевает принятие соответствующих мер, включая политическое давление, экономические санкции, пропагандистскую травлю и применение военной силы.

Регулярное использование военной силы в качестве средства решения политических задач без оглядки на сопутствующий ущерб и человеческие жертвы – это своего рода фирменный стиль «демократии по-американски». Война для США – традиционный инструмент решения своих геополитических задач. За свою относительно недолгую историю эта страна развязала более 200 войн и вооруженных конфликтов. США на постоянной основе осуществляют неизбирательное применение военной силы за рубежом. Американскую военную машину никогда не останавливали жертвы среди мирного населения.

Наиболее кровавой агрессией США после 1945 г. стала война во Вьетнаме. В 1965–1975 гг. на страну было сброшено в общей сложности 3 млн тонн бомб (по 200 кг на каждого северовьетнамца). Ударам подвергались территории Лаоса и Камбоджи. На один только Лаос сброшено больше бомб, чем на нацистскую Германию. Количество вьетнамцев, уничтоженных войсками США, может достигать 2 млн человек[4]. Если принять во внимание операции США против Камбоджи и Лаоса, связанные с боевыми действиями во Вьетнаме, общее число жертв превысит 4 млн человек (впрочем, сам Ханой заявляет о 4 млн погибших в одном только Вьетнаме).

Военные преступления американцев против мирного населения в ходе Вьетнамской войны неисчислимы. Одно из наиболее печально известных подразделений, за которым закрепилось имя «Тигровый отряд», прошло более чем через 40 деревень в центральной части Вьетнама, пытая и убивая мирных жителей с мая по ноябрь 1967 года. Как и в годы Второй мировой войны, пленных пытали и казнили – их уши и скальпы шли на сувениры. 11 сентября 1967 американская армия начала операцию «Уилер». Под командованием подполковника Дж. Морсе «Тигровый отряд» и три других подразделения, названные «Наемные убийцы», «Варвары» и «Головорезы» совершали налеты на десятки деревень в провинции Куанг Нам. Успех операции измерялся числом убитых вьетнамцев. Один из американских ветеранов вспоминал: «Мы входили в деревню и попросту стреляли в каждого. Нам не нужен был предлог. Если они были здесь, они умирали».

Масштабный террор стал еще одним проявлением «демократии по-американски» на земле Вьетнама. Наиболее известной среди таких акций стала опе-

[4] Was My Lai just one of many massacres in Vietnam War? – BBC, 2013.

рация «Феникс»[5], достигшая пика в 1969 году, когда почти 20 000 вьетнамцев были уничтожены организованными США эскадронами смерти, всего же пыткам и издевательствам подверглось более 60 тысяч гражданских лиц.

Кроме того, во Вьетнаме американцы осуществляли экоцид (в попытках лишить партизан укрытия распыляли на джунгли высокотоксичный дефолиант «Эйджент орандж»). В итоге был нанесен непоправимый ущерб здоровью около 3 миллионов вьетнамцев (включая около 1 миллиона случаев врожденных мутаций). Пострадали и американские военнослужащие, получившие химические отравления ядами и мутагенами, сказавшиеся на их здоровье и здоровье их детей. Например, служивший во Вьетнаме сын адмирала Э. Зумвалта, одного из прославленных американских флотоводцев (его именем сегодня названа серия новейших эсминцев), умер в 42 года от рака, а внук родился с отклонениями[6].

Военная операция США против Югославии в 1999 г. повлекла за собой крупнейшую гуманитарную катастрофу в Европе после 1945 г. Общая масса примененных боеприпасов составила 21 тыс. т (эквивалентно четырем атомным бомбам, сброшенным на Хиросиму). Более 2 тыс. человек гражданского населения было убито, более 6 тыс. ранено. Бомбардировки отбросили 20 % населения страны за черту бедности, нанесли экономический ущерб до 100 млрд долларов и огромный урон экологии[7]. В Сербии до сих пор наблюдается аномально высокий уровень заболеваемости раком и уродств новорожденных. США и их союзники не только целенаправленно бомбили опасные химические производства, но и широко применяли боеприпасы с содержанием урана, повышающие тактико-технические характеристики бомб и снарядов.

Неизбирательное применение военной силы за рубежом в современном мире американцы прикрывают лозунгами «глобальной войны против терроризма». В результате число жертв среди мирного населения неуклонно увеличивается. По данным проекта американского Университета Брауна, за время операции «Несокрушимая свобода» в 2001 г. в Афганистане и Пакистане погибли более 66 тыс. гражданских лиц, среди них около 150 репортеров и 500 сотрудников правозащитных и гуманитарных НПО[8].

---

[5] Behind the Phoenix Program - The New York Times, 2017.

[6] За два года до смерти лейтенант Э. Зумвалт, сын адмирала, заявил: «Я адвокат, и не думаю, что смог бы доказать в суде, даже ввиду всех современных научных доказательств, что «Эйджент орандж» стал причиной всех тех проблем со здоровьем – нервных расстройств, проблем с кожей и рака – о которых упоминали ветераны, и тяжелых врожденных пороков у их детей. Но я убежден, что это так».

[7] *Hirschman Ch.* Vietnamese Casualties During the American War: A New Estimate. Polpulation and Development Review. 1995.

[8] При этом неясно, каких именно успехов американцы добились в Афганистане. Показателен пример с развернутой США «борьбой» с наркотрафиком. Производство в Афганистане наркотиков, представляющее собой основную ресурсную базу террористов, при американцах пережило настоящий расцвет. Начиная с 2001 г., США потратили на «борьбу с наркотиками» в Афганистане более 10 млрд долл., однако страна по-прежнему сохраняет статус крупнейшего

В ходе операции «Буря в пустыне» войсками коалиции во главе с США было убито до 150 тыс. мирных иракцев. Следующая агрессия против Ирака в 2003 г. повлекла за собой гибель до 500 тыс. человек гражданского населения (за период активной фазы боевых действий – до 2011 г.). Если считать последующие всплески насилия, связанные с пребыванием американцев в стране, цифра возрастает до 700–750 тыс. человек[9].

С февраля 2020 г. Центральное командование ВС США перестало публиковать статистические данные о погибших в ходе военных операций за рубежом[10]. Правозащитные организации акцентируют, что зачастую военное командование сообщает только об уничтожении «террористов», игнорируя случаи убийства гражданских лиц. При этом руководство военного ведомства до сих пор не смогло создать эффективный механизм беспристрастного расследования случаев гибели мирного населения, а также обеспечить доступ к правовой защите и справедливое возмещение вреда для пострадавших и получивших ранения.

Еще одним важным инструментом продвижения «демократии по-американски» во всемирном масштабе является сотрудничество с экстремистами, террористами и преступниками. США задействуют широкий спектр террористических группировок по всему миру, которые находятся под плотным контролем спецслужб и работают вместе с частными военными компаниями (ЧВК). Это происходило и до сих пор происходит на оккупированных американскими военными сирийских территориях, где под видом «умеренной оппозиции» действуют одиозные бандформирования. Под фактическим прикрытием американских оккупационных войск на сирийской территории за Евфратом действуют и другие радикальные исламистские формирования.

Склонность Вашингтона обращаться к услугам военных преступников насчитывает десятилетия. Ранее мы уже видели, как после Второй мировой войны многие немецкие нацисты и итальянские фашисты были с американского согласия (в том числе при прямой поддержке разведки – операция «Скрепка») интегрированы в силовые и научные структуры США, а также в правительственные круги ФРГ и Италии. Аналогичные процессы происходили и в ряде других европейских стран. По настоянию американцев целый ряд гитлеровских генералов был продвинут на высокие посты в бундесвере и структурах НАТО. Сотрудники абвера, гестапо и других нацистских структур оказали

производителя опиатов, обеспечивая более 80 % их глобального нелегального оборота. С начала проведения операции в Афганистане объем производства героина там увеличился более чем в 40 раз. Более того, для финансирования своих действий американцы и сами активно используют наркоторговлю. После проведения властями США «антинаркотических кампаний» в Колумбии, Мексике, в Таиланде, на Филиппинах объем производимых там наркотических средств возрастал на порядок. К примеру, «итогом» масштабной операции американцев в Колумбии в 1984–1988 гг. стало снижение рыночной цены кокаина в 5 раз. Через финансовые структуры в самих США ежегодно «отмывается» до 150 млрд. долларов, полученных от наркоторговли.

[9] Human Costs | Costs of War. Brown.edu

[10] Annual Report on Civilian Casualties in 2020

значительную помощь в перенастройке работы западных спецслужб в условиях холодной войны. Попавшего в плен японского генерала И. Сиро, известного своими опытами по испытанию воздействия вирусов, бактерий, радиации и химических веществ на живых людях в оккупированном Китае, американцы вывезли в США, поручив ему разработку биологического оружия и гарантировав в обмен иммунитет от преследований как военного преступника.

Американцы и подконтрольные им НПО оказывают активную поддержку ультраправым и неонацистским движениям на постсоветском пространстве и в Европе, называя их участников борцами за свободу, а их кумиров из числа пособников нацистов – деятелями национально-освободительных движений. Нацистский террор на Украине, развернутый сразу после государственного переворота в феврале 2014 года, опирался на давний опыт взаимодействия США с террористами и экстремистами.

Идеологическая обработка бандеровских группировок за пределами Украины (в основном в Канаде) была начата американцами вскоре после 1945 года. С конца 1980-х годов американцы целенаправленно поддерживали носителей русофобских и шовинистских взглядов, усиливали эти настроения в украинской верхушке и армии. Под контролем западных НПО активно работали «школы молодых политиков», обучавшие по американским методичкам цветных революций. Они не только рассказывали своим слушателям о стратегии и тактике государственных переворотов, но и воспитывали агрессивную русофобию. На Украине и в Восточной Европе на деньги ЦРУ создавались тренировочные лагеря, где под руководством натовских инструкторов проходили обучение боевики ультраправых и нацистских организаций, ставшие исполнителями террора на Украине.

После состоявшегося в 2014 г. государственного переворота США практически в открытую продолжили работу по «обеспечению обороны и безопасности Украины», взяв под полный контроль силовые структуры и постоянно наращивая поставки оружия. При этом ставка в процессе укрепления направленной против России военной мощи была сделана именно на нацистскую идеологию и внедрение ее приверженцев в командный состав ВСУ и органы государственного управления. Опорой вновь стали националисты из добровольческих батальонов, которым оказывалась щедрая адресная финансовая помощь, исчисляемая миллиардами долларов. Только одному «Азову» за период с 2016 по 2022 годы (до начала специальной операции ВС РФ 24 февраля 2022 г.) по легальным каналам было передано американской «помощи» примерно на 78 миллионов долларов, несмотря на запрет Конгресса США на финансирование этой организации.

Параллельно Вашингтоном была развернута кампания по оправданию украинского нацизма, обелению выбранных в качестве его лидеров пособников гитлеровской Германии из числа коллаборационистов. Показательно, что США и Украина неизменно голосуют в ООН против выносимой Россией ежегодно резолюции об осуждении проявлений неонацизма.

Логичным следствием «демократии по-американски» является отсутствие уважения со стороны Вашингтона к суверенитету других государств. США регулярно применяют шантаж и угрозы в адрес суверенных игроков, грубо вторгаются в их внутренние дела. С начала XX века Вашингтон явным образом вмешивался во внутренние дела более 50 государств в общей сложности более 130 раз. Эпизоды неявного вмешательства исчисляются тысячами. Десятки цветных революций, устроенных американцами за последние десятилетия (первой в их числе многие историки считают майские события 1968 г. во Франции, приведшие к отставке Ш. де Голля), – это убедительное доказательство антидемократической сущности США. Что касается союзников Вашингтона, то отношение к ним сегодня больше напоминает вассальную зависимость. Чего стоит одна только негласная слежка, которую американские спецслужбы ведут, например, за «союзниками» по НАТО. Широкую известность в свое время приобрел скандал с прослушиванием канцлера ФРГ А. Меркель. В 2021 г. датские журналисты обнародовали информацию о помощи спецслужб Дании АНБ в организации электронной слежки не только за руководством Германии, но и за оппозиционным кандидатом в канцлеры.

После окончания холодной войны в основу американской геополитики была положена «стратегия управляемого хаоса» и практика проведения «гуманитарных интервенций», когда под предлогом «борьбы за права человека» неугодные государства подвергаются военному нападению в обход международного права. За последние десятилетия жертвами подобных агрессий стали многие страны, прежде всего на Ближнем Востоке и в Северной Африке, некоторые из них до сих пор находятся в состоянии гражданской войны. Вашингтон активно использует риторику о правах человека для оправдания вмешательства во внутренние дела суверенных государств и введения против них незаконных санкций. Обычной практикой стала публикация тенденциозных докладов Госдепартамента США о состоянии прав человека в России и других неугодных странах, которые используются для обоснования давления на них.

Еще одной стороной «демократии по-американски» является применение США принципа экстерриториальности американской юстиции, на основании которого американские власти открыли настоящую охоту на граждан суверенных государств, грубо нарушая их национальное законодательство. Одной из главных мишеней для американского «правосудия» стали российские граждане. В качестве наиболее резонансных примеров можно привести аресты В. Бута (Таиланд, 2008), К. Ярошенко (Либерия, 2010), Р. Селезнева (Мальдивы, 2014) и А. Винника (Греция, 2017). Некоторые из них были не просто арестованы, а похищены и насильно вывезены в США. На основе незаконного применения принципа экстерриториальности американской юстиции россиян арестовывали в Германии (Д. Казначеев – 2020), Грузии (О. Тищенко – 2018), Доминиканской Республике (А. Панин – 2013), Израиле (А. Бурков – 2015), Испании (Д. Белороссов – 2013; В. Поляков – 2014; П. Левашов, С. Лисов – 2017), Италии (А. Коршунов – 2019, А. Усс – 2022), Коста-Рике (М. Чухарев –

2013), Латвии (Ю. Мартышев – 2017), Литве (Д. Устинов – 2013), Нидерландах (Д. Смилянец, В. Дринкман – 2012), Финляндии (М. Сенах – 2015, М. Тэрада – 2018), Чехии (Е. Никулин – 2016), Швейцарии (В. Здоровенин – 2011, В. Клюшин – 2021) и ряде других государств. Сегодня еще целый ряд российских граждан, незаконно задержанных в третьих странах, дожидается экстрадиции в США. Однако американцы ведут охоту не только на россиян, но и на граждан других стран, которые нередко без суда и следствия содержатся в «секретных тюрьмах» ЦРУ (их существование еще в 2006 г. признал Дж. Буш-младший), где нередко подвергаются пыткам и унижениям.

При этом сами США на регулярной основе нарушают свои международные обязательства в сфере прав человека. Невзирая на возобновление в 2021 г. участия США в Совете по правам человека ООН, Вашингтон не торопится расширять свои международно-правовые обязательства в сфере защиты основных свобод, ограничившись участием в Конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 г., Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 г. и Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания 1984 г. Американцы не скрывают, что участвуют в правозащитных механизмах ООН только в той части, в которой это способствует продвижению их внешнеполитических задач.

Таким образом, Соединенные Штаты к настоящему времени не просто подрывают основы демократического мироустройства, они ведут подлинно антидемократическую глобальную политику. Претендуя на статус главного проводника демократии в мире, Вашингтон тем не менее вносит столь огромный вклад в «убийство демократии» (по выражению У. Блума) во всех регионах нашей планеты, что многие американские интеллектуалы поднимают вопрос об авторитарном или даже тоталитарном характере американского государства, маскируемом за фасадом «власти народа, волей народа и для народа», к которой, как мы могли убедиться, сам народ «Страны свободы» имеет весьма отдаленное отношение.

Все сказанное позволяет дополнить сформулированный выше список мер, которые требуются для демократизации современной Америки, еще несколькими пунктами:

– Отказ от опоры на силовые и иные запрещенные международным правом методы решения внешнеполитических проблем, включая вмешательство во внутренние дела суверенных государств и применение принципа экстерриториальности американского законодательства. Все это должно найти отражение на нормативно-правовом уровне, в том числе в основных документах стратегического планирования США.

– Прекращение сотрудничества с силами, признанными международным сообществом в качестве террористических, экстремистских и преступных, а также преследование их членов в официальном порядке органами юстиции США.

Несмотря на то, что эти меры относятся к сфере международной политики Вашингтона, их реализация абсолютно необходима для того, чтобы демократия воцарилась на самой американской земле. Никакое нормальное государство не может быть демократичным наполовину, у себя дома, и при этом за пределами своих границ действовать диктаторскими, бесчеловечными методами. Именно опасения того, что империалистическая политика США за рубежом со временем приведет к окончательной гибели последних остатков демократии внутри этой страны, выдвигались многими американскими интеллектуалами и политиками минувших столетий в качестве аргумента против активной геополитической экспансии. И еще в 1900 году в одном из программных документов Демократической партии США можно было увидеть пророческие слова: «Мы заявляем, что ни одна нация не станет терпеть, чтобы ее страна была наполовину республикой и наполовину империей. И мы предупреждаем американский народ, что империализм за рубежом быстро и неизбежно приведет к деспотизму дома».

Дж. Байден пожимает руку пустоте…

Научно-популярное издание

АМЕРИКА ПРОТИВ ВСЕХ

Геополитика, государственность и глобальная роль США:
история и современность

Коллективная монография

Редактор С. А. Феоктистова
Оригинал-макет А. Давыдов

ООО «Содружество культур»
121615, Россия, г. Москва, Рублевское шоссе,
д. 18, корп. 1, оф. 176

e-mail: mytextbook@mail.ru

Подписано в печать 03.09.2023 г.
Формат 70×100/16. Бумага офсетная. Печать
офсетная. Гарнитура «Minion». Печ. л. 36,75.
Тираж 300 экз. Заказ № 423.

ISBN 978-5-6045984-0-5

9 785604 598405

Отпечатано в АО «ИПК “Чувашия”»
428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 13